

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

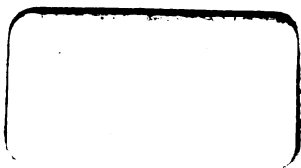
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P 512v 236.4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

СЕНТЯБРЬ

7921
6-7

1882

ДѢЛО

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

№ 9

СОДЕРЖАНІЕ:

1. МИРНЫЯ ; ВРЕМЕНА. Романъ въ 3-хъ частяхъ. (Конецъ 1-й части). . . А. И. Пальма.
2. СЪ НИЗОВЬЕВЪ ДОНА. Путевыя за-мѣтки. . . И. Кольцова.
3. ПОСЛѢДНІЕ ГУМАНИСТЫ. Истори-ческий романъ. (Главы X—XV). . . Адольфа Штерна.
4. ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ. Біогра-фическій очеркъ. . . С. Горснаго.
5. ИЗЪ ДЖАКОМЕТТИ. Стихотвореніе. С. Надсона.
6. ПОСЛѢДНІЯ ВРЕМЕНА. (Изъ записокъ степняка). . . А. Эртеля.
7. ТОРКВЕМАДА. Драма въ 4-хъ д. съ прологомъ. В. Гюго. Переводъ. . . Дм. Минаева.

(См. на оборотѣ).

8. ЗОЛОТОЙ ФОНТАНЪ. Романъ (Главы XXV—XXX). Бенито Переса Гальдоса.
 9. НА ЗАКАТЪ. Стихотвореніе. М. Соймонова.
 10. ИЗЪ КАЛИФОРНІЙСКОЙ ЖИЗНИ.
 1) Золото. 2) Дорожные агенты . . . Джона-Габбертона.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

11. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДѢЛОВИТОСТЬ. М. Протопопова.
 (Изъ деревни 11 писемъ (1872—1882) А. Н. Энгельгарта. Спб. 1882).
 12. ПО ПОВОДУ ИЗУЧЕНІЯ РУССКОЙ
 АРТЕЛИ. Ѳ. Остроумова.
 13. НОВЫЯ КНИГИ.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. (1754—1796). Историческое изслѣдованіе Дмитрія Кобеко. — Жизнь и произведенія Тараса Шевченко. (Сводъ матеріаловъ для его биографіи). Съ портретомъ. Составилъ М. К. Чалый. Кіевъ 1882.—Князь Нони. Сутки нынѣшняго свѣтскаго человѣка. Кн. В. П. Мешерскаго. Спб. 1882.—Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Н. Гиббенета, ч. I, Спб. 1882 г.—Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Ф. Мартенса, т. I. Спб. 1882 г.—Финансовое право. Лекціи доцента С.-Петербургскаго университета В. А. Лебедева. Выпускъ первый. Спб. 1882.—Новыя основныя физиологіи человѣка въ связи съ сравнительной и общей физиологіей. Н. Beaunis, профессора физиологіи въ Нанси. Переводъ со второго исправленнаго французскаго изданія 1881 г. (съ 513 рис. въ текстѣ) д-ра Н. Цибульскаго съ предисловіемъ проф. И. Тарханова. Часть I. Введеніе. Часть II. Физиологическая химія. Спб. 1781 г.—Физиологія человѣка въ связи съ сравнительной и общей физиологіей. Н. Beaunis. Часть III. Физиологія индивида. Спб. 1882 г. Изд. журн. „Медицинская Библиотека“.

14. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ Н. Ш—а.
 Службная роль литературы и науки—Борьба высшей и низшей интеллигенціи.—Печальныя общественныя послѣдствія верховенства низшей интеллигенціи.
 15. О ТОМЪ, КАКЪ БАРАНЪ СДѢЛАЛСЯ ЛЬВОМЪ. (Политическая и общественная хроника). Жина.
 16. НЕКРОЛОГЪ С. С. ШАШКОВА.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“;—Объ изданіяхъ Редакціи Дѣло;—Объ изданіяхъ Книжнаго магазина Мамонтова; изданія И. И. Билибина.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ДЪЛО“

въ 1882 году.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫН).

„ДЪЛО“ будетъ издаваться по той-же программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ оно издавалось въ прежнія 15 лѣтъ при томъ-же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Объемъ, форматъ и сродъ выхода книжекъ остаются прежніе.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Альбовъ (М. Н.), Ардовъ, Барыкова (А. П.), Боборыкинъ (П. Д.), Гальфрантъ, Жика, Кольцовъ (И. Г.), Ленскій (Б. П.), Мечниковъ (Л. И.), Москвинъ (А. Л.), Михаловскій (Д. Л.), Минаевъ (Д. Д.), Наумовъ (Н. И.), Омудевскій, Откровенный Писатель, Потапенко (И. Н.), Плавскій, Плещеевъ (А. Н.), Протопоповъ (М. А.), Русановъ (Н. С.), Станюковичъ (К. М.), Харламовъ (И. Н.), Шашковъ (С. С.), Шелгуновъ (Н. В.), Шефтель (М. И.), Шпажинскій (И. В.), Яеубовичъ (П. Ф.) и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНИЮ ЖУРНАЛА «ДЪЛО»:

Безъ пересылки и доставки	15 р. 50 к.
Съ доставкою въ Петербургѣ	16 > — >
Съ пересылкою иногороднымъ	17 > — >
Съ пер. за-границу во всё государства и страны.	19 > — >

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной кон-

торъ редакціи журнала «ДѢЛО», по Надеждинской ул.,
домъ № 39.

Редакція отвѣчаетъ за исправную и своевременную высылку журнала только передъ подписчиками, подписавшимися въ Главной конторѣ.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

№ 9

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГР. А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ, 12

1882

6-7

Δ PSlav 236.4 (1882)

ОТЪ КОНТОРЫ-РЕДАКЦІИ.

Гг. подписчики, внесшіе неполную годовую плату, благоволятъ послѣшить высылкою дополнительныхъ денегъ, чтобы не испытать задержки въ полученіи журнала.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные экземпляры «ДѢЛА» за прошлые года можно приобрѣсти въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ:

За 1868	годъ съ пересылкою	10 р.
" 1869	" "	10 "
" 1871	" "	10 "
" 1872	" "	10 "
" 1874	" "	10 "
" 1876	" "	8 "
" 1877	" "	10 "
" 1879	" "	10 "
" 1880	" "	9 "

Отдѣльныя книги журнала каждая съ пересылкою по 2 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 сентября 1882 года.

МИРНЫЯ ВРЕМЕНА.

Романъ въ 3-хъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Дворянская семья.

I.

Предводителемъ дворянства К—ой губерніи въ то время былъ отставной ротмистръ Василій Парфеновичъ Битюговъ. Онъ нисколько не походилъ на старинныхъ предводителей — помѣщиковъ богатыхъ, считавшихъ первымъ и почти единственнымъ долгомъ давать балы и кормить господъ дворянъ знаменитыми кулебяками въ высокаторжественные дни, что собственно и называлось „служить дворянству“. Битюговъ былъ представителемъ новаго, только что нарождавшагося типа дѣловыхъ предводителей, людей свѣдущихъ, т. е., прочитавшихъ тогда модную и полудозволенную книгу Гакстгаузена о Россіи, слыжавшихъ, что существуетъ наука, которая называется политической экономіей, а главное, людей, способныхъ, безъ помощи секретаря, написать обширную записку, на примѣръ, о лѣсоисребленіи или о пользѣ разведенія картофеля. Способности эти за нимъ всегда числились, но, строго говоря, не онъ выдвинули его на видный постъ предводителя. Онъ скорѣе не нравился дворянамъ, потому что въ спорахъ былъ горячъ, неуступчивъ, озадачивалъ всѣхъ претенціозною начитанностью, почерпнутою сплошь и изъ *Revue des deux mondes*, и изъ отечественной „Земледѣльческой газеты...“ Его считали очень серьезнымъ политикомъ и глупымъ „дѣломъ“, № 9, 1882 г. I.

бокомысленнымъ человѣкомъ, но не выбирали ни въ какія должности. Въ предводители онъ попалъ случайно: старый предводитель поссорился съ дворянствомъ, — слишкомъ высокомерно держалъ себя, — но, все-таки, на выборахъ кое-какъ прошелъ, съ грѣхомъ пополамъ, большинствомъ двухъ, трехъ шаровъ. Чтобы закрѣпить легальность его избранія, необходимо было баллотировать еще второго кандидата. Никто не хотѣлъ идти въ подставные; наконецъ, едва упросили Василя Парфеныча принести себя въ жертву общественному дѣлу; онъ съ трудомъ согласился, клятвенно увѣряя, что не желаетъ быть избраннымъ и немедленно откажется въ пользу маститаго старца. Обрадованные избиратели, за доброту Василя Парфеныча, набросали ему столько бѣлыхъ шаровъ, сколько и во снѣ не снилось ни одному излюбленнѣйшему кандидату. Онъ былъ самъ озадаченъ такою случайностью, глубокомысленно задумался, а потомъ, сдѣлавъ суровую фізіономію, какъ подобаешь избраннику судьбы, вышелъ на эстраду, поблагодарилъ благородное сословіе за честь, обѣщалъ оправдать довѣріе, поклонился въ поясъ, по-русски, на всѣ стороны и немедленно поѣхалъ къ губернатору.

Неумышленно-обиженный старецъ, чтобы не уронить свою амбіцію, самъ ходатайствовалъ объ утвержденіи счастливаго соперника — и Битюговъ былъ утверждень.

Въ военное время Василій Парфеновичъ въ кругу своей дѣятельности выказалъ чисто военную энергію и распорядительность. Онъ быстро приводилъ въ исполненіе всѣ предписанія и требованія, собиралъ подписки, всѣхъ соглашалъ, приглашалъ и побуждалъ, леталъ въ перекладной — и губернія показала себя блистательно... Дворяне поголовно признали, что лучшаго предводителя и со свѣчой не найдешь. Изъ ротмистровъ онъ былъ переименованъ въ статскіе совѣтники и почти единогласно избранъ на слѣдующее трехлѣтіе.

Наступили мирныя времена; кипятиться и рыскать въ перекладной по проселкамъ надобности не предстояло, но Василій Парфенычъ и тутъ оказался на высотѣ своего призванія. Онъ успѣлъ уже два раза навѣдаться въ Петербургъ, и каждый разъ привозилъ оттуда загадочную, многозначительную фізіономію и какія-то малопонятныя изреченія, намекавшія на то, что Василій Парфенычъ приобщился къ тайнамъ заповѣдныхъ сферъ, знаетъ очень многое, но обязанъ пока изображать собою сфинкса...

Обремененный большим семейством (у него подростало шесть невѣстъ), Василій Парфенычъ всегда велъ жизнь нероскошную, не давалъ ни баловъ, ни обѣдовъ, любилъ очень клубъ, гдѣ велъ среднюю игру и считался хорошимъ партнеромъ, но прижимистымъ игрокомъ. Теперь онъ повелъ жизнь еще скромнѣе; жена и дочери рѣже прежняго заѣзжали въ магазины и къ модисткамъ; онъ самъ хотя не измѣнилъ сладостной привычкѣ каждый вечеръ просиживать въ клубѣ, но уменьшилъ кушъ игры на одну копѣйку, а въ двѣнадцать часовъ вечера непременно уѣзжалъ домой. Ходили слухи, что по ночамъ онъ запирается въ кабинетѣ и пишетъ какія-то секретныя записки государственной важности... Не знаемъ, насколько вѣрны были эти слухи, но, судя по семейнымъ разговорамъ, первенствующій интересъ текущей минуты для Василя Парфеныча заключался въ томъ, чтобы скорѣе стать настоящимъ „превосходительствомъ“, т. е., получить дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а затѣмъ занять видное мѣстечко въ администраціи... „Дворянство—Богъ съ нимъ!—послужилъ ему довольно; надо стремиться къ дѣятельности болѣе широкой; притомъ-же, дочери подростаютъ, того гляди—невѣсты; необходимо (охъ, какъ необходимо!) высмотрѣть мѣстечко наиболѣе люкративное. Теперь наступаютъ времена мирныхъ реформъ, запросъ на дѣятелей поднимется“... Такая программа и прямо, и косвенно отражалась на всемъ складѣ домашней жизни Василя Парфеновича. При небольшомъ наследственномъ состояніи, разстроенномъ еще отцами и дѣдами, долговъ у него была куча, но онъ обладалъ искусствомъ дѣлать долги тихо, секретно, проценты платилъ аккуратно, такъ что о настоящемъ положеніи его дѣлъ никто не зналъ и пересудовъ по этому поводу нивакихъ не было.

Коренной дворянинъ К-ой губерніи, Битюговъ, давно выйдя въ отставку изъ вирасирскаго полка, жилъ безвыѣздно въ своей губерніи. Супруга его, Настасья Дмитріевна, отлично воспитывала дѣтей; барышни Битюговы считались образцами скромности, умѣнья держать себя въ обществѣ, строжайшей нравственности и прочихъ дѣвическихъ добродѣтелей, и притомъ обладали весьма пріятными талантами: одна играла на фортепьяно, другая пѣла, третья рисовала, четвертая стихи писала, пятая лѣпила изъ воска цвѣты и даже миленькія статуетки; одна только старшая не блестяла ни чѣмъ—ни красотой, ни талантливостью—и считалась въ семьѣ какимъ-то неудавшимся существомъ. Бла-

годаря Настасьѣ Дмитріевнѣ, въ домѣ Битюговыхъ свили себѣ постоянное гнѣздо только одни умственные и художественные интересы; тутъ всегда можно было встрѣтить послѣднія книжки журналовъ, изящные кипсеки, гравюры, услышать сонату Бетховена или романсъ Даргомыжскаго, застать горячій споръ дѣвиць о томъ, кто выше—Гоголь или Дивкенсъ, Пушкинъ или Лермонтовъ, и не услышать никогда ни единого слова о низменныхъ, обыденныхъ интересахъ бѣдной человѣческой жизни. Казалось, тутъ живутъ не люди, а какія то лиліи полевыя, которыя не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы, не текутъ и не прядутъ, а межъ тѣмъ, кушаютъ и одѣваются... Впрочемъ, кушали онѣ не особенно изысканно и одѣвались хоть со вкусомъ, но просто и мило, даже подсмѣивались надъ провинціальными щеголихами, наряжавшимися богато и вычурно. Конечно, и эта милая простота требовала весьма изрядныхъ расходовъ, но объ этомъ никто въ семьѣ не думалъ и не заботился; одинъ только Василій Парфенычъ иногда крихтѣлъ, размышляя о благодѣянiяхъ Опекунскаго совѣта и объ иныхъ источникахъ, изъ которыхъ благородный человѣкъ безъ всякаго труда можетъ поддерѣпить свои финансы.

Въ деревнѣ Битюговы никогда не жили, потому что старый барскій домъ разваливался, требовалъ капитальной перестройки. Они каждое лѣто собирались ѣхать на воды за границу, но вѣчно что нибудь мѣшало, и они довольствовались переѣздомъ на дачу. Домъ Битюговыхъ считался самымъ прiятнымъ въ городѣ; чувствительныя особы увѣряли, что „отдыхаешь душой“ въ этомъ миломъ семействѣ; но бывали случаи такого рода: зайдетъ въ этотъ эдемъ человѣкъ притѣсненный, съ дѣйствительно измученной и изболѣвшей душой, и выскажетъ эту боль прямо, въ выраженiяхъ рѣзкихъ и неизящныхъ,—да если еще возропщеть на такія обстоятельства, которыя изъяты изъ области дозволенныхъ разсужденiй, тогда... О, какой переполохъ тогда поднимался въ этомъ тихомъ семействѣ! Нѣжныя лиліи свертывали свои лепестки и прятались по дальнимъ комнатамъ, а блюстительница ихъ святой непорочности, Настасья Дмитріевна, строго внушала дерзновенному, что въ нѣдра семьи нельзя вносить какихъ-либо возмутительныхъ понятiй, что семья всегда была и будетъ вѣрною хранительницею тѣхъ основъ, на которыхъ искони зиждется общественное зданіе. Все это было и тонко, и справедливо, но ужасно безсердечно, такъ что огорчен-

ные и обремененные страдальцы обходилидомъ Настасьи Дмитріевны: туда входили только люди счастливые, довольные и изящные...

II.

— Представь себѣ, Настенька, кто сегодня былъ у меня въ канцеляріи? торжественно возгласилъ Василій Парфенычъ сидя за семейнымъ обѣдомъ.—Сынокъ покойнаго Сергѣя Ивановича Трубежова...

— Ахъ, это тотъ... помню... Что-жь онъ теперь такое?

— А ничего больше, какъ отставной поручикъ и нашъ новый помѣщикъ, наслѣдникъ тысячи душъ великолѣпно-устроеннаго имѣнія. Да, добрый старикъ простилъ ему все прошлое... Вотъ, будемъ вводить во владѣніе.

— Какъ-же это онъ—въ канцелярію?—Могъ-бы, кажется, узнать гдѣ нашъ домъ и, какъ слѣдуетъ, визитъ сдѣлать. Или онъ все такой-же *mal élevé*?..

— Нѣтъ, молодой человекъ весьма приличный,—выровнялся.

— Впрочемъ, между нами говоря, я еще подумала-бы, принять его или нѣтъ... Его прошлое не даетъ особенныхъ ручательствъ...

— Ну, матушка, что тамъ прошлое! Нынче всѣ грѣшники прошлаго помилованы, возвращены, стало быть, это и намъ указаніе—не слѣдуетъ быть слишкомъ щепетильными. Я нахожу эту мѣру весьма рациональною: съ одной стороны великій актъ милосердія, съ другой, такъ сказать, программа... Хотя это весьма ничтожная кучка людей и между нами никакой роли они играть не могутъ, но принципъ важень, либеральный принципъ!

— Трубежовъ здѣсь, въ городѣ? уже гораздо мягче поинтересовалась Настасья Дмитріевна.

— Былъ всего одинъ день и уѣхалъ въ свое имѣніе; вѣдь это въ сорока верстахъ.

— *En somme*, для меня его визиты вовсе не желательны.

Василій Парфенычъ былъ изрядно тучень и весьма близорукъ; на сухое замѣчаніе супруги онъ только промычалъ, вытирая салфеткой соусъ, попавшій съ его усовъ на жилетъ, потомъ накиннулъ на носъ *pinse-nez* и взоромъ полководца осмотрѣлъ своихъ милыхъ дочекъ, какъ-бы вопрошая: „а ну-те-ка, ребята,

которая изъ васъ выручить? Вѣдь Опекунскій-то совѣтъ для насъ ужъ истощенъ“...

Разойдясь послѣ обѣда по своимъ комнатамъ, взрослые дѣвицы много толковали о томъ, что такое этотъ Трубежовъ, и рѣшили, что если онъ и извергъ, то все-же извергъ интересный.

Мѣсяцачерезъ три, за тѣмъ-же обѣденнымъ столомъ, у Битюговыхъ происходилъ слѣдующій разговоръ:

— Странное дѣло, осень на дворѣ, всѣ помѣщики съѣзжаются на зиму въ городъ, одинъ monsieur Трубежовъ сидитъ въ своей деревнѣ. Что онъ тамъ дѣлаетъ? Молодой человекъ, одинокій... Эта solitude—не совсѣмъ хорошій признакъ...

Такъ говорила Настасья Дмитриевна, не обращая ни къ кому прямо своего вопроса.

— Изучаетъ крестьянское хозяйство, глубокомысленно отвѣтилъ Василій Парфенычъ.—Да-съ, изучаетъ и приводитъ въ порядокъ всѣ распоряженія по духовной. Реформируетъ, такъ сказать, старый помѣщичій обиходъ. Это вполнѣ современно.

— Помилуйте, ваше превосходительство, что тамъ реформировать! У покойника имѣнiе было истинно въ цвѣтущемъ положенiи, — золотое дно-съ! Порядки образцовые; тамъ нечего исправлять, можно только все испортить необдуманнми мѣрами... И то ужъ поговариваютъ: немного времени прошло со смерти уважаемаго Сергѣя Ивановича, а трубежовскаго мужика узнать нельзя, страшно разбаловался—пьянство, лѣнь, продерзость какая-то... Становой ихъ какъ-то рассказывалъ мнѣ: бѣда, говорить, съ этою трубежовскою вольницей, дрянъ—мужичонки! Черезъ нихъ, говорить, спать не могу покойно: безпрестанные у нихъ случаи; даже опасуюсь, какъ-бы, чего Боже сохрани, въ бѣду не попасть передъ начальствомъ...

Такъ доносилъ сидѣвшій за столомъ помѣщикъ Мокшинъ, во время войны бывшій интендантскимъ чиновникомъ и благополучно вышедшій въ отставку. Онъ недавно купилъ триста душъ крестьянъ въ К—ой губерніи и ничуть не скрывалъ, что безгрѣшныя интендантскія операціи дали ему возможность не только купить имѣнiе, но и припрятать капиталецъ, изъ котораго онъ охотно ссужалъ нуждающихся дворянъ небольшими суммами за самые христіанскіе проценты. Своимъ безкорыстіемъ онъ, вѣжется, просто покупалъ снисходительное расположеніе дворянства, что ему, грязненькому чиновничку, было чуть-ли не

дороже денегъ. Василій Парфенычъ постоянно былъ у него въ долгу, а потому и пускалъ въ домъ безъ особенной брезгливости.

Выслушавъ ехидный докладъ г. Мокшина, предводитель внушительно промолвилъ:

— Ну, милѣйшій мой, Яковъ Иванычъ, царству становыхъ приходитъ конецъ... Надо ихъ обуздать, чтобы не мѣшались не въ свое дѣло. Мы, дворяне, сами управимся съ нашими мужичками. Отъ насъ ожидаютъ многого, и, надѣюсь, съ Божіей помощью, мы оправдаемъ ожиданія...

При этихъ словахъ, г. Мокшинъ боязливо заглянулъ въ лицо предводителя.

— Не знаю, что тамъ дѣлаетъ Трубежовъ, но уповаю, что онъ прижметъ къ намъ—представителямъ постепеннаго прогресса...

— По слухамъ, ваше превосходительство, онъ собирается въ Петербургъ; вчера прислалъ въ городъ для починки дорожный дормезь.

— Въ Петербургъ!—Да, да, такъ! нашему брату это не мѣшаетъ... Мнѣ очень хотѣлось-бы повидаться съ нимъ до отъѣзда, я могъ-бы дать ему нѣкоторыя не бесполезныя указанія, но не знаю, какъ это сдѣлать... Что-жь онъ, нигдѣ не бываетъ, ни съ кѣмъ не знакомится?

— Буквально, дома сидитъ-съ. Невозможно проникнуть въ его намѣренія, а мужичонки болтаютъ про какую-то вольную... то-есть, якобы онъ общалъ имъ волю...

— Вотъ какъ!—Уже!—хе, хе, понимаю... Но это немного преждевременно... Однако, необходимо повидаться съ молодымъ человѣкомъ; мы изыщемъ благовидный поводъ...

— Полно, Basile, ужели ты къ нему поѣдешь? Ужь это было-бы слишкомъ либерально! усмѣхнулась Настасья Дмитріевна.—Брось ты его съ его мужиками. Недаромъ же отецъ держалъ сына въ черномъ тѣлѣ... У порядочныхъ людей, у людей, епін, извѣстнаго уровня развитія, есть инстинктъ, который тянетъ ихъ къ сближенію, заставляетъ сходиться въ одну кучку. Этотъ господинъ игнорируетъ нашъ домъ... Мы, конечно, живемъ скромно, не поклоняемся безумной роскоши, но въ нашемъ домѣ всякому развитому человѣку какъ-то по себѣ,—не правда-ли? Такъ, по крайней мѣрѣ, всѣ говорятъ, это слишкомъ извѣстно, и г. Трубежовъ могъ-бы знать... Впрочемъ, насильно милъ не будешь! Но ѣхать къ нему, искать его, признаюсь, *roug ип marechal de noblesse*—это чересчуръ либерально!

Настасья Дмитриевна не могла скрыть своей мелкой досады.. Но ужь тамъ, либерально-ли, нѣтъ-ли, а Василій Парфенычъ не утерпѣлъ и по секрету отъ своей строгой супруги посѣтилъ Трубежова.

III.

Maréchal de noblesse поѣхалъ не прямо къ интересному нелюдиму, а къ его сосѣду-помѣщику, знаменитому псовому охотнику, давно уже пригласившему предводителя побаловаться на зайца по первой порошѣ. Охота была удачная и веселая. Назадъ приходилось возвращаться какъ разъ мимо трубежовской усадьбы. Кучеру Прошкѣ заранѣ даны были секретныя инструкціи, чтобы тутъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, передъ окнами господскаго дома, случилось какое-нибудь дорожное несчастіе, въ родѣ лопнувшей шины, оборванной постромки, сломанной оглобли, таеъ чтобы явилась неизбѣжность остановки, по крайней мѣрѣ, на полчаса. Приказаніе было исполнено въ точности. Трубежовъ выслалъ челоуѣка узнать, что случилось, и просить злополучнаго путника зайти въ домъ, пока исправятъ экипажъ. Василій Парфенычъ какъ будто нехотя вылѣзъ изъ коляски и направился къ дому.

Были осенніе сумерки; сѣрыя тучи со всѣхъ сторонъ заволочили небо, рѣдкія снѣжинки порхали въ воздухѣ. Теплая комната, пылающій каминъ и стаканъ пунша представлялись верхомъ благополучія для утробныхъ вождельній Василья Парфеныча, и все это онъ обрѣлъ подъ гостепріимнымъ кровомъ юнаго помѣщика.

Трубежовъ былъ озадаченъ неожиданностью встрѣчи съ предводителемъ, но, нимало не стѣсняясь, ввелъ его въ кабинетъ, гдѣ возлежали на широкой софѣ два совершенно ему неизвѣстные, какъ видно, заѣзжіе господина. Они, занятые разговоромъ, и не шевельнулись при появленіи Битюгова.

— Присаживайтесь ближе къ камину, вотъ вамъ сигара, чай сейчасъ подадутъ; пожалуйста, безъ церемоніи, добродушно приглашалъ хозяинъ.—Ахъ, надобно васъ перезнакомить: Федоръ Алексѣичъ Даровъ, старый мой товарищъ, проѣздомъ изъ Омска въ Одессу, сдѣлалъ около тысячи верстъ крюку, чтобы навѣстить меня; судите-же, какой у меня сегодня праздникъ! А

это—Павель Петрович Коробейниковъ, тоже мой пріятель изъ Петербурга.

Василій Парфенычъ не могъ скрыть, что ему очень непріятно очутиться въ компаніи незнакомыхъ людей; совѣтъ не того ожидалъ онъ, подготавливая водевильно-дорожное приключеніе: разыграть роль мудраго совѣтника и поговорить по душѣ теперь ужъ никакъ ему не приходилось. Впрочемъ, заѣзжіе господа не обращали особеннаго вниманія на предводителя и продолжали въ полголоса свою бесѣду.

Даровъ былъ еще не старій, но хилый, изможденный человекъ; преждевременныя сѣдины сильно серебрили его длинныя до плечъ волосы, усы и маленькую французскую бородку. Черные большіе глаза его смотрѣли спокойно, въ упоръ и изрѣдка жмурились, какъ-бы всматриваясь въ предметы отдаленныя—манера всѣхъ близорукихъ. Онъ безпрестанно нюхалъ табакъ изъ простой берестовой тавлинки; одѣтъ былъ въ сѣрый двубортный сюртукъ какого-то полувоеннаго покроя, застегнутый до верха. Вся его скромная и серьезная фигура внушала невольное почтеніе.

Другой собесѣдникъ, Коробейниковъ, въ короткомъ крестьянскомъ кафтанѣ и высокихъ смазныхъ сапогахъ, казался молодымъ фабричнымъ парнемъ, съ огромною всклокоченною головою, которою онъ часто и какъ-то задорно встряхивалъ. Сиповатая рѣчь его была порывиста и задушевна; золотые очки и маленькая нѣжная рука вовсе не гармонировали съ его здоровеннымъ хохотомъ и простонародными пріемами.

Эти господа толковали о своихъ старыхъ знакомыхъ, называли десятки именъ, извѣстныхъ и полуизвѣстныхъ всякому интеллигентному человѣку, извѣстныхъ, конечно, и Битюгову, но онъ не находилъ никакого повода вмѣшаться въ разговоръ. Положеніе его было довольно глупо. Трубежовъ это видѣлъ и поспѣшилъ на выручку.

— Вы откуда ѣхали, Василій Парфенычъ? Вѣроятно, по дѣламъ предводительства; вѣдь по нашимъ осеннимъ дорогамъ для собственнаго удовольствія кататься не приходится.

— А представьте, что я именно для удовольствія... хе, хе! Тутъ сосѣдъ вашъ, Горемыковъ, Илья Ильичъ, приглашалъ зайчиковъ погонять. Охотникъ я плохой, куда ужъ съ моей толщиной по отъѣзжему полю рыскать! Поѣхалъ именно для удовольствія. Знаете, охота—старинная дворянская потѣха. Настоящіе

охотники теперь перевелись, вымирають, и мы ужь не охотимся, а такъ, забавляемся — нашей почтенной старинѣ проводы справляемъ.

Онъ тяжело вздохнулъ, присутствующіе улыбнулись, а Коробейниковъ прохрипѣлъ насмѣшливо:

— Да-съ, теперь что день, то новые проводы справлять вамъ придется... Извините, обмолвился: сказалъ *вамъ*, вмѣсто *намъ*. Мой отецъ, тоже помѣщикъ, заказалъ уже мраморную урну для слезъ, а я вотъ безпутный сынокъ уродился—готовъ плясать и пѣсни орать, и подсвистывать на развалинахъ крѣпостнической мерзости.

Мальчишеская выходка Коробейникова никому не понравилась. Даровъ постарался замѣять общее смущеніе и перевелъ разговоръ на серьезную почву. Радуюсь, что идея освобожденія крестьянъ получила права гражданства и признана неотложною самимъ правительствомъ, онъ щадилъ помѣщиковъ, которые теперь поневолѣ должны *faire bonne mine a mauvais jeu* и всѣми правдами не-правдами хлопотать о спасеніи своихъ животовъ...

Опять вышла неловкость. Выраженія Дарова покоробили почтеннаго предводителя... Но больше всего озадачило его то, что эти господа такъ свободно говорятъ о крестьянскомъ вопросѣ, какъ будто это уже не вопросъ, а рѣшенное дѣло... Тогда, какъ к—ое дворянство едва перешептывалось о какомъ-то гадательномъ „улучшеніи быта“ и пугалось непонятныхъ изреченій своего, всезнающаго предводителя, считая даже его либераломъ краснаго отгѣвѣа... Василій Парфенычъ чувствовалъ, что попалъ въ какой-то новый міръ людей небоязливыхъ и независимыхъ, и не зналъ въ какой мѣрѣ открыть передъ ними фонтанъ своего либерализма, а быть нелиберальнымъ въ ихъ кругу казалось ему и стыдно, и просто даже невозможно... Онъ настроилъ себя и началъ отчитывать, точно застольный спичъ или широковѣщательную передовую статью:

— Да, господа, пора намъ, пора! Мы всѣ сознаемъ эту историческую неправду, она давно тяготитъ русскую душу... Посмотримъ кругомъ, испытаемъ самихъ себя... Изолгались мы и изныла русская грудь отъ всяческой лжи... Покаянный день, господа, приходитъ; встряхнемся, — и бремя легко намъ будетъ... И замѣтите, это ненавистное крѣпостное право совершенно проти-

ворѣчить кореннымъ основамъ народнаго духа: оно пришлое, не наше!..

— Все, что вы изволите говорить, прекрасно-съ, мягко началъ Даровъ, понюхавъ изъ тавлинки,—но, какъ аргументація, ни къ чорту не годится (Василій Парфенычъ вздрогнулъ и поперхнулся глоткомъ чая). Крѣпостное право губительно для насъ въ экономическомъ отношеніи—вотъ что вы извольте сообразить. Починъ этой реформы, естественно, долженъ идти отъ гуманистовъ, но вести дальше и довершить дѣло разумно могутъ только чистые экономисты, безъ всякой примѣси филантропическихъ нѣжностей. Тутъ не душа изныла, а мощна... Да-съ, намъ нужны люди дѣла, а не фразы, и такіе люди явятся, помяните мое слово.

— Да зачѣмъ-же намъ искать еще какихъ-то новыхъ людей? съ скромнымъ достоинствомъ возразилъ Битюговъ, уже затгнутый неудавшійся фонтанъ своего либеральнаго краснорѣчія.— Дѣло очень просто. Мало-ли у насъ просвѣщенныхъ помѣщиковъ, ужели въ насъ не найдется столько гражданскаго мужества, чтобы полюбовно устроиться съ своими мужичками. Это прямое наше дѣло, мы стоимъ къ нимъ всѣхъ ближе.

— А если вы ихъ поднадуете? брякнулъ Коробейниковъ.— Вѣдь вы... то есть, мы—тоже ловкіе парни, пальцы намъ въ ротъ не клади!..

Это было такъ неожиданно, что даже Трубежовъ и Даровъ переглянулись въ недоумѣніи... Василій Парфенычъ на секунду нахмурилъ брови, а потомъ разсмѣялся... впрочемъ, смѣхомъ весьма неискusstнымъ.

— Bravo, молодой человекъ! Да вы, я вижу, великій юмористъ.

— Много чести. Я просто—свистунъ.

— Хе, хе, хе!.. Какъ это—свистунъ?

— Уличенъ въ принадлежности къ тайному обществу свистопляски. Слыхали, можетъ? Въ Москвѣ насъ зѣло одобряютъ...

— Нѣтъ, серьезно: что-же вы дѣлаете, чѣмъ занимаетесь?

— Пачпортъ имѣю, не безповойтесь. А занимаюсь... да хожу, вотъ, по деревнямъ, собираю сказочки, прибауточки—плевое дѣло! И за то нашего брата ино мѣсто ловятъ да въ кутузку прячутъ. Но у васъ тутъ, генераль, (примите выраженіе признательности!) у васъ на этотъ счетъ тихо, благородно; станковые—премилый народъ. Одинъ даже самъ сообщилъ мнѣ совершенно не-

извѣстный и нецензурный вариантъ „Барыни“, только новѣйшаго происхожденія. Можетъ, даже самъ сочинилъ,—а ловко!—Однако, Трубежовъ, ты-бы распорядился по части закусокъ. Восемь часовъ. Не могу, братъ, русское нутро заныло...

— Въ столовой все приготовлено.

— И отлично. Пойду. Да еще твоего почтеннаго ополченца Антона надо кой о чемъ попытать.

— Преоригинальный юноша! снисходительно отозвался Василий Парфенычъ, когда вышелъ Коробейниковъ.—Ну-съ, что-же вы, нашъ достойнѣйшій Григорій Сергѣичъ, тутъ подѣлываете—все хозяйствомъ занимаетесь?

— Занятій много, но, въ сущности, пока только готовлюсь къ занятіямъ. Никогда я не былъ прагматическимъ человѣкомъ, и вотъ теперь, какъ пришлось взяться за практическое дѣло, затрудняюсь надъ каждою мелочью.

— Наше деревенское хозяйство все изъ мелочей состоитъ. Признаюсь, я самъ плохой хозяинъ, въ деревню и не заглядываю. Вы-бы своихъ на оброкъ перевели, или—еще лучше—сдали бы въ аренду.

— Нѣтъ, у меня другіе планы... которые я думалъ осуществить въ одну минуту, однимъ почеркомъ пера, но дѣло выходитъ гораздо сложнѣе... На дняхъ собираюсь въ Петербургъ.

— Надолго?

— До новаго года останусь. Вотъ и Федора Алексѣича упрашиваю со мною ѣхать.

— Въ компаніи веселѣй.

— Ты, Гриша, ужасно легко смотришь на вещи... Ну, какъ я сунусь, когда въѣздъ въ столицу мнѣ запрещенъ... Просить, влянчить я не умѣю и не хочу, а быть выпровоженнымъ съ жандармомъ—нисколько не забавно.

— Мы найдемъ путь. За тебя похлопочутъ и все уладится безъ жандарма. Нынче времена, братецъ, ужъ не тѣ!

— И ты запѣлъ ту-же пѣсню!... Охъ, удивляюсь, откуда вы это взяли! Семь лѣтъ не былъ я въ Россіи, воротился—и, право, ничего чрезвычайнаго не замѣтилъ... Только дороговизна стала непомѣрная и деньги начали считать по какому-то большому счету... У насъ въ Сибири все на ассигнаціи считаютъ; пудъ муки—рубль ассигнаціями... А у васъ тутъ чортъ знаетъ что, даже страшно становится!... Ужъ не говорю — тысячи, а сотни тысячъ и милліоны какъ-то ужасно свободно на языкѣ трети-

ругуются. Даже какіе-то миллиарды въ туманѣ открываютъ, а между тѣмъ, денегъ у всѣхъ стало меньше—послѣ войны это совершенно неизбѣжно... Я говорю, впрочемъ, вообще о народѣ, а не о тѣхъ государственныхъ ворахъ, которые отъ всякаго народнаго бѣдствія жирѣютъ и наживаются...

— Позвольте, Федоръ Алексѣичъ, ваше имя мнѣ очень знакомо, заискивающимъ тономъ освѣдомился Битюговъ;—вѣдь это ваши стихотворенія когда-то печатались въ повременныхъ изданіяхъ?

Даровъ небрежно кивнулъ головой и съ ожесточеніемъ понюхалъ табуку.

— У васъ нѣтъ-ли родственниковъ въ Тульской губерніи?

— Кажется, есть.

— Такъ позвольте-же, мы сейчасъ будемъ en раус де сопнаissance, и Василий Парфенычъ, какъ обыкновенно водится между русскими людьми, принялся высчитывать родословную всѣхъ ему извѣстныхъ Даровыхъ Тульской губерніи.

Федору Алексѣичу скоро наскучила эта генеалогическая номенклатура и онъ опять поворотилъ разговоръ на свои излюбленныя общія темы съ политико-экономической подкладкой.

Даровъ обладалъ обширной начитанностью, отличною памятью и способностью говорить нѣсколько часовъ къ ряду, не давая собесѣднику рта разинуть и высказать малѣйшее противорѣчіе. Какъ будто этотъ хворый человекъ нѣсколько лѣтъ гдѣ нибудь взаперти все читалъ—читалъ, размышлялъ и лишенъ былъ всякой возможности съ кѣмъ либо подѣлиться результатами своей умственной работы, и вотъ теперь, на просторѣ, высыпаетъ весь задержанный запасъ мыслей и свѣдѣній,—свое накопившееся богатство. Неизвѣстно, раздѣлялъ или не раздѣлялъ его рѣзкихъ взглядовъ Василий Парфенычъ, но слушалъ внимательно и даже раза три понюхалъ табуку изъ его тавлинки, словно въ знакъ сочувствія... Даже не передергивало его при нѣкоторыхъ хлесткихъ выраженіяхъ расходившагося Дарова.

Хозяинъ, выходявшій въ столовую, возвратясь, съ изумленіемъ замѣтилъ трогательное согласіе собесѣдниковъ и едва удержался отъ смѣха... Онъ пригласилъ ихъ перейти въ столовую, гдѣ Коробейниковъ пыталъ нашего стараго знакома, ратника Антона, на счетъ одной севастопольской солдатской пѣсни и успѣлъ опорожнить весь графинчикъ рябиновой настойки.

Экипажъ Битюгова былъ давно исправленъ и стоялъ у подъ-

ѣзда, но Василій Парфенычъ забылъ о его существованіи. За ужиномъ, послѣ бутылки лафита, онъ озадачилъ всѣхъ неожиданнымъ приглашеніемъ пожаловать къ нему на этой недѣлѣ откушать запросто, безъ всякихъ церемоній.

— Вы и меня приглашаете? спросилъ Коробейниковъ, голосомъ, осипшимъ болѣе обыкновеннаго послѣ графинчика рябиновки.

— Странный вопросъ! Конечно, и вы сдѣлаете мнѣ честь.

— Честь честью, а какъ-бы скандалъ не вышелъ... У меня вѣдь съ собой другой одежды не имѣется, кромѣ этого зипуна, а у васъ, поди, все знать соберется—всякіе нотабли...

— Ни-ни! Кромѣ васъ и моей семьи—никого. А семья моя... чѣмъ другимъ не могу похвастать... увидите сами... Моя Настасья Дмитріевна... Но, Боже мой, какъ я засидѣлся! Ужъ десять часовъ. До свиданія-же, господа? Мнѣ еще о многомъ хотѣлось-бы поговорить съ почтеннѣйшимъ Ѳедоромъ Алексѣичемъ и поспорить... но надѣюсь имѣть это удовольствіе въ моемъ кабинетѣ. Въ настоящее время хорошіе люди, будь они самыхъ противоположныхъ лагерей, должны подать другъ другу руки... До свиданья!

По отѣздѣ Битюгова, наши друзья потѣшились надъ милою слабостью Дарова проповѣдывать въ пустынѣ; припомнили, какъ онъ въ старые годы по цѣлымъ часамъ растолковывалъ злѣйшему ростовщику, что деньги отнюдь не составляютъ богатства, и богомольной старушкѣ о вредѣ постнаго масла... Даровъ не обижался и пресерьезно настаивалъ на необходимости постоянного, упорнаго долбленія кому-бы то нибыло и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ... Дождевая капля долбитъ самый твердый камень.

— И вы думаете, что много вдолбили этому предводителю?

— Не знаю. Можетъ-быть, ничего, но онъ меня слушалъ. Вы замѣтите, началъ онъ такъ высокопарно—и вдругъ срѣзался: слушаетъ и еще поддакиваетъ... И то успѣхъ.

— А если онъ—пустой дырявый мѣшокъ, въ который что ни положи, все высыплется?

— Н-ну, хоть пылинка да останется.

— Ъхать-ли къ нему?

— Отчего-же нѣтъ? Вѣдь это насъ ни къ чему не обяжетъ, а между тѣмъ, очень любопытно.

— Только ты, Ѳедоръ Алексѣичъ, голубчикъ, помолчи, за-

вяжи узелокъ на память или дай мнѣ твою тавлинку: захочется понюхать—и вспомнишь, что молчать надо. Пусть онъ выскажется до тла. А ты, Коробейникъ, не огорошивай его дубьемъ по лбу,—мнѣ даже больно; вѣдь какъ-бы то ни было, а предводитель сословія, къ которому я имѣю честь принадлежать...

— Я, можетъ, и совсѣмъ не поѣду: неприличнѣ-бо есмь.

А Василій Парфенычъ, вѣдучи домой, все колебался, не зная, хорошо онъ вель себя или сплеховаль.

— Кажется, что въ грязь лицомъ я не ударилъ: и либеральнымъ былъ достаточно, и обѣдать пригласилъ... Чего-же больше?... Вотъ, Настенька будетъ ворчать, но уймется-же, наконецъ... Вѣдь Трубежовъ... кто знаетъ будущее?—Охъ, дѣти, милья-то вы у меня, милья, но и хлопотъ съ вами много!

IV.

Трубежовъ съ Даровымъ пріѣхали къ предводителю такъ, какъ онъ желалъ—совершенно запросто, даже не предупредивъ о днѣ своего пріѣзда. Коробейниковъ остался дома.

Василій Парфенычъ вышелъ изъ кабинета въ коротенькомъ гороховомъ пиджакѣ, обрадовался имъ, какъ задушевымъ пріятелямъ.

— Милости просимъ, дорогіе гости!.. Вотъ люблю за русскій обычай—прямо пожаловали хлѣба-соли откушать, безъ церемоніи. Я сейчасъ навѣдаюсь къ моей барынѣ.

Минуть чѣрезъ пять онъ воротился какой-то обрадованный и любезно повелъ гостей въ будуаръ жены.

Настасья Дмитріевна покоилась въ мягкомъ патѣ, съ книжкою въ рукахъ, сложивъ на скамеечкѣ ноги, обутыя въ розовыя туфельки. Не вставая съ мѣста, она привѣтливо, но спокойно и съ достоинствомъ усадила гостей возлѣ себя и, послѣ двухъ-трехъ, неизбѣжныхъ въ такихъ случаяхъ, рутинныхъ фразъ, повела разговоръ объ Ауэрбахѣ, котораго на ту пору читала, какъ будто личности пріѣзжихъ ее мало интересовали. Василій Парфенычъ, видя неловкое положеніе гостей, попавшихъ невзначай на экзамень о романахъ Ауэрбаха, поспѣшилъ замѣтить, что Ѳедоръ Алексѣичъ Даровъ—самъ служитель музъ, въ сожалѣнію, давно замолокшій, но теперь, навѣрное, воскресшій и готовый подарить насъ новыми произведеніями его замѣчательнаго таланта.

— О, да, я читала ваши стихотворенія. Особенно картины природы у васъ неподобны. Это настоящая поэзія.

Даровъ отмалчивался и начиналъ злиться. „Никогда я никакихъ картинъ природы не писалъ... Съ чего она взяла!—Ужь лучше-бы про Ауэрбаха продолжала...“

Къ общему удовольствію, въ будуаръ влетѣли двѣ взрослыя барышни Битюговы; онѣ прямо съ прогулки, въ шляпкахъ и легкыхъ накидкахъ. Крупныя, сверкающія румяной, русской красотой, эти дѣвицы кинулись цѣловать татапа, какъ будто годъ не видались съ нею.

— Это мои артистки, самодовольно рекомендовалъ отецъ:— Антонина Васильевна—будущая Віардо, и Катерина Васильевна—нашъ Канова, en herbe, разумѣется.

Настасья Дмитріевна вдругъ очнулась отъ литературной меланхоліи, бойкое щebetанье дѣвиць внесло живую струю, всѣ заговорили проще, безъ напыщенности и жеманства. Замѣчательно, что Настасья Дмитріевна все свое вниманіе исключительно посвятила Дарову; спрашивала о его путешествіи, о здоровьѣ, какъ переносилъ онъ сибирскую стужу, какъ будто, вромѣ стужи, въ Сибири нѣтъ ничего; предсказывала, что онъ оживетъ и тѣломъ, и духомъ подъ благодатнымъ небомъ юга; вообще, отнеслась къ нему, какъ къ почтенному человѣку своего круга, вспомнила, что была очень дружна съ его тульской кузиной, и ужасно удивилась, что этому сѣденькому старичку всего тридцать семь лѣтъ „Какая безжалостная судьба!“... Трубежовъ оставался въ тѣни, едва замѣчаемый хозяйкой,—маневръ этотъ былъ явно намѣренный.

Оба гостя едва выносили скуку длиннѣйшаго предобѣденнаго часа. Наконецъ, съ веселымъ смѣхомъ, еще влетѣли три подросточка, очень миленькія дѣвочки, продѣлали свои реверансы и объявили, что супъ на столѣ. Хозяйка овладѣла рукой Дарова, помогла ему подняться съ кресла, что составляло для него дѣйствительно не легкую задачу, благодаря ревматизму обѣихъ ногъ, нажитому въ мертвомъ домѣ, и вся семья двинулась въ столовую.

Тамъ, уже послѣ обычной закуски, появилась еще одна дѣвица, которую Василій Парфенычъ едва не забылъ познакомить съ гостями,—это была его старшая дочь, Лидія Васильевна. Она, обведя внимательнымъ взглядомъ все сервированное на обѣденномъ столѣ, сѣла послѣдняя. Обѣдъ былъ незатѣйливый, одна-

во, вкусный и прошелъ довольно оживленно. Фодоръ Алексѣичъ понемногу овладѣлъ общимъ вниманіемъ, рассказывая разные курьезы сибирскаго быта. Дѣвицы глядѣли во всѣ глаза на веселенькаго старичка-рассказчика, онѣ дружно смѣялись, хотя въ рассказахъ его постоянно звучала печальная нота или горькая иронія. Не смѣялась лишь одна Лидія Васильевна и тѣмъ обратила на себя особенное вниманіе гостей.

Она была совсѣмъ не похожа на своихъ румяныхъ и сытыхъ сестрицъ; худенькое лицо ея носило печать преждевременнаго увяданія и выраженіе какой-то законченной мысли, какое бываетъ у людей, вѣрующихъ только въ себя и ничего не ждущихъ отъ судьбы и случая. Одѣта она была проще и скромнѣе сестеръ, въ сѣренькомъ шерстяномъ платьѣ съ закрытымъ лифомъ, какъ, обыкновенно, одѣваются гувернантки и домашнія учительницы. По складу довольно граціозной фигуры, по мягкимъ контурамъ плечъ и стана видно было, что она недавно вступила въ совершеннолѣтіе, но серьезный характеръ лица съ постоянно-прихмуренной лѣвой бровью дѣлалъ ее гораздо старше. Говоря о красивыхъ женщинахъ, вѣроятно, никто и никогда не упоминалъ имени Лидіи Васильевны, точно также не называли ее и дурнушкой; никто не зналъ, красива она или нѣтъ, но каждый замѣчалъ въ ея неправильныхъ чертахъ нѣчто особенное, только одной ей принадлежащее, и не смѣшивалъ Лидію Васильевну съ толпою безцвѣтныхъ барышень. Лучше всего были ея роскошные свѣтло-каштановые волосы, гладко зачесанные и тугимъ узломъ связанные низко на затылкѣ, да глаза—внимательные и строгіе, какіе-то осторожные глаза.

Примѣтивъ, что посторонніе люди остановили на ней вниманіе, она не смутилась и терпѣливо принялась разливать воду и вино въ стаканы маленькихъ сестеръ. Не смущалась она и отъ того, что на нее пристально взглядывали отецъ и мать при каждой переѣмѣ блюдъ и приборовъ, точно она была отвѣтственнымъ авторомъ всего этого официантскаго механизма. Слава Богу, механизмъ до конца былъ исправенъ.

Послѣобѣденное время было посвящено изящнымъ искусствамъ. Первою дебютировала Тоня, какъ въ семьѣ звали Антонину. Съ большимъ толкомъ и вкусомъ спѣла она нѣсколько русскихъ и французскихъ романсовъ. Василій Парфенычъ пояснилъ, что Тоня, еще будучи въ Еватерининскомъ институтѣ, брала уроки у лучшихъ петербургскихъ учителей пѣнія и на

торжественномъ выпускномъ актѣ привела въ изумленіе всѣхъ, даже высокопоставленныхъ особъ. Голосъ Тони былъ замѣчательный по силѣ и красотѣ звука, онъ не подкупалъ задушевностью, но поражалъ металличностью тѣмбра; болѣе всего ей удавались бравурные и страстные пассажи.

— Bravo, bravo, mademoiselle! не выдержалъ Даровъ.— Ай, да какой-же у васъ богатый голосъ! Вотъ капиталъ-то вамъ Господь-Богъ далъ. На сцену, непременно на сцену! Годика на два въ Италію или въ Парижъ, въ консерваторію, а потомъ загребайте сотни тысячъ годового дохода. Наконецъ, просто преступленіе зарывать такой даръ въ землю.

Тоня искоса взглянула въ ту сторону, откуда раздавались восторженные дифирамбы Дарова, и сдѣлала своими сочными губками маленькую насмѣшливую гримаску...

— Вы, конечно, любите Мейербера, обратилась пѣвица къ Трубежову, стоявшему за ея стуломъ.—Я вамъ спою мой любимый кусочекъ.

Она спѣла избитую арію изъ Роберта съ такою увлекательною силой страстнаго выраженія, что у Трубежова, давно не слыхавшаго женскаго пѣнія, мурашки по спинѣ забѣгали.

— Простите мою несвромность, но отчего, когда другъ мой Даровъ намекнулъ вамъ на артистическую карьеру, васъ это какъ будто кольнуло? По крайней мѣрѣ, я поймалъ на вашемъ лицѣ такое выраженіе...

— На сцену? О, фи! Сдѣлаться наемной ремесленницей, пѣть за деньги, по заказу, передъ толпой, которая за свой жалкій рубль получаетъ право судить васъ, разсматривать, какъ какую-нибудь куклу,—нѣтъ, это слишкомъ унизительное, обидное положеніе! Конечно,—мало-ли что!—нужда можетъ заставить и на канатѣ плясать, но-о...

Она не досказала, что дочь дворянскаго предводителя отъ такой нужды застрахована.

Трубежова это не шокировало. Онъ усѣлся съ нею въ уголокъ и занялся пріятнымъ, но довольно пустымъ дѣломъ—развивать узенькія понятаца барышни. Во всякое другое время онъ засмѣялся-бы надъ тѣмъ азбучнымъ вздоромъ, который пришлось доказывать, но теперь совершенно не думалъ о содержательности разговора: въ немъ просто заговорилъ эстетикъ и платоническій чувственникъ, вѣрнѣе сидѣвшій во всѣхъ людяхъ того поколѣнія. Ему пріятно было чувствовать близость кра-

сивой молодой дѣвушки, слѣдить за колыханіемъ ея роскошной груди, еще не усповоившейся послѣ нѣнія, ловить ея взгляды и всячески дразнить свое воображеніе и, притомъ, отнюдь не помышлять, что изъ этой мимолетной игры выйдетъ какой-нибудь толкъ...

Онъ-то не помышлялъ, но восемнадцатилѣтняя красавица кое о чемъ помышляла... Идеальнѣйшія дѣвы, въ извѣстныхъ случаяхъ, были гораздо практичнѣе тогдашнихъ молодыхъ людей. Тоничка чувствовала на себѣ его взгляды, вслушивалась въ его ласкающій и вкрадчивый пошопотъ — и хотѣлось ей слушать его долго, всегда слушать и покориться его обаянію... Она сильно помышляла, что изъ всего этого можетъ выйти настоящій толкъ: Трубежовъ самый завидный женихъ во всей губерніи... Тоничка готова была по секрету сегодня-же, ложась спать, сообщить сестрѣ Катѣ, съ которою была особенно дружна, что смертельно влюблена, и въ то-же время трезво обдумывать всѣ траншейныя работы, которыя ведутъ къ цитадели законнаго брака...

Когда Настасья Дмитриевна позвала Трубежова къ большому столу, чтобы полюбоваться на домашнюю выставку лѣнныхъ и акварельныхъ издѣлій Катеньки и Лизочки, то очаровательная пѣвица, отпуская его, подарила такимъ долгимъ взглядомъ, полнымъ сожалѣнія и надежды, что бѣдный Трубежовъ испугался и съ перепуга не зналъ, что онъ долженъ дѣлать — хвалить или порицать произведенія Катеньки и Лизочки, которыхъ онъ еще на бѣду смѣшивалъ, принимая одну за другую, — словомъ, совсѣмъ растерялся. Его смущеніе не ускользнуло отъ зоркаго глаза Настасьи Дмитриевны.

Тѣмъ временемъ, хозяинъ удалился въ кабинетъ, якобы для прочтенія и подписи спѣсныхъ бумагъ, а вѣрнѣе — чтобы вздремнуть обычные полчаса. Никто не замѣтилъ, какимъ чудомъ Даровъ попалъ въ будуаръ хозяйки; съ нимъ сидѣла, не обладавшая никакими талантами, Лидія Васильевна; къ ея волѣнѣямъ ютилась кудрявою головкой самая маленькая сестричка. Они разговаривали тихо, съ большимъ интересомъ и безъ всякой лицевой мимики. Лидія Васильевна не была пассивной слушательницей: она сама возбуждала вопросы и рассказывала что-то такое, къ чему сѣдовласый собесѣдникъ прислушивался съ серьезнымъ участіемъ. По всему было видно, что они очень поладили. Трубежовъ видѣлъ даже, какъ она разсматривала желѣзное колечко Дарова — сувенирь, любимый всѣми побывавшими въ Си-

бири, выкованный из обломка известныхъ, совсѣмъ неэлегантныхъ украшеній... Со стороны Дарова это было признакомъ большого благоволенія: никому онъ не давалъ въ руки своего, какъ онъ называлъ, обручальнаго колечка. Онъ былъ увлеченъ и какъ будто растроганъ, и чаще обыкновеннаго обращался къ тавлинкѣ, немилосердно посыпая табакомъ полковую мебель будуара, что вызывало милую улыбку на лицѣ дѣвушки.

— Однако, мнѣ пора идти чай готовить, примолвила она, вставая. — Благодарю васъ и надѣюсь, что разговоръ нашъ не будетъ послѣднимъ.

— Я скоро долженъ уѣхать въ Одессу.

— Жаль... а впрочемъ, я привыкла терять людей...

V.

Послѣ чая, Василій Парфенычъ пригласилъ гостей въ кабинетъ и приказалъ камердинеру не входить туда и никого не пускать. Онъ торжественно возсѣлъ за свой рабочій столъ, поправилъ абажуры, внушительно отквашлялся, словно готовился приступить къ нѣкоему священнодѣйствию, таинственному и даже небезопасному...

— Я хотѣлъ-бы познакомить васъ, господа, съ однимъ документомъ, чрезвычайно интереснымъ: это записка о прогрессивномъ и рациональномъ улучшеніи быта крестьянъ, составленная однимъ очень умнымъ человѣкомъ, — намъ нѣтъ надобности знать его имя... Вы мнѣ позволите прочесть вамъ хоть нѣкоторыя существенныя страницы этого хорошо-проштудированнаго труда. Было-бы весьма интересно выслушать ваши мнѣнія; знаю, что вы не согласитесь съ нѣкоторыми положеніями, но *audiatur et altera pars*.

— Это любопытно, отозвался Даровъ поощрительно и подумалъ: знаемъ мы этого „почтеннаго автора“! Не сама-ли себя аржаная каша хвалить?

Трубежовъ не сказалъ ни слова: для него было безразлично, что-бы тамъ ни сочинилъ какой-то почтенный авторъ. Въ эту минуту онъ-бы гораздо охотнѣе послушалъ еще „Grâce“ вкусной Тонички, чѣмъ переливаніе изъ пустого въ порожнее ея родителя о такомъ дѣлѣ, которое лично для него было рѣшено безповоротно.

Нѣтъ никакой нужды теперь приводить текстъ сочиненія

„почтеннаго автора“, или самого Василя Парфеныча. Такихъ сочиненій тогда писалось не мало и всѣ они, прикрываясь громкими фразами извѣстной пробы патриотизма, да страшными словечками пугливаго усердія, сводили дѣло на нѣтъ. Битюговъ читалъ съ пафосомъ. Авторъ сначала громилъ безнравственность рабства и тутъ-же объявлялъ, что, слава Богу, нигдѣ не видить и тѣни рабства; умилялся передъ идеею гражданской свободы и приходилъ въ ужасъ отъ явленій якобы неизбѣжныхъ съ разрѣшеніемъ всякому разсуждать громко; благородно гнушался плетей и палокъ и трогательно умолялъ о сохраненіи по крайней мѣрѣ двадцати розогъ... Подходы все извѣстные. Краснорѣчивѣе всего говорилось о необходимости сдѣлать чуть не миллиардный заемъ, дабы вознаградить владѣльческія потери, не колебля принципа собственности. На областное дворянство авторъ возлагалъ обширнѣйшія обязанности — чинить судъ и расправу, пещись о народномъ продовольствіи, водворять добрые нравы и исподоволь готовить почву для новаго 'порядка вещей. При чемъ не упоминалось ни о срокѣ почвенной подготовки, ни о томъ, въ чемъ-же будетъ заключаться этотъ новый порядокъ вещей. Словомъ, проектъ былъ на славу.

— Прекрасно! воскликнулъ Даровъ по окончаніи чтенія и, угостивъ свой носъ изъ тавлинки, протянулъ:—Но-о-о...

— Ни къ чорту не годится! чуть не подсказалъ Трубежовъ.

— Но я собственно не согласенъ ни съ однимъ словомъ почтеннаго автора.

— Ага! вотъ это-то мнѣ и нужно... Говорите, пожалуйста; я передамъ автору, онъ съ благодарностью приметъ всякое замѣчаніе.

— Ужь тамъ съ благодарностью или безъ благодарности — мнѣ, вѣдь, это все равно, — а смолчать я-бы счелъ малодушіемъ.

— Ну, ну, ну! Василій Парфенычъ начиналъ пыхтѣть.

— Прежде всего, эту рацею вѣрнѣе озаглавить: объ улучшеніи быта помѣщиковъ... Вѣдь о мужикѣ тутъ не говорится ровнешенько ничего: какъ онъ живетъ, отчего ему хорошо или худо, въ чемъ его насущныя нужды... Какъ будто нашъ сиволапый Макаръ живетъ себѣ всласть почесывая широкую спину, — ничего ему не надо, ничего онъ не желаетъ и не просить, а мы, вотъ, умные люди, взяли да и выдумали: давай-ка, произведемъ надъ нашимъ Макарой нѣкоторый экспериментъ — что изъ этого выйдетъ? Нѣтъ-съ, при всемъ почтеніи къ автору,

вы посовѣтуйте ему запрятать эту тетрадку въ самый завалаящій портфель. Зачѣмъ-же людей-то дурачить или поселять смуту въ головахъ, лишенныхъ собственнаго мозга? Грѣшно и стыдно-съ!

— Мнѣ кажется, что это совершенно напрасно потраченный трудъ и время, спокойно замѣтилъ Трубежовъ...— Писать можно что угодно, бумага все стерпитъ, но такъ оно никогда не будетъ.

— Вы полагаете? Отчего-же? Василий Парфенычъ все сильнѣе пыхтѣлъ и отдувался.

— Полагаю, потому, во-первыхъ, что давно живу съ мужикомъ и хоть малость знаю, въ чемъ онъ на первыхъ порахъ нуждается. Во-вторыхъ, прямо скажу, найдутся люди, истинные друзья народа, которыхъ правительство выслушаетъ—они есть и въ средѣ высшаго правительства— имена ихъ намъ болѣе или менѣе извѣстны... Они и рѣшатъ дѣло.

Споръ разгорался. Одинъ Даровъ говорилъ безъ личнаго раздраженія и съ отгѣнкомъ юмора. Василий Парфенычъ кричалъ громче всѣхъ; онъ свернулъ на извѣстную тему о различіи истиннаго либерализма, не признающаго скачковъ, отъ пагубныхъ увлеченій, направленныхъ, ни болѣе ни менѣе, какъ къ гибели стомилліоннаго государства... Нѣсколько разъ онъ съ нескрываемою ненавистью взглянулъ прямо въ глаза Трубежову, тогда какъ въ Дарову относился вообще снисходительнѣе: этотъ, дескать, не важенъ, старикъ выброшенный за бортъ, а вотъ ты, юноша, котораго мы знали ребенкомъ и съ отцомъ твоимъ хлѣбъ-соль водили,—ты *нашъ*, плоть отъ плоти нашей и кость отъ костей нашихъ—и ты, Брутъ!..“ ты идешь не только противъ насъ, но и противъ своей собственной Трубежовки!..

Настасья Дмитріевна, услышавъ необычайный въ ея домѣ громкій разговоръ, явилась въ кабинетъ — и спокойствіе водворилось. Она чинно сѣла на диванъ, обвела присутствующихъ вроткимъ, благосклоннымъ взглядомъ.

— Вы очень нелюбезны, *messieurs*, совсѣмъ забыли о нашемъ существованіи. И ужъ вѣрно все эта политика! Въ послѣднее время она стала слабостью Базиля, а при его страданіяхъ печени, иногда онъ просто невыносимъ.

— Что-жъ дѣлать, матушка!—*A la guerre comme à la guerre*; тутъ не до нѣжностей, и не всякое лыко въ строку.

— Какая война? У насъ, слава Богу, время мирное.

— А такая война, что скоро, кажется, братъ пойдетъ на брата... Куда ни взглянешь—люди честные, благонамѣренные, стремящіеся къ одной цѣли, а сойдутся — и ниваякъ не могутъ столковаться, готовы, кажется, горло другъ другу перегрызть... Хе, хе, хе!—Въ сущности, шумъ весь изъ пустого недоразумѣнія, споръ о подробностяхъ... Должно быть ужь, въ воздухѣ есть что-то такое... хе, хе! — Не правда-ли, господа, — въ воздухѣ?

Василій Парфенычъ какъ-то вдругъ обмякъ, принялъ даже заискивающій тонъ и, протянувъ обѣ руки своимъ антагонистамъ, прибавилъ:—Вѣдь мы хотимъ одного и, въ концѣ концовъ, непременно поладимъ...

— Вы-бы лучше пульку составили, продолжала хозяйка, — Базиль привыкъ, и каждый вечеръ въ клубѣ играетъ. Ему это необходимо, даже докторъ приказываетъ.

— Двѣ, двѣ пульки обязательно. Въ самомъ дѣлѣ, господа, „пока споръ о священныхъ обязанностяхъ“, какъ говоритъ Гоголевскій игрокъ, не засѣсть-ли намъ по маленькой?

Чтобы дать хозяину какой-нибудь реваншъ за только-что понесенное имъ пораженіе, гости согласились засѣсть за зеленый столъ, и такъ какъ въ картахъ они были, что называется, лаптеплеты, то Василій Парфенычъ, безъ зазрѣнія совѣсти, вздулъ ихъ цѣлковыхъ на двадцать — и остался чрезвычайно доволенъ и собой, и ими.

VI.

Пріятели наши переночевали въ городѣ. На другое утро встрѣтились у Трубежова кой-какія дѣлишки; между прочимъ, надо было взять у губернскаго землемѣра вновь вывѣренный генеральный планъ отцовскаго имѣнія. Только къ обѣду они возвратились въ Трубежовку. Во все это время и Даровъ, и Трубежовъ ни разу не поднимали разговора о вчерашнемъ днѣ, какъ будто имъ было не ловко или стыдно, или не придавали они никакой важности знакомству съ Битюговыми и не слѣшили свести концы вынесеннымъ впечатлѣніямъ.

Дома Куробейниковъ засыпалъ ихъ вопросами и кипятился, не получая толковыхъ отвѣтовъ.

— Вы, братцы, словно не солоно похлебали. Ужъ не вышель-ли легенькій скандальчикъ, а?

— Тебѣ всюду мерещатся скандалчики, попрекнулъ Трубежовъ;—ничего, все обстояло благополучно, какъ надлежитъ въ порядочномъ домѣ.

— Да расскажите-же, хоть чѣмъ васъ угощали? У предводителя погребъ долженъ быть снабженъ основательно.

— Кстати,—мы голодны, какъ волки; поѣдимъ и развяжемъ языки. Натощакъ всего не перескажешь. Давайте обѣдать.

За обѣдомъ Коробейниковъ опять приставалъ и подтрунивалъ: „Зазнались,—генеральской важности нанюхались!“

Трубежовъ комично передалъ сцену въ кабинетѣ и суть записки таинственного анонима.

— Ну вотъ, послѣ этого и спроси Федора Алексѣича, станеть-ли онъ еще упорствовать, что съ такими гусями можно сходиться, спорить и долбить имъ что-нибудь путное?

— Да какъ-же, вѣдь онъ либераломъ рекомендовался, а Федоръ Алексѣичъ отъ доброты души повѣрилъ... Ай да либераль! Ха-ха-ха! Коробейниковъ залился хохотомъ.

Даровъ молча пощипывалъ бородку и не обижался веселостью товарищей. Онъ былъ какъ-то мягковъ и грустенъ.

— Я во всю мою жизнь никогда не отпирался отъ своихъ словъ и повторяю, что къ Битюгову всегда готовъ ѣхать, спорить съ нимъ и не уступать ему ни на волосъ. Миссіонеры идутъ съ проповѣдью не къ своимъ, а къ чужимъ. Чуждаться его—малодушно и неразсчетливо. Что изъ этого выйдетъ — не знаю. Допустимъ, что ничего... Теперь, вотъ, ему смерть хочется слыть либераломъ, и ради этого самъ идетъ къ намъ и насъ къ себѣ приглашаетъ; пусть-же знаетъ, что прикормить насъ нельзя и ротъ заткнуть тоже невозможно. Согласенъ, что всѣ наши словопренія — чистѣйшая ерунда, даже очень смѣшная... Ну, и смѣйтесь вволю! А вотъ когда будетъ не до смѣха, если такіе господа оперятся, возмечтаютъ, что большинство — (и какое большинство?—всѣ, кромѣ личныхъ враговъ...) съ ними, и хорошее дѣло попадетъ въ ихъ руки, тогда-то они покажутъ себя!..

— Постой, другъ, остановилъ его Трубежовъ. — Ты неисправимый пессимистъ. Никогда этого не будетъ.

— Дай досказать. Тогда они насъ, вмѣсто кормленія обѣдами, постараются изморомъ извести, въ тартарары запрятать, а почему? Потому, что мы сторонились, не шли имъ прямо въ упоръ, а полемизировали анонимно, заглазно, какъ какіе-то

принципіальные фантомы, а не живые люди съ горячей кровью и подчасъ внушительными мускулами. Фантомовъ нынче и дѣти не боятся... Вотъ почему я пойду къ Битюгову и стану съ нимъ спорить до пѣны у рта. Я не вѣрю, чтобы человѣкъ не сознавалъ правды и разума, даже когда они исходятъ отъ врага его...

— Все это такъ, но никогда Битюговы не восторжествуютъ.

— А я подержу пари, что черезъ какой-нибудь годъ они ужъ не подъ секретомъ будутъ читать свои проекты, а провозглашать во всеуслышаніе, пожалуй, свой собственный органъ заведуть.

— Ахъ, это-то и нужно! подхватилъ Коробейниковъ.—Тогда-то мы и обработаемъ ихъ на чистоту! Ужъ вы, Ѳедоръ Алексѣичъ, больно много имъ важности придаете; противъ нихъ самое подходящее оружіе—смѣхъ. И повѣрьте, мы, мальчишки, отлично сдумѣемъ оболванить всякихъ высокопарныхъ шутовъ, каждому подобающій ярлычокъ влѣпимъ—такъ и пойдетъ съ нимъ гулять по свѣту!

— Смѣхъ, безспорно, большая сила. Но надо, чтобы смѣхъ былъ открытый, здоровый, во всю глотку, а не хихиканье въ кулачокъ, или не Эзопова притча.

— И захохочемъ, заоремъ, дайте срокъ.

— А вы, батенька, забыли, что васъ сейчасъ-же могутъ обрешить... Мы не въ Арапіи живемъ, у насъ есть будочники... Кажется, такъ поется въ какомъ-то старинномъ водевилѣ...

— Боятся всякихъ пугалъ, значить осудить себя на полнѣйшее бездѣйствіе.

Молодежь вообще любила и уважала Дарова за прежнюю его жизнь, которая была извѣстна многимъ. Онъ всегда доводилъ до крайностей вражду ко всякаго рода легкомысленнымъ надеждамъ, иллюзіямъ, самообману; а теперь, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отчужденія отъ текущей жизни, едва-ли не утратилъ чуткую способность распознавать дѣйствительно возможное отъ несбыточнаго и впалъ въ тяжелый пессимизмъ quand-même. Таковъ онъ былъ въ своей перепискѣ и случайныхъ встрѣчахъ съ людьми вновь созрѣвшаго поколѣнія. Но сквозъ оболочку суроваго отрицателя и насмѣшливаго циника въ немъ проглядывалъ теплый, сердечный человѣкъ, который все простилъ, но ничего не забылъ; его старыя раны не зажили, а потому онъ боится новыхъ, которыя будутъ уже смертельны и бесполезны... Молодые друзья его

знали, что онъ съ ними и за нихъ, но тайный голосъ шепталъ имъ, что это подстрѣленная птица, которой уже не взмахнуть сильнымъ крыломъ... Съ нимъ спорили, но, по чувству простой деликатности, не доводили спора до той черты, за которою уже невозможно соглашеніе. Его жалѣли и боялись потерять...

Движимые этимъ добрымъ чувствомъ, Трубежовъ и Коробейниковъ, не сговариваясь, поспѣшили перемѣнить разговоръ.

— Довольно, господа, объ этомъ мандаринѣ съ пятью шариками. Кто-же тамъ еще былъ?

— Слава Богу, никого. Вѣдь мы нагрязнули врасплохъ, прямо въ семейный кругъ попали.

— Ну, это тоже не особенно весело.

— Нѣтъ, семья у него, кажется, очень милая, вступился Даровъ.

— Какъ-же, какъ-же, чрезвычайно милая! съ легкой ироніей похвалилъ Трубежовъ и взглянулъ въ лицо Дарову, какъ-бы стараясь отгадать, разсердится онъ или нѣтъ. — Ты, Коробейниковъ, сегодня имѣешь право выпить лишнюю бутылку вина, — поздравь: нашъ Федоръ Алексѣичъ одержалъ знаменитую побѣду — влюбилъ въ себя барышню... Да вѣдь какъ ловко, изподтишка, никто и не замѣтилъ, какъ онъ забрался въ отдаленный будуарчикъ и часа два разсыпался въ любезностяхъ...

— Bravo, Федоръ Алексѣичъ! Ура! Пью за даму вашего сердца.

Даровъ не могъ сохранить своей обычной серьезности и съ какимъ-то ожесточеніемъ понюхавъ табаку, отпарировалъ шутку шуткой.

— На счетъ любезности, право, не знаю, а что вотъ этого табачищи разсыпалъ очень много. Элегантная барыня-хозяйка, поди, чай и сегодня, войдя въ свой будуаръ, чихаетъ да меня поминаетъ. Отродясь я ловеласомъ не состоялъ и при здоровыхъ ногахъ, а теперь куда ужъ безногому любовные пируэты выдѣлывать! Трубежовъ вѣдь хитритъ, съ больной головы на здоровую... Ахъ, ты мой милый Гришута!..

Даровъ ласково положилъ руку на его плечо.

— Э-э, господа мои, такъ вы оба тамъ пошаливали!

— Да-съ, Павелъ Петровичъ, я вамъ скажу: нашъ Гришута поддѣпиль такую сочную шутку, что мое почтеніе! Просто, вишенка зрѣлая, отъ нее такъ и брызжетъ здоровьемъ и силой— даже страшно. И при томъ поеть, я вамъ доложу, восхитительно.

Гожосище такой, что на десять примадоннъ хватить. Поеть она, знаете-ли, и на Гришу такіе глазеналы вскидываетъ, что все ясно: въ чувствіяхъ моихъ, дескать, ты не сомнѣвайся, а переговоры прямо съ мамашей...

Трубежовъ разсмѣялся, однако покраснѣлъ, какъ уличенный школьникъ.

— Ого, вотъ оно куда пошло! безжалостно продолжалъ Коробейниковъ.—А мамаша, что-же? Строжайшій аргусъ или тоже не прочь уловить паренька?

— Мамаша—какая-то пружинная дама, вся на пружинахъ. Она своему Базилію подъ масть и связываетъ политику съ его печенкой. А дѣвицы—прелесть...

— Ужь должно быть прелесть, коли одна изъ нихъ сдумѣла заинтересовать васъ на цѣлыхъ два часа.

— Нѣтъ, господа, объ этой лучше промолчимъ... Въ нашей шутилой бесѣдѣ было-бы совсѣмъ неумѣстно... Зачѣмъ же? Она достойна серьезнаго отношенія... Объ ней лучше въ другой разъ.

На минуту всѣ пріумолкли.

Коробейниковъ почти шопотомъ спросилъ Трубежова:

— Это которая-же?

— Старшая дочь.

— Какъ зовутъ?

— Лидія Васильевна.

— Какое поэтическое имя—Лидія...

Даровъ какъ-будто проснулся и проговорилъ больше для себя, чѣмъ для собесѣдниковъ:

— Да, имя бьетъ на эффектъ, отзывается большою претензіей и, главное, къ ней совсѣмъ нейдетъ. Она сама очень юмористично рекомендуется: „въ каждомъ многочисленномъ дворянскомъ семействѣ непременно одна изъ дочерей должна быть Лидія, это ужъ такъ заведено; и вотъ совсѣмъ некстати мнѣ выпало это имячко. Ну, какая-же я Лидія?“—Даровъ улыбнулся и прибавилъ:—Вѣрнѣе, она просто — Марфа...

— Марфа, которая печется о многомъ — евангельская Марфа... сказалъ Трубежовъ.—Оно даже было замѣтно по ея роли во время обѣда.

Даровъ хотъ и просилъ не говорить больше объ этой дѣвушкѣ, но удержаться самъ не могъ: втянулся невольно въ разговоръ, измѣнившій, впрочемъ, свой шутилый характеръ.

— Вѣдь она дочь Василя Парфеныча отъ первой жены. Де-

ликатнѣйшая Настасья Дмитріевна могла рожать только геніальныхъ дѣвочекъ, ну, а эта простенькая вышла, рѣзко отъ сестриць отлѣляется... Очень толковая дѣвушка, умница.

— Дали ей сколько-нибудь солидное образованіе?

— Не знаю. О научныхъ и высшихъ матеріяхъ намъ говорить какъ-то не пришлось. Ее, какъ видно, больше интересуютъ обыкновенные, прозаическіе, но существенные вопросы будничной жизни. И какъ умно, какъ осмысленно она умѣетъ спрашивать; вы чувствуете, что она ужь обо всемъ думала, что это не пустое любопытство, оттого и говорить съ ней чрезвычайно легко. Это такая благоустроенная головка, какихъ я почти и не встрѣчалъ...

— Я только-что сказалъ наобумъ: евангельская Марфа, а теперь, слушая тебя, начинаю понимать, что она дѣйствительно дѣвушка этого типа.

— Да, братъ, это вѣрно, и пошли намъ Богъ побольше женщинъ этого типа... Въ мірѣ много увлекающихся Марій, кающихся Магдалинъ, и мы всѣ любуемся ихъ женственною прелестью, ихъ сердечностью; но повѣрь, человѣчество было-бы гораздо счастливѣе и жилось-бы ему гораздо разумнѣе, если-бы чаще встрѣчались Марфы, пекущіяся о мнозѣмъ... Мы такъ развращены, что Марфа пугаетъ насъ, отталкиваетъ или вызываетъ насмѣшки, и чѣмъ-же? Тѣмъ, что она человѣкъ серьезный, занятый дѣломъ, что ей просто некогда стать ради нашего удовольствія блудницей... У насъ блудница на всѣхъ ступеняхъ общества теперь первый сюжетъ: съ нея мы пишемъ картины, ее выводимъ на сцену, анализируемъ ее въ романахъ; если иной разъ и прикрываемся маской негодующихъ обличителей, такъ это вздоръ, вранье, которому никто не вѣритъ, потому что у самихъ слюнки текутъ. Пока еще деревенскій народъ уцѣлѣлъ отъ этой язвы, но надолго-ли? Это, господа, великая тема для мыслящаго человѣка. Можетъ быть, въ ней лежитъ рѣшеніе всего женскаго вопроса... Говорю вамъ не по настроенію минуты, нѣтъ—объ этомъ я давно и крѣпко думалъ. Не аскетизмъ, не умерщвленіе плоти слѣдовало проповѣдовать строгимъ моралистамъ: это опять ерунда, потому что любить и быть любимымъ—самая законнѣйшая потребность каждаго изъ насъ, а дѣло въ томъ, *кого* любить и *какъ* любить—въ этомъ вся мораль половыхъ отношеній.

Даровъ говорилъ горячо, увлекательно...

Трубежовъ и Коробейниковъ переглянулись и подумали: „а вѣдь Даровъ, чего добраго, влюбился не на шутку“...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ч у ж а я.

І.

Лидія Васильевна не знала матери, послѣ которой осталась лѣтъ четырехъ, на рукахъ своей гувернантки, Настасьи Дмитриевны. Черезъ годъ—она это хорошо помнитъ—у нихъ въ деревнѣ былъ очень веселый праздникъ, ее разодѣли, какъ куколку, въ бѣлое платье съ розовыми лентами, надарили много куколь и бонбоньерокъ и сказали, что съ этихъ поръ она должна называть Настасью Дмитриевну маман и любить, какъ родную мать. Дѣвочка покорно исполняла то, что ей внушали. Новая маман обращалась съ нею гораздо ласковѣе, чѣмъ прежде, когда была гувернанткой; отецъ тоже всячески поощрялъ и награждалъ Лидочку за добрыя чувства. Дѣтство ея проходило по внѣшности счастливо, и если что нѣсколько смущало ее и надоѣдало до крайности, такъ это слишкомъ настойчивые, частые вопросы отца, точно-ли она любитъ мамиху и искренно-ли готова во всемъ угождать ей, словно домогался онъ выворотить на изнанку дѣтскую душу. Лидочка отмалчивалась; какая-то инстинктивная стыдливость не позволяла ей выставить на показъ то, что тихонько назрѣвало въ ея маленькомъ сердечкѣ. Иногда она готова была расплаваться: „да чего-же вамъ еще отъ меня нужно! видите, что я исполняю все, чего отъ меня требуютъ“... Она знала, что двухъ горничныхъ дѣвушекъ, тоже маленькихъ, Пашу и Феню, сослали на скотный дворъ за то, что онѣ неугодили мамашѣ, да еще и косы имъ отрѣзали. Это произошло на ея глазахъ и впервые навело ее на понятіе о страхѣ... Она видѣла, что старшіе могутъ сдѣлать съ младшими все, что захотятъ; развѣ это не страшно?

Каждый годъ появлялись у Лидочки маленькія сестрички и занимали въ домѣ привилегированное положеніе. Мамаша строго натвердила Лидочкѣ, что надо имъ во всемъ угождать, уступать и даже не смѣть говорить громко, когда онѣ спятъ. Всѣ мелочи дѣтской жизни пріучили ее думать, что сама по себѣ она ничего

не значить и житье только для того, чтобы угождать другимъ, дѣлать то, что другіе требуютъ, и тогда ее будутъ хвалить и ласкать. Эта постоянная мысль удручала дѣтскую головку, вгоняла внутрь всѣ ея наивные порывы проявить свою собственную волю. Не съ кѣмъ ей было подѣлиться своимъ печальнымъ настроеніемъ: съ мачихой она никогда не могла говорить обо всемъ, что приходило въ голову: Настасья Дмитріевна очень систематично внушала ей, что добрая дѣвочка не должна болтать всякій вздоръ, слѣдуетъ прежде хорошенько подумать о томъ, что хочешь сказать. Сосредоточенная въ самой себѣ, подавленная непосильною головою работой, Лидочка даже часто хворала безъ всякой видимой болѣзни; ее поправляли домашними средствами, — поили липовымъ цвѣтомъ, вытирали уксусомъ и успокаивались, что это болѣзнь въ росту.

Но въ деревнѣ житье было еще сносное, болѣе или менѣе привольное; находились кой-какія лазейки хоть на минуту укрыться отъ строгой дисциплины. Лидочкѣ уже шелъ тринадцатый годъ, когда родители рѣшили навсегда покинуть деревню и поселиться въ городѣ. Настасья Дмитріевна сильно мотивировала это рѣшеніе необходимостью приняться за образованіе дѣтей; какъ спеціалистка по педагогіи, она брала это великое дѣло на себя, не дозволяя отцу ни малѣйшаго вмѣшательства. Тоничкѣ тогда было восемь, а Катенькѣ семь лѣтъ; остальная мелюзга въ счетъ пова не шла. Лидочка въ деревнѣ кое-чему училась подъ руководствомъ мачихи: порядочно писала по русски, плохо — по французски, знала четыре правила арифметики, и съ деревенскимъ батюшкой проходила законъ Божій, т. е. наизусть учила молитвы и краткую священную исторію. Настасья Дмитріевна, однако-жь, хоть и была до замужества гувернанткой, но, ставши барыней, тяготилась классными занятіями и обнаруживала крайнюю нетерпѣливость. Не разъ Лидочка въ слезахъ уходила съ урока, прерваннаго разгнѣванной маман. „Безтолковая деревяшка, тупица, пустоголовая лѣнтаяка“, и другія обидныя выраженія щедро сыпались на дѣвочку, которая, дѣйствительно, никакъ не могла понять того, чего горячая учительница нивагъ не умѣла объяснить.

Въ городѣ Настасья Дмитріевна позаботилась прежде всего объ устройствѣ классной комнаты, о снабженіи ея самоновѣйшими учебными пособіями; ей непремѣнно и прежде всего хотѣлось, чтобы отцы и матери лучшихъ семействъ пришли взгля-

нуть на это домашнее педагогическое совершенство и въ одинъ голосъ закричали: „ахъ, какая умная мать, какъ превосходно умѣла она все это устроить, вотъ у кого надо всѣмъ намъ поучиться“! Затѣмъ, были приглашены три учителя—русскій, французъ и нѣмецъ, а Настасья Дмитріевна сохранила за собою только одно верховное право инспекціи. Кое-что знавшая Лидочка и ничего еще не знавшія, кромѣ азбуки, Тоничка и Катенька были посажены на одну скамейку, но, чтобы уравнивать шансы, Настасья Дмитріевна отрекомендовала педагогамъ Лидочку, какъ совершенно неспособную, тупую дѣвочку, съ которою не мѣшаетъ начать съ азбуки; „а эти птички, прибавила она съ нѣжною шутливостью,—о, за нихъ я не боюсь! Онѣ догонять и перегонять бѣдную Лиду... Вѣдь я ее ужасно люблю, мою дурняшку-Лиду, даже больше люблю, чѣмъ другихъ; но что-жъ дѣлать! способности даются намъ отъ Бога“...

Каково-же было огорченіе нѣжной матери, когда въ самомъ непродолжительномъ времени педагоги единодушно донесли ей, что m-lle Лидочка никакъ не должна идти въ уровень съ младшими сестрами: кромѣ того, что она уже кое-что знаетъ довольно основательно, она развитѣе ихъ, что, наконецъ, эти дѣвочки мѣшаютъ ей подвигаться впередъ, потому что съ величайшимъ трудомъ усваиваютъ самыя простѣйшія вещи...

— Это онѣ отъ разсѣянности. Да, мои рѣзвухи очень разсѣянны; надобно ихъ приохотить, заинтересовать, заставить полюбить занятія, тогда увидите, какъ быстро пойдутъ онѣ!..

Однако, проходили мѣсяцы, а разсѣянность Тонички и Катеньки нисколько не ослабѣвала, и отзывы учителей, и наглядные результаты ученія вовсе не рекомендовали ихъ блестящихъ способностей. Настасья Дмитріевна оставалась непоколебимою; она стала чаще присутствовать на урокахъ и самымъ невиннымъ образомъ находила поводъ восхищаться быстротою соображенія младшихъ ученицъ и горестно сожалѣть, что бѣдная Лидочка, несмотря на прекрасную память, совершенно лишена воображенія. Постоянно употребляя этотъ, вовсе не тонкій приемъ, Настасья Дмитріевна успѣла поколебать мнѣніе учителей,—домашніе учителя, какъ извѣстно, всегда стараются жить въ ладу съ родителями; они стали смотрѣть на Лидочку, какъ на прилежную, но весьма ограниченную дѣвочку; хуже всего, что она сама стала сомнѣваться въ своихъ способностяхъ и съ тихою покорностью выслушивала замѣчанія учителей и на-

смѣшки маленькихъ сестренокъ. И въ самомъ дѣлѣ, стала учиться совсѣмъ не такъ, какъ прежде.

Скоро прибавилось еще одно новое обстоятельство, которое окончательно низвело Лидочку въ ряды самой жалкой бездарности. Настасья Дмитриевна нашла, что пора приняться за развитіе въ дѣтяхъ эстетическаго чувства и сама принялась обучать ихъ изящнымъ искусствамъ, начавъ, разумѣется, съ бранчанья на фортепяно. Тутъ ужъ, дѣйствительно, безъ всякой натяжки, обнаружилось, что Лидочка не обладаетъ никакими артистическими способностями; учить ее было-бы напрасной тратой времени, и, черезъ полгода бесполезныхъ мученій, она была уволена отъ музыки.

Всѣ неуспѣхи Лидочки не сопровождались никакими жесткими упреками, бранью или наказаніями; напротивъ, они вызывали какое-то общее къ ней сожалѣніе, какъ къ существу доброду, но обдѣленному дарами скупой природы. Матанъ была съ нею также ласкова, но поставила большой крестъ на заботѣ о дальнѣйшемъ ея образованіи.

По старымъ дворянскимъ понятіямъ, образованіе дѣтей никоимъ образомъ не могло быть завершено дома; нѣсколько лѣтъ въ стѣнахъ казеннаго учебнаго заведенія представлялись неизбѣжнымъ финаломъ педагогической выдѣлки. Битюговы снарядили Тоничку и Катеньку въ институтъ.

— Ну, а что-же ты будешь дѣлать, моя бѣдненькая? спросилъ отецъ Лидочку. — Мы съ тобой останемся дома, на хозяйствѣ, да? Не тужи, моя безталанная, не всѣмъ съ неба звѣзды хватать. Я люблю тебя такою, какъ ты есть, моя простушечка! прибавлялъ онъ, цѣлуя ее въ голову.

— Да оно и встаетъ будетъ: теперь я повезу Тоню и Катю въ Петербургъ и потомъ постоянно буду ѣздить къ нимъ; на кого-же домъ-то оставлять? Вотъ и прекрасно; пусть Лида принимаетъ бразды правленія; пора приучаться—ужь шестнадцатый годъ.

Лида сложила всѣ свои учебники и вошла въ роль ключницы. Для остальныхъ трехъ маленькихъ дѣвочекъ была взята бонна, швейцарка, и найденъ какой-то дешевенекій учитель; что дѣлать, доходы Василя Парфеныча не возрастали, а даже, годъ отъ году, какъ-то незамѣтно, оскудѣвали, а расходы на институты и, больше всего, на частыя поѣздки къ нимъ нѣжной матери, значительно прибавились. По необходимости, нужно было

сжаться хотъ въ тѣхъ статьяхъ домашняго обихода, которыя не видны постороннему глазу.

II.

Случилось такъ, что именно съ того момента, когда прозорливая Настасья Дмитриевна признала за благо прекратить учебныя занятія Лидочки, свѣтъ умственнаго развитія пробился сквозь густой мракъ, въ которомъ безропотно угасала бѣдная дѣвушка. Этотъ свѣтъ пробился со стороны, косымъ и яркимъ лучомъ и, какъ все внезапное, пришедшее помимо замковъ и запретовъ, быстрѣе сдѣлалъ свое дѣло, чѣмъ самое методическое школьное образованіе.

Швейцарка, п-ле Антуанетта Томэ, была уже не молодая дѣвушка, весьма симпатичная, чрезвычайно живого темперамента, веселая, смѣлая, несмотря на множество перенесенныхъ житейскихъ невгодъ. Отецъ ея, честный булочникъ, отправилъ дочь въ Парижъ, съ рекомендаціей въ одинъ цвѣточный магазинъ, чтобы она выучилась тамъ зарабатывать себѣ честный кусокъ хлѣба; бѣдная дѣвушка обманомъ попала въ руки какому-то развратнику, который обѣщалъ на ней жениться и бросилъ въ такомъ положеніи, что она охотнѣе приняла-бы дозу самаго мучительнаго яда, чѣмъ согласилась явиться подъ родительскую кровлю. Исторія простѣйшая. Русскій князь, по рекомендаціи одной плутоватой коммиссіонерши (содравшей и съ князя, и съ Антуанетты порядочную provision), взялъ ее въ гувернантки своей дочери, привезъ въ Россію и, когда обнаружилось, что она не имѣетъ никакихъ данныхъ быть гувернанткой, безъ церемоніи выпроводилъ ее изъ дома, не доплативъ даже за нѣсколько мѣсяцевъ жалованья. Антуанетта не роптала на судьбу, сознавалась, что поступила не совсѣмъ честно; оставивъ всѣ претензіи, помирилась съ профессіей самой простой бонны и была даже довольна своимъ положеніемъ, весьма аккуратно откладывала часть своего скуднаго жалованья въ капиталъ, для возвращенія на родину, что было вѣнцомъ всѣхъ ея желаній. Она сумѣла сохранить какую-то, совершенно дѣтскую, простоту понятій о жизни и честность отношеній къ окружающимъ. Она никогда не гнала, а, вѣдь, это величайшая добродѣтель, особенно въ людяхъ, находящихся постоянно въ подчиненномъ положеніи. Чистосердечно сознавалась она въ своемъ крайне скудномъ

образованіи и страстно желала читать хорошія книги и учиться.

Въ К. она встрѣтила своего земляка, Жозефа Коммереля, технолога, который пріѣхалъ сюда на два года управлять писчебумажной фабрикой московскаго богатаго купца. Жозефъ Коммерель—красивый блондинъ, лѣтъ за тридцать, по виду необыкновенный силачъ, но чрезвычайно мягкій, кроткій; въ свѣтло-голубыхъ зрачкахъ его отражалась доброта и сердечная непорочность. Это былъ человекъ очень оригинальный и интересный. Кончивъ курсъ въ политехнической школѣ, онъ, какъ простой работникъ, работалъ на фабрикахъ въ Бельгiи и Англiи, потомъ провелъ годъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, вездѣ зарабатывалъ хорошія деньги, но никогда ихъ не имѣлъ, потому что кошелекъ его былъ открытъ для всѣхъ нуждающихся, преимущественно для рабочихъ. Часто онъ бывалъ жертвою самой наглой эксплуатаціи и рассказывалъ объ этомъ, нисколько не обвиняя бѣдныхъ обманщиковъ...

Онъ часто посѣщалъ свою землячку въ праздничные дни, когда на фабрикѣ не было работы. Принимая его въ своей комнатѣ, m-lle Томэ всегда старалась приготовить для него какое-нибудь незатѣйливое угощеніе, не важнѣе ставана кофе или шоколада съ домашними печеньями. Она смотрѣла на него съ нѣкоторымъ подобострастіемъ, считала чуть не гениальнымъ человекомъ; слушала его съ большимъ вниманіемъ, не потому только, что рассказы его были анекдотически-интересны, но потому, что въ нихъ всегда слышалось знаніе, очень много знанія, которое безъ педантизма освѣщаетъ всякое явленіе природы жизни. Онъ приносилъ ей книги и брошюры, которыя постоянно получалъ изъ-за границы; такимъ образомъ, дѣятельная m-lle Томэ весьма легко, дешево и пріятно пополняла скудость своего образованія.

Лидочку заинтересовали эти иностранцы, какъ жители всѣмъ иного міра. Съ Антуанеттой она скоро подружилась и стала постоянной участницей ея бесѣдъ съ Коммерелемъ. Тутъ все было для нея новизной, начиная съ горячей любви ихъ къ родинѣ, съ твердыхъ понятій о правахъ свободной человѣческой личности, до практическаго знакомства ихъ съ разнообразными техническими производствами, и, наконецъ, до самаго характера ихъ взаимныхъ отношеній, полного уваженія, деликатно-

сти, чуждаго всякихъ пошленькихъ оттѣнковъ, которые какъ будто неизбежны при сближеніи мужчины съ женщиной.

Въ то время отецъ Лидіи былъ выбранъ въ предводители на второетрехлѣтіе, и когда Коммерель однажды спросилъ ее, что значить въ Россіи *maréchal de noblesse*, какія его общественныя функціи и значеніе въ государственномъ строѣ, Лидія совсѣмъ растерялась: она ничего не знала и ей до сихъ поръ даже не приходили въ голову подобныя вопросы. Въ другой разъ онъ, узнавъ, что *m-lle* Лидія занимается въ домѣ хозяйствомъ, позволилъ себѣ поинтересоваться, сколько дохода получаетъ ея отецъ съ своихъ земель и сколько стоитъ содержаніе дома ежегодно, — Лидія еще разъ стала въ тупикъ. Ей было ужасно стыдно. Коммерель извинился за нескромный вопросъ и замѣтилъ, что знать эти вещи иногда необходимо не изъ празднаго любопытства.

— Впрочемъ, прибавилъ онъ шутливо, — говорятъ, что въ Россіи многія дамы не знаютъ, какъ производится тотъ хлѣбъ, который онѣ каждый день съ такимъ аппетитомъ кушаютъ...

Множество такихъ, повидимому, маленькихъ вопросовъ и недоумѣній безпрестанно мелькало въ ихъ бесѣдахъ; они возбуждали дѣятельность мысли и любознательность Лидочки. Чудакъ Коммерель теплой, юмористической веселостью умѣлъ какъ-то такъ сдѣлать, что Лидочка при немъ не краснѣла за свое невѣжество и свободно спрашивала его о томъ, что нужно знать женщинѣ.

— Oh, mademoiselle, не нужно ничего знать!.. Мы всѣ знаемъ такъ мало... Нужно умѣть жить, стараться все понимать и имѣть свою маленькую профессію, чтобъ зарабатывать кусокъ хлѣба и три фунта мяса, — можно и меньше, — но мнѣ нужно въ день три фунта мяса; я ѣмъ очень много.

— Жозефъ, отчего вы не женитесь? спросила разъ Антуанетта, лукаво подмигнувъ Лидіи. — Женитесь на мнѣ, общаю сдѣлать васъ совершенно счастливымъ.

— Не женюсь я оттого, что женатый Коммерель будетъ очень смѣшной человѣкъ... Мнѣ некогда, и я объ этомъ еще не думалъ. А на васъ, *m-lle Antoinette*, именно не женюсь, потому что вы не подходите къ моей теоріи.

Теорія его состояла въ томъ, что мужъ и жена должны быть людьми не только одинаковыхъ нравственныхъ, религіозныхъ и политическихъ убѣжденій, — это само собой, — но одинаковой профессіи, или иначе одинъ изъ супруговъ долженъ отказаться отъ

своей профессіи и стать паразитомъ, что очень невыгодно и очень стыдно. Онъ объяснялъ эту теорію такимъ тономъ, что невозможно было разобрать, гдѣ кончается серьезная мысль и начинается шутка.

Антуанетта весело и искренно расхохоталась, а дочь достачнаго русскаго помѣщика задумалась о томъ, какая-же ея профессія?

Коммерель пригласилъ Антуанетту съ дѣтьми прійхать осмотрѣть фабрику; Лидіи Васильевнѣ, какъ взрослой, онъ адресовалъ особое приглашеніе, сопровождая его почтительнымъ поклономъ. Настасья Дмитріевна на это время была въ Петербургѣ, а Василій Парфенычъ безъ малѣйшаго затрудненія разрѣшилъ эту поѣздку.

Коммерель, встрѣтивъ гостей въ рабочей курткѣ, показаль имъ весь процессъ превращенія кисельной жидкости въ катушени бумаги, объяснилъ всѣ недостатки принятаго здѣсь способа фабрикаціи, говорилъ о тѣхъ новѣйшихъ улучшеніяхъ производства, которыя ему извѣстны и которыя онъ желалъ-бы ввести на фабрикѣ своего хозяина, не понимающаго этого дѣла, — но все это доставляло, кажется, больше удовольствія ему самому, чѣмъ посѣтителямъ. Потомъ онъ просилъ ихъ сдѣлать ему честь посѣтить на нѣсколько минутъ его скромное холостое жилище, гдѣ уже были приготовлены фрукты, сыръ и вино. Лидія и Антуанетта не видѣли ничего предосудительнаго въ этомъ посѣщеніи и очень удивились, когда Василій Парфенычъ нахмурился и процѣдилъ сквозь зубы: „этого не слѣдовало-бы...“ Антуанетта не придавала никакаго значенія этому замѣчанію и, вмѣстѣ съ Лидіей, еще раза два навѣстила добряка-Коммереля.

Но настоящая буря разыгралась, когда, по возвращеніи изъ Петербурга, объ этомъ ужасномъ проступкѣ Лидіи и Антуанетты узнала Настасья Дмитріевна.

— Если я смотрѣла сквозь пальцы на визиты этого фабриканта — о, какъ презрительно произнесла она „этого фабриканта!“ — то это не давало вамъ права злоупотреблять моею деликатностью. Мой домъ — достачная гарантія, что тутъ ничего не можетъ быть дурнаго. Но по квартирамъ холостыхъ людей таскать съ собою дѣвочекъ, добро-бы еще маленькихъ, а то взрослую, которая, къ несчастію, такъ глупа, что не можетъ сообразить, какія изъ этого могутъ выйти послѣдствія для ея репутаціи... Это, какъ хотите — непристойно; потерпѣть я этого не могу.

Антуанетта гордо и горячо вступилась не столько за свой проступокъ, сколько за Лидію. Слово за слово—разрывъ вышелъ окончательный: Антуанетта оставила домъ Битюговыхъ. Лидія горько плакала, разставаясь съ единственнымъ существомъ, которое ее хоть нѣсколько любило и было безсознательнымъ проводникомъ тѣхъ крупницъ общечеловѣческихъ понятій, о которыхъ Лидія ни отъ кого не слыхала. Ей было жаль, что такъ безжалостно разорено уютное гнѣздышко, въ которомъ такъ разумно и честно проводила она нѣсколько часовъ въ недѣлю... По изгнаніи зловредной швейцарки, Настасья Дмитриевна произвела строгую ревизію и въ комнатѣ, и въ головѣ своей падчерицы... Въ комнатѣ она нашла нѣсколько книгъ, подаренныхъ Коммерелемъ, какъ показалось ей, нѣсколько сомнительнаго содержанія, которыя тотчасъ-же были отобраны. Но всѣ попытки вывѣдать, что происходило въ головѣ Лидіи, остались безуспѣшны: дѣвушка рѣшила не входить ни въ какія объясненія, автоматически исполнять то, что отъ нее требовалось, даже не протестовать противъ оскорбленій. Попробовала она обратиться къ отцу, но, вмѣсто сочувствія и защиты, встрѣтила апатичные, трусливые совѣты не раздражать добрѣйшую мамашу и, коли ужъ Богъ обидѣлъ способностями, не претендовать на роль какой-то непризнанной философики, а исполнять смиренно свои нехитрыя обязанности. Лидія строго исполняла свои обязанности, снискала уваженіе и привязанность всей домашней прислуги, но въ семьѣ она была совершенно чужая...

III.

Въ домѣ начался шумный и довольно безтолковый праздникъ, когда пріѣхали изъ института окончившія курсъ Тоника и Катенька. Все дѣлалось имъ въ угоду, все перестраивалось такъ, чтобы эти артистки-красавицы могли показаться обществу въ подобающей обстановкѣ. Лидія была совсѣмъ забыта; однакожь, Настасья Дмитриевна не могла утерпѣть, чтобы не рассказать своимъ любимицамъ—конечно, въ назидательномъ тонѣ—неприличный эпизодъ Антуанетты, въ которомъ, къ несчастію, замѣшалась „наша бѣдная проступка“.

— Я, было, посердилась на нее, но ей многое нужно извинить, съ сожалѣніемъ вздохнула Настасья Дмитриевна.

Сестрицы не удовлетворились полутемнымъ намекомъ, обра-

тились дружески къ Лидіи и по секрету стали допрашивать ее, какъ было дѣло, настойчиво добиваясь пикантныхъ подробностей любовнаго романчика. Это взорвало весь накопившійся гнѣвъ оскорбленной дѣвушки, она выгнала несносныхъ болтушекъ изъ своей комнаты и, блѣдная, дрожащая отъ негодованія, вошла къ мамахъ.

— Мамап, я въ вамъ съ важною просьбой...

— Что такое, дитя мое? невнимательно отълигнулась мать, не отводя глазъ отъ страницы новаго романа.—Деньги у папа; если что нужно, спроси у него.

Очевидно, Настасьѣ Дмитріевнѣ и въ голову не приходило, чтобы Лидія могла говорить серьезно о чемъ нибудь, кромѣ домашнихъ нуждъ. Каковъ-же былъ ея испугъ, когда Лидія сѣла противъ нея, упорно глядя ей прямо въ глаза, и впервые заговорила не дѣтскимъ тономъ.

— Я прошу васъ, чтобы въ вашемъ домѣ никто и нивогда не смѣлъ говорить объ Антуанеттѣ и Коммерелѣ. Я молчала, пока гнусныя выдумки касались только меня, — считаю себя выше подобныхъ оскорбленій,—но когда вижу, что грязная сплетня живо заинтересовала вашихъ дочерей и дразнить ихъ дурное любопытство, да кромѣ того ставить меня въ смѣшное положеніе передъ этими дѣвочками, то молчать долѣе не могу. Я требую, чтобы вы положили этому конецъ.

— Что ты, Лидочка? Что съ тобой? Опомнись! Что за трагедія?

— Надѣюсь, что вы исполните мою справедливую просьбу, иначе... я сама найду выходъ изъ этого невозможнаго положенія.

— Зачѣмъ ты это такъ принимаешь... Вѣтряныя дѣвочки что-нибудь сболтнули безъ умысла, самымъ невиннымъ образомъ, а ты ужъ видишь въ этомъ Богъ знаетъ какое преступленіе...

— На нихъ я не доношу и вообще говорить больше не стану. Если не хотите или не можете исполнить мою просьбу, то я знаю, что мнѣ нужно дѣлать...

Настасья Дмитріевна струсила, она не могла выдержать взгляда Лидіи, въ которомъ не было ни злобы, ни гнѣва, а именно одна рѣшимость на какое-то обдуманное дѣло...

— Успокойся, милая; пойдемъ, поговоримъ съ отцомъ, онъ тебѣ ближе,—я что-жь? По глупому, вульгарному преду-

бѣжденію, я—мачиха, стало-быть, ужь непременно злое и невинное существо. Пойдемъ къ нему на судъ.

Но Лидія отказалась идти къ отцу: она знала, что изъ этого ничего не выйдетъ.

И хорошо сдѣлала, что не пошла. Тамъ она еще разъ была бы оскорблена жесткимъ отзывомъ о ея друзьяхъ. Василій Парфенычъ, одержимый по временамъ припадками руссофильства, презиралъ поголовно всѣхъ иностранцевъ, особенно тѣхъ, которые поселяются у насъ, ѣдятъ нашу хлѣбъ-соль и, въ благодарность, прививаютъ нашимъ дѣтямъ всяческую ересь ихъ гнилой цивилизаціи. Внезапный бунтъ Лидочки онъ прямо приписывалъ ихъ глетворному вліянію. Да и сама Лидочка, если-бъ ее спросили, подтвердила-бы догадку отца; но что ему казалось пагубой, чуть не преступленіемъ, то въ сознаніи дочери возбуждало симпатію и глубокую благодарность.

Однако, Василій Парфенычъ крѣпко призадумался: что-же дѣлать съ возмутившеюся дѣвушкой, которую, волей-не-волей, приходится признать взрослымъ человекомъ? И жалко ему было ее, и боялся онъ въ домѣ скандала, и къ мотивамъ чисто моральнымъ онъ приплеталъ довольно мизерныя соображенія экономического, копѣчнаго расчета, какъ всегда бываетъ у натуръ мелкихъ, у характеровъ дряблыхъ. Дѣло въ томъ, что Лидочка уже два года управляла всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ и ввела въ немъ такой порядокъ, какого не было прежде, во время абсолютнаго царствованія самой Настасьи Дмитриевны. Молодая барышня, охотно и ничѣмъ не брезгуя, входила въ сношенія съ поставщиками провизіи, съ лавочниками и торговцами. Она знала, что отецъ часто и подолгу сидитъ безъ денегъ, и замѣтивъ сроки, въ которые онъ получаетъ доходы съ имѣнія, назначала всѣ платежи сообразно этимъ счастливымъ днямъ, чѣмъ и приобрѣла неограниченный кредитъ: ея слову вѣрили больше, чѣмъ роспискамъ родителя. Она исподволь и его приучила къ порядку въ денежныхъ дѣлахъ. Такой добрый геній въ домѣ, гдѣ живутъ не по средствамъ и не хотятъ знать ни въ чемъ недостатка, казался Василю Парфенычу гораздо цѣннѣе многихъ соображеній моральнаго свойства, объ охраненіи которыхъ горячо ратовала Настасья Дмитриевна. Онъ кое-какъ согласилъ ее на безусловную уступку требованію Лидіи, успокоивъ, что время излечить все и примирить раздоры, которые ни въ какомъ случаѣ нетерпимы въ порядочномъ и нравственномъ семействѣ.

Лидія увидѣла, что ея рѣшительный шагъ возымѣлъ надлежащее дѣйствіе: ее оставили въ покоѣ, мало того—ей возвратили всѣ отобранныя книги и даже дозволили принять Коммереля и Томэ, которые пожелали съ ней проститься, уѣзжая на родину. Словомъ, побѣда была полная, но вокругъ побѣдительницы образовалась какая-то пустота, холодная и темная, не было ни одной нравственной ниточки, которая связывала-бы ее съ семьею.— „Она нужна въ домѣ и пускай живетъ“. Ея личностью никто не интересовался, о ея будущности никто не заботился. Едва перешагнувъ двадцать два года, она уже смотрѣла на жизнь безотраднымъ взглядомъ старой дѣвы, даже завела себѣ котятъ... и только одной злобы,—какъ говорятъ, присущей всѣмъ старымъ дѣвамъ, злобы—не могла она завести въ своей незлобивой душѣ...

IV.

Въ такомъ положеніи были дѣла семейства Битюговыхъ, когда въ ихъ домѣ явились новые знакомые—Трубежовъ и Даровъ.

Поѣздка Трубежова въ Петербургъ не состоялась по многимъ причинамъ. Онъ получилъ извѣстіе, что „крестьянское дѣло“ принимаетъ благопріятный оборотъ: на дняхъ послѣдуетъ распоряженіе о созывѣ губернскихъ комитетовъ, которыхъ работы будутъ положены въ основаніе будущаго рѣшенія вопроса. „Стало быть, и дома у васъ будетъ много дѣла,—и какого дѣла!“—такъ писалъ ему корреспондентъ. „Весь успѣхъ реформы будетъ зависѣть отъ того, если честные люди войдутъ въ составъ комитетовъ и образуютъ внушительное большинство. Въ провинціяхъ много хорошихъ и честныхъ людей, но всѣ въ отвратительные лежебоки. Проснитесь, спать теперь подло! Ты энергиченъ и преданъ великой идѣе: кому-же, какъ не такимъ, какъ ты, принять участіе въ святомъ дѣлѣ и безъ пощады душить темныя силы, которыя незамедлятъ поднять голову и, вмѣсто свободнаго крестьянина-общинника, создадутъ несчастье Россіи—безземельнаго батрака. Мужайся добивайся! иначе ты будешь чортъ знаетъ кто—байбакъ и рохля,—сказаль-бы настоящее слово, да опасно: твой крѣпостной человѣкъ подслушаетъ и броситъ тебѣ его прямо въ лицо, а изъ этого произойдетъ революція и за нею всенепремѣнно экзекуція... Смотри-же, помни, что потомство взираетъ на тебя съ какой-то недосыгаемой

вышины, словно крылатый архангелъ съ петропавловскаго шпика "...

Это бойкое посланіе, въ которомъ серьезное дѣло чередовалось съ мальчишествомъ, какъ нельзя лучше характеризовало тогдашнее настроеніе передовой молодежи. Эпитетъ „передовой“ былъ тогда въ большой модѣ; передовые не хотѣли знать, что за праздничнымъ весельемъ всегда слѣдуютъ скучные будни... Это настроеніе живо передалось впечатлительной натурѣ Трубежова. Онъ готовъ былъ крикнуть такъ, чтобы въ Петербургѣ услышали: „Остаюсь и добьюсь!..“

Съ своими крестьянами онъ давно втихомолку размежевался, оставивъ имъ ихъ поля и угодья и отдѣливъ себѣ маленький кусокъ земли, ближайшій къ барской усадьбѣ. Они ужъ давно пользовались фактической свободой, оставалось только юридически оформить ихъ положеніе, но Трубежовъ съ этимъ не снѣшилъ, именно для того, чтобы, оставаясь пока въ рядахъ крупныхъ помѣщиковъ своей губерніи, удержать за собою право на участіе въ общемъ дѣлѣ. Въ этомъ случаѣ осторожные совѣты Дарова имѣли на него большое вліяніе.

Бѣдный Федоръ Алексѣевичъ съ наступленіемъ осенней непогоды почувствовалъ, что его старые друзья—ревматизмы всегда и всюду съ нимъ. Сначала онъ кое-какъ перемогался, хвѣрился, все поджидалъ первыхъ ясныхъ морозныхъ дней, чтобы выѣхать въ Одессу; но, на бѣду его, осень стояла гнилая, туманная, ранній снѣжокъ, выпавшій, было, въ началѣ октября, растаялъ и полились ежедневные мелкіе дожди, обращая черноземный грунтъ въ невылазныя топи. Въ такую погоду и здоровому-то человѣку было рискованно пуститься въ тысячеверстный путь, да притомъ не въ барскомъ дормезѣ, а въ убогомъ тарантасикѣ. Даровъ былъ выносливъ, не давалъ поблажки своему истощенному организму, держался на ногахъ до послѣдней крайности и часто пренебрегалъ мѣрами осторожности. Онъ первый поддалъ мысль проводить уѣзжавшаго въ Петербургъ Коробейникова до ближайшей почтовой станціи, и въ эту поѣздку такъ простудился, что слегъ въ постель. Трубежовъ увидѣлъ, что дѣло плохо: въ деревнѣ нѣтъ подъ рукой ни доктора, ни аптеки. Даровъ упорствовалъ, увѣрялъ, что это ничего, пройдетъ, что бывало хуже; къ медикамъ онъ не имѣлъ никакого довѣрія, лечилъ себя самъ, придерживаясь методы Распайля, но уступивъ настоятельнымъ просьбамъ Трубежова переѣхать въ городъ.

— Это я дѣлаю только для тебя, Гриша; мнѣ-то все равно, гдѣ ни околѣвать, а тебѣ тутъ будетъ скучно по цѣлымъ днямъ возиться съ полуживымъ человѣкомъ. Тамъ ты все-таки развлечешься. Ты со мной не нѣжничай: просто, оставь меня отлежаться и я навѣрное отлежусь.

Въ городѣ нанята была квартира на всю зиму, и наши друзья переселились.

— А вѣдь, знаешь, что, Федоръ Алексѣичъ: сколь мнѣ сіе ни противно, а придется перезнакомиться съ здѣшнимъ обществомъ.

— Непремѣнно! И отчего-жъ противно? Разумѣется, явшаться съ ними не слѣдуетъ въ клубахъ и разныхъ эдакихъ благородно-кабацкихъ заведеніяхъ, а надо, чтобъ они тебя знали, и ты ихъ размотри повнимательнѣе. Откровенно сказать, Гриша, не люблю я въ тебѣ этой брезгливости аристократическаго бѣлоручки, а она въ тебѣ сказывается при каждомъ столкновеніи съ людьми...

— Вотъ ужъ неправда! Кажется, я постоянно доказываю что мнѣ все равно, что князь, что мужикъ—я ищу въ немъ человѣка.

— Коли ты фантазеръ, художникъ, служишь искусству для искусства, то ищи, пожалуй, себѣ, человѣка—даже идеальнаго человѣка; а коли хочешь дѣло дѣлать, то брось всякую мѣрку и бери людей такими, какими создала ихъ среда, со всѣмъ багажемъ ихъ уродливостей; тогда ты навѣрняка сдѣлаешь дѣло. И не говори ты, Христа ради, мнѣ про мужика—это нынче модный мотивчикъ; его напѣваютъ одни по сантиментальности, другіе—по злостному лицемѣрію. Отовсюду слышишь: „ахъ, нашъ мужичокъ! ахъ, нашъ меньшой братъ!“ Выдумали какой-то прелестный идеаль мужичка, въ родѣ бискуитной статуэтки на дамскомъ туалетѣ, и залюбовались своей выдумкой. Я, братъ, четыре года провелъ взаперти вмѣстѣ съ заправскими мужиками...

— Ну, и что-же? Ты возненавидѣлъ ихъ?

— Зачѣмъ ненавидѣть! Люди, какъ люди. А надо тебѣ связать, на каторгу попадаютъ едва-ли не лучшіе люди... Опять-таки, я не въ смыслѣ христіанскихъ добродѣтелей: лучшіе по размѣрамъ душевныхъ силъ и энергій характеровъ, и все-таки идеализировать ихъ не могу.

— Я съ тобой буду спорить и никогда не соглашусь. Ты

взялъ примѣръ вовсе не подходящій. Мнѣ тоже довелось пожить съ народомъ и я вынесъ не мало самыхъ отрадныхъ воспоминаній.

Трубежовъ горячо оспаривалъ безотраднѣйшій и полный горечи взглядъ Дарова на таковой предметъ, который составлялъ „святая святыхъ“ всѣхъ его убѣжденій. Онъ привелъ десятки случаевъ, поистинѣ трогательныхъ и даже изумительныхъ, въ которыхъ героемъ былъ русскій мужикъ, наряженный въ солдатскую шинель.

— И ты, другъ, берешь тоже не подходящія примѣры... Война—состояніе общества вовсе не нормальное, оно и въ единицахъ вызываетъ тѣ-же явленія, которыя нельзя принять за норму обыкновеннаго, всегдашняго характера человѣка. Давно сказано, что война рождаетъ героевъ, а посмотри на насъ въ мирныя времена—тряпви тряпками...

— Кто-жъ тебѣ сказалъ, что наши мирныя времена, въ самомъ дѣлѣ, ужъ такая благодать, которая даетъ возможность выложить на показъ всѣ сокровища народнаго духа? Я, вотъ, честный человѣкъ, однако, принужденъ секретничать, хитрить, заискивать, какъ будто дѣлаю какое-нибудь сверное дѣло... Ты—человѣкъ, способный сказать трезвое, выстраданное годами слово, а между тѣмъ твое слово не идетъ дальше стѣнъ этого кабинета, а потому не только теряетъ свою силу, но впадаетъ въ фальшь, въ односторонность... Кто-жъ въ этомъ виноватъ?

— Въ томъ-то и горе наше, что мы ужасно любимъ этотъ полицейскій пріемъ: отыскать, молъ, виноватаго, сложить на его голову всѣ грѣхи и благодушно продолжать жить такъ, какъ жили... Вотъ ты сейчасъ очень деликатно намекнулъ, что я, можетъ быть, завираюсь... Пускай! Но дай Богъ, чтобы я завирался, когда чувствую потребность прямо сказать, что въ насъ самихъ нѣтъ выдержки, нѣтъ послѣдовательности, нѣтъ даже простого упрямства идти своей, не торною дорогой... Не сердись, красавецъ мой, тутъ и въ твой огородахъ брошенъ камушекъ: твоя задача, кажется, очень ясна, а доведешь-ли ты ее до конца,—положа руку на сердце, вѣдь ты сказать не можешь... да и я не скажу...

Трубежовъ улыбнулся какъ-то сомнительно и, повѣсивъ голову, сильно задумался...

При всей искренности отношеній и любви другъ къ другу, они почувствовали, что этотъ разговоръ провелъ между ними какъ будто огненную черту, сторожевую границу...

V.

Извѣстно классическое радушіе провинціального общества ко всякому новому лицу; эта, какъ увѣряють, коренная добродѣтель русскаго характера даетъ большой просторъ подвигамъ не только невмѣняемыхъ Хлестаковыхъ, но и отважныхъ пясарьковъ военнаго званія. Тысячедушный помѣщикъ Трубежовъ былъ всюду принятъ съ распростертыми объятіями; при этомъ никакъ не могъ онъ избѣжать дворянскаго клуба, гдѣ еженедѣльно по субботамъ давались обѣды, на которыхъ сближалось общество и развивались ораторскіе таланты, практикуясь предварительно на спичахъ въ честь губернатора, премилаго челоувѣка, отлично-игравшаго въ ералашъ. Василій Парфенычъ употреблялъ всѣ маленькіе маневры, чтобы показать обществу, что принимаетъ молодого Трубежова подъ свое особенное покровительство. Догадливые люди безъ всякаго затрудненія рѣшали, что въ домъ таковой умной и тонкой дамы, какъ Настасья Дмитриевна, господинъ Трубежовъ особенно-желанный и дорогой гость...

Своего больного пріятеля Григорій Сергѣичъ обставилъ всевозможными удобствами и теплымъ вниманіемъ къ его привычкамъ. Каждый день ему приносили вороха газетъ и книгъ, а затѣмъ, кромѣ нюхательнаго табаку, ему ничего не требовалось.

— Ты извини, что отдаю тебѣ такъ мало времени. Ты скучаешь?

— Слава Богу, никогда не водилось за мной этой глупости. По моему, челоувѣку не безнадежно-пустому скучать невозможно. Уединенія не боюсь: четыре года въ мертвомъ домѣ приучили меня считать одиночество верхомъ челоувѣческаго благополучія... Притомъ, здѣсь у тебя я окруженъ такими удобствами, такою роскошью, какой давно ужъ и во снѣ не видалъ...

— Полно, пожалуйста. Какая у меня роскошь! Будемъ дѣлиться, тѣмъ болѣе, что живемъ пока не на свой трудовой грошъ.

— Оттого-то я и говорю, что мы роскошествуемъ. Поди-ка, заработай столько, чтобы половину дня сидѣть въ тепломъ кабинетѣ и услаждать себя чтеніемъ газетъ и книгъ, а другую половину разсуждать о матеріяхъ важныхъ... Я, братъ, жилъ уро-

ками, получалъ по гривеннику въ часъ, такъ очень хорошо знаю, что значить трудовой грошъ. Теперь, вотъ, хворость одолѣла, вынужденъ принимать отъ тетки часть доходовъ съ дома, который, говорятъ, могъ-бы и совсѣмъ мнѣ принадлежать... Э, да Богъ съ ней! Пусть владѣть на здоровье. Такъ вотъ, и отъ нея принимать помощь, право, какъ-то зазорно. — Я все еще не теряю надежды поправиться: Одесса—городъ торговый, дѣятельный, авось найду тамъ кусокъ хлѣба... Только-бы здоровье какъ-нибудь починить. Ломота во всякой косточкѣ, ноги совсѣмъ отгазываются служить, да еще новая напасть: по утрамъ такіе припадки головокруженія, чуть не до обморока. Но ничего,— все пройдетъ! Я живучъ, какъ кошка. Да и время такое—любопытно пожить годовъ десятокъ, посмотрѣть, чѣмъ-то увѣнчается наше зданіе... Да, любопытно!

Лежа въ постели, облѣпленный пластырями и компрессами, Даровъ часто осиливалъ и забывалъ физическія страданія, увлекаясь горячимъ разговоромъ, пересыпая серьезныя темы веселыми шутками и всегда удерживая за собою въ спорѣ послѣднее слово. Онъ справедливо сказалъ про себя, что живучъ, какъ кошка. Удивительно было, откуда берется столько энергіи въ этомъ маленькомъ, совершенно истощенномъ человѣкѣ со впалюю грудью, остро выдавшимися костями, обтянутыми желтой кожей, безъ малѣйшихъ признаковъ мяса и мускуловъ. Казалось, что онъ вотъ-вотъ сейчасъ развалится и замретъ съ послѣднимъ вылетѣвшимъ изъ груди словомъ, а между тѣмъ этотъ живой скелетъ только скорчится на мгновеніе, выругаетъ непечатнымъ словомъ свой ревматизмъ и, понюхавъ изъ тавлинки, пойдетъ опять громить язвы общественнаго организма, какъ будто онъ для него гораздо чувствительнѣе той нестерпимой боли, которая безъ умолка сверлитъ его старыя кости...

Возвращаясь домой, Григорій Сергѣичъ обстоятельно повѣствовалъ больному другу о своихъ походахъ и впечатлѣніяхъ.

— У насъ, братецъ, объявился необыкновеннѣйшій герой дня; теперь только и рѣчи, что о немъ. Это нѣкто г. Мокшинъ, помѣщикъ 250 и 300 душъ. Онъ недавно, вскорѣ послѣ войны, купилъ здѣсь имѣніе; служилъ по провіантской части, стало быть, происхожденіе его капиталовъ понятно. Пронюхалъ этотъ субъектикъ, что крестьянское дѣло принимаетъ оборотъ не совсѣмъ благопріятный въ его смыслѣ, раскинулъ умишкомъ—и

удивилъ публику: объявилъ, что, движимый благородными побужденіями, какъ неліцемерно-преданный слуга престоль-отечества и пр. и пр., онъ отпускаетъ своихъ крестьянъ на волю. Ну, а какъ-же усадьбы, земля? спрашиваютъ его. „Это ужъ ихъ забота; какъ они сами захотятъ; могутъ у меня-же купить или принанять... Поторгумся—сойдемся. Съ своей стороны я приношу посильную жертву, никто не можетъ попрекнуть меня въ **корыстныхъ видахъ...**“

— Вотъ каналья-то!

— Безподобно онъ объясняетъ и доказываетъ беззорыстіе своей жертвы. У меня, говоритъ, былъ законно пріобрѣтенный капиталъ, положимъ, въ сто тысячъ; на этотъ капиталъ я законнымъ образомъ покупаю имѣніе, покупаю, замѣтите, не одну землю, но и крестьянъ. У насъ, слава Богу, не беззаконная страна, и цѣна ревизской души точно опредѣлена закономъ, хотя бы принять ту цифру, которая установлена при закладѣ населенныхъ имѣній въ Опекунскомъ совѣтѣ. Мои крестьяне представляютъ собою капиталъ, положимъ, въ пятьдесятъ тысячъ,—и вотъ отъ этого капитала я отказываюсь добровольно, движимый единственно гуманностью... Если-бъ ты видѣлъ, Федоръ Алексѣичъ, съ какой ироніей онъ произноситъ это дикое и смѣшное для него слово „гуманность“!.. Но дальше: не купи, говоритъ, я имѣніе, вѣдь никто-бы не имѣлъ права отнять у меня половину капитала, законно и честно пріобрѣтеннаго, (онъ все больше на законность упираетъ и произноситъ это любимое свое словечко какъ-то особенно, съ удареніемъ на первомъ слогѣ „законно“)... Изъ всего сего явствуетъ, милостивые государи, что я жертвую моему отечеству капиталъ въ пятьдесятъ тысячъ рублей. Мы, дворяне, должны быть впереди всѣхъ благихъ начинаній... И какъ ты думаешь, дружище, эта лыкомъ шитая аргументація на многихъ подѣйствовала, показалаcя неопровержимою... Досадно стало. Я высказалъ нѣкоторымъ порядочнымъ людямъ мое мнѣніе и увѣренность, что сами крестьяне не примутъ такой воли...

— Ну вотъ! Зачѣмъ-же ты „нѣкоторымъ порядочнымъ людямъ“, а не прямо въ лицо этому Мокшину отчиталъ? Эхъ, милый, въ общественномъ дѣлѣ конфетничать невозможно.

— Знаю. Но я не привыкъ еще встрѣчать такое непокрытое нахальство...

— Съ ними надо самому быть нахальнымъ, бороться равнымъ оружіемъ.

— Подожди, буду. Я солдатъ—надо высмотрѣть позицію. У этого Мокшина, какъ я замѣтилъ, есть большая партія. Мнѣ говорили, что онъ спеціально-помѣщичій ростовщикъ; этимъ все объясняется. Видишь, и клубныя сплетни на что-нибудь пригодятся. Битюговъ, вѣжется, тоже въ его масть козыряетъ, но чрезвычайно тонко, уклончиво и, по обыкновенію, либерально... Сегодня я просидѣлъ часа два у Битюговыхъ.

— А! Что-же тамъ дѣлается?

— Всѣ изящныя искусства обстоятъ благополучно. Была рѣчь о тебѣ, разспрашивали, сожалѣли, желали скорѣе видѣть тебя здоровымъ... Ты, братецъ, тамъ пользуешься рѣшительною симпатіей.

— Вотъ какъ! Если-бы они знали, какая жалкая развалина предметъ ихъ симпатія... ужаснулся-бы, увидя такого Лазаря... Кто-же это такъ особенно интересовался?

— Кто? Да всѣ огуломъ.

— А умница-то моя, Лидія Васильевна, что?

— Какъ разъ, она-то одна и ничего... Впрочемъ, это „ничего“ и не доказываетъ ровно ничего по отношенію къ тебѣ. Тутъ больше страдаетъ моя скромная личность. Знакомство мое съ этой строгой барышней до сихъ поръ ограничивается одними поклонами; она еще не удостоила меня ни однимъ словомъ; всегда вижу ее серьезной и молчаливой, такъ что не знаю, какой у нея голосъ...

— Ужъ, конечно, не таковой звучный и сладкій, какъ у пѣвицы... Ну, а эта сирена поетъ все такъ-же хорошо и такъ-же мило сердится, когда ей указываютъ на сцену?

Трубежовъ поморщился и не вдругъ отвѣтилъ.

— Мнѣ кажется, что она, все-таки, непременно кончитъ сценой. Насколько я узналъ ее,—а надо ужъ тебѣ признаться на чистоту, я каждый день ее вижу: или заѣзжаю къ нимъ, или встрѣчаемся на утренней прогулѣ... Но, успокойся, амура тутъ нѣтъ, о, до этого еще слишкомъ далеко! Такъ насколько я ее знаю, это совершенно артистическая натура, горячая, своеправная и непослѣдовательная... Все у ней скачками, и не знаешь, что она сдѣлаетъ минуту спустя... Бѣда въ томъ, что она, какъ водится у насъ, нѣсколько испорчена нелѣпымъ воспитаніемъ, но въ то-же время не дорожитъ ни одной іотой изъ

того кодекса, который съ дѣтства ей натвердили. Полюби она человѣка, и послушно пойдетъ за нимъ, куда угодно... Будь это хорошій человѣкъ, и она пойдетъ хорошей дорогой; случись мерзавецъ—она, не задумавшись, окунется въ самую глубокую грязь... Но артистка въ ней всегда сохранится, это—дѣло инстинктовъ...

— Какъ, однако, ты хорошо понимаешь женщинъ.

— Сужу à priori, мой другъ, по теоріи, но въ жизни со всѣмъ ихъ не знаю, не хочу хвастать.

— Слава Богу, ты искрененъ. Я боялся, чтохватишь какую-нибудь тираду изъ Печорина... Помнится, „Герой нашего времени“ когда-то былъ властителемъ твоихъ думъ.

— То дѣла давно минувшихъ дней! Теперь мнѣ самому странно, какъ это всѣ мы богатаго избалованнаго барича, празднаго и озлобленнаго искателя сильныхъ ощущеній, гвардейскаго офицера, обойденнаго по службѣ—принимали за героя...

— Потому что написавъ-то онъ великимъ мастеромъ. Въдъ художникъ всегда влюбленъ въ „натуру“ своего произведенія, оттого въ художественныхъ произведеніяхъ и не слѣдуетъ искать абсолютной правды: въ нихъ правда условная или, даже скорѣе—страстное исканіе правды... Можетъ быть, вотъ и теперь въ твоёмъ изображеніи этой дѣвушки такая-же точно правда... Въ тебѣ говорить не анализирующій умъ, а художникъ... Но и по твоимъ словамъ выходитъ, что прелестная Антонина Васильевна будетъ великая артистка и милая грѣшница или, наоборотъ—великая грѣшница и милая артистка...

— Не всѣмъ-же быть евангельскими Марфами...

Трубежовъ какъ будто обидѣлся, но овладѣлъ собою и перешелъ къ веселому разговору о типическихъ фигурахъ, подмѣченныхъ имъ въ партіи, аплодировавшей отличной выдумкѣ г. Мокшина.

VI.

Талантливая Антонина Васильевна считалась драгоценнымъ перломъ въ своемъ семействѣ, и такъ какъ сестра Лидія въ расчетъ совсѣмъ не принималась, то на нее смотрѣли, какъ на старшую и въ угоду ей подстроивали весь семейный оркестръ. Сама Настасья Дмитриевна подчинялась ея волѣ тѣмъ охотнѣе, что воля этой дѣвушки, избалованной дешевыми успѣхами въ кругу поклонниковъ ея таланта, проявлялась въ вещахъ самыхъ

невинныхъ, милыхъ и не слишкомъ разорительныхъ. Она потребовала, чтобы у нихъ были назначены *joint-fix's*, чтобы всѣ заѣзжіе артисты находили въ ихъ домѣ радушный приѣмъ и покровительство, чтобы ей дозволялось выходить на прогулку и выѣзжать съ визитами, когда вздумается, безъ всякаго контроля. Она могла брать съ собою кого захочетъ или не брать никого.

— Ахъ, мама-ангелъ, сегодня я поѣду къ княгинѣ NN, а тебя съ собой не возьму; тебѣ, вѣдь, тамъ скучно, я знаю. На будущей вторникъ я приглашу ихъ къ намъ.

Мало по малу она завоевала себѣ полнѣйшую независимость.

Мать замѣчала частыя встрѣчи Тони съ Григоріемъ Сергѣичемъ, замѣчала, что эти встрѣчи чрезвычайно оживленны и производятъ на Тоню большое впечатлѣніе: если она весела и счастлива, значитъ, навѣрное, въ тотъ день гдѣ-нибудь повстрѣчала Трубежова, да она и не скрывала этого, честное дитя! Нѣжная мать восхищалась наивностью своей дочки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, была совершеннѣе покойна за безупречность ея поступковъ, „О, въ ней такъ окрѣпли принципы нравственности, что бояться за нее нѣтъ никакого резона! Притомъ, Григорій Сергѣичъ обнаружилъ столько благовоспитанности, что и ожидать было трудно, зная его безпорядочное прошлое... Онъ всегда такъ приличенъ, такъ сдержанъ и даже робокъ... Это вполнѣ джентльменъ, какихъ изображаютъ англійскія романисты. Если-бы даже въ обществѣ и обратили вниманіе на ихъ частыя встрѣчи—что-жъ такое? Пусть замѣчаютъ! Если-бы и пошли на этотъ счетъ какіе-либо пересуды, пусть! Трубежовъ молодой человѣкъ съ положеніемъ, и, конечно, одушевленъ честными намѣреніями... На все власть Господня!..“

Очевидно, для Трубежова съ этой стороны пахло законнымъ бракомъ...

Василій Парфенычъ, угнетаемый мрачными идеями объ изсякающихъ источникахъ кредита и о гадательной неизвѣстности будущаго, не имѣлъ досуга входить въ психическія тонкости отношеній молодыхъ людей; его смущала иная, болѣе реальная забота. Онъ размышлялъ такъ: конечно, Трубежовъ богатъ, очень богатъ уже тѣмъ, что, не въ примѣръ другимъ грѣшнымъ помѣщикамъ, не имѣетъ ни копѣйки долга... и чѣмъ-бы тамъ ни разрѣшился крестьянскій вопросъ, Григорій Сергѣичъ, все-таки, останется съ солиднымъ состояніемъ; одно

его слово, одна его подпись (въ чемъ, разумѣется, не откажетъ онъ близкому человѣку)— и вновь разцвѣтутъ благодѣянія кредита... Все это такъ. Но вотъ въ чемъ задача: поговариваютъ— и очень солидные люди поговариваютъ,— что нашъ энтузіастъ давно уже задумалъ самое сумасшедшее дѣло... Вѣдь что-жъ онъ останется безъ своей кормилицы — благодатной Трубежовки? Очень благородный свищъ — и больше ничего... Но, судя по всѣмъ примѣтамъ, благоразуміе удерживаетъ его на краю пропасти, онъ медлитъ и, вѣроятно, подчинится ожидающей всѣхъ насъ общей участи... И это прекрасно, благонамѣренно и разсудительно! Зачѣмъ быть выскочкой? Кого этимъ великодушіемъ удивишь? Что бы тамъ ни говорили, но, право, эти вшивые зипуны живутъ гораздо покойнѣе насъ: они не знаютъ тѣхъ сложныхъ заботъ и тонкихъ мукъ, которыя отравляютъ наше существованіе... Вотъ, хоть-бы мое теперь положеніе: мнѣ, честному человѣку, приходится быть въ рукахъ какаго-нибудь ничтожнаго Мокшина!.. О, Боже, Боже мой!.. И, какъ подумаешь, все можетъ быть поправлено однимъ простымъ и очень натуральнымъ фактомъ: замужствомъ моей Тони, замужствомъ по любви, честнымъ, непринужденнымъ... Надо узнать, надо непременно узнать настоящія намѣренія этого сумасброда относительно Трубежовки... Чего-жъ лучше — Тоня сама можетъ деликатнѣйшимъ образомъ вывѣдать... Наконецъ, Даровъ... Это милѣйшій говорунъ, но умъ практическій, серьезный; онъ навѣрное посвященъ въ тайну и имѣетъ сильное вліяніе на Трубежова.. Да, это идея! Значитъ, тутъ два фактора—Тоня и Даровъ... Даровъ и Тоня... Надо умненько ими воспользоваться“...

Бѣдный Трубежовъ! Тутъ ужъ не только пахло, но прямо висѣла надъ нимъ гроза законнаго брака.

Что-же думала сама Антонина Васильевна?

О, она и любила, и злилась... Любила Трубежова за то, что онъ восхищался ею, увлекался ея пѣніемъ и еще больше — ея античною красотою... Это она читала въ глазахъ его, подернутыхъ какимъ-то зовущимъ и загадочнымъ туманомъ... А злилась она за то, что онъ былъ холодно сдержанъ, робокъ и какъ-будто боролся, отстаивалъ свою независимость, свою „постылую свободу“... Кровь била ключемъ въ здоровой восемнадцатилѣтней красавицѣ, и она сама вынуждена была занять въ этой медлительной игрѣ активную роль. Однажды, послѣ продолжительнаго и раздражившаго нервы разговора, она при прощаньи такъ

крѣпко сжала руку молодого человѣка, что онъ весь вздрогнулъ и съ нѣмымъ вопросомъ долго глядѣлъ въ ея разгорѣвшіеся глаза... Это было въ первый разъ и такъ внезапно!.. Другой случай вышелъ еще поразительнѣе и досаднѣе...

У Битюговыхъ былъ большой званый вечеръ. Въ залѣ и гостиной толпилось много народа. Антонина Васильевна только-что сѣла какую-то новую вещь, ошеломившую всю губернскую публику, и ускользнула отъ докучныхъ выражений восторга въ полуосвѣщенный будуаръ. Вслѣдъ за нею пришелъ Трубежовъ и, сѣвши рядомъ, заговорилъ очень грубо:

— А вѣдь вы пѣли сегодня отвратительно. Такая вульгарная экспрессія, такое безвкусное и бессмысленно-актерское подчеркиваніе словъ, что я изгрызъ себѣ губы отъ досады... А вы рады, счастливы, что невѣжды вами восхищаются... Что-жь, поздравляю!..

Она серьезно заглянула ему въ лицо и, прошептавъ: „О, какъ онъ правъ!“ обвила руками его шею и, какъ-будто безъ сознанія, прильнула губами къ его губамъ... У него въ глазахъ потемнѣло...

Въ это самое мгновеніе въ будуаръ вошла, по несчастью, Лидія Васильевна...

— Ха, ха, ха, ха! Лида... Лидочка! Куда-же ты? Останься, послушай, что говоритъ этотъ дерзкій человѣкъ... Лида!..

У Тони сказались эти слова съ величіемъ никому не подсудной королевы и съ дерзостью охмѣлѣвшей вакханки... Но Лидія, не ускоривъ и не замедливъ шага и не поворотивъ головы, прошла черезъ комнату и скрылась за портьерой...

— Змѣя... Эхидна... Старая дѣвка!.. Подсмотрѣла... Умышленно... Шпіонъ домашній!.. прошептала Тоня, и все красивое лицо ея исказилось бѣшеной злобой.

Трубежовъ инстинктивно отшатнулся отъ нея и такъ засмѣялся, что Тоничка испугалась, мгновенно приняла ребяческую мину и готова была заплакать, не понимая причины его смѣха...

VII.

Съ этого момента въ отношеніяхъ Трубежова и Антонины Васильевны стали пробѣгать сѣрыя тучки. До сихъ поръ онъ, не отдавая себѣ отчета, увлекался игрою въ любовь съ талантливой дѣвушкой, которая не одними только внѣшними качествами

(такъ казалось ему), выдѣляется изъ толпы благовоспитанныхъ ничтожностей, названныхъ впоследствии кисейными барышнями. Теперь вдругъ очулся и спросилъ себя: „Да нѣтъ-ли тутъ какого-нибудь крупнаго недоразумѣнія?“ Онъ пугался прямого объясненія съ Тоней, это могло-бы дать всему дѣлу слишкомъ серьезный поворотъ, отчеканить въ опредѣленную форму то, что было до сихъ поръ неуловимо, гадательно и не могло лечь упрекомъ на его честность. Проще всего было-бы обратиться къ спокойному, трезвому наблюденію надъ характеромъ и дѣйствительными, а не воображаемыми свойствами нравящейся ему дѣвушки, но Трубежовъ не обладалъ ни спокойствіемъ, ни трезвостью мысли, да кромѣ того, такой реальный приѣмъ былъ не подъ силу вообще всему поколѣнію людей сороковыхъ годовъ. Даже лучшіе изъ нихъ, отворачиваясь отъ горькой и неприглядной дѣйствительности, обращали всѣ силы анализа на изученіе своего „я“ и изощрялись въ тонкостяхъ психическихъ, откапывая со дна своей души и перлы, и мякину... Это тогда спеціально называлось „развѣдающей рефлексіей“...

Кстати, еще упомянемъ одну благородную странность хорошихъ людей того времени: они создали очень изящный парадоксъ, что человѣкъ долженъ сдѣлать жизнь свою художественнымъ произведеніемъ... Прошло три десятка лѣтъ, правда, очень тяжелыхъ, но богатыхъ горькимъ опытомъ, обильныхъ ростками обновленной мысли, — и отъ стараго парадокса не осталось ни одной живой нитки. Мы создали новый парадоксъ, кажется, наоборотъ противоположный прежнему. Лучше онъ или хуже — вопросъ праздный и неумѣстный тамъ, гдѣ дѣло не въ оцѣнкѣ, а въ демонстраціи логическаго развитія жизненныхъ явленій... Но объ этомъ послѣ, если читатель удостоитъ до конца прочесть нашу повѣсть, чуждую всякихъ инкриминацій и приговоровъ.

Мы уже замѣтили, что на эпизодъ съ Тоничкой Трубежовъ смотрѣлъ глазами художника. Онъ былъ не откровененъ съ Даровымъ, зналъ, что съ этой стороны поблажки ему не будутъ. Заклятый свептикъ могъ-бы однимъ язвительнымъ и насмѣшливымъ словомъ разбить въ дребезги все обаяніе художественнаго эпизода, обставленнаго пока, дѣйствительно, красивыми деталями.

Ударъ былъ нанесенъ съ той стороны, съ которой всего меньше ожидалъ влюбленный идеалистъ.

Послѣ эксцентричной сцены въ будуарѣ, Трубежовъ сталъ избѣгать ежедневныхъ встрѣчъ и уединенныхъ разговоровъ съ Антониной Васильевной; въ манерѣ его выказывалось еще болѣе сдержанности, серьезности, а иногда и насмѣшливой ироніи. Его мучилъ, между прочимъ, вопросъ, за что она такъ безсердечно обидѣла Лидію? „А можетъ быть, она и права: какъ-бы Даровъ ни восхищался этой дѣловой дѣвушкой, евангельской Марфой, но вѣдь кто-жъ ее знаетъ! Эти тихенькія и на видъ заганнныя созданія часто бываютъ эхиднѣйшими злюбами, и мудрено-ли? Въ нихъ естественно должно скопиться слишкомъ много горечи и жолчеваго раздраженія на все, что въ жизни счастливо и радостно... Мнѣ необходимо поближе рассмотретьъ эту Лидію. Она меня дичится и чуть-ли не презираетъ... Но въ ней, быть можетъ, разгадка всей моей тревоги“.

И онъ сталъ искать всякихъ новодовъ сблизиться съ нелюдимкой; самый удобный поводъ былъ, конечно, разговоръ о Даровѣ. Замѣтивъ, что Григорій Сергѣичъ связанъ съ нимъ самой искренней дружбой, Лидія Васильевна стала мягче, внимательнѣе, какъ будто она что-то простила Трубежову, но простила не ради его личныхъ достоинствъ... Сближеніе его съ Лидіей не могло пройти незамѣченнымъ Антониной Васильевной; привыкшая всегда и всюду первенствовать, красавица почувствовала волющую обиду; она счумѣла подавлять вспыши необузданнаго самолюбія, но безпрестанно прорывалась и иногда очень неестественно преслѣдовала Трубежова задорными насмѣшками.

— У васъ, Григорій Сергѣичъ, чрезвычайно мягкое и сострадательное сердце... Вы—добренькій!

Съ сестрой Лидіей она совсѣмъ не разговаривала, готова была-бы раздавить ее, но боялась, помнила, что даже непогрѣшная и всемогущая татапа передъ ней спасовала, за собой-же Тоничка чувствовала маленькій будуарный грѣшокъ, извѣстный одной только Лидіи. Мелкія души ненавидятъ даже случайныхъ свидѣтелей такого пассажа, который требуется скрыть.

— Григорій Сергѣичъ, вы несносный и лѣнивый человѣкъ. Ужъ неговорю о томъ, что у насъ бываете рѣже прежняго, у насъ вамъ скучно, вѣдь мы такія глупенькія, чѣмъ можемъ занять васъ. О, я, разумѣется, исключаю Лидію... съ ней не можетъ быть скучно умному человѣку... Но отчего вы перестали по утрамъ гулять по Большой улицѣ? Погода—прелестъ.—Помните Пушкина:

Морозъ и солнце—чудный день!
 Но нашимъ дамамъ будто лѣнь
 Сойти съ крыльца...

Только, выходить, не „нашимъ дамамъ“, а нашимъ бислымъ кавалерамъ. Стыдитесь! Приходите завтра, я буду гулять одна съ Вѣрочкой. Придете?

— Некогда мнѣ, Антонина Васильевна. Извините.

— Некогда: передразнила она, сдѣлавъ швольничью гримасу.—Ха, ха, ха! какой вы смѣшной... Ну, хотите, я къ вамъ приду?

— Полноте! Что вы это? Какъ—приду?

— Такъ, просто,—приду, взгляну, какъ вы живете; такъ-ли, какъ настоящій медвѣдь въ своей берлогѣ. Чего вы испугались? Хоть я еще не совсѣмъ эмансипированная дѣвица, но нынче многое считается позволеннымъ... Да вотъ, наша Лидія въ прошломъ году ѣздила-же на фабрику въ гости къ какому-то швейцарцу—и ничего, сошло съ рукъ... Положимъ, она умная...

Трубежова насъвозъ прoderнула такая непокрытая банальность. Ему было стыдно за Тоничеу,—но всѣ подобныя выходки онъ ставилъ на счетъ ея нелѣпому воспитанію.

Въ одинъ прекрасный день, когда морозъ и солнце румянили щеки самыхъ блѣдныхъ, анемичныхъ барышень, гурьбою выспавшихъ показать себя и свои туалеты на аристократической Большой улицѣ города К.,—Василій Парфенычъ въ солидной бобровой бекешѣ вышелъ тоже подышать свѣжимъ воздухомъ послѣ изнурительной кабинетной работы, на которую онъ постоянно жаловался. Съ нимъ подъ руку шла Антонина Васильевна въ коротенькой бархатной шубѣ, отдѣланной лебяжьимъ пухомъ, и въ бокетливой малороссійской шапочкѣ изъ бѣлаго барашка. Она была красивѣе, чѣмъ когда-нибудь; всѣ заглядывались на великолѣпную дочку предводителя.

Съ Большой улицы они повернули направо и остановились у подъѣзда квартиры Трубежова.

Гулявшій beau-monde замѣтилъ эту благодарную тему для епресудовъ. Василій Парфенычъ ставилъ себя выше городскихъ сплетень или, можетъ быть, желалъ, чтобъ говорили: „да, тутъ пахнетъ свадьбой“.

— Надо послать, чтобъ доложили, что я не одинъ, сказалъ отецъ, протягивая руку къ звонку.

— Ахъ, папа, зачѣмъ!—Мы лучше экспромтомъ.

— Ловко-ли? Застанемъ врасплохъ...

— Тѣмъ оригинальнѣе. Я съ тобой—что тутъ неловкаго?

Они вошли.

— Bon jour, cher Григорій Сергѣичъ! Мы съ прогулки забѣжали къ вамъ на минуту отогрѣться. Морозъ, батюшка. чисто русский: градусовъ двадцать. Comment allez vous? Что васъ давно не видно? Да, впрочемъ, откровенно скажу, не въ васъ сила—что нашъ милый и уважаемый Ѳеодоръ Алексѣичъ,—поправляется-ли? Могу его видѣть?

Трубежовъ, смущенный необыкновеннымъ визитомъ, бормоталъ тысячи извиненій и, оставивъ гостей въ залѣ, пошелъ предупредить товарища.

Даровъ, въ этотъ день чувствовавшій себя лучше, въ тепломъ, весьма невзрачномъ халатѣ сидѣлъ за чтеніемъ газетъ. Онъ сердито и вопросительно нахмурился.

— Вотъ нелегкая принесла! Ну, ужъ я не выйду и одѣваться не стану. Что за нѣжности! Извинись, пожалуйста. Если ужъ онъ такъ настоятельно хочетъ лицедрѣть меня, то пусть пожалуетъ сюда... Я человекъ больной. А барышня-то навѣрное не по моему адресу пожаловала...

Взойдя къ Дарову, Битюговъ просто заоралъ, какъ будто отца роднаго встрѣтилъ, даже обнялъ и, по русскому обычаю, трижды облобызалъ почтеннѣйшаго Ѳеодора Алексѣича; потомъ пошли восклицанія, вопросы, совѣты и всякая благодушная болтовня, въ которой нѣтъ ни капли простой искренности и очень мало здраваго смысла.

Трубежовъ остался съ глаза-на-глазъ съ Антониной Васильевной. Она сняла только шапочку, поправила волосы и посмотрѣла въ его лицо веселымъ, торжествующимъ взглядомъ.

— Вѣдь я сказала, что приду къ вамъ... вотъ и я! Что-жъ мы въ залѣ танцовать, что-ли, будемъ? Гостиной не имѣется; видно, что дамы тутъ не бываютъ. Гдѣ вашъ кабинетъ?

Онъ ввелъ ее въ кабинетъ, не щеголявшій затѣйливымъ убранствомъ. На столѣ беспорядочнѣе кучи бумагъ, брошюръ и писемъ, севастиопольская граната, обдѣланная въ чернильницу; на стѣнѣ англійскій штуцеръ—солдатскій подарокъ и, перешедшій отъ отца по наслѣдству, большой портретъ бабушки, писанный хорошимъ художникомъ въ то время, когда Софья Мечиславовна проживала въ Римѣ.

Разговоръ какъ-то не вязался. Тоничку вдругъ позвинула и

смѣлость, и веселость. Серьезная, задумчивая сидѣла она, какъ-будто выжидая, что Трубежовъ заговорить о какомъ-то важномъ дѣлѣ, подходящемъ къ ихъ экстренному положенію въ текущую минуту.

Онъ очень неловко обратилъ вниманіе своей гостыи на портретъ бабушки.

— Ахъ, какая красавица! Я мелькомъ слышала отъ отца, что это была необыкновенная, замѣчательная женщина. Вы, конечно, хорошо знаете ея біографію,—расскажите что-нибудь.

— „Что-нибудь“ нельзя, улыбаясь замѣтилъ Григорій Сергѣичъ.—Анекдотовъ изъ ея жизни я не знаю, а чтобы вамъ стала понятною вся ея жизнь, пришлось-бы рассказать много такого, о чемъ вамъ знать пока не дозволяется маминой цензурой...

— Вы смѣтаетесь, обижаете меня, считаете за наивнаго ребенка...

— Нисколько! — И въ доказательство того, обещаю рассказать вамъ когда-нибудь жизнь моей почтенной бабушки со всѣми подробностями... Это чрезвычайно поучительная исторія, и особенно — для васъ...

— Отчего-жь это „особенно для васъ?“

— Оттого, что она была тоже артистическая натура.

— Она еще жива?

— Живетъ, грѣхи замаливаетъ.

— У нея большое состояніе и, кажется, нѣтъ семьи?

— Состояніе очень небольшое, а семья огромная — болѣе сотни сиротокъ живетъ и воспитывается на ея деньги.

— Ахъ, какъ это хорошо, великодушно!

— Вамъ нравится?

— О, если-бъ я была богата, всѣмъ подѣлилась-бы съ тѣми, кто нуждается!.. Вы улыбаетесь? И это вамъ смѣшно?

— Нѣтъ, но и это надо дѣлать съ толкомъ, чтобъ вмѣсто добра зла не вышло.

— Вотъ, кстати... давно хотѣла васъ спросить... заранѣе простите,—можетъ быть это большой секретъ, я въ дѣлахъ мало понимаю...

— Не затрудняйтесь. Секретовъ у меня нѣтъ.

— Правда-ли, говорятъ... что вы хотите мужиковъ отпустить на волю и подарить имъ всю Трубежову?.. Можетъ, не такъ выражаюсь,—вѣдь я этихъ дѣлъ совсѣмъ не понимаю...

Трубезовъ замолкъ. Онъ медленно поглаживалъ отрастающую бороду и улыбался изподлобья...

— Гмъ!—говорять... А если говорятъ правду—вы какъ думаете, хорошо или дурно я дѣлаю?

— Mais, mon Dieu! говорю-же вамъ, что не знаю... Вѣроятно, хорошо. Вотъ и monsieur Мокшинъ тоже отпускаетъ крестьянъ на волю...

— Да, да, да... Скажите пожалуйста! И Мокшинъ тоже... Экій великодушный! Ха, ха!

— Григорій Сергѣичъ, вы смѣтаетесь сквернымъ смѣхомъ, сквозь зубы... Неужели мой вопросъ такъ глупъ?

— Нѣтъ, но... успокойтесь... И Мокшинъ, и я—мы оба сыгравемъ въ великодушіе; разница только въ томъ, что онъ непременно будетъ въ выигрышѣ, а я останусь почти нищимъ...

— Какъ это можно—вы нищимъ? Фи, что это вы говорите!

— Говорю правду. Да, наконецъ, развѣ для васъ не все равно—богатъ я, или бѣденъ? Неужели въ вашихъ глазахъ я...

— Прекратимъ этотъ разговоръ. Вы, кажется, хотите оскорбить меня... Извините, Бога ради. Ха, ха! Конечно, мнѣ все равно, богатъ вы или инщій... Довольно, довольно!

Она встала, горделиво подошла къ зеркалу и надѣла свою шапочку.

Трубезовъ чему-то ужасно обрадовался; вдругъ сталъ весель, любезенъ и остроуменъ. Словно послѣ долгой игры въ шахматы, онъ сдѣлалъ своему противнику матъ.

Послышался пріятный смѣхъ Василя Парфеныча; онъ хохоталъ всѣмъ брюшвомъ и ласково прощался съ Даровымъ.

— Не безпокойтесь! Выздоровливайте, нашъ милѣйшій, и скорѣе къ намъ. Я пришлю за вами возокъ; у Настасьи Дмитріевны есть эдакій, знаете, теплый возочекъ, весь обитый медвѣдемъ. Привеземъ и отвеземъ васъ въ сохранности. До скораго свиданья! Извините, cher Григорій Сергѣичъ, что я заставилъ васъ поскучать съ моей барышней... Вѣдь мы съ Федоромъ Алексѣичемъ говоруны, то да се, не скоро уйдемся! Ну, Тоня, маршъ въ походъ.—Смотрите-же, мой дорогой, непременно привезите къ намъ Федора Алексѣича. Я возокъ пришлю. Au revoir!

Проводивъ гостей, Гриша въ томъ-же веселомъ настроеніи

духа вошелъ въ Дарову, который, наоборотъ, ворчалъ, вряхтѣлъ, видимо былъ недоволенъ и раздосадованъ.

— Ты что хмуришься? Надоѣлъ тебѣ нашъ марсѣчал?

— Тебѣ хорошо, ты тамъ ферлакурничалъ съ барышней, а тутъ, братецъ, я не зналъ какъ и отвязаться... Чортъ-бы его побралъ!

— Что такое?

— Это очень хитроумный толстякъ. Съ виду кажется простоватымъ и не ахти-умень, а поди-ка, раскуси его... Представь, онъ разными подходами подбирался, какъ-бы вывѣдать на счетъ Трубежовки...

— Что ты, неужели?! почти съ восторгомъ вырвалось у Трубежова и онъ залился гомерическимъ хохотомъ.

— Въ чемъ-же дѣло? Ты-то чему радъ?

Пріятели объяснились. Оказалось, что папаша и дочка, хотя въ разныхъ регистрахъ, распѣвали одну и ту-же мелодію...

— Для меня теперь все ясно! Поздравь меня, дружище: я былъ боленъ—и теперь радикально изцѣлился!..

— Эхъ, Гриша, какъ еще ты юнъ! Несмотря на твою скрытность—ужъ извини, подленькую скрытность—я давно все видѣлъ... Но вѣдь это была-бы капитальная глупость...

— Такъ, другъ мой, но на глупостяхъ ловятся самые умные люди.

Дѣло Антонины Васильевны не выгорѣло.

VIII.

Никогда Трубежовъ не ѣздилъ въ домъ Битюговыхъ и съ такою охотою, и въ такомъ отличномъ расположеніи духа, какъ теперь. Даровъ радовался, глядя на своего друга, такъ легко и счастливо отдѣлавшагося отъ психической болѣзни, свойственной его сангвиническому темпераменту. Хотя эта-же самая легкость сильно опечалила Федора Алексѣича и не внушала ему довѣрія въ будущемъ своего друга, но онъ много возлагалъ на отзывчивое сердце Гриши, на его добрые инстинкты, которые и самаго слабовольнаго человѣка вывозятъ, не дають сбиться съ прямой дороги.

Даровъ упорно и рѣшительно отказался посѣщать *jour fix*ы Битюговыхъ, ссылаясь на свое здоровье, а потому попадалъ всегда прямо въ тѣсный семейный кругъ и невольно становился

наблюдателемъ всего, что творилось въ этомъ семействѣ. Лидія Васильевна не могла и не хотѣла скрыть своей радости при появленіи Федора Алексѣича; онъ, игнорируя условную чопорность салонныхъ обычаевъ, часто безъ всякой церемоніи покидалъ общій безсодержательный разговоръ и уединялся съ Лидіей Васильевной побесѣдовать въ дальнемъ уголкѣ. Его хилость и преждевременныя сѣдины давали ему много правъ на свободу отношеній къ дѣвушкамъ, ставили внѣ всякихъ двусмысленныхъ подозрѣній. Дѣйствительно, его дружба съ Лидіей комментировалась больше въ насмѣшливомъ тонѣ: „вотъ-де, наша Лидія Васильевна только и могла очаровать, что одного убогаго старичка, который немилосердно посыпаетъ ее своимъ ужаснымъ табакомъ, словно для того, чтобы моль не съѣла ее, бѣдненькую“... Такъ остроумничали старшія сестрицы не только между собою, но и утѣшая мамашу невинною игрой своего остроумія. Но когда было замѣчено, что къ ихъ tête-à-tête все чаще и чаще сталъ присаживаться Трубежовъ, то остроуміе сестрицъ приняло характеръ беззубой злости... Тоничка садилась за рояль и, видя, что ея музыка не беретъ, уходила въ свою комнату. Иногда она, внезапно спохватясь, что общала быть у своей пріятельницы, княгини NN, уѣзжала на цѣлый вечеръ изъ дома. Настасья Дмитріевна стала тоже косо поглядывать на Лидію и хотя не рисковала сдѣлать ей формальное внушеніе, но часто останавливала на ней такіе глаза, въ которыхъ читался ясно строгій выговоръ. Она подозрѣвала, что падчерица жалуется новымъ друзьямъ на свою горькую долю или передаетъ домашнія дразги. Настасья Дмитріевна нисколько не затруднялась считать Лидію способною на самыя дрянныя низости, однако-же, по многимъ, случайно подслушаннымъ фразамъ и по справкамъ, собраннымъ отъ маленькихъ подросточковъ, оказывалось, что разговоры ихъ шли о чемъ угодно, только не о семейныхъ дѣлахъ.

Даровъ отлично понималъ, что подъ изящною и строго-порядочною внѣшностью въ этомъ домѣ прчется много затаенныхъ мукъ, глухой вражды и взаимной тиранніи, много будничнаго горя, слезъ и самыхъ неизящныхъ побужденій—всего того безобразнаго житейскаго хлама и сора, который непременно заводится въ семействахъ, не связанныхъ общимъ нравственнымъ принципомъ и трудовою жизнію, дающею каждому члену право на самостоятельность и взаимное уваженіе. Пріятели часто сообщали другъ другу свои наблюденія; они не знали фактовъ прош-

лаго, но по множеству маленькихъ, едва уловимыхъ примѣтъ, пришли къ заключенію, что жизнь Лидіи Васильевны должна быть куда не сладка... Боясь оскорбить ее, они избѣгали даже намека на свои догадки, но—странное дѣло!—Лидія навѣрное знала, что ея положеніе въ семьѣ имъ совершенно извѣстно, и эта увѣренность придавала много простоты и задушевности ихъ отношеніямъ. Въ отношеніяхъ этихъ, однако, не существовало полной гармоніи: Трубежовъ игралъ роль, если не лишняго, то, во всякомъ случаѣ, не существенно необходимаго лица. Когда онъ являлся одинъ, Лидія Васильевна не премѣнно спрашивала: „а гдѣ-же Ѳедоръ Алексѣичъ? отчего не пріѣхалъ?“ а если Даровъ, по какому нибудь случаю, пріѣзжалъ безъ Трубежова, Лидія и въ голову не приходило спросить: „отчего нѣтъ съ вами Григорія Сергѣича?“

Въ домѣ всѣ привыкли видѣть Трубежова и Дарова раза три на недѣлѣ. Василій Парфенычъ какъ-то уgomонился, не читалъ имъ реформаторскихъ записокъ и не раздражался горячими преніями о внутренней политикѣ. Онъ былъ доволенъ, если они соглашались засѣсть на одну пульку преферанса и съ наслажденіемъ бралъ съ нихъ десятковъ рублей, а когда не соглашались, безъ церемоніи уѣзжалъ въ клубъ, оставляя ихъ, какъ людей домашнихъ. Настасья Дмитріевна тоже обтерпѣлась, присмотрѣлась и къ странностямъ Дарова, и къ неувимости намѣреній Трубежова; нѣжная ташаа стала еще болѣе нѣжною въ своей любвицѣ Тоничкѣ и какъ-будто спрашивала всѣхъ: „да что-же, наконецъ, изъ этого выйдетъ?..“ Одна Лидія была почти счастлива установившимся положеніемъ дѣлъ въ домѣ, не анализировала своихъ чувствъ и отношеній, не загадывала о будущемъ: она просто жила спокойною и разумною жизнью, встрѣтивъ людей, которые и въ ней признали человѣческую личность.

IX.

Передъ самымъ Рождествомъ, въ день не праздничный, когда за столомъ у Битюговыхъ было только два лишнихъ прибора для всегдашнихъ гостей—Дарова и Трубежова, явился неожиданный посѣтитель, помѣщикъ Мокшинъ. Передъ обѣдомъ онъ сидѣлъ часа два въ кабинетѣ хозяина дома; о чемъ они толковали—неизвѣстно, затѣмъ Василій Парфенычъ ввелъ гостя въ столо-

вую. Чтобъ избѣжать суеты въ перетасовкѣ приборовъ, пришлось собрать одного подросточка, отославъ въ дѣтскую, подъ предлогомъ головной боли. Перезнакомивъ гостей, хозяинъ предложилъ г. Мокшину за столомъ почетное мѣсто по правую отъ себя руку.

Яковъ Ивановичъ Мокшинъ (читатель имѣетъ о немъ понятіе) былъ здоровый, воренастый мужчина лѣтъ 50-ти, съ гладко-выбритымъ трехъ-этажнымъ подбородкомъ, красными щеками и маленькими свинными глазками. Сѣрая, выстриженная подъ гребенку, голова и нафабранные усы, которые онъ тоже подстригалъ на подобіе щеточекъ, придавали его фізіономіи характеръ кровнаго и добродушнаго бурбона. Онъ былъ во фракѣ съ нѣсколькими орденскими ленточками въ петлицѣ и большою Анной на шеѣ. Его появленіе въ домѣ Битюговыхъ было рѣдкостью и отличалось чрезвычайно-точною періодичностью: онъ являлся неизмѣнно въ августѣ, по уборкѣ снятой жатвы, и передъ новымъ годомъ, и всегда производилъ на Василья Парфеныча какое-то жалостное, удручающее впечатлѣніе. На этотъ разъ онъ появился нѣсколько ранѣе обычнаго срока и, повидимому, ничѣмъ не удручилъ почтеннаго предводителя... Онъ довольно развязно говорилъ о Петербургѣ, гдѣ только-что провелъ дней десять и имѣлъ счастье представиться многимъ высокопоставленнымъ лицамъ, о которыхъ отзывался съ восхищеніемъ.

— Столько я встрѣтилъ въ нихъ деликатности, вниманія, что совершенно очарованъ! И какая простота въ обращеніи; право, не знаешь даже, какъ держать себя... Особливо намъ, привыкшимъ стоять на вытяжку, руки по швамъ... Хе, хе! Давно ли это было—и вдругъ какая перемена! Да-съ, благодѣтельное правительство теперь и насъ грѣшныхъ выслушиваетъ, всякому доступъ есть, говори откровенно о пользахъ и нуждахъ... Вообще, Петербургъ теперь неузнаваемъ: все это живетъ, движется. Давненько я тамъ не былъ.

— Разохотитесь—и еще поѣдете.

— Да вотъ какъ скажу, ваше превосходительство: вѣкъ-бы тамъ остался, такъ не хотѣлось ѣхать опять въ свое деревенское мурье!—Вѣдь что-жь, я—бобыль, ни жены, ни дѣтей, словомъ ничего для пици душѣ; самъ не знаешь, для кого и для чего живешь, никакой отрады-съ! Въ Петербургѣ все-таки найдешь развлеченіе по вкусу... хе, хе!..

Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что онъ вдовецъ,

пятнадцать лѣтъ оплакивающей свою супругу, которая была „слабой комплекціи“.

— Сколько хлопотъ было съ нею, сколько издержекъ; у всѣхъ лучшихъ докторовъ лечилась, видитъ Богъ, ничего не жалѣлъ! Скончалась въ Кременчугѣ, гдѣ я служилъ тогда въ провіантской комиссіи. Вотъ теперь, послѣ крымской войны, захалъ нарочно повлдониться ея праху, поставилъ надъ нею новый памятникъ, изъ Италіи выписалъ-съ, — великолѣпіе! Съ доставкой, таможенными пошлинами и потерей на курсѣ обошелся ровнехонько въ девятьсотъ тридцать семь рублей... Да-съ, не привелъ Богъ пожить въ радости, такъ хоть память чту, какъ добрый христіанинъ...

Послѣ обѣда онъ скоро уѣхалъ. Василій Парфенычъ, сохраняя наружное спокойствіе, былъ немного разсѣянъ, пошепталъ что-то женѣ и въ отвѣтъ получилъ внушительное „argés“. Этотъ легкій семейный конфузъ былъ замѣченъ, и наши пріатели посигѣшили взяться за шапки.

Ни однимъ словомъ не обмѣнялись они съ г. Мокшинымъ; извѣстный имъ, плантаторскій взглядъ его на „улучшеніе быта крестьянъ“, возбудилъ въ нихъ чувство непобѣдимой брезгливости; даже забавная сторона его фальстафовой фигуры показалась имъ болѣе отвратительною, чѣмъ смѣшною.

— И къ чему это онъ свой супружескій формуляръ съ такою плаксивостью предлагалъ общему вниманію?

— Женихъ! смѣясь, замѣтилъ Трубежовъ.

Съ этого дня каждый разъ, какъ они бывали у Битюговыхъ, непременно встрѣчали тамъ Мокшина. вмѣстѣ съ фраккомъ онъ снялъ всю парадность своего поведенія, но щегольскія петербургскія визитки и жаветки, пестрые галстуки и красныя перчатки не придали ему ни на копейку граціозности, а шутки и любезности, адресуемыя старшимъ барышнямъ, вызывали недоумѣніе и далеко не лестный смѣхъ. Онъ пробовалъ заигрывать и съ Лидіей Васильевной, началъ вопросами о мѣстномъ театрѣ.

— Не могу вамъ ничего сказать: въ театрѣ я была всего одинъ разъ, и мнѣ, по правдѣ сказать, было очень скучно.

— Какъ можно, помилуйте! Благороднѣйшее развлеченіе. У насъ гоститъ теперь трагикъ Металловъ 2-й, высокій артистъ. Позвольте предложить вамъ ложу, для меня это пустяки-съ!

— Благодарю. Въ театрѣ я не поѣду, отвѣтила она съ невозмутимымъ спокойствіемъ и отошла къ Дарову, оставивъ ко-

солапаго медвѣдя, собравшагося сдѣлать танцмейстерскій пируэтъ.

Федоръ Алексѣичъ не спускалъ съ нея глазъ.

— Родная вы моя, Лидія Васильевна, да чтожь это такое—зачѣмъ онъ торчитъ здѣсь каждый день?—Голубушка моя, зачѣмъ пускають такую неумытую свотину?—Вѣдь это trou-ble fête какой-то зловѣщій...

Лидія печально улыбулась, подернула плечомъ.

— Что дѣлать! Мы платимъ ему проценты и неустойку... должно быть, ужъ слишкомъ многоросло... вотъ и все!

— Ага! но ваше „вотъ и все“ меня просто ужасаетъ...

— Бываетъ хуже, милый Федоръ Алексѣичъ, прошептала она и глубоко задумалась.—Бываетъ хуже, но... намъ какое до нихъ дѣло!.. Неправда-ли?—Она подняла на него ясные глаза, полные твердой, но нерадостной мысли...

На слѣдующей недѣлѣ Даровъ былъ приятно изумленъ, не встрѣтивъ въ домѣ Битюговыхъ провіантскаго бурбона, но онъ также не увидѣлъ и Лидіи... Ему сказали, что она больна и лежитъ въ постелѣ...

Трубежовъ сильно встревожился, подмѣтивъ горькую думу на болѣзненномъ уныломъ лицѣ стараго друга. Даровъ удивилъ всѣхъ своею молчаливостью и черезъ часъ, ссылаясь на страшное головокруженіе, уѣхалъ домой.

— Итакъ, я угадалъ: женихъ!.. На это не требовалось большой прозорливости, печально вымолвилъ Трубежовъ.—Но неужели невѣста—она?.. Это что-то чудовищное...

— Ничего нѣтъ чудовищнаго; самое обыкновенное дѣло житейскаго обихода... Видишь-ли, не палачи страшны съ ихъ гильотиной и висѣлицей,—они совершаютъ маленькую ампутацію быстро и отнимають у человѣка самую послѣднюю вещь—возможность существованія организма: страшны добрые люди, которые ублажаютъ тебя: де-свать, живи, душенька, существуй, ты намъ нуженъ и полезенъ, только обяжись изувѣчить свою природу,—вмѣсто сердца носи булыжникъ, наполни черепъ вмѣсто мозга протухлымъ виселемъ, и увѣрай всѣхъ, что таеъ тебѣ лучше, пріятнѣе. Этимъ и самъ спасешься, и насъ спасешь... Вотъ, братецъ, что бываетъ обыкновенно, и въ чемъ лежитъ проклятіе всей нашей жизни... Устоитъ или не устоитъ Лидія Васильевна—все равно, для нее спасенія нѣтъ; и въ ту, и въ другую сторону ее ждетъ одно—мученичество...

Даровъ въ тотъ-жедень свалился, обычные недуги стали мучить его съ необычною лютостью.

— О, проклятые мои ноги—опять начинается ихъ сверлить въ головѣ хаосъ какой-то. Охъ, оставь меня, другъ, не го-жусь ни въ чорту!.. Хоть-бы ужъ издохнуть скорѣе... стоналъ Даровъ, корчась на кровати.

Трубежовъ съ нѣмымъ испугомъ глядѣлъ на его корчи,—онъ никогда не видѣлъ, чтобы Даровъ такъ дѣтски-малодушно поддавался физическимъ страданіямъ...

Х.

Какъ виновный выслушалъ Василій Парфенычъ топорное предложеніе Мокшина.

— Ваша дочь, Лидія Васильевна, давно уже занимаетъ мои мысли. Она дѣвушка, что называется, хозяйственная, аккуратная, не любитъ свѣтскихъ удовольствій,—мнѣ такую и нужно. Человѣкъ я уже не молодой, гляжу на вещи основательно, состояніе мое вамъ извѣстно. Буду очень счастливъ и постараюсь сдѣлать ее счастливою.

О деньгахъ даже такой господинъ, какъ Мокшинъ, нашель не удобнымъ распространяться, и когда Василій Парфенычъ, поблагодаривъ его за честь, сказалъ, что поговорить съ женою и съ Лидіей, что лично противъ этого ничего не имѣетъ, просилъ отложить окончательное рѣшеніе и обратился прямо къ выясненію своихъ денежныхъ счетовъ, Мокшинъ уже совсѣмъ безцеремонно остановилъ его и, жирнымъ указательнымъ пальцомъ махнувъ крестообразно по воздуху, шепнулъ на ухо: „Это мы вотъ какъ“ ...

Лидія Васильевна послѣдняя узнала о предложеніи Мокшина тогда ужъ, когда Настасья Дмитріевна положила на немъ свою благосклонную резолюцію. „Партія для Лидіи приличная. Боже-обороны, принуждать! Но совѣтовать, добрымъ манеромъ убѣждать—нашъ святой долгъ. Вѣдь лучшаго она ничего не дождется“ ... Василій Парфенычъ егозилъ и вилялъ самымъ постыднымъ образомъ. Тоничка и Катенька, какъ дѣвицы благоразумныя, рассуждали здраво, что такой партіи Лидочка упускать не должна. Въ концѣ концовъ, составилъ весьма согласный семейный концертъ. Подъ личиною теплаго участія, мягкаго род-

ственнаго расположенія, скрывались самыя мелкія эгоистическія побужденьяца. Оказалось всѣмъ выгодно избавиться отъ Лидіи, которая всегда была какъ-будто чужая въ семьѣ (сама-же въ томъ виновата!..), а теперь стала положительно лишнею.

Пройдемъ молчаніемъ рядъ ежедневныхъ траги-комическихъ сценъ, слишкомъ извѣстныхъ и достаточно опошленныхъ. Лидія Васильевна, съ перваго слова *maison*, отказала на отрѣзъ и съ невозмутимымъ спокойствіемъ выдерживала постоянное тупое давленіе обще-семейнаго мнѣнія. Отца она вызвала на большое объясненіе, въ которомъ безстрашно высказала весь смыслъ своей жизни съ дѣтства; не придавая предложенію Мокшина исключительно-важнаго значенія, — завтра можетъ явиться Мокшинъ № 2-й, послѣ завтра № 3-й и т. д. и всякій разъ ее будутъ стараться сбыть съ рукъ, какъ лавочникъ — залежалый товаръ, безъ малѣйшей справки о личныхъ ея намѣреніяхъ, — заключила такъ:

— Я съумѣю ужиться и помириться со всякимъ положеніемъ, если только оно оправдано крайнею необходимостью; скажите прямо, что вамъ необходимо выдать меня за Мокшина, что вы требуете отъ меня жертвы — и я принесу жертву... Но если разумной необходимости нѣтъ, если вы хотите сдѣлать со мной то-же, что дѣлаетъ помѣщикъ, продавая часть имѣнія для того только, чтобы два-три мѣсяца пожуировать въ Парижѣ, то подумайте — вѣдь это безчеловѣчно... Я не считаю васъ способнымъ на такое черное дѣло...

Василій Парфенычъ разчувствовался, даже прослезился.

— Голубочка моя, кто-же станетъ прибѣгать къ насилію!.. Не хочешь — и не надо. Какъ нибудь обойдемся...

— Въ вашемъ отвѣтѣ ужъ лежитъ упрекъ мнѣ... а если вдругъ — не обойдетесь? Предвижу — въ будущемъ мое положеніе станетъ еще хуже... Безъ всякой ссоры, безъ скандала, позвольте мнѣ оставить домъ, въ которомъ я чужая и лишняя...

— Что ты, дитя мое! Опомнись, развѣ это мыслимо?

— Приличія будутъ сохранены, — обо мнѣ никто здѣсь не услышитъ и скоро забудутъ. Другого выхода я не вижу.

— Всегда ты ставишь вопросы ребромъ! Ну, развѣ можно такъ жить на свѣтѣ?

— Такъ слѣдуетъ жить. Я рѣшилась твердо, и вы меня не остановите.

— Да постой-же, куда спѣшить! Я предложу тебѣ маленькій „дѣло“, № 9, 1882 г., I.

компромиссъ, и дѣла наши уладятся самымъ мирнымъ образомъ... Выслушай терпѣливо. Съ Мокшинымъ надо протянуть до поста, а тамъ какъ нибудь устроимъ. Это первое. Затѣмъ, ты уѣдешь къ теткѣ въ Москву—и Богъ съ тобой, живи тамъ, какъ знаешь!..

— Зачѣмъ-же? У тетки, какъ и здѣсь, я все равно буду чужая... Нѣтъ, папа, не хочу обманывать и лицемѣрить: я уйду изъ вашего дома не приживалкой къ сострадательнымъ людямъ, а самостоятельнымъ человѣкомъ, работницей, которая найдетъ себѣ честный кусокъ хлѣба...

— Ой-ой-ой! Въ этомъ я такъ и слышу Дарова... Ужь эти мнѣ радикалы, разрушители!.. Скоро-же, однако, онъ успѣлъ тебя эмансипировать!

— Ѳедоръ Алексѣичъ—человѣкъ идеальной чистоты, и я за честь считала-бы быть его ученицей, но развѣ ужъ я такъ глупа, что сама не могла придти къ рѣшенію такой простой задачи? Не онъ, а вы и все, что окружало меня съ дѣтства—вотъ что заставляеть меня искать самостоятельности... Еще одна просьба: съ вами, съ роднымъ отцомъ я откровенна, но вы не скажете никому о томъ, что теперь отъ меня слышали... Никому! Только на этомъ условіи я согласна оставить г. Мокшина при его надеждахъ до тѣхъ поръ, пока это вамъ нужно... Прошу васъ серьезно. Знаю, что отъ васъ будутъ допытываться, но соберите всѣ силы характера... Кажется, я прошу очень немногаго; дайте же мнѣ слово.

Василій Парфенычъ побожился передъ образомъ, и на этомъ кончилось ихъ объясненіе.

Трубежовъ заѣзжалъ нѣсколько разъ съ самыми неутѣшительными вѣстями о здоровьи Ѳедора Алексѣича. Лидія поблѣднѣла, услыхавъ о его страданіяхъ.

— Ахъ, бѣдный, бѣдный! Какъ-бы я хотѣла его видѣть!

— Не знаю чѣмъ помочь, докторовъ отвергасть. Не предвижу, когда онъ поднимется, имъ овладѣло какое-то отчаяніе безсилія... Не смотря на то, онъ все-таки часто интересуется, что у васъ тутъ дѣлается... но вѣдь и я незнаю что дѣлается...

Трубежовъ вопросительно и долго смотрѣлъ ей въ глаза.

— Ничего, Григорій Сергѣичъ, право ничего. Все по старому—бури въ стаканѣ воды... Скажите Ѳедору Алексѣичу, что я прошу его лечиться. Здоровье намъ необходимо, обмолвилась она и покраснѣла.

— Не поручите-ли передать ему что-нибудь иное, что могло-бы хоть нѣсколько его утѣшить, обрадовать? По моимъ наблюдениямъ, страданія его усложняются какимъ-то особымъ психическимъ разстройствомъ...

Она съ минуту подумала.

— Если это правда, то... что-жь я могу значить? Напрасно вы приписываете мнѣ такъ много самонадѣянности и... какой-то романической глупости... Онъ боленъ, потому что измученъ жизнью, а улучшить условія жизни не въ моей власти. Утѣшаютъ только маленькихъ дѣтокъ; не думаю, чтобъ онъ нуждался въ утѣшеніи... Помочь ему — о, если-бъ только я могла и знала, чѣмъ помочь!.. Но, въ несчастію, я сама... какая-то беспомощная...

Какъ ни вѣпился Василій Парфенычъ, а, по всѣмъ примѣтамъ, не выдержалъ допросовъ своей жены—самаго неутомимаго и вкрадчиваго судебного слѣдователя. Лидія Васильевна стала замѣчать, что нѣжная маман нарочно при ней заводитъ насмѣшливые разговоры о женскомъ трудѣ, объ эмансипированныхъ барышняхъ и т. п., при чемъ глаза ея съ слишкомъ кроткимъ, маслянымъ упрекомъ устремлялись на Лидію, а Тоничка такъ комически защищала *этихъ* барышень, ищущихъ труда и самостоятельности, что Лидія Васильевна чувствовала себя въ положеніи звѣрка, котораго дразнятъ въ запертой клѣткѣ. А тутъ еще Мовшинъ является съ своими свинными глазами и восторгами отъ высокой игры трагика Металлова 2-го; онъ ужъ, не стѣсняясь, намекаетъ на необходимость ускорить рѣшеніе извѣстнаго дѣла,—и кругомъ никого, не съ кѣмъ обмѣняться теплымъ словомъ, упасть на дружескую грудь и хоть выплакаться досыта... Лидія ходила, какъ манекенъ, иногда не сознавая, что она дѣлаетъ и потерявъ смыслъ того, что вокругъ нея происходитъ...

Однажды, послѣ вечерняго чая, она вошла въ свою комнату, полежала съ четверть часа на кровати, закинувъ руки подъ голову и вперивъ глаза въ потолокъ; потомъ быстро вскочила, накинула на голову шерстяной платокъ и на плечи какую-то первую попавшуюся шубку, потихоньку вышла на заднее крыльцо и, осмотрѣвшись вокругъ себя, выскользнула въ калитку... Шла она по темной улицѣ не торопливо и не робко.

Прохожіе не обращали на нее никакого вниманія, и она ихъ не замѣчала. Чья-то большая собака залаяла на нее, Лидія ласково поманила собаку за собой и все шла, шла... Остановилась она передъ неосвѣщеннымъ подъѣздомъ и прислонилась къ стѣнѣ; ей показалось, что прошла она какое-то ужасно дальнее пространство, она чувствовала необыкновенную усталость.

— Зачѣмъ это я, говорила она вслухъ. — Зачѣмъ я войду къ нимъ? Жаловаться на судьбу, просить помощи? Нѣтъ, ни за что!.. Такъ, просто поговоримъ о чемъ-нибудь, не все-ли равно!.. Какъ-то стыдно... Лучше-бы не ходить... Ну, да все равно! Надо же рѣшить наконецъ... Здѣсь я не чужая...

Рука ея дрожала, протягиваясь къ звонку, и звонокъ какъ-то заплакалъ жалобно; на лѣстницѣ показался свѣтъ.

— Могу я видѣть Федора Алексѣича Дарова?

Прежде чѣмъ дверь за нею затворилась, Лидія взглянула на улицу; большая, привязавшаяся за нею собака чинно усѣлась на подъѣздѣ, словно обѣщала подождать и проводить ее назадъ.

А. Пальмъ.

Конецъ первой части.

СЪ НИЗОВЬЕВЪ ДОНА.

(Путевныя замѣтки).

(Продолженіе).

IV.

Я не принадлежу къ поклонникамъ дворянства и далеко не склоненъ восхищаться его ролью въ историческомъ развитіи Россіи. Но, право, все-таки обидно становится, какъ подумаешь, что дворянинъ палъ только для того, чтобы уступить свое мѣсто коммерсанту. Дворянинъ—тотъ, по крайней мѣрѣ, хотъ жить умѣлъ, онъ, все-таки, способствовалъ развитію науки, литературы, искусства; онъ подавлялъ массу народа, но, по крайней мѣрѣ, развивалъ, и иногда до замѣчательной красоты и высоты, личность человѣка въ небольшомъ привилегированномъ кругу. Дорого обходилось это народу, но, затрачивая миллиарды на содержаніе дворянина, мужикъ получалъ въ возвратъ хотъ рубли, которые, надо надѣяться, еще сослужатъ ему свою службу. Но для чего живетъ буржуа? Что онъ имѣетъ дать народу? Я даже скажу больше—*во что* живетъ г. коммерсантъ? Непонятно. Непонятно даже, какъ ему самому не тошно. А онъ все-таки живетъ, множится и поглаживаетъ брюшко, повидимому, съ полнымъ самодовольствіемъ.

Да, жаль, очень жаль, что г. Суворинъ доѣхалъ только до Москвы. Москва—что? Она ужъ заражена и испорчена. Нѣтъ, нужно было пробраться до Нижняго или до Ростова. Вотъ гдѣ житье. Вотъ ужъ гдѣ никакой деморализаціи! Никакихъ «тревожныхъ толковъ», никакихъ «неудовлетворенныхъ стремленій»: чисто, гладко. Нервы спятъ, обростають жиромъ, атрофируются. За то мясá какія нарастають, и не смотря на то, что «всякій занятъ своимъ дѣломъ», всякій «трудится», имѣя въ виду только «мясá»,—жажда наживы безмѣрная, безпредѣльная, такъ что и конца этой жажды не предвидится. По крайней мѣрѣ такого конца, который явился-бы

по желанію г. коммерсанта. Дворянинъ—тотъ баловаль свои нервы, упитываль мозгъ и поплатился за это появленіемъ разныхъ «неудовлетворенностей», „совѣсти“, «иллюзій». Понятно, что на такомъ пути долженъ, рано или поздно, наступить «конецъ». А ужъ за господина коммерсанта беспокоиться нечего. Изъ «мясовъ» иллюзій никакихъ не явится. Наѣшь на 5 пудовъ, потянетъ тебя къ шести, къ десяти, а тамъ, смотришь, и жизнь прожита. Мясa начинаютъ наѣдать твои ребятишки, а иллюзій все-таки нѣтъ и нѣтъ. Цивилизація поставлена, стало быть, на прочную ногу, вотъ развѣ только снизу выйдетъ какое неудовольствіе. Но вѣдь на это, конечно, тоже есть «средствіе».

Привель меня Господь побывать и въ Нижнемъ, и въ Ростовѣ. Не знаю, кому отдать пальму первенства. Оба лучше. Скучная, безцвѣтная жизнь. Элементъ общественный, политическій не то что изгнанъ, а просто нѣтъ его даже и духу: изгонять нечего. Элементъ умственный, эстетическій отсутствуютъ въ такой-же мѣрѣ. Ничего, кромѣ наживы, а къ чему эта нажива, не поймешь даже, если, по грѣхамъ, неспособенъ проникнуться національнымъ духомъ брюшной цивилизаціи. Этотъ недостатокъ развитія служить источникомъ всѣхъ пороковъ купеческаго города; отсюда и дурной тонъ, и плохой расчетъ, и дурное веденіе общественныхъ дѣлъ. Понятно, что общая атмосфера не можетъ оставаться безъ вліянія даже на самыхъ энергичныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей. Въ ней вся суть, и вотъ почему я уже раньше оговорился, что не касаюсь частныхъ случаевъ злоупотребленій или неумѣлости, которые составляютъ лишь неизбежное послѣдствіе общаго духа нашей буржуазіи.

Положеніе библиотекъ можетъ служить довольно хорошимъ указателемъ умственныхъ потребностей общества. Въ Ростовѣ библиотекъ три, всѣ частныя. О публичной библиотекѣ рѣчь подымалась не разъ, но до сихъ поръ безъ всякихъ результатовъ. Впрочемъ, нужно сказать, что и частныя влачатъ довольно жалкое существованіе. Число подписчиковъ—совершенно ничтожно. У Салтановой, напр., библиотека которой считается лучшей въ городѣ, подписчиковъ всего 300 съ небольшимъ. У Фронштейнъ—немного выше 200. Разумѣется, при такомъ маломъ спросѣ трудно вести дѣло и, нужно сказать правду, библиотеки здѣсь весьма плохія. Основной фондъ ихъ составляютъ романы и журналы. Книгъ, что называется, «серьезныхъ», историческихъ, естественно-научныхъ—почти нѣтъ. Каждая библиотека составляетъ въ то-же время и книжный магазинъ, торгую, притомъ, письменными принадлежностями *).

*) Есть еще книжный магазинъ Теръ Абраміана, но спеціально армянскій.

для чтенія въ городѣ нѣтъ ни одного. Двѣ библіотеки выписываютъ газеты, но исключительно для своихъ абонентовъ, и читающихъ вообще бываетъ немного. Нужно замѣтить, однако, что въ Ростовѣ довольно много разносчиковъ газетъ на улицахъ, больше чѣмъ обыкновенно встрѣчается съ провинціальныхъ городахъ.

Мѣстная пресса ограничивается въ сущности «Донской Пчелой». Кромѣ нея, есть еще «Листокъ Объявленій», но его трудно назвать газетой. Что касается официальныхъ «Вѣдомостей Городской Управы», то ихъ, кромѣ управы, нигдѣ не сыщешь, и издаются онѣ не для публики, которая, со своей стороны, не интересуется ни ими, ни самими городскими дѣлами. Конечно, это безучастіе не составляетъ специфической особенности Ростова. Городскія дѣла вездѣ стоятъ особнякомъ отъ общества и особенно отъ интеллигентнаго слоя. Но, во всякомъ случаѣ, Ростовъ не составляетъ и исключенія изъ этого печальнаго правила. На засѣданіяхъ думы почти никто изъ публики не бываетъ, разговоры о городскихъ дѣлахъ не слышно. Я былъ въ думѣ, когда разбирался крайне важный для города вопросъ о донскихъ гирлахъ; публики присутствовало человѣкъ 20, и это по здѣшнему очень много; въ другое время не бываетъ и того. А нужно замѣтить, что гирловой вопросъ выступилъ на сцену этотъ разъ по инициативѣ торговцевъ, послѣ нѣкоторой агитаціи, т. е., при условіяхъ, очень благопріятныхъ для оживленія общества.

Чѣмъ-же, однако, интересуется, чѣмъ живетъ публика? Не умѣю этого опредѣлить. Правда, есть здѣсь театры, бываютъ концерты, есть даже общество любителей драматическаго искусства... Но, разумѣется, никто не заподозритъ Ростова, чтобы всѣ его душевныя силы уходили въ искусство. Притомъ, достаточно взглянуть на одну внѣшность театра для того, чтобы отбросить такое странное предположеніе, если-бы оно даже возникло. Театръ здѣсь—это небольшой деревянный сарай, грязный, ветхій, который держится только потому, что не знаетъ, на которую сторону упасть. Не дурно также пройтись, напр., въ частный театръ, такъ-называемаго, «Семейнаго сада». Не знаю, почему онъ получилъ такое несообразное названіе: можетъ быть, оно составляетъ послѣдній обломокъ благихъ первоначальныхъ намѣреній. Вкусы публики, во всякомъ случаѣ, привели «Семейный» театръ къ совершенно не семейной практикѣ. Этотъ легенькій, хорошенькій балаганчикъ посвященъ исключительно скабрзнымъ пѣсенкамъ да выставкѣ голыхъ актрисъ и, повидимому, не остается отъ этого въ убыткѣ. Любителей стекается достаточно, и въ томъ числѣ половина дамъ. Недвусмысленныя выходки актрисъ, показыванье, какъ «on fait comme ça» возбуждаетъ неистовый восторгъ. Публика буквально «ржетъ» отъ удовольствія. Не стѣ-

сняясь присутствіемъ барынь, соврасы громко перекидываются замѣчаніями: «Три рубля стоятъ»? «Ну, братъ, выше поднимай» и т. д. Не дорого, впрочемъ, и оцѣниваютъ. Удивило меня это присутствіе въ такомъ количествѣ дамъ, и, притомъ, несомнѣнно изъ порядочныхъ. Должно быть, просто не вѣдаютъ, что творять, думаютъ, что самая цивилизація въ этомъ и состоитъ.

Дѣло, во всякомъ случаѣ, не въ искусствѣ, стало быть, и я даже не думаю особенно обвинять за это ростовцевъ. Конечно, зоологическій инстинктъ есть вездѣ, но въ другихъ мѣстахъ, въ Петербургѣ, напр., есть, кромѣ того, многое, болѣе высокое, болѣе чистое, заставляющее смотрѣть сквозь пальцы на элементы нимфы и фавна. Здѣсь-же ничего такого не видишь. То есть, оно, конечно, есть въ отдѣльныхъ лицахъ, отдѣльными каплями, но не сливается въ струю, не проявляетъ себя *общественно*. Вы найдете, конечно, здѣсь прекрасныя семейства, умный разговоръ, честные порывы, но все это лишь до тѣхъ поръ, пока не выйдете на улицу, въ «большую публику». А вышли въ публику—не оказывается ничего, кромѣ коммерціи да «естества» разныхъ видовъ. Рестораны—превосходные, каскаду сколько угодно, и загѣмъ—хоть шаромъ покати.

Недостатки нашего городского положенія и недовѣрчивое отношеніе, съ одной стороны, къ массамъ народа, съ другой, къ интеллигенціи, нигдѣ не чувствуются съ такою болью, какъ въ этихъ «пищеварительныхъ органахъ», въ родѣ хотя-бы Ростова. Мы говоримъ часто о *самоуправленіи*... Громкое слово! Но въ сущности, нашъ городъ, взятый въ лицѣ своего дѣйствительнаго населенія, пользуется самоуправленіемъ такъ-же мало, какъ во времена Сквозника-Дмухановскаго. Нѣсколько сотенъ плутократовъ—вотъ и всѣ дѣйствительные граждане. Остальное населеніе никакого отношенія къ самоуправленію не имѣетъ, и никакими правами ни пользуется. При такомъ распредѣленіи гражданскихъ правъ между различными слоями населенія, трудно даже желать расширенія правъ «города», какъ юридическаго лица. Въ сущности, полиція, администрація, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, могутъ представлять интересы большинства, по крайней мѣрѣ, не хуже, чѣмъ денежная аристократія. Это устройство, совершенно неестественное въ Россіи, отнимаетъ у «города», юридическаго лица, всякую связь и солидарность съ дѣйствительнымъ городомъ и лишаетъ ихъ обонхъ всякой силы. Городъ правовой безсиленъ; онъ состоитъ исключительно изъ такого слоя, къ которому остальное населеніе—огромное большинство—относится, болѣе или менѣе, враждебно. Городъ, дѣйствительно, безсиленъ, потому что не организованъ и не имѣетъ никакихъ правъ не только на коллективное дѣйствіе, но даже на коллективное мнѣніе. Кому выгодеиъ такой порядокъ? Ужь

никакъ не правительству, разумѣется, потому что оно при этомъ теряетъ всякую возможность опираться на населеніе, какъ на *дѣйствительную* силу. Невыгоденъ такой порядокъ и для промышленности, а удобенъ только для эксплуататора. Стѣснительное положеніе мысли, слова и печати окончательно закрѣпляютъ этотъ порядокъ и отнимаютъ у населенія (взятаго въ цѣломъ) даже фактическую возможность хоть нравственно воздѣйствовать на господина города. Я хочу сказать, что, не имѣя непосредственнаго участія въ городскомъ управленіи, населеніе могло-бы все-таки имѣть *фактическое* вліяніе на ходъ дѣлъ, если-бы существовала мѣстная пресса, если-бы городскіе жители имѣли что-либо въ родѣ англійскихъ митинговъ, если-бы, наконецъ, у насъ не считалось такимъ преступленіемъ всякое малѣйшее подобіе общественной дѣятельности, когда она возникаетъ не по приказанію начальства. Къ великому несчастью нашему, тутъ все сложено одно къ одному, и не осталось никакой щелки, въ которую могла-бы прорываться свободная жизнь, ни юридически, ни фактически, никакъ вообще.

Я говорилъ уже, что мѣстная пресса ограничивается, въ сущности, одною «Донской Пчелой». Издаетъ ее г. Теръ Абрамянъ, мѣстный гражданинъ и домовладѣлецъ. Подвести эту газету подъ какую-нибудь столичную «кличку» довольно трудно: она не представляетъ выдержаннаго либеральнаго направленія, но еще менѣе можетъ быть отнесена къ консервативному. Во всякомъ случаѣ, г. Теръ Абрамянъ принадлежитъ къ тому слою ростовскаго населенія, который понимаетъ значеніе науки и печатнаго слова. Въ этомъ смыслѣ «Донская Пчела», по мѣрѣ силъ, дѣйствуетъ въ Ростовѣ. Я довольно хорошо познакомился съ газетой, и нахожу, что она вообще весьма отзывчиво относилась, за время своего существованія, ко всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ мѣстной жизни. И не смотря на это, газета остается весьма безцвѣтной и не пользуется никакимъ вліяніемъ. Вести газету въ Ростовѣ—задача очень мудреная. Прежде всего—мѣстной жизни въ сущности нѣтъ. Въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ болѣе силенъ элементъ дворянскій и интеллигентный (въ Твери, положимъ, въ Кіевѣ и т. д.), общество группируется въ нѣкоторые сколько-нибудь живые слои, которые чего-нибудь *коллективно* хотятъ, противъ чего-нибудь *коллективно* и, хотя-бы даже весьма пассивно, борются. Тамъ газетѣ есть на чемъ утвердиться. Укажу, напр., на тверскую войну съ «Бѣлой-Арапией». Но въ Ростовѣ—гдѣ, на чемъ утвердиться? Хитрая штука. Безъ сомнѣнія, здѣсь есть, «интересы», есть «вопросы», очень даже жгучіе, но они назрѣваютъ совершенно стихійно, не сознаваемые массою. Газетѣ къ нимъ трудно прилѣпиться. Возьмемъ, напр., вопросъ, крайне важный и сложный: о регулированіи труда *пришлаго* рабочаго элемента... Но кто-же объ

этомъ думаетъ? Ужь, конечно, не рабочій; да онъ и газетъ не читаетъ. Не думаетъ и коммерсантъ, ужь по одному тому, что ему въ этомъ нѣтъ надобности. Вообще можно сказать, что самыя жгучіе вопросы менѣе всего удобны къ разбирательству именно здѣсь, на мѣстѣ, потому что мѣстное населеніе—это не общество, а дезорганизованная толпа. Это общее явленіе въ провинціи, а въ торгово-промышленныхъ пунктахъ—особенно. Поэтому петербургскому или московскому журналу разбирать такіе вопросы гораздо удобнѣе. Ну, затѣмъ остаются болѣе мелкіе, хотя важныя вопросы городского, положимъ, или земскаго хозяйства... Здѣсь, однако, повторяется то же явленіе: на кого опереться? Прислуживаться «коммерсанту—одинъ исходъ. И при томъ—коммерсанту крупному, власть имѣющему, потому что мелкій коммерсантъ, во-первыхъ, никакого вліянія на рѣшеніе вопросовъ не имѣетъ, во-вторыхъ, онъ такъ неразвѣтъ, что и не понимаетъ ихъ отношенія къ своей личной жизни. Очень рѣдко выпадаетъ такой «вопросъ», который бы могъ здѣсь вызывать нѣкоторое подобіе общественнаго интереса и, поэтому, нѣкоторой агитаціи. Такимъ былъ, напр., приказчиій вопросъ, т. е., о предоставленіи приказчикамъ отдыха по воскреснымъ днямъ. «Донская Пчела» дѣйствовала въ этомъ случаѣ очень настойчиво и была поддержана массою приказчиковъ. Но такіе «вопросы»—рѣдкое исключеніе. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, интересы «правового» города вовсе не совпадаютъ съ интересами дѣйствительнаго города, такъ что честной газетѣ необходимо ставиться въ оппозицію къ крупному коммерсанту, а поддержки въ то-же время нѣтъ нигдѣ и ни въ комъ. Между тѣмъ, «общество», власть имѣющее, ревниво отражаетъ всякое вмѣшательство въ «свои» дѣла, и нетерпимость его въ этомъ случаѣ чрезвычайно велика.

Условія провинціальной цензуры извѣстны каждому. «Донская Пчела» цензируется ростовскимъ полицмейстеромъ, а въ отсутствіе его—частнымъ приставомъ. Къ этому излишне что нибудь прибавлять. Администрація, отвѣтственная за ростъ каждой былинки въ городѣ, держитъ цензуру надъ газетой... Подписывая каждый номеръ, содержащій указанія на какія либо проявленія неблагоустройства, цензоръ фактически подписываетъ обвиненіе самому себѣ. Положеніе, въ сущности, просто неестественное. Правда, редакторъ «Донской Пчелы» говорилъ мнѣ, что, за неимѣніемъ правительственнаго цензора, онъ предпочитаетъ такое положеніе, потому что полицмейстеръ человекъ умный, терпимый, а главное—независимый отъ мѣстнаго общества. Это все можетъ быть, но, во всякомъ случаѣ, печально положеніе газеты, для которой даже цензура администраціи представляется сравнительно тихою пристанью. Что касается послѣдней части разсужденія, то оно безусловно

вѣрно: нѣтъ сомнѣнія, что въ рукахъ цензора, члена мѣстнаго общества, газета очутилась-бы въ еще худшемъ положеніи Коммерческіе тузы Ростова всѣ прямо или косвенно связаны съ городскимъ управленіемъ и разными общественными учрежденіями. Поэтому нѣтъ возможности затронуть ни одного вопроса, не задѣвая, въ то-же время, большей или меньшей плеяды вліятельныхъ свѣтилъ, и не возбуждая противъ себя ихъ опалы. Борются съ этимъ давленіемъ даже теперь весьма трудно, и ревнивое охраненіе таинственнаго полумрака, скрывающаго городскія дѣла отъ взоровъ непосвященныхъ, даже теперь страшно обезцвѣчиваетъ мѣстную прессу. Коммерсантъ и полиція—вотъ двѣ единственныя, реальныя силы въ городѣ, и независимой газетѣ между ними остается слишкомъ тѣсное помѣщеніе. Думать, при такихъ условіяхъ, о какомъ либо вліаніи на мѣстную жизнь, разумѣется, невозможно.

Не давая ходу своему „газетчику“, Ростовъ не долюбливаетъ и столичнаго. Г. Молчанова здѣсь до сихъ поръ многіе не могутъ вспомнить равнодушно, и хотя, насколько я могу судить, онъ дѣйствительно многое писалъ, что называется, „съ вѣтру“ (да и пробылъ здѣсь съ недѣлю всего), тѣмъ не менѣе, неудовольствіе остается очень сильнымъ. Его тутъ встрѣтили, надо сказать, очень радушно, а онъ, неблагодарный, все-таки не разчувствовался и „напустилъ критику“. Вотъ публика и обижается. Много курьезныхъ сценъ пришлось видѣть и мнѣ лично. Обращаешься, напр., къ какому-нибудь Х или У съ просьбой сообщить какія нибудь безобиднѣйшія свѣдѣнія.. Смотришь, начинаются глупѣйшія увертки. Человѣкъ, видимо, желаетъ, съ одной стороны, непременно, почему то, увильнуть, а съ другой стороны — будто совѣстно и мы, молъ, народъ цивилизованный. А то еще хуже: являешься къ человѣку, можно сказать, съ чистѣйшимъ сердцемъ, и въ первый разъ его видишь; онъ-же дѣлаетъ какую-то оскорбленную, обиженную физиономію. Смѣхъ и горе! Такъ и хочется сказать: милый человѣкъ, да чѣмъ-же я тебя огорчилъ? Изъ-за чего это ты фокусничаешь или, тѣмъ паче, сердился? Стало быть, у людей глубоко засѣло убѣжденіе, что ужъ если кто желаетъ къ нимъ ближе присмотрѣться, то непременно будетъ ругаться. Странное убѣжденіе *).

Эта свѣтобоязнь, безъ сомнѣнія, отчасти просто инстинктивна, и имѣетъ своею причиною просто неразвитость. Человѣкъ, съ чего-то вздумавшій совать носъ въ «чужія» дѣла, страшенъ, по-

*) Я, разумѣется, не думаю обобщать этого. Лично я отъ многихъ встрѣчалъ самую любезную помощь, и не по знакомству, котораго не имѣлъ, а именно какъ человѣкъ, желающій приглядѣться къ мѣстной жизни. Люди, понимающіе такое желаніе и относящіеся къ нему сочувственно, конечно, есть и въ Ростовѣ. Пользуюсь случаемъ выразить мою искреннюю благодарность за это содѣйствіе.

дозрителенъ даже. Но я вполне убѣжденъ, что очень часто здѣсь сказывается и совершенно сознательное желаніе спрятать получше концы своихъ темныхъ дѣлишекъ. Во многихъ случаяхъ это для меня не подлежитъ сомнѣнію. Мнѣ приходилось иногда даже узнавать впоследствии различныя исторіи, которыя объясняли мнѣ всю невольную не деликатность нѣкоторыхъ моихъ запросовъ. Въ оправданіе свое замѣчу, однако, что въ Ростовѣ очень трудно заранее предусмотрѣть такіе случаи: слишкомъ ужъ темпа здѣшняя жизнь и слишкомъ часто наталкиваешься у людей на самое страшное *passé* о которомъ сперва даже и не подозрѣваешь. Въ этомъ случаѣ интересно прислушаться къ городскимъ толкамъ. Конечно, они часто не имѣютъ фактической достовѣрности. Но ошибаясь относительно отдѣльной личности, эти толки вѣрно воспроизводятъ *типъ* обывателя, какимъ онъ представляется собственному сознанію, и ту скудельную атмосферу, съ которой ему приходится жить.

Общую, постоянную подкладку всѣхъ этихъ толковъ составляетъ *нажива*, безцеремонная, не разбирающая средствъ, не стѣсняющаяся ничѣмъ. Появленіе крупнаго состоянія публика не можетъ объяснить себѣ иначе, какъ какимъ-нибудь мошенничествомъ. Такіе-то, молъ, фабриканты, коммерсанты и т. д. нажились фальшивыми бумажками, такіе-то — контрабандой, такіе-то нажились на общественныхъ должностяхъ. Вотъ, молъ, NN не имѣлъ ничего, пока не попалъ на должность, а теперь, черезъ 2—3 года, смотрите, какіе дома воздвигъ. Въ честность общественнаго дѣятеля ростовецъ совершенно не вѣритъ. Воровство и взятки, по его мнѣнію, вездѣ. Въ такихъ-то коммиссіяхъ или комитетахъ—воровство, на городскихъ постройкахъ воровство, въ администраціи воровство. Поднимаются какіе-нибудь вопросы хозяйства—публика и здѣсь объясняетъ себѣ распредѣленіе партій не иначе, какъ желаніемъ однихъ лицъ стать поближе къ сундуку и нежеланіемъ другихъ отъ него удалиться. Этихъ заподозриваній не избѣгаетъ никто, включительно до учителей учебныхъ заведеній. Разказы иногда доходятъ до полной фантастичности, утверждая, напр., что такое-то извѣстное въ городѣ лицо, которое недавно публично скоронили, на самомъ дѣлѣ вовсе не умерло, а просто скрылось за-границу, во избѣжаніе отвѣтственности за поддѣлку разныхъ бумагъ...

Я еще разъ повторяю, что не придаю этимъ, если угодно сплетнямъ, никакой фактической достовѣрности. Но онѣ показываютъ, въ какой атмосферѣ хищенія живетъ ростовецъ. Безъ огня не бываетъ дыму. А таинственный полумракъ, который любятъ поддерживать надъ Ростовомъ его «хозяева», какъ нельзя болѣе способствуетъ не только существованію всевозможныхъ злоупотребленій, но и преувеличеннымъ о нихъ разговорамъ. Свѣту, больше свѣту,

Больше интеллигентности, большаго оживленія гражданской жизни— вотъ въ чемъ нуждается Ростовъ прежде всего и въ отсутствіи чего онъ, не смотря на свое промышленное значеніе, остается понынѣ такимъ тяжелымъ и несимпатичнымъ «булакь-городомъ».

V.

Огромное стеченіе пришлыхъ рабочихъ въ соединеніи съ довольно значительнымъ мѣстнымъ пролетаріатомъ составляютъ, конечно, плохой задатокъ для уличнаго „порядка“, тѣмъ болѣе, что ростовская полиція далеко не можетъ похвалиться средствами: городъ, во всѣхъ 4 частяхъ, т. е., вмѣстѣ съ Нахичеванью, имѣетъ что-то около 120 городскихъ (я не помню хорошо цифры). Этого разумѣется, слишкомъ мало, особенно при воспоминаніяхъ о грандіозныхъ беспорядкахъ 1879 года. Нужно, однако, сказать, что за послѣдніе годы босая команда держала себя замѣчательно благопристойно, сверхъ всякаго ожиданія полиціи и общества. Ростовъ не увлекся даже анти-еврейскимъ движеніемъ.

Въ прошломъ году, когда на югѣ начались избіенія евреевъ, ростовская дума была этимъ очень обезпокоена. Въ городѣ живетъ тысячъ 8 евреевъ, и нечего, разумѣется, прибавлять, они пользуются здѣсь ничуть не большей популярностью, чѣмъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Рабочаго-же, бездомовнаго населенія въ Ростовѣ многіе десятки тысячъ. Столкновеніе казалось неизбѣжнымъ. Дума, въ числѣ гласныхъ которой всегда есть 6—7 человекъ евреевъ, приняла однако энергическія мѣры*). Она выхлопотала немедленное помѣщеніе въ городѣ казаковъ, открыла добровольную подписку на ихъ содержаніе и образовала даже особую комиссію изъ заводчиковъ и фабрикантовъ, которая должна была тщательно слѣдить за рабочими и подавлять всякое броженіе между ними. Съ этихъ-же поръ началось постепенное усиленіе средствъ полиціи. Мѣры оказались цѣлесообразными, и Ростовъ, не смотря на всѣ тревожные толки, не шелохнулся.

Въ настоящемъ году, иногда тоже можно было думать, что беспорядки непремѣнно будутъ. Мнѣ приходилось слышать много крайне зловѣщихъ разговоровъ и, при томъ, совершенно открыто, на улицахъ. Разумѣется, полиція забирала ораторовъ. Тѣмъ не менѣе слухи, о томъ, что жидовъ будутъ бить, распространялись нѣсколько разъ. Даже христіанскія дѣти, чуть видныя отъ земли,

*) Отдавая справедливость энергіи думы, нельзя не пожалѣть, что эта энергія такъ односторонна и не проявляется хоть въ десятой долѣ въ улучшеніи быта самихъ рабочихъ и въ охраненіи ихъ отъ посторонней эксплоатаціи.

встрѣчаясь съ жиденятами, покрикивали; «бей жидовъ». Около моей квартиры разъ даже кто-то пустилъ камень въ окно еврея, и по улицѣ сейчасъ-же распространился слухъ—«жидовъ бьютъ». Вообще, чувствовалось какое-то напряженное состояніе умовъ. Разъ какъ-то, у себя-же во дворѣ я слышалъ разговоръ: молодой парень работалъ что-то подъ надзоромъ старухи и, между дѣломъ, бесѣдовалъ:

— Я тебѣ говорю, бабушка, жидовъ бить нужно, злобнымъ голосомъ непрерывно повторялъ парень.

— А ты берегись! Коли ты дуракъ, такъ тебя всякій надуесть, не только жидъ...

— Развѣ отъ жида можно остеречься? Они проклятые. Хоть какой-бы у тебя ни былъ умъ, а отъ жида не остережешься. Я тебѣ, бабушка, говорю—жидовъ бить нужно. Больше съ ними ничего нельзя сдѣлать...

И ихъ, безъ сомнѣнія, били-бы, если-бъ полиція хоть немного сплеховала. Она смотрѣла, однако, зорко. На праздникахъ, на Пасху, всѣ кабаки были совершенно закрыты, такъ что по городу пьяныхъ было меньше, чѣмъ въ обыкновенный будничный день. Войска были отряжены въ помощь полиціи повсюду, гдѣ предвидѣлось скопленіе народа: на ярмаркѣ, на перенесеніи аксайской иконы Божіей Матери и т. д. Полицейскіе офицеры, кажется, не сходили съ улицъ въ теченіи цѣлаго мѣсяца: полицеймейстеръ и частные пристава такъ и видѣлись на каждомъ шагѣ. Сами евреи притаились. Обыкновенно они кишатъ на улицахъ, но въ то время совершенно исчезли куда-то тактичность, нужно сказать, весьма рѣдкая съ ихъ стороны. Часто евреи, къ сожалѣнію, просто сами вызываютъ на драку. Нужно посмотрѣть, какъ напр. обходятся содержатели кабаковъ и харчевень съ рабочими: вчужь иной разъ досада беретъ. Грубо, дерзко, кричатъ, насмѣхаются, обращаются буквально, какъ съ рабами своими. Миѣ кажется, что одно это возмутительное обращеніе способно взорвать хоть кого, даже помимо всякой эксплуатаціи. А еще говорятъ, что евреи трусы; ихъ гораздо справедливѣе было-бы обвинить въ нахальствѣ. Вообще, нужно сказать, въ Ростовѣ они ужасно непріятный народъ, и защищать ихъ отъ нападенія, которое въ сущности часто не болѣе, какъ самозащита,—по всей вѣроятности, составляетъ очень тяжелую обязанность.

Впрочемъ—Богъ съ ними. Во всякомъ случаѣ, Ростовъ и въ нынѣшнемъ году остался покойнымъ. Присутствіе бездомовнаго населенія, иногда совершенно обнищалаго, сказывается только въ увеличеніи мелкаго воровства, грабежа и т. п. А нынѣшній годъ очень плохъ въ отношеніи заработковъ. Стеченіе рабочихъ чрезвычайно велико; между тѣмъ, нагрузка идетъ вяло, по незначитель-

ному спросу за границу. Высшія цѣны на набережной были весной: рабочій на тачкѣ получилъ по 1 р. 50 к., подавальщикъ—отъ 2 р. до 3 р. 50 к. Одинъ коммерсантъ, торопясь нагрузкой, началъ работу на второй день Пасхи и въ этотъ день платилъ по 5 р. Но это—единственный случай, и уже на слѣдующій день цѣна была понижена до нормы. Весеннія цѣны удержались, однако, не долго. Скоро выяснилось, что требованіе хлѣба за границу незначительно. А рабочій, между тѣмъ, все валомъ валить. Въ настоящее время множество изъ нихъ сидятъ безъ дѣла и иногда буквально нищенствуютъ. Впрочемъ, здѣшними заработками вообще не слѣдуетъ обольщаться. Правда, въ хорошей годъ и при спѣшной нагрузкѣ, здоровый рабочій иногда получаетъ даже 10 рублей въ день (я лично знаю такіе случаи), но вѣдь это азартная игра; такихъ счастливыхъ дней не много, а рабочій всё-таки прельщается, ждетъ ихъ и упускаетъ менѣе выгодную работу, проводя время въ бездѣйствіи или въ шлянѣ за работой. Въ общей сложности, нагрузчикъ, если не считать счастливыхъ исключеній, зарабатываетъ меньше, чѣмъ косарь, или вообще, чѣмъ на полевой работѣ (постоянная работа по 75 к., 1 р. и выше).

Эта ненадежная и измѣнчивая работа постоянно оставляетъ въ Ростовѣ осадокъ пришлаго населенія. Нѣкоторые пристраиваются къ фабрикамъ. Другіе, окончательно обнищавшіе, живутъ просто чѣмъ Богъ послалъ, и пополняютъ ряды городскихъ нищихъ и жуликовъ.

Ростовъ издавна былъ знаменитъ воровствомъ и грабежами. Эту славу онъ сохраняетъ и по настоящее время. Точно такое-же множество здѣсь нищихъ. Самая ужасная сторона въ ихъ положеніи состоитъ въ томъ, что здѣшній нищій дѣйствительно одинокъ и безусловно беспомощенъ. Зброшенный судьбой на чужбину, прожившійся, заболѣвшій, нерѣдко съ просроченнымъ паспортомъ, онъ живетъ, какъ собака, безъ пріюта, безъ помощи. Часто приходится видѣть на улицѣ больныхъ. Какой-нибудь рослый, молодой парень, валяется на тротуарѣ, блѣдный, изможденный; онъ даже ничего не проситъ... Пять-шесть рублей своевременнаго пособія, да мѣсто въ больницѣ—вотъ и все, что нужно для спасенія человѣка, но ничего этого нѣтъ. Къ моему окошку часто приходила баба съ дѣтьми: мужъ взялъ ее съ собой «на заработки», а потомъ пропалъ куда-то—можетъ сердце не выдержало глядѣть на эту муку. Но баба-то окончательно погибла. Въ услуженіе съ груднымъ ребенкомъ никто не беретъ, да и паспортъ мужъ съ собой унесъ. «Ужь хоть-бы Господь прибралъ хоть дитѣ», повторяла она. Разъ какъ-то, нѣкоторое время видѣлъ я нищаго; совсѣмъ здоровый и молодой, но разболѣлся глазъ, работать нельзя. Простое вос-

паленіе, повидимому; три-четыре дня леченія поставили-бы, вѣроятно, рабочаго на ноги. А онъ принужденъ собирать грошники среди ослѣпляющей уличной пыли, утирая воспаленный глазъ грязною, какъ навозъ, рукою..!

Попадается, разумѣется, не мало и профессиональныхъ нищихъ, совсѣмъ здоровыхъ и способныхъ къ работѣ. Зналъ я тутъ одного чудака: веселый такой, молодець, вѣчно выпивши. Первый разъ подходитъ къ окну и кричатъ:

— Хозяинъ, а хозяинъ!

— Что тебѣ?

— Нѣтъ-ли, милый, чего-нибудь, копѣечки, что-ли? На починь-бы...

Весело такъ говоритъ и забавно. Я размѣялся и говорю, что нѣтъ у самого ничего. Онъ нисколько не обидѣлся.

— Нѣтъ? Ахъ, милый, вотъ поди-жь ты, какое дѣло выходить. А я было думалъ разжиться.

Потомъ онъ, впрочемъ, еще не разъ надоѣдалъ мнѣ. Но это еще ничего. Гораздо надоѣдливѣе цивилизованный нищій, который въ Ростовѣ попадается такъ-же, какъ и въ Петербургѣ. Смотришь, является въ пиджакѣ, въ шляпѣ и рекомендуется: «Можетъ быть, вамъ покажется странно и даже нахально... Я-съ студентъ московскаго университета, четвертаго курса. Стеченіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ заставило искать непосильнаго физическаго труда, но силы измѣнили, рука повреждена...» и т. д. А то разъ является къ хозяйкѣ моей какой-то старенькій, заштатный, а можетъ и разжалованный попъ.

— А, что, матушка, у васъ тутъ православные живутъ?

— Нѣтъ, евреи, нарочно соврала хозяйка.

— Гм! Жалко, жалко. Я-бъ молитву прочелъ. Да вѣдь ты, матушка, православная?

— Я боюсь, хозяева будутъ сердиться... Хозяева евреи... Прийдутъ, пожалуй.

— Такъ ты потише, потише. Я вѣдь живо справлюсь.

Хозяйка, было, начала отговариваться, но энергическій попъ порѣшилъ дѣло.

— Эхъ, знаешь, чѣмъ время терять... Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа... и пошелъ читать. Кончилъ, получилъ гривенникъ, и былъ таковъ.

Вообще, по разнообразію типовъ нищенствующихъ, Ростовъ скорѣе походитъ на столицу, чѣмъ на провинціальный городъ. Что касается жуликовъ, то Ростовъ въ этомъ отношеніи вполне оригиналенъ. Дѣйствительно, за исключеніемъ Троицы-Сергія, я не видалъ города, гдѣ грабежи были-бы такъ смѣлы и нахальны. Сей-

часъ за городомъ, у тюремнаго замка, есть здѣсь кладбище; это, такъ сказать, резиденція жуликовъ. Они тамъ днюютъ и ночуютъ, не брезгаютъ обирать покойниковъ и, съ наступленіемъ ночи, не даютъ прохода живымъ. Одинъ гимназистъ рассказывалъ мнѣ, какъ онъ съ нѣсколькими солдатами ходилъ сюда, забавы ради, „ловить жуликовъ“. Подъ большимъ памятникомъ они нашли склепъ и полѣзли туда. Помѣщеніе оказалось просторное, но первый, рѣшившійся войти, попалъ въ руки здоровеннаго бродяги, который его потащилъ въ свое логово и хотѣлъ уже рѣзать. Товарищи, однако, вытащили его за ноги, а вмѣстѣ съ нимъ, и жулика. Тотъ хотѣлъ, было, защищаться, но его исколотили и пустили на всѣ четыре стороны. Въ склепѣ не оказалось больше ничего, авантюристы нашли тамъ только рогожу и хлѣбъ. Въ такихъ-то порахъ ютится здѣшній „отверженецъ общества“. Кладбище отстоитъ отъ города всего шаговъ на 200, но ни одинъ извозчикъ не возьметъ васъ везти мимо позже 10—11 часовъ. Одинъ извозчикъ рассказывалъ мнѣ, какъ его товарища здѣсь зарѣзали и обобрали. Крики о помощи—безполезны, потому что жулики никогда не задумаются пнрнуть ножомъ всякаго, кто сунется на выручку. Народъ вообще отчаянный. Однажды, при мнѣ пастухъ погналъ стадо коровъ къ кладбищу; дѣло было часовъ въ 5 утра. Черезъ нѣсколько времени пастухъ прискакалъ какъ угорѣлый за помощью. Оказалось, что жулики отняли у него корову и потащили къ себѣ, на кладбище. Вотъ каковы здѣсь нравы. Но жулики, разумѣется, не ограничиваются добычей, которая сама идетъ къ нимъ въ руки. Они организовываютъ цѣлыя экспедиціи въ городъ. Объ одной такой экспедиціи я слышалъ отъ знакомыхъ. Жулики подѣхали къ ихъ дому съ нѣсколькими возами, ночью разумѣется, и, очевидно, предполагали весьма свободно заняться промысломъ. Но только что они принялись за нагрузку, во дворѣ проснулись, поднялась тревога, побѣжали за полиціей. Жулики пустились бѣжать на своихъ возахъ. За ними погнались. Къ погонѣ скоро присоединилась и полиція, но жулики все-таки ушли благополучно. Одинъ изъ служащихъ въ домѣ слышалъ при этомъ интересный разговоръ, объясняющій безуспѣшность погони. Этотъ служащій (кажется приказчикъ) и еще одинъ городской оказались быстрѣе всѣхъ, и, оставивши своихъ назади, подбѣжали совсѣмъ близко къ отступающимъ. Городовой, однако, опередилъ всѣхъ, и когда догналъ вора, то вдругъ съ удивленіемъ воскликнулъ:

Максимка! Да это ты никакъ?

— Я и есть, отвѣчала жуликъ, аль не узналъ?

Услыхавши этотъ дружескій обмѣнъ привѣтствій, приказчикъ,

„Дѣло“, № 9, 1882 г. I.

оставшійся немного позади, счель, разумѣется, лучшимъ совѣмъ остановиться и ретироваться къ своимъ.

При такихъ условіяхъ не мудрено, что кладбище иногда буквально держитъ городъ въ блокадѣ. Но, конечно, это не единственный притонъ такихъ промышленниковъ. Я уже говорилъ о ночлежныхъ домахъ; напр., недавно былъ закрытъ полиціей одинъ кабакъ, какъ настоящій притонъ разбойниковъ. Грабежи и воровства—вообще необыкновенно часты въ городѣ. При мнѣ былъ одинъ случай грабежа въ городскомъ саду, всего въ 11 часовъ ночи, и не смотря на то, что въ саду полицейскихъ постоянно очень много. Еще интереснѣе случай, о которомъ я, впрочемъ, только слыхалъ отъ знакомыхъ. Дѣло было на вокзалѣ. Одна барыня вышла на улицу съ ребенкомъ на рукахъ. Ребенокъ былъ такъ закутанъ, что жулики приняли его за какой-то свертокъ и моментально выхватили его у несчастной женщины. Та подняла крикъ, но похитители, на ея счастье, скоро увидали свою ошибку и бросили ребенка на мостовую.

Вообще, Ростовъ во многомъ напоминаетъ до сихъ поръ разсказы г Данилевскаго. Безцеремонно дѣйствуетъ здѣсь хищникъ сверху, хищникъ-капиталистъ, но и маленькій хищникъ внизу до сихъ поръ не превращенъ въ паразитное насѣкомое, а все еще летаетъ и клюетъ добычу, какъ вольный коршунъ.

VI.

Мы уже видѣли, что даже теперь въ общемъ оборотѣ ростовской торговли и промышленности отпускная торговля занимаетъ мѣсто хотя важное, но не исключительное. Я полагаю, что со временемъ такое отношеніе будетъ все больше складываться не въ пользу отпуска, и въ конечномъ результатѣ Ростовъ получить значеніе исключительно какъ центръ фабрично-заводской промышленности и внутренней торговли. Къ этой роли его ведутъ естественныя условія, въ высшей степени благоприятныя, не имѣющія себѣ ничего подобнаго на всемъ нашемъ юго-востокѣ. Между тѣмъ, какъ портъ, Ростовъ очень слабъ и могъ приобрѣсти значеніе только благодаря случайностямъ нашей экономической безурядицы.

Отпускная торговля Ростова держится, главнымъ образомъ, благодаря чисто искусственной монополии путей сообщенія. Азовское побережье сѣвернаго Кавказа не имѣетъ порядочныхъ портовъ, Черное-же море отрѣзано отъ области горами, болотами и полнымъ отсутствіемъ путей сообщенія. При такихъ условіяхъ, владикавказская желѣзная дорога дала Ростову значеніе *кавказскаго* порта, на

чемъ собственно и держится отпускная торговля города. Дѣйстви-тельно, кавказскій хлѣбъ уже въ началѣ 70-хъ годовъ составлялъ 25% отпускной ростовской торговли. Въ 1878 г., изъ числа 28 милліоновъ пудовъ хлѣба, отпущеннаго Ростовомъ, Кавказъ доставлялъ 18 милліоновъ пудовъ, т. е. 65%. Вотъ какое огромное значеніе имѣеть Кавказъ для ростовскаго отпуска, который и сталъ развивать свои громадныя обороты собственно только съ тѣхъ поръ, какъ началось культурное развитіе сѣвернаго Кавказа.

Между тѣмъ, роль кавказскаго порта настолько неестественна для Ростова, что объ этомъ можно даже не распространяться. Она будетъ отнята у Ростова не только рано или поздно, а, по всей вѣроятности, очень скоро. Первая желѣзная дорога, которая отойдетъ отъ кавказской линіи къ какому нибудь черноморскому порту, сразу, безъ малѣйшей борьбы, отниметъ у Ростова по крайней мѣрѣ 50% его отпуска. Вотъ почему проектъ генерала Кармалина возбудилъ здѣсь такое безпокойство и заставилъ ростовцевъ даже подумать (хотя и совершенно платонически) объ улучшеніи своихъ гирлъ. Но если протестъ Ростова или недостатокъ средствъ у правительства и задержать на нѣсколько времени проведеніе вѣтви на Черное море, то, безъ сомнѣнія, не на долго.

Между прочимъ, не мѣшаетъ сказать, что аргументація генерала Кармалина въ пользу его собственнаго проекта далеко не можетъ быть названа достаточно сильной. Все, что говоритъ генералъ, совершенно справедливо по отношенію къ Черноморью, т. е., приазовской части Кубанской области. Но весь лѣвый берегъ Кубани, т. е. почти половина области находится въ еще худшемъ положеніи. Онъ уже окончателно не можетъ пользоваться услугами Ростова. Имѣя у себя на разстояніи 100—150 верстъ никогда не замерзающія бухты Анапы, Новороссійска, Гелендежика, просто дико возить хлѣбъ за 700 верстъ на сѣверъ, къ Ростову, съ тѣмъ, чтобы этотъ хлѣбъ, нагруженный на корабли, возвратился опять на нѣсколько сотъ верстъ назадъ, къ югу, и проплылъ мимо тѣхъ-же Новороссійска и Анапы. Въ этомъ немислимомъ положеніи находится, однако, обширный и богатый край, вся южная часть Кубанской области, о которой генералъ Кармалинъ почему-то совершенно не подумалъ. Сверхъ того, помимо экономическихъ соображеній, постройка вѣтви на Черное море вызывается еще важными политическими причинами, опять совершенно опущенными атаманомъ Кубанской области, который, казалось-бы, однако, лучше кого другого долженъ былъ знать критическое положеніе своей области въ минувшую турецкую войну. Читателямъ извѣстно, что всѣ черноморскіе кавказскіе порты (Новороссійскъ, Геленджикъ и т. д.) отдѣлены отъ Россіи горами и долиною рѣки Кубани. Горы эти въ сѣ-

верной части не высоки—не свыше 1500 футъ и не шире верстѣ 10-ти, сверхъ того, онѣ прорѣзаны шоссеюной дорогою, такъ что, болѣе или менѣе, проходимы. Но о кубанской низменности это не всегда можно сказать. Кубань—рѣка почти несудоходная, но въ разливъ захватываетъ пойму верстѣ на 20 ширины и дѣлаетъ ее буквально непроходимой. Въ прошлую турецкую войну, когда непріятельская армія, взявъ Сухумъ, подвигалась къ сѣверу, а флотъ блокировалъ наши берега и бомбардировалъ Анапу, кавказскіе горцы зашевелились. Кубанцы (т. е. черкесы) постоянно прямо передавались непріятелю; чеченцы открыто возмутились, кабардинцы, болѣе осторожные, выжидали для этого лишь первыхъ, прочныхъ успѣховъ турокъ. Въ этотъ критическій моментъ черноморскій округъ—театръ военныхъ дѣйствій—былъ совершенно отрѣзанъ отъ остальной Россіи разливомъ Кубани. Переправы прекратились. Ходить черезъ рѣку могли только легкія лодки, подымавшія 5—6 человекъ, да и тѣ постоянно становились на мель въ дѣлой верстѣ отъ берега и часами блуждали по болотамъ, наудачу отыскивая берегъ potvrжденіе, гдѣ-бы можно было высадиться. Такимъ-то примитивнымъ способомъ приходилось доставлять черноморскому округу войска, продовольствіе, снаряды. Нѣтъ спору, горсть нашихъ войскъ, отрѣзанная отъ Россіи, проявила замѣчательный героизмъ въ своемъ безвыходномъ положеніи, но едва-ли какой-бы то ни было героизмъ могъ спасти округъ, если-бы турки оказались сколько-нибудь умнѣе и лучше освѣдомленными о положеніи нашихъ дѣлъ. Между тѣмъ, прочное занятіе непріятелемъ округа, съ неизбѣжнымъ возстаніемъ всѣхъ горскихъ племенъ, могло-бы дать войнѣ самый невыгодный для насъ оборотъ. Очевидно, край въ такомъ положеніи оставаться не можетъ, и черноморская желѣзная дорога, даже по чисто политическимъ соображеніямъ, составляетъ только вопросъ времени.

Но разрѣшеніе этого вопроса, какъ я говорилъ, отзовется на ростовской торговлѣ очень невыгодно. Съ другой-же стороны—вѣтъ на Маріуполь, недавно оконченная, отнимаетъ у Ростова уже всякое значеніе порта для Екатеринославской губерніи (ничтожное, впрочемъ, и теперь). Вообще, отпускная торговля Ростова, какъ я говорилъ уже, держится на такихъ шаткихъ основаніяхъ, что паденіе ея предвидѣть весьма не трудно.

Какъ-бы ни было, однако, скоропреходяще время торговой метрополи, оно имѣетъ для Ростова очень важное значеніе. Пользуясь этимъ временемъ, городъ скопляетъ капиталы, которые потомъ могутъ быть обращены на промышленныя предпріятія. Съ этой точки зрѣнія нельзя не пожалѣть, что Ростовъ такъ мало, сравнительно, воспользовался своимъ положеніемъ и постоянно упу-

скаеть золотое время, котораго, быть можетъ, осталось уже вовсе не очень много.

Обвинять въ этомъ собственно ростовскихъ гражданъ было-бы несправедливо. Множество условій мѣшали въ этомъ случаѣ Ростову. Но оставляя въ сторонѣ вопросъ о чьей-бы то ни было виновности, не подлежитъ, во всякомъ случаѣ, сомнѣнію, что Ростовъ не воспользовался въ должной мѣрѣ выгодами своего положенія. Онъ не могъ никогда аккуратно отправлять даже тѣ товары, которые къ нему сами сплывались со всѣхъ сторонъ. Первобытные способы нарузки, плохія набережныя, засоренныя гирла, все это возвышало стоимость нарузки, фрахта, растягивало время операцій и со всѣхъ сторонъ подрывало торговый кредитъ Ростова. А тутъ еще присоединяется множество уже чисто-искусственныхъ помѣхъ. То, неизвѣстно почему, таможня упорно остается второклассной, стѣнная этимъ торговыя операціи; то желѣзная дорога строить черезъ Донъ мостъ, превращающійся въ нѣчто въ родѣ пороговъ, заграждающихъ рѣку; то на желѣзныхъ дорогахъ устанавливаются тарифы, не допускающія грузовъ къ Ростову. Сколько сотенъ милліоновъ потерялъ городъ, благодаря всѣмъ такимъ препятствіямъ, это легче себѣ представить, чѣмъ вычислить. А между тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, городъ совершенно безсиленъ бороться съ этими внѣшними условіями, которыя даютъ промышленность иногда совершенно безцѣльно.

Взять, напр., хотя-бы исторію съ таможней. Казалось-бы, какъ только торговля извѣстнаго мѣста развилась настолько, что требуетъ расширенія таможни, самый государственный интересъ заставляетъ удовлетворить требованію. А между тѣмъ, сколько было возни изъ-за этого вопроса, яснаго, какъ день. Еще въ 1869 г. ростовская дума вошла съ ходатайствомъ о преобразованіи таможни. Удовлетворенія, однако, не послѣдовало. Съ 1877 г. ходатайства города становятся непрерывными. Мѣстные граждане осыпають прошеніями думу; городской голова обращается къ губернатору, губернаторъ къ министру. Бумаги летаютъ по всѣмъ инстанціямъ, но результатовъ—все-таки ни малѣйшихъ. Въ 1878 г. директоръ департамента таможенныхъ сборовъ проѣзжалъ черезъ Ростовъ, и мѣстные коммерсанты воспользовались этимъ случаемъ для личнаго ходатайства. Г. директоръ отнесся къ просьбѣ «съ величайшимъ сочувствіемъ» и посовѣтовалъ возобновить хлопоты въ министерствѣ. Ободренные граждане опять ходатайствуютъ, опять летятъ бумаги по всей Россіи, — и опять ничего изъ этого не выходитъ. Къ счастью, однако, въ 1879 г., г. министру случилось лично побывать въ Ростовѣ. Горожане снова представили свои просьбы, и, наконецъ, въ 1880 г. добились преобразованія

таможни. До какой степени этотъ злосчастный вопросъ наболѣлъ у ростовцевъ, можно судить по ихъ радости при его разрѣшеніи. Благодарные граждане собрали даже 5,000 руб. для образованія двухъ стипендій «имени ихъ высокопревосходительства, г. министра финансовъ и его супруги», предоставляя ихъ высокопревосходительствамъ и распоряженіе означенными стипендіями. Въ общей сложности городъ все-таки потерялъ ровно 10 лѣтъ *) самаго горячаго времени въ бесплодныхъ ходатайствахъ. А ужь, кажется, требованія были такъ резонны, такъ безобидны.

Я не стану останавливаться на тѣхъ помѣхахъ для торговли, которыя создавались произволомъ и безурядицей желѣзныхъ дорогъ. «Записка», поданная товаротправителями желѣзнодорожной подкоммиссіи, указываетъ, напр., на то, что грузы изъ Воронежа искусственно направляются на Ригу, вмѣсто Ростова, благодаря произвольному повышенію тарифа на 20%. Точно также владикавказская, напр., дорога никогда не въ состояніи доставлять Ростову всего количества хлѣба, идущаго сюда съ Кавказа. Въ 1878 г., напр., изъ 18 мил. пудовъ, доставленныхъ Кавказомъ, ровно половина должна была идти *чужомъ*, на волахъ. Къ сожалѣнію, я слишкомъ мало знакомъ съ этимъ вопросомъ; оставляю его поэтому въ сторонѣ. Съ бѣльшей основательностью мы можемъ остановиться на трагикомедіи донскаго желѣзнодорожнаго моста. Эта исторія хорошо рисуетъ безпомощное положеніе нашего города, даже такого большого, какъ Ростовъ, предъ лицомъ всемогущихъ желѣзнодорожниковъ.

Желѣзнодорожный мостъ черезъ Донъ (ростовско-владикавказской желѣзной дороги) находится въ самомъ городѣ и пересѣкаетъ пополамъ его пристань. Такое положеніе моста требовало-бы особенной осмотрительности при его постройкѣ. Между тѣмъ, мостъ съ самаго начала сдѣлался и до сихъ поръ остается настоящей «Сциллой и Харибдой» Ростова, какъ выражаются обыватели. Онъ стѣснилъ теченіе Дона и тѣмъ увеличилъ его быстроту; онъ настолько низокъ, что значительную часть навигаціи подъ нимъ не можетъ проходить большинство судовъ, а разводные пролеты настолько узки, что судно, проходя сквозь нихъ, рискуетъ потерпѣть болѣе или менѣе значительныя поврежденія, иногда-же и вовсе не въ состояніи продти **). Все произошло отчасти потому, что при постройкѣ моста были допущены разныя ошибки въ вычисленіяхъ,

*) Последнія 15 лѣтъ отличались исключительно благоприятными условіями для ростовской отпускной торговли.

***) См. докладная записка инженера Ласкина директору департ. жел. дорогъ Журналы ростовской на Дону думы 1877 г.

отчасти отъ чрезмѣрной экономіи, выгодной для желѣзной дороги, но никакъ не для донского судоходства. Такъ, напр., высота моста разсчитана на то, чтобы онъ возвышался надъ шахим'омъ донского уровня (въ разливѣ) на 0,83 и даже на 0,55 сажени. Между тѣмъ, высота средней величины парохода съ опускными трубами равняется 3¹/₂ саж. Стало быть, строители моста такъ и знали, что въ высокую воду подъ ихъ сооруженіемъ не пройдетъ ни одно судно. На самомъ дѣлѣ, высота донского разлива, точно такъ-же, какъ ординаръ, при официальной повѣркѣ оказались гораздо значительнѣе. Сверхъ того, повышеніе воды въ Донѣ бываетъ не только отъ разлива, но и при всякомъ морскомъ вѣтрѣ. Штормъ подымаетъ воду въ гирлахъ на нѣсколько аршинъ и отзывается, хотя гораздо менѣе чувствительно, до самаго Ростова. Да и разливъ, продолжающійся цѣлые мѣсяцы, составляетъ самое оживленное время навигаціи. Понятно, до чего стѣснительной оказывается незначительная высота моста, подъ которымъ въ полуку воду не могутъ проходить даже паровые катеры. Инженеръ Ласкинъ вообще полагаетъ, что высоту моста можно признать вполне достаточной только для плотовъ.

Итакъ, разводные пролеты составляютъ для большихъ судовъ единственный путь для прохода за мостъ, а при высокой водѣ это единственный путь и для всѣхъ вообще судовъ. Между тѣмъ, ширина пролетовъ составляетъ всего 56 футовъ, а ширина судовъ здѣсь плавающихъ колеблется такъ:

Пароходы.	до 48 фут.
Баржи.	> 40 >
Гусяны.	> 52 >

Стало быть, входя въ пролеты, судно сколько нибудь значительныхъ размѣровъ имѣетъ у себя по бокамъ не болѣе аршина пространства, а гусяны даже менѣе ¹/₂ аршина. Между тѣмъ, теченіе воды подъ мостомъ, и какъ нарочно именно въ пролетахъ, чрезвычайно бурное, и струя воды, сверхъ того, стремится бросить судно прямо на каменный быкъ. Все это, между прочимъ, создано чисто искусственно, благодаря неправильной постройкѣ моста, неправильному вычисленію количества донской воды и направленія рѣчныхъ струй. Такимъ образомъ узость пролета дѣлается чрезвычайно опасной. Гусяны, со времени постройки моста, стали доходить только до Ростова, совсѣмъ не рискуя перебираться черезъ мостъ. Прочія-же суда весьма часто терпятъ поврежденія и даже крушенія. «Благополучный проходъ большого судна, говоритъ Ласкинъ, можетъ быть разсматриваемъ почти какъ слу-

чайность... опасность-же существуетъ для всѣхъ судовъ. Отсюда жалобы торговли на уменьшеніе общаго числа рейсовъ, на стѣсненіе въ страховкѣ груза, на расходъ по содержанію усиленнаго экипажа, порчу тросовъ и возвышеніе фрахта».

Проходъ судна черезъ мостъ—это дѣлая комиссія. Передъ нимъ расположена, разъ навсегда, желѣзная баржа, специально для пособія проходящимъ судамъ. На эту баржу судно подаетъ канатъ и потихоньку спускается, стараясь всѣми силами оттолкнуться отъ быка, на который его надавливаетъ теченіе, и выставляетъ всѣ свои предохранительныя подушки. Экипажъ суетится, мечется туда и сюда. Я проходилъ мостъ только на пароходѣ, но и онъ принужденъ продѣлывать всѣ эти церемоніи. Времени на проходъ тратится отъ 10 минутъ до получаса. Для того, чтобы нагляднѣе представить все неудобство этихъ Оермоцилъ, заимствую у того-же Ласкина сравненіе мостовъ Донскаго и Николаевскаго въ Петербургѣ:

	Донъ.	Нева.
Быстрота теченія.	7 фут.	3 фут.
Ширина пролетовъ.	56 >	70 >
Максимальная ширина судовъ . .	52 >	42 >

Такимъ образомъ, при теченіи *вдвое* болѣе тихомъ, Николаевскій мостъ представляетъ судамъ въ своихъ разводныхъ пролетахъ *впятеро* больше простора. А между тѣмъ, нужно замѣтить, что условія донскаго судоходства требуютъ постройки еще болѣе широкихъ судовъ. Мелководье не допускаетъ здѣсь употребленія судовъ съ большой осадкой, а извилистый фарватеръ дѣлаетъ крайне неудобною большую длину ихъ. Поэтому специалисты находятъ необходимымъ увеличивать *ширину* судовъ: для пароходовъ, напр., желательно расширеніе до 60 футовъ. Узкость разводныхъ пролетовъ становится, однако, неодолимымъ препятствіемъ для усовершенствованія донскаго кораблестроенія.

Я привелъ всѣ эти подробности для того, чтобы показать, какъ безусловно правъ былъ городъ въ своей борьбѣ съ желѣзной дорогой изъ за того моста. Протесты городского управленія скоро вынудили правительство произвести формальное разслѣдованіе дѣла, причемъ и обнаружались официально всѣ недостатки постройки. Не смотря на это, городъ ничего не могъ добиться, кромѣ нѣкоторыхъ паллиативныхъ мѣръ, въ родѣ постановки баржи около моста и расширенія отверстія въ дамбѣ, для лучшаго стока донскихъ водъ. Эта послѣдняя мѣра не принесла, впрочемъ, особенной пользы, и радикальная перестройка моста была официально признана необходимою. Но проходитъ годъ за годомъ, и все остается въ преж-

немъ положеніи. «Нѣтъ денегъ»—это достаточно извиняетъ желѣзную дорогу. Резонъ, конечно, серьезный. Но кто-же вознаградитъ городъ за убытки, которые онъ постоянно несетъ по милости своей Сциллы и Харибды? Да притомъ, если-бы городъ испортилъ линію желѣзной дороги и отказался исправить, отзываясь неимѣніемъ денегъ, то едва-ли кто нибудь обратилъ-бы вниманіе на такую отговорку.

Впрочемъ, сказать «едва-ли»,—это слишкомъ слабо. Не подлежитъ сомнѣнію, что городъ не встрѣтилъ-бы и сотой доли такой снисходительности. Несомнѣнно, что одинъ намекъ на нарушение интересовъ желѣзной дороги способенъ уже вызвать цѣлую бурю противъ городского общественнаго управленія. Вотъ, напр., любопытная исторія, показывающая справедливость моихъ словъ и рисующая вообще положеніе нашего города. Передаю ее на основаніи официальныхъ источниковъ *).

Дѣло было въ 1878 г. Ростовская дума разсматривала жалобу министерства путей сообщенія противъ головы города Ростова, г. Кривошеина. Во избѣжаніе неточностей, привожу обвиненіе дословно (Отношеніе Техн. Инж. ком. М. П. с. № 7506).

«Правительственный инспекторъ ростовско-владикавказской желѣзной дороги, говорится въ этомъ отношеніи, представилъ въ министерство путей сообщенія два акта, составленные жандармскимъ полицейскимъ управленіемъ сей дороги, о слѣдующихъ незаконныхъ дѣйствіяхъ и вмѣшательствѣ головы города Ростова въ распоряженія администраціи ростовско-владикавказской желѣзной дороги. 2-го мая, въ 12 часовъ дня, когда на желѣзнодорожный мостъ старшему мастеру онаго данъ былъ сигналъ, чтобы мостъ былъ наведенъ для предстоящаго прохода поѣзда, Кривошеинъ, находившійся по обыкновенію на мосту, запретилъ закрыть мостъ до прохода какой-то баржи и парохода, что заняло времени на 30 минутъ, въ теченіе которыхъ движеніе поѣздовъ по мосту было прервано. На другой день, 3-го мая, Кривошеинъ привелъ съ собой рабочихъ и самовольно распорядился сломкою огражденія полотна желѣзной дороги, устроеннаго съ цѣлью воспрепятствованія прохода и передвиженія черезъ полотно разныхъ предметовъ въ неуказанномъ для сего мѣстѣ, какъ это было 3-го мая, когда ломовые извозчики перетаскивали огромныя трубы для погрузки ихъ на пароходъ. Составлявшія вышеизложенное загражденіе шпалы и рельсы Кривошеиннымъ были взяты съ собой. Подобныя дѣйствія городского головы Кривошеина, не оправдываемыя вовсе обязанностью, возлагаемою на него городовымъ Положеніемъ, кромѣ

*) См. журналъ Р. н. Д. Думы 1878 г. Засѣданіе 12 января.

ихъ неумѣстности, настолько существенныхъ для общихъ интересовъ эксплуатаціи и общественной безопасности, что не только не могутъ быть допущены со стороны правительственнаго надзора за желѣзными дорогами, но и въ предупрежденіе той опасности движенію по желѣзнымъ дорогамъ и тѣхъ страшныхъ несчастій, которыя могутъ имѣть послѣдствіемъ подобныя противозаконныя виѣшательства въ желѣзнодорожныя администраціи постороннихъ лицъ, — не могутъ быть оставлены безъ преслѣдованія, а потому г. министръ путей сообщенія изволилъ приказать сообщить о таковыхъ дѣйствіяхъ головы Кривошеина, на точномъ основаніи 150, 151 и 152 ст. гор. Положенія, ростовской городской думѣ, съ тѣмъ, чтобы она, рассмотрѣвъ означенные поступки Кривошеина, сдѣлала о нихъ законное постановленіе и доставила оное въ министерство, которое, если не найдетъ такового соответствующимъ важности и противозаконности самихъ указанныхъ фактовъ, дастъ этому дѣлу дальнѣйшее законное направленіе. Сообщая о вышеизложенномъ, техническо-инспекторскій комитетъ желѣзныхъ дорогъ имѣетъ честь препроводить въ копіяхъ протоколы, составленные чинами жандармскаго управленія».

Получивъ это грозное „отношеніе“, дума назначила комиссію для разслѣдованія дѣла, навлекшаго на представителя городского управленія такія обвиненія. Разслѣдованіе обнаружило, однако, факты, хотя крайне интересныя, но совершенно противоположнаго характера. Прежде всего оказалось, къ удивленію, что никакихъ актовъ желѣзнодорожныя жандармы не составляли. Это было официально заявлено жандармскимъ полковникомъ Баженовымъ; затѣмъ, унтеръ-офицеръ Бражниковъ, подпись котораго красуется на «актѣ», показалъ, что бумаги этой онъ не составлялъ, не подписывалъ и даже не видѣлъ вовсе... Стало быть, инспекціей желѣзной дороги были посланы подложные акты или, по крайней мѣрѣ, съ подложными подписями! Затѣмъ, разслѣдованіе обнаружило, что самые факты, слишкомъ довѣрчиво приняты министерствомъ, были представлены ему въ совершенно извращенномъ видѣ и на самомъ дѣлѣ имѣли совершенно иной характеръ. А именно: 2-го мая г. Кривошеинъ отправлялъ свою собственную баржу, и, какъ каждый хозяинъ, въ качествѣ частнаго лица находился на мосту. За симъ произошло слѣдующее. По правиламъ, мостъ закрывается лишь черезъ $\frac{1}{2}$ часа послѣ звонка, предупреждающаго о предстоящемъ закрытіи проходяція суда. 2-го мая, почему-то, звонка не было дано и велѣно было сразу закрыть мостъ. Между тѣмъ, баржа г. Кривошеина уже подняла свои явора и, держась только на одномъ канатѣ, спускалась къ разводному промету. Въ эту минуту мостъ приказано было завести. Г. Кривошеинъ, опасаясь, что ка-

вать легко можетъ лопнуть и баржа не только сама разобьется, но можетъ, что всего важнѣе, повредить разводныя части моста, и произвести даже страшное крушеніе поѣзда, обратилъ вниманіе сторожа на всю опасность исполнять такое странное распоряженіе. Дѣйствовалъ при этомъ г. Кривошеинъ, какъ частный человѣкъ, но справедливость его словъ на столько была очевидна, что сторожъ, вмѣсто исполненія приказанія, обратился за совѣтомъ къ инженеру, который тутъ-же присутствовалъ. Инженеръ пришелъ также въ смущеніе и отправился на станцію, чтобы разъяснить положеніе дѣлъ. Такимъ образомъ, мостъ остался незаведеннымъ и баржа успѣла пройти. Все это заняло $\frac{1}{2}$ часа времени, т. е. мостъ былъ заведенъ въ сущности согласно съ правилами, а опозданіе поѣзда произошло собственно потому, что на станціи не дали своевременно перваго, предупредительнаго звонка. Во всякомъ случаѣ, здѣсь не было никакого вмѣшательства г. Кривошеина въ распоряженія администраціи желѣзной дороги. Былъ простой совѣтъ, который администрація вольна была исполнить или не исполнить. Было указаніе на законъ, которое вправѣ себѣ позволить каждый гражданинъ. Случай 3-го мая также не заключаетъ въ себѣ ничего ужаснаго. Оказалось, что администрація желѣзной дороги, безъ спросу и безъ позволенія, устроила загражденіе *на городской землѣ*, на самой дорогѣ, при томъ довольно бойкой. Узнавши о томъ, что *неизвѣстно кто* устроилъ въ городѣ цѣлую баррикаду, г. Кривошеинъ, въ качествѣ городского головы, приказалъ городскому комиссару очистить путь. Комиссаръ, видя, что загражденіе, очевидно, сдѣлано желѣзнодорожниками, обратился, было, на станцію, но тамъ съ нимъ даже и говорить не захотѣли. Тогда ему ничего болѣе, разумѣется, не оставалось, какъ позвать сторожей и сломать загражденіе. Что касается шпаль и рельсовъ, изъ которыхъ оно состояло, то городской голова велѣлъ ихъ прибрать, съ тѣмъ, чтобы привлечь къ суду того, кто за ними явится (никто, однако, не явился: предпочли послать доносъ). Затѣмъ, обо всемъ случившемся, т. е., „о самовольномъ загражденіи городского пути неизвѣстными лицами“, городской голова своевременно сообщилъ полиціи для возбужденія дознанія.

Картина выходитъ удивительная. Но гдѣ-же ея смыслъ, изъ за чего-же всѣ эти мины и контръ мины? Городской голова въ своей защитительной рѣчи, объясняетъ это слѣдующимъ образомъ *): «Вамъ извѣстно, говоритъ онъ членамъ думы, то бѣдственное положеніе, въ которое поставлена ростовская морская торговля и донское судоходство вслѣдствіе затрудненій, явившихся отъ непра-

*) Я только немного сокращаю объясненія г. Кривошеина.

вильной постройки моста. Не разъ обсуждали вы этотъ вопросъ въ думѣ и возлагали на меня ходатайство предъ г. министромъ путей сообщенія о переустройствѣ сказаннаго моста. Мои старанія по приведенію къ желанной цѣли вашихъ ходатайствъ возбуждали постоянно сильную оппозицію, могу сказать, даже негодованіе со стороны желѣзной дороги. Вы знаете, что этотъ жестокій споръ длится около трехъ лѣтъ. Этотъ споръ и былъ, какъ надо полагать, причиною прискорбнаго дѣла, которое явилось, по всей вѣроятности, собственно для того, чтобы дискредитировать меня въ глазахъ г. министра“. Оставляю эти догадки на отвѣтственности г. Кривошеина. Но, во всякомъ случаѣ, каковы-бы ни были причины дѣйствій желѣзнодорожной администраціи, самыя дѣйствія—поистинѣ изумительны. Какова-же должна быть у людей увѣренность въ своей силѣ и въ безсиліи представителя городского общества, чтобы не только извращать факты, это еще, куда ни шло, и посылать въ министерство прямо фальшивые акты! Къ прискорбію приходится добавить, что для подобныхъ поступковъ нужна также сильная увѣренность въ довѣрчивости министерства... На это съ огорченіемъ указываетъ и обиженный городской голова. «Состоя третье трехлѣтѣ предводителемъ дворянства, говоритъ онъ, и почтенный, сверхъ того, вами вторичнымъ избраніемъ въ городскіе головы, я осмѣливался думать до сихъ поръ, что по одному праву занимаемыхъ мною должностей, я могу рассчитывать на нѣкоторую долю вниманія къ себѣ не только отъ общества, удостоившихъ меня выборомъ въ свои представители, но и отъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ. Я полагалъ, что правительственныя лица даже обязаны къ этому закономъ, который намѣренно обставляетъ упомянутыя должности весьма значительными гарантіями... Но въ этомъ я ошибся по отношенію нѣкоторыхъ лицъ, служащихъ въ вѣдомствѣ министерства путей сообщенія. Вы видите здѣсь, милостивые государи, своего городского голову, гласные дворяне видятъ, сверхъ того, своего предводителя, на котораго, въ мѣстѣ его постоянного пребыванія и служебной дѣятельности, составляются желѣзнодорожными мастерами и прислугою, конечно, не по ихъ побужденію, акты несправедливые, съ подписями жандармовъ, отъ актовъ отказывающихся; тѣмъ не менѣе, эти акты, безъ малѣйшей деликатности по отношенію городского головы, такимъ образомъ обвиняемаго, безъ всякаго разслѣдованія, принимаются техническимъ институтомъ комиссіи министерства путей сообщенія и, какъ факты виновности, не подлежащіе сомнѣнію, передаются на публичное разсмотрѣніе городской думы, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, какъ сказано въ бумагѣ помянутаго комитета, чтобы городская дума, разсмотрѣвъ означенные поступки *Кривошеина*, сдѣлала о нихъ

законное постановленіе и доставила оное въ министерство, которое, если не найдетъ такового соотвѣтствующимъ важности и противузаконности самихъ фактовъ, дать дѣлу дальнѣйшее законное на- правленіе“ *)...

Къ чести городской думы нужно сказать, что она, насколько отъ нея зависѣло, постаралась реабилитировать г. Кривошеина. Она постановила „выразить ему благодарность за неусыпную за- ботливость о городскихъ интересахъ и за полезныя мѣры, принимаемыя имъ въ виду огражденія этихъ интересовъ отъ причиняе- маго имъ вреда“. О такомъ постановленіи рѣшено было сооб- щить г. министру путей сообщенія, а засимъ просить г. екатерино- славскаго губернатора ходатайствовать предъ г. министромъ пу- тей сообщенія о возбужденіи административнаго преслѣдованія про- тивъ нѣкоторыхъ подвѣдомственныхъ ему лицъ... Тѣмъ исторія и кончилась. Не знаю навѣрное, какое-то административное взыска- ніе постигло одного изъ виновныхъ. Объ этомъ трудно говорить, потому что дѣло шло административнымъ порядкомъ. Что касает- ся г. Кривошеина, то онъ черезъ три мѣсяца отказался отъ зва- нія городского головы... А нужно замѣтить, что г. Кривошеинъ человекъ не только богатый и вліятельный въ своей мѣстности, но и, что называется, съ большими связями. Видно, однако, въ званіи городского головы даже и такому человеку трудно что-нибудь сдѣ- лать для города. Я говорю это потому, что г. Кривошеинъ до сихъ поръ не перестаетъ, какъ частный человекъ, дѣйствовать въ поль- зу Ростова, и его хлопотамъ въ Петербургѣ здѣсь приписываютъ благоприятное разрѣшеніе весьма важныхъ городскихъ ходатайствъ. Стало-быть, по какимъ-бы причинамъ г. Кривошеинъ ни былъ вы- нужденъ покинуть должность задолго до срока, во всякомъ случаѣ не по причинѣ своего нежеланія служить городу.

Благодаря бесилию городского общественнаго представитель- ства, и отсутствію у него, такъ сказать, кредита предъ лицомъ администраціи, положеніе уѣзднаго города, разросшагося, на свое горе, въ цѣлую столицу, весьма незавидно. Потребности большія, сложныя, вадѣвающія множество разныхъ интересовъ. А «хлопо- тать» за городъ некому, потому что полиціймейстеръ—чинъ ма- ленькій, да не его дѣло, а дума ужъ и вовсе безъ всякаго чина. Ничего не подѣлаешь. И вотъ, городъ на каждомъ шагу теряетъ, не можетъ выпросить самаго необходимаго пособія, за которое по- томъ вдесятеро-бы заплатилъ, не можетъ устранить препятствій, которыя были-бы немислимы въ Петербургѣ, на примѣръ, или да

*) Журналы Р. н. Д. думы 1878 г.

же у каждаго генераль-губернатора. Понятно, что развитіе торговли, промышленности и всѣхъ вообще сторонъ городской жизни задерживается, а то и совсѣмъ парализуется. Я говорилъ уже о нѣкоторыхъ изъ такихъ препятствій и остановлюсь еще на вопросѣ о здѣшнихъ набережныхъ.

Послѣдніе 10—15 лѣтъ Ростовъ, какъ я указывалъ, былъ поставленъ въ чрезвычайно выгодное положеніе относительно торговли. Онъ, почти не имѣя конкурентовъ, монополизировалъ отпускную торговлю почти всего сѣвернаго Кавказа. Эти 10—15 лѣтъ могли-бы создать новый городъ, а не только поставить на ноги уже существующій и богатый торговый центръ. Весьма, однако, вѣроятно, что другихъ такихъ 15 лѣтъ у Ростова уже не будетъ, такъ какъ черноморская желѣзнодорожная вѣтвь, во всякомъ случаѣ, должна-же быть выстроена. И вотъ, Ростовъ самое бойкое время своей торговой исторіи встрѣтилъ и проводилъ на самыхъ первобытныхъ набережныхъ, которыя постоянно мѣшали ему сколько-нибудь удовлетворительно играть свою роль порта. Вся нагрузка и разгрузка здѣсь до сихъ поръ производится голыми руками. Идетъ, понятно, крайне медленно. Заграничные товаротправители считаютъ за правило, что товаръ, для *разгрузки* котораго за границей достаточно 10 дней, требуетъ на свою *нагрузку* въ Ростовѣ 30 дней *). Инженеръ Зубовъ еще въ 1877 г. доказывалъ, что паровая нагрузка, не говоря уже о дешевизнѣ, идетъ *вдвое* скорѣе. Но всѣ эти разговоры остались безъ всякихъ послѣдствій, и negociантамъ постоянно приходилось жаловаться на задержку грузовъ въ Ростовѣ. Эти жалобы въ 1881 году вызвали назначеніе особой комиссіи для изслѣдованія причинъ, по которымъ на пристань доставляется лишь незначительное количество требуемаго хлѣба. Городъ сваливалъ вину на желѣзную дорогу, но оказалось на повѣрку, что вся причина въ набережныхъ *). Дѣйствительно, оказалось, что желѣзная дорога можетъ подавать на пристань по 240 вагоновъ въ сутки, въ двѣ очереди, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы каждая очередь разгружалась не болѣе какъ въ теченіи 4 часовъ; если-же разгрузка каждой очереди будетъ продолжаться не болѣе 2 часовъ, то желѣзная дорога согласна была подавать и третью очередь, т. е., всего 360 вагоновъ въ сутки. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, какъ оказалось, на набережныхъ, при существующихъ теперь условіяхъ, не можетъ быть разгружено болѣе 100 вагоновъ въ сутки! Такое состояніе набережныхъ кладетъ ростовской от-

*) См. „Донскую Пчелу“.

*) Отношеніе деп. жел. дорогъ г. министру путей сообщенія, № 11,531. Журналъ 1881 года.

пускной торговлѣ предѣль, его-же не преидеши ни при какомъ спросѣ и ни при какомъ урожаѣ. Допустимъ, въ самомъ дѣлѣ, что за границей явился спросъ на 100 милл. пуд. хлѣба и что цѣлые миллиарды пудовъ его лежатъ горою вокругъ Ростова. Какая изъ этого польза? Во всякомъ случаѣ, съ набережныхъ за все время навигаціи нельзя погрузить болѣе 30—40 милл. пудовъ. Ростовъ, такимъ образомъ, самъ себѣ ставить точку, и торговля, волей-неволей, должна искать себѣ другихъ, болѣе гостепріимныхъ пунктовъ. Этимъ и объясняется, почему, напримѣръ, Азовъ, находящійся въ двухъ шагахъ отъ Ростова, не имѣющій никакихъ дорогъ, кромѣ грунтовыхъ, не имѣющій сколько-нибудь сносной пристани, все-таки, можетъ отвлекать къ себѣ до 500,000 четвертей хлѣба.

И такъ, устройство набережныхъ—это для Ростова одна изъ самыхъ важнѣйшихъ задачъ. Но она требуетъ для осуществленія своего весьма солидныхъ затратъ. По вычисленіямъ 1878 года, на это нужно не менѣе 500,000 рублей. Гдѣ ихъ взять? Я лично позволяю себѣ думать, что при упорядоченіи своего бюджета, городъ могъ-бы произвести заемъ на эту сумму. Вѣдь занималъ-же онъ 200,000 на постройку реальной гимназіи. Но, съ другой стороны, позволительно было-бы ожидать на это дѣло и правительственнаго пособія, потому что расходъ для города, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно тяжелый, а въ развитіи отпускной торговли государство заинтересовано едва-ли не болѣе, чѣмъ самъ городъ. Притомъ, всякіе сборы съ заграничной торговли составляютъ у насъ исключительную привилегію государства, а, стало быть, весьма естественно предположить, что государство имѣетъ обязанность принять на себя извѣстную долю расходовъ, необходимыхъ для развитія заграничной торговли. Такъ, вѣроятно, разсуждали ростовцы. Еще въ 1876 г. дума просила у правительства 500,000 руб. на устройство набережной, но не получила ничего. Ходатайство возобновилось, но опять безуспѣшно. Въ 1879 г., кромѣ Таганрога, Николаевъ, Бердянскъ, Мариуполь и Севастополь получили разрѣшеніе, въ видѣ временной мѣры, взимать особый сборъ съ отпускной торговли «на улучшеніе портовыхъ сооружений и мостовыхъ, ведущихъ къ гаванямъ». Ростовъ, однако, остался при этомъ, почему-то, обойденнымъ. Затѣмъ, 1880, 1881 и 1882 годы наполнены непрерывающимися ходатайствами города о распространеніи на Ростовъ права, дарованнаго упомянутымъ портамъ. Не мало и денегъ истратилъ городъ на отправку въ Петербургъ уполномоченныхъ для проведенія своего ходатайства. Наконецъ, въ апрѣлѣ настоящаго года, оно было удовлетворено. Безъ сомнѣнія, событіе для города счастливое. Безъ сомнѣнія, для ропота не мо-

жетъ быть мѣста, если смотрѣть съ точки зрѣнія пословицы: «даровому коню въ зубы не смотрятъ». Но, съ точки зрѣнія общегосударственнаго интереса, позволительно спросить: зачѣмъ-же городъ потерялъ столько золотого времени? Если-бы Ростовъ получилъ право сбора 3—4 года назадъ, то уже тысячъ 400—500 могли-бы быть употреблены на это, необходимое для города, дѣло, такъ какъ сборъ, по примѣрной оцѣнкѣ, долженъ составить около 120,000 рублей. Набережныя были-бы, стало быть, готовы и успѣли-бы, можетъ быть, даже значительно окупиться.

Такъ-то цѣлый рядъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ условий, вмѣстѣ съ собственными грѣхами, постепенно становились Ростову поперекъ дороги. Городъ, разумѣется, развился, разбогатѣлъ, оживился все-таки, но особенно восхищаться этимъ и предаваться патріотическимъ самовосхваленіямъ—довольно неосновательно. Гораздо поучительнѣе было-бы подумать, напротивъ, о томъ, насколько наши общественныя условія способны подрывать значеніе самаго счастливаго стеченія обстоятельствъ и самыхъ выгодныхъ природныхъ условий.

Е—ъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОСЛѢДНІЕ ГУМАНИСТЫ

Историческій романъ Адольфа Штерна.

(Съ нѣмецкаго).

ГЛАВА X.

Утромъ, послѣ описаннаго дня, магистръ Паулусъ Мёллеръ сидѣлъ въ своей комнатѣ, въ пасторскомъ домѣ, и просматривалъ, прихлебывая пиво, большой паветъ богословскихъ брошюръ, присланныхъ ему изъ Штральзунда знакомымъ книгопродавцемъ. Комната пастора находилась внизу, въ уровень съ землей, и цѣлую треть ея пространства занимала огромная изразцовая печь, въ которой горѣла цѣлая гора торфа. Однако, не смотря на яркій огонь, въ комнатѣ было сыро и темно, такъ что пасторъ долженъ былъ сѣсть у единственнаго подслѣповатаго окна, чтобы читать брошюры, наполненныя дивными обвиненіями противъ кальвинистовъ, выпущенными въ свѣтъ магдебургскою и іенскою печатью. Комната была меблирована бѣдно; между простымъ чернымъ столомъ съ письменными принадлежностями и книжными полками на задней стѣнѣ, стояли и висѣли кухонныя принадлежности и посуда. На полкахъ, въ пыли и безпорядкѣ, лежали груды книгъ и брошюръ, очевидно, составлявшихъ главное богатство пастора. Магистръ сидѣлъ на простой деревянной скамьѣ, имѣя подъ ногами бараній мѣхъ; онъ былъ одѣтъ въ потертый и заштопанный кафтанъ, но мускулистая фигура его сохраняла, даже и въ этомъ простомъ костюмѣ, нѣкоторую величавость. Углубленный въ чтеніе, отъ котораго онъ отрывался отъ времени до времени, чтобы сдѣлать замѣтку на

листъ бумаги, лежавшемъ передъ нимъ на столѣ, онъ, казалось, не замѣчалъ, что былъ не одинъ въ комнатѣ. Тутъ-же находилась его жена, худощавая женщина, съ безвременно поблекшимъ лицомъ, съ выраженіемъ заботы въ очертаніяхъ губъ. Она пряла, въ углу у печки, заботливо наблюдая за тремя мальчишками съ бѣлыми, какъ ленъ, волосами, игравшими на полу въ камешки и раковины. Мальчики обнаруживали большое расположеніе къ дракѣ и вознѣ, но всякій разъ, какъ они начинали шумѣть, мать, молча, указывала имъ глазами на читающаго отца. Отъ времени до времени, къ пасторшѣ приходили жены рыбаковъ, принося какую нибудь скромную лепту, кто пару рыбъ, кто яицъ; инныя просили лекарства или совѣта, другимъ просто хотѣлось побесѣдовать. Пасторша, безъ особеннаго участія, но и безъ нетерпѣнія, оставляла прялку, доставала изъ шкапа какой-нибудь пластырь или мивстуру, или выходила на крыльцо и терпѣливо выслушивала рассказы деревенскихъ бабъ. Въ это утро всѣ онѣ толковали о пожарѣ на господскомъ дворѣ и о томъ, что старая Регина Руге заключена, наконецъ, въ башню.

Магистръ Мёллеръ хотя и прислушивался, когда произносили имя Регины, но не отрывался отъ чтенія, пока не услышалъ, что кто-то спрашиваетъ его. Въ ту-же минуту пасторша возвратилась въ комнату, въ сопровожденіи Гергарда Фризена. Пасторъ самъ пригласилъ его придти къ нему, но, судя по разсѣянному и недоумѣвающему лицу, съ которымъ онъ его встрѣтилъ, можно было заключить, что онъ забылъ объ этомъ. Онъ поднялся съ мѣста, подаль руку молодому ученому и выслалъ дѣтей изъ комнаты, давъ понять этимъ своей женѣ, что и она также должна удалиться. Она ушла, бросивъ на гостя овъ недѣрчивый взглядъ. Пасторъ придвинулъ къ столу самый удобный изъ стульевъ и, пригласивъ гостя сѣсть, сказалъ, съ легкой усмѣшкой:

— Вы не найдете у меня такихъ удобствъ, магистръ Гергардъ, какъ у васъ въ замкѣ; нашъ приходъ бѣденъ, но мы живемъ въ такія времена, когда у пастырей церкви слишкомъ много заботъ, чтобы думать о своихъ удобствахъ.

— Вамъ извѣстно, магистръ Паулусъ, что я не избалованъ. Я рано выучился цѣнить людей, которые, борясь съ нуждой, копятъ только умственные совровища.

— Которыхъ не ѣдятъ ни моль, ни ржавчина, добавилъ магистръ Мёллеръ. Мнѣ самому сдается, что нашъ великій Лютеръ хорошо дѣлалъ, не слишкомъ заботясь о томъ, что князья и дво-

рянство оттягали у церкви всё ея богатства. Тѣмъ энергичнѣе ведемъ мы борьбу. Съ такимъ имуществомъ, какъ это, не такъ жаль разстаться, какъ съ богатыми доходами.

Пасторъ равнодушно обвелъ взглядомъ свою бѣдную обстановку. Лицо Гергарда омрачилось. Онъ понялъ, что онъ встрѣтитъ здѣсь такую-же непоколебимую рѣшимость отстаивать свои убѣжденія, какую онъ встрѣчалъ въ своемъ учителѣ, однако, все не отказываясь отъ своего обѣщанія попытаться подѣйствовать на пастора, тѣмъ болѣе, что и рыцарь, узнавъ объ его намѣреніи навѣстить Мёллера, сказалъ ему:

— Уговорите его ничего не приплетать къ дѣлу этой старой вѣдьмы, кромѣ поджигательства. Я не имѣю ни малѣйшей охоты разбирать ихъ препирательствъ съ сатаной и ничего не имѣлъ бы даже противъ того, чтобы старуха отвертѣлась какою-нибудь смѣлою ложью. Я полагаю, что у нея пройдетъ охота къ поджогамъ послѣ того, какъ она просидитъ ночи двѣ въ башнѣ, съ пріятнымъ ожиданіемъ быть изжаренной живьемъ.

— Я хотѣлъ узнать ваше мнѣніе о моей рукописи, магистръ Мёллеръ, началъ Гергардъ, но едва-ли вы успѣли прочесть ее.

— Прочелъ, и даже не одинъ разъ, отвѣтилъ магистръ и въ голосъ его, противъ его воли, зазвучали рѣзкія ноты. — Бросьте ее въ огонь—вотъ все, что я могу вамъ посоветовать, любезный магистръ, и выкиньте изъ вашего сердца сомнѣніе, которое водило вашимъ перомъ. Вы отрицаете дѣйствіе злого духа на людей и стараетесь доказать, что всё богословы и юристы римской имперіи обманщики. Случалось-ли вамъ когда нибудь присутствовать при допросѣ колдуньи или колдуна?

— Нѣтъ, но мнѣ случилось видѣть въ Цербстѣ, какъ жгли на кострѣ одну несчастную, сказала Гергардъ, содрогаясь отъ этого воспоминанія. Она съ воплями влялась въ своей невинности и проклинала своихъ мучителей.

— Это значить, что врагъ снова овладѣлъ ею, а на допросѣ она навѣрное созналась, торжественно произнесъ пасторъ. — Увѣрены-ли вы сами въ томъ, что не протягиваете руку дьяволу, обвиняя справедливыхъ судей и защищая чудовищъ?

Гергардъ почувствовалъ на себѣ пристальный взглядъ фанатика, но выдержалъ его твердо и сказалъ:

— Судя по тому, какъ вы приступаете къ спору, магистръ, я не питаю большой надежды на соглашеніе.

— Тутъ не можетъ быть спора! вскричалъ Мёллеръ, вспыхнувъ. Что дьяволъ ходитъ по землѣ и совращаетъ несчастныхъ женщинъ,—это тысячу разъ доказано! Простой народный разумъ и голосъ дѣтей мудрѣ васъ, ученыхъ, исполненныхъ гордости и называющихъ черное бѣлымъ.

— Нѣтъ, магистръ, возразилъ молодой человекъ, которому рѣзкость нападенія развязала языкъ;—мы считаемъ черное чернымъ и грѣхъ грѣхомъ; но я убѣжденъ, что сношенія человека съ дьяволомъ невозможны или, если и возможны — такъ какъ пути Промысла неисповѣдимы — то лишь въ рѣдкихъ и темныхъ случаяхъ; большинство-же тѣхъ, кого вы посылаете на востры, дѣлаются безвинными жертвами ужаснаго заблужденія. Я готовъ допустить, что между ними бывають тяжкіе преступники, но виновные не въ томъ, за что ихъ казнятъ. Допустимъ, впрочемъ, что мы оба неправы: къ какимъ-же послѣдствіямъ ведетъ мое заблужденіе, если-бы оно раздѣлялось всѣми? Къ тому, что нѣсколько темныхъ, недоступныхъ нашему уму преступленій, остались-бы безнаказанными на этомъ свѣтѣ; но правосудный Богъ, читающій въ сердцахъ, не оставилъ-бы ихъ безъ наказанія въ другомъ мірѣ. — А что, если вы заблуждаетесь, магистръ? Подумайте, какія страшныя послѣдствія: сотни невинныхъ жертвъ ежегодно погибають въ ужасныхъ мукахъ; монархи, пастыри церкви, судьи и тысячи ложныхъ свидѣтелей пятнають себя невинною кровью, которая будетъ вопіять противъ нихъ передъ Богомъ. Наконецъ...

— Пойдите, вы слѣпы! преваль пасторъ.—Васъ ослѣпляетъ духъ противорѣчія, свойственный людямъ вашего сорта. Я отвѣчу вамъ вашими-же словами. Богъ не допустилъ-бы, чтобы десятки тысячъ честныхъ, набожныхъ и знающихъ людей такъ жестоко ошибались; если-же Онъ допускаетъ это, то я скажу то-же, что и вы: пути Промысла неисповѣдимы. Значитъ, Господь желаетъ сохранить нашъ народъ во всей его чистотѣ, поддерживать въ немъ ненависть къ обольщеніямъ злого духа, искоренить въ насъ грѣхи и проникнуть насъ богобоязною.

— А жертвы? а невинныя жертвы? вскричалъ Гергардъ.

— Онѣ не невинны! Онѣ не могутъ быть невинными! вскричалъ Паулусъ.—Но хотя-бы и такъ: неужели вы сомнѣваетесь въ томъ, что Богъ, въ своей благодати, не воздастъ имъ сторицею въ царствіи небесномъ за нѣсколько минутъ земныхъ страданій?

Гергардъ понялъ, что продолжать этотъ разговоръ излишне

и что учитель его былъ правъ, говоря, что фанатизмъ превращаетъ въ камень даже честныя сердца. Пасторъ умолкъ, полагая, что молодой ученый призналъ себя побѣжденнымъ и что ему, какъ наказанному ребенку, нужно дать время на размышленіе. Послѣ тяжелой паузы, продолжавшейся нѣсколько минутъ, Гергардъ сказалъ:

— Значить, напрасно было-бы и просить васъ, какъ мнѣ поручилъ фонъ-деръ-Ланкенъ, не примѣшивать къ предстоящему слѣдствию надъ путгартенской старухой никакихъ обвиненій, кромѣ обвиненія въ поджогѣ. Вы совсѣмъ другого мнѣнія.

— Это не помѣшаетъ мнѣ охотно исполнить въ этомъ случаѣ желаніе моего патрона и его гостей, отвѣтилъ пасторъ. Я не прочь отложить мое обвиненіе и не смѣшивать его съ этимъ новымъ дѣломъ, если только сама Регина, мучимая совѣстью, не сдѣлаетъ большихъ признаній, чѣмъ было-бы желательно для васъ.

Въ этихъ словахъ прозвучала какая-то нота, которая заставила Гергарда быстро взглянуть въ лицо своего собесѣдника. Но на этомъ лицѣ не было и тѣни ироніи или коварства; неподвижныя черты пастора выражали прямодушіе и честность, которыя молодой ученый уже не разъ читалъ на его лицѣ. Онъ хотѣлъ поблагодарить его за уступчивость, но слова не сходили съ языка. Пасторъ, казалось, не замѣчалъ волновавшихъ его чувствъ и пытался продолжать разговоръ даже послѣ того, какъ Гергардъ отказался отъ угощенія, которое пасторъ велѣлъ подать изъ своего скромнаго погреба. Онъ показалъ гостю полученныя имъ брошюры и распространился объ ихъ содержаніи. Но Гергардъ, вообще не считавшій нужнымъ скрывать, какъ мало интересовали его [богословскіе споры, волновавшіе всю Германію, въ эту минуту, въ особенности, былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы притворяться внимательнымъ. Односложно отвѣтивъ на замѣчанія пастора, онъ всталъ, чтобы уйдти.

— Въ какія времена живемъ мы, сказали онъ съ глубокимъ вздохомъ. — Всѣ сердца исполнены ненависти и тайнаго страха; даже самые благонамѣренныя люди не могутъ понять другъ друга и готовы подозрѣвать въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ всякаго, кто не думаетъ такъ, какъ они.

— О васъ я лучшаго мнѣнія, возразилъ пасторъ болѣе мягкимъ тономъ, чѣмъ говорилъ до той минуты. — Я нахожу только, что мы и безъ того недостаточно защищены противъ безбожія и лжеученій, а вы, магистръ Гергардъ, готовы уничтожить и тѣ

оплоты, которые у насъ остаются. Молю Бога, чтобы Онъ просвѣтилъ васъ.

Гергардъ ничего не отвѣтилъ. Онъ вышелъ изъ душевной комнаты и, молча поклонился пасторшѣ, которая съ любопытствомъ поглядѣла ему вслѣдъ. Воротившись въ комнату, она нашла своего мужа стоявшимъ, со сложенными руками и серьезнымъ, передъ небольшимъ наемомъ.

— Молись и проси, чтобы Господь предохранилъ тебя отъ искушенія. Видѣла ты этого молодого человѣка, Урсула? Онъ худо кончитъ, если Богъ не пошлетъ ему испытаній, которыя сломятъ его гордость. Онъ получилъ отъ Бога щедрые дары, въ томъ числѣ самый худшій, какой можетъ быть данъ человѣку: увлекательное краснорѣчіе. Не будь я такъ твердъ въ моихъ убѣжденіяхъ, онъ поволебалъ-бы сегодня и меня своими сомнѣніями и внушилъ-бы мнѣ недоувѣріе къ самому себѣ.

— Просто на просто, ты чувствуешь слабость послѣ вчерашняго пира у рыцаря, равнодушно прибавила пасторша. Желала-бы я, чтобы тебѣ досталось такое мѣсто, какъ этому молодому человѣку. Хорошо-бы пожили тогда твои дѣти и жена. Но такъ всегда бываетъ, что они должны терпѣть и надѣяться, а другимъ Богъ посылаетъ больше, чѣмъ они заслуживаютъ!

ГЛАВА XI.

Вязкій береговой песокъ, по которому вела тропинка отъ дома пастора, вскорѣ заставилъ Гергарда умѣрять быстроту шаговъ, съ которою онъ вышелъ изъ этого дома. Было около полудня и сквозь облака, плившія надъ тромпервикской бухтой, прорѣзывались солнечные лучи. Они разсѣяли нѣсколько то гнетущее впечатлѣніе, которое произвелъ на Гергарда разговоръ съ пасторомъ. Не подалеку отъ берега стоялъ голландскій корабль и слышались удары топоровъ, показывавшіе, что корабль дѣятельно исправляется. Эти звуки напомнили молодому ученому, что рыцарь фонъ-деръ-Ланкенъ отправилъ въ то самое утро гонца съ его письмами въ Голландію, и мысль объ этомъ еще болѣе способствовала поднятію его духа. „Теодозіусъ увѣряетъ, размышлялъ онъ, что дивія понятія фанатиковъ, въ родѣ пастора Меллера, не проникли въ Голландію. Хорошо, если такъ. Но правда-ли это? Не окажется-ли въ свободныхъ провинціяхъ

какогонибудь другого зла, которое также угнетаетъ духъ и надламываетъ волю. Рыцарь правъ, говоря, что я не долженъ брать съ собою Теодозіуса, если хочу жить и дѣйствовать. Онъ сейчасъ усмотритъ то, что способно обезкуражить, а не то, что можетъ оживить и ободрить. А все-таки мнѣ кажется, что я долженъ взять его съ собою. Судя по тому, что здѣсь происходитъ можно опасаться, что, при извѣстныхъ условіяхъ, рыцарь не будетъ въ силахъ защитить даже своего стараго друга; а вѣдь, гдѣ можно приготовить себѣ какую-нибудь неприятность, тамъ за мастеромъ Теодозіусомъ никогда не станетъ дѣло“.

Размышляя такимъ образомъ, Гергардъ повернулъ въ лощину, по которой лежала дорога отъ берега къ замку Витте и, поднимаясь по ней, увидѣлъ въ концѣ ея фигуру своего учителя, который шелъ бодро и прямо, озираясь на окрестныя поля. Гергардъ понялъ, что онъ ищетъ его и, поднявшись изъ лощины на возвышенность, сталъ махать своей шляпой. Старикъ замѣтилъ его и почти бѣгомъ пустился къ нему на встрѣчу по изрытому полю.

— Ну что, златоустъ, удалось-ли очеловѣчить упрямаго пастора? закричалъ онъ еще издали такъ громко, что Гергардъ съ тревогой сдѣлалъ ему знакъ говорить тише, хотя вокругъ никого не было видно.

— Не могу похвалиться этимъ, отвѣтилъ онъ, приблизившись; — онъ не сдается ни на одномъ пунктѣ и разговоръ съ нимъ произвелъ на меня самое тяжелое впечатлѣніе. Я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что мы,—люди другаго міра и не годимся для нашего времени. Впрочемъ, что касается до путгартенской старухи, то онъ охотно согласился не выставять противъ нея другаго обвиненія, кромѣ обвиненія въ поджигательствѣ.

Гергардъ умолчалъ о недовѣріи, съ которымъ онъ принялъ это обѣщаніе, но Теодозіусъ прочелъ на его лицѣ то, чего онъ недоговорилъ.

— А! онъ думаетъ, что когда старуху будутъ пытать, то она сознается въ томъ, въ чемъ имъ нужно, чтобы она созналась! Но мы должны настоять, чтобы Корнеліусъ допустилъ насъ быть свидѣтелями при допросѣ.

— Поступайте, какъ хотите, учитель. Вы потеряли способность къ покою и сами напрашиваетесь на борьбу. Я нахожу, что судьба жестоко посмѣялась надъ нами, бросивъ насъ, послѣ столькихъ страданій, въ этотъ гостепріимный домъ. Едва успѣ-

ли мы отдохнуть, какъ уже снова впутываемся въ тѣ дѣла, которыя дѣлають насъ отщепенцами и скитальцами. Я напередъ предвижу, что дѣло этой преступницы приведетъ насъ къ столкновенію съ рыцаремъ.

— Кто-же тебя заставляетъ вмѣшиваться? Устранись; я и одинъ управлюсь.

— Не въ этомъ дѣло, я не желаю устраняться. Разговоръ съ пасторомъ возмутилъ меня самого, хотя я и не могу не признать, что онъ человѣкъ убѣжденный и честный. Но я не могу не сожалѣть, что судьба посылаетъ намъ борьбу тамъ, гдѣ мы надѣялись найти миръ; меня пугаетъ мысль, что я найду и въ Голландіи сѣмена тѣхъ золь, которыя вырастають подъ нашими ногами.

— Ну, тамъ этого нельзя ожидать; демономанія туда не проникла, возразилъ старикъ. — Впрочемъ, ты правъ, мы живемъ въ проклятое время. Что случилось съ Германіей съ тѣхъ поръ, какъ ты былъ ребенкомъ, Гергардъ? Ты можешь теперь только угадывать тотъ живительный, ободряющій духъ, который вѣялъ въ нашей странѣ, когда я и Ланвеніусъ были молоды. Понятно, что теперь каждый готовъ пожертвовать всѣмъ для минуты свободного, обезпеченнаго покоя. Я встрѣтился однажды, во время моихъ странствованій, съ знаменитымъ врачомъ Теофрастомъ Парацельсомъ, который, къ сожалѣнію, оказался лжецомъ и фантазеромъ. Онъ показывалъ мнѣ собранныхъ имъ животныхъ и червей, находившихся замуравленными въ стѣнахъ и ямахъ. Выросшіе тамъ члены ихъ были скрючены, однако, они продолжали жить. То-же самое мы видимъ и на человѣкѣ въ извѣстныхъ времена: онъ хочетъ имѣть свою долю жизни и счастья, но для этого онъ долженъ исказить свои понятія, убить въ себѣ половину души. Хочешь-ли и ты сдѣлать то-же?

Гергардъ собирался дать отвѣтъ не совсѣмъ во вкусъ старика; но въ эту минуту Теодозиусъ указалъ ему на круглую, старую башню, стоявшую неподалеку отъ стѣнъ замка, съ внѣшней стороны. Это крѣпкое зданіе, выдержавшее много непогодъ, было окружено двойнымъ рядомъ крошечныхъ отверстій, съ заржавленными желѣзными рѣшетками. Единственнымъ входомъ въ него служила узкая дверь съ желѣзными скобками, находившаяся со стороны господскаго двора. Гергардъ сталъ разсматривать это зданіе, построенное еще со времени язычества, но Корвинусъ указалъ ему выразительнымъ жестомъ на одно изъ от-

верстѣй и, съ волненіемъ снявъ свой поношенный беретъ, замахалъ имъ надъ своей головой. Между желѣзными прутьями рѣшетки видѣлось желтое, морщинистое лицо старухи, въ которомъ живаго было только темные, подвижные глаза. Старуха очевидно замѣтила путниковъ раньше, чѣмъ они ее увидѣли. Съ состраданіемъ и отвращеніемъ посмотрѣлъ Гергардъ на жесткія, холодныя черты лица узницы, смотрѣвшей на него и на магистра своими бѣгающими, хитрыми глазами. Въ эту минуту, Теодозіусъ, забывъ все, приложилъ ко рту ладонь, въ видѣ трубы, и закричалъ, не заботясь о часовомъ, ходившемъ вокругъ башни съ своею алебардой.

— Потерпи, бѣдная женщина! Богъ дастъ, мы тебѣ поможемъ доказать твою невинность!

Завлеченная только въ половину поняла эти слова, но одобрительный тонъ, которымъ онѣ были произнесены, досказалъ ей смыслъ ихъ. Она поклонилась и на блевлыхъ губахъ ея показалось что-то въ родѣ улыбки. Въ эту минуту, часовой, суровый померанинъ, грубо закричалъ гостямъ своего господина.

— Съ поджигательницей и колдуньей никто не долженъ разговаривать, пока она не выдержитъ допроса. Проходите своей дорогой, господа!

Гергардъ уже тянулъ своего учителя за рукавъ въ калиткѣ въ оградѣ господскаго двора, которая вела въ поле противъ башни.

— Послушайте, мейстеръ Теодозіусъ, сказалъ онъ укоризненнымъ тономъ, вы только портите дѣло. По какому праву вы подаете надежду этой старухѣ? Если мы можемъ тутъ чѣмъ нибудь помочь, то не иначе, какъ черезъ рыцаря, которому принадлежитъ судебная власть, а вы уже напередъ ставите его въ необходимость отнестись къ вашему вмѣшательству, какъ къ непрошенному.

Но старый магистръ, казалось, вовсе не слышалъ словъ своего спутника.

— Видѣлъ-ли ты ее, Гергардъ? спросилъ онъ. Видѣлъ-ли ты эту жалкую, беспомощную старуху, у которой написаны на лицѣ только тупой страхъ и равнодушіе ко всякимъ лишеніямъ? И подобное созданіе можетъ внушить опасенія сильнымъ міра, можетъ заставлятъ ученыхъ покачивать своими пустыми головами! Я готовъ голову прозаеладывать, что она даже близко не подходила къ господскому дому, а не то, что поджигала его.

Эта упрямая самоувѣренность пробудила въ Гергардѣ почти такое-же чувство, какъ и недавній разговоръ съ пасторомъ. Въ немъ шевельнулось желаніе, чтобы налетѣла волна и снесла эту башню вмѣстѣ съ несчастной старухой. Но озлобленіе его тотчасъ уступило мѣсто болѣе пріятнымъ чувствамъ: при входѣ на дворъ, они увидѣли на порогѣ дома рыцаря фонъ-деръ-Ланкена и его дочь. „Буду радоваться лучами солнца, пока они свѣтять, подумаль Гергардъ,—и чѣмъ рѣже они, тѣмъ благодарнѣе буду за каждый лучъ“.

Небо, казалось, услышало молитву Гергарда, и въ слѣдующіе дни на поляхъ и въ замкѣ Витте сіяло солнце. Какъ ни весело было любоваться его лучами, разсыпавшимися золотыми блестками на поверхности бухты, которую все еще продолжалъ рѣбить мартовскій вѣтеръ, но еще веселѣе было въ замкѣ. Изъ угожденія своему старому другу, фонъ-деръ-Ланкенъ снова принялся за древнихъ писателей и читаль съ Корвинусомъ римскихъ историковъ, а съ Гергардомъ — Одиссею. Весело проходили утренніе часы въ этихъ занятіяхъ. Агнесса обыкновенно сидѣла въ той-же комнатѣ у окна съ своимъ руководѣлемъ, и Гергардъ съ большимъ искусствомъ переводилъ ей строфы Гомера. Въ продолженіи двухъ недѣль Теодозіусъ только разъ заговорилъ о путгартенской старухѣ, но рыцарь тотчасъ взялъ его подъ руку и увелъ въ большой фруктовый садъ, находившійся позади дома. Тамъ, съ улыбкой заглянувъ ему въ лицо, онъ сказалъ вполголоса:

— Ты не понимаешь своихъ выгодъ, Теодозіусъ, разъ ты хочешь быть адвокатомъ этой старухи. Съ тѣхъ поръ, какъ она сидитъ въ башнѣ, народъ успокоился и раздраженіе его противъ нея улеглось. Если-же мы начнемъ теперь слѣдствіе, то весь округъ снова взволнуется, и не успѣетъ старуха вернуться въ свою хижину, какъ у пастора уже будетъ готово новое обвиненіе противъ нея. Успокойся-же, старина, и помалчивай!

Теодозіусъ поворчалъ, однако, послѣдовалъ совѣту рыцаря. Дня черезъ три послѣ того, пасторъ, также приходившій на чтеніе Гомера, возвратилъ Гергарду его рукопись съ выразительнымъ и предостерегающимъ взглядомъ. Молодой ученый спрятавъ ее въ карманъ и съ этой минуты о ней не было болѣе рѣчи. Всѣ, живущіе въ замкѣ, казалось, совершенно забыли о томъ, что въ башнѣ сидитъ женщина, остающаяся между жизнью и смертью, бдительно стерегемая кѣмъ нибудь изъ крестьянъ, ко-

торыя чередовались на часахъ, передавая другъ другу заржавленную алебарду. Одна Агнесса не забывала объ этомъ; она каждое утро посылала съ довѣренной горничной двѣ полныя миски супу: одну для часоваго, другую—для заключенной.

Миръ, царствовавшій въ замѣѣ, внушилъ рыцарю фонъ-деръ-Ланквену желаніе задать пирь, и онъ объявилъ однажды своимъ друзьямъ, что пригласилъ на воскресенье гостей: штральзундскаго судью и нѣкоторыхъ изъ сосѣдей. Замѣтивъ недовольную мину своей дочери, онъ весело засмѣялся.

— Ты боишься расходовъ и хлопотъ, Агнесса? Однако, знаешь-ли что, моя милая? Вѣдь эдакъ ты упустишь всѣхъ твоихъ обожателей. Воспользуйся случаемъ снова привести ихъ въ повиненіе. Я замѣчаю, что послѣднее время они стали измѣнять тебѣ; нужно успокоить ихъ и доказать имъ, что Джордано Бруно не станеть болѣе ѣсть ихъ своими черными глазами.

Гергарду, внимательно смотрѣвшему на молодую дѣвушку, показалось, что шутки отца были ей неприятны; однако она промолчала, а рыцарь обратился къ Теодозіусу, говоря:

— Штральзундскій судья понравится тебѣ. Это такая же упрямая голова, какъ и твоя. Онъ вступаетъ за каждого обвиненнаго и въ каждомъ духовномъ лицѣ подозрѣваетъ злодѣя. Онъ вѣчно ссорится съ сосѣдними дворянами и, не смотря на то, ни одинъ веселый пирь не обходится безъ него.

Слушая рыцаря, Гергарду уже не въ первый разъ казалось, что учитель его былъ правъ, говоря, что хотя Корнеліусъ и остался человѣкомъ гуманнымъ и благороднымъ, но пріучился, въ своей померанской средѣ, слишкомъ легко относиться даже къ самымъ серьезнымъ вещамъ. Однако, все-же Гергардъ не переставалъ защищать своего новаго друга.

— Полно вамъ ворчать, мастеръ Теодозіусъ, говорилъ онъ учителю. Гдѣ-бы нашли мы столько ласки и участія, сколько здѣсь встрѣтили?

— И ты рассчитываешь еще на большее, замѣтилъ старикъ съ насмѣшливымъ взглядомъ, заставившимъ молодого ученаго покраснѣть.

Случайно или нѣтъ, столько Гергарду ни разу не удалось оставаться съ Агнессой на единѣ съ того вечера, когда они вмѣстѣ гуляли по валу. Она была неизмѣнно пріятлива съ нимъ, интересовалась его дѣлами, внимательно слушала его чтеніе и не разъ выражала свое удовольствіе, узнавъ, что онъ погоститъ въ

ихъ домѣ; но тщетно старался Гергардъ угадать, была-ли она рада этому лично за себя или только за своего отца. Наканунѣ назначеннаго въ замѣкъ большого обѣда, онъ гулялъ съ фонъ-деръ-Ланкенемъ по берегу, наблюдая издали за ходомъ работъ на кораблѣ.

— Завтра я познакомлю васъ съ нашими сосѣдями, сказалъ рыцарь.— Вы увидите, что между ними только одинъ можетъ поспорить съ вами, какъ дамскій кавалеръ; это молодой Царнсковъ, владѣлецъ Шпикера. Бравый малый. Онъ, какъ и вы, слушалъ курсъ въ Виттенбергѣ. Это поклонникъ Агнессы, какъ вы сами завтра замѣтите, и, откровенно говоря, я былъ-бы радъ, если-бы она вышла за нашего помѣщика и жила по близости ко мнѣ.

По счастью для Гергарда, рыцарь всматривался въ эту минуту въ работы и не замѣтилъ блѣдности, покрывшей щеки его молодого спутника. Гергардъ, которому уже безъ того былъ не совсѣмъ приятенъ предстоявшій обѣдъ, началъ ожидать его теперь съ какою-то тайной тревогой. Въ довершеніе тяжелаго впечатлѣнія, которое произвелъ на него этотъ разговоръ, фонъ-деръ-Ланкенъ прибавилъ:

— Однако, работа идетъ быстро; эдакъ, пожалуй, вы скоро распроситесь съ нами и уплывете отъ насъ въ Энггюйзенъ.

Хотя эти слова были сказаны безъ всякой задней мысли, однако, они пробудили горькое чувство въ душѣ молодого ученаго, напомнивъ ему, что онъ бездомный скиталецъ.

Когда они возвратились домой, надъ большимъ дубовымъ столомъ уже горѣла лампа, наполовину освѣщая обширную комнату. Теодозіусъ перелистывалъ какую-то хронику съ гравюрами, а Агнесса подѣла въ отцу и начала съ нимъ тихо разговаривать о приготовленіяхъ къ слѣдующему дню. Гергардъ въ волненіи ходилъ по залѣ.

— На вашу долю опять достанутся одни хлопоты, фрейлейнъ Агнесса, сказалъ онъ, останавливаясь позади стула молодой дѣвушки.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, герръ Гергардъ, отвѣтила она, съ улыбкой оборачиваясь. Судья прійдетъ съ женой и дочерьми, герръ Боддинъ фонъ Вестергагенъ привезетъ свою сестру, а когда бываютъ дамы, то я, какъ хозяйка, должна присутствовать за столомъ.

„Да какъ-же тебѣ не присутствовать, когда будутъ такіе гости какъ Царнсковъ?“ подумалъ Гергардъ, въ которомъ ше-

вельнулось чувство ревности. Но онъ тотчасъ упрекнулъ себя въ несправедливости. Какое право имѣлъ онъ ревновать ее и какой поводъ дала она къ тому?

Теодозіуса и Гергарда ожидалъ въ этотъ вечеръ сюрпризъ. Когда они возвратились въ свою комнату, то нашли разложенныя на постеляхъ новыя праздничныя платья, тайкомъ заказанныя рыцаремъ портному въ Бергенѣ. Къ платьямъ были припилены латинскіе стихи, въ которыхъ рыцарь просилъ своихъ друзей принять отъ него этотъ подарокъ. Мейстеръ Теодозіусъ тотчасъ-же сталъ, съ ребяческой радостью, примѣрять коричневый кафтанъ съ широкими бортами и всѣ прочія принадлежности праздничнаго наряда; что-же касается до Гергарда, то онъ вновь почувствовалъ, что сердце его полно противорѣчій. Не далѣе какъ утромъ, онъ съ заботой думалъ о своемъ не совсѣмъ приличномъ нарядѣ, сильно пострадавшемъ, вдобавокъ, во время пожара; а теперь у него страдало самолюбіе отъ необходимости принять этотъ дружескій даръ. Онъ поспѣшилъ лечь, чтобы скрыть отъ Теодозіуса волновавшія его чувства, но они долго не давали ему заснуть. Прошлыя бѣдствія живо воскресли въ его памяти и какое-то смутное предчувствіе говорило ему, что чаша ихъ еще не до дна испита.

По утру рыцарь явился къ нимъ въ комнату, чтобы извиниться въ своей дружеской шуткѣ. Гергардъ былъ уже вставши, но не могъ принудить себя надѣть новое платье и облачился въ старое. Фонъ-деръ-Ланкенъ былъ блистателенъ въ своемъ праздничномъ нарядѣ изъ фіолетоваго бархата, съ фрезой изъ дорогихъ кружевъ. Бархатный беретъ съ перьями придавалъ еще болѣе величавости его статной фигурѣ. Добродушное лицо его сияло веселостью, но при видѣ Гергарда, одѣтаго въ его старое платье, рыцарь на минуту оторопѣлъ.

— Что это значитъ, достойнѣйшій профессоръ? вскричалъ онъ.—Надѣюсь, что вы не намѣрены изучать сегодня Гомера вмѣсто того, чтобы идти въ церковь. Магистръ Мёллеръ такъ разсердится за это, что откажетъ намъ въ предобѣденной молитвѣ. Одѣвайтесь поскорѣе, герръ Гергардъ; скоро будетъ пора идти въ церковь, а когда вернемся оттуда, то сейчасъ съѣдутся гости. Я надѣюсь, что вы не въ претензіи на меня за маленькій сюрпризъ, который я вамъ сдѣлалъ. Мнѣ хотѣлось отблагодарить васъ чѣмъ-нибудь за то, что вы спасали мой домъ.

Добродушіе и простота рыцаря заставили Гергарда усты-

даться своей щепетильности и поспѣшно переодѣться. Однако, на сердцѣ у него было по прежнему тяжело, въ ожиданіи того, что ему суждено было увидѣть въ этотъ день. Онъ напередъ представлялъ себѣ Агнессу возлѣ своего соперника, забывая, что самъ отецъ ея сказалъ ему, что она не отвѣчаетъ на искательства этого соперника. Нѣсколько минутъ спустя, Гергардъ шелъ въ церковь рядомъ съ любимой дѣвушкой. Агнесса также была въ праздничномъ нарядѣ: свѣтлое платье изъ дорогой парчи, съ бархатными пуфами въ раструбахъ, тяжелый серебрянный поясъ, на которомъ висѣлъ вышитый жемчугомъ карманъ, свидѣтельствовавши о знатности и богатствѣ ея отца. Но красивое личико ея и кроткіе голубые глаза смотрѣли также скромно и просто, какъ и всегда. Въ каждомъ словѣ, съ которымъ она обращалась къ Гергарду, какъ будто слышалось стараніе заставить его позабыть объ этой праздничной пышности и видѣть въ ней обыкновенную, будничную Агнессу.

Утро было солнечное, западный вѣтеръ былъ тише, чѣмъ въ предшествовавшіе дни, и волны бухты мягче ударялись о песчаный берегъ. Шумъ ихъ заглушался праздничнымъ звономъ, разносившимся по окрестнымъ полямъ. Гергардъ глядѣлъ по сторонамъ только тогда, когда Теодозіусъ или Агнесса обращали его вниманіе на группы встрѣчавшихся и кланявшихся имъ крестьянъ и рыбаковъ; глаза его были прикованы къ стройной фигурѣ молодой дѣвушки и къ ея золотистымъ локонамъ, которыя вѣтеръ отдувалъ отъ ея щекъ. „Если ужъ мнѣ не суждено назвать ее моею, думалъ онъ,—то, по крайней мѣрѣ, я буду наслаждаться каждой минутой счастья, которое послала мнѣ судьба“.

Онъ былъ выведенъ изъ мечтательности магистромъ Паулусомъ. Лишь только рыцарь съ своею дочерью и гостями вошли въ церковь, какъ звонъ колоколовъ умолкъ и церковь огласилась звуками жидкаго органа и хоромъ, пропѣтымъ на ниже-германскомъ нарѣчій. Прихожане съ любопытствомъ смотрѣли на рыцаря, на его дочь и на пріѣзжихъ. Пасторъ взомель на кафедру; Гергардъ нашель, что у него очень величавый видъ въ его церковномъ облаченіи, но что онъ смотритъ на свою маленькую общину слишкомъ грозно. Онъ произнесъ проповѣдь на притчу „о рабѣ лувавомъ“, и рѣчь его, въ началѣ довольно тяжеловатая, чѣмъ дальше, тѣмъ становилась живѣе, пламеннѣе и образнѣе. Онъ громилъ, въ жесткихъ и сильныхъ выраженіяхъ, всѣхъ, это

бездѣйствуетъ въ виду зла, а въ особенности служителей церкви, учителей и начальство. Онъ подразумѣвалъ и князей и судей, которые пренебрегаютъ своею обязанностью искоренять ересь и лжеученія и, хотя никого не называлъ по имени, однако, рыцарь фонъ-деръ-Ланкенъ нѣсколько разъ, во время этой проповѣди, безпокойно двигался на своемъ мѣстѣ. Теодозіусъ и Гергардъ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. „Человѣкъ, отступающій передъ тяжелымъ и неприятнымъ долгомъ, говорилъ проповѣдникъ, есть рабъ лукавый въ глазахъ Бога. Люди, теряя дни, въ которые имъ дается случай послужить Богу, теряютъ, быть можетъ, послѣдній срокъ, данный имъ для спасенія души“. Не смотря на то, что ни одно слово въ этой проповѣди не относилось прямо къ рыцарю фонъ-деръ-Ланкену, деревенскіе прихожане, въ особенности Берндъ Янзенъ, очень выразительно посматривали то на пастора, то на рѣзное кресло, въ которомъ сидѣлъ владѣтель Витте. Герръ Корнелиусъ сидѣлъ, нахмурившись, и тогда только вздохнулъ свободнѣе, когда пасторъ перешелъ къ духовному „лукавому рабу“, скрывающему божественную истину изъ страха передъ людьми и обманывающаго тѣхъ, кто жаждетъ узнать ее. Послѣ новаго хора, исполненнаго пѣвчими, молящіеся начали расходиться, и фонъ-деръ-Ланкенъ, положивъ на блюдо крупную серебрянную монету, вышелъ изъ церкви въ менѣ хорошемъ расположеніи духа, чѣмъ пришелъ туда, и не сталъ на этотъ разъ дожидаться пастора у выхода, чтобы поздороваться съ нимъ, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ.

— Магистръ Паулусъ, боясь, — что намъ будетъ сегодня слишкомъ весело, постарался заранѣе отравить намъ веселье, замѣтилъ онъ. — Мнѣ сдается, что онъ мѣтилъ въ меня своею проповѣдью за то, что я медлю судить Ругеншу. О томъ, что у меня сгорѣлъ амбаръ и попорченъ овесъ, онъ, конечно, мало заботится, но, должно быть, онъ уже рассказываетъ въ данномъ вамъ общаніи и въ заключенномъ перемиріи. Вы видите, Гергардъ, что тутъ ничего не подѣлаешь, при всей моей доброй волѣ угодить Теодозіусу. Да, насолилъ мнѣ пасторъ для сегодняшняго дня, который я рассчитывалъ такъ весело провести. Какъ тутъ не пожелать, чтобы хоть молнія ударила въ эту башню и спровадила на тотъ свѣтъ старую вѣдму, причину столькихъ неприятностей и заботъ?

Гергардъ вполнѣ сочувствовалъ этому желанію, но въ эту минуту въ головѣ его мелькнула новая мысль.

— Не лучше-ли вотъ что сдѣлать, предложилъ онъ: — Богъ грѣхамъ терпитъ, такъ отпустите эту несчастную старуху на всѣ четыре стороны; дайте ей денегъ и велите обратиться подальше. Вы зажете этимъ ротъ и пастору и Теодозіусу.

— Отличная мысль, герръ Гергардъ. Я и самъ уже думалъ объ этомъ, сказалъ рыцарь, довѣрчиво взявъ подъ руку своего молодого спутника. — Но дѣло въ томъ, что я боюсь: совѣсть будетъ мучить. Вѣдь, кто знаетъ, можетъ и вправду наши сомнѣнія не что иное, какъ искушенія сатаны; можетъ, пасторъ и правъ, что послабленія въ этой жизни ведутъ къ гибели въ будущей. Ахъ, Гергардъ, вы не знаете, что значить имѣть на своей отвѣтственности судьбу многихъ людей. Что если въ самомъ дѣлѣ эта старуха, убѣжавъ отсюда, понесетъ въ другія мѣста сѣмена зла, увлечетъ другую, третью женщину въ союзъ съ сатаной и заставитъ насъ только сильнѣе и сильнѣе свирѣпствовать вокругъ себя съ огнемъ и мечемъ? Чѣмъ вы докажете невозможность этого?

Гергардъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на рыцаря. Онъ чувствовалъ, что ему слѣдуетъ говорить, разубѣждать, доказывать нелѣпость этихъ опасеній, дозволительныхъ только въ умахъ невѣжественныхъ людей, но въ эту минуту онъ увидѣлъ Агнессу, стоявшую впереди съ Теодозіусомъ и съ улыбкою поджидавшую, когда отецъ ея и Гергардъ догонять ихъ. Молодой ученый глабоко вздохнулъ и промолчалъ.

Агнесса, съ замѣтнымъ удовольствіемъ смотрѣвшая на дружеское сближеніе своего отца съ молодымъ гостемъ, шепнула старому магистру:

— Вашъ ученикъ очень полюбился моему отцу и онъ собирается просить герцога Богуслава попытаться, чтобъ магистра Фризена удержали для грейнвардскаго университета и не уступали лейденцамъ.

У Теодозіуса едва не сорвался съ устъ одинъ смѣлый вопросъ, уже успѣвшій высказаться во взглядѣ, который онъ устремилъ на дѣвушку, но въ эту минуту Агнесса отвернулась и стала внимательно смотрѣть на группу владниковъ, показавшуюся въ отдаленіи на дорогѣ къ замку Витте. Подходившій Гергардъ успѣлъ замѣтить, что лицо Агнессы было покрыто румянцемъ.

— Мы должны поспѣшить, папа, сказала она. — Пасторъ проповѣдывалъ сегодня долѣе обыкновеннаго и къ намъ уже ѣдутъ гости. Они обидятся, если мы не встрѣтимъ ихъ.

Сказавъ это, она пустилась бѣгомъ къ воротамъ замка и добѣжала, прежде чѣмъ гости успѣли подъѣхать.

Гергардъ любовался легкимъ бѣгомъ граціозной дѣвушки, за которой даже Теодозіусъ слѣдилъ съ видимымъ удовольствіемъ.

— Аталанта! настоящая Аталанта! сказалъ онъ, кивая своему старому другу.

Въ душѣ Гергарда боролись надежды и опасенія и онъ давалъ себѣ слово не нарушать удовольствія, которое ожидалъ отъ этого дня отецъ любимой имъ дѣвушки.

ГЛАВА XIII.

Черезъ полчаса комнаты и дворъ замка наполнились гостями. Большая часть изъ нихъ пріѣхала верхомъ. Одинъ только штральзундскій бургомистръ прикатилъ въ огромной неуклюжей каретѣ, запряженной четвернею лошадей, которыя съ трудомъ протащили ее по пескамъ полуострова. Гости, прибывшіе ранѣе, съ удивленіемъ и шутками окружили тяжеловѣсный экипажъ, изъ котораго вылѣзали бургомистръ со своею пышною и величественною супругой и двумя дочерьми. Пока дочери цѣловались съ Агнессою, бургомистръ, поздоровавшись съ хозяиномъ дома, замѣтилъ голландскихъ матросовъ, стоявшихъ на дворѣ и флегматически глядѣвшихъ на происходившія передъ ними сцены.

— Такъ это правда! вскричалъ Бартоломеусъ Мѣллеръ, дальній родственникъ пастора громкимъ, и веселымъ голосомъ. — Я уже слышалъ, что ты далъ у себя гостепріимство цѣлому экипажу корабля и, кромѣ того, опять пріютилъ у себя какихъ-то ученыхъ. Мало тебѣ еще гостей, что ты и насъ созвалъ? Смотри, Корнеліусъ, ты проугощаешь когда-нибудь все твое состояніе. Впрочемъ, мы охотно поможемъ тебѣ. Вѣдь городъ Штральзундъ давно зарится на твое помѣстье и я заслужу большую похвалу отъ нашего благороднаго совѣта, если помогу ему поскорѣе завладѣть твоими землями. Я намѣренъ сегодня сдѣлать большой шагъ къ этой цѣли. Берегись, Корнеліусъ!

— Постарайся, я буду очень радъ, со смѣхомъ отвѣтилъ

фонъ-дерь-Ланкенъ, котораго видъ толстаго бургомистра съ краснымъ, смѣющимся лицомъ, тотчасъ привелъ въ отличное расположеніе духа. Пожимая руки окружившимъ его гостямъ, бургомистръ вопросительно взглянулъ на Теодозіуса и Гергарда.

— Это и есть твои ученые латинисты? спросилъ онъ, направляясь къ нимъ.—Вы еще слишкомъ молоды, чтобы я могъ думать, что мы съ вами вмѣстѣ покучивали, сказалъ онъ Гергарду; а вотъ вы, обратился онъ къ Теодозіусу,—такъ ужъ навѣрное когда-нибудь встрѣчались со мною въ вашихъ студенческихъ похожденияхъ.

Старый магистръ, радушно отвѣтивъ на привѣтствіе, стоялъ, потирая лобъ, стараясь припомнить, встрѣчался-ли онъ съ бургомистромъ. Корнеліусъ, смѣясь, поспѣшилъ къ нему на помощь.

— Ты ошибаешься, сказалъ онъ. — Мой другъ, Теодозіусъ Корвинусъ, не заходилъ въ твои времена къ сѣверу выше бренденбургскаго Франкфурта. Ты со столькими мечталъ и бражничалъ въ Грейфсвальдѣ и Роштокѣ, что думаешь, нѣтъ ни одного стараго студента, который не водилъ-бы съ тобой компаніи.

— А и вправду! весело воскликнулъ бургомистръ, направляясь къ Агнессѣ, которая принимала въ эту минуту новыхъ гостей, вводя ихъ въ большія сѣни, обращенныя въ этотъ день въ пріемную и украшенныя елями, коврами и оружіемъ. Изъ сѣней были настежь отворены двери въ столовую и въ другія комнаты, обыкновенно нежилыя, и гости могли любоваться роскошно накрытымъ столомъ. Ожидали только пастора, чтобы сѣсть за столъ; онъ долженъ былъ прочесть молитву и прибылъ лишь за нѣсколько минутъ до обѣда. Встрѣчая его, рыцарь позволилъ себѣ какою-то шутку на счетъ проповѣди, не понравившуюся магистру. Онъ вошелъ въ комнату, нахмуренный, и лицо его тогда только просіяло, когда онъ увидѣлъ въ числѣ гостей Вальтера Царнекова, владѣльца Шпикера, съ которымъ онъ обмѣнялся самыми дружескими привѣтствіями. Гергардъ, внимательно слѣдившій за этимъ молодымъ дворяниномъ, почувствовалъ какую-то тайную тревогу при видѣ обоюдной радости, выразившейся при встрѣчѣ на лицахъ обоихъ. Вальтеръ фонъ-Царнековъ былъ почти однихъ лѣтъ съ молодымъ магистромъ, но длинная, худощавая фигура и свѣтлые, какъ ленъ, волосы, придавали ему болѣе моложавый видъ. Жесткія черты его лица и яркіе свѣтло-сѣрые глаза носили отпечатокъ рѣшительнаго ха-

рактера; всѣ движенія его были живѣе, гибче, чѣмъ у другихъ присутствовавшихъ гостей, вообще отличавшихся тяжеловѣсными и довольно неуклюжими фигурами. По обращенію съ Царнековымъ фонъ-деръ-Лангена и его сосѣдей, видно было, что этотъ молодой помѣщикъ пользуется почетомъ въ своемъ округѣ. Гергардъ замѣтилъ, что пасторъ о чемъ-то съ жаромъ перешептывался съ нимъ, при чемъ молодой феодалъ улыбался недоброю улыбкой. Тотчасъ послѣ того оба они подошли къ Гергарду, который спрашивалъ себя въ душѣ, какую роль игралъ-бы онъ въ этомъ пышномъ и нарядномъ собраніи, если-бы хозяинъ дома не позаботился объ его востюмѣ.

— Я узналъ отъ нашего достопочтеннаго пастора, что вы слушали лекціи въ Виттенбергѣ, магистръ Фризенъ, сказалъ Царнсковъ, подходя къ Гергарду.— Не можете-ли вы мнѣ сообщить что нибудь о магистрѣ Таубманѣ? Все-ли еще онъ такой весельчакъ, какъ былъ, и все-ли еще въ милости у курфиршенскаго двора?

— Вѣроятно, отвѣтилъ Гергардъ; — я мало знаю Таубмана и слышалъ только, что онъ болѣе любитъ фарсы, чѣмъ науку.

— Это ничему не вредитъ, возразилъ Царнековъ наставительнымъ тономъ; — тѣмъ лучше, если Таубманъ умѣетъ дѣлать науку пріятной. Иначе, къ чему-бы и служила вся его ученость. Къ вѣчному спасенію людей она не можетъ служить, такъ пускай-же служить, по крайней мѣрѣ, къ пріятному препровожденію времени.

Щеки Гергарда покрылись густымъ румянцемъ, но онъ сдержался и хладнокровно отвѣтилъ:

— Позвольте мнѣ быть на этотъ счетъ другого мнѣнія.

Говоря это, онъ серьезно посмотрѣлъ на пастора, который принужденно улыбался. Гергардъ спрашивалъ себя, бросилъ-ли ему Царнсковъ этотъ вызовъ просто по легкомыслію или-же пасторъ пробудилъ въ этомъ молодомъ чловѣкѣ, своими разсказами о гостяхъ замка Витте, непріязненное чувство къ нимъ. Однако, магистръ Паулусъ вмѣшался въ примирительномъ духѣ.

— Герръ Вальтеръ фонъ Царнековъ не противникъ науки, магистръ Фризенъ. Но, какъ видите, онъ раздѣляетъ мнѣніе лучшихъ людей нашего времени, полагающихъ, что въ такія эпохи, когда обществу предстоитъ великое дѣло, нельзя слишкомъ предаваться тому, что намъ пріятно.

— Самое великое дѣло, — это наука, которая должна быть

свободной и которой слѣдуетъ служить безъ всякихъ личныхъ цѣлей.

Прежде, чѣмъ Царнековъ или пасторъ успѣли что нибудь отвѣтить, къ нимъ подошла Агнесса и, по праву хозяйки, пригласила ихъ садиться за столъ. Она находилась достаточно близко, чтобы замѣтить искру, свергнувшую въ глазахъ Гергарда, и слышать рѣзкій тонъ его отвѣта Царнекову. Она успѣла во время развести ихъ, но не могла отказать Вальтеру Царнекову, предложившему ей руку, чтобы вести ее къ столу. Гости шумно усаживались за столъ, занимая мѣста по указанію хозяина и его дочери. Гергардъ замѣтилъ однако, что Царнековъ самъ избралъ себѣ мѣсто возлѣ Агнессы, другимъ сосѣдомъ которой сдѣлался пасторъ. Гергардъ помѣстился среди гостей, прямо противъ Агнессы, и могъ слышать каждое слово, которымъ она обмѣнивалась съ Вальтеромъ. Молодому ученому показалось, что Агнесса бросила на него умоляющій взглядъ, сядя въ возлѣ своего кавалера. На всякій случай, Гергардъ вооружился твердостью, давая себѣ слово считать все, что-бы ни случилось, наказаніемъ за свои дерзостные помыслы. Осмотрѣвшись, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что веселыя лица виднѣлись лишь въ томъ концѣ стола, гдѣ сидѣли самъ хозяинъ, бургомистръ Мѣллеръ и мейстеръ Теодозіусъ, между которыми уже завязался живой разговоръ. Остальные-же гости сидѣли, большею частью, съ чопорнымъ достоинствомъ и съ натянутыми и кислыми фізіономіями, съ которыми даже Вальтеръ Царнековъ, любезничавшій съ своею сосѣдкой, составлялъ пріятный контрастъ, хотя Гергардъ находилъ, что у него очень рѣзкій и непріятный голосъ. Сосѣдомъ молодого магистра былъ герръ Боддинъ фонъ Вестергагенъ, жадно смотрѣвшій на тяжелыя серебряныя блюда, которыми лакеи обносили гостей. Онъ былъ такъ занятъ этимъ, что удостоилъ своего сосѣда всего нѣсколькими словами, изъ которыхъ Гергардъ узналъ, что отъ Вестергагена въ Витте ведетъ адская дорога, сильно возбуждающая аппетитъ. Въ этомъ-же родѣ были и другіе разговоры, отрывки которыхъ доходили до слуха Гергарда, и онъ не могъ не оцѣнить добраго чувства, заставившаго магистра Паулуса заговорить съ нимъ черезъ столъ.

— Я получилъ сегодня письмо съ родины, сказалъ онъ. — Пишутъ, что въ Брауншвейгѣ опять раздоры и мятежъ. Народъ отказывается въ повиновеніи своему набожному и ученому герцогу и слушаетъ лжеучителей и фантазеровъ.

— Герцогу слѣдовало-бы принять строгія мѣры, вмѣшался Царнековъ, не давъ отвѣтить Гергарду.—Города, во всей римской имперіи, проникнуты мятежнымъ духомъ и отъ нихъ нечего ожидать какихъ нибудь мѣръ противъ лжеучителей. Даже если-бы они и желали этого, то побоятся своихъ пекарей и кабачниковъ. Не мѣшало-бы герцогу Богиславу повнимательнѣе наблюдать и за нашимъ краемъ и показать свою власть зазнавшимся штральзундцамъ.

Юнкеръ Вальтеръ говорилъ такъ громко, что слова его не могли не дойти до слуха бургомистра Мёллера. Но тотъ пропустилъ ихъ мимо ушей и поднялъ тяжелый серебряный бокаль, приглашая мастера Теодозіуса, съ которымъ онъ разговаривалъ по латынѣ, чокунуться съ нимъ.

Агнесса бросила на своего сосѣда укоризненный взглядъ.

— Воздержитесь, пожалуйста—герръ Царнековъ, сказала она полу-шутя, полу-серьозно.—Мы, женщины, вовсе не желаемъ быть свидѣтельницами ссоръ. Выберите другое время для изліянія Вашего гнѣва на штральзундцевъ, а не въ присутствіи нашего лучшаго друга.

— Я льстилъ себя надеждой, что и я также принадлежу къ числу лучшихъ друзей вашего дома, фрейлейнъ Агнесса. Извините мою самонадѣянность. Сознаю, я не могу слышать голоса бургомистра Мёллера безъ того, чтобы у меня не чесался языкъ сказать ему кабую нибудь колкость. Такъ о чемъ-же вы желаете, чтобы я съ вами разговаривалъ?

— О чемъ нибудь пріятномъ, если можете, спокойно отвѣтила Агнесса.—Вы чаще нашего бываете въ Бергенѣ, даже въ Штральзундѣ и Грейфсвальдѣ. Что тамъ дѣлается хорошаго?

— Что тамъ можетъ дѣлаться хорошаго? въ свою очередь спросилъ Царнековъ.—Кромѣ двухъ-трехъ сосѣдей и друзей, я не встрѣтилъ тамъ ничего хорошаго. Вотъ, если вы спросите, что дѣлается новаго, то на это еще можно отвѣтить. Въ Грейфсвальдѣ появились цыгане и стянули у нѣкоторыхъ изъ совѣтницъ и профессоршъ ихъ лучшее бѣлье. Одинъ изъ воровъ пойманъ и на дняхъ его будутъ колесовать. Я поѣду посмотрѣть на эту казнь.

— Ваши новости совсѣмъ нехороши, замѣтила молодая хозяйка, отворачиваясь отъ своего сосѣда.—Гергардъ нашель, однако, что она отнеслась слишломъ мягко къ возмутитель-

ному жестокосердію этого молодого человѣка. Даже пасторъ Мёллеръ потупилъ глаза.

— Нехорошо видѣть въ этомъ только зрѣлище, герръ фонъ-Царнековъ, сказалъ онъ.—Посмотрѣть иногда на конецъ земной жизни грѣшника полезно лишь въ томъ случаѣ, когда это будить раскаяніе въ нашемъ собственномъ сердцѣ; вы-же, какъ я опасуюсь, находите въ этомъ удовольствіе.

— Какъ и всѣ, отвѣтилъ Вальтеръ хладнокровно. — Впрочемъ, зачѣмъ далеко ѣхать? Я слышалъ, что и у васъ здѣсь готовится интересное зрѣлище. Вы будете жечь колдунью.

Вглянувъ на свою сосѣдку, Вальтеръ фонъ-Царнековъ понялъ, что ея терпѣнію есть предѣлъ, но сказаннаго уже нельзя было взять назадъ. Агнесса, бросивъ умоляющій взглядъ на Гергарда, который угадалъ, что она боится, какъ-бы онъ не сталъ возражать на дикую выходку молодого феодала, обратилась потомъ къ своему сосѣду и спросила его спокойнымъ и серьезнымъ тономъ:

— Вы всегда занимаете дамъ разказами о вашихъ кровавыхъ вѣусахъ?

— Я обыкновенно говорю о томъ, что наиболѣе интересуется большинство, отвѣтилъ Царнековъ, ни мало не смутившись.— Впрочемъ, я забылъ, что вамъ не могутъ быть пріятны подобные разговоры. Мнѣ рассказывали въ вашей деревнѣ, что вы не можете видѣть даже когда рѣжутъ куръ. Когда вы сдѣлаетесь хозяйкой въ домѣ вашего мужа, то такая неумѣстная чувствительность можетъ не понравиться вашему будущему властелину. Вы и въ болѣе важныхъ дѣлахъ выказываете слишкомъ большую сострадательность. Я долженъ, однако, похвалить васъ; вы отказались, наконецъ, отъ защиты старой колдуньи, вредившей крестьянамъ вашего отца.—Такъ о чемъ же мы будемъ бесѣдовать-то? Если вамъ болѣе нравятся бесѣды о духовныхъ вещахъ, то я совѣтую вамъ обратиться къ магистру Паулусу; а если вы предпочитаете описаніе приключеній на морѣ и сушѣ, то въ вашемъ домѣ довольно людей, которые могутъ поразсказать вамъ и о томъ, и о другомъ. А что до меня, то мнѣ слишкомъ тепло въ моемъ наслѣдственномъ гнѣздѣ, чтобы я могъ промѣнять его на бродячую жизнь. Я нахожу даже лишнимъ, что отецъ посылалъ меня учиться въ Виттенбергъ.

Агнесса снова взглянула на Гергарда, который готовъ былъ отъ всей души выразить свое согласіе съ тѣмъ, что пребываніе

герра Вальтера въ Виттенбергѣ было совершенно бесполезнымъ. Но взглядъ молодой дѣвушки опять заставилъ его промолчать, хотя онъ и не зналъ хорошенько, что побуждаетъ ее бросать эти взгляды: желаніе-ли предохранить его отъ непріятностей, или боязнь усилить и безъ того замѣтное ревнивое раздраженіе Царнекова. Какъ ни былъ неопытенъ Гергардъ въ этихъ дѣлахъ, однако, онъ не могъ не понять, что Царнекову непріятно его присутствіе въ замкѣ Витте и что онъ ищетъ повода къ ссорѣ съ нимъ.

— Какъ вы, однако, противорѣчите себѣ, герръ Царнековъ, сказала Агнесса, улыбаясь. — Давно-ли вы описывали мнѣ съ такимъ удовольствіемъ ваше пребываніе въ Виттенбергѣ и большую студенческую процессію, въ которой вы были вожакомъ.

Лицо владѣтеля Шпикера прояснилось, и Гергардъ замѣтилъ, съ тревожнымъ біеніемъ сердца, что онъ принялъ послѣднія слова своей хорошенькой сосѣдки за желаніе сказать ему что нибудь пріятное.

— Что вамъ въ моихъ студенческихъ похожденіяхъ? сказалъ онъ замѣтно измѣнившимся тономъ. — Вѣдь меня никто не гонялъ изъ города въ городъ за мои сочиненія, и я не видалъ ни ледяныхъ морей, ни бѣлыхъ медвѣдей, какъ вашъ голландскій капитанъ. А вѣдь вы такъ любите необыкновенныя приключенія, что вытаскиваете людей изъ моря для того, чтобы они вамъ рассказывали о нихъ. Что васъ удивляетъ? Я слышалъ отъ пастора, какъ вы спасали голландцевъ. Я долженъ, однако, замѣтить вамъ, фрейлейнъ Агнесса, что вы ужь слишкомъ много думаете о чужихъ и слишкомъ мало о своихъ близкихъ друзьяхъ, не говоря уже о васъ самой. О себѣ вы никогда не думаете, а это тоже грѣхъ. Спросите пастора.

Магистръ Паулусъ такъ-же внимательно, какъ и Гергардъ, прислушивался къ разговору между Агнессой и молодымъ феодаломъ и такъ-же не одобрялъ его. Но, подъ конецъ, онъ успокоился.

— Не укоряйте фрейлейнъ Агнессу, обратился онъ къ Вальтеру, — за то, что она забыла о себѣ, спасая погибавшихъ, въ особенности ребенка. Наши обязанности относительно насъ самихъ всегда бываютъ не совсѣмъ ясны для насъ, пока мы живемъ не въ томъ состояніи, какое предписано намъ Богомъ. Я увѣренъ, что фрейлейнъ Агнесса не рисковала-бы такъ собою въ ту бурную ночь, если-бы имѣла мужа и дѣтей. Позвольте поже-

латъ, чтобы это счастье далось вамъ поскорѣе, прибавилъ онъ, обращаясь къ дѣвушкѣ и поднимая наполненный бокаль.

— Благодарю васъ, магистръ. Такое пожеланіе всегда пріятно для дѣвушки, да и мужчины всегда охотно напоминаютъ намъ этимъ о своихъ правахъ на насъ. Но вы напрасно думаете, герръ Царнековъ, что я подвергалась такой опасности. Право, самоотверженія съ моей стороны было не много. Вода была неглубока, да и возлѣ меня находились мой отецъ, магистръ Фризенъ и человекъ двадцать крестьянъ.

— Тѣмъ менѣе было для васъ надобности рисковать собою, запальчиво возразилъ Вальтеръ. — Если возлѣ васъ было столько людей, то они должны были предупредить васъ и не допускать до такихъ опрометчивыхъ поступковъ.

— Магистръ Фризенъ также вошелъ въ воду, поспѣшила сказать Агнесса; онъ рисковалъ болѣе моего, такъ какъ ему неизвѣстно, какъ мнѣ, что вода у нашихъ береговъ большею частью мелка и почва подъ нею ровна.

Эти слова, сказанныя въ защиту Гергарда, были послѣдними, которыя дошли до слуха Гергарда изъ разговора дѣвушки съ Царнековымъ. За столомъ зашумѣли; смѣхъ, громкій споръ, шутливыя замѣчанія, заглушили этотъ интересный для него разговоръ, и въ то-же время фонъ-деръ-Ланкенъ, обходившій вокругъ стола, перекидываясь словами съ гостями, остановился позади стула Гергарда и дружески заговорилъ съ нимъ. Вальтеръ фонъ-Царнековъ воспользовался этой минутой, чтобы наклониться къ своей сосѣдкѣ и тихо, но выразительно сказать:

— Мои слова были не простой застольной болтовней, фрейлейнъ Агнесса. Я считалъ своимъ долгомъ предупредить васъ, что о васъ слишкомъ много говорятъ. Простой народъ сдѣлался дерзокъ и позволяетъ себѣ теперь судачить о тѣхъ, на кого должны бы смотрѣть, какъ на солнце. Я знаю, что вы никому ничего не дѣлаете, кромѣ добра, и всякому готовы оказать помощь; по этому-то именно они и забываютъ, что Богъ поставилъ васъ выше ихъ и что они не смѣютъ судить о вашихъ дѣлахъ.

— Пускай судятъ. Это не можетъ мнѣ повредить; я не дамъ имъ никакого повода быть недовольными мною. Если-же они неблагоприятны, то Богъ съ ними. Ихъ жизнь далеко не сладка и не можетъ располагать ихъ къ кротости и добротѣ.

— Вы не хотите меня понять, возразилъ Царнековъ. — Вы продолжаете говорить со мною такимъ тономъ, какъ будто со-

миѣваете въ томъ, что я желаю вамъ добра. Я никогда не скрывалъ отъ вашего отца, что не одобряю его гостепріимства относительно всѣхъ странствующихъ гуманистовъ и бѣглыхъ хвастуновъ. Онъ принимаетъ къ себѣ съ отверстыми объятіями такихъ людей, которыхъ я не пустилъ бы къ себѣ на порогъ.

— У моего отца даже въ гербѣ должны-бы быть изображены открытыя ворота, съ надписью: „для всѣхъ гонимыхъ“, гордо произнесла Агнесса, невольно возвышая голосъ. Гергардъ услышалъ эти слова и подкрѣпилъ ихъ признательнымъ взглядомъ на рыцаря, уже вернушагося на свое мѣсто.

— Вашъ отецъ такъ прекрасно обучилъ васъ исторіи, что вы, конечно, знаете исторію о Францѣ Зивингенѣ, сказалъ Вальтеръ, въ голосѣ котораго опять послышалась иронія.—Помните, вѣдь Францъ Зивингенъ похвалялся тѣмъ, что его замокъ Эбернбургъ служить пріютомъ справедливости, однако это не принесло ему большого счастья. Собственно для васъ было-бы полезно, еслибы ворота вашего замка запирались покрѣпче для бродягъ. Пріятно-ли вамъ знать, что всѣ праздные языки въ Виттовѣ и Язмундѣ толкуютъ о томъ, что герръ фонъ-деръ-Ланвенъ прочилъ какого-то бродягу итальянца себѣ въ зятя? Я считаю своимъ долгомъ сказать вамъ это, фрейлейнъ Агнесса, такъ какъ вы хорошо знаете, что я всѣмъ сердцемъ раздѣляю желаніе, высказанное передъ смертью моимъ отцомъ.

— Напротивъ, вамъ не слѣдовало-бы говорить этого, герръ Вальтеръ, сказала Агнесса, поблѣднѣвъ и съ трудомъ подавляя волненіе.—Вы хорошо знаете, что это презрѣнная ложь и вамъ, именно вамъ, не слѣдовало-бы вредить себѣ, отзываясь съ презрѣніемъ о людяхъ честныхъ, даровитыхъ и гонимыхъ за свои убѣжденія.

— Вамъ очень къ лицу пылкія чувства; жаль только, что вы не хотите замѣчать моихъ. Совѣтую вамъ хорошенько подумать о нашемъ разговорѣ въ спокойную минуту и вспомнить, что даже и самыя вѣрныя сердца не вѣчно могутъ ждать и надѣяться, заключилъ Царнековъ съ большею сдержанностью, чѣмъ онъ говорилъ до той минуты. Обернувшись, онъ встрѣтилъ взглядъ магистра Мёллера и незамѣтно кивнулъ ему головой съ самоувѣренной улыбкой. Но глубокая складка на лбу показывала, что онъ вовсе не такъ спокоенъ за результатъ своего объясненія съ Агнессой, какъ онъ старался казаться.

Между тѣмъ Гергардъ Фризенъ боролся съ тоскливымъ чув-

ствомъ, которое овладѣвало имъ все болѣе и болѣе. Онъ замѣтилъ, что сначала Агнесса старалась уклониться отъ интимнаго разговора со своимъ обожателемъ, но потомъ стала какъ будто внимательнѣе къ нему. Гергарду было досадно на самого себя за то, что въ немъ поднималось ревнивое чувство неприязни къ этому, совсѣмъ незнакому ему, человѣку. Онъ старался развлечься, прислушиваясь къ разговору другихъ гостей, но это ему не удавалось; разговоры представляли слишкомъ мало утѣшительнаго. Самою безобидною была бесѣда Боддина съ его сосѣдомъ: они пространно восхваляли блюдо свѣжихъ сельдей съ зеленью. Съ одного конца стола слышались толки дамъ объ ихъ отсутствующихъ сосѣдкахъ — толки, по которымъ можно было бы заключить, что половина женщинъ лучшихъ фамилій на островѣ Рюгенъ и въ прилегающей къ нему части Помераніи, или злючки, или мотовки, или пьяницы, или невѣрны своимъ мужьямъ, или-же занимаются темными науками — другими словами, знаютъ съ сатаной. Съ другого конца доносились, все громче и громче, смѣшанные голоса мужчинъ, въ которыхъ трудно было что нибудь разобрать. Гергардъ различилъ, однако, что учитель его и бургомистръ Мёллеръ спорятъ съ нѣкоторыми изъ сосѣдей фонъ-дерь-Ланкена, который тщетно пытался унять ихъ. Громкій споръ скорѣе заглушилъ всѣ разговоры.

— А я говорю, что магистръ Теодозіусъ правъ, кричалъ бургомистръ. — Эти раздоры и кровавыя преслѣдованія за вѣру губятъ государство и развращаютъ народъ. Ужь кому ближе знать это, какъ не мнѣ? Что сталась съ ганзейскими городами съ тѣхъ поръ, какъ они низвергли и казнили Юргена Вулленвебера, какъ тайнаго анабаптиста? Я еще помню, какіе военные корабли выходили изъ штральзундскаго порта. Я видѣлъ пять такихъ кораблей, когда еще былъ подросткомъ. А теперь — куда все это дѣвалось?

— Ну, Померанскому-то герцогству отъ этого не хуже, что штральзундцы должны были нѣсколько посогнуть свои упрямые шеи, вскричалъ одинъ изъ благородныхъ гостей и такъ сильно ударилъ при этомъ объ столъ своимъ кубкомъ, что расплескалъ дорогое вино. — Государству мало пользы отъ того, что горожане задираютъ носы. Да и какъ можетъ магистръ судить о нашихъ дѣлахъ, когда онъ самъ говоритъ, что нѣтъ и года, какъ онъ прибылъ въ Грейфсвальдъ?

— Конечно, не могу. Гдѣ ужъ мнѣ? Только какимъ-же чу-

домъ у васъ здѣсь можетъ быть лучше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было во всей римской имперіи? Нѣтъ, я говорю и повторяю, что нѣмецкій народъ идетъ къ упадку; наступаютъ тяжелыя, кровавыя времена, когда жизнь будетъ невыносима, горячился Теодозіусъ, не обращая вниманія на своего друга, Корнеліуса, который успокоительно похлопывалъ его по плечу.

— Предоставьте проповѣдникамъ пророчить войну, голодъ и морь, сказалъ одинъ изъ гостей.—Это не идетъ къ спору о житейскихъ дѣлахъ. Я говорю это не въ обиду вамъ, магистръ Мёллеръ, а не хочу только, чтобы вторгались въ ваши владѣнія.

— Я не проповѣдую и не пророчу, отвѣчалъ философъ; всякій въ правѣ высказывать свое мнѣніе и съ кафедры и не съ кафедры. Только слѣпые не видятъ, что слава нашего народа потеряна, что образованіе, человѣколюбіе, свобода, все, что мы добыли кровью нашего сердца, все это погибло. Да всякій и сознаетъ это въ душѣ, но разъ общество вступило на путь неистовствъ, разъ сердца ожесточились, зло разрастается само собою.

— Удивительно то, магистръ, что сознаніе общественныхъ золъ обыкновенно является только немногимъ, и всегда именно тѣмъ, кого жизнь не побаловала, замѣтилъ съ сардоническою улыбкой юнкеръ Преццинь фонъ-Глове.—Вотъ намъ, напримѣръ, такъ ничего, не дурно живется. Мы вовсе не находимъ, чтобы теперъ было хуже, чѣмъ въ ваше доброе старое время.

— Ваше замѣчаніе совершенно вѣрно, только въ обратную сторону, отвѣчалъ Теодозіусъ. Тѣмъ, у кого хватаетъ мужества указывать на недостатки своего времени и своего общества, во всѣ времена живется дурно. Впрочемъ, оставимъ этотъ споръ. Ты правъ, Корнеліусъ; эти разговоры только горячатъ кровь, а насъ уже и безъ того разгорячило твое вино.

— Позвольте, вмѣшался пасторъ Мёллеръ;—я не могу не замѣтить вамъ, что вы совершенно неправы. Если ваше сердце остается холодно къ вопросамъ вѣры, если вы не заботитесь о вещахъ, отъ которыхъ зависитъ спасеніе вашей души, то это еще не значитъ, что и другіе чувствуютъ то-же самое. Вы называете наше время смутнымъ, потому что люди этого времени не боятся борьбы за истину; вы называете варварствомъ то, въ чемъ другіе видятъ спасительную строгость. По вашему мнѣнію, люди слишкомъ много терпятъ, а я скажу вамъ, что слишкомъ многіе избѣгаютъ исполнѣ заслуженной кары.

— Такъ! такъ! снова вспыхнулъ старый философъ.—Неизви-

нительная кротость! Бартскаго бургомистра, напримѣръ, запытали до полу-смерти, а потомъ привели на эшафотъ и палачъ, при всемъ народѣ вырвалъ изъ него внутренности, — и все это только за то, что онъ держалъ въ домѣ гейдельбергскій катехизисъ и обмѣнялся одинъ разъ письмами съ курфирстомъ Казиміромъ!

— Нѣтъ, это не такъ дѣлается, магистръ. Видно, что вы не видали подобной казни, вмѣшался Царнековъ;—палачъ проводитъ съ начала кровавый крестъ черезъ грудь и животъ, а потомъ разрѣзаетъ тѣло и вырываетъ у измѣнника сердце, объяснилъ Царнековъ, совершенно хладнокровно.

На эту минуту за столомъ воцарилась такая тишина, что всѣ слушали, какъ Агнесса фонъ-деръ-Ланкенъ рѣзкимъ движеніемъ отодвинула свой стулъ отъ стула своего сосѣда.

— Не спорю, вы лучше знаете, какъ это дѣлается, громко сказалъ Теодозіусъ.—Благодарю только Бога за то, что онъ не сдѣлалъ меня способнымъ хвалить подобныя безчеловѣчія.

Взоры многихъ изъ гостей устремились на хозяина дома, который самъ видѣлъ, что разговоръ принимаетъ слишкомъ недружелюбный тонъ, и что пора унять упрямаго старика, спокойно наполнявшаго стаканъ бургомистра, не обращая вниманія на устремленные на нею гнѣвные взгляды.

— Вотъ, ты все похваляешься твоимъ уваженіемъ къ древнимъ, сказалъ ему рыцарь;—а помнишь-ли что говоритъ Плутархъ объ уваженіи къ обычаямъ и правамъ своихъ согражданъ?

— Конечно, помню, и эти слова были-бы достойны проклятія, если-бы всѣ понимали ихъ такъ, какъ вы хотите понимать! съ негодованіемъ вскричалъ старикъ.—Обычай! нравы! Да развѣ не видишь ты, какіе у васъ нравы? Кровавый крестъ, проведенный по тѣлу ножомъ палача! Тиски! Испанскіе башмаки! Костры, на которыхъ пылаютъ ни въ чемъ неповинныя женщины! Обычай—это мрачное бѣшенство, которое овладѣваетъ вами при встрѣчѣ съ человѣкомъ, расходящимся съ вами въ какомъ нибудь догматѣ вѣры, это гнусная клевета, которою вы преслѣдуете всякаго, чье сердце и умъ заняты чѣмъ нибудь болѣе плодотворнымъ, чѣмъ ваши пустые споры! Нѣтъ, гдѣ существуютъ подобные обычаи, тамъ человѣкъ обязанъ священнымъ долгомъ бороться противъ нихъ, и, если-бы люди не признавали этого дол-

га, то мы до сихъ поръ приносили-бы нашихъ дѣтей въ жертву Молоху.

Хозяинъ дома промолчалъ, но посмотрѣлъ на своего стараго друга такимъ взглядомъ, что тотъ опустилъ глаза. Бургомистръ Мёллеръ наклонился къ своему сосѣду и сказалъ ему вполголоса:

— Я вамъ говорилъ и повторяю, что вамъ нужно заняться какимъ нибудь мирнымъ дѣломъ, чтобы успокоить вашу бушующую кровь. Право, вы меня очень обрадуете, если поѣдете со мною на нѣсколько дней ко мнѣ, въ Виейъ, и поможете мнѣ привести въ порядокъ мою библиотеку. Рѣшайтесь, прибавилъ онъ шопотомъ;—здѣсь на васъ уже косятся. Надо признаться, что вы ужъ черезчуръ безцеремонно отдѣлываете ихъ, хотя это мнѣ и нравится. Поѣдьте; я васъ зову, желая вамъ добра.

Фонъ-деръ-Ланкенъ повинулъ свое мѣсто, чтобы унять Боддина и другихъ господъ, придиравшихся къ Гергарду. Все общество, волнуясь и крича, раздѣлилось на группы, которыя, казалось, готовы были наброситься на стараго магистра. Къ счастью, слуги начали въ это время обносить виномъ и взволнованныя чувства гостей нѣсколько улеглись.

— Корнелиусъ, позволь своего друга старый магистръ не со всѣмъ твердымъ голосомъ;—бургомистръ приглашаетъ меня къ себѣ, чтобы привести въ порядокъ его библиотеку. Какъ ты думаешь, ѣхать мнѣ съ нимъ въ Виейъ?

— Если ты говоришь все, что тебѣ вздумается, не заботясь о томъ, нравится-ли мнѣ это или нѣтъ, то можешь и поступать, не спрашиваясь моего мнѣнія, отвѣтилъ фонъ-деръ-Ланкенъ съ замѣтною холодною, и отошелъ къ другимъ гостямъ.

Теодозіусъ проводилъ его грустнымъ взглядомъ, составлявшимъ странный контрастъ съ его разгоряченнымъ, покраснѣвшимъ отъ вина лицомъ. Потомъ онъ повернулся къ бургомистру и, хлопнувъ по его протянутой къ нему ладони, тихо произнесъ:

— Вы правы. Ѣдемъ къ вамъ!

Между тѣмъ, фонъ-деръ-Ланкенъ направлялся къ Гергарду, который нѣсколько разъ бросалъ на него умоляющіе взгляды, но рыцарь не дошелъ до него и остановился, какъ ввопанный, позади стула герра Прециана. Среди шума разговоровъ, наполнявшего комнату, до его слуха дошли слова, которыя этотъ гость громко говорилъ своей сосѣдкѣ, фрейлейнъ фонъ-Боддинъ.

— Вѣрите-не-вѣрите, но не одинъ этотъ старый язычникъ мѣшаетъ фонъ-деръ-Ланкену начать слѣдствіе противъ путгартенской колдуньи. Его собственная дочь умоляетъ его не дѣлать этого и, если я вѣрно понялъ намеки пастора Мёллера, то она имѣетъ на это свои причины. Въ деревнѣ ходятъ худые слухи на ея счетъ.

— Не можетъ быть! возразила фрейлейнъ фонъ Боддинъ, взглянувъ на Агнессу съ злораднымъ любопытствомъ.

— Я ничего не знаю, сказалъ Преццинь. Всѣмъ извѣстно только, что фонъ-деръ-Ланкенъ всегда дѣйствуетъ по своему, — ну, и дай Богъ, чтобы это привело его къ добру.

Если-бы ктонибудь изъ гостей, старавшихся теперь поддержать нарушенное веселье, взглянулъ въ эту минуту на хозяина дома, то видъ его поразилъ-бы всякаго. Вся краска сошла съ энергичнаго лица стараго рыцаря, и его обыкновенно красныя, полныя губы поблѣднѣли и плотно сжались. Не останавливаясь, пропелъ онъ мимо Гергарда и остановился за стуломъ магистра Мёллера. Онъ ударилъ его по плечу и, когда тотъ обернулъ къ нему свое раскраснѣвшееся лицо, рыцарь сказалъ ему хриплымъ отъ внутренняго волненія голосомъ:

— Скажу вамъ новость, пасторъ; завтра начнется процессъ Регины Руге. Являйтесь и вы, чтобы показать все, что вамъ извѣстно.

Магистръ Паулусъ радостно вскрикнулъ, но, взглянувъ на мертвенно блѣдное лицо хозяина дома, остановился. Рыцарь былъ избавленъ отъ дальнѣйшихъ объясненій страшнымъ шумомъ, внезапно поднявшимся за столомъ. На этотъ разъ уже не спорили, а просто-на-просто кричали. Мужчины повскакали съ своихъ мѣстъ, опрокидывая стулья; женщины, знавшія по опыту, до чего доходятъ нерѣдко подобные споры, бросились къ дверямъ. Всю эту кутерьму надѣлалъ споръ, завязавшійся между Царнековымъ и бургомистромъ. Прежде, чѣмъ успѣлъ вмѣшаться хозяинъ дома, передъ бургомистромъ Мёллеромъ собралась толпа мужчинъ. Въ эту минуту жена его подошла къ окну, у котораго мужчины сложили снятое съ себя оружіе, и, спокойно взявъ шпагу своего мужа, приблизилась къ спорившей группѣ.

— Вы оттягали къ своему городу послѣднее рыцарское имѣніе на Гиддензе и замышляете оттягать и другія. Но этого не будетъ; рюгенское дворянство не дозволитъ вамъ болѣе хозяйничать въ его странѣ. Оно обуздаетъ вашихъ бюргеровъ.

— Это еще мы посмотримъ, возразилъ бургомистръ. Не вы ли, герръ Царнековъ, запретите нашему городу пріобрѣтать земли? Говорю вамъ напрямикъ, что я завладѣю всякимъ имѣніемъ, которое можно пріобрѣсти за деньги, а если дойдетъ дѣло до вліянія при дворѣ герцога Богислава, то, повѣрьте, что наша сторона перетянетъ.

— Прошу не шумѣть, господа! закричалъ хозяинъ дома. Что у васъ за разговоры сегодня? Одинъ другого неприятнѣе! Посмотрите, вы всѣхъ дамъ спугнули вашимъ крикомъ. Посторайтесь бесѣдовать, не ссорясь.

Хозяинъ сѣлъ на свое мѣсто и большая часть гостей послѣдовала его примѣру. Бургомистръ отвернулся отъ Царнекова, который съ раздраженіемъ вернулся на свое мѣсто. Онъ не нашель болѣе ни Агнессы, ни пастора. Фрейлейнъ фонъ-Боддинъ и братъ ея также ушли изъ залы. Ушелъ и Гергардъ Фризенъ, сказавъ нѣсколько словъ Теодозіусу. За столомъ начались тосты, которыми гости старались загладить случившійся неприятный эпизодъ.

ГЛАВА XIV.

Между тѣмъ гости, удалившіеся изъ столовой, все еще находились подъ неприятнымъ впечатлѣніемъ бурной сцены. Въ разукрашенныхъ сѣняхъ, гдѣ хозяева встрѣчали гостей, собрались теперь слуги и служанки дома, а также лакеи и кучера гостей, привлеченные страшнымъ шумомъ. Въ этомъ шумѣ не было, впрочемъ, для нихъ ничего необыкновеннаго; но въ толпѣ слышались тольки, показывавшіе, что предметъ спора былъ не всѣмъ чуждъ ей и нѣкоторые смѣльчаки даже подступали съ разспросами къ пастору Паулусу, который прохаживался съ фрейлейнъ фонъ-Боддинъ, слушая, съ серьезнымъ лицомъ, то, что она ему говорила.

— Вашъ родственникъ—въ счастью, не близкій!—до крайности раздражилъ герра Вальтера. Не кстати, конечно, затѣяли они споръ, но и братъ мой говорить, что наше дворянство не должно долѣе допускать этой скупки штральзундцами рыцарскихъ имѣній.

— Да, надо признаться, бургомистръ не богобоязненный человекъ, со вздохомъ отвѣчалъ пасторъ.—Къ несчастью, онъ

очень вліятеленъ въ своемъ совѣтѣ и противъ него въ Штральзундѣ ничего не подѣлаешь. Я все-таки совѣтоваль-бы не забывать, что фонъ-деръ-Ланкенъ очень уважаетъ его, и не высказывать такъ явно непріязненныхъ чувствъ къ нему.

Магистръ Паулусъ умолчалъ о томъ, что всѣ его надежды въ будущемъ основаны на полученіи мѣста проповѣдника при одной изъ штральзундскихъ церквей, да и надо отдать ему справедливость: личные расчеты имѣли мало вліянія на его поступки.

— Въ такія времена, какъ наши, продолжалъ онъ, — благомыслящимъ людямъ не слѣдуетъ ссориться. Бургомистръ недурной человѣкъ; не будь онъ полуеретикомъ и не будь, по его милости, терпимы въ Штральзундѣ лжеучители, подобные волкамъ въ овечьей шкурѣ, то ему можно было-бы многое простить.

— Нельзя-же, допускать, чтобы родовыя рыцарскія помѣстья на островѣ Рюгенѣ переходили въ руки штральзундскихъ лодочниковъ и рыбаковъ, съ раздраженіемъ возразила фрейлейнъ фонъ-Боддинъ. — Нѣтъ, по моему Царнековъ правъ. Нужно дать понять фонъ-деръ-Ланкену, что онъ долженъ приглашать къ себѣ этого бургомистра только тогда, когда у него никого не бываетъ, кромѣ его латинистовъ. Да, вотъ о чемъ я хочу еще спросить васъ, герръ Паулусъ: подтвердились ваши подозрѣнія относительно Агнессы фонъ-деръ-Ланкенъ?

Пасторъ съ испугомъ оглянулся, чтобы узнать, не слыхаль-ли ктонибудь изъ слугъ этого вопроса.

— Бога ради, тише, флейлейнъ Софи, сказалъ онъ шопотомъ. — Молчите и не перетолковывайте словъ, вырвавшихся въ минуту заботы и опасеній, но безъ всякаго злого умысла. Все, что мнѣ извѣстно, такъ это только то, что этотъ подозрительный итальянецъ, которому было оказано гостепріимство здѣсь, въ замкѣ, употреблялъ всѣ средства, чтобы расположить къ себѣ фрейлейнъ Агнессу и посвятить ее въ тайны своей темной науки. Конечно, не хорошо, что Агнесса фонъ-деръ-Ланкенъ ни въ комъ не хочетъ видѣть зла, ни даже въ этой старой колдунѣ; конечно, было-бы лучше, если-бы душа этой молодой дѣвушки сильнѣе возмущалась противъ грѣха, но подозрѣвать ее въ чемънибудь дурномъ все-же было-бы слишкомъ несправедливо.

— Однако, вы сами разсказывали, что она любитъ гулять при лунномъ свѣтѣ и не боится ночной темноты.

— Я васъ умоляю, я требую, какъ слугитель Бога, чтобы вы были воздержнѣе въ рѣчахъ. Помните изреченіе Іисуса, сына

Сирахова: „Слово служить къ чести, слово служить и ко стыду“. Жаль, очень жаль, что фрейлейнъ Агнесса такъ долго медлить отдать свою руку герру Вальтеру Царнекову! Я увѣренъ, что всѣ эти глупости, въ родѣ страсти бродить при лунномъ свѣтѣ или любоваться бурей, все это какъ рукой сниметь, когда она сдѣлается женой такого превосходнаго, богобоязненнаго рыцаря. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать. Помните, фрейлейнъ Софи, что дьяволъ нерѣдко опутываетъ насъ сѣтями ложныхъ подозрѣній и влагаетъ въ уста наши ложныя обвиненія.

— Такъ вы хлопчете о томъ, чтобы женить на Агнессѣ Царнекова? рѣзко прервала Софи Боддинъ, принимая еще болѣе сухой тонъ.—Смотрите, опять не ошибитесь. Удивляюсь, что напелъ въ ней герръ Вальтеръ. Тѣмъ болѣе, что она, съ своей стороны, не выказываетъ большого расположенія сдѣлаться хозяйкой Шпикера. Она такъ привыкла къ магистрамъ и ученымъ, къ сочинителямъ и болтунамъ, что стала совсѣмъ непохожа на благородную дѣвицу. Замѣтили вы за столомъ, какъ она переглядывалась съ этимъ Фризенемъ? Ужь не смѣнилъ-ли онъ въ ея сердцѣ этого косматаго итальянца?

— Я думаю, Фризенъ не долго здѣсь пробудеть, сказалъ пасторъ съ довольнымъ видомъ.—Я понялъ сегодня изъ нѣсколькихъ словъ фонъ-дербъ-Ланкена, что онъ начинаетъ тяготиться присутствіемъ и совѣтами этихъ людей. Положимъ, что Гергардъ Фризенъ лучше своего учителя, но и ему недостаетъ теплой вѣры и сердечнаго смиренія.

— Онъ сейчасъ прошелъ мимо насъ, когда мы сюда выходили, и я замѣтила, что онъ сильно разстроены. Быть можетъ, вы правы. Однако, вернемтесь въ столовую. Тамъ, кажется, уже успокоились, да и подаютъ конфекты. Пріѣзжайте къ намъ, въ Вестергагенъ. Мнѣ еще нужно о многомъ пораспросить васъ.

Рысы глаза Софи Боддинъ не ошиблись. Гергардъ Фризенъ вышелъ изъ-за стола съ тяжелымъ чувствомъ. Какое-то тайное предчувствіе говорила ему, что не только учитель его, но и онъ самъ принесли въ этотъ домъ тревогу и нарушили его миръ и счастье. Въ самомъ воздухѣ, казалось, носились какіе-то міазмы ненависти, ожесточенія, тяжело ложившіяся на сердце. Теодозіусъ подвергъ въ этотъ день дружбу рыцаря тяжелому испытанію; мудрено-ли, если тотъ пожелаетъ избавиться отъ такихъ гостей? Размышляя такимъ образомъ, Гергардъ вошелъ въ свою комнату, слабо-освѣщенную послѣднимъ лучемъ вечерней зари, и во-

ображенію его представилось, какъ онъ, въ послѣднюю минуту, будетъ стоять въ этой комнатѣ, прощаясь съ предметами, бывшими свидѣтелями его временнаго, счастливаго покоя. Онъ сорвалъ съ себя свое праздничное платье и надѣлъ старое, принявъ твердое рѣшеніе уѣхать въ тотъ-же вечеръ. Если судьба дѣйствительно призываетъ его въ Голландію, то лучше уѣхать туда, не откладывая; а если ему суждено вѣчно скитаться, то не всели равно, куда онъ направитъ свои стопы, къ востоку-ли, къ западу?

Однако, минутою спустя, Гергардъ поборолъ въ себѣ этотъ приливъ отчаянія. Онъ понялъ, что нельзя покинуть этотъ гостепріимный кровъ, не простившись и не поблагодаривъ его радушныхъ хозяевъ, и упрекнулъ себя въ неблагодарности къ рыцарю, выказывавшему къ нему столько теплой дружбы. Гергардъ спросилъ себя, не лучше-ли возвратиться въ залу, чтобы помочь рыцарю хотя кончить повеселѣе этотъ несчастный день, но ему было противно думать, что онъ опять увидитъ передъ собою Царнекова въ интимной бесѣдѣ съ Агнессой. Только съ этого дня понялъ молодой ученый, какъ глубоко вкоренилась въ его сердце любовь къ дѣвушкѣ, образъ которой рисовался во всѣхъ его мечтахъ, планахъ и надеждахъ. Чѣмъ живѣе рисовалъ онъ себѣ ея будущую судьбу, тѣмъ неотступнѣе требовало его сердце чтобы онъ вырвалъ ее у этой судьбы. Сколько ни смѣялся онъ надъ своею самонадѣянностью, но тайный голосъ говорилъ ему, что онъ не чуждъ Агнессѣ.

Гергардъ не долго пробылъ въ своей комнатѣ и было еще не поздно. Хотя въ замкѣ зажигались огни, но на дворѣ было еще свѣтло. Молодой магистръ спустился въ сѣни, но прежде чѣмъ вернуться въ залу, онъ вздумалъ пройтись по валу, чтобы освѣжить голову. Съ вала вела никогда не запиравшаяся калитка въ садъ, который находился еще въ зимнемъ запустѣніи. Въ ту самую минуту, когда Гергардъ поднялся на валъ и сталъ смотрѣть на отдаленную бухту и на стоявшій на ней голландскій корабль, онъ замѣтилъ какую-то бѣлую фигуру, которая скользнула въ калитку сада, притворивъ ее за собою. Гергардъ узналъ свѣтлое платье Агнессы и вспомнилъ, что и она также вышла изъ-за стола во время спора. Кромѣ нея, ни одна изъ дамъ не могла быть въ это время на валу. Сообразивъ это, Гергардъ, не колеблясь, перешелъ черезъ валъ и вошелъ въ садъ, въ которомъ обнаженные деревья были окрашены золотистымъ

лучемъ заката. Та, которую онъ исхвалъ, была дѣйствительно здѣсь и шла къ нему на встрѣчу, понявъ, что ея быстрое исчезновеніе должно было удивить гостя. Агнесса казалась спокойной, но отъ Гергарда не укрылось, что глаза ея были сильно заплаканы.

— Вы бѣжали сюда отъ этихъ отвратительныхъ споровъ? спросилъ онъ. — Но въ залѣ замѣтять ваше отсутствіе.

Гергардъ старался замаскировать свое волненіе этими ничего не значущими фразами. Молодая дѣвушка шла нѣсколько минутъ, молча, возлѣ него по аллеѣ.

— А вы, а ваше? сказала она дрожащимъ голосомъ.

— До меня-то имъ мало дѣла. Я еще лучше оцѣнилъ сегодня гостепрѣимство вашего отца, видя, какъ я чуждъ всѣмъ на свѣтѣ.

Агнесса отвернулась и стала глядѣть на широкую сватерть бухты, терявшуюся въ вечернемъ туманѣ. Она, видимо, боролась съ собой, но не могла осилить своихъ чувствъ и слезы вновь закапали изъ ея глазъ.

— Не говорите мнѣ о сегодняшнемъ днѣ, сказала она. — Право, я нахожу, что люди ужасны, и было-бы въ тысячу кратъ лучше знать и видѣть ихъ только издали.

— Вы придаете слишкомъ много значенія пьяному спору. Мнѣ кажется, они уже унялись.

— Я говорю не о спорахъ, сказала Агнесса и голубые глаза ея устремились на Гергарда. — Но мнѣ кажется, что я, въ нѣсколько часовъ, узнала сегодня многихъ людей лучше, чѣмъ знала до сихъ поръ, и почувствовала себя такой одинокой, какъ никогда. Вы не повѣрите, какъ дорогъ дѣлается мнѣ мой добрый, великодушный отецъ, когда я слушаю всѣ эти дикія, жестокія рѣчи. Что будетъ со мною, если Богъ не услышитъ моей молитвы, не призоветъ меня къ себѣ раньше, чѣмъ его?

— Полноте, молитесь лучше, чтобы Богъ подолѣе сохранилъ васъ для тѣхъ, кому вы дороги, да и я о томъ-же помолюсь.

— Благодарю васъ, сказала молодая дѣвушка, протягивая ему руку. Гергардъ наклонился, чтобы поцѣловать эту руку, но остановился и съ мольбою заглянулъ въ лучистые голубые глаза. Что сказали они ему — неизвѣстно, но онъ вдругъ почувствовалъ приливъ твердой рѣшимости высказать все, что у него таилось въ душѣ.

— Вы не останетесь одинокой. Найдется много людей, кото-

рые, узнавъ васъ, поймутъ, что жизнь только тѣмъ и хороша, что въ мірѣ есть женщины, подобныя вамъ. Пускай лучшій изъ тѣхъ, кто это чувствуетъ, будетъ награжденъ вашею рукою. Хотя-бы этимъ могъ я утѣшаться вдали отъ васъ...

Голосъ его прервался отъ волненія.

— Гергардъ! сказала Агнесса тихимъ, дрожащимъ голосомъ:—вѣдь лучшій-то — вы...

Онъ вѣрѣе обхватилъ ее за талію.

— Моя жизнь принадлежитъ вамъ; но вашъ отецъ?

— Неужели вы думаете, что отецъ захочетъ сдѣлать меня несчастной? Вотъ вамъ ручательство, что я увѣрена въ немъ.— И обвивъ руками шею Гергарда, она поцѣловала его съ нѣжной улыбкой, но потомъ тотчасъ вырвалась изъ его объятій.

— Побудьте немного здѣсь, сказала она, смѣясь и плача,— а потомъ возвращайтесь въ залу, только не глядите тамъ на меня; я запрещаю глядѣть. Сдѣлайте, пожалуйста, такое-же грустное лицо, какое у васъ было весь день сегодня. А вечеромъ когда всѣ разъѣдутся, мы скажемъ отцу.

Еще разъ повернулось къ нему милое личико, въ бѣлокурой рамкѣ локонновъ, съ заплаканными и, въ то-же время, сіяющими счастьемъ глазами, и дружески кивнувъ ему, скрылось. Тщетно простиралъ Гергардъ руки, моля остаться; Агнесса убѣждала, оставивъ его въ опьяненіи счастья. Что это за волшебный домъ, въ которомъ ему дается все, о чемъ онъ когда-нибудь смѣлъ мечтать? Гергарду все еще было страшно думать о минутѣ объясненія съ отцомъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше укрѣплялась въ немъ надежда, и онъ сталъ, наконецъ, нетерпѣливо ждать разъѣзда гостей.

Хорошо, что въ залѣ стоялъ легкій туманъ отъ дыханія гостей и копоти свѣчей, иначе ни отъ кого не укрылась-бы перемѣна, происшедшая въ выраженіи лица молодого магистра. Онъ снова сѣлъ за столъ и, опорожнивъ кубокъ за здоровье своей возлюбленной, сталъ прислушиваться къ разговорамъ; но онъ ничего не понималъ и даже не замѣтилъ злаго, пристальнаго взгляда, брошеннаго на него Вальтеромъ Царнековымъ, который тотчасъ послѣ того перевелъ глаза на Агнессу. Прочелъ-ли онъ что-нибудь на лицахъ влюбленной четы, но только онъ стиснулъ свои бѣлые зубы и, кивнувъ головой, съ громкимъ смѣхомъ прихлебнулъ вино изъ своего большого бовала. Этотъ неумѣстный смѣхъ заставилъ Агнессу въ смущеніи опустить глаза.

Гергардъ задыхался въ этой душной атмосферѣ, среди безтолковаго шума. На его счастье, скоро гости, всѣ разомъ, поднялись съ мѣстъ и стали прощаться. Хозяинъ, сверхъ своего обыкновенія, не упрашивалъ ихъ посидѣть. Теодозіусъ Корвинусъ подошелъ къ нему, говоря:

— Такъ ты не будешь на меня въ претензіи, Корнелиусъ, если я уѣду погостить къ бургомистру?

— Нѣтъ, спокойно отвѣтилъ рыцарь, протягивая ему руку. — Я думаю даже, что это полезно для насъ обоихъ. Ты, быть можетъ, немножко одумаешься и захочешь опять вернуться ко мнѣ.

Теодозіусъ ушелъ къ себѣ въ комнату, чтобы собрать кое-какія вещи, которыя онъ хотѣлъ взять съ собою; сборы были недолги, какъ у человѣка, привыкшаго къ кочевой жизни. Пова собиралась семья бургомистра, Гергардъ сдѣлалъ тщетную попытку удержать своего учителя.

— Я тебѣ не нуженъ теперь, отвѣчалъ старикъ, съ лукавымъ смѣхомъ. — Пріѣзжай къ намъ въ Викъ, когда будешь имѣть сообщить что нибудь радостное, а, главное, береги свою совѣсть, Гергардъ.

Какъ во снѣ смотрѣлъ молодой ученый на старика, уѣзжавшаго съ семьею бургомистра, и на садившихся на лошадей гостей, которые выпили въ сѣдлѣ еще по кубку и, оборачиваясь и дѣлая прощальные знаки, выѣхали со двора. Молодой ученый очнулся только тогда, когда къ нему подошелъ Царнековъ и, пожелавъ ему ироническимъ тономъ добраго вечера, отвѣсилъ ему и Агнессѣ низкій, насмѣшливый поклонъ.

— Прощайте, герръ Корнелиусъ, сказалъ онъ потомъ рыцарю, провожавшему его на крыльцо. — Желаю, чтобы этотъ веселый день принесъ вамъ радость, а не горе.

Сказавъ это, онъ вскочилъ на лошадь и ускакалъ, оставивъ рыцаря въ недоумѣніи.

— Что это съ Царнековымъ? Агнесса, что это значитъ? вскричалъ онъ, обернувшись и увидѣвъ передъ собою свою дочь.

— Вотъ, что, папа! отвѣтила молодая дѣвушка, взявъ за руку поблѣднѣвшаго Гергарда и притягивая его къ отцу.

— Магистръ Гергардъ проситъ моей руки и если ты не противъ этого, то я согласна.

Фонъ-дёръ-Ланкенъ посмотрѣлъ на обоихъ серьезнѣе, чѣмъ ожидала Агнесса, которая потупила глаза подъ этимъ взглядомъ.

Но послѣ минутной нерѣшительности, рыцарь обнялъ молодого человѣка.

— Я ожидалъ другого, сказалъ онъ;—но я уважаю и люблю васъ всей душой. Берите мою дочь. Быть можетъ, и лучше, что она полюбила васъ.

Въ этихъ словахъ и въ выраженіи лица рыцаря было что-то чего ни Гергардъ, ни Агнесса не поняли. Въ эту самую минуту изъ столовой вышелъ пасторъ Мёллеръ, который одинъ оставался еще изъ гостей.

Корнелиусъ быстро пошелъ къ нему на встрѣчу и весело сказалъ:

— Благословите жениха съ невѣстой, магистръ.

Эти слова, казалось, не были неожиданностью для пастора. Онъ наклонилъ голову и крѣпко пожалъ руку молодой четѣ.

— Что дѣлается во имя Бога, на томъ всегда бываетъ его благословеніе, произнесъ онъ торжественно—и, безъ всякихъ разспросовъ, откланялся молодой четѣ и пошелъ домой, провожаемый до воротъ хозяиномъ дома. Молодые люди не удерживали его, но Агнесса серьезно посмотрѣла ему въ слѣдъ. Какая-то смутная тревога закралась въ ея душу и выразилась на ея лицѣ.

— Онъ не любитъ ни тебя, ни меня, сказала она, опираясь головой на плечо своего жениха.—Объщай мнѣ, Гергардъ, уничтожить эту несчастную рукопись, которая вооружила противъ тебя пастора. Она ничего не можетъ принести намъ, кромѣ вреда. Общаешь?

— Конечно. На что она мнѣ? Она никого не убѣждаетъ и только сѣетъ раздоры. Я сожгу ее и пускай сгорятъ съ нею всѣ воспоминанія о моей прежней жалкой жизни.

ГЛАВА XV.

Никогда еще пасторъ Меллеръ не шелъ домой изъ замка Витте такимъ медленнымъ шагомъ и въ такой глубокой задумчивости, какъ въ этотъ вечеръ. Было слишкомъ темно, чтобы встрѣчные могли рассмотреть выраженіе его лица, но по его короткимъ поклонамъ можно было заключить, что онъ ни съ кѣмъ не расположенъ вступать въ разговоръ и всего менѣе со старостой Берндомъ Янzenомъ, который, въ послѣднее время, какъ-то всегда встрѣчался пастору, когда тотъ шелъ изъ замка

Витте, и всегда выпрашивалъ его, что тамъ дѣлается. На этотъ разъ, пасторъ отмахнулся отъ него рукой, чувствуя потребность быть однимъ. Тщетно твердилъ онъ себѣ, что сердце человѣческое въ рукахъ Бога и что пути Промысла неисповѣдимы: онъ не могъ примириться съ событіями этого дня. Неужели Богу было угодно, чтобы Агнесса предпочла благородному рыцарю какого-то проходимца и навсегда—навсегда!—покинула Рюгенъ? Предпочестъ человѣка безъ роду, безъ племени, безъ состоянія! Не навожденіе-ли это злого духа? Какъ ни легкомысленна казалась ему эта дѣвушка, которая такъ свободно вела себя съ гостями своего отца, однако все-же она внушала ему участіе. Виновата-ли она, что судьба такъ рано лишила ее матери и что отецъ ея такой вольнодумецъ? Для нея нужна была-бы власть строгаго и богобоязненнаго мужа—его любимца Царнекова, который спасъ-бы эту заблудшую душу отъ дьявольскихъ сѣтей. Кто знаетъ, не запуталась-ли она уже въ нихъ. Не есть-ли самая любовь ея къ Фризену дѣйствіе тѣхъ темныхъ силъ, передъ которыми пасторъ, этотъ сильный характеръ, суевѣрно трепеталъ? Чѣмъ объяснить ея сближеніе съ этимъ загадочнымъ итальянцемъ, быстро, съ которой она выучилась его языку, ея знаніе лекарственныхъ травъ и кореньевъ?

Пасторъ вспомнилъ, что и жена его также обладала этими знаніями. Но это не то. Что было понятно въ одной, то казалось ему непонятнымъ въ другой. Онъ зналъ жизнь своей жены; въ ней все было просто и ясно, а въ Агнессѣ фонъ-дерь-Ланкенъ ему все казалось загадочнымъ: и любовь ея къ природѣ, и невиданное у женщины образованіе, и странное равнодушіе ко всему, что занимало другихъ женщинъ. И въ то-же время, откуда эта неотразимая привлекательность? Даже онъ, суровый теологъ, не могъ устоять передъ нею! Это сознаніе вдругъ такъ живо сказалось въ душѣ пастора, что онъ невольно вздрогнулъ. Что это за женщина? на счастье или на гибель людей? на то, чтобы разносить сѣмена зла и побѣды врага человѣческаго?

По приходѣ домой, пасторъ нашелъ свою семью уже спящею. Не зажигая свѣчи, онъ устало опустился на свой деревянный стулъ и положилъ голову на руки. Мысль его упорно уносила въ замокъ Витте, въ молодой, помолвленной четѣ, и тщетно усиливался онъ думать о чемъ-нибудь другомъ. Привыкнувъ къ темнотѣ, глаза его стали различать бѣдную обста-

новку комнаты, на которую онъ до сихъ поръ не обращалъ никакого вниманія. Тамъ, въ темномъ углу, на жалкой постелѣ, спать его жена и дѣти, а воображеніе рисуетъ ему роскошный домъ, въ далекомъ голландскомъ городѣ, который Агнесса разукрасить, изъ своего богатаго приданнаго, для своего будущаго мужа. Силась отогнать эти образы, пасторъ вскочилъ съ мѣста и судорожно ударилъ кулаками въ низкій потолокъ. Но какой-то насмѣшливый голосъ не переставалъ кричать въ его душѣ: посмотри вокругъ себя, въ какой нищетѣ влачишь ты свою жизнь, — ты, неутомимый пастырь, вѣрный служитель Бога! А чужеземный проходимецъ, заглянувшій въ сказки Гомера, получаетъ и красивую Агнессу, и богатство, и почетъ! И все живѣе и живѣе рисовалось ему стройная фигура дѣвушки, съ ея молодыми, округленными формами. Ему, казалось, что она дразнить его, хохочетъ надъ нимъ, а рядомъ съ нею вставала костлявая фигура его жены, съ дряблымъ, выцвѣтшимъ лицомъ. Кровь прилиwała ему въ голову, жилы на вискахъ стучали, холодный, спертый воздухъ въ нетопленной комнатѣ былъ удушливо тяжелъ. Вдругъ пастору показалось, что онъ не одинъ въ комнатѣ: изъ темнаго угла глядѣли на него два огненные глаза; какая-то сѣрая тѣнь проносилась по комнатѣ и въ ночной тишинѣ слышались какіе-то рѣзкіе, скрипучіе звуки. Пасторъ зажалъ уши, зажмурилъ глаза и началъ читать дрожащими губами „Отче нашъ“. Призраки разсѣялись, разгоряченный мозгъ успокоился и, со словомъ „аминь“, пасторъ почувствовалъ облегченіе. Онъ утеръ со лба холодный потъ и, сложивъ руки, съ глубокимъ умиленіемъ прочелъ благодарственную молитву.

Теперь ему стало ясно, что дьяволъ началъ искушать его еще на дорогѣ изъ замка. Это онъ внушилъ ему зависть къ чужому счастью, онъ рисовалъ передъ нимъ соблазнительныя картины, онъ раскрылъ передъ нимъ всю обездоленность его собственной личной жизни. Все еще дрожа отъ внутренняго волненія, но съ миромъ въ душѣ, пасторъ улегся на свое скромное ложе. Прежде чѣмъ запереть дверь, онъ осмотрѣлъ темный уголь, въ которомъ ему чудились огненные глаза, и, разумеется, не нашель ничего. Онъ вспомнилъ искушеніе Лютера и вскорѣ мирно заснулъ, прислушиваясь къ ровному дыханію своихъ дѣтей и жены.

Понутру, Гергардъ вышелъ пройтись по той самой дорогѣ, которая вела къ дому пастора. Онъ всю ночь не могъ сомкнуть

глазъ и вышелъ освѣжиться, чтобы явиться къ невѣстѣ болѣе бодрымъ. Среди радостнаго сознанія неожиданнаго счастья, его мучила одна назойливая мысль: онъ сознавалъ себя виноватымъ передъ своимъ учителемъ и не зналъ, какъ взглянуть ему въ глаза. Онъ предвидѣлъ, что первымъ словомъ его будетъ вопросъ о рукописи, которую старикъ такъ высоко цѣнилъ и которую Гергардъ жертвовалъ ради мира.

Съ неудовольствіемъ завидѣлъ онъ издали пастора, но избѣжать встрѣчи не было возможности. Къ удивленію своему, молодой ученый еще издали замѣтилъ, что пасторъ смотритъ на него съ совсѣмъ другимъ выраженіемъ лица, чѣмъ то, которое онъ видѣлъ у него наканунѣ, и уже издали дѣлаетъ ему дружескіе знаки привѣтствія. Когда онъ приблизился и началъ пожимать ему руку, вторично поздравляя его, то Гергарду показалось, что передъ нимъ совсѣмъ другой человѣкъ. Онъ готовъ былъ заподозрить пастора въ притворствѣ, но искренность, написанная на его лицѣ, не допускала подобнаго предположенія. Гергардъ рѣшилъ, что дыханіе весны, повѣявшее въ это чудное утро, произвело и на суроваго богослова такое-же умиротворяющее впечатлѣніе, какъ на него самого. Пасторъ заговорилъ о красотѣ острова, когда онъ одѣнется зеленью, и съ участіемъ слушалъ, когда Гергардъ говорилъ ему, что къ тому времени онъ уже надѣется быть въ Лейденѣ, такъ какъ онъ намѣревался уѣхать сначала одинъ, чтобы устроиться и пріѣхать потомъ за женой. Обо всемъ этомъ онъ еще наканунѣ переговорилъ съ своимъ будущимъ тестемъ.

— Вы хорошо сдѣлаете, магистръ Гергардъ, сказалъ пасторъ такимъ мягкимъ тономъ, каковаго Гергардъ никогда не слышалъ отъ него. Я—увѣренъ, что вы будете служить добру въ Лейденѣ и употребите ваши дарованія во славу Божію. Въ особенности, берегитесь злоупотреблять перомъ. Лучше никогда не беритесь за него, чѣмъ сѣять сомнѣнія и зло.

Гергардъ съ неудовольствіемъ прервалъ его, вспомнивъ о своей рукописи.

— Успокойтесь, герръ Паулусъ; неодобряемая вами рукопись уже сожжена,—впрочемъ, не потому, что я раздѣляю ваши мнѣнія, а потому, что многія изъ моихъ мыслей были незрѣлы или слишкомъ слабо доказаны.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы сожгли ее! вскричалъ пасторъ съ искреннею радостью.—Повѣрьте мнѣ, герръ Гергардъ, что вы

когда-нибудь сами похвалите себя за это, какъ я теперь хвалю васъ. Выслушайте меня терпѣливо. Вы сомнѣваетесь въ возможности союза съ злымъ духомъ и въ присутствіи его на землѣ, а я не сомнѣваюсь. Да, я знаю теперь, какими путями онъ пробирается въ человѣческую душу, какъ онъ поработаетъ слабую человѣческую волю и какую чудодѣйственную силу имѣетъ надъ нимъ молитва. Не возражайте: я вѣрю, потому что знаю! Никакія сомнѣнія не пошатнуть теперь во мнѣ ни на минуту этой вѣры.

Онъ произнесъ это такъ торжественно и такъ серьезно поглядѣлъ на молодаго ученаго, что тотъ былъ пораженъ. Но, въ то-же время, онъ еще живѣе почувствовалъ упреки совѣсти за то, что такъ скоро забылъ предостереженія своего учителя. Какое-то тайное предчувствіе говорило ему, чтобы онъ бѣжалъ отъ пастора, и онъ поспѣшилъ распроститься съ нимъ и воротиться въ замокъ. Дорогой, всѣ эти непріятныя чувства разсѣялись и Гергардъ вошелъ въ ворота съ блаженнымъ сознаниемъ, что онъ въ правѣ назвать теперь этотъ домъ своимъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ.

2 іюня телеграфъ разнесъ по всему міру печальную вѣсть о смерти Гарибальди. Хотя не разъ уже за послѣдніе полгода зловѣщія телеграммы о его здоровьи тревожили общество; хотя во время его послѣдней поѣздки иль, лучше, триумфальнаго шествія на годовщину сицилійскихъ вечерень всѣмъ было ясно, что въ этомъ семидесятилѣтнемъ, прикованномъ болѣзнию къ своей телѣжкѣ, старцѣ осталось лишь слабое дуновение жизни, тѣмъ не менѣе, извѣстіе о его кончинѣ поразило и потрясло всѣхъ, какъ величайшая неожиданность.

Мы не будемъ говорить ни о безчисленныхъ демонстраціяхъ, которыми печаль, вызванная извѣстіемъ о смерти Гарибальди, выразилась во всѣхъ концахъ Італіи, ни о всеобщемъ единодушномъ траурѣ, ни о безмолвныхъ печальныхъ процессіяхъ въ сотни тысячъ человѣкъ къ тѣмъ мѣстамъ городовъ, которые были освящены какимъ нибудь воспоминаніемъ объ умершемъ... Иначе и быть не могло: печаль была слишкомъ искренна, задушевна, всеобща... Въ теченіе цѣлаго полустолѣтія Гарибальди наполнялъ громомъ своего имени два полушарія. Все, что было въ старомъ поколѣніи свободолюбиваго и благороднаго, съ трепетомъ и замираніемъ сердца слѣдило за подвигами этого полусказочнаго героя. Въ Італіи-же почти все это поколѣніе перебивало въ разныя эпохи подъ его знаменами. И всѣ безъ исключенія—молодые и старые, ученые и неученые—зачитывались и заслушивались разсказовъ объ удивительныхъ дѣяніяхъ этого человѣка и объ его еще болѣе удивительной личности.

Ярлыкъ, на лицевой сторонѣ котораго написано „герой“, имѣеть свою изнанку, на которой всегда почти написано „извергъ“. Таковыми были всѣ цезари и Наполеоны—большіе, средніе, малые и

малѣйшіе,—и героизмъ ихъ заключается лишь въ томъ, «что, не падая ни себя, ни другихъ» (больше впрочемъ «другихъ»), они добивались личнаго возвышенія. Гарибальди для себя лично никогда ничего не добивался. Даря царства, онъ оставался бѣденъ, какъ послѣдній изъ своихъ волонтеровъ и, возвращаясь послѣ полугодичной диктатуры, въ королевство обѣихъ Сицилій, онъ явился на свою Капреру съ пятьюдесятью франками въ карманѣ и мѣшкомъ фасоли подъ мышкой. Ни честолюбіе, ни властолюбіе не заставили его ни разу пожертвовать лишней жизнью своихъ солдатъ или совершить какой-нибудь поступокъ, не внушенный безусловно и исключительно благомъ родины, любовью къ людямъ. Изъ любви къ людямъ и родинѣ, онъ рисковалъ не только жизнью своей и своихъ дѣтей, но даже своей славой какъ это было въ 1859 и 1866 гг. въ Италіи и въ 1871 г. во Франціи, гдѣ онъ, сѣдой полководецъ, побѣдитель въ сотняхъ сраженій, соглашается занять невыгодное для него положеніе и поступить подъ начальство тупицы Ла Мармора или какого-то Камбриеля, извѣстнаго только тѣмъ, что наканунѣ постыдно бѣжалъ передъ пруссаками.

И народъ это понималъ. Онъ угадалъ, какой безкорыстной и беззавѣтной любовью горитъ къ нему сердце этого героя, разрушителя царствъ, разгоняющаго полчища враговъ однимъ взмахомъ своей шпаги,—и, всегда обманутый, всегда попираемый именно своими живыми друзьями, народъ обоготовилъ своего великаго сына, обоготовилъ повсюду куда только проникла слава о немъ. И народный инстинктъ не ошибался, потому что Гарибальди напоминая цѣльностью и артистической гармоніей своей природы классическихъ героевъ, далеко превосходитъ ихъ благороднымъ культомъ чистой идеи и широкимъ космополитизмомъ, незнакомымъ ни Сципіонамъ, ни Филопеменамъ, не поднимавшимся выше узкаго муниципальнаго и національнаго патриотизма.

Если велико обаяніе имени Гарибальди у народовъ, знающихъ о немъ только по наслышкѣ, то что-же должно быть въ Италіи, у пламеннаго, впечатлительнаго народа, который видѣлъ его во плоти, лицомъ къ лицу, и для блага котораго онъ столько потрудился?

Здѣсь популярность Гарибальди переходила уже во всемогущество. И слѣдуетъ замѣтить, что власть его была столь-же своеобразною, единственною въ своемъ родѣ, какъ и его личность. Всякая сколько нибудь сильная власть опирается на нравственный принципъ, на уваженіи массъ. Но рядомъ съ этимъ, даже во власти, основанной на чисто духовномъ началѣ, какъ папство, напр., мы видимъ всегда болѣе или менѣе обширную организацію—военную,

чиновничью, духовную—связанную съ центральной властью материальными и иными интересами и потому усердно ее поддерживающую. У Гарибальди ничего подобнаго не было. Безпримѣрная власть его опиралась исключительно на нравственномъ обаяніи его собственной личности. Онъ дѣйствовалъ на массу прямо и непосредственно, безъ всякихъ промежуточныхъ рычаговъ. Въ этомъ отношеніи Гарибальди едва-ли не единственный человекъ во всей всемірной исторіи.

А между тѣмъ, чтобы имѣть понятіе о размѣрахъ власти этого «некоронованнаго короля Италіи», достаточно вспомнить любое изъ его краткихъ появленій на континентѣ за послѣднія 15—20 лѣтъ. Особенно многознаменателенъ въ этомъ отношеніи его пріѣздъ въ Римъ, въ 1872 году. Гарибальди былъ не въ ладахъ съ правительствомъ. Публика это очень хорошо знала. Знало и правительство. Но никому не было извѣстно, съ чѣмъ—съ войной или съ миромъ—ѣдетъ старый диктаторъ, что еще болѣе увеличивало тревогу ожиданія. Очевидцы рассказываютъ, что, со временъ революціи 48-го года, городъ не находился въ такомъ возбужденіи. Буквально весь народъ высыпалъ на улицу. Невозможно описать энтузіазма, съ какимъ былъ встрѣченъ Гарибальди. «Мы были, какъ сумасшедшіе» вотъ подлинное выраженіе участниковъ. И настроеніе всей этой трехсоттысячной толпы, выраженное нѣсколькими депутаціями, резюмировалось словами: «Generale, che cosa volete?»—генераль, чего вы хотите? Между тѣмъ, войска, полиція—все это куда-то позапряталось, исчезло, точно провалившись съвозъ землю. Нигдѣ никакихъ признаковъ власти: это была предосторожность въ высшей степени дальновидная. Въ виду полной невозможности оказать какое нибудь сопротивленіе при такомъ возбужденіи народа, было, конечно, всего благоразумнѣе устранить малѣйшій поводъ къ его раздраженію и положиться на благородство и великодушіе стараго республиканца, какимъ всегда былъ и оставался Гарибальди. Расчетъ оказался совершенно вѣрнымъ. Выйдя на балконъ, Гарибальди сказалъ:

— Я хочу, чтобы день моего пріѣзда въ Римъ былъ днемъ спокойствія.

И толпа, готовая на все по одному его знаку, мирно разошлась по домамъ.

Вообще, каждый разъ, когда Гарибальди пріѣзжаетъ въ какой нибудь городъ, тамъ, по выраженію итальянцевъ, «нѣтъ больше ничего, кромѣ него».

Будучи до такой степени проникнуть гарибальдѣйскимъ культомъ, воспринимая съ величайшимъ любопытствомъ каждое слово и извѣстіе о немъ, народная фантазія не могла не переработать по

своему его жизни, подвиговъ и даже личности. Такимъ образомъ возникла и не могла не возникнуть *гарибальдйская легенда*,— новая особенность этого человѣка, который, въ вѣкъ царства газетъ и репортеровъ, на нашихъ глазахъ, при жизни сдѣлался полумифическимъ существомъ, какъ средневѣковые герои, въ родѣ Карла Великаго, Фр. Барбароссы и др. нѣсколько столѣтій послѣ смерти.

Зародыши гарибальдйской легенды мы встрѣчаемъ еще въ Америкѣ. Когда, сорокъ лѣтъ тому назадъ, съ 13-ю человѣками онъ разбиваетъ цѣлую роту империалистовъ, негры Монтевидео прозвали его *«el diablo blanco»*—бѣлымъ дьяволомъ, и рассказывали о немъ кучу фантастическихъ басенъ. Когда-же, послѣ цѣлаго ряда почти сказочныхъ подвиговъ, онъ въѣзжалъ на бѣломъ конѣ триумфаторомъ въ Монтевидео—старухи рыбачки кричали что есть мочи:

— Viva san Miguel—да здравствуетъ архангелъ Михаилъ!

На половину архангелъ, на половину сатана—такимъ отчеканился онъ и въ воображеніи европейцевъ, когда, въ 1849 году, съ горстью ветерановъ своего итальянскаго легіона онъ явился на равнинахъ Ломбардіи и въ стѣнахъ вѣчнаго города. Дикій наѣздникъ пампасовъ, въ красной рубашкѣ и высокой калабрійской шапкѣ, съ широкимъ бѣлымъ *пончо* на плечахъ, съ огненнокрасными кудрями и такой-же бородой, развѣвающимися по вѣтру, прекрасный, какъ античный Марсъ, окруженный славой какихъ-то сказочныхъ побѣдъ, одержанныхъ гдѣ-то за океаномъ въ невѣдомой землѣ—не могъ не поразить воображенія какъ своихъ, такъ и чужихъ, потому что слишкомъ рѣзко отличался отъ скроенныхъ по одной мѣрѣ, затянутыхъ въ мундиръ, «казенныхъ» генераловъ.

И дѣйствительно, одновременно со славой, которой покрываетъ себя Гарибальди въ старомъ свѣтѣ, растетъ о немъ и народная легенда. Но тутъ происходитъ уже извѣстная дифференціація: архангелъ отдѣляется отъ сатаны. Первое остается у своихъ; второе—у враговъ. Австрійскіе кроаты и бурбонскіе баварцы зовутъ его «краснымъ чортомъ». О его приближеніи можно узнать по запаху сѣры. Глаза его горятъ, какъ „окошки ада“. Рыжая борода составлена изъ языковъ пламени, которымъ поджариваютъ грѣшниковъ. Онъ продалъ душу сатанѣ, который его и защищаетъ и потому, не беретъ никакая пуля. Прежде чѣмъ спускаться курокъ кроаты Генперта и Прогаши и баварцы Ланцы крестятъ свои ружья, чтобы снять заклятіе. Но это не мѣшало имъ удирать во всѣ лопатки, завидѣвъ шедшую на нихъ въ атаку беспорядочную колонну волонтеровъ, впереди которыхъ, неуязвимый, какъ Ахиллесъ, шелъ самъ „красный дьяволъ“.

Та-же вѣра въ неуязвимость Гарибальди высказывается и въ народныхъ сказаніяхъ о немъ, съ тою только разницею, что здѣсь

это приписывается не дьявольскому покровительству, а заступничеству святыхъ. Самъ Гарибальди снова превращается въ архангела Михаила или св. Вито и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на папскія и поповскія проклятія, раздающіяся противъ него по церквамъ, крестьяне ставятъ портретъ Гарибальди въ молебельный рядомъ съ своими иконами, а рыбаки, отправляясь въ опасное плаваніе, вѣшаютъ себѣ на шею ладонки съ изображеніемъ Мадонны и Гарибальди.

Но настоящая гарибальдійская легенда ведетъ свое начало съ 1860 года, т. е. съ его сицилианскаго похода, когда, съ горстью въ тысячу человекъ, онъ въ полтора дня завоевываетъ обширное королевство съ десятиллионнымъ населеніемъ, разсѣявъ по вѣтру стотысячную армию съ артиллеріей, кавалеріей, крѣпостями и флотомъ.

Тутъ уже одного архангела оказывается недостаточно, и сперва сицилианцы, а потомъ неаполитанцы снова возсоздаютъ въ лицѣ Гарибальди соединеніе неба съ адомъ. Гарибальдійская легенда принимаетъ совершенно эпическую форму, и въ народныхъ пѣсняхъ поется, что онъ родился,—

D'un demonio e d'una Santa—

отъ демона и святой, а именно: святой Розалии, патронессы Сициліи, и специально города Палермо, пользующейся въ этой провинціи такой-же популярностью, какъ санъ-Женаро въ Неаполѣ, или Николай угодникъ у забайкальскихъ бурятъ. Случайное созвучіе именъ,—такъ какъ знаменитая святая происходила изъ фамиліи *Синибальди*,—въ глазахъ народа служитъ несомнѣннымъ подтвержденіемъ справедливости этой легенды, являющейся, быть можетъ, своеобразнымъ отголоскомъ или, если угодно, гипотетическимъ объясненіемъ папскихъ проклятій и отлученій противъ Гарибальди.

Но всякая легенда, чтобы принять окончательную форму, должна охватывать всю жизнь своего героя. Къ великому удивленію культурнаго человека, народная фантазія передъ этимъ препятствіемъ вовсе не останавливается. По словамъ легенды, создавшей за 20 лѣтъ до смерти Гарибальди, онъ уже давно умеръ, именно—при осадѣ Газты. Но у него двѣнадцать братьевъ, всѣ бѣлокурые, всѣ прекрасные, всѣ храбрые, какъ *Zi Pè*—дядя Пё (уменьшительное онъ Джузеппе). Миѣ о мнимой смерти Гарибальди и о двѣнадцати братьяхъ до такой степени утвердился въ Неаполѣ, что нѣсколько разъ отголоски его переходили даже въ печать, и о немъ зналъ самъ Гарибальди, который въ послѣднее свое путешествіе нарочно пожелалъ показаться народу, чтобы убѣдить его, что онъ живъ.

Кромѣ этихъ, чисто-миѳическихъ, легендъ, о разныхъ событіяхъ жизни Гарибальди ходитъ въ народѣ, преимущественно на югѣ, цѣлая масса поэтическихъ сказаній. Это импровизаціи безграмотныхъ сициліанскихъ рапсодовъ, иногда извѣстныхъ по имени, какъ напримѣръ: Ла Фата, Оливера и др., но большею частію вовсе неизвѣстныхъ. Нѣкоторые изъ этихъ произведеній вошли въ сборникъ Сальваторе Морино и воспѣваютъ различнымъ образомъ изукрашенные и искаженные историческіе эпизоды сициліанской кампаніи. Около Неаполя, стирая на рѣкѣ бѣлье, женщины до сихъ поръ поютъ:

На бѣломъ конѣ
 Ёдетъ Галубарда,
 Ёдетъ Галубарда
 Въ красной рубашкѣ;
 Кто на него ни взглянетъ,
 Тотъ съ ума сойдетъ.

И не только народъ, даже печатная литература о Гарибальди полна вымысловъ чисто-легендарнаго характера, такъ что, какъ это ни странно, уже и въ настоящее время нужно составлять о Гарибальди *критическую* біографію, какъ о герояхъ давно минувшихъ временъ. По мѣрѣ изложенія, мы укажемъ для примѣра нѣкоторыхъ изъ такихъ апокрифическихъ вставокъ, иногда весьма распространенныхъ. Теперъ-же слѣшимъ перейти къ самой біографіи, такъ какъ она лучше всего объяснитъ намъ обаятельное дѣйствіе его личности какъ на образованные классы, такъ и на народъ.

I.

Гарибальди родился 4 іюля 1807 года, въ Ниццѣ, въ маленькомъ домикѣ на Quai Lunel. Отецъ его, морякъ, имѣлъ собственное небольшое каботажное судно, на которомъ плавалъ у береговъ Средиземнаго моря, занимаясь торговлей. Многіе біографы рассказываютъ, что маленькій Джузеппе, бывшій любимцемъ въ семьѣ, предназначался къ поступленію въ духовное званіе, какъ высшее, доступное плебеямъ. Несомнѣнно, однако, что мальчика кое-чему учили: аббатъ Джіаконе обучилъ его грамотѣ и письму; нѣкій донъ Арена, бывшій военный, преподавалъ ему основанія элементарной математики. «Ему я останусь благодаренъ до гроба, говорилъ Гарибальди о послѣднемъ. Онъ обучилъ меня родному языку и отечественной исторіи, читая со мною римскую исторію, между тѣмъ какъ, вообще, въ Ниццѣ, вслѣдствіе французскаго вліянія, рѣдко кто обучался тому и другому».

Воспитаніемъ маленькаго Джузеппе много не занимались. Онъ росъ на полномъ привольѣ. «Гимнастикѣ, говоритъ Гарibaldi, — я учился, лазая по деревьямъ; фехтованію — стараясь защитить собственную голову отъ ударовъ и половчѣе хватить противника».

Будучи всего восьми лѣтъ отъ роду, онъ спасъ жизнь крестьянѣ, упавшей въ воду, такъ какъ уже тогда плавалъ, какъ рыба. Вообще, случаевъ спасенія жизни ближняго, съ опасностью для своей собственной, въ біографіи Гарibaldi множество.

По мѣрѣ того, какъ росъ маленькій Джузеппе, любовь къ морю, къ путешествіямъ, къ приключеніямъ проявлялась въ немъ все сильнѣе и сильнѣе, такъ что въ виду этой страсти, родителямъ пришлось согласиться отпустить его въ море. Первое свое путешествіе Гарibaldi совершилъ въ Одессу, матросомъ на бригантинѣ «Costanza». Во второй разъ онъ отправился, вмѣстѣ съ отцомъ, въ Римъ. Въ жизни Гарibaldi это было великимъ событіемъ.

«Для меня, говоритъ онъ, — страстнаго поклонника античной древности, Римъ былъ, по прежнему, столицей міра, священнымъ городомъ, гигантскія руины котораго, сіявшія славой и величіемъ предковъ, заставляли болѣзненно сжиматься сердце при мысли о безпредѣльномъ униженіи, въ которомъ находился тогда вѣчный городъ и вся Италія, колыбель столькихъ героев».

Любопытно, что посвященіе Гарibaldi въ «рыцари духа», какъ сказалъ-бы Гейне, произошло въ Россіи, въ Таганрогѣ, въ одномъ изъ скромныхъ трактировъ, гдѣ нѣсколько итальянскихъ моряковъ имѣли привычку собираться за стаканомъ вина. Въ числѣ ихъ оказался одинъ изъ членовъ *Молодой Италіи*, основанной, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Джузеппе Маццини. Однажды, въ этотъ самый трактиръ зашелъ Гарibaldi и, сѣвъ въ дальнемъ углу, — такъ какъ среди присутствующихъ у него знакомыхъ не было, — услышалъ пламенную рѣчь молодого маццинианца, Кунео, впослѣдствіи извѣстнаго патріота, говорившаго о страданіяхъ родины и указывавшаго на заговоръ, какъ на единственное средство для ея освобожденія.

«Скажу откровенно, говоритъ въ своихъ запискахъ Гарibaldi, — Христофоръ Колумбъ, окруженный взбунтовавшимися моряками, когда, въ концѣ послѣдняго, третьяго дня, услышалъ крикъ «Земля!» — не былъ счастливѣе, чѣмъ я, увидавъ первые лучи зари возрожденія Италіи и услыхавъ слово «отечество» изъ устъ чело-вѣка, посвятившаго себя дѣлу ея освобожденія».

Это случилось въ 1831 году. Съ этого вечера Гарibaldi записывается въ члены *Молодой Италіи* и, какъ пишетъ въ своихъ, не изданныхъ до сихъ поръ стихахъ, «на льдахъ Понта» (для

итальянца—гдѣ Россія, тамъ непременно ледъ), въ присутствіи «дикихъ казаковъ», поклялся умереть за отечество».

Но это была лишь первая ступень посвященія. Вскорѣ въ душѣ молодого моряка идея отечества слилась съ другой, еще высшей,—идеей человечества.

Какъ разъ въ этомъ году сень-симонисты, изгнанные изъ Парижа, направлялись на востокъ. Капитаномъ судна, перевозившаго ихъ въ Константинополь, случайно оказался Гарибальди. Въ числѣ изгнанниковъ были нѣкоторые изъ наиболѣе видныхъ и талантливыхъ представителей этого ученія: Фердинандъ Лесепсъ, мечтавшій уже о прорытіи суэзскаго канала, за что приобрѣлъ репутацію сумасшедшаго; Фелиціанъ Давидъ—будущій творецъ «Мелодій пустыни»; Эмиль Барро, предводительствовавшій всей маленькой колоніей.

Легко понять, какое обаяніе долженъ былъ сень-симонизмъ имѣть для такой отзывчивой и восторженной природы, какъ Гарибальди. Широкія идеи братства и равенства всѣхъ людей, благородныя мечты объ уничтоженіи бѣдности и всякаго страданія на землѣ и даже самая догма реабилитаціи плоти,—все это плѣнило молодого капитана.

«Точно завѣса упала съ моихъ глазъ», писалъ, 30 лѣтъ спустя, Гарибальди—«горизонтъ мой расширился и надъ вопросомъ итальянскимъ, національнымъ, я увидѣлъ вопросъ о человечествѣ. Пока я не познакомился съ Э. Барро, я рѣшилъ посвятить свою жизнь служенію моей родинѣ. Познакомившись-же съ нимъ, я рѣшилъ посвятить ее на служеніе всему человечеству».

Не будучи въ силахъ продолжать долѣе жизнь моряка-торговца, горя желаніемъ совершить что-нибудь на пользу дѣла освобожденія Италіи, которому онъ посвятилъ себя, Гарибальди, по возвращеніи въ Италію, отправился въ Марсель. Нѣкій Кови представилъ его Маццини.

Эти два замѣчательнѣйшихъ человѣка своего поколѣнія встрѣтились здѣсь въ первый разъ. Гарибальди въ это время былъ уже человѣкомъ опредѣлившимся по направленію и цѣли жизни. Но не подлежитъ сомнѣнію, что въ выборѣ путей для достиженія завѣтныхъ идеаловъ, а также въ окончательной формировкѣ убѣжденій, Маццини долженъ былъ оказать на него большое вліяніе. Гарибальди было тогда 24 года, Маццини—29, но послѣдній былъ несравненно старше его политической опытностью и образованіемъ. Это были природы діаметрально-противуположныя, но, повидимому, созданныя для того, чтобы привлечь другъ друга. Маццини былъ аскетъ, пророкъ, фанатикъ, беззавѣтно поглощенный одной исключительной идеей. Въ немъ не было ни отзывчивости, ни благород-

ной терпимости Гарибальди. Это былъ сектантъ типа Кальвина, способный жечь на кострехъ Серветовъ. Но въ этой-то исключительности, въ этой концентраціи всѣхъ духовныхъ силъ этого необыкновеннаго человѣка на одномъ предметѣ и заключается тайна того, по истинѣ феноменальнаго вліянія, какое имѣлъ Маццини на всю свою партію. Человѣкъ безъ всякаго прошлаго, безъ имени, окруженнаго ореоломъ подвиговъ или мученичества (Маццини долженъ былъ эмигрировать совсѣмъ еще юношею и только одинъ разъ непосредственно рисковалъ собственной головою, такъ что врага высказывали даже сомнѣніе въ его личной храбрости), Маццини, благодаря лишь своему желѣзному характеру, мощному уму и, въ особенности, непоколебимой и неугасаемой вѣрѣ въ свю Италію, единую и свободную, — съумѣлъ съ юношескаго возраста и до могилы оставаться единственнымъ, всѣми признаннымъ главою — *Santo Maestro* — святымъ учителемъ, какъ его называли, по одному слову котораго люди шли на вѣрную гибель, на висѣлицы, на разстрѣліаніе. Восторженный юноша, какимъ былъ тогда Гарибальди, долженъ былъ, болѣе всякаго другого, очароваться такимъ человѣкомъ.

Впослѣдствіи между ними произошло охлажденіе. Но доказательствомъ ихъ прежней большой дружбы можетъ служить то, что, сражаясь въ Америкѣ, Гарибальди никогда не забывалъ увѣдомлять о всякомъ, важномъ для итальянскаго имени событіи своего друга, неутомимо продолжавшаго работать на континентѣ на пользу освобожденія родины, и первый корабль, которымъ Гарибальди пришлось тамъ командовать, онъ назвалъ именемъ Маццини.

Въ это время *Молодая Италия* организовала, такъ-называемую, сенъ-жюльенскую экспедицію. Гарибальди принялъ съ энтузіазмомъ миссію, возложенную на него Маццини. Онъ поступилъ на королевскую службу во флотъ, съ цѣлію вербовать тамъ адептовъ революціи, и успѣлъ въ этомъ настолько, что фрегатъ «*Des Geneys*», гдѣ онъ служилъ, готовъ былъ передаться республикѣ, лишь только начнется возстаніе. Сигналь къ послѣднему должны были дать изъ Швейцаріи. Двѣ колонны, человѣкъ во сто каждая, должны были ворваться съ разныхъ сторонъ въ пьемонтскія владѣнія, провозглашая республику и призывая крестьянъ слѣдовать за собою. Попытка не удалась. Начальникомъ экспедиціи былъ выбранъ Раморино, бывшій польскій генералъ, который рѣшительно не вѣрилъ въ успѣхъ предпріятія, потому что смотрѣлъ на него исключительно съ военной точки зрѣнія.

— Нѣтъ религіи безъ мучениковъ, говорилъ Маццини. Положимъ основаніе нашей, хотя-бы цѣною собственной крови.

Но въ такихъ вещахъ убѣждать бесполезно. Раморино безконечными проволочками довелъ до того, что правительство узнало о готовившейся экспедиціи. Одна колонна была задержана швейцарскими властями, другая была разбѣяна, уничтожена, захвачена въ плѣнъ, не успѣвъ ничего сдѣлать.

Гарibaldi, между тѣмъ, не будучи въ состояніи ждать въ бездѣйствіи на фрегатѣ условленнаго сообщенія, оставляетъ корабль и на легкомъ челнокѣ плыветъ въ Генуѣ и высаживается у городской площади. Тамъ стояли жандармскія казармы, на которыя, какъ было условлено, нападутъ генуэзскіе республиканцы. Къ нимъ-то и хотѣлъ присоединиться Гарibaldi. Но проходитъ часъ, другой—никто не показывается. Наконецъ, проносится глухой шопотъ, что движеніе не удалось, что республиканцы бѣгутъ и многіе уже арестованы. Въ то же время послышались мѣрные шаги солдатъ, отбѣжавшихъ площадь... Медлить было не возможно. Гарibaldi входитъ въ лавочку первой попавшейся овощной торговки, рассказываетъ ей всю правду и та прячетъ его въ своей коморкѣ, а вечеромъ приноситъ ему крестьянское платье, въ которомъ онъ и выходитъ благополучно изъ города.

Это былъ первый случай, когда женщина спасла ему жизнь. Впослѣдствіи, въ самыя критическія минуты, его чаще всего спасали женщины.

Послѣ цѣлаго ряда приключеній и опасностей, изъ которыхъ онъ выпутался, благодаря находчивости и хладнокровію, Гарibaldi прибылъ въ Марсель. Здѣсь, нѣсколько дней спустя, онъ, по собственному выраженію, въ первый разъ имѣлъ удовольствіе увидѣть свое имя въ печати: вмѣстѣ съ двумя другими товарищами по заговору онъ былъ приговоренъ къ *постыдному разстрѣлянню*, т. е., къ разстрѣлянню *в спину*, существовавшему по пьемонтскому кодексу, какъ высшая мѣра наказанія. Таковъ былъ первый «знакъ вниманія» къ Гарibaldi со стороны короля, которому, нѣсколько лѣтъ спустя, онъ великодушно предложилъ, въ самую критическую минуту, свою уже прославленную шпагу.

Не желая имѣть столкновенія съ полиціей Луи-Филиппа, Гарibaldi мѣняетъ фамилію и живетъ нѣсколько времени въ Марсели подъ именемъ Джуз. Панае. Онъ занимается разными работами въ портѣ, пока ему не удастся снова поступить на морскую службу, сперва на торговое судно *Unione*, съ которымъ и совершаетъ новое путешествіе въ Одессу, а потомъ на фрегатъ тунисскаго бея, желавшаго организовать свой флотъ по-европейски. Свѣдѣнія объ этомъ періодѣ жизни Гарibaldi довольно темны.

Легенда, такъ и рвущая изъ рукъ исторіи каждую страницу изъ жизни Гарibaldi, создаетъ здѣсь какія-то романтическія при-

включенія съ гаремной красавицей *), которыхъ на дѣлѣ совершенно не было. Онъ покинулъ службу безъ потому, что она была ему совсѣмъ не по-сердцу.

Въ 1836 году онъ снова возвращается въ Марсель. Здѣсь онъ застаётъ страшную холерную эпидемію, свирѣпствовавшую въ этихъ годахъ по всей Европѣ. Всѣ сколько-нибудь зажиточные граждане бѣжали изъ города. Больницы были переполнены, не хватало не только докторовъ, но даже фельдшеровъ, служителей и сидѣлокъ. Тогда Гарибальди является къ врачу и предлагаетъ свои услуги, которыя, разумѣется, тотчасъ-же приняты, и до тѣхъ поръ, пока не начала ослабѣвать эпидемія, будущій полководецъ ухаживалъ за больными съ усердіемъ и вниманіемъ добросовѣстной сидѣлки.

Эта сострадательность къ ближнему, эта готовность служить не только человѣчеству, но и каждому отдѣльному человѣку, который только нуждался въ немъ, составляетъ одну изъ наиболѣе характерныхъ чертъ Гарибальди. Очень часто онъ отдавалъ своимъ друзьямъ послѣднія деньги, хотя самъ терпѣлъ въ это время крайнюю нужду. Разъ, въ Америкѣ, онъ отдалъ своему пріятелю буквально послѣднюю рубашку, такъ что нѣсколько времени ему приходилось ходить въ одной шерстяной матросскѣ, застегнутой до самаго верху.

У Гарибальди любовь къ людямъ не была чѣмъ нибудь головнымъ, принципиальнымъ. Она непосредственно вытекала изъ его безконечной доброты и отзывчивости на всякое страданіе. Такимъ былъ Гарибальди въ молодости, такимъ остался онъ и до послѣднихъ лѣтъ своей жизни, и этимъ-то объясняется магнитическая сила, съ которою онъ умѣлъ привлекать къ себѣ сердца всѣхъ людей; *amor d'amor si paga*, сказалъ поэтъ.

II.

Въ 1836 году Гарибальди отправляется на французскомъ бригѣ въ южную Америку—любимое мѣсто итальянской эмиграціи. Высадившись въ Рио-Жанейро, онъ встрѣчаетъ здѣсь своего земляка Розетти, который вскорѣ дѣлается его другомъ и братомъ, повѣреннымъ его завѣтныхъ думъ и надеждъ. Нѣсколько времени они занимаются торговлею. Однажды они увидѣли на улицѣ группу зако-

*) Упоминаемъ объ этомъ, потому что эта басня вошла, насколько помнится, и въ ту біографію Гарибальди, которая существуетъ на русскомъ языкѣ, вмѣстѣ съ басней о другой любви къ дочери барона, ученицѣ Гарибальди, трупъ которой онъ потомъ уноситъ, яко-бы, хоронить въ горы.

ванных плѣнныхъ, которыхъ солдаты вели въ тюрьму. Оказалось, что большая часть плѣнныхъ были итальянцы, сражавшіеся противъ бразильскаго императора въ войскахъ провинціи Рио-Гранде, объявившей себя независимой республикой. Эта встрѣча сильно поразила друзей. Она напомнила имъ родину, товарищей, которые тамъ, за океаномъ, тоже боролись и гибли за принципъ свободы.

Нѣсколько недѣль спустя, оба они были уже у президента Рио-Гранде, и Гарибальди, какъ морякъ, получилъ отъ него полномочія на партизанскую морскую войну противъ Бразиліи. Съ 16-ю товарищами на маленькомъ суднѣ, окрещенномъ именемъ *Маццини*, онъ напалъ на клиперъ съ императорскимъ флагомъ и, ворвавшись на палубу, объявилъ его своимъ призомъ. Испуганные пассажиры ждали смерти; одинъ изъ нихъ, богатый бразиліанецъ, предложилъ Гарибальди три крупныхъ брилліанта, лишь-бы онъ отпустилъ его живымъ. Но оборванный капитанъ возвратилъ ему его шкатулочку съ совѣтомъ—припрятать свои брилліанты для другого случая, такъ какъ теперь жизнь его не подвергается ни малѣйшей опасности. Затѣмъ, онъ отпустилъ на берегъ весь экипажъ и пассажировъ съ ихъ имуществомъ. Пять человекъ негровъ изъявили желаніе перейти къ нему. Онъ тотчасъ-же принялъ ихъ, давъ имъ свободу и назначивъ матросское жалованье.

Старое судно *Маццини* было потоплено, такъ какъ у Гарибальди не хватало людей для двухъ судовъ. Таково было первое дѣло Гарибальди. За нимъ вскорѣ послѣдовали другія въ томъ-же родѣ, но въ первомъ-же серьезномъ морскомъ сраженіи, которое ему пришлось выдержать, онъ получилъ самую тяжелую изъ всѣхъ своихъ ранъ: пуля пробилла ему шею почти на вылетъ. Отбившись съ величайшимъ трудомъ отъ вдвое сильнѣйшаго непріятеля, товарищи Гарибальди девятнадцать дней должны были крейсировать по морю съ своимъ раненымъ капитаномъ, находившимся все время между жизнью и смертью. Наконецъ, имъ удалось высадить его, полумертваго, въ Гуалегуай. Здѣсь докторъ вынулъ ему пулю изъ раны, а добрая семья Лукки Хартауло пріютила его, ухаживая за нимъ, какъ за роднымъ. Но такъ какъ Аргентинская республика или, лучше, диктаторъ Розасъ не признавалъ Рио-Гранде воюющей стороной, то Гарибальди былъ объявленъ плѣннымъ.

Оправившись отъ раны, онъ получилъ, однако позволеніе свободно разгуливать по городу, въ ожиданіи рѣшенія своей участи диктаторомъ. Но рѣшеніе все не являлось, и, наскучивъ ожиданіемъ, Гарибальди рѣшился бѣжать. Эта попытка обошлась ему очень дорого. Застигнутый погоней, онъ былъ связанъ по рукамъ и ногамъ и привезенъ обратно въ Гуалегуай. Губернаторъ нѣкій Леонардо Мелланъ, требовалъ отъ плѣнника объявленія, лицъ, дав-

шихъ ему средства бѣжать. Когда Гарибальди отказался назвать кого-нибудь, Мелланъ сталъ бить его, связаннаго, хлыстомъ. Когда же и это не помогло, онъ ушелъ, шепнувъ что-то на ухо начальнику стражи. Тогда Гарибальди повели въ тюрьму и подвергли слѣдующаго рода пыткамъ: къ связаннымъ назадъ кистямъ рукъ прицѣпили длинную веревку и, перекинувъ свободный конецъ черезъ блокъ, укрѣпленный въ потолокъ, стали поднимать его вверхъ, пока онъ не повисъ на воздухѣ на выкрученныхъ изъ суставовъ рукахъ.

Тогда въ тюрьму вошелъ Мелланъ и, подойдя къ висѣвшему, спросилъ, не намѣренъ-ли онъ теперь что-нибудь сказать.

«Все что я могъ сдѣлать, рассказываетъ Гарибальди въ своихъ мемуарахъ—это плюнуть ему въ лицо, и я не отказалъ себѣ въ этомъ удовольствіи.—Хорошо, сказалъ губернаторъ, утираясь—когда арестантъ скажетъ, что хочетъ сознаться, спустите его и позовите меня. Съ этими словами онъ ушелъ. Два часа оставался я въ такомъ положеніи. Тѣло всей тяжестью висѣло на окровавленныхъ кистяхъ и вывихнутыхъ плечахъ. Я весь горѣлъ, какъ въ огнѣ и каждую минуту просилъ пить, потому что вода высыкала въ моемъ желудкѣ, какъ на раскаленной плитѣ. Наконецъ, послѣ двухъ часовъ такой пытки тюремщики спустили меня на землю, какъ трупъ—потому-ли, что сжалились надо мной, или-же потому, что сочли меня уже мертвымъ».

И Гарибальди дѣйствительно-бы умеръ, если-бы одна сострадательная женщина, г-жа Аллеманъ, не явилась ухаживать за истерзаннымъ, пренебрегая гнѣвомъ всемогущаго губернатора.

Выздоровѣвъ, Гарибальди былъ переведенъ въ другой городъ и затѣмъ мѣсяца черезъ два выпущенъ на свободу новымъ губернаторомъ, смѣнившимъ Меллана. Нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ одной побѣды надъ аргентинцами, Гарибальди захватилъ въ плѣнъ этого самаго Меллана съ семействомъ и всѣми офицерами, въ томъ числѣ и производившими надъ нимъ пытку. Всѣхъ ихъ онъ отпустилъ на свободу. Что-же касается самого Меллана, то Гарибальди приказалъ чтобъ ему не показывали его даже на глаза, опасаясь, чтобы при видѣ Меллана чувство мести не заговорило слишкомъ громко.

Вернувшись въ Рио-Гранде, Гарибальди былъ встрѣченъ съ большою симпатіей и назначенъ командиромъ «всего флота» республики, состоявшаго, впрочемъ, изъ двухъ кораблей съ шестьюдесятью человѣками экипажа и четырьмя пушками. Съ этими-то кораблями онъ крейсировалъ по мелководному заливу Лось-Патось, пользуясь всякой оплошностью непріятеля, чтобы отбить у него то одно, то другое судно.

Впрочемъ, Гарибальди дѣйствовалъ не только на морѣ, но и на сушѣ. На судахъ у нихъ были сѣдла и сбруя, а такъ какъ въ

этих мѣстностяхъ лошадей можно достать всюду сколько угодно, то лишь только представлялся удобный случай, его флотилія при- ставала къ берегу, высаживалась и превращалась въ кавалерійскій отрядъ—дикій и нестройный, но страшный для враговъ.

Вскорѣ Гарибальди постигло ужасное несчастье, о которомъ, по словамъ людей, близко его знавшихъ, до старости онъ не могъ раз- сказывать безъ волненія: онъ лишился разомъ всѣхъ своихъ луч- шихъ друзей и сподвижниковъ. Судно его Rio-Pardo было застигну- то жестокой бурей недалеко отъ острова Санъ-Катерина. Налетѣв- шій жестокий шквалъ опрокинулъ корабль въ ту самую минуту, ког- да Гарибальди былъ на марсѣ, зорко оглядывая горизонтъ. Выныр- нувъ изъ пучины, куда онъ глубоко погрузился отъ паденія съ такой высоты, онъ увидѣлъ судно на боку, а вокругъ барах- тался, цѣпляясь за снасти, почти весь экипажъ. Онъ употре- бляетъ нечеловѣческія усилія для спасенія своихъ растерявшихся товарищей. Увидавъ одного изъ лучшихъ своихъ друзей, Луиджи Кар- нилью, у кормы, онъ подплываетъ къ нему, разрѣзываетъ карманнымъ ножомъ плотную суконную куртку, мѣшавшую ему плавать. Но ножъ тупъ, рѣжетъ плохо, и прежде чѣмъ Гарибальди успѣваетъ освободить своего друга, налетаетъ новый шквалъ, отрываетъ ихъ обоихъ отъ суд- на и бросаетъ въ разныя стороны. Гарибальди выплываетъ, но Карнилья нигдѣ нѣтъ. Ему приходитъ въ голову—не поплыль- ли Карнилья къ берегу. Онъ—туда, перегоняя плывущихъ матро- совъ, которые то показываются, то снова исчезаютъ между валами. Наконецъ, онъ вступаетъ на твердую землю и смотритъ не пока- жется-ли гдѣ-нибудь среди пѣнящейся пучины дорогая голова. Но Карнилья нигдѣ нѣтъ. Въмѣсто него онъ видитъ другого своего друга, Эдуарда Мутру, товарища по генуэзскому заговору, осужден- наго вмѣстѣ съ нимъ на смертную казнь. Мутру совсѣмъ выби- вается изъ силъ и вотъ-вотъ пойдетъ ко дну. Тогда Гарибальди снова бросается въ воду на помощь другу. Онъ уже кричитъ ему: «держиcя, держися! сейчасъ подплыву!» но тотъ потерялъ по- слѣднія силы и, на разстояніи нѣсколькихъ взмаховъ отъ него, свин- цомъ пошелъ ко дну. Гарибальди нырнулъ, чтобы подхватить его, но и это ему не удалось и лишь съ трудомъ онъ спасся самъ, такъ какъ разстояніе до берега было все-же версты полторы. Выйдя вторично на берегъ, онъ снова осматриваетъ по одиночкѣ всѣхъ спасшихся, но это все негры, мулаты, люди почти чужіе ему. Италья- янцы погибли всѣ до одного...

Онъ упалъ на землю, закрылъ голову руками и, «кажется, за- плакалъ», прибавляетъ Гарибальди въ своихъ запискахъ.

Этотъ случай, по нашему мнѣнію, лучше рисуетъ Гарибальди, чѣмъ рассказъ о двадцати сраженіяхъ.

Нѣсколько недѣль спустя послѣ этой ужасной катастрофы. Гарибальди встрѣтилъ свою Аниту—первую и, кажется, единственную женщину, которую онъ любилъ серьезно. Сближеніе ихъ носить тотъ эпическій характеръ, который такъ любилъ придавать своимъ поступкамъ Гарибальди.

Онъ встрѣтилъ ее у колодца, какъ Іаковъ Рахиль. Они обмѣнялись взглядами и этого было достаточно. Онъ постучался къ ней въ домъ; какой-то человекъ отворилъ ему дверь и пригласилъ войти. «Я вошелъ-бы и безъ его приглашенія», прибавляетъ Гарибальди. Здѣсь, улучивъ минуту, онъ подошелъ къ Анитѣ и шепнулъ ей: «ты будешь моею!» И въ тотъ-же вечеръ она ушла за нимъ, бросивъ семью, удобства, къ которымъ привыкла, родину и до самой смерти жила только имъ и для него. Она обожала этого грознаго и кроткаго влюбленнаго льва. Для Гарибальди она всегда оставалась идеаломъ женщины, друга, товарища. Онъ вспоминаетъ о ней не иначе, какъ съ восторгомъ и глубокой нѣжностью. Въ своихъ мемуарахъ онъ рассказываетъ объ угрызенияхъ совѣсти, причиненныхъ ему сознаніемъ, что онъ пріобрѣлъ счастье цѣною страданій какаго-то «другого», отворившаго ему дверь. „Но это было такое сокровище, наивно оправдывается онъ,—что я совершилъ-бы даже преступленіе, чтобы пріобрѣсти его».

На основаніи этихъ словъ укоренилось всеобщее убѣжденіе, будто Анита, до встрѣчи съ Гарибальди, была замужемъ, какъ это можно видѣть рѣшительно во всѣхъ его біографіяхъ. Но недавнія изслѣдованія Гверцони, подкрѣпленные метрическими выписками, сдѣланными нарочно для этого въ Монтевидео, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Анита Риберасъ замужемъ не была, такъ какъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ свободнаго брака, она повѣнчалась съ Гарибальди въ церкви Св. Франциско въ Монтевидео подъ собственнымъ дѣвичьимъ именемъ. «Невинный» пострадавшій отъ этого союза, былъ отецъ Аниты, который вскорѣ послѣ бѣгства дочери умеръ.

Вообще, Гарибальди былъ очень чувствителенъ къ женской красотѣ. Въ теченіи своей бурной жизни онъ влюблялся безчисленное множество разъ и не могъ пожаловаться на недостатокъ взаимности. Но и неудачи никогда не причиняли ему слишкомъ большого горя. Услыхавъ однажды, что одинъ изъ его родственниковъ лишилъ себя жизни отъ несчастной любви, онъ сказалъ: „Ну, этого я, признаться, не понимаю. Убить себя изъ-за женщины, когда на свѣтѣ ихъ такъ много! Я говорю женщинамъ: люблю тебя! Любишь-ли ты меня или нѣтъ? Нѣтъ? Тѣмъ хуже для тебя!»

Впрочемъ, къ Анитѣ онъ былъ привязанъ глубоко и прочно, что не мѣшало ей, однако, жестоко ревновать его. Она была тоже

львица и не допускала никаких соперниц. «Когда у нея возникало подозрѣніе, что у нея есть соперница, говаривалъ самъ Гарибальди,—она являлась ко мнѣ съ двумя заряженными пистолетами—одинъ, чтобы застрѣлить меня, другой соперницу». Однажды, въ Монтевидео, Гарибальди неожиданно обстригъ свои роскошныя золотыя кудри; на вопросъ удивленныхъ товарищей, онъ объяснилъ, что жена пилигъ его, подозрѣвая, что онъ отпустилъ ихъ для болѣе успѣшнаго ухаживанія за красавицами, и потому, для водворенія мира въ семьѣ, онъ рѣшился лучше остричься.

Исторія Аниты неразрывно переплетена съ исторіей Гарибальди. Она принимала участіе во всѣхъ походахъ и сраженіяхъ и была не только безстрашнымъ солдатомъ, но и прекраснымъ офицеромъ. Часто она служила ему адъютантомъ, не рѣдко онъ посылалъ ее въ атаку, которая выходила тогда еще ожесточеннѣе. Нѣсколько разъ онъ сдавалъ ей на время начальство.

Въ 1840 г., Анита родила первенца Менотти, который появился на свѣтъ съ шрамомъ на лбу отъ паденія матери съ лошади. Недѣлю спустя послѣ родовъ, ей пришлось снова вскочить на коня и, съ ребенкомъ на груди, спастись отъ империалистовъ. Во время длинныхъ походовъ по пампасамъ, Гарибальди, страстно любившій сына, носилъ его на шеѣ въ платкѣ и отогревалъ собственнымъ дыханіемъ. Къ счастью, ребенокъ оказался чрезвычайно здоровый, прекрасно переносявшій всѣ лишения.

Мы не будемъ рассказывать безчисленныхъ битвъ Гарибальди какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, такъ какъ это потребовало-бы цѣлаго тома. Въ этой восьмилѣтней, почти непрерывной войнѣ, борясь противъ непріятели въ десять разъ сильнѣйшаго, богатаго оружіемъ и военными средствами, Гарибальди успѣлъ выработать изъ себя единственнаго въ мѣрѣ гверильяса. Быстрота движеній, несравненная находчивость въ самыхъ отчаянныхъ обстоятельствахъ и, въ особенности, огромная власть надъ душами, умѣнье вдохновить своихъ воиновъ, превращая самыхъ робкихъ въ героевъ, умѣнье передать свой энтузіазмъ, свою вѣру въ успѣхъ, свое мужество — все это, вмѣстѣ взятое, уже намѣчало въ немъ будущаго революціоннаго вождя, способнаго съ небольшими дружинами разгонять цѣлыя арміи.

Не менѣе, чѣмъ своими подвигами, прославился Гарибальди и своимъ непримѣрнымъ безкорыстіемъ. Никакими упрощеніями нельзя было заставить его принять малѣйшее вознагражденіе за понесенные имъ труды. Когда Рибера, президентъ республики, по окончаніи одной кампаніи, пожелалъ отвести волонтерамъ итальянскаго легіона и Гарибальди земельные участки—онъ отказался за себя и увлекъ своимъ примѣромъ легіонеровъ. Назначенный главно-

командующимъ республиканскихъ войскъ, онъ принялъ должность, но отказался отъ присвоеннаго ей жалованья и продолжалъ брать только дневную плату обыкновеннаго солдата. Однажды вечеромъ, французскій адмиралъ пожелалъ навѣстить его. Но Гарибальди долженъ былъ принять адмирала въ темнотѣ, потому что во всемъ домѣ не оказалась ни свѣчи, ни денегъ на покупку ея. Когда адмиралъ сообщилъ объ этомъ военному министру республики, тотъ немедленно послалъ Гарибальди 100 патагоновъ (500 фр.). Но тотъ роздалъ ихъ семействамъ убитыхъ своихъ товарищей, себѣ-же купилъ только фунтъ свѣчей, наказавъ Анитѣ беречь ихъ для торжественныхъ случаевъ.

Американскіе походы подготовили не только Гарибальди для Италіи, но и Италію для Гарибальди. Имя его успѣло уже сдѣлаться популярнымъ, въ особенности среди патриотической Италіи, которой онъ былъ представителемъ. За огромностью разстоянія терялись истинные размѣры предметовъ и черѣдко мелкія стычки претворялись въ большія сраженія. Униженные въ собственномъ отечествѣ, итальянцы съ гордостью и надеждой слушали рассказы о подвигахъ молодого героя, такъ громко прославившаго италіанское имя и никогда не забывавшаго своей родины. На чужбинѣ онъ образовалъ отдѣльный италіанскій легіонъ, которому далъ черное знамя—символь траура по родинѣ, съ изображеніемъ Везувія—символь скрытой въ нѣдрахъ ея революціи. Въ битвѣ при Сант-Антоніо, въ битвѣ при Санта-Витторія, гдѣ своей атакой онъ далъ побѣду республиканцамъ, во всѣхъ наиболѣе трудныхъ моментахъ, онъ говоритъ своимъ сподвижникамъ: «дѣло идетъ о чести италіанскаго имени!» Казалось, что здѣсь онъ сражался для славы все той-же родины, въ ожиданіи, пока не представится случая извлечь мечъ для ея блага.

Такой случай вскорѣ представился.

III.

Наступилъ 1848 годъ—сумасшедшій годъ!—и Италія, дѣйствительно, на время стала вулканомъ. По первому-же извѣстію о восшествіи на папскій престолъ Пія IX и о броженіи и надеждахъ, вызванныхъ его неслыханными для наслѣдниковъ св. Петра либеральными реформами, Гарибальди рѣшается немедленно ѣхать въ Италію. Восемьдесятъ пять человѣкъ легіонеровъ, изъ которыхъ большинство сдѣлались потомъ видными военными вождями, пожелали послѣдовать за нимъ. Много, однако, времени прошло, прежде чѣмъ Гарибальди удалось добыть нужную для такого путешествія сумму денегъ. Около

двухъ мѣсяцевъ длился самый переѣздъ. Когда-же, въ юнѣ 1848 г., у береговъ Африки они встрѣтились съ итальянскимъ судномъ и отъ него узнали послѣднія новости, было отъ чего закружиться головѣ даже не у такихъ пылкихъ людей, какими было большинство гарибальдійцевъ. Миланцы, послѣ пятидневной баррикадной борьбы, прогнали фельдмаршала Радецкаго; Карлъ Альбертъ присоединился къ революціи и со всей своей арміей выступилъ противъ австрійцевъ.

Забывъ все прошлое и думая только объ освобожденіи родины, Гарибальди отправляется въ Ревербеллу, главную квартиру пьемонтской арміи, и предлагаетъ себя въ полное распоряженіе королю, приговорившему его къ разстрѣлянію въ спину. Хотя дѣла пьемонтской арміи находились уже далеко не въ блестящемъ положеніи, Карлъ Альбертъ принялъ его очень холодно, такъ какъ боялся революціи, воплощенной въ Гарибальди, еще больше, чѣмъ австрійцевъ. Тогда Гарибальди является къ миланскому временному правительству, которое поручаетъ ему организацію самостоятельнаго корпуса волонтеровъ. Уже и въ то время имя Гарибальди было настолько популярно, что, въ самомъ непродолжительномъ времени, подъ его знамя собирается около пяти тысячъ человекъ, съ которыми онъ и выступаетъ въ походъ. Но было уже поздно. Карлъ Альбертъ подписалъ капитуляцію. Миланъ сдался. Пьемонтцы ушли за свою границу. Австрійцы обрушились всѣми силами на Гарибальди, отрядъ котораго, вслѣдствіе деморализаціи, вызванной всеобщимъ пораженіемъ, съ каждымъ днемъ все уменьшался и уменьшался. Вскорѣ изъ 5 тысячъ у него осталось полторы, и все-таки онъ разбиваетъ на голову двухтысячный австрійскій авангардъ при Луино. Окруженный, затѣмъ, тремя австрійскими корпусами, представлявшими въ общей численности около 20 тысячъ, онъ искусно проскальзываетъ между ними и, послѣ геройскаго отраженія атакъ пятитысячнаго австрійскаго корпуса, переходитъ швейцарскую границу, прокладывая себѣ путь штыками.

Подавленное въ Ломбардіи, революціонное движеніе разгорается въ другихъ провинціяхъ Италіи. Восстаетъ Сицилія; революція торжествуетъ въ Тосканѣ; пала бѣжить изъ Рима, гдѣ провозглашается республика. Гарибальди, вѣрный своему романтическому культу къ вѣчному городу, выбираетъ Римъ.

Встрѣченный съ большимъ энтузіазмомъ народомъ, который всегда и всюду чувствовалъ его своимъ человекомъ, Гарибальди не былъ, однако, назначенъ начальникомъ всѣхъ военныхъ силъ республики, а подчиненъ то одному, то другому генералу. Это было крупной ошибкой. Маццини, бывшій въ сущности диктаторомъ Рима, понималъ, какія услуги можетъ оказать молодой республикѣ:

такой человекъ, какъ Гарибальди и, какъ утверждаютъ его друзья, не назначилъ его главнокомандующимъ только изъ опасенія черезчуръ переполошить этимъ общественное мнѣніе. Дѣло въ томъ, что у героя Ла Платы, вѣроятно, стараніями поповъ и монаховъ—единственнычъ людей, которыхъ Гарибальди ненавидѣлъ безпощадно,—въ Римской области составила репутація самая ужасная. Если въ Пьемонтѣ, Ломбардіи и Сициліи военные рутинеры отзывались о немъ, какъ о „дикомъ гверильясѣ“, то въ Римской области его считали просто на просто предводителемъ шайки разбойниковъ и чуть не каннибаломъ, такъ что одно имя его было пугаломъ для «порядочныхъ людей». Нѣкоторыми своими привычками самъ Гарибальди подливалъ масла въ огонь. Онъ считалъ, что сражаться и умирать за отечество—такое право, котораго человекъ не имѣетъ права лишать другого человека. Наконецъ, онъ глубоко и наивно вѣрилъ,—какъ это можно видѣть по его многочисленнымъ полуроманамъ, романамъ и стихамъ—въ возрождающее и очищающее дѣйствіе самопожертвованія на благо отечества. А разъ Гарибальди чему-нибудь вѣрилъ, то, по словамъ людей, близко его знавшихъ, не было такой силы, которая могла-бы помѣшать ему дѣйствовать сообразно съ своей вѣрой. Поэтому, Гарибальди принималъ въ свои войска рѣшительно всѣхъ безъ исключенія, не исключая воровъ и разбойниковъ, и никогда ему не приходилось раскayваться въ этомъ. Каторжники, всѣмъ ему обязанные, становились отличными солдатами; дисциплина-же и порядокъ нисколько не терпѣли отъ ихъ присутствія, потому что въ этомъ отношеніи Гарибальди былъ безпощаденъ: за малѣйшую попытку къ грабежу онъ разстрѣливалъ безъ суда. По признанію самихъ враговъ, немногія регулярныя арміи могутъ похвастаться такимъ уваженіемъ къ собственности жителей проходимыхъ мѣстностей, какъ гарибальдійцы. Но одного факта приѣма нѣсколькихъ бандитовъ было достаточно, чтобы провозгласить Гарибальди предводителемъ шайки, разбойничьимъ атаманомъ. Случай съ 35-ю анконскими каторжниками, которыхъ Гарибальди выпустилъ изъ острога и принялъ къ себѣ, далъ новую пищу этимъ толкамъ и послужилъ къ весьма интересной полемикѣ между Маццини-триумвиромъ и Гарибальди-генераломъ.

Въ біографіи самого Гарибальди римская кампанія составляетъ эпоху, потому что съ нея-то и начинается его міровая извѣстность. Казалось, что, вступивъ на почву классическаго Рима, онъ самъ превратился въ одного изъ героев Тита Ливія. Вереница побѣдъ и пораженій, еще болѣе славныхъ, чѣмъ побѣды, открывается анижувльской битвой 30 апрѣля, гдѣ онъ разбиваетъ на голову въ открытомъ бою французовъ, считавшихся тогда лучшими солдатами

въ мірѣ, беретъ у нихъ нѣсколько сотъ человѣкъ плѣнныхъ. Онъ прогналъ-бы французовъ до самыхъ кораблей, если-бы временное правительство не приказало остановить преслѣдованія, опасаясь *черезчуръ тщательной побѣды*, которая отрѣзала-бы всякую возможность примиренія съ Франціей,—деликатность, о казавшаяся совершенно бесполезной.

Послѣ краткаго перемирія съ Удино, войска республики двинулись противъ неаполитанской арміи. Побѣда при Веллетри, гдѣ Гарибальди съ авангардомъ напалъ на лагерь, была-бы полной, если-бы Розелли, свѣдующій, но неспособный генераль, командовавшій арміей республики, не испортилъ дѣло, не позволяя преслѣдовать бурбонскую армію за границу папской области. Между тѣмъ, перемиріе съ французами кончилось и армія вернулась въ Римъ, а Удино, нарушивъ прямой смыслъ перемирія, срокъ котораго истекалъ 4 іюня, на зарѣ 3 іюня двинулъ свои войска на Римъ. Захвативъ соннымъ слабымъ баталіонъ Мелары, онъ почти безъ сопротивленія занялъ виллу Панфили, ключъ всей позиціи. Никто не ожидалъ нападенія. Даже Гарибальди, всегда столь бдительный, спокойно спалъ у себя на квартирѣ и его разбудила только пушечная пальба. Въ одно мгновеніе онъ былъ на конѣ и съ когортой своего легіона помчался на выстрѣлы.

Началась достопамятная битва, не имѣвшая себѣ подобной даже въ богатой лѣтописи гарибальдійскихъ кампаній. Холодное оружіе, атака въ штыки *до конца*, до настоящаго рукопашнаго боя, составляющая столь рѣдкое явленіе въ современной военной тактикѣ, здѣсь совершенно отодвинула на задній планъ огнестрѣльное дѣйствіе. Имѣя противъ себя въ пять разъ сильнѣйшаго непріятеля, успѣвшаго занять измѣннически сильнѣйшія позиціи, какъ Казино, вилла Панфили, Корсини—гарибальдійцы почти безъ выстрѣла бросались въ штыки и по три, по четыре раза выбивали изъ занятыхъ позицій французовъ, которые возвращались новыми массами. Атаки производились ротами, взводами, кучками въ *двадцать человекъ*, какъ, напр., четвертая атака Дандоло на Корсини. Это была не битва, а рядъ поединковъ, гдѣ итальянцы мужествомъ и самоотверженіемъ силились замѣнить и численность, и вооруженіе, и всѣ преимущества перваго захвата, которыя были на сторонѣ враговъ. Самъ Гарибальди былъ въ этотъ день больше солдатомъ, чѣмъ генераломъ и лично предводительствовалъ всѣми главными атаками. Казалось, онъ былъ вездѣсущъ, потому что его бѣлый пончо развѣвался какъ знамя всюду, гдѣ всего сильнѣе кипѣлъ бой. Почти всѣ офицеры были ранены. Только Гарибальди, бросавшійся всегда впередъ, не получилъ ни одной царапины! Вечеромъ, когда весь его отрядъ онъ самъ отъ усталости едва держались на ногахъ,

а Розелли, обманутый пустыми демонстраціями французовъ противъ другихъ пунктовъ, все не присылалъ резервовъ, Гарибальди привязалъ отступить. Участъ битвы была рѣшена, а съ нею вѣстѣ и участъ Рима.

Послѣ битвы у воротъ Санъ Панкраціо, Римъ въ сущности палъ. Цѣлый мѣсяцъ, однако, Гарибальди, и одинъ Гарибальди, защищали каждый клочекъ земли.

2 іюля временное правительство, рѣшивъ, что дальнѣйшее сопротивление невозможно, послало къ Удино полномочныхъ для переговоровъ о капитуляціи.

Но Гарибальди капитулировать не хотѣлъ. Собравъ своихъ волонтеровъ на ватиканской площади, онъ сказалъ имъ краткую рѣчь, резюмировавшуюся перешедшими въ легенду словами: «Солдаты! Я предлагаю вамъ голодъ, жару, форсированные марши, битвы и смерть. Но кто любитъ отечество, тотъ послѣдуетъ за мною». Во всѣхъ многочисленныхъ вариантахъ этой рѣчи, встрѣчающихся у разныхъ біографовъ, неизмѣнно только одно: желѣзная фраза, приведенная нами выше, которая, очевидно, такъ и врѣзалась въ памяти слушателей.

Вечеромъ того-же дня, Гарибальди съ 3-мя тысячами охотниковъ выступилъ изъ Рима по тибуртинской дорогѣ. Куда онъ направлялся? На что надѣялся? Революція была подавлена во всей центральной Италиі и зажить ее снова было такъ-же невозможно, какъ оживить трупъ. Съ военной точки зрѣнія, его экспедиція была просто безуміемъ, кровавымъ фарсомъ. Но дѣло въ томъ, что Гарибальди былъ столько-же апостоломъ своей идеи, сколько полководцемъ. Итальянская свобода была для него не просто цѣлью, а культомъ, религіей, и перспектива гибели за нее привлекала его не меньше перспективы побѣды. И нигдѣ, быть можетъ, не обнаружилось въ такой мѣрѣ это соединеніе въ лицѣ Гарибальди война и апостола, какъ именно въ его римской кампаніи. Онъ рѣшилъ продолжать борьбу во что-бы то ни стало, совершенно не думая о томъ, возможна-ли побѣда или нѣтъ.

Блестательное отступление Гарибальди съ его отрядомъ было однимъ сплошнымъ подвигомъ, свидѣтельствовавшимъ несравненное умѣніе маневрировки. Онъ успѣваетъ выскользнуть изъ желѣзнаго кольца трехъ армій, ни разу не давъ себя разбить, и цѣлый мѣсяцъ маневрируетъ въ центральной Италиі, приводя въ смущеніе преслѣдовавшую его австрійскую армію. Наконецъ, убѣдившись, что нѣтъ никакой возможности поднять народъ и что держаться далѣе съ отрядомъ, истощеннымъ всевозможными лишениями, невозможно,—онъ 31 іюля переходитъ на нейтральную почву Санъ-Марино.

Здѣсь благодаря посредничеству «капитановъ» микроскопиче-

ской республики, ему удается заключить капитуляцію, сравнительно очень выгодную, но только не для него самого. Онъ поклялся не заключать никакихъ договоровъ съ чужеземцемъ и исполнить это.

Ночью, съ двумя стами товарищей, оставшихся вѣрными ему, онъ проскальзываетъ незамѣченный сквозь непріятельскія австрійскія линіи и пробирается къ морю, гдѣ усаживаетъ свой отрядъ въ рыбацкія челноки, съ цѣлю плыть въ Венецію, которая еще держится и борется за свободу. Высланныя противъ него австрійскія суда разсѣваютъ его лодченки. Часть ихъ потоплена, часть взята въ плѣнъ. Но самому Гарибальди удается пристать къ берегу и высадиться. Неразлучавшійся съ нимъ все время Чичеруакио, съ двумя сыновьями направляется въ одну сторону; Гарибальди съ маіоромъ Леджеро и Анитой, беременной на шестомъ мѣсяцѣ, измученной походомъ и злокачественными лихорадками, направляются въ другую. Теперь вся ихъ забота—проскользнуть между сотнями шпионовъ и патрулей, ищущихъ повсюду бѣглецовъ. Но хотя Гарибальди не сбрилъ даже бороды, чтобы измѣнить примѣты, ему удается безопасно пройти весь этотъ опасный путь. Таково обаяніе его имени, что повсюду онъ находилъ людей, готовыхъ рисковать для него свободой, состояніемъ и будущностью. Его скрываютъ даже таможенные стражники, даже папскіе солдаты.

Онъ спасенъ. Но по дорогѣ его постигла тяжкая потеря: онъ лишился своей Аниты. Она умерла у него на рукахъ, истощенная невѣроятными трудностями этого путешествія. И не успѣлъ онъ еще закрыть ей глаза, какъ ему пришлось бѣжать отъ австрійской погони, оставивъ дорогое тѣло не погребеннымъ. Когда опасность миновала, напуганный фермеръ, наскоро зарылъ трупъ въ песокъ, откуда, нѣсколько времени спустя, мальчики нечаянно откопали ее совершенно наугадъ... Такъ окончила свою жизнь эта безстрашная женщина.

Гарибальди прибылъ въ Кіавари—первый пьемонтскій городъ. Онъ былъ внѣ опасности, но впереди ждали его многія безпокойства—на этотъ разъ уже отъ того самаго правительства, которое называло себя національнымъ и патріотическимъ. Республиканскій генераль показался слишкомъ страшнымъ министрамъ короля, и опасаясь, можетъ быть, чтобы онъ не затѣялъ республиканскаго возстанія въ сосѣдней Генуѣ, они приказали арестовать его. Но арестъ сказочнаго героя въ ту самую минуту, когда, послѣ столькихъ несчастій, онъ вступилъ на свободную землю, вызвалъ такой взрывъ негодованія, что даже смиреннѣйшая и покорнѣйшая пьемонтская палата, и та вотировала самое рѣзкое и категорическое порицаніе министерству. Правительство находилось въ большомъ затрудненіи. Но самъ „красный бандитъ“ помогъ ему выпутаться

изъ него. Онъ всегда смотрѣлъ на савойскую династію, какъ на единственную, способную стать во главѣ итальянскаго объединенія и потому, желая избавить правительство отъ лишняго затрудненія, онъ осудилъ себя на добровольное изгнаніе и уѣхалъ въ Нью-Йоркъ. Отказавшись отъ всякихъ правительственныхъ стипендій и не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, онъ живетъ трудами собственныхъ рукъ. Сперва, вмѣстѣ съ другомъ своимъ, генуэзцемъ Меучи, онъ занимается производствомъ свѣчей. Потомъ ему удается получить болѣе соотвѣтствующее его вкусамъ мѣсто—капитана на торговомъ суднѣ *Ла Карменъ*. Съ тѣхъ поръ, въ теченіи четырехъ лѣтъ онъ ведетъ жизнь моряка, посѣщая, между прочимъ, и итальянскія моря, такъ какъ нелѣпные страхи правительства успѣли уже миноваться. Въ 1855 году, прибитый бурей къ острову Мадаленѣ, онъ провелъ здѣсь нѣсколько дней, и тутъ въ первый разъ у него мелькнула мысль утвердиться на крошечномъ сосѣднемъ островкѣ Капрерѣ, очаровавшемъ его своей дикой красотой.

На тѣ нѣсколько десятковъ тысячъ франковъ, которые Гарибальди удалось скопить въ теченіи пяти лѣтъ своихъ плаваній, онъ купилъ продававшуюся часть острова, а впослѣдствіи приобрѣлъ его весь и основалъ на немъ свое царство, живя земледѣліемъ, рыбной ловлей и охотою до тѣхъ поръ, пока старость и ужасная болѣзнь не лишили его возможности владѣть своими членами.

Водвореніе Гарибальди на Капрерѣ имѣло серьезное значеніе. Гарибальди, сторожащій на своемъ утесѣ удобную минуту, чтобъ снова извлечь свой мечъ на освобожденіе Италіи, смѣнилъ Гарибальди неуловимаго и невидимаго, странствующаго по какимъ-то далекимъ морямъ.

Горячія головы со всѣхъ сторонъ начинаютъ осаждать Гарибальди предложеніями поднять инсurreкціонное движеніе то тамъ, то здѣсь. Но въ теченіи цѣлыхъ четырехъ лѣтъ Гарибальди удерживаетъ порывъ своихъ друзей, повторяя безпрестанно: «погодите, еще не время!»

При первомъ извѣстіи объ объявленіи, въ 1859 году, войны, Гарибальди предлагаетъ себя въ безусловное распоряженіе правительства. Но министерство желаетъ воспользоваться популярностью имени Гарибальди, и вмѣстѣ съ тѣмъ, боится его, какъ огня. Напрасно Гарибальди дѣлаетъ все, что только можно, чтобы разсѣять эти страхи. Онъ даже надѣваетъ пьемонтскій генеральскій мундиръ и сбриваетъ бороду, какъ требуетъ форма, чтобы не покировать своимъ видомъ пьемонтскихъ фронтовиковъ. Правительство все-таки боится его и назначаетъ субалтернъ-генераломъ

подъ команду Чіальдини, въ сторонѣ отъ главнаго поля военныхъ дѣйствій.

Виллафранкскій миръ былъ для Гарибальди ударомъ еще болѣе тяжелымъ, чѣмъ для итальянскихъ патриотовъ вообще. Ницца была его родиной. Нужно знать итальянскій муниципальный духъ, пламенную, совершенно исключительную любовь, которую всякій итальянецъ питаетъ къ своему родному городу, чтобы понять все горе Гарибальди. Негодованіе его было такъ велико, что въ парламентѣ онъ потребовалъ отдачи подъ судъ министерства Кавура за измѣну отечеству. Съ этого-то времени между Гарибальди и Кавуромъ начинается непримиримая вражда, которую не могъ потушить даже король своимъ личнымъ вмѣшательствомъ.

IV.

Небывалая съ 48 года агитація началась по всей Италіи. Гарибальди готовъ былъ стать во главѣ возстанія тамъ, гдѣ оно обнаружится сильнѣе, но колебался въ выборѣ. Лично ему хотѣлось всего больше поднять народное движеніе въ самой Ниццѣ, съ цѣлью помѣшать присоединенію ея къ Франціи. Но въ центрѣ результаты казались достижимѣе. Маццини и сициліанскіе революціонеры, во главѣ которыхъ стоялъ Розалино Пило—одна изъ симпатичнѣйшихъ фигуръ всего итальянскаго движенія — настаивали на высадкѣ въ Сицилію, увѣряя, что тамъ все готово къ революціи, и овладѣвъ островомъ, легко овладѣтъ и всѣмъ Неаполитанскимъ королевствомъ. Не желая ограничиться одними словами, Розалино Пило съ нѣсколькими товарищами высадился неподалеку отъ Мессины 12 апрѣля 1860 г. и ушелъ въ горы, наполненные бандами крестьянъ. Палермо и Катанея уже успѣли сдѣлать попытки къ возстанію, которыя, по недостатку руководителей, были подавлены бурбонами. Черезъ капитана судна, высадившаго его на берегъ, Розалино послалъ нѣсколько писемъ своимъ друзьямъ, въ томъ числѣ и Гарибальди. Вотъ какъ рассказываетъ этотъ самый морякъ о своемъ свиданіи съ Гарибальди, на которомъ была рѣшена великая экспедиція.

«Меня представили генералу, который принялъ меня очень ласково. Съ волненіемъ прочелъ онъ адресованное къ нему письмо и сказалъ: «Но какъ-же я читалъ сегодня утромъ въ газетахъ, что въ Сициліи движеніе подавлено окончательно?..»—«Генераль, отвѣчалъ я,—съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ Сицилію, прошло нѣсколько дней; мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы въ такой короткій срокъ бурбонамъ удалось справиться съ движеніемъ. Въ день нашей вы-

садки поднялась Мессина со всѣми окрестностями. Розалино и Корао ушли поднимать крестьянъ въ горахъ. Теперь, генераль, нужно ваше имя и ваша рука, иначе въ Сициліи всѣ будутъ перерѣзаны.

«Онъ скрестилъ на груди руки, устремилъ взглядъ въ землю и, слегка кивая головою, пробормоталъ какъ будто про себя: „Но Франція... но Кавуръ?..“ Нѣсколько минутъ онъ стоялъ въ задумчивости. Мы всѣ молча стояли вокругъ, не спуская съ него глазъ. Наконецъ онъ встрепенулся, съ рѣшительнымъ видомъ поднялъ голову и, обратившись къ одному молодому человѣку, сидѣвшему у стола, спросилъ: «Вы то-же ѣдете?»—«Разумѣется, генераль»—«На сколько-же человѣкъ я могу расчитывать?»—«На три или четыре тысячи!» отвѣчали ему.—«Нѣтъ, нѣтъ... Мнѣ не нужно такой массы. Лучше горсть, но надежныхъ. Больше тысячи мнѣ не нужно... Но хватитъ-ли оружія?»—«На Мальтѣ его много. Нужны только деньги на покушку».—«Сдѣлайте заемъ отъ моего имени!» сказалъ Гарибальди.

Затѣмъ, обратившись ко мнѣ, спросилъ:

— Скажите, гдѣ лучше всего высадиться въ Сициліи?

— Не знаю, генераль, потому что веду торговлю только съ Мессиною. Она-же слишкомъ хорошо укрѣплена. По той-же причинѣ не годится и Палермо. Мнѣ кажется, лучше всего высадиться въ Трапани, потому что тамъ очень маленькій гарнизонъ и, къ тому-же, никуда негодный, а пушекъ почти совсѣмъ нѣтъ.

— Такъ!.. но Трапани окруженъ мелями и подводными камнями.

— Ваша правда, генераль, но съ хорошимъ капитаномъ проплыть легко.

— Конечно, но если за нами будетъ погоня, нужно имѣть возможность высадиться какъ можно скорѣй. Ну, да впрочемъ, объ этомъ я еще посоветуюсь съ Биксіо.

Въ заключеніе Гарибальди сказалъ: „Слушайте, друзья! Мнѣ все равно, если узнаютъ, что мы ѣдемъ. Но сколько насъ будетъ и когда мы двинемся, этого никто не долженъ знать“.

Такъ закончился этотъ коротенькій разговоръ.

Черезъ двадцать дней, 5 мая 1860 г., на двухъ маленькихъ пароходахъ изъ Генуи отправилась та знаменитая „тысяча“, съ которой въ три мѣсяца Гарибальди завоевалъ королевство съ 10 миллионнымъ населеніемъ, крѣпостями, флотомъ, артиллеріей и стотысячной регулярной арміей...

Послѣ нѣсколькихъ рѣшительныхъ побѣдъ надъ неаполитанскими войсками, Гарибальди 17 мая уже былъ хозяиномъ въ Палермо.

Два мѣсяца, проведенные Гарибальди въ Палермо, были посвящены, почти исключительно, организаціи управленія и силъ

острова. Нужно сознаться, что на этомъ поприщѣ Гарибальди сдѣлалъ мало: почти ничего. По своей натурѣ, онъ былъ совершенно не способенъ распутаться въ той массѣ интригъ, которыми онъ былъ опутанъ съ перваго дня своего вступленія въ Палермо. Неумолимымъ инициаторомъ всѣхъ этихъ интригъ былъ никто иной, какъ графъ Кавуръ, съ которымъ Гарибальди находился въ явно враждебныхъ отношеніяхъ послѣ вилафранкского мира. Пьемонтскій премьеръ желалъ, разумѣется, увеличить владѣнія савойскаго дома, но онъ придерживался политики, которую итальянцы остроумно назвали политикой *артишока*. Ему хотѣлось скушать Италію, но по немножку, листикъ за листикомъ, какъ артишокъ, и, притомъ, деликатнымъ и мягкимъ путемъ дипломатическихъ эволюцій, въ которыхъ онъ былъ такой мастеръ,—а не революціонныхъ взрывовъ. Поэтому Кавуръ не останавливался ни передъ чѣмъ, чтобы остановить Гарибальди на полдорогѣ, лишить его возможности перенести войну на материкъ. Самымъ простымъ средствомъ для этого было добиться немедленнаго присоединенія острова къ владѣніямъ пьемонтскаго короля. Написанное подѣ диктовку Кавура письмо самого Виктора Эммануила не оставляло никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ. Гарибальди скромно, но твердо отказался исполнить даже «совѣтъ» короля. Но Кавура сбить съ позиціи было не такъ легко. Онъ наводнилъ Сицилію и Палермо своими агентами, сманилъ на свою сторону многихъ изъ лучшихъ друзей и сподвижниковъ Гарибальди, какъ, на примѣръ, генераловъ Медичи, Тюра, Козенца, Сартори и даже стараго патріота, маркиза Палавичино, шпильбергскаго мученика—президента „Національнаго союза“. Всѣ они, на разные лады и тоны, осаждали диктатора требованіями немедленнаго присоединенія, увѣряя, что того хочетъ народъ, что это только усилитъ революцію, давъ пьемонтскому правительству возможность оказать ей болѣе дѣйствительное содѣйствіе. Гарибальди, какъ всѣ люди, безусловно прямодушные, вѣрилъ правдивости другихъ. Какъ человѣкъ совѣсти по преимуществу, онъ придавалъ значеніе не столько аргументамъ, сколько искренности и добросовѣстности говорившаго: онъ довѣрялъ больше человѣку, чѣмъ его діалектикѣ. Кромѣ того, самая мягкость и гуманность его натуры мѣшали ему быть хорошимъ политикомъ, такъ какъ здѣсь нужно именно умѣть топтать убѣжденія и личности самыхъ близкихъ людей, разъ они становятся поперечъ дороги къ достиженію извѣстныхъ цѣлей. Вотъ почему, обладая молніеносной рѣшительностью на полѣ битвы, Гарибальди колебался то въ ту, то въ другую сторону въ политикѣ.

„Бассо, говорилъ онъ своему секретарю,—возьмите перо и пишите“... Онъ начиналъ диктовать:

«*Любезный Депретисъ* (глава кабинета въ то время и сторонникъ

Кавура) предлагаю вам совершить присоединение, когда найдете нужным...

— Генераль! воскликнул только-что вошедшій Бертани... Генераль, вы отрываетесь от своего дѣла.

— Какъ такъ? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Вы подкашиваете въ корнѣ итальянскую революцію, вы отказываетесь отъ выполненія своей программы. Сицилія—громадный источникъ силъ, тѣмъ болѣе необходимыхъ для васъ, что вы еще не вступили въ Неаполь...

Гаривальди съ прежнимъ удивленіемъ смотрѣлъ то на Бертани, то на Бассо, сидѣвшаго съ поднятымъ перомъ въ рукѣ.

— Но вотъ они,—сказалъ онъ, наконецъ, указывая на Тюра, Кюзенца и Піолу,—увѣряютъ меня, что отъ этого мы только выиграемъ.

Тюръ и его товарищи энергично киваютъ головой, въ знакъ согласія.

Бертани начинаетъ доказывать, что *больше* того, что дастъ страна, не дадутъ кавуровскіе чиновники; указываетъ на всѣ огромныя средства, которыми Гаривальди можетъ располагать; разоблачаетъ козни и интриги „дипломатической“ партіи.

— Ваша правда, говоритъ Гаривальди и, обращаясь къ своему секретарю, сидѣвшему все это время съ перомъ наготовѣ, прибавляетъ:—Бассо разорвите письмо! И, затѣмъ, диктуетъ:

«Любезный Депретистъ, что касается присоединенія, то Бонапартъ можетъ подождать еще нѣсколько дней...»

Сцена эта, заимствованная нами изъ недавно вышедшей книги Джесси Уайтъ, была рассказана намъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, почти въ такомъ-же точно видѣ, однимъ изъ гаривальдійскихъ офицеровъ, Ч. Чекарелли, присутствовавшимъ при ней. Она не требуетъ комментариевъ.

Все драгоценное время Гаривальди уходило на эту мелочную, надоедливую борьбу съ кавуровскими интригами и происками. Иногда они доводили его до такого отчаянія, что онъ восклицалъ: „Да пусть они возьмутъ себѣ островъ и дадутъ мнѣ только возможность переправиться черезъ проливъ!“

Вотъ почему, когда въ ночь съ 18 на 19 августа, почти въ виду совершенно деморализованнаго неаполитанскаго флота, онъ перенесся на континентъ, у него, попрежнему, была горсть героевъ, а не армія въ 50—100 тысячъ человекъ, которую онъ могъ бы имѣть, организовавъ всѣхъ, способныхъ носить оружіе, сициліанцевъ.

Путь диктатора отъ Реджіо до Неаполя представляетъ одно вели-

колѣпное, триумфальное шествіе. Пространство отъ южнаго побережья до столицы было полно войскъ, численностью до 40 тысячъ, которыя, опираясь на крѣпости, были расположены корпусами отъ 5 до 10 тысячъ, подъ на чальствомъ старыхъ генераловъ и фельдмаршаловъ. Но въ *три недѣли* всѣ эти силы исчезли, испарились, уничтожились, точно по мановенію волшебнаго жезла. Гарибальди нигдѣ не встрѣчалъ сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія. Всеобщее возстаніе всѣхъ окрестныхъ мѣстностей; паническій страхъ, внушаемый однимъ именемъ Гарибальди; постоянная неувѣренность въ тылѣ, флагахъ путяхъ сообщенія, которыя ежеминутно могли быть перерѣзаны инсургентами; опасенія: у солдатъ—измѣны начальниковъ, у начальниковъ—измѣны солдатъ, и у тѣхъ, и у другихъ—измѣны чиновниковъ—все это поселило въ войскахъ такую деморализацію, что они разбѣгались, бросали оружіе, сдавались массами при одномъ сверканіи его шпаги, подтверждая еще разъ истину, что, при народныхъ революціяхъ, регулярное войско послѣ первыхъ поражений теряетъ рѣшительно всякое значеніе.

7-го сентября, Гарибальди съ десятью человекъ свиты пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Неаполь и въ открытой коляскѣ совершилъ свой торжественный вѣздъ въ столицу завоеваннаго имъ королевства, хотя цитадель была во власти Бурбоновъ и въ казармахъ оставалось еще 14 тысячъ солдатъ, которые, видя проѣзжающаго Гарибальди, ошеломленные, отдали ему военную честь.

Невозможно описать восторга полумилліонной толпы, тѣснившейся на пути диктатора. Въ теченіе десяти часовъ, народъ стоялъ подъ окнами дворца д'Ангри и не могъ достаточно насмотрѣться на своего героя, заставляя его криками выходить, отъ времени до времени, на балконы. Когда-же на немъ появился Фра-Пантелео и сказалъ, что Гарибальди усталъ и легъ спать, оглушительные крики смѣнились вдругъ мертвой тишиной и толпа разошлась *на цыпочкахъ* и, по рассказамъ свидѣтелей, во всемъ громадномъ городѣ, даже въ самыхъ отдаленныхъ кварталахъ его, народъ говорилъ не иначе, такъ шепотомъ, останавливая крикуновъ словами: «Спитъ, онъ спитъ!»

Но куда-же дѣвался король?

Онъ бѣжалъ въ Гаэту, вмѣстѣ съ 70 тысячами лучшаго войска—съ гвардіей и нѣмецкими полками.

У Санта-Марія, на берегахъ Волтурна, и произошла 2-го октября послѣдняя битва Гарибальди, рѣшившая безповоротно участь бурбонской монархіи,—единственная, гдѣ бурбонская армія дралась съ упорствомъ и ожесточеніемъ, одушевленная личнымъ присутствіемъ короля. Бурбонская династія перестала царствовать. Вмѣстѣ съ

тѣмъ, закончилась и самая блестящая изъ главъ гарибальдѣйской эпохи.

«Если мы не займемъ Римской области раньше Гарибальди, мы погибъ: революція охватитъ центральную Италію. Мы вынуждены дѣйствовать». Такъ писалъ Кавуръ еще 10 сентября Фаринѣ. И дѣйствительно, медлить было невозможно. Гарибальди уже собирался идти на Римъ. Монархія, въ самомъ лучшемъ случаѣ, была-бы всѣмъ обязана великодушію «ницскаго юнга». Но кто могъ поручиться, что, взявши Римъ, можетъ быть—Венецію, Гарибальди не найдетъ, что такіе подарки слишкомъ щедры даже съ его стороны?

Подъ вліяніемъ такихъ-то соображеній, пьемонтское правительство рѣшилось на самый смѣлый шагъ, къ которому только было способно: послушаться Наполеона, и двинуло войска противъ покровительствуемаго имъ папы. Ничтожная папская армія была, конечно, разсѣяна пьемонтцами, перешедшими неаполитанскую границу вскорѣ послѣ волтурнской битвы.

По донесеніямъ тайныхъ агентовъ Кавура, Гарибальди искренно радовался каждому извѣстію о побѣдахъ королевскихъ войскъ. Онъ согласился даже на плебисцитъ, высказавшійся огромнымъ большинствомъ въ пользу савойскаго дома. Но первая встрѣча съ королемъ разомъ показала Гарибальди, какъ неосновательны его надежды на совмѣстное дѣйствіе противъ общаго врага.

«Наша пѣсенка спѣта: мы теперь въ хвостѣ!» грустно говорилъ онъ въ тотъ-же вечеръ.

И Гарибальди долженъ былъ остановиться; силы его были слишкомъ ничтожны. Онъ самъ упустилъ случай сдѣлать ихъ громадными.

5-го ноября король торжественно вступилъ, въ сопровожденіи Гарибальди, въ Неаполь; 7-го числа Гарибальди уѣхалъ на Капреру, сказавъ своимъ войскамъ, что они свидятся въ Римѣ.

V.

Въ 1862 году Гарибальди задумалъ докончить то, чего онъ не додѣлалъ въ 1860. Ни съ кѣмъ, по обыкновенію, не совѣтуясь, онъ неожиданно явился въ Палермо, гдѣ былъ губернаторомъ его другъ Палавичино, и снова кликнулъ кличъ по всей Италіи. Со всѣхъ сторонъ стали стекаться къ нему старые боевые товарищи. Онъ собирался переправиться съ ними по ту сторону пролива и старою дорогою идти изъ Реджіо уже на самый Римъ, собирая по пути волонтеровъ. Однимъ словомъ, Гарибальди хотѣлъ повторить

экспедицію 60-го года, придѣлавъ къ ней лишь заключительное дѣйствіе. Но было уже поздно: исторія—не книжка, которую можно закрыть, заложивъ закладкой на какой угодно страницѣ, чтобы на досугѣ продолжать чтеніе дальше. Попытка была осуждена на неудачу съ самаго начала.

Правительство, какъ и слѣдовало ожидать, въ угоду Наполеону, издало манифестъ противъ „преждевременныхъ и сумасбродныхъ предпріятій“ и приказало маркизу Палавичино, во что-бы то ни стало, остановить движеніе и, въ случаѣ нужды, арестовать самого Гарибальди. Старый шпильбергскій узникъ съ негодованіемъ отказался исполнить такое приказаніе и подалъ въ отставку. Да едва-ли кто-нибудь другой согласился-бы на такой дерзкій поступокъ. Гарибальди въ Сициліи, въ 62 году, тотчасъ-же сталъ такимъ-же полновластнымъ диктаторомъ, какъ и въ 1860. Пьемонтское владычество, отъ котораго послѣ революціи ждали всѣхъ благъ земныхъ, разумѣется, жестоко разочаровало надежды—простого народа въ особенности—такъ какъ, кромѣ увеличенія налоговъ, оно ничего не дало. Вотъ почему, лишь только Гарибальди вступилъ въ Палермо, правительство Виктора-Эммануила сдѣлалось такъ-же непопулярнымъ, какъ неаполитанское, два года тому назадъ. Принцъ Гумбертъ, пріѣхавшій въ это время въ Сицилію для открытія національнаго тира, былъ встрѣченъ такъ враждебно, что тотчасъ-же уѣхалъ назадъ, вмѣстѣ съ Маргаритой. Одного слова Гарибальди было достаточно, чтобы отдѣлить Сицилію или начать новую революцію. Но онъ этого не хотѣлъ и, ведя свой трехтысячный отрядъ къ проливу, строго наказалъ ни въ какомъ случаѣ не завязывать битвы съ правительственными войсками. Близъ Катаніи на него двинулись двѣ сильныя колонны, подъ начальствомъ генераловъ Мелли и Рикотти. Гарибальди остановилъ свой отрядъ и, приказавъ разрядить даже ружья, одинъ пошелъ на встрѣчу войску. Окруженный тотчасъ-же солдатами, онъ сталъ говорить имъ, что всѣ итальянцы должны бороться въ союзѣ противъ общаго врага, а не убивать другъ друга, и приглашалъ не повиноваться начальникамъ, если-бы тѣ приказали имъ стрѣлять въ братьевъ. Затѣмъ, онъ спокойно вернулся къ своимъ и никто не посмѣлъ остановить его. Генералы не рѣшились больше ничего предпринять противъ Гарибальди. Онъ вошелъ въ Катанію, гдѣ былъ встрѣченъ съ такимъ энтузіазмомъ, что префектъ и комендантъ, съ перепугу, убѣжали на королевскій фрегатъ, стоявшій въ гавани.

Гарибальди переправился на континентъ безъ всякаго препятствія со стороны королевскаго флота, крейсеровавшаго въ этихъ водахъ. Послѣ долгаго и утомительнаго марша, онъ расположился лагеремъ на вершинѣ горы Аспромонте, которой суждено было по-

лучить такую печальную известность. Войсками, сосредоточенными в этой провинции, командовал генерал Чіальдини, злѣйшій личный врагъ Гарibaldi, выславшій противъ него полковника Палавичино (однофамильца палермскаго губернатора) съ самыми категорическими инструкціями. Подойдя къ тому мѣсту, гдѣ стояли гарибальдійцы, Палавичино расположилъ свои войска къ бою и, выславъ впередъ стрѣлковъ Эбергарда, приказалъ начать палбу.

— Не отвѣчать! командовалъ Гарibaldi, слышавъ первые выстрѣлы. Да здравствуетъ Италия! громко крикнулъ онъ и, выступивъ впередъ, остановился и повернулся грудью къ пулямъ, обводя взглядомъ непріятельскую цѣпь. Войска, между тѣмъ, хотя нерѣшительно и изрѣдка, но продолжали стрѣлять. Волонтеры, дрожа отъ негодованія, неподвижно стояли подъ выстрѣлами. Только Менотти, видя, что пуля задѣла лѣвую руку отца, не выдержалъ и рассыпалъ свой батальонъ. Его примѣру послѣдовалъ сициліанецъ Корао. Но вдругъ Гарibaldi зашатался, послалъ поклонъ по направленію къ стрѣлявшимъ въ него войскамъ и съ крикомъ: «Viva l'Italia!» упалъ на руки Энриго Кайроли и Нулло: онъ получилъ самую тяжелую изъ десяти ранъ, найденныхъ на его тѣлѣ послѣ смерти— въ лодыжку правой ноги. Въ одно мгновеніе вѣсть о томъ, что Гарibaldi раненъ, облетѣла оба лагеря. Въ первую минуту всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса и удивленія. Огонь прекратился самъ собой. Потомъ начались взаимные попреки, крики и общія проклятія тѣмъ, кто приказалъ эту братоубійственную войну. Плакали друзья и враги. Полковникъ Палавичино одинъ, съ непокрытой головой подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Гарibaldi и, опустившись на колѣни передъ раненымъ, сталъ умолять его сдаться, потому что отъ Чіальдини онъ получилъ предписаніе сражаться противъ него, а не вести переговоры.

Гарibaldi сдался. Такъ окончилась эта несчастная попытка.

Аспромонтская рана имѣла самыя роковыя послѣдствія въ жизни Гарibaldi; онъ утратилъ навсегда способность свободно двигаться, онъ сдѣлался калѣжкой, вѣчно нуждающимся въ постороннихъ заботахъ.

Но поэтъ Кардуччи былъ правъ, восклицая въ своемъ «Аспромонте».

Необѣдннй, ты палъ, но ты побѣдилъ своимъ паденіемъ!..

Никогда фигура героя не являлась такой чистой и трогательной, какъ на этомъ утесѣ, обогренномъ его кровью. Съ этой поры эпитетъ: «аспромонтскій раненый» (il feritodi Aspromonte) становится самымъ любимымъ, самымъ теплымъ и задушевнымъ привѣтомъ герою, заслоняя собою столько другихъ, гораздо болѣе громкихъ, потому что здѣсь къ подвигу присоединилось страданіе.

Когда, въ ноябрѣ 1866 года, онъ совершилъ свой небывалый триумфальный въѣздъ въ Лондонъ, такъ художественно описанный Искандеромъ, его привѣтствовали этимъ именемъ не только сотни тысячъ рабочихъ, но даже лондонскіе альдермены въ своемъ горячемъ прочувствованномъ адресѣ.

Когда началась извѣстная австро-прусская кампанія, Гарибальди снова предлагаетъ себя въ безусловное распоряженіе того самого правительства, которое, въ благодарность за подарокъ королевства, слѣдало его калѣкой. Опасаясь его вліянія, они, какъ и въ 1859 году, назначаютъ ему совершенно второстепенную роль и второстепенный районъ дѣйствія, создаютъ массу мелкихъ препятствій, всячески затрудняютъ вербовку волонтеровъ, такъ что къ нему не попало и четверти желающихъ. Все это Гарибальди перенесъ безропотно. Мало того, онъ, бывшій диктаторъ могущественнаго королевства, побѣдитель въ сотнѣ битвъ, соглашается подчиниться тупому педанту Ла-Марморѣ, прозванному генераломъ пораженій. Однако, не смотря на всѣ препятствія, Гарибальди одерживаетъ цѣлый рядъ побѣдъ; въ то время, какъ Чіальдини и Ла-Мармора отступали повсюду, Гарибальди овладѣваетъ всѣмъ итальянскимъ Тиролемъ. Но двадцать пятаго іюля, какъ разъ на другой день послѣ кровопролитной битвы у форта Лардаро, стоившей итальянцамъ около 1,500 человекъ убитыми и ранеными окончившейся полнымъ пораженіемъ австрійцевъ, признавшихъ невозможнымъ держаться долѣе въ итальянскомъ Тиролѣ,—на другой день послѣ этой битвы Гарибальди получилъ телеграмму: «Перемиріе подписано. Очистите Тироль».

Внѣ себя отъ бѣшенства, онъ переломилъ шпагу и телеграфировалъ только одно слово: «Повинуюсь».

Не станемъ описывать гарибальдійскую кампанію 1870 года. Имѣя подъ своимъ начальствомъ всего нѣсколько тысячъ плохо вооруженныхъ франц-тиреровъ и такихъ противниковъ, какъ пруссаки, онъ нигдѣ, быть можетъ, не обнаружилъ въ такой степени талантовъ замѣчательнаго полководца. Но все таки, это былъ не болѣе, какъ блестящій, но совершенно бесплодный турниръ. Любопытно, однако, привести сужденіе о Гарибальди самихъ пруссаковъ.

Генералъ Мантейфель, одинъ изъ видныхъ дѣятелей нѣмецкаго генеральнаго штаба, въ своей исторіи франко-прусской кампаніи заканчиваетъ рассказъ о военныхъ дѣйствіяхъ между Долемъ и Отуномъ слѣдующими словами: «Тактика генерала Гарибальди отличается преимущественно необыкновенной быстротой движеній, искуснымъ расположеніемъ войскъ во время предварительной стрѣльбы и энер-

гтей и стремительностью атаки, при чемъ, однако, онъ ни на минуту не забываетъ объектива сраженія... Хотя побѣды Гарибальди были частными успѣхами, не имѣвшими послѣдствій, но если-бы генераль Бурбаки (смѣнившій Камбриола) дѣйствовалъ сообразно его совѣтамъ, вогезская кампанія была бы самой счастливой для французовъ въ теченіи всей войны 1870—71 года. Самолюбіе французскаго генерала избавило насъ отъ большихъ затрудненій».

VI.

Въ первые-же мѣсяцы послѣ возвращенія на родину, Гарибальди пришлось снова вступить въ бой, но уже совершенно иного рода: мы говоримъ объ его ожесточенной полемикѣ съ Маццини и его друзьями по поводу парижской коммуны и интернационала, на которой нельзя не остановиться, такъ какъ она прекрасно характеризуетъ обоихъ этихъ людей.

Естественнымъ поводомъ къ этой полемикѣ послужили трагическіе факты кровавой недѣли. Жгучій самъ по себѣ, вопросъ этотъ еще болѣе обострился тѣмъ, что какъ разъ въ это время въ Италіи были основаны первыя интернаціональныя секціи, разраставшіяся съ чрезвычайной быстротой.

Маццини ополчился со всей страстностью своего пророческаго краснорѣчія противъ новыхъ доктринъ, оставившихъ такъ далеко за собою его республику, единую и нераздѣльную. Онъ предалъ безпощадной анафемѣ социализмъ и социалистовъ и заявлялъ, что «предпочель-бы возстановленіе австрійскаго владычества распространенію въ Италіи этихъ лживыхъ и зловредныхъ идей». Аурелио Саффи, Квадріо, Маріо, Палавичино, Петрони высказывались въ томъ-же духѣ.

«Интернаціональ — солнце будущаго», отвѣтилъ на это Гарибальди въ одномъ изъ своихъ писемъ. «Кто далъ вамъ право, говоритъ онъ, бросать грязью въ павшихъ? Вы предаете Парижъ анафемѣ, но за что? За то, что онъ разрушилъ домикъ Тьера? За то, что опрокинулъ вандомскую колонну? А видѣли-ли вы когда-нибудь, какъ пруссаки выжигали до тла цѣлыя деревни за то, что въ нихъ дали убѣжище одному франтирѣру? Но эти франтирѣры были поставлены внѣ закона, скажутъ мнѣ. Они не носили эпюлетъ, не защищали святаго дѣла королей или Бога, а лишь незаконное и воспрещенное имъ дѣло отечества. Парижане употребляли для пожара петроль, но я позволю себѣ спросить, какая разница между зажженнымъ петролемъ, и тѣмъ, огнемъ, который австрійцы употребляли для истребленія ломбард-

скихъ и венеціанскихъ деревень, проникнутыхъ святотатственнымъ желаніемъ единой и свободной Италіи?»..

Такимъ образомъ, голосъ совѣсти, возмущающійся противъ огульнаго обвиненія массы людей, воспоминанія о страданіяхъ и о несправедливостяхъ, которыя ему самому пришлось видѣть на родинѣ, и, въ особенности, сердечная любовь къ всегда унижаемому, оклеветанному народу, заставляютъ его угадывать страданія другого народа и извинять его крайности—и вотъ, онъ становится защитникомъ побѣжденныхъ.

Въ этомъ случаѣ яснѣе, чѣмъ когда бы то нибыло, обнаруживается разница между человѣкомъ чувства, любви къ людямъ, какимъ былъ Гарибальди, и человѣкомъ доктрины, какимъ былъ Маццини. Гарибальди былъ неспособенъ, подобно генуэзскому пророку, создавъ извѣстную политико-философскую доктрину, проводить ее въ жизнь съ энергіей и послѣдовательностью фанатика. Поэтому, въ области духовнаго развитія націи онъ не могъ имѣть такого могучаго вліянія, какъ его пламенный соперникъ Но за то это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые никогда не даютъ жизни опередить себя, никогда не могутъ сдѣлаться тормазами ея дальнѣйшаго развитія. Они всегда стоятъ въ рядахъ передовыхъ бойцовъ прогресса, потому что, любя людей непосредственно, а не черезъ посредство доктрины, они угадываютъ, что всего ближе и непосредственнѣе ведетъ къ человѣческому счастью.

Однимъ изъ наиболѣе цѣльныхъ представителей этого, въ высшей степени рѣдкаго среди общественныхъ дѣятелей типа, былъ Гарибальди. До послѣднихъ дней своей жизни сохранилъ онъ чуткость и свѣжесть души.

Но эта молодость сердца не могла уже дать ему возможность вмѣшаться въ кипучую жизнь, куда влекло его съ неудержимой силой. Нѣсколько разъ упорная воля торжествовала надъ физической немощью, но эти побѣды духа становились съ каждымъ годомъ все труднѣе и рѣже. Безпощадная болѣзнь, развившаяся съ особенной силой въ послѣдніе годы, вскорѣ окончательно лишила его возможности двигаться. Руки его заоченѣли, такъ что каждая написанная строчка стоила ему болѣзненныхъ усилій. Ноги совершенно отнялись. Однако, втеченіи всего послѣдняго десятилѣтія не было событія въ Италіи, на которое не откликнулся-бы Гарибальди. Нѣсколько разъ, преодолевая жестокія страданія, онъ собиралъ послѣднія силы и являлся на континентъ, чтобы принять непосредственное участіе то въ агитаціи *Italia irridente*, то въ открытіи памятника погибшимъ при Ментанѣ, то, наконецъ, въ празднованіи годовщины сицилійскихъ вечереень.

Опускаемъ эти поѣздки и вообще всю дѣятельность Гарибаль-

ди за послѣднее время, какъ имѣющую интересъ только для Италіи, и въ заключеніе приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ воспоминаніи его близкой пріятельницы Джесси Уайтъ, чтобы пополнить нѣкоторыя стороны его личной фізіономіи, которыхъ, по обилію событій въ его бурной жизни, намъ вовсе не приходилось коснуться.

VII.

«Весной 1855 года, я въ первый разъ пріѣхала въ Италію по приглашенію баронессы Эммы, моей большой пріятельницы, жившей въ Ниццѣ, женщины рѣдкой красоты и еще болѣе рѣдкаго ума и талантовъ. Первый итальянецъ, котораго она представила мнѣ, былъ ея женихъ Джузеппе Гарibaldi. Впослѣдствіи бракъ этотъ разстроился.

«На первый разъ онъ показался мнѣ простымъ и предупредительнымъ джентльменомъ, скупымъ на слова и даже нелюдимымъ. Потомъ мы познакомились ближе и разговорились... Замѣтивъ, что я очень интересуюсь его золотой Италіей, этимъ раемъ всѣхъ изгнанниковъ, какъ называлъ ее Шелли, онъ сталъ излагать мнѣ прошлое молодой патриотической партіи и ея надежды на будущее. Впослѣдствіи я сама посѣтила Римъ и осматривала поля битвъ 49-го года, но и тамъ не понимала я такъ хорошо всѣхъ перипетій и эпизодовъ этихъ достопамятныхъ битвъ, какъ во время нашихъ прогулокъ по морскому берегу, когда палкой или шомполомъ ружья онъ рисовалъ на пескѣ позиціи осажденныхъ и осаждающихъ, припоминая имена всѣхъ убитыхъ и рассказывая подвиги особаго мужества въ этой войнѣ, гдѣ всѣ были героями».

«Нужно было видѣть, съ какимъ терпѣніемъ возился онъ съ маленькимъ неугомоннымъ Риччіоти, который визжалъ, какъ поросенокъ, когда отецъ купалъ его подъ помпой и требовалъ, чтобы тотъ постоянно носилъ его на плечахъ (такъ какъ мальчикъ страдалъ англійской болѣзнью), а во время уроковъ чистописанія ни за что не хотѣлъ сидѣть смиренно и выводить чернилами буквы, которыя отецъ писалъ ему карандашомъ. Менотти учился въ то время въ ницской военной коллегіи, куда уходилъ по утрамъ. Терезина жила въ семьѣ Дейдера, большого друга Гарibaldi, и не проходило дня, чтобы отецъ не навѣстилъ ее».

Однако, ни заботы о семьѣ, ни рѣшимость выжидать событій не ослабляли въ Гарibaldi готовности принять личное участіе даже въ незначительныхъ предпріятіяхъ патриотической партіи. Такъ, однажды друзья его задумали сдѣлать попытку освободить доктора Рипари, арестованнаго послѣ римской кампаніи и заключеннаго въ

фортъ-Санъ-Микеле. Увѣдомленный о затѣваемой попыткѣ, Гарибальди тотчасъ-же отвѣтилъ: «готовъ»!. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ попыткѣ освободить Сеттембрили и товарищей изъ Санъ-Стефанскаго острога.—Такимъ образомъ, гордый и прекрасный девизъ: *Alte imprese non temo e l'umili non sprezzo* (Великихъ подвиговъ не пугаюсь и скромными не брезгаю) былъ у него не одной фразой.

«Гарибальди вставалъ всегда съ зарею, продолжаетъ Джесси Уайтъ,—и отправлялся на охоту вмѣстѣ съ Бассо. Обѣдалъ въ полдень; вечеромъ приходилъ къ своей невѣстѣ. Такъ какъ она была замѣчательная пьянистка, то не проходило вечера безъ музыки. Но я замѣтила, что Гарибальди не любилъ фортепіано и слушалъ съ удовольствіемъ только гимнъ Мамели. Классическая музыка наскучала ему. Очень часто онъ игралъ въ шашки. О шахматахъ онъ не хотѣлъ слышать, говоря, что нужно больше времени для того, чтобы хорошо играть въ шахматы, чѣмъ для того, чтобы сдѣлаться хорошимъ генераломъ. Но въ шашки онъ игралъ безподобно, такъ что никогда и никто не могъ обыграть его.

«У своей невѣсты онъ никогда не обѣдалъ, потому что терпѣть не могъ церемонной англійской обстановки. Приглашенный однажды, по случаю какого-то торжества, онъ совершенно забылъ объ обѣдѣ, и когда пошли искать его, то застали играющимъ въ мячъ съ нѣсколькими матросами. Онъ былъ въ рубашкѣ, съ засученными рукавами, и ни о чемъ, казалось, не думалъ, кромѣ выигрыша партіи.

„Когда нѣсколько мѣсяцевъ спустя, уже по возвращеніи нашемъ въ Англію, Гарибальди пріѣхалъ погостить въ семьѣ своей аристократической невѣсты, то не выдержалъ и нѣсколькихъ дней и убѣжалъ изъ дому. Съ маленькимъ чемоданчикомъ подъ мышкой, ведя за руку Риччиоти, онъ совершенно неожиданно явился къ намъ въ Портсмуть и на мои удивленные разспросы воскликнулъ: «Помилуйте, развѣ это возможно? На каждомъ шагу лакей: позвольте я за васъ все сдѣлаю! Три часа сиди за столомъ... Ни минуты свободы! Мѣсяцъ такой жизни уложилъ-бы меня въ гробъ».

Однажды, когда графъ Бельтрами, крупный замлеводѣлецъ Сардиніи, устроилъ въ день его пріѣзда великолѣпную охоту на кабановъ, и толпа крестьянъ сосѣднихъ деревень въ своихъ живописныхъ арабскихъ костюмахъ, сохранившихся до настоящаго времени, съ длинными винтовками съ серебрянной насѣчкой въ рукахъ, скакали по всѣмъ направленіямъ на маленькихъ быстрыхъ, какъ вѣтеръ, коняхъ, глаза Гарибальди, отдыхавшаго подъ апельсиннымъ деревомъ, разгорѣлись и, обращаясь ко мнѣ, онъ воскликнулъ: «Ахъ насколько эта жизнь лучше вашей цивилизаціи съ этими вечерами и собраніями, гдѣ приходится говорить и слушать столько

вздору! Моя мечта—провести остатокъ дней въ пустынѣ! Черезъ нѣсколько времени онъ осуществилъ свою мечту, поселившись на Капрерѣ.

«Гарibaldi, продолжаетъ Джесси Уайтъ,—совершенно не понималъ шутки и былъ чрезвычайно чувствителенъ къ насмѣшкамъ. Подобно многимъ итальянцамъ, онъ имѣлъ привычку очень часто повторять одну и ту-же фразу. Говоря съ нами почти всегда по французски, онъ непрерывно вставлялъ: «C'est un fait, c'est singulier». Однажды, я шутя повторила ему эту фразу. Онъ весь вспыхнулъ и выбѣжалъ изъ комнаты, а потомъ цѣлый день не разговаривалъ со мной; но съ этихъ поръ я уже не слыхала отъ него этого ритуурнеля. Въ первое время мы часто ссорились, какъ потому, что я замѣчала ему, что его невѣста заслуживаетъ бѣльшаго вниманія съ его стороны, такъ и потому, что я позволяла себѣ высказывать мнѣнiе, что Маццини безусловно величайшiй изъ людей современной эпохи.

— Если-бы вы были мужчиной, я-бы васъ убилъ, сказалъ онъ мнѣ однажды, смѣясь.

Однако мы всегда мирились скоро и онъ по прежнему становился добръ ко мнѣ».

Отмѣтимъ еще одну черту изъ тѣхъ-же воспоминанiй:

«Вскорѣ послѣ своего неожиданнаго прiѣзда въ Портсмутъ онъ поручилъ мнѣ отвезти Риччиоти къ какому-нибудь изъ лучшихъ ортопедистовъ Лондона. Я уѣхала и нѣсколько недѣль не показывалась домой. По возвращенiи я была просто поражена, до какой степени Гарibaldi, въ такой короткiй срокъ, успѣлъ очаровать рѣшительно всѣхъ, кто только ни сталкивался съ нимъ: рабочихъ на докахъ, прислугу, братьевъ и даже моего отца, иконоборца самой чистой воды. Будучи человѣкомъ самаго крайняго образа мыслей какъ въ политикѣ такъ и въ религiи, онъ утверждалъ, что послѣ Кромвеля въ Англiи не было больше ни одного великаго человѣка. И, тѣмъ не менѣе, этотъ иностранецъ до такой степени обворожилъ, околдовалъ его, что онъ былъ буквально у его ногъ и чуть не молился на него».

Это непреодолимое обаянiе личности Гарibaldi составляетъ одну изъ наиболѣе характерныхъ его особенностей. Едва-ли существовалъ когда-нибудь человѣкъ, имѣвшiй столько поклонниковъ, обожателей, друзей и, при томъ, изъ всевозможныхъ классовъ, начиная съ полудикихъ американскихъ волонтеровъ и его ординарца и секретаря Бассо, который никогда его не покидалъ и ходилъ за нимъ повсюду, какъ собака, и кончая извѣстнымъ философомъ и экономистомъ Карломъ Катанео, который любилъ его, какъ женщина, не могъ не смотрѣться на него, приходилъ въ восторгъ отъ его улыбки, уры-

валь минуты отъ своихъ ученыхъ трудовъ, чтобы повидаться съ нимъ и подь Неаполемъ, во время приготовленій къ Волтурискской битвѣ, цѣлые дни просиживалъ на передовыхъ постахъ, гдѣ находился Гарибальди и, покуривая сигару, подь пулями писалъ свои статейки въ «Politecnico».

Разумѣется такая способность приковывать къ себѣ сердца объясняется всей совокупностью свойствъ этой богатой, широкой и высоко оригинальной натуры. Но едва-ли не важнѣйшую роль играть въ этомъ случаѣ привязчивость, сердечность самого Гарибальди. *Amor d'amor si paga*—(за любовь платится любовью) говаривалъ часто онъ самъ.

Одинъ русскій писатель, въ своемъ біографическомъ очеркѣ Чаадаева («Вѣстникъ Европы») замѣчая, что его герой былъ черствымъ эгоистомъ, прибавляетъ, что таковъ, повидимому, удѣлъ всѣхъ великихъ людей; привыкнувъ съ дѣтства быть окруженными атмосферой почтительнаго удивленія, они, естественно, начинаютъ считать себя центромъ вселенной и требуютъ чтобы все окружающее приносилось имъ въ жертву. Къ сожалѣнію, нельзя не согласиться со справедливостью мнѣнія почтеннаго автора. Но несомнѣнно, что Гарибальди составляетъ исключеніе изъ этого правила; въ немъ именно поражаетъ теплота души, сила и прочность сердечныхъ привязанностей, которую онъ сохранилъ до сѣдыхъ волосъ. Достаточно вспомнить лишь задушевные, восторженные мѣста его мемуаровъ и романовъ, гдѣ, уже старикомъ, онъ возвращается къ воспоминаніямъ о своихъ погибшихъ друзьяхъ или лучше, названныхъ братьяхъ, трогательное мѣсто его завѣщанія, гдѣ онъ вспоминаетъ о своихъ малюткахъ; достаточно прочесть его письма къ друзьямъ и, между прочимъ, недавно открытыя къ Маццини, писанныя въ 49 г. до размовки. Достаточно послушать рассказы всѣхъ людей, близко знавшихъ его.

Очеркъ нашъ былъ-бы слишкомъ неполонъ, если-бы мы не сказали двухъ словъ о Гарибальди, какъ писателѣ. Кромѣ своихъ мемуаровъ и довольно большого количества стиховъ, онъ написалъ три полуромана, которые, впрочемъ, съ точки зрѣнія художественной, не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Но они интересны для насъ потому, что освѣщаютъ новую сторону этого оригинальнаго характера.

Читая эти неправильныя, порывистыя импровизаціи (такъ какъ онъ пишетъ, почти импровизируя, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя изъ видѣнныхъ нами рукописей), невольно поражаетесь одною вещью: необыкновенной силой поэтическаго вдохновенія при полномъ от-

существом поэтического таланта. Сильная, горячая лирика, самое поэтическое отношеніе къ природѣ, къ людямъ, къ событіямъ,— но ни малѣйшей пластичности. Видна натура въ высшей степени поэтическая, вдохновенная, хотя и не одаренная способностью претворять свое вдохновеніе въ художественныя произведенія слова.

Но если онъ не умѣлъ претворять вдохновеніе въ слово, то умѣлъ претворять его въ жизнь. Энтузіазмъ, которымъ онъ былъ переполненъ, поднималъ его надъ будничной прозой, придавая его отношенію къ окружающему болѣе горячій, возвышенный тонъ. Натура артистическая и художественная, какія такъ часто встрѣчаются самородками среди итальянскихъ простолюдиновъ, онъ любилъ красоту во всемъ: въ костюмѣ, почему ни за что не хотѣлъ переимѣнить своего живопискаго пончо на кургузый современный пиджакъ или жакетку; любилъ ее въ манерахъ, которыя всегда отличались у него скульптурной граціей; любилъ онъ ее и въ жизни. Его сближеніе съ Анитой, прощаніе съ Корнилей передъ предполагаемой кончиной, кажутся выхваченными изъ поэмы Аріосто. Это не былъ аффектація, совершенно немислимая въ такой правдивой натурѣ; Гарибальди придавалъ поступкамъ своей жизни эпическій характеръ, потому что такими выливались они сами собой въ его поэтической душѣ. Это было не копированіе чужого; это было своего рода творчество. Но только Гарибальди не писалъ поэму, а создавалъ ее своей жизнью. Онъ не довольствовался самыми строгими требованіями нравственности и долга съ обычной точки зрѣнія. Всегда и во всемъ онъ стремился подняться до высоты идеала, какимъ онъ рисуется не въ умѣ моралиста или философа, не въ волѣ законодателя, а лишь въ воображеніи поэта, когда, по выраженію Шелли, серебряныя тучи носятся вокругъ его восторженнаго мозга. Вотъ, быть можетъ, чѣмъ слѣдуетъ объяснить, что вся жизнь Гарибальди не только прекрасна, но именно художественно-прекрасна. Вотъ что, быть можетъ, придаетъ всей его фигурѣ видъ артистической античной статуи.

С. Горюхін.

ИЗЪ ДЖАКОМЕТТИ.

(съ итальянскаго).

Мрачна моя тюрьма,—за крѣпкими стѣнами
Бѣжить въ морской туманъ за валомъ новый валъ,
И часто ихъ прибой подъ хмурыми скалами
Мнѣ въ ноци душныя забыться не давалъ.
Мрачна моя тюрьма; лишь изрѣдка проглянетъ
Лучъ солнца въ щель окна и сводъ озолотить,—
Но я не радъ ему,—при немъ виднѣе станеть
Могильный пракъ кругомъ и сырость старыхъ плитъ.

Со мной товарищъ мой, мой братъ... Когда-то оба
Клялись мы,—какъ орлы, могучи и сильны, —
Врагамъ земли родной не уступать до гроба
Священной вольности родимой стороны.
Я пѣсню владѣлъ, — и каждый стонъ народа
Въ лицо враговъ его съ проклятьями бросалъ;
А онъ владѣлъ мечемъ и съ возгласомъ «свобода»
За каждую слезу ударомъ отомщалъ...

И долго бились мы,—чѣмъ дальше, тѣмъ грознѣе...
Но намъ не удалось разсвѣять ночь и тьму:
Друзья насъ продали съ улыбкой фарисея,
Враги—безжалостно насъ бросили въ тюрьму;
И пѣсень чудный даръ, и молодость, и сила,
Угасли навсегда для насъ въ ея стѣнахъ,
И миръ для насъ—обманъ, и жизнь для насъ—могила,
Насмѣшка злобная на вражескихъ устахъ...

Пѣть? Для кого, о чемъ?.. Молить-ли сожалѣнья,
Слагать-ли льстивый гимнъ ликующимъ врагамъ?
Нѣтъ, лира истины, свободы и отмыщенья
Не служить трепету, позору и слезамъ!..

.
.
.
.

С. Надсонъ.

ПОСЛѢДНІЯ ВРЕМЕНА.

(Изъ записокъ степняка).

Долго и настоятельно звалъ меня въ гости одинъ пріятель мой. Хуторъ этого пріятеля лежалъ вдалекѣ отъ желѣзной дороги и, вообще, изображалъ собою самую вопіющую глушь, которая только возможна въ воронежской губерніи. И это долго смущало меня. Я не могъ вообразить себя безъ писемъ и газетъ, получаемыхъ еженедѣльно и, наконецъ, пятидесятиверстная дорога отъ ближайшей станціи сама по себѣ была убійственна. Но пришелъ май, подошли нѣкоторыя обстоятельства угнетающаго свойства, и непроходимая глушь стала манить меня къ себѣ. Я написалъ пріятелю посланіе, въ которомъ просилъ выслать за мной лошадей, и, спустя недѣлю, тронулся въ путь.

Станція, на которой приходилось слѣзать мнѣ, стояла въ лѣсу. Она уже давала предвѣщеніе той тишины и того невозмутимаго покоя, которые ожидали меня на захолустномъ хуторѣ моего пріятеля: село отъ нея было не ближе добраго десятка верстъ. Все это я зналъ, и потому, подѣзжая къ станціи, даже ощутилъ нѣкоторое замираніе сердечное; я думалъ: прислали-ли за мной лошадей?

Продребезжалъ колокольчикъ; вылѣзли вялые пассажиры и съ скучающимъ видомъ обозрѣли окрестность; громко и отчетливо обругалъ машинистъ смазчика... Затѣмъ раздался еще звонокъ; пассажиры скрылись въ вагоны; пронзительно прохрипѣлъ свистокъ кондуктора, и поѣздъ загремѣлъ, медлительно скрываясь въ лѣсу и вызывая въ чащѣ задумчивыхъ сосенъ протяжный отзвукъ... Я остался одинъ на длинной платформѣ, опа-

ленной солнцемъ. Сторожъ смотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ. Крошечный начальникъ станціи обвелъ мою унылую фигуру уничтожающимъ взглядомъ и величественно удалился. Пространство возлѣ станціи было пусто.

— Не было лошадей съ Ерзаева хутора? смиренно спросилъ я сторожа.

— Это съ какого Ерзаева—за гаями?

— За гаями.

— Нѣтъ, не было. Вотъ съ Лутовинова было, и отъ Халютиной барыни были лошади, а чтобъ отъ Ерзаева—нѣтъ не было.

— Да вѣдь я письмо писалъ...

Я пошелъ въ контору и спросилъ: давно-ли Ерзаеву письмо отослано? Господинъ, съ неизбѣжнымъ цвѣтнымъ околншемъ на фуражкѣ, стоялъ около окна и давилъ мухъ. Мой вопросъ засталъ его на самомъ интересномъ мѣстѣ: крупная муха неосмотрительно попала въ палецъ и отчаянно жужжала и билась тамъ, звеня по стеклу.

— Вамъ чего? важно промолвилъ онъ, едва поворачивая голову.

Я повторилъ вопросъ.

— Какому такому Ерзаеву?

— Александру Федорычу.

Онъ промолчалъ.

Я подошелъ къ столу и сѣлъ. Господинъ искоса посмотрѣлъ на меня и разжалъ палецъ. Муха радостно расправила крылья.

— Мы не обязаны сберегать письма, строго сказалъ онъ;—у насъ есть свои занятія.

Я ничего не отвѣтилъ. Это, должно быть, умиротворило его.

— А ежели мы соблюдаемъ, такъ единственно въ свободное отъ занятій время, добавилъ онъ, смягчая голосъ, и, подошедъ къ шкафу, спросилъ:—вамъ—Ерзаеву?

— Ему.

Онъ порылся нѣсколько и подаль мнѣ собственное мое письмо.

— Развѣ не было оказіи? спросилъ я.

— Всего не упомнишь.

— Но если была оказія, вы должны были отослать! воскликнулъ я.

Господинъ изобразилъ на лицѣ своемъ крайнее изумленіе и обвелъ меня юмористическимъ взглядомъ. Затѣмъ, рѣшительно двинулъ стуломъ, надменно выпятилъ грудь и, развернувъ гро-

мадную внигу, испещренную цифрами, яростно заскрипѣлъ въ ней перомъ. Оставалось уходить.

— Но почему же вы не послали, когда была окаязія? повторилъ я въ досадѣ.

На этотъ разъ онъ не обратилъ на меня вниманія. Когда-же я уходилъ изъ конторы, суровый его голосъ съ достоинствомъ произнесъ:

— Мы не обязаны, ежели у насъ занятія... И мы не почтальоны.

Я вышелъ на платформу. Сторожъ подметалъ пыль. Солнце пекло. Тишина стояла мертвая. Вокругъ сторожа юрко суетился человѣчекъ въ монашескомъ одѣяніи. Увидя меня, сторожъ приостановилъ свою работу и сказалъ съ радостью:

— А вѣдь съ Ерзаева-то были!

— Когда?

— Позавчера. Я и забылъ!.. Должно, насчетъ почты были: малый спросилъ почту и уѣхалъ.

Я только руками развелъ.

— А лошадокъ у васъ не добудешь здѣсь?

— Лошадокъ? Эва чего захотѣлъ! и сторожъ снисходительно усмѣхнулся.— У насъ ближе Лазовки не тоюмо лошадки—кобеля не добудешь

— Въ Лазовкѣ очень возможно достать лошадокъ, вмѣшался монашекъ. Говорилъ онъ часто и дробно. Я посмотрѣлъ на него. Раска на немъ мѣстами блестѣла, какъ атласъ, и на локтяхъ была порвана. Кожаный поясъ стягивалъ станъ. За пазухой что-то торчало. Изъ подъ засаленной скуфейки благообразно вылѣзали длинные волосы, смазанные масломъ. Рѣденькая борода окаймляла одутловатое лицо, съ бойкими, плутоватыми глазками. Движенія были порывисты и безпокойны. Подъ моимъ взглядомъ онъ, было, смиренно опустилъ взоры, но тотчасъ-же снова вскинулъ ихъ на меня и сладостно улыбнулся.

— Очень даже возможно добыть лошадокъ, повторилъ онъ.

— Да вѣдь это далеко.

— Верстъ десять, сказалъ сторожъ.

— А мы вотъ какъ сдѣлаемъ, заторопился монашекъ, мы какъ выйдемъ и сейчасъ-же со божіей помощію на пчельникъ...

— Какой пчельникъ?

— Это точно, пчельникъ здѣсь есть, — монастырскій, промолвилъ сторожъ.

— Монастырскій пчельникъ, повторилъ монахъ. — Мы — какъ въ него, съ божіей помощью взыдемъ, и прямо въ Лазовку служку нарядимъ. А вы ужь, ваше степенство, приношеніе намъ за это... И, отвѣсивъ мнѣ низкій поклонъ, онъ спѣшно и невнятно забормоталъ: — во славу божію... На спасеніе души... труждаемся и въздыхаемъ: монастырь убогій, скудный...

— Вотъ, вотъ, подтвердилъ сторожъ, покровительственнымъ жестомъ указывая на монаха, — вотъ отецъ Юсь и проводитъ васъ. Онъ васъ проводитъ до пчельника, а вы ему снисхожденіе сдѣлайте. Отчего не сдѣлать снисхожденія!

— А до пчельника далеко?

— Версть...

Но монашекъ перебилъ сторожа.

— Версты двѣ, ваше степенство, быстро сказалъ онъ, — никакъ не болѣе, какъ двѣ версты.

Сторожъ только носомъ покрутилъ и какъ-то неловко моргнулъ однимъ глазомъ.

Я согласился. Отецъ Юсь схватилъ мой сакъ-вожатикъ и правильно двинулся къ вокзалу.

— Отецъ Юсь! остановилъ его сторожъ и, подозвавъ, пошепталъ ему что-то. Отецъ Юсь въ свою очередь отозвался страстнымъ и убѣдительнымъ шептаніемъ... Но сторожъ не унялся и даже возвысилъ голосъ. „Мастера вы здѣсь облапошивать!“ сказалъ онъ. Тогда отецъ Юсь съ неудовольствіемъ сжалъ губы и обратился ко мнѣ:

— Ступайте, ступайте, ваше степенство, я догоню.

Я вошелъ въ вокзалъ. Тамъ было душно и пахло свѣжей краской. Черезъ нѣсколько минутъ вбѣжалъ мой проводникъ въ сопровожденіи сторожа. Послѣдній меланхолически улыбался и утиралъ рукавомъ губы. „Онъ васъ проводитъ!“ сказалъ онъ мнѣ, снова покровительственно указывая на отца Юса. А пазуха отца Юса была въ нѣкоторомъ безпорядкѣ и лицо изъясляло недовольство. Мы пошли.

— Прощай, отецъ Юсь, спасибо! произнесъ сторожъ.

— Ладно, отвѣтствовалъ Юсь и сухо поджалъ губы.

Выходя изъ вокзала, я увидалъ огромное окно конторы, а за окномъ важный ликъ господина, по милости котораго совершалось теперь мое пѣшее хожденіе. Подъ его жирнымъ пальцемъ снова билась и беспомощно трепетала бѣдная муха, а онъ, сосредоточенно оттопыривъ губы, осторожно давилъ ее и внима-

тельно слѣдиль, какъ ея тонкія ножки безтолково скользили по стеклу.

Станція стояла на песчаной полянѣ, скучно желтѣвшей на солнцѣ. Вокругъ поляны со всѣхъ сторонъ толпился лѣсъ. Тамъ высились мрачныя сосны, здѣсь стройныя березы бѣлѣлись веселою дружиной... По преимуществу-же преобладалъ дубъ, и густой орѣшникъ превозмогалъ всюду.

Мы достигли просѣки и пошли лѣсомъ. Но не прошло и четверти часа, какъ лѣсъ этотъ миновался и по обѣимъ сторонамъ дороги потянулся мелкій кустарникъ, среди котораго, тамъ и сямъ, высились одинокіе дубы. Тѣни не было и помину. А между тѣмъ, былъ часъ пополудни и жара стояла несносная. Неподвижный воздухъ напоенъ былъ зноемъ. Небо висѣло надъ нами ясное и горячее. Идти было ужасно трудно: глубокой песочъ однообразно шуршалъ подъ нашими ногами и безжалостно палилъ подошвы. Въ лѣсу стояла тишина. Птицы какъ будто попрятались... Листья утрѣтили свою свѣжесть и недвижимо висѣли, поблекшіе и пыльные.

У отца Юса и походка оказалась подобна рѣчи: частая и дробная. Онъ долго шель молча и, безпрестанно поправляя пазуху, казалось негодовалъ. Я тоже молчалъ и посматривалъ въ даль, куда безконечной чередой убѣгала тяжкая дорога.

— Эка жара-то! вырвалось, наконецъ, у меня.

Отецъ Юсъ встрепенулся. Онъ пристально посмотрѣлъ на небо и сдѣлалъ видъ, какъ будто оно неожиданно распростерлось надъ нами такое знойное и яркое; затѣмъ поглядѣлъ на свои ноги, обутыя въ толстыя башмаки, и, наконецъ, съ осторожностью произнесъ:

— Благодать господня... но замѣтивъ, вѣроятно, что въ этихъ словахъ мало утѣшительнаго, добавилъ: — вотъ, съ божіей помощью, Кривой Обходъ придетъ: большой липнякъ!.. Древеса въ обхватъ и усладительные ароматы.

— А далеко-ли?

— Версты черезъ двѣ достигнемъ, ежели Господь милосердый...

— Какъ черезъ двѣ! Да пчельникъ-то когда-же?

Отецъ Юсъ смутился.

— Спаси Господи и помилуй, воскликнулъ онъ, — значитъ обмолвился я вашему степенству: пчельникъ за Обходомъ... И, не дожидаясь моихъ возраженій, затунулъ грустнымъ теноромъ:

„Очи мои изліясте воду, яко удалился отъ меня утѣшаяя мя, возвращающая душу мою: погибша сынове мои, яко возможе врагъ...

Я-же былъ печаленъ. И отецъ Юсь замѣтилъ это. Прекративъ свой горестный кантъ, онъ вздохнулъ и произнесъ:

— Благо есть мужу, какъ ежели возьметъ яремъ въ юности своей.

Я промолчалъ.

— Блаженъ убо стократъ мужъ тотъ, потому прямо надо сказать: начало грѣха гордыня и держай ю изрыгнетъ скверну...

— Это вы насчетъ чего? спросилъ я.

— А насчетъ того, ваше степенство, грѣхи повсемѣстно!.. доложилъ Юсь и, нѣсколько мгновений подождая отвѣта, продолжалъ:—повсемѣстный грѣхъ и прямо въ родъ какъ послѣднія времена...

Я снова промолчалъ, но отецъ Юсь, послѣ краткой паузы, рѣшительно приступилъ къ разговору.

— Я, примѣрно, изъ мѣщанъ происхожу, сказалъ онъ и, помедливъ немного, добавилъ: — изъ торгующихъ. Сѣяли мы бакчу, табакомъ торговали, шкурки скупали... Про городъ Усмани слышали? Ну, вотъ, мы изъ Усмани. Тамъ по большей части такой народъ—шибайный... Ну, и все мы, съ божьей помощью, кормились. И по суетѣ своей грѣшили... Грѣшили, ваше степенство! Отецъ Юсь меланхолически улыбнулся.—По домашности по своей наслаждались всякими напитками... Бабы въ роскоши, примѣрно: карнолины, сѣтки... Вотъ онъ какъ, духъ тьмы-то!.. Спаси и помилуй... И, послѣ нѣкотораго молчания, продолжалъ:—Но только возлюбилъ я пустыню съ юности моей. Ежели, теперь, братья по селамъ поѣдутъ и заведутъ всякій торгъ, я объ одномъ потрафляю: уйти мнѣ на бакчу и тамъ жить. И живу, бывало, не то что какъ, а цѣлое лѣто. Охъ, и времена-же были радостныя! Отецъ Юсь повачалъ головою и весь расплылся въ тихомъ удовольствіи.—Какія времена! повторилъ онъ сладостнымъ шепотомъ.—Въявь Господь милосердый посылалъ свою милость. Бывало, сымешь у мужиковъ пустынь вакую-нибудь, выгонъ-ли тамъ или степь, и прямо вырубаешь для мѣры шесть. А въ шесть четыре аршина... И ты даже очень удобно выдаешь этотъ самый шесть за сажень. И сколь много даровой земли этимъ шестомъ получишь, даже удивительно... А мужикамъ это не во вредъ, потому у нихъ много. Или при-

дети теперь полва: дѣвки полютъ, а расчета имъ нѣтъ... Тогда только производимъ расчетъ, какъ поспѣетъ дыня. Дыней и производимъ... Огурецъ собирать—огурцемъ производимъ расчетъ. И такъ всякія работы. Или меды ломали. Прямо везешь съ собою водку и прямо пьютъ и не вѣдаютъ, что творять... А тутъ ужъ не зѣваешь, и ежели не возьмешь вдвое и втрое, то безъ всякаго стѣсненія назовешься зѣвакой. Да одно-ли это, мало-ли что дѣлывали... У бабъ, опять-же, коноплю собиравали, или-же кожи и всякую рухлядь по деревнямъ... Боже ты мой, какая простота и какой барышъ!

И онъ впалъ въ задумчивость, во время которой лицо его сдѣлалось туслымъ и печальнымъ.

— Зачѣмъ-же вы ушли въ монахи? спросилъ я.

— Возлюбилъ еси... началъ, было, онъ, но сердито крякнулъ и произнесъ:— послѣднія времена!.. а затѣмъ, съ какой-то горячей послѣдностью и съ какимъ-то шипѣніемъ въ голосъ, сталъ выбрасывать слѣдующія слова: „Дѣвки подва двугривенныхъ!.. Выгона всѣ пораспахали!.. Мужичишки измошенничались, обнищали!.. Бывало, кожу-то за рубль, а нонѣ четыре отдашь, а за нее и въ городъ больше четырехъ не дадутъ... А медоломное дѣло? Водку-то онъ пожретъ, за товаръ-же, всячески, норовитъ настоящую цѣну ободрать и пустить тебя по міру... Морозы пошли—бакчу хотъ не сади!.. Вездѣ купецъ пошелъ, капиталъ! Ты съ умомъ, а онъ—съ рублемъ... И прямо отъ тебя мужикъ бѣжитъ, какъ отъ чумы, и бѣжитъ къ купцу... А мѣщанинъ—все равно, что жуликъ... Банки эти теперь—домишки позаложены, бабы въ шильонахъ, жрать нечего... Тѣфу!.. и отецъ Юсъ умоля въ негодованіи.

Долго мы шли, не прерывая молчанія. Солнце палило нестерпимо. Ярвая желтизна дороги ослѣпляла глаза... Вдругъ отецъ Юсъ встрепенулся и промолвилъ:

— Вотъ, теперь взять, сторожъ этотъ, Пахомъ. Пахомъ-то онъ Пахомъ, а ужъ человѣка такого погибельнаго, по прежнимъ временамъ, съ огнемъ не сыскать!

— Чѣмъ-же онъ погибельный? спросилъ я.

— Пахомъ-то? въ нѣкоторомъ даже удивленіи отозвался Юсъ и, помолчавъ немного, съ горячностью выпалилъ:— Пѣсъ онъ, вотъ онъ кто... Онъ не токмо въ сторожа его ежели, онъ въ антихристы не годится... Онъ тетку полѣномъ избилъ... Онъ, ежели съ нимъ по-простотѣ, съ востами слопаешь, вотъ онъ ка-

вой человѣкъ! И Юсь съ негодованіемъ отплюнулся, но, спустя немного, вздохнулъ и сказалъ: „Спаси Господи и помилуй!..“ И мы снова въ молчаніи продолжали путь нашъ. Меня одолѣвала скука.

А отецъ Юсь не скучалъ. Онъ часто сталъ отставать отъ меня и, отставая, пригибался къ землѣ и хватался за грудь, какъ-бы отъ боли. Сначала это приводило меня въ недоумѣніе и даже беспокоило. Но, послѣ каждой такой остановки, ликъ отца Юса просвѣтлялся и глаза выражали плутоватую радость; вмѣстѣ съ этимъ, его скуфейка сдвигалась на затылокъ, движенія становились развязнѣе... Наконецъ, внезапный звонъ стеклянной посуды объяснилъ мнѣ все, и я уже ни мало не удивился, когда горлышко полуштофа предательски выглянуло изъ плохо прикрытой пазухи моего спутника.

А когда липовый лѣсъ раскинулъ надъ нами густыя свои вѣтви и влажная тѣнь прикоснулась къ нашимъ пылающимъ лицамъ и обмахнула ихъ, какъ-бы крыльями, отецъ Юсь и совсѣмъ пустился въ откровенность. Онъ торжественно вынулъ полуштофъ и предложилъ мнѣ выпить. Я отказался. Тогда онъ заподозрилъ меня въ деликатности. Онъ убѣдительно болталъ остатками водки и говорилъ:

— Ваше степенство! Будьте на столько благосклонны!.. Какъ мы есть изъ мѣщанъ и чувствуемъ благороднаго человѣка... Вы что—вы думаете маловато? Э, ежели теперь Пахомка меня избидѣлъ—шквалика два онъ вытрескалъ, песь, непременно вытрескалъ... Такъ мы, съ божьей помощью... Тутъ онъ съ лукавствомъ улыбнулся и, отвернувъ полы ряски, вытащилъ изъ кармана штановъ другой, совершенно еще непочатый полуштофъ.—Отецъ Юсь понимаетъ свое дѣло! сказалъ онъ и снова спряталъ посудину.

А пчельника все не было. Правда, идти теперь было прохладно, но какая-то непонятная истома и въ прохладѣ этой томительно стѣсняла грудь. Дятель задумчиво гремѣлъ по деревьямъ... Нѣсколько разъ въ вышинѣ разносился рѣзкій голосъ синицы. Гдѣ-то иволга протянула грустную свою пѣсню... И вдругъ, лѣсъ переполнился какимъ-то смутнымъ шепотомъ. Въ лицо пахнулъ вѣтеръ. Листья затрепетали... Я взглянулъ на небо: тучи, синія и мрачныя, толпились надъ нами. Солнце еще не угасло: оно попрежнему пронизывало лѣсную чащу мягкими зеленоватыми полосами и круглыми пятнами играло на

узорчатыхъ листьяхъ папоротника, но лучи его уже не жгли, а только сверкали ослѣпительнымъ блескомъ... А спустя немного, тучи бросили тѣни и лѣсъ переполнился таинственнымъ сумракомъ. И снова стала тишина. Листья поникли въ какомъ-то безсиліи. Папоротникъ распростиралъ свои лапы въ недвижной дремотѣ... Только синица рѣзко тревожила тишину, и въ какомъ-то безповойномъ задорѣ мелькала надъ деревьями. Было душно.

А мой спутникъ окончательно развеселился. Неукоснительно докончивъ полуштофъ, онъ совершенно утратилъ всякое смиренство и если походилъ на кого, то ужъ никакъ не на инока. Благочестивыя словеса свои онъ забросилъ. Скуфейку молодецки заломилъ за бекрень...

— Ваше степенство! кричалъ онъ.—Ежели мы теперь въ иноческомъ житьѣ находимся, мы прямо понимаемъ это какъ поущеніе... Туда-сюда два двугривенныхъ: тамъ сборка, тамъ свородьба, работники... Вотъ те и осталось шипѣ съ масломъ!.. А тутъ шильоны... Нѣтъ, братъ... и вдругъ перемѣняя тему: — Но только у насъ есть благочестивые иноки!.. Есть у насъ теперь отецъ Панкратъ: ты приди къ нему и пощупай. Прямо какъ пощупаль—цѣпъ! А въ цѣпи два пуда... Ей-Богу!.. Съ походомъ два пуда будетъ... Самъ вѣшалъ... И прямо, въ родѣ ремня, она на немъ... Тяжелѣнная цѣпъ!.. А мы что? Мы—грѣшные, слабые... Мы не только что, а прямо надо говорить—подлецы... Отецъ Юсъ совершенно смахнулъ грязнымъ рукавомъ грязныя слезы и, легонько вздохнувъ, произнесъ вполголоса:—Эхъ, жизнь, жизнь...

Вдругъ лѣсъ какъ-бы встрепенулся и закачалъ вершинами. Тревожный гулъ прошелъ по деревьямъ... Я невольно остановился: сердце сжалось и какъ будто перестало биться... А тучи нависли низко и внушительно. Казалось, *кто-то* смотрѣлъ сквозь нихъ на землю и его пристальный взглядъ переполненъ былъ мрачнымъ гнѣвомъ. Лѣсъ хмурился. Внизу еще стояла тишина, и папоротникъ, попрежнему, еще не шевелился, но за то тьма у подножія деревьевъ сгущалась все болѣе и болѣе, и невольная робость одолевала человѣка при взглядѣ на чащу. Вершины-же равномерно склонялись, переплетаясь вѣтвями, и производили шумъ, подобный шуму взволнованнаго моря. И когда я смотрѣлъ на нихъ, съ вышины вѣяло на меня су-

ровостію и грозою, и какъ-то невольно хотѣлось приневнуть въ землѣ и просить у ней тихой и ласковой заступы.

Подъ обаяніемъ непогоды, примолвъ, было, и отецъ Юсь. Впрочемъ, не на долго.

— Эхъ, жизнь! повторилъ онъ пренебрежительно и громко и, затѣмъ, неожиданно предложилъ:— „А хотите я вамъ пѣсенку спою? и, не дожидаясь отвѣта, затянулъ своимъ безжащимъ теноркомъ:

Что не ржавчинка у насъ во болотѣ
 Всю травку съѣдаетъ,—
 Не кручинушка меня, добраго молодчика,
 Сокрушаетъ...
 Что сушить-крушить меня, добраго молодчика,
 Да все худа слава!
 Отъ худой-то я отъ славушки,
 Мальчикъ, погибаю.
 Знать, погибла моя буйная головушка,
 Да все понапрасну...
 Что велать-то мнѣ, добру молодцу,
 Велать мнѣ жениться,
 Не на душѣ красной дѣвчонокѣ,
 На горькой вдовenkѣ...
 Ужь ты горькая моя, разнесчастная вдова,
 Стела мнѣ постелю,
 Какъ, постлавши, вдовонька, постелюшку,
 Слезехонько плачетъ...
 Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,
 По миломъ дружочкѣ.
 Не шатайся, не качайся
 Въ подѣ ковыль-травка,—
 Не тоскуй, не горюй по молодчику
 Красная дѣвка!..

А гроза ширилась и наступала на насъ. Не успѣлъ еще отецъ Юсь кончить свою пѣсню, какъ туча, стоявшая надъ нами, разорвалась сверху до низу, и огненная бездна ослѣпительно бросилась намъ въ глаза. Лѣсъ озарился зловѣщимъ блескомъ. И за блескомъ не замедлилъ громъ. Сначала онъ пророкоталъ тихо и смутно, въ какой-то робкой и тревожной нерѣшительности... Но, казалось, эта самая нерѣшительность ужаснула лѣсъ, и онъ, точно очарованный, слабо залепеталъ въ ожиданіи... И, немного погодя, ударъ разразился. О, если вы не встрѣчали грозу посреди лѣса, вы не знаете грозы!.. Все вокругъ васъ колеблется и переполняетъ воздухъ оглушительнымъ трескомъ. Молніи пронизываютъ зеленый мракъ

и причудливыя растенія, встревоженные внезапнымъ свѣтомъ, толпятся въ фантастическомъ безпорядкѣ, посреди блѣдныхъ липъ и гибкихъ вѣтвей орѣшника... По всѣмъ направленіямъ ходитъ отзвукъ. Небеса давно уже безмолвны, а въ непроходимой лѣсной чащѣ стоитъ торжественный гулъ и робкіе древесные листья бьются и трепещутъ жалобно. Когда-же въ тучахъ совершается канонада, лѣсъ отвѣчаетъ невыносимымъ грохотомъ. Тогда вамъ кажется, что подъ тѣнь деревьевъ переселился адъ... И напрасно вы ищите дали, чтобы вздохнуть привольно и всѣмъ существомъ своимъ ощутить свободу—вкругомъ какая-то бѣшеная толпа стѣсняетъ пространство и отчаянно машетъ своими вѣтвями и стонетъ, и голоситъ... А небо тянется надъ вами узкой полосой и тучи непрерывной чередой заслоняютъ свѣтлую его синеву.

Но все это не помѣшало отцу Юсу докончить свою пѣсню. А докончивъ, онъ впалъ въ какое-то странное состояніе. Онъ началъ выкликать какія-то, совершенно не идущія въ дѣлу слова и, вмѣстѣ съ громомъ, будить лѣсное эхо. Это его забавляло. А когда я, въ утомленіи, сѣлъ около дороги, онъ положилъ на землю мой сакъ-вожжикъ и, вынувъ непочатый полуштофъ, затянулъ плясовую пѣсню, причемъ безпорядочно затопталъ ногами. Слова пѣсни часто прерывались ударами грома, но отецъ Юсъ не унимался и кричалъ, какъ изступленный, въ какомъ-то слѣпомъ и неудержимомъ задорѣ, непрерывно вращаясь и взбивая пыль своими толстыми башмаками. „Черезъ грязи, черезъ топи, трои лебедей летѣли“, кричалъ онъ,—

Э-ихъ, лебеди летѣли,
 Про Ванюшу пѣсню пѣли:
 Чго ты, Ванюшка, не весель,
 Буйну голову повѣсилъ?
 Къ чему Ванѣ веселиться—
 Велятъ Ванюшкѣ жениться,
 Мнѣ жениться не хотѣлось—
 Сударушка не велѣла:
 Сударушка не велѣла—
 Любить до вѣку хотѣла...

Впрочемъ, надо отдать справедливость отцу Юсу: другого полуштофа такъ онъ и не началъ; онъ только потрясалъ имъ въ тактъ пѣсни, а когда допѣлъ, снова спряталъ его въ карманъ штановъ.

И, вмѣстѣ съ послѣдними словами пѣсни, хлынулъ ливень. Крупныя капли дождя дружно и споро забарабанили по листьямъ и быстро превратили дорогу въ ручей. Мы осторожно пробирались подъ густыми вѣтвями придорожныхъ липъ; но часто вѣтеръ раздвигалъ эти вѣтви и вода низвергалась на насъ неуверткимъ потокомъ. Тогда отецъ Юсь отряхивался, какъ пудель, и смачно улыбался... Шумъ въ лѣсу и гулъ на небѣ, казалось, не утихали ни на минуту. Молніи загорались по всѣмъ направлениямъ: блистательные зигзаги то и дѣло пронизывали лѣсъ голубымъ сіяніемъ и слѣпили наши глаза. Наконецъ, на одномъ поворотѣ отецъ Юсь торжественно воскликнулъ: „Пчельникъ!“ и указалъ на бѣлый столбъ, полуприкрытый кустомъ орѣшника. Столбъ обозначалъ разстояніе отъ вокзала. „Пять верстъ, 132 сажени“, прочиталъ я.— „Что-же это?“ упрекнулъ я отца Юся. Но Юсь промолчалъ и только разсмѣялся лукавымъ смѣхомъ. Узкая дорожка повела насъ на пчельникъ. Вся она сплошь заросла гладкими листьями подорожника и сочной муравою. По сторонамъ буйно волновался орѣшникъ. Высокія липы отошли на почтительное разстояніе и оставили насъ совершенно беззащитными: дождь свободно лилъ на насъ. Но, за то, надъ нами висѣло теперь широкое небо и мы обнимали взглядомъ довольно обширную перспективу. Мы видѣли, какъ темныя тучи медлительно разрушались и таяли, и среди нихъ привѣтливо синѣли влочки чистаго неба, яснаго, какъ хрусталь. И когда достигли пчельника, дождь уже пересталъ. Правда, солнце все еще было покрыто тучами, но громъ рокоталъ очень далеко и молніи сверкали робко и медленно. Вѣтеръ стихъ. Тамъ и сямъ запѣли птицы. Трудолюбивый дятель снова принялся за свою работу.

Пчельникъ притаился на полянкѣ. Кругомъ обступили его развѣсистыя липы. Уютный куренѣкъ скромно притаился подъ тѣнью одной изъ нихъ. Скользкой тропинкой мы обошли ульи и подошли къ куреню.

— Отецъ Лаврентій! звонко закричалъ мой спутникъ, — во имя Отца и Сына...

— Это ты, Юсь? аминь, отозвался суровый голосъ; — полѣзай сюда.

— Я купца привелъ; ему въ Лазовку нужно. Гдѣ Левончикъ-то?

— Какой купецъ? На что Левончикъ? Левончикъ въ пекарню ушелъ: хлѣбъ у насъ на исходѣ. Какой такой купецъ?

Изъ куреня вышелъ, сильно пригнувшись, высокій старикъ въ длинномъ кафтанѣ изъ обыкновеннаго крестьянскаго сукна, въ засаленной скуфейкѣ и съ большой бородою сиваго цвѣта. Онъ посмотрѣлъ на меня подозрительно и неохотно поклонился. Но послѣ нѣкоторыхъ подходовъ, мы познакомились. И странное дѣло: отецъ Лаврентій тотчасъ-же утратилъ свою суровость, какъ только нѣкоторые факты дали ему основаніе предположить, что я не купецъ, а баринъ.

— Господъ Бѣгичевыхъ знавали? спросилъ онъ меня, и на мой утвердительный отвѣтъ, съ гордостью заявилъ:—мы ихъ крѣпостные были. Хорошіе господа! Бывало, старый-то баринъ пройдетъ по двору, поджилки у всѣхъ затрясутся... А ужъ чистота какая была, какой порядокъ, приходи любоваться! (Долго спустя послѣ 19-го февраля я зналъ старика Бѣгичева на послугахъ у одного важнаго жида. Чистоту онъ, дѣйствительно, любилъ, и когда замѣчалъ пятнышко на валосахъ своего принципала, тотчасъ-же стиралъ это пятнышко собственнымъ своимъ носовымъ платкомъ. Онъ такъ, кажется, и умеръ съ шинелью его пр-ва въ рукахъ).

Мы скинули наши одежды и развели костеръ недалеко отъ куреня. Отецъ Лаврентій предупредительно устроилъ козлы, на которыхъ развѣсилъ мое одѣяніе. Въ котелкѣ заварили кашу. Погода прояснилась. Солнце выглянуло изъ за тучъ, мирное и ласковое. Трава, обрызганная дождемъ, весело сверкала мелкими искрами и разстилась вокругъ, сочная и свѣжая. Пчелы хлопотливо шумѣли надъ ульями...

Поспѣла каша. Мы устроились, съ деревянными ложеами въ рукахъ, вокругъ громадной чашки

Юсовъ полуштофъ торжественно водрузился посреди трапезы. И когда каша приблизилась къ концу, языки моихъ собесѣдниковъ заработали съ особенной настойчивостью. Тусклый ликъ отца Лаврентія покрылся розовой краской и его, обыкновенно сердитые, глаза заблестали. А у отца Юса лицо стало изображать сплошную улыбку и взглядъ затянулся ласковымъ масломъ. Но разговоры Юсовы по большей части ограничивались восклицаніями и сочувственными подтвержденіями рѣчей отца Лаврентія. Да и вообще, въ присутствіи послѣдняго отецъ Юсъ какъ-то

сократился и какъ будто представлялъ собою звонкій и повла­дистый отзвукъ, не болѣе.

Къ концу трапезы наша компанія увеличилась. Явился вет­хій и сторбленной старецъ съ изможденнымъ лицомъ и бѣлѣй­шей бородою. Голову его покрывалъ влобукъ. И казалось, тя­жесть этаго влобука угнетала старца: голова его постоянно тря­слась и поникала. И Юсь, и Лаврентій подошли къ нему съ ве­ликимъ почтеніемъ, и онъ благословилъ ихъ. Поэтому, я дога­дался, что пришедшій былъ іеромонахъ. Благословилъ онъ и ме­ня, причемъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза взглядомъ пристальнымъ и невыразимо грустнымъ. Затѣмъ, онъ сѣлъ около насъ и въ мол­чаніи сталъ перебирать чѣтки. Отецъ Лаврентій поднесъ къ не­му стаканчикъ съ зеленоватою жидкостью и произнесъ:

— Благослови, отче.

Старецъ благословилъ. Послѣ этого предложили выпить ему. Онъ перекрестился широкимъ знаменіемъ, посмотрѣлъ на насъ, опять таки долго и пристально, и медленно, съ наслажденіемъ, выпилъ. Бѣдныя руки его, изборожденные голубыми жилками, тряслись, и водка каплями проливалась на рясу. Потомъ онъ снова сосредоточился въ какомъ-то созерцательномъ молчаніи. А отецъ Лаврентій мало по малу приходилъ въ горячность и начиналъ уже размахивать руками.

— Одно остается: бѣжать безъ оглядки, кричалъ онъ, — бѣжать и шабашъ! Куда ни обернешь—склыка *) одна. И больше ничего какъ склыка... Я теперь говорю своему сыну: Митька! женись тебѣ нонѣ о Покровѣ на Варькѣ. Дѣвка такая есть: Варька.—Нѣтъ, говорить, я не женюсь, она, говорить, Варька-то рябая... Рябая! а?.. Да что-бы я съ нимъ по прежнимъ време­намъ сдѣлалъ за тавія его слова? — Лаврентій вперилъ въ отца Юса такой взоръ, отъ котораго тотъ завертѣлся, какъ на горячей сковородѣ. По прежнему я-бы на немъ, на стервецѣ, мѣста жи­вого не оставилъ, вотъ-бы я что сдѣлалъ!.. Варька рябая, а Че­пыркина солдатка—не рябая?.. Хорошо. И теперь прямо я его, моего сына Митьку, хлобыснулъ вилами. Вѣдь сынъ онъ мнѣ, ты какъ понимаешь?.. Плечо я ему переломилъ. Ладно; въ боль­ницу... Къ мировому... къ слѣдующему *)... Да вѣдь плоть-то

*) Безпорядки, недоразумѣніе, ерунда.

***) Судебный слѣдователь. Иногда, впрочемъ, такъ называютъ и судебного пристава.

моя?.. Вѣдь отъ меня она произошла, плоть-то, а?.. — Отецъ Лаврентій выпилъ еще и поднесъ старцу. Старецъ, вмѣсто молчанія, сталъ теперь шептать что-то и быстро перебирать четками. Изъ его глазъ по временамъ выкатывались слезы.

— Легче-же я уйду въ обитель, продолжалъ Лаврентій. — Чего мнѣ? Тутъ тишина, пчѣлки гудуть, липки вотъ разцвѣтуть, дайко-сь... Никого я не вижу... Порядки ихніе поганые до меня не доходятъ, — голосъ его дрогнулъ. — Эхъ, батюшки вы наши, господа Бѣгичевы! воскликнулъ онъ; — бывало что — бывало я приду, паду въ ноги: — Батюшка сударь, Анифатъ Егорычъ, сподобь моему сынку невѣсту подобрать... — „А какую?“ скажетъ... — Такую-то, молъ. — „Чѣмъ правна?“ — Работой, досужествомъ... — И готово. Вотъ они какъ дѣла-то вершились! И былъ порядокъ. У насъ въ Бѣгичевѣхъ-то сто дворовъ было, а теперь триста-двадцать. Откуда? Подѣлились: сыны своимъ умомъ захотѣли жить... Своимъ умомъ! Да отколѣ у тебя умъ-то, у подлеца, взялся?.. Въ кабакѣ ты его нажилъ-то, что-ли? Ну-ка, вотъ сидитъ баринъ, — Лаврентій указалъ на меня, — ну-ка спроси у него: что-бы онъ по прежнимъ временамъ съ умниками-то съ этими сдѣлалъ? А на конюшню! розогъ! — вотъ-бы что онъ сдѣлалъ. И былъ порядокъ. У насъ какое было заведеніе: у насъ ежели мужикъ вернулся съ базара пьяный — пороть! Шапку не снялъ передъ старшимъ, — драть! Хомутишко у него разорвался — парить его, друга милаго!.. Вотъ! Вотъ это была строгость! Какъ, бывало, выѣдетъ бѣгичевская-то барщина — глазъ отвести не возможно: лошадь къ лошади, хомуть къ хомуту, телѣга къ телѣгѣ.

Вдругъ заговорилъ старецъ.

— Послушайте меня да и азъ возглаголю, смиренно сказалъ онъ.

Лаврентій умолекъ.

— Отъяся отъ дщери Сіона вся красота ея, — сказалъ старецъ и прослезился. — Были у насъ мужички крѣпостные (плачетъ)... Были у насъ веси и сады... Самъ я, смиренный, гва... гва... (всхлипываетъ отъ рыданій), гвардіи подпоручикъ... И рачочиша... и разбѣгошася... И на мѣстѣ ликованія — мерзость запустѣнія воцарилася... И затѣмъ запѣлъ сквозь слезы, голосомъ тихимъ и дрожащимъ. *И бысть повннгда въ плънз отведенз бѣ Израиль, и Иерусалимз опустошенз бѣше, сяде Иеремія пророкз плачущз, и рыдаше рыданіемъ надъ Иеруса-*

лимомъ...—послѣ чего умолевъ и, уже самъ наливъ колеблющейся рукою стакачикъ, медленно его выпилъ.

— А то воля! неизвѣстно въ кому обращаясь, но съ несомнѣннымъ упрекомъ свазалъ, послѣ нѣвотораго молчанія, Лаврентій.—Ты проѣзжай теперь по деревнѣ по нашей: избы поразорены, дворшки пораскрыты, скотинка изморѣна, на улицѣ нечисть... вотъ тебѣ и воля! А изъ кабака пѣсни, а въ кабацкѣ плясъ, драка... Всякій щенокъ цыгарку сосеть... На сходку выйдешь—надъ стариками, въ родѣ какъ надъ ребятами малыми, потѣшаются: слововымолвишь—гогочуть... И ты теперь посмотри: мы-ли, бывало, съ начальствомъ не обходились... Онъ тебѣ въ зубы, а ты ему поклонъ да курочку. И былъ порядокъ, былъ страхъ. А теперь что? Теперь, вонъ, у насъ урядника недавно избил: избить-то его избил да его же, сердечнаго, и со службы исправникъ согналъ... Нѣтъ, по нашему не такъ: по нашему, разложить бы всю деревню, да передрать, да что-бы самъ урядникъ лозы-то считалъ... Вотъ это такъ! Это порядокъ!.. У насъ, бывало, при старыхъ господахъ не токмо становой тамъ, а просто свой-же братъ мужикъ, староста деревенскій,—такъ пуще огня угасимаго этого самаго старосты боялись... А и звать-то его было—Лафеть... И былъ страхъ!

Тутъ онъ смолкъ въ негодованіи и выпилъ. Выпилъ и старецъ. А отецъ Юсь невразумительно бормоталъ:

— Два двугривенныхъ!.. Нѣтъ, прежде поработай, а я погляжу... Я, братъ, хозяинъ... И я погляжу, какая такая твоя работа... Можетъ ты и дыни гнилой не стоишь, а?.. Два двугривенныхъ!

— Работа! съ величайшимъ презрѣніемъ подхватилъ отецъ Лаврентій и, усугубляя это презрѣніе, повторилъ:—работники!.. Солнышко на кнутовище поднялось, а онъ на полосу выѣзжаетъ... А не хочешь на зарѣ?.. Не хочешь съ полуночи, ежели? А не то бадиковъ... Работники!..—И, помолчавъ, продолжалъ горько:—а, до чего дожили: малый жеребецъ-жеребцомъ—десятину не выкашиваетъ!.. Баба, денекъ повязала—поясница у ней, у подлой, заболѣла... О, Господи ты Боже мой, да гдѣ-же это мочь-то наша прежняя? Избилъ-бы я ее, шельму... А, поясница-а! А ну-ка ее, на конюшню! А ну-ка, всыпать ей свѣженькихъ!.. А ну-ка...—и вдругъ, какъ-бы опаматовавшись, произнесъ съ сокрушеніемъ:—ахъ, собаки те ѣшь!..

И опять заговорилъ старецъ, на этотъ разъ уже совершенно разслабленнымъ и до чрезмѣрности глѣвучимъ голосомъ.

— Прелести наша и беззаконія наша въ насъ суть, и мы въ нихъ таемъ... И какъ намъ живымъ быти?.. А на это Господь отвѣтилъ: *Живу азъ; не хочу смерти грѣшника... Но еже обратится нечестивому отъ пути своего и живу быти ему...*—и снова заплакалъ.

— Какъ-же, обратится, ожидай! сердито возразилъ отецъ Лаврентій.— Нѣтъ, братъ, кабы старый нашъ баринъ... Да кабы изнизать всякаго, чтобъ въ родѣ какъ собаку, напримѣръ... Вотъ это такъ!.. это я понимаю... А то сына не смѣй ударить? Чуть что—старика отца въ судъ! Пропадай вы всѣ пропадомъ!.. Мнѣ что—мнѣ кусокъ хлѣба, я и сытъ... Обитель-то святая вотъ она... Я взялъ, перекрестился да къ отцу игумну... Разговоръ-то короткій! Нонѣ я Кузьма Захаровъ, а приуказали да посвятили въ расофорные, вотъ тебѣ и вышелъ отецъ Лаврентій... Плевать мнѣ на васъ, подлецовъ!.. Дѣлиться захотѣли? Дѣлитесь, собачьи-дѣти, тащите въ рѣзволочъ... Съ солдаткой хочешь жить? Живи, другъ, дери твою душу окаянный (старецъ при этихъ словахъ грустно покачалъ головой и провелъ рукою по своимъ слезящимся глазамъ)... Мы, братъ, проживемъ... У насъ вотъ пчелка, ежели... Липки теперъ разцвѣтуть... Медо-о-окъ. И голосъ отца Лаврентія внезапно дрогнулъ и прервался. Тогда отецъ Лаврентій какъ будто ухарся, а въ сущности безпомощно махнулъ рукою и невѣрными шагами направился къ ближайшему улью, около котораго долго стоялъ, внимательно наклонившись надъ отверстиями и собирая мозолистыми пальцами ползущихъ пчелъ.

— Авва! лепеталъ отецъ Юсъ, умиленно протягивая стаканчикъ къ старцу;—выпьемъ, авва... Выпьемъ, благословясь... Бѣдные мы, авва!.. Божже-ты мой, какіе бѣдные!.. Нѣтъ намъ притона на божьемъ свѣтѣ... — И вдругъ закричалъ сердито: а, два двугривенныхъ!.. Нѣтъ врешь, сударушка, обожгешься... Потомъ обратился ко мнѣ: выпьемъ, ваше степенство!.. А ежели вамъ въ Лазовку—единымъ духомъ оборотъ сдѣлаемъ... Мы понимаемъ... Мы даже очень понимаемъ... А обмануть я васъ обманулъ, это точно: до пчельника-то шесть верстъ, хе, хе, хе!.. Ну, да Богъ простить... Авва! Отче! гвардіи подпоручикъ! простить, вѣдь, а?.. Ничего—простить. Отецъ Панкратъ помолится, онъ и простить. О, отецъ Панкратъ зазвонистый инокъ... Святой!.. И ты, авва—голова, ну, только до Панкрата тебѣ далѣко.

Старець что-то пролепеталъ.

— Чего? Смиранный ты? насмѣшливо отозвался Юсь;— смиренный-то ты смиренный, а водку жрать любишь... Любишь, вѣдь?—онъ ударилъ старца по плечу, отчего тотъ такъ и пригнулся къ землѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и улыбнулся искательной улыбкой,—любишь, хе, хе, хе... А вотъ, отецъ-то Панкратъ не вушаетъ, что?.. э?.. Отца Панкрата прямо какъ пощупаешь—цѣпь на немъ. Вотъ онъ какой, отецъ-то Панкратъ!.. А ты что—ты только названіе твое одно—инокъ...

Отецъ Юсь, видимо, подразнивалъ старца. И вдругъ мертвенно блѣдное лицо послѣдняго озарилось какимъ-то чохлымъ румянцемъ и безцвѣтные глаза заблестали. Онъ возвелъ ихъ къ небу, сложилъ благолѣпно руки и страстно заговорилъ:

— Боже милосердый! Ты видишь и сносишь немощи человѣческія; предъ твоими взорами открыты и нечистота моя, и изнеможеніе мое; открыта предъ взорами твоими лютость мучающихъ меня, терзающихъ меня страстей и демоновъ... Увы, Господь мой! Ты на крестѣ,—я утопаю въ наслажденіяхъ и нѣгѣ... и ударилъ себя въ грудь, отчего получился какой-то странный, какъ будто металлическій звукъ, а потомъ закрылъ глаза и долго сидѣлъ, недвижимый какъ изваяніе. Юсь-же лукаво подмигивалъ мнѣ на него.

— Юсь, Юсь! вдругъ воскликнулъ старецъ, съ какою-то изумительной тоскою въ голосѣ,—что ты соблазняешь меня, Юсь!.. Всѣ мы рабы плоти... всѣ уготованы гееннѣ... (тутъ, понизивъ голосъ до шепота, онъ нѣсколько разъ произнесъ, какъ-бы вдумываясь въ ужасный смыслъ произносимаго слова:—всѣ... всѣ)... Знаешь, что сказано: *Аще кто грядетъ ко Мнѣ и не возненавидитъ отца своего и мать, и жену, и чадъ, и братій, и сестеръ, еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ...* А мы что говоримъ?.. Кого мы тѣшимъ?.. Юсь, Юсь! пала религія, пала вѣра святая, пала добродѣтель... Души братій нашихъ гибнуть, гибнуть... И ни откуда нѣтъ спасенія... Братъ, братъ! ужели намъ величаться и подымать главу? Мы-ле-де не святые, мы-ли не спасенные?.. О, Господь мой, вѣрую я, всеблагой, въ твою неизреченную милость, но духъ мой немощенъ... Смотри на міръ, Юсь: тамъ піанство, тамъ блудъ, тамъ начальства непочтеніе, тамъ буйство... И, куда-то ни оглянешься, мракъ, мракъ кругомъ... Пройди по деревнѣ, Юсь, ты въ деревнѣ скоромника встрѣтишь, чревоугодника встрѣтишь: ѣсть въ

пятницу сметану и еще похваляется... И кто-же ѣсть и похваляется, какъ будто молодечествомъ какимъ?—мужичекъ!.. А, Юсь, мужичекъ похваляется! Надѣжа церкви святой, овца робкая и покорливая похваляется?.. Это-ли не времена, о которыхъ Господь сказалъ: *придутъ какъ тать въ нощи...* Это-ли не послѣдніе вѣки!.. А былъ я по сбору и что видѣлъ: несли богоносцы иконы и, встрѣтивши ручей, положили святой крестъ и по немъ перешли... И богоносцы эти опять-таки были мужички!.. Юсь, Юсь! гибнетъ міръ, скверность вездѣ... лютость вездѣ, вражда... Намъ-ли себя соблюдать?.. Намъ ужасаться за братій напихъ нужно... Что цѣпь—смотри, вотъ, на нее!..—и порывистымъ движеніемъ старецъ распахнулъ рясу. Предъ нами открылось тѣло, поражающее своей худобою и блѣдное до зелени, а по тѣлу вилась толстая, заржавленная цѣпь. На вдавленной груди съ хрупкими ключицами, глубокими какъ ямы, она сходилась крестъ-накрестъ и затѣмъ въ два раза опоясывала станъ. На бедрахъ и на животѣ темнѣли широкими полосами багровые подтеки. Видъ этого истязанія былъ до того ужасенъ, что даже отецъ Юсь оторопѣлъ и выразилъ нѣкоторое смущеніе. Но тотчасъ-же оправился и, пытаясь вызвать на уста прежнюю свою улыбку, потрогалъ цѣпь пальцемъ.

— Все-таки, у отца Панкрата позабористѣй будетъ, произнесъ онъ,—въ этой, гляди, не больше, какъ фунтовъ тридцать...

Старецъ медленно застегнулся, провелъ рукою по глазамъ и, тяжело вздохнувъ, поднялся. Затѣмъ отвѣсилъ намъ низкій поклонъ, при чемъ вымолвилъ: „простите, братія“, и колеблющейся походкой скрылся изъ пчельника.

— Эка, падохъ до водки, старый песь! напутствовалъ его отецъ Юсь и прямо изъ полштофа вылилъ себѣ въ ротъ остатки этой водки.

Э—ихъ, лебеди летѣли,
Про Ванюшу пѣсню пѣли...

затянулъ онъ послѣ выпивки, но Лаврентій остановилъ его. Кончилось-же тѣмъ, что Юсь повалился на траву и долго еще невнятно бормоталъ какія-то слова, изъ которыхъ можно было разобрать слѣдующее:—Нѣтъ, ты поработай сперва!.. а мы и посмотримъ... Два двугривенныхъ! ахъ, ты кожа барабанная... Охъ, кожа, кожа!.. (Тяжкій вздохъ и затѣмъ, послѣ долгаго молчанія:) этакъ-то всякій нацѣпить!.. Ишь ты, выискался... фу ты, ну ты... Нѣтъ, ты свѣсь ее, да при мнѣ... Да чтобы свѣсить-то на настоя-

щихъ вѣсахъ... А то, знаемъ мы штуки-то!.. Эва невидаль—тридцать фунтовъ!.. Я не токмо что цѣпь—я тебѣ всю вселенную произойду... Погоди ужо... А то грѣхи!.. Нѣтъ, братъ... Меня, можетъ, мужика-то какъ били: въ коля... А то цѣпь!.. Нѣтъ, по мордѣ ежели тебя, да оглоблей... Да помазкомъ въ глаза... Не бойсь, братъ, видывали... Не удивишь... Не чета твоей цѣпи... Онъ немного помолчалъ,—а изъ-за чего? Изъ-за шильоновъ... Тпѣфу!..

Наконецъ, хмѣль совершенно одолѣлъ его и онъ крѣпко захрапѣлъ въ преизбытѣ утомленія.

Пришелъ Левончикъ. Это былъ веселонравный юноша съ необычайно жирными щеками и весь, съ головы до пятъ, пропитанный запахомъ постнаго масла. Ему отецъ Лаврентій поручилъ проводить меня до Лазовки къ какому-то Захару. Когда-же мы тронулись въ путь и уже миновали улы, онъ воротилъ Левончика и что-то, съ таинственнымъ видомъ, приказалъ ему. Левончикъ, ухмыляясь, догналъ меня. „Что ты?“ спросилъ я. Онъ промолчалъ и нѣсколько времени мы шли молча. Вдругъ онъ разсмѣялся добродушнѣйшимъ смѣхомъ.

— Ты чего? полюбопытствовалъ я.

— А вотъ, видишь? сказалъ онъ и вытащилъ изъ-подъ полы порожній полуштофъ.

— Выпить-то, должно быть, отцы любятъ? вымолвилъ я.

— И не говори!.. Хлѣбомъ ихъ не корми, только чтобъ на счетъ выпивки было... У отца-то Лаврентія самый притонъ здѣсь: какъ сойдутся, сейчасъ это полуштофъ—и пошло.

Онъ замолчалъ, но нѣсколько спустя снова неожиданно прыснулъ.

— Видѣлъ Юса-то? И промысло-овый человѣкъ!.. Онъ прежде на мельницѣ былъ, на монастырской... И что-же онъ, этотъ Юсь придумалъ: онъ взялъ, да виномъ и началъ торговать!.. Какъ есть шинокъ открылъ. Охъ, ужъ и Юсь только! Левончикъ восторженно покачалъ головою.

— Ну, и что-же?

— Узнали. Отецъ эконоомъ узналъ. А отецъ эконоомъ у насъ стро-огій, престрогій!.. Такъ Юса и прогнали съ мельницы. А онъ, было, ловко тамъ приспособился... И потомъ, послѣ долгой паузы, продолжалъ: Ничего, отцы у насъ живутъ ничего себѣ. Трапеза у насъ—хоро-опая трапеза, сытная... Одного хлѣба фунта по четыре съѣдаемъ!.. а тамъ масло, рыба, квасъ.

— Ну, а работа есть?

— Работа, оно точно-есть, ну, да что-же это за работа... Больше по сбору все. Или вотъ еще сѣнокосъ придетъ—повосимся малость... Ничего, у насъ весело.

— А служба какая, трудная?

— Нѣтъ, какая тамъ служба. Служба у насъ самая обыкновенная. Вотъ, были изъ нашихъ которые—отецъ, вотъ, Паисій въ Саровской былъ, или опять еще на Святыхъ Горахъ,—ну, тамъ точно что трудная служба. А наша служба легкая. Наша служба—постоялъ если часокъ, вотъ тебѣ и служба вся... Игумень у насъ добрый. У насъ игумень въ родѣ вотъ какъ отецъ бываетъ...

— Ну, а ты-то ѣздилъ когда по сбору?

— Какъ-же! Я два раза ѣздилъ.

— Съ кѣмъ?

— А есть у насъ старецъ такой, Саватѣй-старецъ, такъ съ нимъ.

Я рассказалъ ему примѣты „гвардіи поручика“.

— Онъ, онъ самый! съ живостью подхватилъ Левончикъ, хоро-ошій, правильный старецъ. И водочку вкушаетъ, это точно. Мы съ нимъ, бывало, все по господамъ ѣзжали. Приѣдемъ къ господину, лошадь на конюшню, и пошло. Я съ лакеями, или горничныя тамъ какія, а отецъ Саватѣй съ господами прокладается. Здорово его господа уважали!.. Ну, тутъ какъ вошелъ онъ въ слабость—узнали. Отецъ экономъ у насъ стро-огій: узналъ и взялъ Саватѣя со сбора.

— А то вотъ еще съ Юсомъ мы разъ ѣздили, и Левончикъ опять разсмѣялся;—съ Юсомъ мы больше по черничкамъ все. Какъ въ селѣ есть чернички, такъ мы прямо къ нимъ и ѣдемъ. А чернички здорово любятъ, ежели къ нимъ заѣзжать. Сейчасъ это самоваръ, водка и пошло!..—Ну, только и тутъ скоро намъ прекоротъ вышелъ.

— Отецъ экономъ узналъ?

— Онъ. Эхъ, строгій у насъ экономъ... Онъ, ежели ты поущеніе какое сдѣлалъ, прямо прекоротъ тебѣ предоставитъ.

— Да что это значить: „прекоротъ“?

— Хи, хи, хи... Прекоротъ,—это возьметъ тебя отецъ-экономъ въ келью, да за косы, да палкой... А тамъ либо дрова рубить, либо воду таскать... Это вотъ и обозначаетъ: *прекоротъ*. Ну, только онъ съ разсмотрѣніемъ. У него, ежели ты по хозяй...

ству наблюдаешь строго, онъ не взыщетъ. У насъ теперь отецъ Куклей есть,—по сбору ѣздить. Такъ онъ, отецъ-то Куклей, не токмо что,—можетъ, сколько разовъ били его купцы,—ужь оченко до купчихъ слабъ отецъ Куклей, а отецъ экономя все ему втунѣ... Потому, большой доходъ ему отъ отца Куклея. А отъ Юса какой доходъ? Юсь,—что соберетъ, все съ сестрами прогуляетъ. А то еще хвостъ у насъ отрѣзали. Такъ и отхватили мерину хвостъ! А меринъ сто—цѣлковыхъ...

— Это за что-же?

— А ужь случай такой вышелъ. Случай-то—по настоящему бить-бы Юса, ну, а мужики взяли, да мерину хвостъ отчекрыжили. Это, значить, вмѣсто битья.

— Ну, а не били?

— Нѣтъ, бить не били. Били, только въ другомъ мѣстѣ. А въ другомъ мѣстѣ здорово били!.. Я то уѣхалъ, а Юса поймали... И здорово его били тутъ, этого Юса!..

— За что?

— Да все изъ-за этихъ... съ неудовольствіемъ сказалъ Левончикъ,—все изъ-за сестеръ изъ-за этихъ!.. Дьяконъ поставилъ мужикамъ полведра, они насъ и прихватили. Мало-ли тутъ было дѣловъ!

— Да дьякону-то что?

Левончикъ почесалъ затылокъ, причемъ скуфейка сдвинулась ему на глаза, и, поправивъ скуфейку, лукаво усмѣхнулся.

— Сердце зачесалось! произнесъ онъ съ ироніей, а затѣмъ серьезно добавилъ:—воли пристально это дѣло разобрать, дьякона тоже слѣдовало-бы изутюжить: какъ ни какъ, а ты инока не тирань... И ежели по совѣсти, дьякону даже стыднѣе...

— Чѣмъ-же стыднѣе-то?

— А какъ-же! Первымъ дѣломъ, онъ предъ алтаремъ и даже въ родѣ какъ церковное лицо... А монахъ что, монахъ на то и приставленъ: съ дьяволомъ ему бороться. А поди-ка ты съ нимъ поборись: нонче ты его одолѣешь, а завтра такое подойдетъ дѣло, прямо ты подъ пятау въ нему... Тутъ ничего не подѣлаешь. Юса-то, можетъ, били, а прошлой зимою подошло дѣло, онъ старушку изъ полымя выхватилъ!..

— Гдѣ?

— Въ Лазовкѣ. Лазовка загорѣлась, а Юсь въ гостяхъ тамъ случился. Такъ и выхватилъ старушку! Самъ чуть не задохся, а ее выхватилъ... И Левончикъ добавилъ съ гордостью:—вотъ

онъ теперь и подумай, врагъ-то!.. Юсь и то говорить: какъ я, говорить, выхватилъ эту старушонку, такъ у меня словно гора какая свалилась съ сердца... Это, значить, грѣхи-то съ него со-свочили. А сатана поломай голову!.. Она теперь, старушонка-то, поразскажетъ на судѣ-то небесномъ... Она поразскажетъ, а Юсу праздникъ! Онъ теперь на то и бьетъ. Теперь, говорить, того я и жду, чтобы, какъ-ни какъ, еще душу какую вызволить... И ежели вызволю, говорить, прямо у меня сатана заплачетъ. Потому я тогда вольный казакъ. Потому много надо грѣховъ, чтобы они двѣ души перевѣсили... Смертные какіе грѣхи, и то не перетянутъ!.. Онъ тонкій человекъ, этотъ Юсь! Въ послѣднихъ словахъ Левончика послышалась зависть.

Въ это время раздался благовѣстъ. Тонкій и ноющій звонъ колокола протянулся въ тихомъ воздухѣ и медленно замеръ, вызывая въ лѣсахъ тоскливое эхо.

— Гдѣ это звонятъ? спросилъ я Левончика, который па-божно крестился.

— Въ обители къ вечернѣ звонятъ.

— Да гдѣ-же обитель?

Онъ указалъ рукою. Изъ-за поворота бросилась мнѣ въ глаза привлекательная картина. Прямо около лѣса зеленѣла широкая лужайка, а за лужайкой на пригорѣѣ бѣлѣлся монастырь. У самыхъ монастырскихъ стѣнъ сверкало плѣсо. За плѣсомъ высился боръ, темный и мрачный. Впрочемъ, теперь онъ не казался мрачнымъ. Солнце, склоняясь къ закату, проливало на все такой обильный потокъ розоваго свѣта, что даже самыя сосны утратили свою суровость и алѣли въ какой-то радостной истомѣ. Монастырь-же выглядывалъ настоящей игрушкой. Его многочисленныя кровли блестяли, какъ покрытыя глазурью, и церковныя кресты казались пламенѣющими.

Вокругъ вѣяло глубокой безмятежностью. Лѣсъ стоялъ точно очарованный: тихо и задумчиво. Одинъ только звонъ колокольный равномерно тревожилъ тишину, придавая окрестности характеръ кроткой и сосредоточенной печали.

Странно подѣйствовала на меня эта мирная картина и этотъ звукъ колокола, протяжный и тонкій: все существо мое переполнилось какимъ-то сладостнымъ уныніемъ и, вмѣстѣ, чувство отраднанаго успокоенія посѣтило душу... Насущныя заботы отодвинулись въ какую-то безбрежную даль, связи съ дѣйствительностью ослабли... Всѣ помышленія сосредоточились въ

одномъ желаніи: забыться, приникнуть подъ наитіемъ какихъ-то странныхъ мечтаній, невѣдомо откуда идущихъ и таинственно волнующихъ душу, затеряться среди этого темнаго лѣса, въ эгой молчаливой глуши, въ виду святыхъ стѣнъ, тонкими контурами поднимающихся надъ лугомъ... И пусть тамъ въ дали, съ жестокой непрерывностью, шумить и рожочетъ бурливое житейское море.

— Опоздаемъ! прервалъ мои мечты Левончикъ, и мы тронулись. Монастырь скрылся за деревьями. Скоро пришла рѣчка. Левончикъ остановился на мосту и глубокомысленно плюнулъ въ воду. Вода была темная и спокойная. Отраженіе лѣса стояло въ ней недвижимо... Около берега слабо трепеталъ камышь и красиво бѣлѣлись лиліи. Колокольный звонъ, доходившій до насъ глухо, пока мы были въ лѣсу, теперь снова раздался, ясный и печальный. Гдѣ-то за лѣсомъ внушительно вторилъ ему звукъ, подобный гудѣнію шмеля. „Это въ Лазовкѣ звонять“, пояснилъ мнѣ Левончикъ. За мостомъ крупный лѣсъ прекратился: пошелъ орѣшникъ и молодой дубнякъ. Дорога потянулась подъ гору. И, странное дѣло, чѣмъ дальше отходили мы отъ монастыря, тѣмъ оживленнѣе становился лѣсъ: ворьевали горлинки, пѣли соловьи, переливалась иволга... Какія-то бойкія птички то и дѣло перелетали по деревьямъ. Въ густыхъ заросляхъ куковала кукушка.

Скоро лѣсъ совсѣмъ миновался, и песчаная тропа повела насъ опять въ гору. На горѣ стояла Лазовка. Вся она опоясалась огородами и развѣсистыми ветлами заслонялась отъ солнца. Надъ темною зеленью ветель подымалась бѣлая церковь, стройная и величественная. Тамъ и сямъ желтѣлись крыши... Но село оказалось привлекательнымъ только издали. Когда мы вошли въ средину, вопіющее разореніе бросилось намъ въ глаза. Избы скосились и были пораскрыты; въ плетни свободно пролѣзали свиньи; въ окнахъ зіяли дыры... Только кабакъ скрашивалъ улицу и выглядывалъ настоящимъ повелителемъ этихъ жалкихъ и гнилыхъ избушекъ. Его стройныя сосновыя стѣны вѣнчались желѣзной крышей, а надъ крышей трепался новенькій кумачный флагъ. По карнизу и надъ окнами шла затѣйливая рѣзьба. Въ окнахъ бѣлѣлись занавѣски и виднѣлась герань. Ставни были выкрашены въ яркій голубой цвѣтъ.

Мы свернули въ проулокъ и подошли къ крайней избѣ. Эта изба тоже выдѣлялась крѣпкимъ своимъ видомъ. Она хотя и не

била на особое щегольство, но была чиста и поражала прочностью. Дубовые брусья, составлявшіе ея стѣны, были въ добрый обхватъ. Такія избы отличаются тяжелымъ воздухомъ и зимою часто бываютъ угарны, но имъ, какъ говорится, вѣку нѣтъ, и потому достаточные мужики особенно любятъ ихъ. Дворъ около избы тоже сдѣланъ былъ на славу. Новыя ворота изъ широкаго теса сплошь были увизаны блестящими четырехъугольниками изъ бѣлой жести. Изъ сѣней на проулокъ выходило крыльцо.

— Вотъ и дядя Захаръ! сказалъ Левончикъ, указывая на мужика, вышедшаго на крыльцо въ то время, когда мы подходили къ избѣ. Я посмотрѣлъ на дядю Захара. Былъ онъ плотный и приземистый мужикъ съ угрюмымъ взглядомъ сѣрыхъ маленькихъ глазъ и крутымъ лбомъ. И этотъ взглядъ, и лобъ крутой придавали ему видъ человѣка упрямаго и непокладистаго. Выйдя на крыльцо, онъ надѣлъ шляпу, предварительно отеревъ платкомъ лобъ, и усѣлся на скамью. Мы поклонились ему; въ отвѣтъ онъ едва приподнялъ шляпу и сквозь зубы спросилъ Левончика, что ему нужно. Левончикъ, слегка робѣя и путаясь, объяснилъ. Тогда Захаръ подумалъ немного и сказалъ:

— До Ерзаева сорокъ верстъ.

Я согласился съ этимъ.

Захаръ опять подумалъ.

— Свеземъ... произнесъ онъ неохотно.

— А цѣна? спросилъ я.

— Цѣна? Время рабочее: покосы... Цѣна—пять рублей.

— А меньше?

— Такой у насъ не будетъ, сухо возразилъ Захаръ и равнодушно отвернулся отъ насъ.

— Ну, я пойду подешевле, сказалъ я.

— Ищи, и вдругъ закричалъ сурово:—Машка! На этотъ зовъ быстро явилась молодая бабенка, шустрая и миловидная. Она пугливо взглянула на старика.

— Это что? кратко сказалъ Захаръ, указывая на лавку, и снова обратилъ взглядъ свой въ сторону. Машка тотчасъ-же покраснѣла и скрылась. А черезъ минуту она уже усердно скребла ножемъ лавку и съ усердіемъ вытирала ее тряпкой.

— Такъ не возьмешь дешевле пяти рублей? спросилъ я.

— Пока нѣтъ.

— А четыре съ полтиной?

Захаръ не удостоилъ меня отвѣтомъ. Лицо его какъ-бы застыло въ сухомъ и жесткомъ выраженіи.

— Ну, такъ и быть, согласился я,—но только парой?

— На одной дождешь.

Сказано это было такъ твердо, что я не рѣшился возражать.

— А нельзя-ли у тебя чаю напитокъ и почевать? сказалъ я.

Захаръ подумалъ.

— Машка! закричалъ онъ.

Явилась Машка. Она испуганно расширила глаза при взглядѣ на старика.

— Сходи въ цѣловальнику, самоваръ спроси. И чаю чтобъ далъ. Скажи, молъ, нужно, приказалъ онъ ей.

Машка опрометью бросилась къ кабаку.

— Входите, проронилъ старикъ.

Вмѣстѣ со мною взошелъ было на крыльцо и Левончикъ.

— Ты чего? спросилъ его Захаръ.

Тотъ замаялся.

— Нечего шлындать. Ступай, ступай.

Левончикъ посмотрѣлъ на меня, подмигнулъ лукаво и распротился.

— Дармоѣды! напутствовалъ его Захаръ.

Я было попытался вступить съ нимъ въ разговоръ, но это оказалось совершенно невозможнымъ.— Велика-ли у тебя семья? спрошу я; онъ подумаетъ и скажетъ: „Есть“.— Какъ живутъ мужики въ Лазовѣ?— „Разно“. И такъ во всемъ. А немного погода и вовсе пересталъ отвѣчать: буркнетъ себѣ что-то подъ носъ и глядитъ по сторонамъ. И еще я вотъ что замѣтилъ: проулкъ около крыльца былъ замѣчательно пустыненъ. Пробѣжить откуда-то свинья, пройдетъ осторожнымъ шагомъ бурица, и только. Люди какъ будто остерегались ходить здѣсь. Такъ, одна баба, показалась было, но, увидавъ насъ, тотчасъ-же торопливо скрылась за уголь. Долго ужъ спустя какой-то мужиченко дѣловой походкой прошелъ по проулку. Поровнявшись съ крыльцемъ, онъ низко поклонился.

— Аль праздникъ? насмѣшливо спросилъ его Захаръ.

Мужиченко остановился.

— Праздника никакъ нѣтути, робко отвѣтилъ онъ, въ нерѣшимости переминаясь на ногахъ;— завтра кабытъ праздникъ-то?

— Такъ, произнесъ Захаръ и, по своему обычаю, подумалъ;— ты гдѣ-же это, у вечерни былъ?

— Къ кузнецу...

— А! Сошники навариваль?

— Не то чтобъ сошники...

— Чего-же?

— Да на счетъ зубовъ, признаться...

— Болятъ?

— Мм... произнесъ мужиченко, качая головою, и схватился за щеку.

— Такъ. Значить, кузнецъ лекарь?

— Признаться, помогаетъ...

— Какъ-же онъ?

Мужичишка оживился.

— А вотъ, возьметъ нитку, къ примѣру, заговорилъ онъ, немилосердно размахивая руками, — возьметъ и захлестнетъ ее за зубъ. Ну, а тутъ, какъ захлестнетъ, прямо возьметъ и привяжетъ ее къ наковальнѣ... Вотъ, привяжетъ онъ, да желѣзомъ, къ примѣру... Прямо раскалитъ желѣзо — и въ морду... Ну, человекъ боится — возьметъ и рванетъ... Зубъ-то — и вонъ его!.. Здорово дергаетъ зубы! И мужичекъ въ удовольствіи разсмѣялся. Захаръ не сводилъ съ него саркастическаго взгляда.

— Такъ въ морду? желѣзомъ? вымолвилъ онъ, — ну, что-же? вырвалъ онъ тебѣ зубъ-то?

— Мнѣ-то?

— Тебѣ-то.

— Да я, признаться, не дергаль... Я, признаться, обсмотрѣться... мужичекъ окончательно переконфузился.

— Не дергаль! Обсмотрѣться! пренебрежительно воскликнулъ Захаръ; — а навозъ мнѣ вывозилъ? А подъ просо заскородилъ?.. Не помнишь?.. Какъ муку бралъ, такъ помнилъ, а теперь зубы заболѣли?.. Желѣзомъ? въ морду?.. Я тебѣ какъ муку давалъ: вывези, говорю, ты мнѣ навозу двадцать возовъ и заскородь подъ просо. А ты заскородилъ?.. У тебя; вонъ, братъ-то на барскомъ дворѣ мается, а у тебя зубы болятъ?.. Ты ригу-то починилъ? У тебя, лежебока, колодезь развалился — ты поправилъ его? — и добавилъ съ невыразимымъ презрѣніемъ: — эхъ, глиняная тетеря!

Мужичекъ не говорилъ ни слова и только глубоко вздыхаль, изрѣдка хватаясь за щеку. А когда Захаръ умолкъ, онъ произнесъ жалобно:

— Лошаденки-то нѣту...

— А, сказалъ Захарь,—ты съ барина за брата деньги-то взялъ, ты куда ихъ подѣвалъ?

— Подушное...

— Ну, подушное, а еще?

— Сестру выдавали...

— Сестру! Лопать нечего, въ петлю лѣзете, а чуть налопались—пьянствовать... Я тебя гналъ муку-то у меня брать!.. Лошади нѣтъ, а на свадьбу шесть ведеръ есть!.. Пропойцы... Ты-бы на четвертную-то лошаденку купилъ, а ты ее пропилъ... Шалава, шалава! Ты-бы дѣвчу-то продержалъ, да въ хорошемъ году и отдалъ-бы ее... Бить-бы, бить тебя, шалаву!

— Вѣдь не сладишь съ ей, дядя Захарь, съ дѣвкой-то! Безпомощно возразилъ мужикъ.

— Чего-о? Да ты кто ей—братъ ай нѣтъ? То-то, посмотрю я на васъ, очумѣли вы... Взялъ да за косы привязалъ, да возжами, не знаешь? Разговоръ-то съ ихнимъ братомъ короткій... Ей, дьяволу, загорѣлось замужъ идти, а тутъ работа изъ-за нея становись... Нѣтъ, братъ, это не модель! Онъ замолчалъ, негодуя. Мужичишка еще разъ вздохнулъ, подождалъ немного и осторожно направился далѣе.

— Народецъ! проронилъ Захарь.

Я воспользовался его возбужденіемъ.

— Плохой?

Захарь махнулъ рукою.

— Я пришелъ изъ Сибири,—не узналъ, сказалъ онъ:—всѣ, подлецы, обнищали!

— А ты зачѣмъ былъ въ Сибири? спросилъ я съ любопытствомъ.

— На поселеніи былъ, отрывисто сказалъ Захарь.

— За что?

— По бунтамъ, съ прежнею сухостью отвѣтилъ онъ;—супротивъ барина бунтовались... И снова устремилъ взглядъ въ пространство.

А съ крыльца видъ былъ внушительный. За пологой долиной, въ глубинѣ которой неподвижно алѣла рѣка, широкимъ амен-театромъ раскинулся лѣсъ. Солнце, закатываясь, румянило его вершины. Сіяющій шпигъ монастырской колокольни возвышался надъ сосновымъ боромъ, и золотой крестъ горѣлъ надъ нимъ, какъ свѣчка.

Въ это время къ намъ подошли, одинъ за другимъ, два ста-

ричка. Одинъ, высокій и худой, поелонился молча и, неподвижно усѣвшись на лавку, сталъ, не отрываясь, смотрѣть на закатъ. Другой, кругленькій и розовый, съ пояскомъ ниже живота и серебристой бородой, поздоровался, улыбаючись, и распространился въ бойкихъ рѣчахъ. Машка подала самоваръ. Я заварилъ чай и пригласилъ стариковъ. Кругленькій поблагодарилъ и подсѣлъ поближе къ самовару, Захаръ промолчалъ и отвернулся, третій-же, его звали Ипатычъ — не шевельнулся.

— Не тронь его, шепнулъ мнѣ кругленькій, — онъ у насъ того... свихнувшись.

— Какъ?

— Да такъ, братецъ ты мой, какъ воротили насъ изъ Томской, — мы вѣдь, хе, хе, хе, въ родѣ какъ на бунтовщицкомъ положеніи, — вотъ я, дядя Захаръ, Ипатычъ, да еще померъ у насъ доброй одинъ, Андронъ... Ты съ нами тоже не кой-какъ!.. и старичекъ снова разсмѣялся разсыпчатымъ своимъ смѣхомъ. — Ну вотъ, пришли мы, съ Ипатычемъ и сдѣлалось... Зимой еще туда-сюда, а какъ весна отероется, кукушка закукуетъ въ лѣсахъ, онъ и пойдетъ колобродить: ночей не спать, какая работа ежели — не можетъ онъ ее... въ лѣсъ забьется, въ прошломъ году насилу розыскали... Но только онъ совсѣмъ тихій... Больше сидитъ все и глядитъ. Ну, и неспособный онъ, работы отъ него никакой нѣту. Семейскіе страсть какъ обижаются, имъ это обидно.

— Ироды! кратко отозвался Захаръ.

— Это точно что... торопливо подтвердилъ старикъ, — семейскіе у него не то, чтобы очень; и, нагнувшись къ самому моему уху, сказалъ: — сынъ-то и поколачиваетъ его... Намедни сколько висковъ надергалъ — страсть!

— Отъ нихъ онъ и повредился, сказалъ Захаръ.

— А пожалуй, и отъ нихъ, не замедлилъ согласиться старичекъ, — какъ пришелъ онъ, тутъ ужъ у нихъ свара была... Ну, а при немъ и пуще: сыны въ кабакъ, бабы въ драку... Такъ и пошло! А тутъ внученое у него былъ, свинья его слопала, внученка-то... Мало-ли онъ объ ѣмъ убивался!

Вдругъ Ипатычъ обернулся къ намъ и тихо, какъ-то по дѣтски, разсмѣялся. „Закаталось красное солнышко за темные лѣса“, произнесъ онъ словами пѣсни. Я взглянулъ. Дѣйствительно, солнце скрылось за зубчатую линію лѣса, и только лучи его огненными брызгами разметывались въ розовомъ небѣ. Ка-

залось, раскаленное ядро погрузилось въ воду... По лѣсу прошли суровые тоны. Борь сразу сталъ чернымъ и угрюмымъ. Темная зелень дубовъ явственно отдѣлилась отъ блѣдной липовой листвы. Въ ясной рѣкѣ отразилось небо, покрытое золотыми облаками.

Ипатичу подставили чай, и онъ усердно началъ пить его, безпрестанно обжигаясь и дуя на пальцы. Придвинулся къ самовару, какъ-бы нехотя, и дядя Захарь. Онъ съ неудовольствіемъ откусилъ сахаръ и съ видомъ какой-то враждебности началъ подувать на блюдечко.

— Ну, а Семка твой? въ промежуткѣ чаепитія спросилъ онъ у старичка.

— Что-же Семка? Семка какъ былъ кобель, такъ кобелемъ и останется! отвѣтилъ старикъ и вдругъ горячо набросился на Захара. — Хорошо тебѣ говорить, Захарь! закричалъ старикъ, — ты въ Сибирь-то пошелъ, у тебя братъ остался. Дѣтей-то онъ тебѣ какихъ приспособилъ!..

— Братъ порядокъ наблюдалъ строго, согласился Захарь.

— То-то вотъ!.. А тутъ, братъ...

Тѣмъ временемъ, пригнали скотину и вернулись изъ церкви семье Захара. Явилась старушка, чрезвычайно подвижная и, вмѣстѣ, молчаливая; явилась баба, постарше Машки, съ плоской грудью и съ выраженіемъ скорби застывшимъ на тонкихъ губахъ. Надъ селомъ повисли хлопотливые звуки. Кричали бабы, скрипѣли ворота, блеяли овцы... Щелканье кнута сливалось съ отчаяннымъ ревомъ коровъ и крѣпкая ругань разносилась далеко. Бабы ушли доить коровъ. Дядя Захарь удалился на гумно готовить рѣзку... А кругленькій старичекъ принялся за разспросы. Чей я, откуда и куда ѣду, много-ли за подводу отдалъ Захару, сколько у меня десятинъ земли, жива-ли моя мать и женатъ-ли я, — все разспросилъ онъ, а по разспросѣ сказалъ, понижая голосъ:

— Дорого ты отдалъ Захару. Я-бы взялъ дешевле. Онъ, вѣдь, жила у насъ... Онъ кулачина, я тебѣ скажу, такой... Онъ приперъ теперь деньжищи-то изъ Томской и ворочаетъ тутъ. У него село-то все, почитай, въ долгу... А ужъ выпросить у него чего — снѣга посередъ зимы не выпросишь! Прямая костяная яишница... А ты передалъ ему... Эхъ, ты!

Но немного подумавши, онъ сказалъ:

— Крѣпкій человѣкъ, Захарь, справедливый человѣкъ. Онъ жаденъ, это точно... Но вмѣсто того, все-жь-таки человѣкъ онъ

твердый!.. Насъ какъ баринъ выселялъ, онъ за мѣръ-то грудью... И поролъ его въ тѣ норы... Божже ты мой, какъ поролъ!

Старичекъ съ удовольствіемъ чмокнулъ губами.

Свечерѣло. Въ небѣ, одна за другой, стали загораться звѣзды. Повѣяло прохладой. Въ долинѣ, съдой пеленою, опускалась роса. Любознательный старичекъ опрокинулъ чашку и куда-то скрылся. Мы остались одни съ Ипатычемъ. Я долго глядѣлъ на него. Холодный чай стоялъ около него, забытый, и онъ сидѣлъ въ тяжкомъ раздумьѣ. На лицѣ не было признаковъ безумія, только глаза были какъ-то странно неподвижны. Въ лицѣ-же стояла неизъяснимая печаль, и только. Казалось, предъ нимъ давно уже, съ жестокой внезапностью, открылась какая-то тоскливая картина, и теперь онъ не можетъ отъ нея оторваться. А когда я привлекъ его вниманіе громкимъ возгласомъ, онъ какъ-то жалобно съежился и растерянно посмотрѣлъ на меня. Такъ глядѣть на васъ собака, востолбенная долгими небоями...

Вошла Машка и стала прибирать посуду. Теперь лицо ея не выражало испуга, но было сердито и вакмурено. „Ишь, старые черти поплакали чаю-то!“ сказала она вполголоса, ожидывая недружелюбнымъ взглядомъ бѣднаго Ипатыча. Немного погодя, во дворъ подѣхали лошади съ сохами, и мелодой парень встревоженнымъ голосомъ спросилъ Машку:

— Батюшка гдѣ?

— На гумнѣ. А что? спросила Машка.

— Меринъ подкову потерялъ, съ отчаяніемъ сказалъ парень и злобно ударилъ мерина по мордѣ.

— Строгъ у васъ старикъ-то! замѣтилъ я.

Машка промолчала. Только по гримасѣ, пробѣжавшей по ея лицу, я понялъ, что старикъ дѣйствительно строгъ.

— Ты кто ему приходишься? спросилъ я.

— Своя.

— А парень-то этотъ кто?

— Оедька. Мужъ мнѣ.

— Неужели изъ-за подковы будетъ сердиться свекоръ?

— Со свѣта сливетъ, мрачно сказала Машка.

Я вошелъ во дворъ. Вездѣ былъ образцовый порядокъ. Телѣги, окованныя желѣзомъ, стояли подъ навѣсомъ. Тамъ-же виднѣлись сани, старательно сложенные рядами. Середина двора была чисто выметена. Оедька убралъ подъ навѣсъ сохи, обмахнулъ пучкомъ соломы сошники и сверкающія палицы и по-

велъ лошадей на гумно. Лошади были гнѣдыя на подборъ, косматыя и сытыя. Въ хлѣвахъ бабы доили коровъ, лѣниво пережевывающихъ жвачку.

Я пошелъ за Ѳедькой на гумно. Тамъ, такъ-же, какъ и на дворѣ, царствовалъ изумительный порядокъ. Скирды старой ржи, великолѣпно сложенные, красиво возвышались за ригой. Въ предохраненіе отъ мышей, они со всѣхъ сторонъ были обрѣзаны косой, что придавало имъ видъ особенной правильности. Рядомъ съ скирдами виднѣлся стожокъ сѣна, тщательно покрытый соломой и обтянутый врѣзными притугами. Рига, крытая сторновкой, была новая и большая. Ѳедька привязалъ лошадей къ чану около риги. А внутри слышался разговоръ:

— Ты ужь, Захарь, уважь меня, жалобно ткнулъ голосомъ кругленькаго старичка.

— Что-же мнѣ тебѣ уважать, холодно говорилъ Захарь.

— Ей-Богу, вѣдь, кобыленку послѣднюю продать въ пору... Ты ужь меня пожалѣй!

— Тутъ жалость-то одна: запрягай да вези. Да на чемъ ты повезешь-то?

— Какъ на чемъ! На кобылѣ повезу.

— А хомуть? Я вѣдь, другъ, не дамъ.

— Что-жь, хомуть... Мнѣ Семка дастъ хомуть.

Помолчали.

— Вези, мнѣ что! равнодушно произнесъ Захарь. — Вези... Только цѣлковый мнѣ.

— Многонозьо! плаксиво воскликнулъ старичекъ.

— Не вози. Я пошлю Ѳедьку, онъ свезетъ. Какъ знаешь.

— Ну, такъ и быть! поспѣшно согласился старикъ, — видно твой верхъ, моя макушка!..

Оказалось, что дѣло шло о моей особѣ...

— Ты, видно, съ нимъ поѣдешь, сказалъ мнѣ Захарь.

Мнѣ было все равно.

— А рубль давай въ задатокъ.

Старичекъ замахалъ было руками и началъ говорить, что нечего беспокоить барина изъ-за рубля, но когда Захарь повторилъ своимъ деревяннымъ голосомъ: „Какъ знаешь!“ — онъ засеменилъ ножками и сталъ доказывать, что, дѣйствительно, задатокъ нуженъ, „для вѣрности“... Я вручилъ Захару рубль. Онъ внимательно помусолилъ его и съ суровостью завязалъ въ кошель. Мы пошли съ старикомъ обратно къ крыльцу.

— Ты знаешь, какъ меня зовуть-то? возбужденно вполголоса заговорилъ онъ;—меня Мартыномъ зовуть... А ты зря надавалъ ему пятишницу-то — эхъ, жила онъ у насъ!.. Я тебя какъ-бы важно за четыре-то рублика отомчалъ, любо-два!... А теперь вотъ выскочилъ рубликъ изъ кармана... а? развѣ у тебя ихъ много, рублей-то?.. Вотъ что, милячекъ, дайкосъ ты мнѣ, двугривенный на деготь... Я тебя вонъ какъ предоставлю: стриженная дѣвка косы не успѣетъ заплести, хе, хе, хе... (Я ему далъ 20 коп.). А теперь, вотъ что я тебѣ скажу: вставай ты завтра ра-а-ано, рано, и прямо ступай по проулку... И прямо какъ дойдешь ты вонъ до этой избы — я и буду тебя поджидать. Телѣга у меня хоро-о-ошая, уемистая... Эхъ, отомчу я тебя! И Мартынъ обстоятельно показалъ мнѣ, до какой избы нужно идти.

— Да зачѣмъ-же это? удивился я.—Но Мартынъ только таинственно замахалъ руками и ничего не отвѣтилъ.

Спать я легъ подъ навѣсомъ двора. Тамъ было хорошо: пахло свѣжимъ сѣномъ и дегтемъ. Захаръ ушелъ въ ригу (за чай онъ взялъ съ меня 30 копѣекъ). Старуха осталась въ избѣ, мрачной и переполненной тараканами. Другихъ я не замѣтилъ. Только около полуночи, въ сосѣдствѣ со мною послышались осторожные голоса. Одинъ принадлежалъ Машкѣ.

— Ты вотъ смотри ему въ глаза-то! въ ужасномъ возбужденіи говорила она, слѣша и захлебываясь. — Онъ тебѣ не токмо что — онъ тебя изведетъ всего... Нонѣ тоже матушка-свекровь какъ хлобыснетъ половникомъ, такъ рука и хряснула... Я стою плачу, а онъ вошелъ. Вошелъ, да какъ завенетъ на меня, у меня и рученьки опустились... У людей-то завтра пироги, а у насъ лепешки велѣлъ... А въ амбарѣ муки цѣлая прорва... А сноха Катерина рветъ и мечетъ: позавчера она доила камблую, а я вчера хватилась — молока-то нѣтъ... Туда-сюда, а нонче ужъ на меня сваливаетъ...

— Нонче за подкову уздой меня, медленно произнесъ Оедька.

— То-то вотъ уздой! заторопилась Машка,—ты все молчишь... Вонъ у Оедоськиныхъ такъ-то: полаялся, полаялся старикъ, а Дѣмка взялъ да и ушелъ отъ него... А ты все... Лѣтось много-ли ты на базарѣ-то выпилъ, а онъ какъ тебя муздаль... Нонѣ ребятъ — и тѣхъ такъ не бьютъ... А тебѣ все мало!... У меня коты вонъ разбились, а ну-ка скажи... Я зиму-зимскую на машину-то хо-

дила, а теперь пришло время—сиди безъ котовъ. Вонъ Малашка Гомозкова какъ вышла на улицу, у ней коты-то новенькіе!... Да взяла еще, стерва, позументомъ ихъ обложила. А тутъ ходи въ лаптишкахъ.

— Вѣдь сплелъ тебѣ съ подковыркой, съ неудовольствіемъ возразилъ Оедька.

— Съ подковыркой! въ обидѣ отозвалась Машка;—нонѣ люди-то не тоємо лапти—коты кидаютъ... Намедни Степча-то Шашлова, какой человекъ, и та полботинки купила... Легче-же я въ работницы уйду на барскій дворъ... Мнѣ къ мамушкѣ показаться—стыда головушкѣ... И то ужъ ребята загаяли!... Онъ, старый, деньгищи-то хоронить, а тутъ на улицу выйти не въ чемъ... Послышались всхлипыванія.

— Ну, молчи...

— Какъ-же! стану я молчать! не унималась Машка:—отъ работы свѣта не видишь, а тутъ ходи чортъ те въ чемъ... У людей пироги—Павликовы на что побирошны, и то пироги у нихъ, а тутъ аржанья лепешки трескай...

— Молчи, дьяволъ! зашипѣлъ Оедька. Затѣмъ, я различилъ звукъ здоровой затрещины, сдержанный вопль, и все стихло.

Разбудило меня странное обстоятельство. Мнѣ показалось, что къ моему боку прикоснулось что-то твердое. Но такъ какъ въ небѣ едва брежжило, я снова закрылъ глаза. Однако, прикосновеніе повторилося, и на этотъ разъ сопровождаемое таинственнымъ шепотомъ.

— Вставай, баринъ, шептали изъ-за плетня,—вставай... Это я, Мартынъ, возчикъ твой...

Я вскочилъ. Оказалось, что Мартынъ продѣлъ сквозь плетень палочку и этой палочкой толкалъ меня въ бока. Я подивился этимъ подходамъ Мартына.

Когда заспанный Оедька выпустилъ меня изъ сѣней, на дворѣ было уже достаточно свѣтло. На востокѣ вротвимъ румянцемъ загоралась заря. Я прошелъ по проулку до условленнаго мѣста. Изъ-за угла избы безпокойно выглядывалъ Мартынъ. Онъ поманилъ меня пальцемъ и скрылся. Я пошелъ вслѣдъ за нимъ. За угломъ стояла взъерошенная лошаденка въ истерзанной сбруѣ и въ громадной телѣгѣ, щедро нагруженной соломой. Къ телѣгѣ на скорую руку придѣланъ былъ облучекъ. „Садись живѣ“, шепотомъ сказалъ мнѣ Мартынъ и, проворно вскочивъ на облучекъ, стегнулъ кнутомъ лошаденку. Но тутъ случилось нѣчто

изумительное по своей неожиданности: только что мы тронулись, какъ вдругъ насъ нагналъ мужикъ и повисъ на возжахъ. Былъ онъ съ растегнутымъ воротомъ, безъ пояса и безъ шапки.

— Ты что, старый чортъ, дѣлаешь! закричалъ онъ.

— А ты что! взвивгнувъ Мартынь и принялся нахлестывать лошаденку.

— Вре-е-ешь!... Не уйдешь!... кричалъ мужикъ и уперся въ землю. Несчастная лошаденка закутилась и стала.

— Отдай, отдай, говорю! благимъ матомъ оралъ Мартынь, снисясь вырвать возжи.

— Нѣ-ѣтъ... Погоди-и-ишь... рычалъ мужикъ, весь врасный отъ напряженія.

Я вмѣшался. „Въ чемъ дѣло?“ спросилъ я. Но нѣсколько мгновений ничего нельзя было разобрать. И Мартынь, и мужикъ шумѣли ужасно. Наконецъ дѣло выяснилось. Оказалось, что мужикъ былъ сынъ Мартыновъ—Семка и что хомутъ и вообще вся сбруя на нашей лошаденкѣ принадлежали ему (онъ былъ отдѣленный). Мартынь съ вечера забрался къ нему въ вѣтвь и стащилъ ее. Отсюда таинственность, которую облевался мой отъѣздъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, перемежаемыхъ упреками и жестокой руганью, а также попытками Семки распречь кобылу, пришли къ слѣдующему соглашенію: Мартынь изъ условленной платы даетъ Семену рубль. Но когда все казалось улаженнымъ, вдругъ предстало затрудненіе: у меня на бѣду вышла вся мелочь, и я не могъ выдать этотъ несчастный рубль тотчасъ-же. Снова посыпались упреки и снова Семень началъ стягивать съ лошаденки узду.

— Стой! нашелся Мартынь,—воли ты мнѣ не вѣришь, собачій сынъ, поѣдемъ вмѣстѣ.

Семка запустилъ въ раздумьи руку въ лохматую свою голову и остановился. — „Ну, ладно!“ сказалъ онъ послѣ нѣвотораго молчанія и полѣзъ на облучекъ. Я ему напомнилъ о шапкѣ: тогда онъ снова задумался и въ нерѣшительности посмотрѣлъ на отца. — „Иди, лѣвшій, куда тебя понесетъ безъ шапки-то!“ увѣщевалъ его тотъ. Наконецъ, при моемъ содѣйствіи, Семка слѣзъ и, подозрительно оглядываясь, удалился. Когда мы остались одни, Мартынь покачалъ головою и сказалъ: „Дѣлла!“ и послѣ короткой паузы съ живостью произнесъ: „ай уѣхать?“ Но самъ-же и отвѣтилъ себѣ: „нѣтъ, не уѣдешь!... Онъ кобель, Семка-то, чистый кобель“!

Семка вернулся очень скоро и даже забылъ подпоясаться.

Никогда я не забуду этой долгой дороги и этой шарпавой лошаденки, кропотливо трусившей подъ тяжестью громадной телѣги и трехъ здоровенныхъ путешественниковъ. Правда, мы часто останавливались на лужайкахъ и выпрягали кормить ее. А во время жары простояли часа четыре. Тутъ-же, во время этой стоянки, я сдѣлалъ находку: въ карманѣ жилета обрѣлъ двугривенный. Возчики мои моментально выпросили его и въ ближайшемъ кабакѣ пропили. Съ тѣхъ поръ, во всю дорогу пошли у нихъ нескончаемыя пререканія. Семка относился къ отцу съ высокоуміемъ и насмѣшливо. Мартынь горячился.

— Бездомовники! кричалъ Мартынь; — я, можетъ, въ твои года-то до кроваваго пота работалъ!... Я на двадцатомъ году и водку-то узналъ, какъ ее пьютъ... А вы и умъ-то весь пропили!

— Умники! возражалъ Семка, — то-то васъ и пороли, умниковъ-то... За умъ-то васъ и драли!... Солдаты вышли съ ружьями, а они на ружья лѣзутъ... Умники!... Отъ ума-то и въ Сибирь гоняли!...

— Отъ ума!... А ты думалъ, не отъ ума... Мы за міръ! выпятился Мартынь.

— За міръ!... Много тебя міръ-то попомнилъ... ты, какъ у цѣловальника жилетку-то оборвалъ, помиловалъ тебя міръ-то?... Мало тебя гладили-то?... За умъ-то за твой!

— Міръ-то великъ! въ нѣкоторотъ смущеніи оправдывался Мартынь, — міръ накажетъ — срама никакого нѣту... Дѣло было въ драгѣ, а жилетка — она денегъ стоитъ... А вы, вотъ, пропойцы!... Тебя, небось, каждую весну за подушное-то жарятъ...

— Связывай!... Мы, какъ никакъ, не воруюемъ...

— А я ворую? А я ворую?

— Воруешь.

— Брешешь! Прямо ты брешешь... ты, безстыжіе твои глаза, людей-бы постыдился!

— Нечего мнѣ стыдиться.

— Нечего, а?... Вотъ и брешешь... Ты корову пропилъ... У тебя одна была телѣжка, ты и ту о Покровѣ въ орлянку проигралъ!...

— И проигралъ, невозмутимо отвѣтилъ Семка, — а ты все-таки воруюешь!...

— Что я увралъ? что? говори, говори...

— Кочанъ валусты увралъ.

— Когда? Когда? въ неописуемомъ волненіи заголосилъ Мартынъ.

— Когда? спросилъ Семка и пренебрежительно посмотрѣлъ на Мартына.—Эхъ, ты, воришка! сказалъ онъ.

— Нѣтъ, я не воришка, а вотъ ты такъ воръ. Кто въ барскомъ лѣсу березу-то срубилъ?

— Попалъ! насмѣшливо произнесъ Семка;—да я у барина можетъ сто березъ нарублю, такъ это развѣ воровство?... Эхъ, ты... А еще старикъ!... Лѣсъ-то—онъ божій!.. А вотъ кочанъ-то ты укралъ,—Семка оборотился ко мнѣ:—я иду эдакъ около полдень, свазалъ онъ,—а онъ врадется промежь грядъ... Я—хвать, а у него кочанъ въ подолѣ... Ну, я его пощипалъ маленько.

— Брешеть все! оправдывался Мартынъ и съ озлобленіемъ стегалъ лошаденку.

А ночь опять сходила на землю. Лошаденка усердно трусила по гладкой дорогѣ. Кругомъ, во всѣ стороны расходилась степь. Тамъ и сямъ виднѣлись копы; подымались стога высокими громадами; свѣтились огоньки у косарей... Иногда добѣгала до насъ пѣсня и разносилась надъ степью протяжнымъ стономъ. Телѣга плавно колыхалась и трещала однообразнымъ трескомъ. Какое-то странное изнеможеніе одолѣвало меня. Я то закрывалъ глаза, то съ усиліемъ открывалъ ихъ. Мнѣ казалось, что мы плывемъ въ какомъ-то безконечномъ пространствѣ и синяя степь плыветъ вмѣстѣ съ нами. А на душѣ вставала тоска и насылала сны, долгіе, тяжкіе, скорбные...

Въ полночь мы пріѣхали къ Ерзаеву.

А. Эртманъ.

ТОРКВЕМАДА.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ СЪ ПРОЛОГОМЪ.

Виктора Гюго.

ВѢЧНАЯ ТЮРЬМА.

ПРОЛОГЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА ПРОЛОГА:

Монахъ.	Маркъ Фузгелъ.
Король.	Гухо.
Донъ Санхъ-де-Салинасъ.	Пріоръ.
Донна Роза д'Ортега.	Епископъ.

Монахи и солдаты.

Въ Каталоніи. Пограничныя горы. Монастырь Латерранъ, обитель ордена августинцевъ.

Заброшенное монастырское кладбище. Видъ дикаго сада. Полдень апрѣльскаго дня. Цвѣты и солнце. Кресты и могилы въ травѣ и подъ деревьями. Отъ могилъ почва ровная. Въ глубинѣ—стѣна монастырской ограды, очень высокая, но разрушающаяся. Большой проломъ разрѣзываетъ ее на двѣ части до самаго основанія и выходитъ въ поле. Близъ одной части этой стѣны стоитъ желѣзный крестъ на могилѣ.

Другой крестъ, очень высокій, съ мистическимъ вызолоченнымъ треугольникомъ, находится наверху каменной лѣстницы и господствуетъ надъ кладбищемъ.

Спереди, вровень съ поверхностью земли, четырехугольное отверстіе, обрамленное плоскими камнями, заросшими травой. Съ боку видна длинная плита, которая словно предназначена, въ случаѣ надобности, закрыть это отверстіе. Въ отверстіи видны первыя ступени узкой каменной лѣстницы, которая спускается и углубляется въ склепъ. Это гробница, которой крышка была снята и обнаружила ее внутренность. Плита, находящаяся возлѣ, есть ся крышка.

При поднятіи занавѣса, пріоръ монастыря, въ одеждѣ августинцевъ,—впереді сцены. Въ глубинѣ сцены тихо проходитъ монахъ, одѣтый въ платье доминиканца. Монахъ ступаетъ медленно, кланяется, преклоня колѣно передъ всѣми надмогильными крестами и удаляется. Пріоръ остается одинъ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Пріоръ монастыря, затѣмъ Неизвѣстный.

Пріоръ, лысый, съ вѣнкомъ изъ сѣдыхъ волосъ, съ бѣлой бородой, въ платьѣ изъ грубой шерстяной матеріи. Онъ осматриваетъ стѣну ограды и бродитъ задумчивый среди могилъ.

Пріоръ.

Забытый монастырь. Терновникъ, мохъ и рядъ
Могиль... Какъ старый ренегатъ,
Ты, время, всюду вносишь разрушенье.

Разсматриваетъ расщелину стѣны.

Проломъ, черезъ который, безъ сомнѣнья,
Легко-бы убѣжать послушникъ могъ. Стѣна
Свой выслужила срокъ. Увы, она
На наши жалкія права теперь похожа:
Они заржавѣли, она разбиты тоже.
Власть наша падаетъ; своихъ страстей рабы,
Лѣнны стали папы для борьбы.
Какъ дома у себя, распоряжаться нами
Привыкли короли и, мрачные, они
Парятъ надъ монастырскими стѣнами,
Какъ грозные орлы, и въ наши дни
Нѣтъ хартій болѣе, нѣтъ болѣе законовъ,
Монашескихъ уставовъ больше нѣтъ.
Дошли до унижительныхъ поклоновъ
Изъ страха мы, въ виду неожиданныхъ бѣдъ,
Интригъ двора и темнаго злодѣйства.

Дѣтей безъ имени, незнающихъ семейства,
Побочныхъ сыновей сіятельныхъ особъ
Привязываютъ намъ воспитывать, и строго
Мы повинuemся, безмолвные, какъ гробъ.

Останавливается передъ отверстіемъ склепа.

Столь терпѣливое, прощающее много,
Насъ только правосудье не щадитъ.

Слова принимается разсматривать стѣну.

Да, наши старыя постройки, какъ мы сами,
Къ упадку клонятся, и мракъ и жгучій стыдъ
Охватываютъ насъ, овладѣваютъ нами...

Черезъ проломъ, закутанный въ плащъ и въ шляпѣ, надвинутой на глаза, входитъ Неизвѣстный. Онъ останавливается на грудѣ развалинъ. Пріоръ его замѣчаетъ.

Пріоръ.

Послушай, удались отсюда.

Неизвѣстный.

Не хочу.

Пріоръ.

Ступай, мужланъ. Съ тобой я не шучу.
Здѣсь старое владбище.

Неизвѣстный.

Ну, такъ что-же?

Пріоръ.

Древнѣйшій монастырь.

Неизвѣстнѣй.

Вотъ какъ! На то похоже.

Пріоръ.

Днемъ здѣсь одни бываютъ чернецы,
А ночью—въ саванахъ блуждаютъ мертвецы.
Бто разъ вошелъ сюда, тотъ навсегда для міра
Погибъ: крестьянина здѣсь висѣлица ждетъ,

А герцога—сѣкира.

Однимъ монахамъ лишь сюда дозволенъ входъ.

Такъ лучше убирайся, плутъ, отсюда,

Громко смѣясь.

Коль ты не самъ король.

Неизвѣстнѣй.

Передъ тобой король.

Пріоръ.

Король?

Неизвѣстнѣй.

Да, такъ меня еще зовутъ покуда.

Пріоръ.

Чѣмъ это мнѣ докажешь ты?

Неизвѣстнѣй.

Изволь.

Дѣлаетъ условный знакъ. Въ проломѣ показываются вооруженные солдаты-Король, указываетъ имъ на пріора.

Повѣсьте этого глупца.

Солдаты входятъ черезъ проломъ и окружаютъ пріора. Вмѣстѣ съ ними входятъ маркизъ Фуэнтель и Гухо. Маркизъ съ сѣдой бородой, въ богатой одеждѣ Алькантары. Гухо, карликъ, весь въ черномъ, въ шляпѣ съ гремушками. Въ его рукахъ двѣ шутовскія щелкушки,—одна золотая, въ образѣ мужчины, другая мѣдная, изображающая женщину.

ЯВЛЕНІЕ II.

Пріоръ, король, маркизъ Фуэнтель, Гухо, королевская стража.

Пріоръ, падая на колѣни.

Прошу пощады!

Молю васъ, государь...

Король.

Согласенъ. Но съ однимъ

Условіемъ тебя помиловать мы рады...

Ты кто здѣсь?

Пріоръ.

Пріоръ.

Король.

Слушай-же. Хотимъ

Мы знать все то, что здѣсь въ монастырѣ творится.

Солжешь—и съ жизнью долженъ распротиться.

Оставляя пріора посреди солдатъ, подходитъ къ маркизу Фуэнтелю на авансцену.

Сперва, маркизъ, намъ надо помолиться.

Обрасываетъ съ себя плащъ на руки одного изъ приближенныхъ и остается въ короткой одеждѣ Алькантары, съ большими четками съ боку. Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ молча перебираетъ четки. Затѣмъ, оборачивается къ маркизу.

Я ожилъ: королева далеко.

Въ разлукѣ съ ней себя я чувствую легко.

Вдовцомъ быть еще лучше, значить.

Мнѣ весело.

Г у х о, со своими двумя фигурками, свернувшись въ клубокъ, сидитъ на одной изъ могилъ.

За то мѣръ цѣлый плачетъ.

К о р о л ь, маркизу.

Сейчасъ узнаешь ты, что привело меня

Въ пустынный монастырь.

Отводить маркиза въ сторону, къ той могилѣ, гдѣ пріютился Гухо.

М а р к и з ъ.

Молчаніе храня,

Я слушаю васъ, государь...

Г у х о, въ сторону.

Я тоже,

Среди могилъ себѣ устроивъ ложе,

Прислушаюсь къ тому, что скажетъ вѣтерокъ

О вашихъ подвигахъ.

К о р о л ь, маркизу.

Я милостивъ, хоть строгъ,

И объ одномъ, весьма секретномъ, дѣлѣ

Потолковать теперь съ тобой хочу.

Г у х о, въ сторону.

Когда я сытъ и выспался въ постели,

Тогда могу сказать, что я вучу.

М а р к и з ъ, королю.

Прогнать шута?

К о р о л ь.

Зачѣмъ? Намъ не опасно

Его сосѣдство.

Гухо.

Ну, лежи, не шевелись.

Гухо, лежа сзади короля, еще болѣе свертывается. Король приближается къ маркизу.

Я женщинъ, какъ и ты, люблю ужасно.

И твой развратъ мнѣ нравится, маркизъ.

Подъ старость только ты въ святошу обратился.

И это хорошо. Тотъ далеко поидеть,

Кто видитъ въ вѣрѣ свой спасительный оплотъ,

И многое тому, увѣренъ я, простится.

Крестится.

М а р к и з ъ.

Насколько мнѣ извѣстно, государь,

Зависитъ монастырь ихъ нынче, какъ и встарь,

Отъ двухъ правителей. Одинъ изъ нихъ въ Кагорѣ,
Другой-же въ Гентѣ.

К о р о л ь

Ты въ фаворѣ

У знатныхъ женщинъ былъ, по слухамъ. Говорятъ,
Красавицъ сожигалъ твой страстный взглядъ,
И много глупостей онъ понатворили

Изъ-за тебя. Прелестный, въ цвѣтѣ лѣтъ,
Красивый пажъ — да это, полно, ты-ли
Такимъ былъ, старина? Но почему-же нѣтъ?

Смѣется утро, день бываетъ мраченъ.

Исторіей про одного пажа

Недавно былъ я сильно озабоченъ.

Маркизь, скажи мнѣ, правдой дорожа,
Горвоной прежде ты не назывался?

М а р к и з ь.

Нѣтъ. И зачѣмъ?

К о р о л ь.

Затѣмъ, что ты тогда скрывался,

Вступивши въ связь съ принцессою одной.

М а р к и з ь.

Я? Никогда!

К о р о л ь.

Я слышалъ стороною,

Что королю какому-то и гдѣ-то—

Гдѣ именно—сказать мнѣ не могли—

Ты подарилъ наслѣдника... Сплели,

Конечно, сказку.

М а р к и з ь.

Выдумали это:

Съ тѣхъ поръ, какъ въ графы вы меня произвели,
Мнѣ многіе вредить старались.

К о р о л ь.

Можетъ статься,

Не безъ причинъ. Но справедливъ иль нѣтъ
Подобный слухъ, меня не можетъ онъ касаться.

Я выше толковъ всѣхъ. Я вашъ король, вашъ свѣтъ.

Твое прошедшее, твое происхожденіе,

Съ шутами и лакеями родство

Мнѣ нравятся. Не знаешь, безъ сомнѣнья,

Ты самъ—кто твой отецъ. И въ этомъ торжество

Мое: тебя я выдвинулъ изъ мрака.

Ничтожество, сумѣлъ подняться ты, однако,

И развлеченіе тѣмъ доставляешь мнѣ.

Древесное дуло, нишъ темная въ стѣнѣ—

Вотъ прежнее твое скитальческое ложе,

А нынче ты вастильскій грандъ, вельможа,

Маркизь и графъ по милости моей.

Теперь дышать и жить тебѣ вольнѣй;

Ты ловокъ и хитеръ; ты съ видомъ смѣлымъ

Сцѣнился-бы съ соборомъ цѣлымъ,

И если-бъ оны бурлить, противорѣчить стали,
Его-бы ты съ поворомъ разогнали.
Ты можешь взглядомъ быть и вѣзнымъ оставаться.
Хотя ты совѣдавъ, чтобы пресмыкаться,
Но не боишься бурь, на безразсудный шагъ
Всегда готовъ, а зяведется врагъ,
Безтрепетно спѣвшишь за пшату взяться.
Ты зло совѣтуешь, не совершая зла.
Не будучи невиннымъ, виноватымъ
Ты тоже не бываешь и—хвала
Тебѣ за то! Живя въ ладу съ развратомъ,
На все способенъ ты и даже, можетъ быть,
Кого нибудь способенъ полюбить.
По слухамъ, изъ слуги ты сдѣлался бандитомъ,
А изъ бандита сталъ придворнымъ именитымъ.
Любуюсь я тобой: какъ ползаетъ змѣя
И извивается, смотрю охотно я.
Въ зловѣщей тѣжѣ скрываются всѣ нити
Проектовъ и интригъ, задуманныхъ тобой.
Твои таланты, умъ, распутство—трещите
Предъ ними всѣ глупцы! Вся жизнь твоя съ судьбой
Превратной и зловѣщею неволью
Смущаютъ, но меня ты тѣшишь и—довольно.

М а р к и з ъ .

Кероль мой, вамъ дивится цѣлый міръ;
Вамъ Эбро, Таго и Гвадалквивиръ
Принадлежать; распространяи шире
Владѣнія свои, Неаполь взяли вы;
Вы короля французскаго въ турнирѣ
Умѣли побѣдить; трепещутъ васъ въ Алжирѣ.
Любимецъ и герой общественной молвы,
Вы въ Сосѣ родились, такъ близко отъ Наварры,
Что вамъ она принадлежать должна:
Еще качалась въ люлькѣ, въ грезахъ сна
Наваррѣ наносили вы удары,
И вамъ сдалась коварная страна,
А сны такихъ владыкъ, какъ вы, должны сбываться.
Кароль Кастиліи,—подъ вашею пятой.
Не смѣетъ церковь больше волноваться
И папа, какъ монахъ простой,
Забывъ о власти прежней необъятной,
И со смиреніемъ склоненнаго чела,
Дрожитъ предъ керодемъ: нашъ колоколь набатный
Заставилъ замолчать его колокола.
Отъ Этры до страны далекой индустанской
Знамена наши влются въ наши дни,
У васъ есть вождь—Гензальво Кордуанскій, —
Хоть поражать враговъ могли-бъ вы и одни,
Какъ полководецъ славный и первѣйшій...
Вы молоды, но какъ монархъ старѣйшій,
Господствуете въ соннѣ королей,

И Римъ, въ сознаныи слабости своей,
 Скрываетъ гнѣвъ, которому нѣтъ мѣры,
 Когда какой-нибудь священникъ на галеры
 Ссылается... О, повелитель мой!
 Нѣмѣю я предъ вами и, нѣмой,
 Склоняюсь. Вы—само величье, я-же —
 Червякъ, вамъ преданный и въ сновидѣньяхъ даже.
 К о р о л ь.

Ты лжешь.

М а р к и з ь.

О, государы!..

К о р о л ь.

Не будь такимъ вралемъ:

О преданности вздоръ я слушать не согласенъ.

Я темень для тебя, ты для меня не ясенъ;

Я притворяюсь добрымъ королемъ,

Ты—честнымъ человѣкомъ, но мы оба

Другъ друга ненавидимъ; точить злоба

Обоихъ насъ. Противенъ мнѣ слуга,

Ты-жъ короля не терпишь, какъ врага.

Ты радъ меня убить, когда судьба поможетъ,

А я на эшафотъ пошлю тебя, быть можетъ.

Но, не смотря на то, мы, все-таки, друзья.

Маркизь открываетъ ротъ, чтобы протестовать.

Словъ лишнихъ не расходуй, льстець. Какъ я,

Будь откровененъ, скрытность бесполезна:

Мы оба—тѣмы неодолимой бездна.

Маркизь снова порывается возражать, но король его обуздываетъ.

Остановись. Сквозь мрачное окно

Мы смотримъ другъ на друга и давно

Зловѣщія свои натуры разгадали.

Твоя любовь и преданность меня

Смѣшать, измѣнникъ старый,—не пора-ли

Въ открытую играть? Но, въ ожиданьи дня,

Когда во мнѣ не будешь ты нуждаться,

Ты станешь мнѣ служить тѣмъ лучше, можетъ статься,

Чѣмъ болѣе испорченъ ты. Съ себя

Сорви-же маску! Я свою срываю,

Цинизмъ въ самой правдивости любя.

Что думаю, того я не скрываю

Среди льстецовъ. Когда ихъ стая лжетъ

Вкругъ короля, онъ раскрываетъ ротъ,

Чтобъ правду говорить, вотъ какъ теперь, не дальше:

Король правдивъ передъ слугой своимъ,

Слуга-же вретъ, двухъ словъ безъ фальши

Не можетъ проронить. Теперь поговоримъ.

М а р к и з ь.

Но...

К о р о л ь.

Королемъ быть страшно. Что за кара!

Быть молодымъ, горѣть отъ внутренняго жара,

Отъ ненависти жгучей, что меня
 Грызеть; молчаніе храня,
 Бороться съ ураганомъ дикой страсти,
 Быть смѣсью крови, пороха, огня,
 Капризовъ; подчиняясь тайной власти
 Желаній, порываться все узнать,
 Испробовать, вкусить, въ вихрь жизни окунуться,
 Въ объятяхъ женскихъ замирать
 Отъ сладострастія, распутствомъ захлебнуться,
 Съ сознаниемъ, что ты отъ головы до ногъ
 Не духъ, а человѣкъ, и посреди тревогъ
 Мучительныхъ, достойныхъ царства ада,
 Лишь слышишь мрачный голосъ надъ собой:
 „Будь призракомъ!“ Преобразиться надо,
 Быть, примирился съ такой судьбой,
 Не королемъ, а королевствомъ цѣлымъ,
 Ужасной смѣсью странъ и городовъ,
 Которые должны стать нашей кровью, тѣломъ,
 На цѣлый рядъ томительныхъ годовъ
 Намъ замѣняя личныя желанья,
 Порывы, волю,—словно башни, зданья
 И стѣны всей страны въ желудкѣ короля
 Находятся. На карту глядя, въ правѣ
 Сказать онъ: это я!
 И собственной дивиться можетъ славъ.
 Ступня моей ноги—Жирона; голова—
 Алькала. У меня желанія родятся
 И въ форму государства облекаться
 Торопятся, лишь выростутъ едва.
 Я въ мрачной темнотѣ уединяюсь
 И, какъ вулканъ подводный, задыхаюсь
 Отъ грознаго напора волнъ морскихъ,—
 А вокругъ меня народъ, стонъ голосовъ людскихъ,
 А возлѣ—кто? Жена—чудовище, съ которымъ
 Я связанъ и ту связь, какъ рабъ, несу съ позоромъ.
 Въ своемъ величій бокъ о бокъ мрачны мы
 И одиноки. Словно ледъ зимы,
 Мы холодны, когда касаемся другъ друга
 И оба застываемъ отъ испуга.
 Надъ цѣлою страной зачѣмъ-то вознесла
 Судьба двѣ маски, два ничтожества, два зла—
 Меня съ моей супругой безсердечной.
 Она—холодный страхъ, я—ужасъ вѣчный...
 Быть властелиномъ цѣлыхъ странъ,
 Быть королемъ пріятно, но тиранъ,
 Имѣющій тирана надъ собою,
 Доволенъ-ли, скажи, своей судьбою?
 Ложь вѣчная, притворство безъ конца,
 Два соглядатая, два блѣдныя лица
 И никогда ни смѣха, ни рыданья;
 Изъ бронзы женскій бюстъ и мужа изваянье

Изъ мрамора. Привыкъ насъ обожать народъ,
 Лъстецовъ не въ состояннѣ сосчитать я,
 А на себѣ мы чувствуемъ проклятье.
 Вкругъ нашихъ троновъ мракъ одинъ растетъ:
 Гдѣ Фердинандъ, гдѣ Изабелла?

Ихъ различить во тьмѣ толпа-бы не сумѣла.
 Себя мы видимъ словно въ сторонѣ,
 И если оба въ жертвой тининѣ
 Заговоримъ, могила величаво

Раскроется... Я въ томъ увѣренъ не вполне,
 Что не мертва она, моя супруга. Право,
 Когда ея руки касаются я слегка,

Мнѣ кажется, что куми рука
 Соединилась съ пальцами скелета.

Но самъ я живъ! Невѣроятнo это,
 Чтобъ призракомъ я сталъ! Нѣтъ, если я могу
 Съ себя величье сбросить, то бѣгу,
 Чтобы себѣ избрать другую долю,
 Забывъ свой королевскій ореолъ
 И, какъ освободившійся орелъ,
 Я вырываюсь радостно на волю.

Печальный плѣнникъ трона, я лечу,
 Какъ буря бѣшеннѣ. Долой ярмо! Хочу
 Я чувствовать и жить и, словно опьяненнѣ,
 Бросаюсь въ омутъ счастья и зла,
 Ищу распутства, страсти испуганной,
 Лобзаній, пѣсенъ, оргій безъ числа.

Я чувствую тогда, какъ жажда наслажденья
 Растетъ во мнѣ. Стыдливое движенъе
 Невинности, монаха видѣ тогда
 Меня приводятъ только въ раздраженъе;

Я веселъ, я жестокъ, послѣдняя узда
 Приличья сброшена; кровь, грязь во мнѣ влопочуть
 И демонъ, вновь проснувшійся во мнѣ,
 Мститъ призраку развѣтчанному хочеть,
 Который уступаетъ сатанѣ.

Задумчиво.

А завтра вновь я стану привидѣньемъ

Маркизу.

Гиганта атомъ жалкѣ не поймешь.

И ты не понимаешь, въ свой чередъ,

Зачѣмъ съ такимъ безстыдствомъ и презрѣньемъ

Я откровененъ былъ предъ этими людьми.

Пойми-же, старый лъстецъ, пойми,
 Что люди предо мной—я къ этому привыченъ—
 Тѣмъ болѣе дрожать, чѣмъ больше я циниченъ.

Считаю ихъ презрѣнными, смѣюсь

Надъ ними я, въ своихъ порокахъ признаюсь,
 Свое величье нагло попираю

И чувствую себя свободнымъ. Повторяю:

Меня ты не поймешь. Тебя сбиль съ толку страхъ...

Увидѣвъ завтра вновь мой взглядъ холодный,
 Въ большихъ ты будешь вѣрно понюхакъ
 И съ дрожью, мой содѣльникъ благородный,
 Признаешь сномъ все то, что здѣсь я говорилъ.

Береть свои четки.

Теперь помолимся.

Гухо, въ сторону, смотря на короля.
 Такъ! благо, не забудь.

Король.

Затѣмъ допросимъ этого монаха.

Начинаетъ перебирать четки.

Гухо, въ сторону.

Притворщикъ. Онъ не вѣрнѣе ничему,
 Онъ деспотъ и ханжа... Но что за хаосъ страха

И жи въ его душѣ! Когда ему
 Приходится читать молитву, онъ глумѣтъ.

Онъ папу начинаетъ почитать;

Ударивъ патера, предъ нимъ благоговѣтъ

И всѣ церковные обряды исполнять

Готовъ.

Крестясь.

Пусть будетъ такъ. Нѣтъ человѣка хуже.

Онъ циникъ, плутъ, тиранъ, безбожникъ и, къ тому-же,

Католикъ. Такъ его въ насмѣшку величать

Начнутъ современемъ...

Король подвѣшиваетъ четки къ своему кушаку и дѣлаетъ пріору знакъ
 приблизиться.

Король, пріору.

Сюда!

Пріоръ подходитъ, скрестя на груди руки, съ опущенными глазами.

Давать отвѣты

Неточные—стравись.

Пріоръ кланяется.

Остерегайся жи.

Пріоръ кланяется.

Уже нѣсколько минутъ предъ этимъ въ глубинѣ сцены снова появился стар-
 рый монахъ въ платьѣ доминиканца. Онъ бродитъ съ поникшею головою, погруженный
 въ себя, занятый единственно тѣмъ, чтобы преклоняться предъ каждымъ могильнымъ
 крестомъ и шептать молитвы.

Король замѣчаетъ монаха и указываетъ на него пріору.

Что за монахъ угрюмый, мнѣ ты

Сперва по истинѣ скажи?

У cadaго креста колѣна онъ склоняетъ.

Пріоръ.

Онъ не въ своемъ умѣ.

Король.

Какъ блѣденъ онъ!

Пріоръ.

Монахъ

Себя постомъ тяжелымъ изнуряетъ,

Почти не спитъ и умъ его въ потѣмахъ.

Съ открытой головой онъ въ зной полдневный бродитъ,
Нерѣдко бредитъ вслухъ и рѣчь о томъ заводитъ,
Что папъ, склонившись ницъ, онъ будетъ умолять

Быть вѣрными разъ принятому долгу.

Онъ молится здѣсь иногда подолгу.

И мы должны молчанье соблюдать,

Когда проходитъ онъ. Онъ ордена другого,

Хотя живеть у насъ. Въ монастыряхъ не ново

Намъ видѣть заключенныхъ мудрецовъ,

Ученыхъ безпокойныхъ, мрачныхъ, блѣдныхъ,

Священниковъ—мечтателей зловредныхъ,

Ученіе святыхъ отцовъ

Толкующихъ не такъ...

Король.

Умозатмѣніе

Чѣмъ выражаетъ онъ?

Пріоръ.

Преслѣдуютъ видѣнья,

Адъ, сатана его... Недавно онъ у насъ.

Король.

Онъ старъ.

Пріоръ.

И недалекъ его послѣдній часъ.

Монахъ, никого не замѣчая, удаляется.

Гухо, въ сторону, смотря на свои фигурки

Двѣ куклы у меня изъ золота и мѣди,

Одну зовутъ Добромъ, другую Зломъ зовутъ.

Я ихъ равно люблю.

Разсматривая траву могилъ.

Вотъ мертвецовъ сосѣди:

Тутъ листья желтые, а тамъ цвѣты растутъ.

Король, пріору.

У васъ въ монастыряхъ не строги нравы стали,

Монахъ.

Пріоръ.

О, государь...

Король.

Да, женщинъ замѣчали,

Какъ слышалъ я, въ монастырѣ твоёмъ.

Пріоръ.

Онъ смеженъ, государь, съ другимъ монастыремъ:

Обитель урсулинокъ съ нами рядомъ,

Онъ-же—наша паства...

Король.

Гмъ! Козлы,

Живущіе въ ладу съ овечьимъ стадомъ.

Пріоръ, кланаясь.

Мы, государь...

Гухо, въ сторону.

Достойны похвалы:

Монахинь исповѣдуютъ монахи,

Покорныхъ грѣшницъ держатъ въ вѣчномъ страхѣ,
Вліаніемъ своимъ порабащаютъ всѣхъ,
Лишивъ ихъ чистоты, имъ отпускаютъ грѣхъ,
Невинность даже падшимъ возвращая.
Такія чудеса пріятны быть должны.

Пріоръ, королю.

Сіона дочери и Левія сыны...

Король.

Въ согласіи живутъ. Но отмѣчая
Подобный фактъ, я буду строгъ, а Римъ
Пусть дѣйствуетъ.

Пріоръ, съ поклономъ.

Мы, государь, творимъ...

Гухо, въ сторону.

Когда въ монастыри, гдѣ нѣтъ уставовъ прочныхъ,
Языческой божекъ стучится, купидонъ,
То папа Сикстъ, имѣя двухъ побочныхъ
Дѣтей, не будетъ очень возмущенъ.

Король, пріору.

Отъ Рима строгаго вы ждите наказанья.

Смотри пристально на пріора.

Теперь вашъ монастырь есть мѣсто пребыванья
Епископа Ургельскаго.

Пріоръ, кланяется.

Карать

Онъ властенъ.

Пріоръ, снова дѣлаетъ поклонъ.

Да, сеньоръ, но только какъ духовный
Глава и пастырь. Власти безусловной
Нѣтъ у него.

Маркизъ, тихо, королю.

Одно могу сказать:

Вы очень проникательны.

Король, тихо, маркизу.

Въ томъ сила

Моя.

Замѣчая открытый входъ въ подземелье.

А это что, монахъ?

Пріоръ:

Могила

Открытая.

Король.

Открытая?

Пріоръ.

Всегда.

Король.

Но для кого-жъ она?

Пріоръ.

Кто и когда

Въ нее сойдетъ, лишь Господу извѣстно.

Король.

Кто ляжетъ въ ней?

Пріоръ безмолвствуетъ.

Молчанье неумѣстно.

Сейчасъ-же отвѣчай.

Пріоръ.

Не знаю.

Помолчавай.

Можетъ быть,

Могила ждетъ меня или для васъ готова.

Маркизъ, тихо, королю.

Когда монастырю начнетъ вредить
Отверженный монахъ, то—церкви власть сурова—

Его уничтожаютъ.

Король, тихо.

Да, убить

Удобнѣ всего.

Маркизъ.

Нѣтъ, церковь отвращенье

Имѣть къ крови пролитой, сеньоръ.

Его хоронятъ прямо.

Король.

Разъясненье

Дальнѣйшее не нужно.

Маркизъ.

Приговоръ

Легко исполнить. Въ мѣстности пустынной

Кричать, сопротивляться—лишній трудъ.

Указываетъ на отверстіе, въ которомъ видна лѣстница, и на
плиту, лежащую у входа.

Монаха въ эту впадину втолкнуть.

Онъ спустится по лѣстницѣ не длинной

На дно гробницы и надъ головой

Его плиту кладутъ. Тьма, миръ погоста

И вѣчное безмолвіе. Живой...

Король.

Конечно, мертвъ. Да, это очень просто.

Маркизъ.

Когда имѣеть онъ желанье, то умереть,

Но все-же церковь крови не пролететь.

Знакъ одобренія со стороны короля.

Король, громко, смотря въ монастырскій
садъ.

Хоть этотъ инокъ увѣряетъ

Что женщины...

Пріоръ.

Не входятъ къ намъ.

Король, маркизу.

Онъ вретъ.

Одну я вижу.

Смотрить въ глубь сада.

Рядомъ съ ней гуляетъ
Прелестный юноша, еще почти дитя.

Приоръ.
Вы видите, сеньоръ, принцессу.
Король.

Не шутя?

А онъ кто?

Приоръ.

Принцъ.

Король, тихо, маркизу.
Я сдѣлалъ превосходно,

Пріѣхавши сюда.

Приоръ.

Намъ разрѣшили законъ

Ихъ свѣтлость взять и было такъ угодно
Виконту самому, а онъ,

Кланяется королю.

Виконтъ д'Ортець—властитель нашъ.

Король.

Я тоже

Вашъ властелинъ.

Приоръ.

Мы не виновны все-же:

Ребенка приютилъ у насъ виконтъ д'Ортець.

Король.

И даже двухъ. Здѣсь самка и самецъ.

Маркизь, тихо, королю.

Сеньоръ, король французскій признается
Епископомъ у насъ,—такъ изстари ведется,
А онъ, виконтъ д'Ортець—мирянинъ и монахъ.

Какъ повелитель Дакса и Кагора,

Какъ рыцарь, на враговъ нагнать способный страхъ,

Онъ принцъ—о томъ не можетъ быть и спора—

А здѣсь въ монастырѣ—онъ кардиналъ-аббатъ.

Король, смѣясь.

Въ Испаніи монахъ, во Франціи—солдатъ.

Маркизь, указывая въ ту сторону, гдѣ ко-
роль замѣтилъ двухъ дѣтей.

Виконтъ д'Ортець не даромъ, вѣроятно,

Здѣсь помѣстилъ голубку съ голубкомъ.

Король.

Мнѣ цѣль его вполне понятна.

Онъ хочетъ ихъ женить тайкомъ.

Приору.

Въ монастырѣ они давно ужь?

Приоръ.

Съ малолѣтства.

Король, маркизу.

Здѣсь провели они, какъ узники, все дѣтство.

Приору.

Ихъ имена?

Пріоръ.
Она—Роза д'Ортець.
Король.

А онъ?

Пріоръ.
Прииць Санхъ де Салинасъ.

Маркизь дѣлаетъ движеніе и шпивается глазами въ ту сторону, гдѣ король замѣтилъ юношу и дѣвушку.

Король, дѣлаясь все болѣе и болѣе серьезнымъ.

Въ томъ нѣтъ сомнѣнья:

Они законные наслѣдники съ пеленъ.

Онъ—Бургоса; Ортець—ея владѣнья.

Пріоръ, наклоняясь въ знакъ согласія.

До Таго простираются у насъ
Его права.

Маркизь, въ сторону.

Онъ Санхъ де Салинасъ,
Владѣтель Бургоса! Я слышу въ первый разъ.

Король, пріору.

Ну, продолжай. Велось все это тайно.
Санхъ юный—мой кузень, хотя я полагалъ
Вѣтъ эту вымершей.

Пріоръ.

Секретно чрезвычайно
Содержится у насъ донъ Санхъ, и пожелалъ
Виконтъ свою племянницу съ нимъ вмѣстѣ
Сюда-же помѣстить...

Маркизь, въ сторону.

Сказать по чести,

Я думалъ, что она всѣ умерли давно.

Что за открытіе! Ужель мнѣ суждено

Такое счастье? Конечно,

Ребенокъ этотъ мой. Его я безконечно
Уже люблю. Меня дни радостные ждутъ.

Король, маркизу.

Да, этотъ монастырь пустынный, какъ пріютъ,
Удобно выбранъ.

Пріоръ.

Здѣсь обручены секретно

Прииць и принцеса и они должны
Вступить въ законный бракъ. Любовь ихъ всѣмъ замѣтна.

Ихъ предокъ былъ святой, которому, вѣрны

Призванію, мы мелимся. Корона

Его, переходя изъ рода въ родъ,

Дошла до короля Гастона

Пятнад...

Король.

Разсказывай короче и—впередъ.

Пріоръ.

Нашъ кардиналь—виконтъ, глава и оборона

Монастыря, желалъ, чтобы они,
Принцъ и принцеса наши, были скрыты
Отъ постороннихъ глазъ...

Маркизь, въ сторону.

Онъ—Санхъ!

Король, указывая маркизу на юношу внѣ сцены.

Взгляни,

Какъ онъ хорошъ!

Маркизь смотритъ съ сильнымъ волненіемъ.

Пріоръ, смотря въ ту-же сторону.

Въ виду имѣя тронъ,

Полсотней молодыхъ дворянъ для свиты

Принцъ пользуется; въ храмѣ онъ,

Въ главѣ другихъ, вступаетъ на амвонъ.

Его столица есть—Пенначеррада.

Но такъ какъ скрыто мракомъ роковымъ

Его рожденіе—о чемъ молчать мнѣ надо,

То здѣсь, подъ покровительствомъ моимъ,

Не знаютъ своего происхожденья

Самъ принцъ, какъ и принцесса. Безъ сомнѣнья,

Кого-то опасаются.

Король.

Нѣтъ, мнѣ

Подобная игра не нравится вполнѣ.

Пріору, продолжая смотрѣть въ ту-же сторону.

На нихъ, какъ на тебѣ, монашеское платье.

Пріоръ.

Обоихъ ихъ обязанъ былъ принять я

Не иначе, какъ взявши съ нихъ обѣтъ

Послушниковъ: иного средства нѣтъ,

Чтобъ жить въ монастырѣ...

Король.

Такъ онъ безъ постриженья

Монахъ почти, полумонахиня она.

Пріоръ.

Но принцамъ въ правѣ дать мы разрѣшенье

Обѣтовъ ихъ; ихъ свадьба рѣшена.

Король, маркизу.

Я—волкъ и если вдругъ въ овчарню попаду я,

То сокрушу въ ней все.

Задумчиво, въ сторону.

Ну, нѣтъ, со мной враждуя,

Меня ты никогда, виконтъ, не проведешь.

Двухъ ангеловъ, какъ бѣсъ ты стережешь,

Мнѣ на зло. Пусть. Свой заговоръ сжумѣю

Я въ собственную пользу обратить.

На Розѣ Санхо можешь ты женить,

Я въ этомъ свой расчетъ имѣю.

Ты Бургосъ оттянуть задумалъ у меня,

Отдавъ племянницу за моего кузена.

Прекрасно. Я мѣшать, молчаніе храня,

Не стану. Мнѣ съ руки подобная измѣна.
 Какъ ты, и я свои владѣнья берегу.
 И допустивъ, чтобъ принцъ сталъ юной Розы мужемъ,
 Наварру у тебя я оттягать могу.
 И такъ, быть по сему. Мы оба обнаружимъ
 Свой планъ, когда свершится этотъ бракъ.
 Сегодня—свадьба, завтра—громъ атакъ.

Смотря въ сторону, гдѣ находится юная чета.

Принцесса хороша.

Задумчиво.

Тотъ властвовать лишь можетъ,
 Кто, изучивъ врага, до тонкости постигъ
 Весь темный механизмъ его интригъ.
 Тогда противника онъ быстро уничтожитъ
 Его-жъ оружіемъ, свесетъ ударъ, другой,
 Руководя движеніями злого
 Врага и сдѣлаетъ, къ концѣ концовъ, такого
 Убийцу собственнымъ слугою.

Смотрить въ ту-же сторону, прислушиваясь.

О чемъ они ведутъ бесѣду? Интересно

Послушать!

Идетъ въ глубину сцены и скрывается за деревьями.

Г у х о, смотря за ушедшимъ, тихо.

Гм! Шпіонить сталъ. Чудесно!

По уходѣ короля, маркизъ дѣлаетъ пріору повелительный знакъ приблизиться.

ЯВЛЕНІЕ Ш.

Тѣ-же, безъ короля. Маркизъ и Пріоръ ведутъ бесѣду на авансценѣ.

Маркизъ.

Монахъ!

Пріоръ, почтительно приближаясь.

Съ покорностью.

Дѣлаетъ глубокой поклонъ маркизу.

Маркизъ.

Ты королю сказалъ

Не все...

Пріоръ.

Я скромнѣе, какъ служитель Бога.

Что духовникъ чрезъ исповѣдь узнать,

О томъ молчать онъ долженъ строго.

Маркизъ.

О, это вымыселъ. Одинъ изъ папъ рѣшилъ,
 Что въ важныхъ случаяхъ передавать все можно.

Такъ берегись меня, все расскажи, что скрылъ

Отъ короля. Тебѣ неосторожно

Со мною ссориться.

Приоръ.

Такъ дайте клятву мнѣ

Меня не выдавать.

Маркизь.

Клянусь, и я исполнѣ

При этомъ буду щедръ: корону золотую
Въ сто марокъ для твоей Мадонны закажу
И шесть подсвѣчниковъ серебряныхъ. Святую
Я правду знать хочу.

Приоръ.

Я все вамъ расскажу.

Понимая голосъ.

Когда вы, монсеньоръ, какъ самъ я, юны были,
Въ тѣ дни у донны Сапхъ, супруги короля
Бургосскаго родился сынъ. Ходили
Въ то время слухи—ими вся земля
Полна,—что онъ прижить былъ отъ пажа Горвоны,
Но все-жъ король считалъ себя его отцемъ
И передалъ ему права своей короны.

Тотъ овладѣлъ престоломъ и вѣнцомъ,
Блисталъ, женился и затѣмъ скончался,
Но въ свой чередъ сынъ у него остался,
Малютка. Думали, что въ дѣтствѣ умеръ онъ,
Но мальчикъ былъ похищенъ кардиналомъ

Еще ребенкомъ малымъ

И въ этотъ монастырь смиренный помѣщенъ.

Маркизь, въ сторону.

Я вѣрно угадалъ.

Межъ тѣмъ, какъ приоръ бормочетъ молитву, онъ смотритъ въ ту
сторону, куда ушелъ король.

Боюсь я, не рѣшаюсь

Повѣрить, что онъ мой... Ребенокъ мой, мой внукъ!

Во мнѣ проснулось что-то... Изумляюсь

Я самому себѣ... Воскресъ я, ожилъ вдругъ,
Узнавъ, что у меня въ груди есть сердце тоже...

Благословенный, радостный ударъ!

Всѣхъ ненавидѣвши, я сталъ любить, о Боже!

Теперь я жить хочу для внука, я не старъ...

Переродился я, дивясь тому, какъ чуду.

Я зло любилъ, теперь жить для добра лишь буду...

Казалось мнѣ, что все я потерялъ

И все опять нашель, счастливымъ дѣдомъ сталъ!

Отнынѣ я могу съ улыбкой упованья

Смотрѣть на ту вершину, гдѣ растетъ

Онъ, отпрыскъ моего существованья.

Онъ, чистый мой цвѣтокъ, и говорить всѣмъ: вотъ
Мой сынъ, мой внукъ! И съ нимъ я долженъ возродиться.

Попробуемъ. Въ тотъ мракъ, гдѣ я живу, внесеть

Ребенокъ этотъ свѣтъ, и отразится

Вліяніе его цѣлительно на мнѣ,

И сердце гнусное мое должно забиться

Другимъ біеніемъ. Преобразясь вполнѣ,
 Иную жизнь начну я... О, Создатель,
 Ты милосердъ! Я, менторъ и пріятель
 Тирана мрачнаго, я рабъ и льстецъ
 Его позорныхъ, страшныхъ преступленій,
 Я нахожу спасенье, наконецъ,
 Могу поднять чело и, полный угрызений,
 Свободнѣе вздохнуть, очнуться... У меня
 Онъ на землѣ одинъ, какъ я одинъ на свѣтѣ
 Остался у него... Что шагъ, то западня,
 Иль пропасть вокругъ него, но бездны эти
 Минуемъ мы. Я бодрствую.

Задумчиво.

Увы,
 Гдѣ счастье полное, гдѣ полная побѣда?
 Погибнетъ внукъ, когда узнаютъ дѣда.
 Скрывать все долженъ я...

Обращается къ пріору.

П р і о р ъ, тихо.

Мнѣ обѣщали вы

Не выдавать меня.

М а р к и з ъ.

Не безпокойся. Скоро

Оставитъ монастырь донъ Санхъ?..

П р і о р ъ.

Виконтъ-аббатъ,

Какъ только женить юнаго сеньора,—
 Онъ взрослымъ сталъ теперь, для свадьбы нѣтъ преградъ—
 Тогда откроетъ всѣмъ его происхожденье.

Оглядывается. Въ глубинѣ сцены показывается король.

Король!

М а р к и з ъ.

Король!

Въ сторону, говоря самому себѣ.

Теперь всѣ помышленья

Отъ короля, старикъ, старайся скрыть.

П р і о р ъ, тихо.

Защиты вашей ждемъ. Лишь-бы не прогнѣвить
 Чѣмъ короля!

М а р к и з ъ, въ сторону.

Пойдемъ, комедіантъ, личину

Свою опять надѣть, презрѣнья и обидъ

Не чувствуя, забывши всякій стыдъ,

И улыбайся рабски господину,

Которому ты служишь.

П р і о р ъ.

Монсеньоръ,

Прошу васъ соблюсти нашъ уговоръ.

М а р к и з ъ.

Не бойся ничего.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ-же и Король.

К о р о л ь, въ сторону.
 Есть, право, наслажденье
 Подслушивать дѣтей. Ихъ объясненья
 Забавны.
 Смотрить въ ту сторону, откуда только-что пришелъ.
 Вотъ они. Пойдемъ.

М а р к и з ъ.
 Могу-ль узнать,
 Какое-же у васъ на счетъ дѣтей рѣшенье?

К о р о л ь.
 Ихъ счастье. Хочу ихъ сбѣдичать.

М а р к и з ъ.
 Политикъ вы глубокой.

К о р о л ь.
 Постепенно
 Испанію пора расширить и поднять.
 Обогатить меня бракъ этотъ непременно.

Я кардиналу искренно хочу
 Помочь, его затѣй секретныхъ не затрону
 И скоро самъ тогда заполучу
 Какъ Даксъ, такъ и Байонну.

М а р к и з ъ, въ сторону.
 Трепещетъ сердце черствое въ груди
 Моей... О, внукъ мой, подожди:
 Ты будешь королемъ.

По знаку короля, стража и вся королевская свита удаляются чрезъ
 проломъ стѣны. Пріоръ подходит и кланяется королю, скрестивъ на груди руки.

К о р о л ь, пріору.
 Сюда я не являлся:

Запомни.

П р і о р ъ, склонившись.
 Государь...

К о р о л ь.
 Ты никогда меня
 Не видѣлъ.

П р і о р ъ.
 Я, монахъ-бѣднякъ, повиновался.

К о р о л ь.
 Что дѣлается здѣсь, я съ нынѣшняго дня
 Все буду знать...

П р і о р ъ.
 Всегда покорны будемъ
 Мы вашему величеству.

Въ сторону.
 О, звѣрь!
 Будь проклятъ!..

Король.

Я давно не вѣрю людямъ.

Епископъ вашъ во Франціи теперъ.

Пріоръ.

Да, государь.

Король.

Но все-жъ здѣсь мѣстопробыванье

Епископа Ургельскаго.

Пріоръ.

Почтиль

Онъ этой честью насъ.

Король.

Съ нимъ обо всемъ—молчанье.

Не говори ему о томъ, что я здѣсь былъ.

Донъ Санхъ и донна Роза появляются въ глубинѣ сцены. Они никого не замѣчаютъ. Король указываетъ на нихъ маркизу и направляется къ пролому. Маркизу.

Идемъ!

Пріору.

Молчи, иль будетъ рискъ опасенъ

И ты умрешь.

Маркизу.

Идемъ.

Король уходитъ. Гухо слѣдуетъ за нимъ. Маркизь смотритъ на донъ Санхо.

Маркизь.

Какъ онъ прекрасенъ!

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Донъ Санхъ и донна Роза.

Донъ Санхъ и донна Роза оба въ одеждѣ послушниковъ; онъ въ бѣлой рясѣ, она подъ бѣлымъ покрываломъ. Они бѣгаютъ и рѣзвятся между деревьями. Ей шестнадцать лѣтъ, ему семнадцать. Они то догоняютъ другъ друга, то другъ друга ищутъ. Смѣхъ и веселость. Роза старается поймать бабочку. Санхъ рветъ цвѣты и составляетъ изъ нихъ букетъ.

Донна Роза.

Смотри, какъ много бабочекъ!

Донъ Санхъ.

Влюбленъ

Я въ розы.

Рветъ цвѣты шиповника, присоединяя ихъ къ своему букету, и смотритъ вокругъ себя.

Запахомъ цвѣтовъ я опьяненъ.

Донна Роза, любуйся бабочкой.

Взгляни на ту, которая летаетъ

Вонъ тамъ.

Д о н ъ С а н х ъ.
Весь садъ живетъ, благоухаетъ.

Д о н н а Р о з а.
Давай подѣлимся. Мнѣ—бабочки, а ты
Бери себѣ цвѣты.

Д о н ъ С а н х ъ, поднимая глаза къ небу.
Повсюду разлито пѣвнтельное что-то,
Какой-то чудный, пѣжный аромат.
Рветъ цвѣты для своего букета; Роза бѣгаетъ за бабочками.
Онъ любитъся ею.

О, Роза!

Д о н н а Р о з а, оборачиваясь, смотритъ на
цвѣты, собранные дономъ Санхо.
Для кого тебѣ пришла охота
Вязать букетъ?

Д о н ъ С а н х ъ.
Ты можешь наугадъ
Сама рѣшить.

Д о н н а Р о з а.
Ну, для меня, конечно.
Снова начинать гоняться за бабочками. Онѣ ускользаютъ, она сердится.
Любуюсь ими я, я ихъ люблю сердечно,
Онѣ-жь себя поймать мнѣ не дадутъ.

Д о н ъ С а н х ъ.
Не трогай ихъ, не то ихъ краски пропадутъ.
Задумчиво слѣдить за полетомъ бабочекъ.
Онѣ, какъ окрыленные лобзанія,
Усть ищутъ.

Д о н н а Р о з а.
И находятъ ихъ, цвѣты
Цѣлуя.

Д о н ъ С а н х ъ.
Правда... Такъ какъ, Роза, ты
Сама цвѣтокъ...
Ловить ее въ свои объятія. Она вырывается, онъ ее цѣлуетъ.

Д о н н а Р о з а.
Ахъ, что за обниманье!
Вы дурно поступаете, сеньоръ.
Д о н ъ С а н х ъ.
Я—твой женихъ, мы дружны съ давнихъ поръ.
Донна Роза слѣдитъ за бабочкой, которая садится на цвѣтокъ.

Д о н н а Р о з а.
Поймаемъ бабочку. Она спустилась... свѣла.
Тихо подкрадывается. Обращаясь къ дону Санху.
Иди-же.

Донъ Санхъ, очень близко слѣдуетъ за ней.
Тише.
Губы донъ Санха встрѣчаются съ губами Розы. Бабочка упорхнула.

Д о н н а Р о з а.
Снова улетѣла!
Ахъ, какъ неловокъ ты! Поймать ее не могъ.

Д о н ъ С а н х ъ.
Но я поймалъ твой поцѣлуй.

Д о н н а Р о з а, слѣдятъ за бабочками, кото-
рыя вновь садятся на цвѣты.

Онѣ садятся

Какъ рыцари у ногъ
Любимыхъ дамъ... Вотъ дальше снова мчатся,
Измѣнницы!

Слѣдятъ за бабочками.

Зачѣмъ онѣ летятъ? Куда?

Донъ Санхъ подходитъ тихо сзади и цѣлуетъ ее. Она его отталкиваетъ.

До свадьбы цѣловаться! Никогда!
Я не хочу.

Д о н ъ С а н х ъ.
Такъ возврати обратно
Мой поцѣлуй...

Д о н н а Р о з а, улыбаясь.
Оставь.

Д о н ъ С а н х ъ.
Напротивъ, Роза...

Д о н н а Р о з а.

Но...

Какъ я люблю тебя!

Цѣлуются. Садятся на одну изъ могилъ. Она кладетъ голову на его плечо; оба въ восторженномъ настроеніи слѣдятъ за бабочками.

Д о н ъ С а н х ъ.

Какъ необъятна

Природа, какъ все дивно въ ней!

Зимой во тьмѣ холодныхъ, мрачныхъ дней,

Какъ саванъ, снѣгъ всю землю покрываетъ.

Но улыбнулся май, садъ снова зацвѣтаетъ

И, словно бѣлыя снѣжинки, мотыльки

Порхаютъ въ воздухѣ, красивы и легки.

Въ сердцахъ, какъ и въ природѣ, праздниѣ тоже

И жизнь всѣмъ кажется тогда еще дороже.

И улетаютъ къ верху, въ небеса,

Восторговъ и любви земные голоса.

Д о н н а Р о з а.

я тебя люблю.

Д о н ъ С а н х ъ, страстно.

О, Роза!

Онъ сжимаетъ ее въ своихъ объятіяхъ. Пролетаетъ бабочка. Донна

Роза вырывается изъ рукъ донъ Санха и бѣжитъ за бабочкой.

Д о н н а Р о з а.

Какъ красива

Вотъ эта бабочка! Ее поймаетъ. Живо!

Д о н ъ С а н х ъ.

Богъ наряжаетъ, кажется, весну,

Чтобъ только развлекать тебя, тебя одну.

Бабочка садится на кустъ.

Д о н н а Р о з а, протягивая руку, чтобъ ее схватить.

Ты не испугни ее.

Бабочка улетаетъ.

Несносная какая!

Никакъ нельзя ее поймать:

Вспорхнула.

Слѣдуя за бабочкой, а донъ Санхъ за нею.

Вотъ на лилію опять

Спустилась.

Бабочка улетаетъ.

Надъ травой мелькая,

Несется далѣе.

Д о н ъ С а н х ъ.

На свѣтѣ ты н я,

Иль наши души маленькія, жили

Всегда вдвоемъ... другъ друга мы любили

Давно, давно... О, милая моя

Жена!..

Бабочка летить дальше.

Д о н н а Р о з а.

Меня она замѣтила.

Бабочка садится на цвѣтокъ шиповника. Донна Роза, желая ее схватить, протягиваетъ руку и затѣмъ быстро ее отдергиваетъ.

О, гадкій

Шиповникъ! мнѣ онъ палець укололъ...

Д о н ъ С а н х ъ.

Ахъ, розы! Крови ангельской и сладкой

Испить имъ захотѣлось...

Монахъ въ одеждѣ доминиканца появляется между могилъ подъ деревьями. Онъ никого не видитъ. Донна Роза его замѣчаетъ.

Д о н н а Р о з а.

Вновь пришелъ

Сюда старикъ-монахъ. Онъ страненъ и наводитъ

Страхъ на меня. Уйдемъ, онъ ближе все подходитъ.

Скрываюся за деревьями. Монахъ тихо подвигается впередъ, погруженный въ размышленіе. День склоняется къ вечеру.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Монахъ, одинъ.

Двѣ стороны. Съ одной—весь грѣшный міръ людской, Тираны, отъ злодѣйствъ забывшіе покой, Невѣжество людей ученыхъ, ложь, притворство, Слѣсъ, сладострастіе, жемудрецовъ упорство, Радъ каинскихъ убійствъ, предательство Далиль, Еретики, жида, броженъе темныхъ силъ, Хаосъ умовъ, страстей, кощунство, святотатство, Всѣ, зло творящіе съ улыбкою злорадства

И гнусную играющую роль—
 Отъ пышнаго дворца до скромнаго аббатства—
 Министръ, епископъ, папа и король...
 Съ другой-же стороны—огонь злобщій, вѣчный!
 Здѣсь—человѣкъ разсвѣянный, безпечный
 Ликуеть, чашами на пиршествахъ звеня,
 А тамъ—вертепъ, тамъ океанъ огня!
 Адъ! Люди, эти жалкія созданья,
 Единый выходъ изъ существованья
 Найдутъ въ аду. Жить, умереть.
 Смѣяться часъ и цѣлый вѣкъ скорбѣть.
 Адъ! Страшный призракъ! Словно знамя
 Кровавое, летающее пламя,
 Громадное и знойное жерло,
 Гдѣ искупается мученіями зло;
 Пастъ пропасти ничѣмъ неутолимой,
 Всегда прозорливой и вѣкъ неугасимой,
 Гдѣ кары никому не избѣжать.
 Среди горящей сѣры раздаются
 Напрасно крики: сынъ мой милый! мать!
 И мученики ждуть, ждуть—не дождутся
 Пошады. Глупая мечта. Всему конецъ.
 Въ горнилѣ ада волны огневныя
 Уносятъ жертвы, и на черепа живые
 По каплѣ падаетъ расплавленный свинецъ.
 Чудовищный, злобщій міръ. Дыханье
 Его разноситъ ужасъ и страданья.
 Надъ нимъ виситъ могильный, мрачный сводъ,
 Гдѣ блещутъ точки огненныя, словно
 На небѣ звѣзды, и съ высотъ
 Такого потолка неутолимо, ровно
 Дождь вѣчный изъ погибшихъ душъ людскихъ
 Въ пастъ бѣдны падаетъ, гдѣ ждуть мученья ихъ
 И кара человѣческаго рода;
 Гдѣ грѣшники горятъ на медленномъ огнѣ
 Въ бездонной адской глубинѣ.
 Ночь, стоны, плачь. Изъ многихъ впадинъ свода
 Врываясь, вѣтеръ ходитъ и крутитъ
 Столбами пламени, и огненная лава
 Опять ростеть, со всѣхъ сторонъ бѣжить,
 Распространяя свѣтъ кровавый,
 И небо говоритъ: «Пошады нѣтъ!» и адъ
 Гласитъ: «Нѣтъ выхода назадъ!»
 За всѣ грѣхи, пороки, преступленья,
 За жизнь развратную,—а жизнь одно мгновенье—
 Все, все живущее сойдетъ на вѣки въ адъ.
 Адъ цѣлый міръ поглотитъ. Въ томъ сомнѣнья
 Не можетъ быть. Къ намъ даже адскій смрадъ
 Доходитъ, заражая воздухъ. Сами
 Мы видимъ подъ земными небесами,
 Какъ подымается изъ глубины земли

Дымъ съ очага иль печки Беліала:
 Везувій—здѣсь, тамъ—Этна, а вдали
 Дымится Гекла. И не мало
 Такихъ одушинъ ада. Помышлять
 О чемъ-же болѣе? Чего намъ больше ждать?
 Подъ нашими ногами смерть и муки
 И бездна, гдѣ проклятій слышны звуки...
 Наклонимся надъ пропастью. Въ огнѣ,
 Какъ вихорь пламенный, на самомъ днѣ
 Вертепа осужденные крутятся.
 Жаръ нестерпимый въ пеклѣ, тишина.
 Ни выхода, ни бѣгства не дожидаться
 Несчастнымъ. Адъ—тюрьма ихъ. Сатана
 Надъ муками ихъ бѣшено хохочетъ.
 Веругъ ихъ кипитъ горящая смола,
 Свинець растопленный клокочетъ
 И вѣчность имъ сказать одно могла:
 «Пошады нѣтъ! Нѣтъ выхода!»

О, Боже!

Кто-жъ пожалѣетъ ближнихъ жалкихъ, кто-же?
 Отвѣчу: я! Я мѣръ пришелъ спасти
 И человѣку принести
 Прощенье и освобожденье.
 Объ этомъ думаю я каждое мгновенье;
 Мнѣ высшая любовь и совѣсть говорятъ:
 «Иди!» И сокрушу я бездну новой бездной.
 Что началъ Доминикъ, то я окончу. Адъ!
 Какъ дверь его съ рѣшеткою желѣзной
 Разбить? Рѣшится-ль кто, о Римъ, о Иисусъ,
 Избавить мѣръ отъ кары? Я рѣшусь.
 Вотъ мысль моя, моя великая потреба.
 Чтобъ адъ исчезъ и чтобъ разверзлось небо,
 Что нужно для того? Костеръ необходимъ.
 Адъ слѣдуетъ прижечь, мгновениемъ однимъ
 Отдѣлаться отъ вѣчности. Всѣ муки
 И пытки часъ страданья прекратить.
 Костры потушатъ адъ. Плоть наша, ноги, руки
 Сгорятъ съ грѣхами, духъ-же возлетитъ
 Горѣ, очищенный и словно обновленный.
 Людское тѣло—прахъ, душа людская—свѣтъ,
 Становится она обожествленной
 Отъ пламени... Сомнѣнья больше нѣтъ.
 Безсмертная душа! Отдамъ на жертву смѣло
 Я за тебя земную форму—тѣло.
 Какой отецъ, какаа мать
 Передъ вопросомъ станетъ колебаться:
 Кому ребенка бѣднаго отдать—
 Костру иль аду вѣчному? Достаться
 Сыну долженъ дьяволу иль въ небо воспаритъ
 На крыльяхъ ангела?.. Да, въ этомъ искупленіи
 Всего живущаго. Настанетъ рай опять,

Не будетъ больше жертвъ грѣхопаденья...
 Но времени терять нельзя... Струится кровь
 Христа и духъ онъ испускаетъ вновь.
 Мірское зло растетъ. Міръ мраченъ, какъ могила,
 Пороки вкоренились глубоко.
 То дерево, которое сгубило
 Праматерь Еву, вѣтви широко
 Раскинуло и вѣрующихъ нѣтъ.
 Монахи нарушаютъ свой обѣтъ,
 Еретики безумствуютъ, ломаютъ
 Кресты, дары святые оскверняютъ
 И вѣра гложетъ, какъ цвѣтокъ,
 Какъ лилія въ крапивѣ. Мракъ глубоокъ.
 Предъ кѣмъ склоняется самъ папа? Передъ Богомъ?
 Нѣтъ, передъ цезаремъ. Передъ его порогомъ
 Трепещетъ онъ, забывъ свой высшій долгъ, свой санъ,
 Забывши заповѣдь: «Не сотвори кумира»,
 И скоро станетъ Римъ рабомъ магометанъ.
 Единый шагъ еще—настанетъ гибель міра.
 Но въ міръ явился я, чтобы его спасти,
 И на своемъ торжественномъ пути
 Костры священные раздую.
 Я съ сатаной и тартаромъ враждую,
 Цѣною тѣла души искуплю
 И цѣлый свѣтъ спасенный обновлю.
 Хвала Творцу! Весь міръ возвеселится.
 Отъ пламени костровъ земля вся задымится
 Подъ небомъ городовъ на много, много лѣтъ.
 Изъ книги Бытія скажу: «Да будетъ свѣтъ!»
 И засверкаетъ вскорѣ
 Пещь огненная, огненное море
 Зажженное моей рукой...
 Какъ я люблю тебя, прекрасный родъ людской!

Со сложными руками, возводитъ глаза къ небу, въ восторженномъ состояніи. Позади него, изъ-за кустовъ, которые въ глубинѣ сцены, выходятъ монахи со скрещенными на груди руками, съ опущеннымъ капишономъ. Затѣмъ, изъ другого угла сада показывается второй монахъ, затѣмъ еще третій. Эти монахи, одѣтые въ платье августинцевъ, становятся, нѣмне и неподвижны, сзади монаха-доминиканца, который ихъ не видитъ. Другіе монахи приходятъ одинъ за другимъ такимъ-же образомъ, отдѣльно и въ молчаніи, становятся рядомъ съ первыми. У всѣхъ руки скрещены и капишоны опущены. Не видно ни одного лица. Скоро изъ нихъ образовался родъ полукруга позади доминиканца. Этотъ полукругъ раздвигается и изъ-за деревьевъ показывается въ церковной мантии, съ посохомъ въ рукѣ и съ митрою на головѣ, епископъ среди двухъ архидіаконовъ. Это епископъ Ургельскій. Онъ приближается медленно, сопровождаемый пріоромъ, который одинъ изъ монаховъ имѣетъ поднятый капишонъ. Епископъ, не говоря ни слова, становится въ центрѣ полукруга монаховъ, который сзади него слова слышится. Доминиканецъ ничего не замѣчаетъ. День все болѣе темнѣетъ.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Доминиканецъ, епископъ Ургельскій, пріоръ и монахи.

Епископъ.

Прошу васъ быть свидѣтелями, братья,
Что буду я, епископъ Іоаннъ,
Монаха этого судить. Но прежде снять я
Съ него допросъ обязанъ. Долгъ и санъ
Мнѣ говорятъ: быть справедливымъ надо.

Монахъ оборачивается и безъ смущенія смотритъ на епископа.
Кто ты?

Монахъ.

Монахъ-доминиканецъ.

Епископъ.

Какъ

Зовутъ тебя?

Монахъ.

Я Торквемада.

Епископъ.

Ты бѣсомъ одержимъ, какъ говорятъ, и мракъ
Царитъ въ твоей душѣ; зловѣщія видѣнья
Преслѣдуютъ тебя. Что-жъ, правда это?

Монахъ.

Нѣтъ.

Я вижу только то, что есть.

Епископъ.

Ты лжешь.

Монахъ.

Сомнѣнье

Напрасное. Я вижу высшій свѣтъ,
Я созерцаю Бога.

Обращаетъ свои взоры на вызолоченный мистическій треуголь-
никъ наверху большого креста на кладбищѣ.

О, Предвѣчный!

Скажи, что дѣлать намъ, служителямъ твоимъ?
Мы видимъ предъ собой законъ безчеловѣчный,
Жестокій и—безсильны мы предъ нимъ.

Епископъ.

Намъ говорятъ, что ты насъ порицаешь всюду.

За то, что презираемъ, какъ скотовъ,

Мы нечестивцевъ всѣхъ.

Монахъ.

Скрываться я не буду:

Вы ошибаетесь,—я повторить готовъ.

Епископъ.

Червь дождевой!

Монахъ.

Любить и думать о спасенія

Всѣхъ грѣшниковъ должны мы.

Епископъ.

То вѣроученье,
 Въ которое Дидье Ломбардскій впалъ,
 Ты исповѣдуешь, распространяя мнѣнье,
 Что въ пламени костровъ погибнетъ адъ; ты сталъ
 Всѣхъ увѣрять, что, сожигая тѣло,
 Спасается душа.

Монахъ.

И подтверждаю смѣло,
 Что это—истина.

Епископъ.

Ты ослѣпленъ, монахъ.
 Всѣхъ золь главнѣйшій корень—заблужденье.

Монахъ.

Духъ не выносить тѣла; тѣло—прахъ,
 Нячтожество, и отъ его сожженя
 Душа очистится.

Епископъ.

Ужасное ученье.

Монахъ.

Нѣтъ.

Епископъ.

Ложное.

Монахъ.

Ему всегда

Остапуть вѣренье я.

Епископъ.

Ехидна! Аспидъ!

Монахъ.

Да,

Я буду твердь.

Епископъ.

Покайся, окаянный,
 Отъ своего безумства отрекись!

Монахъ.

Я не умѣю лгать и мною дашний
 Обѣтъ не позабуду.

Епископъ.

Берегись!

Монахъ.

Завѣту Латеранскаго собора
 Я слѣдую и разсуждаю такъ,
 Какъ папа Иннокентій Третій.

Епископъ.

Врагъ

Ученья нашего, ты сѣмена раздора
 И смуты породишь. Одумайся-же, будь
 Покорнымъ и, рукой ударивъ въ грудь,
 Скажи: «я былъ не правъ»!

Монахъ.

Я правъ.

Епископъ.

Брюно Анжерсвй,

Чтобы возвыситься, раскаянье принесть.

Монахъ.

Въ своемъ смиреніи, какъ завѣщаль Христось,
Не помышляю я о возвышеньи.

Епископъ.

Дерзкій

Гордецъ!

Монахъ.

Нѣтъ, только вѣрующій.

Епископъ.

Что-жъ

Намѣренъ дѣлать ты?

Монахъ.

Я босикомъ до Рима

Дойду.

Епископъ.

Напрасно! Тамъ и пропадешь:

Мнѣ папа повелѣлъ судить неумолимо
Тебя, собака...

Монахъ.

Такъ неутомимо

Песь будить пастуха, я-жъ папу разбуду,

Его святѣйшество принудя

То выслушать, что я ему скажу.

Епископъ, указывая присутствующимъ на
монаха.

Не чловѣкъ, а звѣрь.

Монахъ.

• Да, я не золъ, какъ люди.

«Безъ милосердія—нѣтъ вѣры», какъ сказалъ
Апостоль Павелъ.

Епископъ.

Ты истолковалъ

Невѣрно этотъ текстъ. Самъ папа Сикстъ Четвертый

Желалъ очистить воздухъ спертый

Въ средѣ фанатиковъ религіозныхъ всѣхъ,

Отъ церкви требовалъ онъ кротости примѣрной

И часто, извиняя людямъ грѣхъ,

Не одобрялъ жестокости чрезмѣрной

И вѣры слишкомъ строгой. Наконецъ,

И инквизиція теперь не нагоняетъ

На массу ужаса и самъ святой отецъ

Благословляетъ чаще, чѣмъ караетъ.

Лишь изрѣдка то тамъ, то здѣсь костеръ пылаетъ.

Монахъ.

Такія послабленія страшатъ

Меня. Чѣмъ рѣже дымъ костровъ въ странѣ клубится,
Тѣмъ разгорается сильнѣе мрачный адъ.

Епископъ.

О, темная душа! Чего-же ты добиться
Желаешь?

Монахъ.

Миръ спасти.

Епископъ.

Спасенье въ чемъ?

Монахъ.

Въ огнѣ.

Епископъ.

Суровыхъ слишкомъ средствъ бояться нужно.

Монахъ.

Мнѣ

Извѣстно, что врачи вѣрны имъ и доншнѣ.

Епископъ.

О, голосъ вопіющаго въ пустынѣ!
Чего-жъ ты ждешь?

Монахъ.

Я жду того, чтобъ Богъ

Торжествовать надъ вами мнѣ помогъ.

Епископъ.

Посмотримъ.

Указывая монаху на отверстіе склепа.

Внизъ спустись.

Монахъ.

Что тамъ?

Епископъ.

Твоя могила.

Монахъ.

Согласенъ.

Идетъ по направленію къ склепу.

Епископъ.

Отрекись. Еще есть время.

Монахъ, идя къ склепу.

Нѣтъ.

Епископъ.

Одумайся. Иль жизнь тебѣ постыла?

Монахъ, возведя глаза къ небу.

О, Боже, порази меня на склонѣ лѣтъ

И воля грозная твоя да совершится!

Подходить къ склепу и останавливается на краю его.

Епископъ.

Мнѣ, какъ епископу, ты долженъ покориться.

Заслуживаетъ смерть единую въ стѣнахъ

Монастыря бунтующій монахъ.

Монахъ, стоя на порогѣ склепа.

Аминь.

Епископъ.

Послушайся меня. Повиновенья

Я требую.

Монахъ.
Нѣтъ, не могу.
Епископъ.
Сойди

Внизъ на одну ступень.

Монахъ спускается съ первой ступеньки склепа.
Отъ заблужденья

Не отрекаешься?

Монахъ.
Нѣтъ.
Епископъ.
Богъ тебя суди.

Спускайся.

Монахъ сходитъ еще на одну ступеньку.
Откажись.

Монахъ.
Нѣтъ.
Епископъ.
Опускайся ниже.

Монахъ сходитъ на слѣдующую ступень.

Я твой судья и твой епископъ. Говори-же,
Что ошибался ты.

Монахъ.
Я правду говорилъ.
Епископъ.

Безумецъ, покорись.

Монахъ.
Не я безумнымъ былъ.
Епископъ.

Сходи.

Монахъ сходитъ. Его видно лишь до половины. Епископъ, приближаясь къ отверстию склепа и смотря въ его глубину.

Взгляни: тамъ ждетъ тебя вода въ кувшинѣ
И черствый хлѣбъ. Опустятъ надъ тобой
Плиту, и все, что видѣлъ ты донныѣ:
Сіанье дня, сводъ неба голубой—

Исчезнетъ для тебя.

Монахъ.
Да будетъ такъ.
Епископъ.

Спускайся.

Монахъ сходитъ. Видна только одна его голова.

Еще разъ говорю тебѣ—покайся.

Безъ воздуха, какъ факель, здѣсь

Потухнешь ты. Мученья эти взвѣсь:

Тьма, жажда, голодъ, смерть. Еще-ли не ужасно?

Монахъ.
Такая смерть прекрасна.
Епископъ.

Сходи.

Монахъ скрывается въ склепѣ.

Г о л о с ъ м о н а х а .
 Стою на самомъ днѣ.
 Е п и с к о п ѣ , монахамъ.
 Сейчасъ

Закройте склепъ плитой.

Г о л о с ъ м о н а х а .
 Исполните приказъ.

По знаку епископа, опускаютъ камень склепа, оставляя только одну узкую отдушину. Епископъ наклоняется надъ этимъ отверстиемъ.

Е п и с к о п ѣ .

Во имя Господа, къ тебѣ зываю снова!
 Отъ ложнаго ученья откажись.
 Душа твоя раскаяться готова?

Г о л о с ъ м о н а х а .

Нѣтъ.

Е п и с к о п ѣ .

О, несчастный, отрекись,
 Въ послѣдній разъ прошу, отъ заблужденья.
 Даю тебѣ еще два-три мгновенья.

Г о л о с ъ м о н а х а .

Не отрекусь.

Е п и с к о п ѣ .

Да будетъ миръ съ тобой!

Два монаха задвигаютъ плиту наглухо.

Мы за него должны молиться, братья, нынѣ.

Монахи складываютъ руки и попарно, медленными шагами, удаляются. Епископъ идетъ послѣднимъ. Всѣ скрываются за деревьями. Слышно, какъ они поютъ погребальную молитву. Голоса ихъ постепенно ослабѣваютъ.

О т д а л е н н ы е г о л о с а м о н а х о в ѣ .

De profundis ad te clamavi, Domine.

Г о л о с ъ и з ѣ м о г и л ы .

О, Боже, Боже, сжался надъ судьбой
 Людей.

Г о л о с а м о н а х о в ѣ .

Libera nos.

Г о л о с ъ и з ѣ м о г и л ы .

За что-же

Погибнуть долженъ миръ? Спаси меня, о Боже!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Монахъ въ склепѣ, Донъ Санхъ и Донна Роза.

Донъ Санхъ и донна Роза выходятъ изъ чащи гѣса, останавливаются на его опушкѣ и оглядываютъ удивленную мѣстность. Пауза молчанія. Почти ночь.

Д о н ъ С а н х ѣ .

Привыкли съ дѣтства мы другъ друга такъ любить,
 Что, кажется, моя душа слилась съ твоею.
 Минуты безъ тебя я не могу прожить

И, право, иногда не въ силахъ, не умѣю
 Рѣшить—тебя-ль влеку я за собой,
 Иль ты меня невольнo увлекаешь.
 Все-жъ тайна съ нашей связана сѣдѣбой.
 Кто мы? какъ я, ты этого не знаешь.
 Въ монастырѣ насъ держать взаперти.
 Зачѣмъ? Разгадки я не могъ найти,
 Но мнѣ тебя любить никто здѣсь не мѣшаетъ.
 И счастливъ я. Съ тобой вездѣ жизнь хороша,
 И тайна прошлаго меня не занимаетъ.
 Да, Роза, вѣрь мнѣ, ты—моя душа.
 Моя душа—твоихъ румяныхъ устъ дыханье.
 Моя душа—очей твоихъ сіянье,
 И нѣтъ во мнѣ души, когда ты не со мной.
 Тобою я живу, дышу тобой одной
 И для меня ты въ мѣрѣ всѣхъ дороже.
 Ну, поцѣлуй.

Д о н н а Р о з а .

Нельзя.

Позволяеть себя поцѣловать; затѣмъ она облакачивается
 на его руку и указываетъ ему на небеса.

Взгляни на небо.

Оба въ восторгѣ созерцають картину ночи.

Г о л о с ь и з ь с к л е п а .

Боже,

Будь милосердѣ къ землѣ!

Д а л е к і е г о л о с а м о н а х о в ѣ .

Ite, rex sepulcris!

Г о л о с ь и з ь с к л е п а .

Будь милосердѣ.

Д о н н а Р о з а .

Чу! слышишь—донеслись

Къ намъ звуки пѣнія?

Д о н ъ С а н х ѣ .

Нѣтъ, слышалъ я степенъе

И гдѣ-то очень близко тутъ.

Г о л о с а м о н а х о в ѣ .

Пѣніе монаховъ постепенно ослабѣваетъ и удаляется.

Opus grave super carut.

Д о н н а Р о з а .

Ты слышишь, что поють.

Какъ пѣнье трогаетъ среди молчанья

И тьмы ночной! Какъ будто въ небеса

Гимнъ благодарности уносятъ голоса.

Все любить на землѣ. По крайней мѣрѣ,

Привыкла такъ я думать.

Г о л о с а м о н а х о в ѣ .

Miserere!

Г о л о с ь и з ь с к л е п а .

O, miserere!

Донъ Санхъ.

Нѣтъ, я точно слышу стонъ.
Откуда-же доносится въ намъ онъ?

Донна Роза.

Не изъ часовни-ли? Тамъ, можетъ статься,
Поютъ вечернюю молитву.

Донъ Санхъ.

Нѣтъ.

Донна Роза.

Когда дневной потухнетъ свѣтъ,
Легко во тьмѣ ночной слухъ можетъ ошибаться,
И ночь обманчива.

Голосъ изъ склепа.

О, Иисусъ!

Донъ Санхъ, замѣчая плиту, которая за-
крываетъ склепъ.

Отсюда крикъ исходитъ.

Донна Роза.

Я боюсь.

Донъ Санхъ.

Кто тамъ внизу?

Донна Роза.

Мертвецъ заговорилъ.

Голосъ изъ склепа.

О, Боже!

Донъ Санхъ.

Подъ этою плитой живого погребли.

Донна Роза.

Не подходи. Мертвецъ, покинувъ ложе
Могильное, выходитъ изъ земли!..

Донъ Санхъ, въ сильномъ волненіи.

Да помоги-же мнѣ!

Онъ становится на колѣни и пробуетъ сдвинуть камень. Донна Роза
дѣлаетъ то-же самое и старается помочь дону Санху. Послѣд-
ній обращается къ Розѣ съ улыбкой.

Когда здѣсь осужденный,

Пусть будетъ онъ, тобой спасенный,
Благодарить за то тебя одну.

Наклоняется надъ камнемъ и кричитъ.

Кто стонетъ здѣсь?

Голосъ изъ склепа.

Тамъ кто-то есть. Спасите!

На помощь!

Донъ Санхъ.

Погодите.

Оба дѣлаютъ усиліе, чтобы сдвинуть плиту.

Не столкну,

Не сдвину камня я. Безъ рычага нѣтъ силы

Его поднять; я только истомлюсь.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя замѣчаетъ желѣзный крестъ
на одной могилѣ, близъ стѣны.

Вотъ этотъ крестъ поможетъ мнѣ.

Встаегъ и идетъ къ кресту.

Д о н н а Р о з а, останавливая его.

Съ МОГИЛЫ

Креста не трогай: грѣхъ.

Д о н ъ С а н х ъ, смотря на склепъ.

Несчастный!

Д о н н а Р о з а.

Я боюсь,

Что осквернишь ты крестъ; кресты всѣ—вещь святая.

Д о н ъ С а н х ъ.

Когда несчастнаго, при помощи креста, я

Спасу, тогда еще святѣе будетъ онъ.

И вырывая крестъ, я свыше умудрѣнъ.

Выдергиваетъ изъ земли желѣзный крестъ.

Готово.

Д о н н а Р о з а, крестясь передъ крестомъ.

О сгук, ave!

Д о н ъ С а н х ъ, разсматривая крестъ, кото-
рый онъ держитъ обѣими руками.

Брусъ желѣзный

Сослужить службу намъ здѣсь, какъ рычагъ полезный.

Теперь за дѣло примемся скорѣй.

Обломокъ скалы подкатываетъ къ склепу, употребляя его, какъ
точку опоры для рычага. Вводитъ конецъ креста подъ
плиту и налегаетъ на желѣзо.

Ахъ, смерть не любить, если ей

Вновь вѣки открываютъ въ царствѣ мрака.

Не легкой трудъ.

Оба останавливаются, чтобы перевести духъ.

Въ монастырѣ, однако,

Творятся часто темныя дѣла.

Д о н н а Р о з а.

Я вся дрожу.

Д о н ъ С а н х ъ, напирая на рычагъ.

Плита довольно тяжела.

Д о н н а Р о з а.

О, камень уступаетъ!

Плита начинаетъ сдвигаться.

Д о н ъ С а н х ъ.

Сдѣлать надо

Еще одно усилие.

Донна Роза напираетъ на рычагъ, донъ Санхъ сдвигаетъ ка-
мень; склепъ открывается.

Д о н н а Р о з а, хлопая въ ладоши.

Какъ я рада!

Д о н ъ С а н х ъ, смотря въ темное отверстіе
склепа.

Видъ склепа мрачнаго лишь нагоняетъ страхъ.

Монахъ медленно выходитъ изъ склепа и смотритъ, по очереди, то
на дону Санхо, то на донну Розу.

Д о н н а Р о з а.

Живой! Да это онъ, старикъ-монахъ!
Какое счастье, что мы здѣсь близко были.

М о н а х ъ.

Живымъ я запертъ былъ въ могилѣ,
И вы меня спасли, какъ добрые друзья...
Клянусь, вамъ отплачу за это, дѣти, я.

Дмитрій Минаевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗОЛОТОЙ ФОНТАНЪ.

Романъ Бенито Мереса Гальдоса.

(Перев. съ испанскаго).

ГЛАВА XXV.

Она одна.

Встрѣтившись, по возвращеніи домой, съ дядей, Лацаро задрожалъ; но страхъ его смѣнился удивленіемъ, когда онъ замѣтилъ, что старикъ не только не сердитъ на него за то, что онъ позволилъ увлечь себя на собраніе головорѣзовъ *Фонтанчика*, но, напротивъ, казался менѣе мрачнымъ, чѣмъ обыкновенно, и даже выказалъ къ нему нѣкоторое благоволеніе, что было для юноши величайшей неожиданностью.

Въ этотъ вечеръ и все слѣдующее утро Лацаро снова дѣлалъ цѣлый рядъ безплодныхъ попытокъ увидаться съ Кларой. Трехголовый церберъ, въ образѣ трехъ дѣвъ, сторожилъ бѣдную дѣвушку такъ хорошо, что безъ шлема-невидимки, казалось, не было никакой возможности проникнуть къ ней. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Лацаро.

Но что было невозможно для наивнаго и неопытнаго студента, то оказалось очень легкимъ для эксъ-аббата Хила Караскозы. Придя какъ разъ въ обѣденное время, онъ, съ позволенія „святой“, вошелъ къ Кларѣ справиться объ ея здоровьѣ и, не теряя драгоценнаго времени, вынулъ изъ жилета записочку, которую торопливо сунулъ въ руку дѣвушкѣ, приложивъ многозначительно палецъ къ губамъ. Затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, онъ спросилъ се о здоровьѣ и, не дождавшись отвѣта, удалился.

Клара вспыхнула до корня волосъ; первой ея мыслью было разорвать конвертъ и прочесть таинственное письмо. Она не сомнѣвалась, что оно отъ Лацаро. Не имѣя возможности переговорить съ ней, онъ рѣшился прибѣгнуть къ письму и воспользо-вался услугами аббата, вѣроятно, своего пріятеля. Однако, какъ ни велико было ея нетерпѣніе узнать поскорѣй, что содержится въ этой бумажкѣ, страхъ быть пойманной доньей Паулитой на мѣстѣ преступленія былъ еще сильнѣе, и потому она поснѣшила спрятать записку въ карманъ, съ тѣмъ, чтобы прочесть ее на досугѣ.

„Святая“ не замедлила вернуться и усѣлась на обычное мѣсто рядомъ съ Кларой.

— А знаете-ли, сегодня вечеромъ мы идемъ на процессію Божественнаго Пастыря.

— Да? машинально отвѣчала Клара.

— Но только вы, милая сестрица, не пойдете. Рѣшено оставить васъ дома, потому что дѣвушкамъ, на которыхъ наложена эпитемія, нельзя развлекаться зрѣлищами. Не правда-ли?

— Правда, повторила Клара, почти не отдавая себѣ отчета въ томъ что, говорить, потому что вся она была поглощена страхомъ, что „святая“ по ея лицу догадается, что въ карманѣ у нея спрятано какое-то письмо.

На этомъ разговоръ прекратился. Донья Паулита была уже совсѣмъ одѣта. На ней былъ ея обыкновенный парадный костюмъ, но — удивительное дѣло! — косынка, надѣтая на голову, падала внизъ довольно живописными складками, какъ у молодой кокетливой монашенки: ея *мантонъ*, закрывавшій обыкновенно, какъ непроницаемая вуаль, все лицо, теперь былъ отброшенъ назадъ съ такою смѣлостью, которую по прежнимъ строгимъ правиламъ назвали-бы, по меньшей мѣрѣ, легкомысленною.

Еслибы Клара не была такъ взволнована въ эту минуту или еслибы она обладала большей наблюдательностью, то она замѣтила-бы, что донья Паулита какъ-то странно разсѣянна и чрезвычайно нервна. Она то улыбалась безъ всякой видимой причины, то вдругъ становилась очень грустной и задумчивой, или-же ею внезапно овладѣвала какая-то раздражительность: она стискивала зубы, бросала сердитые взгляды на невидимаго противника и, вытянувъ шею, прислушивалась къ какимъ-то отдаленнымъ звукамъ. Болѣе то:о: еслибы Клара не нагибалась такъ низко надъ работою, то она не могла-бы не увидѣть, какъ „свя-

тая“ встала, подошла къ маленькому зеркальцу изъ горнаго хрустала (артистическому произведенію XVII вѣка, вывезенному изъ Венеціи одиннадцатымъ изъ Пореньосовъ) и минуты три очень внимательно смотрѣлась въ него. Между тѣмъ, мы имѣемъ самыя неопровержимыя доказательства, что никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ историческая поверхность этого зеркала не отражала еще лица мистической дѣвы. Очевидно, что-то совершенно новое и небывалое должно было произойти за эти два дня въ ея душѣ, чтобы проявиться фактомъ до такой степени неожиданннмъ, и потому мы останавливаемъ на немъ все вниманіе нашихъ читателей. Сами-же заглянемъ на другую половину дома, гдѣ донья Марія-Миръ-во-Иисусъ и донья Саломѣ готовились къ предстоящему торжественному выходу.

Изъ старыхъ гигантскихъ шкаповъ были вынуты два черныхъ платья изъ валенсіанскаго шелка, бывшія очень изящными четверть столѣтія тому назадъ. Теперь-же донья Марія чуть не задыхалась въ допотопномъ костюмѣ, а донья Саломѣ походила, въ полномъ смыслѣ слова, на вѣшалку, съ которой вотъ-вотъ свалится висящій на ней нарядъ. Накинувъ на головы шелковыя кружевныя косынки, они направились къ ящичку, стоявшему на комодѣ, и достали оттуда два вѣера старинной формы, составленныя, по крайней мѣрѣ, изъ двухсотъ маленькихъ пластинокъ, шумѣвшихъ при раскрываніи, какъ трещотка. Кромѣ того, Саломѣ надѣла на лѣвую руку небольшой ридикюль, гдѣ носила зеркальце съ туалетными принадлежностями и стьялочку духовъ.

— Какъ-же мы оставимъ въ домѣ однихъ эту дѣвушку и этого молодого человѣка? спросила донья Марія, пораженная внезапной мыслью.

— Да, въ самомъ дѣлѣ! съ ужасомъ воскликнула донья Саломѣ.—Какъ это намъ не пришло въ голову раньше?

— Невозможно; нужно взять съ собой молодого человѣка.

— Взять его съ собой? Но вѣдь это ужасно!..

Въ эту минуту „святая“ вошла въ комнату. Эліасъ, не желая мѣшать своимъ присутствіемъ туалету дамъ, прохаживался взадъ и впередъ по корридору.

— Что скажутъ о насъ, если увидятъ съ нами этого молодого человѣка? продолжала Саломѣ.

— Этого молодого человѣка? переспросила Паулита.

— Да; что скажутъ? Подумайте только объ этомъ...

— Ничего не скажутъ, возразила „святая“ самымъ спокойнымъ тономъ, хотя она избѣгала взгляда старухъ.—Подумають, что это какой нибудь родственникъ, провожающій насъ. Главное въ томъ, что грѣхъ заключается въ намѣреніяхъ, а не въ видимости. Что о насъ могутъ сказать? Да и что намъ до того за дѣло!

— Однако, если это юноша, извѣстный дурнымъ поведеніемъ. Мнѣ вовсе не хочется, чтобы насъ увидѣли съ нимъ рядомъ.

Предъ такимъ аргументомъ на минуту стала въ тупикъ даже мистическая дѣва, но ее не такъ-то легко было сбить въ диспутъ и потому она вскорѣ оправилась и съ обычнымъ апломбомъ воскликнула:

— О, суета суетъ и всяческая суета! Слѣдуетъ бояться не людской молвы, а приговора собственной совѣсти. Совѣсть-же подсказываетъ мнѣ, что этотъ юноша не можетъ быть испорченъ. (Эліась вошелъ въ комнату и остановился у порога, ловя на лету каждое слово). — У него доброе сердце и если онъ въ чемъ провинился, то это слѣдуетъ приписать неопытности и отсутствію руководителя. Но онъ исправится и, можетъ быть, уже теперь проливаетъ слезы раскаянія. Зачѣмъ-же намъ отталкивать его? Пусть идетъ съ нами.

Эліась не далъ ей окончить. Внѣ себя отъ энтузіазма, онъ поднялъ руки вверхъ и громко крикнулъ:

— Лацаро! Лацаро!

И, не дождавшись его прихода, онъ бросился ему на встрѣчу и чуть не втащилъ его въ комнату.

— Стань на колѣни передъ этой святой, громко сказалъ онъ,—стань на колѣни. Она сказала, что у тебя доброе сердце.

Лацаро былъ смущенъ, ошеломленъ и въ первую минуту не понималъ, чего хочетъ отъ него старикъ.

— Стань на колѣни! повторилъ Эліась, — и поцѣлуй ей руку.

Лацаро не сталъ долѣе сопротивляться и, опустившись на одно колѣно, почтительно поцѣловалъ руку своей покровительницы и нѣсколько минутъ не выпускалъ ее изъ своей.

Донья Паулита дѣлала надъ собой героическія усилія, чтобы казаться спокойной и принять съ архіепископской благосклонностью поцѣлуй молодого человѣка. Но когда она почувствовала, что губы его прикоснулись къ ея рукѣ, она вздрогнула, поблѣднѣла, потомъ вспыхнула; какой-то горячій потокъ, переме-

жавшійся съ нервнымъ холодомъ, пробѣжалъ по всему ея святому тѣлу, не привыкшему въ прикосновенію губъ мужчины.

Послѣ небольшой паузы она, однако, оправилась:

— Что вы говорите! обратилась она къ Эліасу.—Я—святая! Пусть эти слова послужатъ вамъ, юноша, доказательствомъ несходительности вашего дяди.

Донья Марія положила конецъ этой патетической сценѣ, сказавъ довольно холодно и пренебрежительно:

— Пойдемте!

— Одѣнсья; ты проводишь сеньоръ! воскликнулъ Эліасъ.

Это приказаніе вовсе не доставило бѣдному студенту такого счастья, какъ ожидали дамы. Услыхавъ за обѣдомъ, что Клара не пойдетъ на процессію, онъ рѣшилъ, что это самая удобная минута повидаться съ ней на-единѣ. Теперь его планы снова разлетались во прахъ... Но, однако, не было ни малѣйшей возможности противорѣчить такому категорическому приказанію и потому, подавивъ въ себѣ бѣшенство, онъ поднялся на верхъ и черезъ нѣсколько минутъ, одѣтый тоже по праздничному, вернулся въ залу, откуда вся компанія двинулась въ путь, взявъ съ собой ключъ отъ квартиры. Другой ключъ остался у Эліаса.

Не прошло и пяти минутъ послѣ ухода дамъ, какъ въ прихожей раздался нетерпѣливый звонокъ.

Эліасъ спустился внизъ отпереть дверь.

— Пойдемте, пойдемте сію минуту! въ волненіи проговорилъ Караскоза.

— Куда? зачѣмъ?

— Пойдемъ, пойдемъ; расскажу дорогой.

— Но мнѣ нельзя... Я одинъ въ домѣ и мнѣ не на кого его оставить...

— Э, полно,—что станется съ домомъ? А тутъ дѣло перво-степенной важности!

— Но что-же случилось, Караскоза? спросилъ Эліасъ съ безпокойствомъ.

— Некогда, некогда... поговоримъ дорогой.

— Но въ домѣ остается дѣвушка... не могу-же я ее бросить...

— Заприте ее на ключъ—и дѣло съ концомъ. Нельзя терять ни минуты, потому что если вы не пойдете сейчасъ-же въ *Фонтанчикъ*—въ клубъ этихъ мальчишекъ, все дѣло пойдетъ прахомъ.

— Что-же тамъ случилось?

— Ваши ребята взбунтовались, сказалъ аббатъ безъ запинки.— Они говорятъ, что вы ихъ обманули, что у васъ нѣтъ никакихъ полномочій отъ... отъ извѣстной особы, однимъ словомъ...

— У меня нѣтъ полномочій! воскликнулъ Эліасъ. — Этакіе мальчишки... Свяжись только съ этими либералишками...

— И кажется, они собираются устроить бунтъ сегодня ночью, сказалъ Карасвоза, увѣренный въ томъ, что его выдумка произведетъ желанное дѣйствіе.

— Сегодня ночью! воскликнулъ Эліасъ, хватаясь за голову. — Проклятые мальчишки! Они съ ума сошли... они хотятъ все погубить... Но кто-же имъ вбилъ въ голову такую дичь?.. Возись послѣ этого съ дѣтворой... Ну, да я имъ задамъ! Гдѣ пляпа?.. Идемъ скорѣе.

— Да, да, идемъ, не то...

— Сейчасъ, сейчасъ. Запру дверь и возьму съ собой ключъ. Что за бѣда; у дамъ есть свой.

— Идемте!

Аббатъ добился своей цѣли: онъ удалилъ въ этотъ вечеръ Эліаса изъ дому, такъ что Клара осталась совершенно одна.

Тѣмъ временемъ, три муміи приближались къ цѣли своего путешествія, и Лацаро все время не переставалъ обдумывать про себя планъ, возникшій въ его умѣ въ минуту гнѣвнаго возбужденія. Планъ этотъ состоялъ попросту въ томъ, чтобы, воспользовавшись первой разсѣянностью трехъ развалинъ, бросить ихъ посреди улицы, а самому вернуться домой. Однако, будучи чрезвычайно привлекателенъ по своей простотѣ, планъ этотъ представлялъ и весьма существенныя неудобства. Какъ проникнуть въ домъ? Развѣ выломать дверь? А дядя, который прибѣжитъ на малѣйшій стукъ? Къ этимъ чисто матеріальнымъ препятствіямъ присоединялось другое, нравственное, первостепенной важности: нежеланіе оскорбить „святую“, внушавшую ему искреннее уваженіе. Положеніе его было ужасно: жить съ ней рядомъ и не видѣть ея; слышать, какъ ежеминутно ее обвиняютъ въ чудовищныхъ преступленіяхъ и не имѣть возможности спросить ее: что ты сдѣлала?..

Дѣвицы Поренъсь шествовали медленнымъ, размѣреннымъ шагомъ, не произнося ни слова. Такъ дошли они до квартиры дона Сильвестра Энтрамбазагуасъ, пригласившаго трехъ своихъ пріятельницъ взглянуть на пышную процессію съ высоты своего

балкона, выходявшаго на улицу Санъ-Матео, по которой должна была проходить процессія.

ГЛАВА XXVI.

Р и д и к ю л ь .

Донъ Сильвестръ былъ толстенькій, упитанный, выхоланный аббатикъ, знавшій толкъ скорѣе въ винахъ и паштетахъ, чѣмъ въ теологіи. Онъ жилъ съ сестрою, особой лѣтъ подь пятьдесятъ очень маленькаго роста съ маленькимъ, какъ финиковая косточка, носомъ цвѣта спѣлаго баклажана, и до такой степени тучной, что она походила на пивную бочку. Дѣвицы Пореньось познакомились съ нею въ пріемной Гонгорскаго монастыря, гдѣ у доньи Петронилы Энтрамбагауасъ между монахинями была какая-то дальняя родственница. Во времена своего величія три аристократическія развалины никогда не снизошли-бы до знакомства съ людьми столь низкаго происхожденія, такъ какъ отецъ ихъ былъ свинопасомъ въ Альмендралехо и маленькій Сильвестро, до поступленія въ семинарію, собиралъ жолуди и пасъ поросятъ. Но послѣ разоренія, дѣвицы считали возможнымъ отнестись снисходительно къ плебейству аббатика и его сестры и отъ времени до времени удостоивали ихъ своимъ посѣщеніемъ, никогда не позволяя себѣ, однако, забыть, какая пропасть отдѣляетъ скромную крестьянку отъ представительницъ одной изъ благороднѣйшихъ фамилій Кастиліи. Дѣвицы Пореньось не думали отречься отъ своей кастовой гордости; что-же касается сестры дона Сильвестра, то она не знала куда посадить своихъ высокихъ посѣтительницъ и обращалась съ ними съ робкимъ подобострастіемъ, на которое тѣ отвѣчали снисходительной благосклонностью. Дружба между дамами, состоявшая, впрочемъ, исключительно во взаимномъ обмѣнѣ условныхъ фразъ и любезностей, продолжалась уже около четырехъ лѣтъ.

Войдя въ маленькій салонъ, благородныя дѣвицы представили хозяевамъ своего спутника. Донья Марія-Миръ-во-Іисусъ съ обычной откровенностью и точностью изложила, что молодой кабальеро шелъ по пути къ погибели подь вліяніемъ дурнаго общества, но прибавила, что онѣ взяли его подь свое покровительство и надѣются обратить на путь истины.

— Ты откуда, молодецъ? спросилъ аббатъ, любившій обращаться съ молодежью съ напускной патріархальностью.

— Изъ Атеки, отвѣчалъ Лацаро.

— Изъ Атеки? Славная земля! Славные быки! Славные фрукты! Что-жь ты тамъ дѣлалъ? Учился?

— Да, сеньоръ. Я готовился быть адвокатомъ.

— Адвокатомъ! съ грубымъ смѣхомъ воскликнула аббатъ. — Какой въ этомъ толкъ? Отчего ты не учился теологіи и канонамъ?

— Насъ этому учили немного въ Сарагоссѣ.

— Въ Сарагоссѣ? Славная земля, славные хлѣба... славныя коровы! Но все же не такія, какъ у насъ въ Эстремадурѣ; я вѣдь родомъ оттуда. Но отчего ты не пошелъ по духовной части?

— Потому что не чувствую призванія къ духовному званію, отвѣчалъ Лацаро.

Донья Марія сдѣлала удивленный и негодующій жестъ, точно молодой человекъ сказалъ нѣчто крайнее непочтительное. Донъ Сильвестръ нахмурилъ брови и, смѣривъ Лацаро строгимъ взглядомъ, отвернулся.

— Сеньора донья Паулита, обратился онъ къ *мистической розѣ*, знате-ли, я прочелъ недавно книгу „De albigeusium ergogibus“ и совершенно согласенъ съ мнѣніемъ отца Парависино, что „*pietas in pietate contra ecclesia nulla contemnere pios*“. Что вы объ этомъ думаете, сеньора Паулита? Вѣдь вы у насъ теологъ.

Паулита ничего не отвѣчала, и всякій другой на мѣстѣ отца Сильвестра замѣтилъ-бы, что въ эту минуту неожиданная теологическая консультація ей крайне неприятна. Женскій инстинктъ возмущился противъ обычнаго святошества дочери Сіона. Она ничего не отвѣчала и — странное дѣло: какъ прежде ее раздражало, когда въ присутствіи духовныхъ особъ съ ней заговаривали о свѣтскихъ предметахъ, такъ теперь ее раздражало, что въ присутствіи Лацаро съ ней заговорили о теологіи.

— Не знаю... Я не читала этой книги... отвѣчала она, наконецъ, видя, что недогадливый аббатъ все не унимается и повторилъ свой вопросъ, украсивъ его нѣсколькими лишними латинскими цитатами.

— Какъ? Не вы-ли сами рекомендовали мнѣ ее въ приѣмной горгонсаго монастыря, когда мы разговаривали съ епископомъ

калагорскимъ? Помните, вы еще процитировали одно мѣсто изъ Діонисія Ареопагита, начинающееся... какъ, бишь, оно начинается? . Не помните-ли?

— Нѣтъ, не помню, отвѣчала „святая“ вспыхнувъ.

— Но разговоръ нашъ съ епископомъ о книгѣ „De albigenisium“ вѣдь помните? Его преосвященство былъ еще такъ любезенъ со мной, что освѣдомился, гдѣ я получилъ посвященіе?

— Ахъ да, теперь вспомнила! сказала Паулита. Но это было такъ давно.

Шумъ на улицѣ и звонъ колоколовъ положили конецъ мученіямъ бѣдной Паулиты, заставивъ всѣхъ броситься къ балконамъ. На одномъ изъ нихъ расположились донья Марія, Саломе и Сильвестръ; на другомъ—Паулита, Лацаро и донья Петронилла. Огромный горшокъ съ китайскими розами отнималъ значительную часть довольно тѣснаго балкона и вмѣстѣ съ доньей Петрониллой заставлялъ двухъ другихъ зрителей жаться на пространство нѣсколькихъ вершковъ. Наконецъ, всѣмъ удалось кое-какъ размѣститься.

Процессія начала дефилировать. Донъ Сильвестръ говорилъ за шестерыхъ. Онъ читалъ цѣлую лекцію о хоругвахъ, иконахъ, значкахъ и духовныхъ братствахъ, имѣвшихъ своихъ представителей въ безконечной процессіи. Желая быть услышаннымъ на сосѣднемъ балконѣ, онъ говорилъ такъ громко, что проходившіе внизу поднимали на него головы. Тѣ-же прохожіе могли замѣтить, что лицо самой молодой изъ четырехъ женщинъ было очень взволновано и волосы ея чуть не касались лба молодого человѣка, стоявшаго съ ней рядомъ. Но этотъ молодой человѣкъ не обращалъ никакого вниманія ни на свою сосѣдку, ни на толпу, ни на процессію, ни на хоругви, ни на святыхъ. Онъ весь былъ поглощенъ однимъ чувствомъ досады, что совершенно противъ воли попалъ на это глупое зрѣлище.

Саломе, опершись на балюстраду, играла своимъ ридикюлемъ, который, по своимъ золоченымъ ободкамъ и разноцвѣтному бисеру, переливавшемуся цвѣтами радуги, издали походилъ на дорогой камешекъ. Этотъ ридикюль, вышитый еще въ прошломъ столѣтіи руками его обладательницы, во время длинныхъ вечеровъ, проведенныхъ ею въ домѣ герцогини Х... въ кругу обожателей, былъ въ глазахъ старой дѣвы какимъ-то талисманомъ. Ей казалось, что достаточно надѣть его на руку, чтобы возвратить себѣ молодость и красоту.

— Упадеть онъ у тебя, сказала донья Марія, видя какъ волшебный ридикюль качается на балюстрадѣ.

— Нѣтъ, не упадетъ, отвѣчала Саломе, очень любившая въ торжественныхъ случаяхъ выставлять на показъ эту игрушку, которая снизу должна была, по ея мнѣнію, производить большой эффектъ.

Длинная вереница монаховъ, священниковъ, братчиковъ, архибратчиковъ, постниковъ и причастниковъ все тянулась внизу съ знаменами, крестами, чапами, иконами, хоругвями. Донья Петронилла перекрививалась съ братомъ каждый разъ, когда что нибудь особенно поражало ея вниманіе. Но въ самомъ интересномъ мѣстѣ, какъ разъ въ ту минуту, когда братчики св. Антонія пронесли огромную статую Христа съ пятью язвами, составлявшую главную святыню процессіи, вдругъ на сосѣдномъ балконѣ раздался отчаянный крикъ.

— Ахъ, Боже мой, упаль ридикюль!

Это кричала Саломе, слѣдя глазами за своей любимой вещцей.

— А въ немъ ключъ отъ дома! съ испугимъ воскликнула донья Марія.

Лацаро этого было болѣе, чѣмъ достаточно: въ одно мгновеніе въ умѣ его составился планъ и, обратившись къ старухамъ онъ крикнулъ:

— Я сейчасъ за нимъ сбѣгаю.

Ридикюль, упавшій на голову кому-то изъ проходившихъ внизу, быстро сталъ передаваться изъ рукъ въ руки, такъ что, минуто спустя послѣ своего паденія, онъ былъ уже на весьма большомъ разстояніи. Замѣтивъ это, Лацаро быстро спустился по лѣстницѣ и, усердно работая локтями, сталъ протискиваться сквозь толпу, направляясь, какъ кормчій, къ тому мѣсту, гдѣ мелькалъ разноцвѣтный кубикъ.

— Какая счастливая случайность, думалъ онъ про себя.— Въ ридикюль ключъ; я бѣгу домой; дядя спитъ у себя, наверху; я вхожу, пробираюсь къ ней, говорю... Что-же мнѣ ей сказать?.. Ну, да все равно! Говорю, что нужно и со всѣхъ ногъ назадъ. Если старухи что-нибудь заподозрятъ, отверчусь такъ или иначе... Другого средства нѣтъ.

Наконецъ, онъ добрался, едва переводя дыханіе, до бродячаго ридикюля. Его держала теперь въ рукахъ какая-то женщина и внимательно осматривала его содержимое. Убѣдившись, что,

кромѣ носового платка, ключа и флакончика духовъ, въ немъ ничего нѣтъ, она не выказывала особеннаго желанія сохранить пестрый ящичекъ. Лацаро взялъ его. Толпа отбросила его очень далеко отъ дома Энтрамбасаугаса. Съ балкона его нельзя было видѣть. Не колеблясь ни минуты, онъ бросился бѣжать по направленію къ дому.

Отъ быстрого бѣга и сильнаго волненія онъ до такой степени запыхался, что долженъ былъ остановиться у воротъ, чтобы перевести дыханіе. Наконецъ-то, онъ ее увидитъ! Онъ подошелъ къ дому, поднялся по лѣстницѣ, но, прежде чѣмъ всунуть ключъ въ замочную скважину, онъ долженъ былъ опереться о стѣну, потому что отъ волненія у него подвешивались ноги. Ему пришло въ голову, что она можетъ испугаться, если онъ войдетъ къ ней въ такомъ видѣ... Наконецъ, онъ отперъ съ величайшею осторожностью дверь, потомъ такъ-же осторожно заперъ ее за собою и вошелъ въ квартиру. Было уже поздно и повсюду царствовалъ глубокой мракъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ощупью. Наконецъ, привыкнувъ къ темнотѣ, глазъ его сталъ различать очертанія предметовъ. Онъ вошелъ въ корридоръ.

Всюду мертвая тишина. Навѣрное Эліасъ еще не проснулся, подумалъ онъ. Клара должна быть у себя. Онъ направился къ ея двери, дрожа отъ волненія, точно собирался совершить какое-нибудь преступленіе. Остановившись у порога, онъ чуть слышно произнесъ: „Клара“, чтобы не испугать дѣвушку внезапнымъ появленіемъ.

Но въ ту-же минуту онъ весь замеръ отъ удивленія и ужаса. Кровь застыла у него въ жилахъ; онъ услышалъ за дверью мужской голосъ, потомъ голосъ Клары, потомъ торопливые шаги по задней лѣстницѣ.

ГЛАВА XXVII.

Роковая минута.

Когда три руины удалились и Клара осталась одна, первой мыслью ея было удовлетворить поскорѣй мучившему ее любопытству и прочесть записку, переданную ей Карасказою. Незамѣтивъ Эліаса, расхаживающаго по корридору, она испугалась и снова спрятала записку въ карманъ. Полчаса спустя, старикъ ушелъ вмѣстѣ съ Карасказою, такъ что она осталась

совершенно одна и, къ тому-же, запертая со всѣхъ сторонъ. Тогда она смѣло вскрыла письмо. Однако, она не испытывала почему-то жгучаго любопытства, мучившаго ее нѣсколько времени тому назадъ: ей казалось, что она знаетъ уже отъ слова до слова все, что ей писать Лацаро, такъ какъ она не могла себѣ представить, чтобы кто-нибудь другой могъ писать ей. Поэтому она очень удивилась, когда, взглянувъ на подпись, прочла: *Клавдіо*.

— Клавдіо! Кто-же этотъ Клавдіо? воскликнула она, ничего не понимая.

Письмо гласило слѣдующее:

„Я возвратилъ тебѣ, другъ мой, юнаго плѣнника, который такъ дорогъ тебѣ. Я раскрылъ двери тюрьмы, гдѣ онъ томился бы до конца дней своихъ. Пусть это послужитъ тебѣ доказательствомъ безкорыстія моей дружбы. Этотъ юноша любитъ тебя, я это знаю, но его любовь—ничто, по сравненію съ моею, и потому я не побоялся его соперничества. Ты съумѣешь выбрать между нами. Я все устроилъ: благодаря мнѣ, ушли три гарпіи; благодаря мнѣ-же, ушелъ Эліасъ; ты осталась одна, запертая, какъ плѣнница. Но для меня не существуетъ ни замковъ, ни преградъ. Я явлюсь къ тебѣ сегодня-же вечеромъ. Не бойся: я хочу только видѣть тебя и говорить съ тобой. Клавдіо“.

— Клавдіо! Но кто-же этотъ человѣкъ? Зачѣмъ онъ придетъ сюда? Іезу-Марія, какъ страшно! Что мнѣ дѣлать? Запереть всѣ двери?

Дрожая всѣмъ тѣломъ, она бросилась запирать сперва дверь въ корридоръ, потомъ направилась къ той, которая сообщалась съ внутренними покоями. Но было уже поздно: дверь отворилась и Боцмедіано вошелъ въ комнату.

— Іезу, вскричала Клара и упала на стуль.

— Не бойся, сказалъ Клавдіо успокоительнымъ тономъ.— Я пришелъ къ тебѣ не какъ врагъ, а какъ другъ. Мнѣ нужно поговорить съ тобою, чтобы знать, какъ спасти тебя изъ этого ада.

Слѣдуетъ замѣтить, что Боцмедіано имѣлъ привычку съ третьяго свиданія говорить „ты“ всѣмъ женщинамъ, за которыми ухаживалъ.

— Но я не хочу, чтобы вы меня спасали... Я проговорила Клара.— Мнѣ здѣсь хорошо... Уйдите, ради Бога!..

— Тебѣ здѣсь хорошо? съ недовѣріемъ сказалъ Клавдіо.—

Хорошо, подъ ферулой этихъ трехъ гарпій и сумасшедшаго старика, которые съ утра до ночи мучаютъ тебя?

— Ничто меня не мучаетъ! въ отчаяніи воскликнула Клара.— Уйдите, ради Бога!.. Я умру отъ стыда, если васъ застанутъ у меня въ комнатѣ...

— Уйти безъ тебя! Это невозможно.

— Ни за что на свѣтѣ я не уйду съ вами. Уйдите, кабальеро (она совсѣмъ забыла, какъ его зовутъ). Вы очень добры, я это знаю, но если вы не уйдете, я возненавижу васъ, какъ злѣйшаго врага. Уйдите-же, умоляю васъ!

— Но если я уйду, что-же будетъ съ тобою, бѣдняжка? Кто поможетъ тебѣ вырваться на вольный свѣтъ изъ кѣтки, куда тебя заперли?

— О, не безпокойтесь объ этомъ! наивно прервала его дѣвушка, оживляясь.

— Ты думаешь объ этомъ юношѣ? Да? Ошибаешься. Онъ ничего для тебя не сдѣлаетъ. Смотри: онъ уже нѣсколько дней живетъ подъ одной кровлей съ тобою, видитъ твой страданіе— и что-же онъ для тебя сдѣлалъ? Попытался-ли онъ, по крайней мѣрѣ, что-нибудь сдѣлать? Нѣтъ, я это отлично знаю; онъ не смѣетъ.

— Ну, такъ что-жь? Онъ ничего не можетъ сдѣлать теперь, но я знаю, что онъ думаетъ обо мнѣ.

— Сомнѣваюсь даже въ этомъ. Онъ слишкомъ увлеченъ политикой. Не жди ничего отъ него, Кларита.

— Пусть будетъ такъ! Но если такъ, я лучше всю жизнь останусь въ этихъ четырехъ стѣнахъ, чѣмъ приму помощь отъ кого-нибудь другого!

— Неужели ты его такъ сильно любишь? съ удивленіемъ спросилъ Клавдіо, не привыкшій встрѣчать такой рѣшительный отпоръ.

— Да, да, люблю! воскликнула Клара, рѣшившись на все, лишь-бы покончить пытку этого свиданія.

Клавдіо задумался и почувствовалъ въ первый разъ комичность своего положенія. Но природная доброта взяла, все-таки, верхъ надъ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія. До сихъ поръ онъ воображалъ себя всепобѣждающимъ Ахилессомъ, однимъ движеніемъ вырывающимъ очаровавшую его женщину изъ рукъ соперника, раздавленнаго его презрительнымъ великодушіемъ. Теперь образъ побѣдителя уступилъ мѣсто образу благороднаго

и самоотверженнаго рыцаря, подавившаго собственное чувство, чтобы составить счастье двухъ любящихъ сердець...

Боцмедіано всталъ. Въ эту минуту Клара поблѣднѣла еще болѣе, потому что ей послышались шаги на лѣстницѣ.

— Не бойся, сказалъ молодой человѣкъ, прислушиваясь; — они не скорó придуть. А теперь я исполняю твое желаніе и ухожу. Прощай или, лучше, до свиданія, потому что я хочу еще разъ видѣть тебя.

— Здѣсь-же?

— Можетъ быть. Я попрежнему убѣжденъ, что вромѣ меня у тебя нѣтъ истинныхъ друзей, и, уходя, я вовсе не покидаю тебя. Я буду слѣдить за тобой, и если окажется, что этотъ мальчишка...

Въ эту минуту чей-то глухой, дрожащій, взволнованный голосъ ясно выговорилъ за дверь: „Клара!“

Дѣвушка окаменѣла отъ ужаса и могла только бросить на Клавдіо взглядъ, полный горькаго укора. Молодой офицеръ, будучи увѣренъ, что незнакомецъ, произнесшій за дверью имя дѣвушки, не могъ ничего слышать, сдѣлалъ дѣвушкѣ знакъ молчанія и неслышными шагами выскользнулъ въ ту самую дверь, откуда явился. Голосъ, между тѣмъ, повторилъ нѣсколько громче: „Клара, Клара, отвори“!.. Это былъ голосъ Лацаро. Онъ слышалъ снаружи мужской голосъ, слышалъ торопливые шаги бѣгущаго по направленію къ внутреннимъ комнатамъ; потомъ, вдали загрохоталъ опрокинутый стулъ... Сомнѣваться далѣе было невозможно. Лацаро опрометью бросился на шумъ. Но его соперникъ, очевидно, хорошо знаемый со всѣми ходами и выходами, былъ уже у маленькой дверцы, сообщавшейся съ заднимъ дворомъ. Когда она распахнулась при слабомъ свѣтѣ сумерекъ, онъ узналъ того самаго загадочнаго офицера, которому былъ обязанъ своей свободой...

Несчастный юноша схватился за голову, зашатался, какъ пьяный, и грохнулся объ землю, точно подкошенный.

— Лацаро! Лацаро! Выслушай! рыдала надъ нимъ Клара.

Звукъ знакомаго голоса заставилъ его встрепенуться.

— Что ты мнѣ хочешь сказать? вскричалъ онъ, вскакивая, какъ ужаленный. Не увеличивай своей вины ложью. Я все видѣлъ... Я не хотѣлъ вѣрить, хотя всѣ повторяли это кругомъ меня!.. Клара, Клара... ты-ли это? Что съ тобой сдѣлалось? Если-бъ всѣ святые повлялись мнѣ въ этомъ мѣсяцѣ тому на-

зздъ, я-бы сказалъ имъ, что они лгутъ... Но теперь я видѣлъ... да, видѣлъ собственными глазами...

Бѣдная дѣвушка плакала, какъ ребенокъ.

— Ради Бога, выслушай меня... я тебѣ все расскажу...

— Не хочу ничего слушать! съ бѣшенствомъ вскричалъ Лацаро. Но гнѣвъ его внезапно перешелъ въ безпредѣльное горе, и голосомъ полнымъ слезъ онъ вскричалъ: Клара, Клара! Какъ ты могла... О, это ужасно... Нѣтъ, это сонъ, это кошмаръ... Хорошъ сонъ! прибавилъ онъ съ ѣдкой ироніей.

— Нѣтъ... я тебѣ все объясню, проговорила Клара, съ мужествомъ отчаянія.—Этого человѣка я совсѣмъ не знаю. Разъ онъ привелъ домой больного дядю, потомъ зашелъ одинъ, когда его не было дома, и сказалъ мнѣ...

— Знаю, все знаю... Можешь не продолжать... Ты имѣла свиданія съ этимъ офицеромъ. Дядя отвезъ тебя сюда... Здѣсь тебя держутъ подъ замкомъ... За что? Что ты сдѣлала? Неужели все это напраслина и всѣ сговорились обижать тебя ни за что, ни про что? А я, дуракъ, ничему не хотѣлъ вѣрить... Ну, да къ чему всѣ эти разговоры? Я во всемъ виноватъ: зачѣмъ познакомился съ тобой? Какое я имѣю право обвинять тебя? Ты свободна. Прощай!

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты, какъ пальной, не дождавшись отвѣта. Очутившись на улицѣ, онъ почувствовалъ такую гнетущую тоску, что заплакалъ на взрыдъ. Однако, онъ не настолько потерялъ сознаніе чтобы забыть, что старухи ждутъ его у толстаго аббатика. Онъ понялъ, что дальнѣйшее отсутствіе можетъ только ухудшить его и безъ того невеселое положеніе, и потому направился кратчайшимъ путемъ на улицу Санъ Матео, стараясь по дорогѣ овладѣть собою и скрыть всякіе признаки внутренняго волненія.

Къ счастью, процессія все еще продолжалась, когда онъ вошелъ, наконецъ, въ домъ донна Сильвестра. Донья Марія, бывшая весь этотъ вечеръ въ особенно раздражительномъ настроеніи духа, встрѣтила его сердитымъ восклицаніемъ.

— Однако, вы заставляете таки себя ждать, кабальеро! Гдѣ это вы пропадали цѣлый часъ?

— Сеньора... Сеньора... лепеталъ Лацаро, я не могъ... Толпой меня отнесло Богъ знаетъ куда... и потомъ, какая-то женщина схватила радикуль и бросилась бѣжать... мнѣ пришлось

гнаться за ней и я чуть, было, не потерялъ ее изъ виду въ толпѣ...

— Полно, кабальерито; уже съ добрыхъ полчаса, какъ улицы совсѣмъ почти опустѣли...

Саломѣ овладѣла своимъ ридикюлемъ, внимательно осматривая, не пропало-ли чего. Но все оказалось цѣло.

Видя, что съ этой стороны его уязвить невозможно, она проговорила сквозь зубы:

— Навѣрное побѣжалъ говорить рѣчь въ какомъ-нибудь клубѣ.

— Юноша, юноша! укворизненно покачалъ головою донъ Сильвестръ,—такъ, стало быть, и въ клубахъ бываетъ?

„Святая“ ничего не сказала, но она угадала своимъ женскимъ инстинктомъ, получившимъ въ послѣдніе дни какую-то феноменальную тонкость, что въ этотъ промежутокъ времени съ Лацаро произошло что-то необыкновенное. Ей и въ голову не приходило, что-бы это могло быть, но она не переставала думать объ этомъ тѣмъ временемъ, какъ послѣднія фигуры процессіи дефилировали подъ овнами.

— Ахъ, пора, пора, уже поздно! воскликнула донья Марія.

— Какъ, вы уже уходите? спросилъ донъ Сильвестръ, который никакъ не могъ дожидаться когда, наконецъ, онѣ уйдутъ, потому что самые аппетитные запахи давно уже доносились изъ кухни.

— Да, пора, пора! повторила донья Марія, окидывая взглядомъ всю свою маленькую паству.—Но что съ тобой, прибавила она, обращаясь къ Паулитѣ,—ты на себя не похожа.

Дѣйствительно, „святая“ была блѣдна какъ полотно, хотя глаза ея горѣли лихорадочнымъ блескомъ.

— Ничего, отвѣчала Паулита, стараясь оправиться.

— Ты навѣрное простудилась на балвонѣ.

— Очень можетъ быть. Сегодня дуетъ какой-то непріятный вѣтерокъ.

— Не прикажете-ли чашку бульону, спросила донья Петронилла.

— Нѣтъ, нѣтъ, это все пройдетъ на чистомъ воздухѣ. Пойдемте скорѣй домой, обратилась она къ старухамъ.

Когда онѣ вышли на улицу, Лацаро, весь погруженный въ свои мысли, пошелъ впередъ, совершенно позабывъ о

дамахъ.

— Нечего сказать, вѣжливый у насъ кавалеръ! воскликнула Саломѣ. Бросаетъ насъ однѣхъ посреди улицы...

Лацаро вернулся назадъ, понутивъ голову.

— Не мѣшало-бы вамъ также, прибавила донья Марія,— быть повѣжливыѣ съ посторонними. Вы даже не попросились съ этими господами... Что объ насъ подумаютъ? Паулита, что съ тобой? Ты едва передвигаешь ноги!.. Могли-бы вы, кажется, догадаться предложить руку моей племянницѣ!.. Вотъ удовольствіе ходить съ такимъ кавалеромъ!

Лацаро пробормоталъ что-то въ видѣ извиненія и предложилъ руку Паулитѣ. „Святая“ совершенно повисла у него на рукѣ, и едва тащилась за нимъ.

— Вы идете слишкомъ быстро, прошептала она.

Лацаро замедлил шагъ.

— Вы идете слишкомъ медленно, сказала она минуту спустя, порываясь впередъ такъ, что онъ едва поспѣвалъ за нею.

— Какая чудная ночь! воскликнула она, останавливаясь и окидывая глазами безоблачный небесный сводъ.

Лацаро тоже остановился и взглянулъ на небо. Старухи шли впереди на довольно большомъ разстояніи.

— Никогда не видала я подобной ночи. Никогда звѣзды не свѣтили такъ ярко и не мерцали такъ загадочно... Кажется, будто онѣ разговариваютъ другъ съ другомъ...

— Разговариваютъ! воскликнулъ Лацаро, не ожидавшій услышать ничего подобнаго изъ устъ „святой“.

— Васъ это удивляетъ? сказала она, устремивъ на него свои черные глаза, блестящія, какъ двѣ яркія звѣзды.

— Я вижу ихъ, но...

— А я не только вижу, но и слышу, съ убѣжденіемъ проговорила „святая“.

Лацаро ничего не отвѣчалъ. „У ней навѣрное лихорадка, подумалъ онъ про себя,—потому что она уже начинаетъ бредить“.

Между тѣмъ „святая“ шла такъ быстро, что они совсѣмъ, было, нагнали старухъ; но потомъ она вдругъ замедлила шагъ до такой степени, что почти топталась на одномъ мѣстѣ. По мѣрѣ приближенія къ дому, она, казалось, все слабѣла и слабѣла. У воротъ она начала шататься и упала-бы на землю, если-бы Лацаро не

догадался самымъ свѣтскимъ образомъ обвить рукою ея станъ. На лѣстницу она совсѣмъ не могла подняться. Пришлось взять ее на руки. Она была блѣдна; глаза ея были закрыты и руки болтались, какъ плети. Но когда лобъ ея прикоснулся къ щебѣ Лацаро, онъ почувствовалъ, что кожа его горитъ.

— У нея сильная лихорадка, сказалъ онъ, усаживая ее на кресло въ столовой, такъ какъ старухи ни за что не хотѣли позволить молодому человѣку внести ее въ ея комнату.

Донья Марія и Саломѣ бережно уложили ее въ постель, сильно встревоженные этимъ неожиданнымъ припадкомъ. Однако, онѣ скоро успокоились, отправились въ столовую и принялись съ аппетитомъ уписывать говяжій винегретъ, приготовленный къ ужину.

Въ домѣ воцарилась мертвая тишина. Поднимаясь къ себѣ наверхъ, Лацаро на минуту остановился, потому что какою-то голось донесся до его слуха. То былъ голось Клары, отвѣчавшей что-то „святой“. Юноша ускорилъ шагъ, чтобы бѣжать отъ этого голоса, который онъ никогда больше не хотѣлъ слышать.

ГЛАВА XXVIII.

П а у л и т а.

Лацаро не засталъ дяди на верху. Усѣвшись на постели и схватившись за голову руками, онъ принялся думать о случившемся въ этотъ вечеръ. Мало по малу, подъ вліяніемъ этихъ мыслей, въ груди его закипѣлъ необузданный гнѣвъ; кулаки его сжимались; онъ проклиналъ день и часъ, когда встрѣтился съ этой дѣвушкой, проклиналъ свое легковѣріе, проклиналъ предательницу. Но предъ нимъ вставалъ образъ Клары, на колѣняхъ, со слезами на глазахъ, съ мольбой простирающей къ нему руки, и гнѣвъ его смѣнялся глубокой жалостью, переходившей минутою спустя въ новый припадокъ бѣшенства. Мучимый самыми противоположными чувствами, онъ то впадалъ въ полное уныніе, то снова оживлялся лучемъ надежды... Надежды? На что?.. Въ эту минутою онъ не зналъ даже, любить-ли онъ ее или презираетъ! Но одно только сознавалъ онъ съ подавляющей ясностью, что онъ безгранично несчастливъ и что никогда уже не видать ему радостей въ жизни. А безжалостное воображеніе, какъ на зло, заставляло проноситься передъ его гла-

зами длинную вереницу дней, проведенныхъ въ тиши родной деревни, когда впереди все казалось такимъ свѣтлымъ и безоблачнымъ.

Часы проходили за часами; наступила ночь. Онъ не думалъ ложиться; ему было не до сна и онъ даже не чувствовалъ потребности отдохнуть; напротивъ, ему хотѣлось двигаться, ходить и онъ кривнуль-бы, если-бы его не подавляла мертвая тишина, царствовавшая во всемъ домѣ. Казалось, все спало кругомъ; не спалъ только онъ одинъ. Выйдя въ корридоръ, онъ сталъ прохаживаться взадъ и впередъ. Здѣсь было немного свѣжѣе, чѣмъ въ тѣсной комнатѣ, и онъ не спѣшилъ вернуться къ себѣ. Пробыло десять, одиннадцать—онъ все продолжалъ ходить. Наконецъ, голова закружилась у него отъ этого топтанія почти на одномъ мѣстѣ. Онъ остановился, оперся руками о балюстраду и, закрывъ лицо руками, долго стоялъ, погруженный въ свои горькія думы. Вдругъ до слуха его донесся какой-то странный шумъ. Онъ поднялъ голову и увидѣлъ въ глубинѣ корридора приближавшуюся къ нему фигуру. Сердце его забилося такъ крѣпко, что, казалось, готово было высочить изъ груди. Между тѣмъ, фигура подходила ближе, и на темномъ фонѣ стѣны обрисовался контуръ женщины, одѣтой въ бѣлое, что дѣлало ее похожей на призракъ. Когда-же она выступила изъ мрака и севозь полузадернутую занавѣску окна на нее ударила полоса луннаго свѣта, можно было подумать, что она озарилась какимъ-то неземнымъ сіяніемъ. Лацаро узналъ Паулиту, лицо которой хранило еще слѣды лихорадки и бессонницы.

— Лацаро! произнесла она чуть слышнымъ, нервнымъ шопотомъ.

— Сеньора, вы здѣсь, въ такую пору! съ удивленіемъ воскликнулъ онъ. Но вы можете простудиться... вы больны...

— Больна? переспросила Паулиты недоумѣвающимъ тономъ. Нѣтъ... я здорова, мнѣ лучше.

— Я думалъ, что вы уже спите. Вамъ слѣдуетъ отдохнуть.

— Вы находите? спросила она, устремляя на молодого человека какой-то странный взглядъ. Нѣтъ... я не могу уснуть... Вотъ уже нѣсколько ночей, какъ я не смыкаю глазъ.

— Такъ, стало быть, вы нездоровы, замѣтилъ Лацаро. Но тотчасъ-же опомнился и прибавилъ:—впрочемъ... понимаю, вы, вѣроятно, молитесь по ночамъ. Вы святая—я это знаю... Но мучить себя до такой степени не хорошо, сеньора.

— Я не святая, печально проговорила Паулита, — а великая грѣшница.

— О, не говорите этого. Вы еще больше заставляете вѣрить въ вашу святость. О, какъ вы должны быть счастливы, сеньора. Не знать, что такое угрызеніе совѣсти! Сосредоточить всю свою любовь на томъ, что не обманеть, не измѣнить: на божествѣ... Можеть-ли быть выше счастье на землѣ?

— Говорите тише, прошептала Паулита.

— Не знать ни горечи разочарованія, ни жгучаго яда ненависти... продолжалъ онъ.

— Говорите тише, повторила „святая“ такъ тихо, что голосъ ея походилъ скорѣе на вздохъ.

— Любить, не зная ни ревности, ни страха предательства; презирать міръ съ его ложью и лицемѣріемъ; выносить спокойно гоненія и находить утѣшеніе въ самихъ страданіяхъ!... О, какъ вы должны быть счастливы, сеньора!..

Послѣ довольно продолжительной паузы голосъ Паулиты, точно отдаленное эхо, проговорилъ:

— Нѣтъ, другъ мой, вы ошибаетесь; напротивъ, я очень несчастна.

Лишь стоя такъ близко отъ Паулиты, какъ стоялъ Лацаро, можно было слышать эти слова.

— Да, я очень несчастлива, повторила Паулита тѣмъ глубокимъ, сдержаннымъ шепотомъ, который нарушаетъ иногда глубокою тишину соборовъ.

Молодой арагонецъ былъ до такой степени поглощенъ собственными горестями, что пропустилъ мимо ушей необыкновенное признаніе, сорвавшееся съ ея языка, и совершенно не обратилъ вниманія на странное выраженіе лица своей собесѣдницы, когда она произносила послѣднія слова.

— Что можеть быть отраднѣе, продолжалъ онъ, какъ-бы разговаривая съ самимъ собою, — этой жизни въ заоблачныхъ высотахъ, гдѣ духъ, окрыленный божественной любовью, паритъ надъ всѣми жалкими скорбями смертныхъ; когда-же мимолетное страданіе, горе, сомнѣніе посѣтитъ безгрѣшную душу, умѣетъ вылить все это въ молитвѣ...

Лацаро замолчалъ и бросилъ задумчивый, неопредѣленный взглядъ на стоявшую около него Паулиту.

— Вы ошибаетесь, проговорила она тѣмъ-же тономъ. — Я не молюсь; я не могу больше молиться.

Лацаро встрепенулся, какъ будто въ первый разъ замѣтилъ ея присутствіе.

— Не клеветите на себя, сказалъ онъ ласково.—Вы хотите отрицать въ себѣ даже то, чего только слѣпой не видитъ. Но если-бы вы могли заглянуть въ душу другихъ людей, то не были-бы такъ скромны и поняли-бы, какая неизмѣримая пропасть отдѣляетъ васъ отъ нихъ.

Паулита опустила глаза и печально проговорила:

— О, вы не сказали-бы этого, если-бъ могли угадать, что у меня на душѣ.

— Вы думаете, что это такъ трудно? сказалъ Лацаро съ улыбкой, смотря ей въ глаза.

— Хотите выслушать мою исповѣдь? проговорила Паулита, устремляя на него твердый взглядъ.—Я сама когда-то считала себя олицетвореніемъ всѣхъ добродѣтелей. Но теперь, о, теперь я о себѣ совѣмъ другого мнѣнія.

— Вы, можетъ быть, думаете, что мнѣ нужно справиться съ чѣмъ-бы то ни было сужденіемъ, чтобы составить свое мнѣніе о васъ, сеньора Паулита? Когда, всѣми отвергнутый, униженный, я пришелъ въ этотъ домъ, моля, какъ нищій, о каплѣ участія, и всѣ, даже самые близкіе мнѣ, вмѣсто хлѣба, подали мнѣ камень и хотѣли оттолкнуть меня, какъ проваженнаго,—это, какъ не вы, самая чистая изъ всѣхъ, возвысили голосъ на мою защиту? Неужели вы думаете, что я забылъ или когда-нибудь забуду это? Нѣтъ, сеньора, меня можно назвать чѣмъ угодно, только не неблагодарнымъ.

— О, я никогда не вѣрила тому, что о васъ говорили, съ одушевленіемъ воскликнула „святая“.—Мнѣ достаточно было взглянуть на ваше лицо. Лицо никогда не обманетъ, я это знаю, и какъ только вы вошли, я тотчасъ-же подумала, что все, что рассказалъ намъ о васъ Эліасъ, либо клевета, либо преувеличеніе, и что если вы дѣйствительно въ чемъ-нибудь виноваты, то это только потому, что васъ...

Паулита остановилась, не рѣшаясь продолжать.

— Говорите, говорите все, что вы думаете! воскликнулъ Лацаро.

— Потому, продолжала Паулита чуть слышно,—что васъ никто не любитъ, какъ вы того заслуживаете.

— О, сеньора, растроганнымъ голосомъ проговорилъ молодой человѣкъ,—ваши слова проникаютъ мнѣ въ самую душу.

Вы высказали громко именно то, о чемъ я съ горечью раздумывалъ, когда вы подошли ко мнѣ.

— Да, съ живостью повторила „святая“.— Васъ не любятъ и не цѣнятъ...

Посторонній наблюдатель замѣтилъ-бы, что мистическая дѣвица подошла еще ближе къ молодому человѣку, который, тронутый задушевными словами „святой“, готовъ былъ схватить ее руку, чтобы прижать ее къ своимъ устамъ. Но почтительное уваженіе къ своей покровительницѣ, переходившее въ робость, помѣшало ему исполнить такое дерзкое намѣреніе.

— Я уже говорила вашему дядѣ, сказала Паулита, — что онъ обращается съ вами слишкомъ сурово.

— Дядя! Еслибъ одинъ дядя! воскликнулъ Лацаро, отворачиваясь въ сторону.

— А можетъ-ли быть добръ человѣкъ, котораго никто не любитъ, сказала „святая“, продолжая нить своихъ разсужденій.— Когда не видишь въ себѣ ничего, кромѣ равнодушія, неблагодарности, презрѣнія, поневолѣ становишься черствымъ и злымъ.

— Правда, правда! съ одушевленіемъ подтверждалъ Лацаро.

— Но любовь дѣлаетъ чудеса...

— Любовь? О, нѣтъ! Вы говорите о святой и чистой любви, доступной лишь такимъ идеальнымъ существамъ, какъ вы, которыя, узнавъ свѣтъ, съ омерзеніемъ отреклись отъ него, чтобы жить въ чистой области духа.

— Нѣтъ, Лацаро, я не знавала никогда того, что называется свѣтомъ.

— Тѣмъ лучше для васъ.

— Все мое дѣтство, продолжала Паулита задушевымъ тономъ,—прошло въ суровомъ дворцѣ моего дяди, гдѣ ко мнѣ не допускали ни подругъ, ни сверстницъ, изъ опасенія, что онѣ разятъ меня своимъ легкомысліемъ. Лишь только я научилась лепетать первыя слова, меня научили молитвамъ: съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, я уже читала часы. Съ десяти лѣтъ меня отдали въ монастырь, гдѣ меня окружили добрыя и святыя сестры; я видѣла только хорошіе примѣры. Съ пятнадцати лѣтъ я только и дѣлаю, что читаю, не переставая, молитвы, почти не отдавая себѣ въ томъ отчета. Съ пеленовъ я считала себя посвященной Богу и никогда не знавала другихъ мыслей. Я не знаю, что такое, не знаю даже—жила-ли я.

— Я удивляюсь вамъ, сеньора!

— Удивляетесь? Мнѣ кажется, что я заслуживаю скорѣе состраданія.

Она глубоко вздохнула и опустила голову.

— Вы достойны состраданія? съ удивленіемъ воскликнулъ араговецъ. — Чего-же вамъ не достаетъ? Что можетъ нарушить миръ вашей души? Какое-нибудь сомнѣніе? Желаніе еще высшаго совершенства? О, если-бы вы знали настоящія душевныя пытки, вы не сказали-бы этого...

— Но что съ вами? съ участіемъ и безповойствомъ спросила „святая“.

Лацаро молчалъ.

— Расскажите мнѣ все. Я васъ пойму и, можетъ быть, утѣшу. Говорите-же.

— Моего горя не расскажешь. Да и не таково оно, чтобъ вамъ можно было выслушать его. Я не хочу приводить васъ въ ужасъ и нарушать миръ вашей души.

— Нѣтъ, нѣтъ, расскажите, чтб-бы это ни было. Расскажите. Вы знаете, я готова простить, прежде чѣмъ выслушаю.

— О, меня прощать нечего; я тутъ не при чемъ.

— Такъ, стало быть, вы страдаете по винѣ другого? съ участіемъ спросила „святая“.

— Оставьте мнѣ одному, сеньора, выносить всю горестъ, выпавшую на мою долю. Это печальное бремя, но я не хочу взваливать его на ваши плечи.

— Что-же-бы это могло быть, Лацаро?.. Въ ваши годы... Ахъ, да! Теперь я понимаю все. Вашъ дядя слишкомъ жестокъ съ вами. Вы чувствуете, что онъ васъ не любитъ. Но изъ-за этого не стоитъ такъ огорчаться, другъ мой. Не всё относится къ вамъ съ такой-же суровостью. Васъ не любитъ донъ Эліасъ, за то любитъ кто-нибудь другой...

— Не думаю. Впрочемъ, мнѣ все равно, сказалъ Лацаро, сердце котораго болѣзненно сжалось при этихъ словахъ Паулиты. Пусть меня ненавидятъ, пусть оскорбляютъ: на то я и родился на свѣтъ.

— Вы черезчуръ взволнованы. Зачѣмъ приходитъ въ такое отчаяніе? съ нѣжнымъ упрекомъ сказала „святая“.

— Извините, сеньора; я самъ не знаю, что говорю. Вы не знаете жизни, вы не знаете, сколько низости, предатель-

ства, цинизма скрывается подъ лицемѣрной оболочкой простоты и даже, иногда, ангельской кротости!

— Перестаньте, перестаньте... Вы должны бороться, а не опускать руки. У васъ есть все, чтобы завоевать себѣ уваженіе, дружбу, любовь. И вы все это завоюете, не давайте только отчаянію расслабить вашу душу. Такой человѣкъ, какъ вы, не можетъ оставаться долго непризнаннымъ.

— О, благодарю васъ, благодарю, съ жаромъ вскричалъ молодой человѣкъ. — Ваши слова вливаютъ въ меня новую жизнь.

— Повѣрьте-же, что ваше несчастіе—лишь плодъ юношескаго воображенія. Есть другія раны, которыя раскрываются въ сердцѣ и распространяются съ такой быстротой, что отнимаютъ всякую надежду на излеченіе. Все, что окружаетъ человѣка, все, что наполняетъ его душу—настоящее и прошедшее, мечты и разочарованія—все обращается для него въ орудіе гибели, въ искушеніе, въ ловушку. Жизнь становится невыносимымъ бременемъ, будущее—однимъ тяжелымъ, гнетущимъ кошмаромъ. Человѣкъ живетъ, но въ сердцѣ своемъ носитъ смерть.

„Святая“ говорила очень тихо и немного торжественно. Въ корридорѣ было совершенно темно и глаза Паулиты, отличавшіеся въ послѣднее время какимъ-то особеннымъ блескомъ, теперь свѣтились въ темнотѣ, какъ два угля. Почернѣвшія отъ бессонницы и нервнаго возбужденія вѣки заставляли эти глаза казаться еще бѣльшими.

— Горе тому, кто не позналъ самого себя, кто не вдумался въ свое назначеніе и позволилъ исковеркать свой характеръ и насиловать природу, продолжала Паулита. Когда заговорить то, что молчало, когда выступить наружу сокрытое подъ спудомъ, когда исковерканное выпрямится во весь ростъ, тогда онъ проклянетъ день своего рожденія! Онъ почувствуетъ, что родился вторично въ зрѣломъ возрастѣ и что прожилъ много лѣтъ, самъ того не замѣчая. И новый человѣкъ поднимется войною противъ стараго и гордый, необузданный, своенравный потребуетъ всего, что ему принадлежитъ по праву, чего пустая и безцвѣтная жизнь не сумѣла дать ему до сихъ поръ, чего ветхій, одряхлѣлый до времени, равнодушный и холодный человѣкъ никогда не подозрѣвалъ даже. Какія тяжкія испытанія готовитъ это запоздалое пробужденіе! О, это ужасно, ужасно!

Лацаро, правду сказать, не совсѣмъ ясно понималъ смыслъ всей этой загадочной рѣчи. Но темноту и вычурность этого объясненія онъ приписалъ вліянію мистическаго чтенія и привычки къ созерцательной жизни, сообщавшей вообще всему языку и манерамъ „святой“ особый отгѣнонь. Поэтому, онъ по просту отвѣчалъ:

— Да, сеньора, это ужасно.

— Самое нѣжное изъ человѣческихъ чувствъ, — любовь, становится ужаснѣйшимъ мучителемъ, продолжала Паулита, — когда считаетъ себя оскорбленною, когда требуетъ уплаты стараго долга и не хочетъ ни ждать, ни идти на компромиссы, а желаетъ разомъ получить все...

— О, да, это ужасно! подтвердилъ Лацаро. Какъ вы счастливы, что знаете объ этомъ только по наслышкѣ!

— По наслышкѣ? сказала она, и послѣ короткой паузы прибавила: — да... я слышала, что любовь служить пробнымъ камнемъ въ жизни человѣка. Но я слышала также, что въ большинствѣ случаевъ то или другое обстоятельство даетъ влюбленнымъ возможность счастливо избѣжать всѣхъ подводныхъ утесовъ. Лишь немногіе, вслѣдствіе исключительныхъ особенностей положенія и характера, пользуются печальной привилегіей гибнуть въ этомъ испытаніи безъ побѣды и даже безъ борьбы.

Лацаро былъ пораженъ. Ему казалось, что Паулита рассказываетъ ему его собственную исторію.

— Вы читаете въ моемъ сердцѣ, какъ въ раскрытой книгѣ! воскликнулъ онъ.

— Нѣтъ, грустно проговорила Паулита, — вы не понимаете меня, Лацаро.

— Къ сожалѣнію, понимаю, съ горечью замѣтилъ юноша. — Но меня удивляетъ только то, что вы одарены такой силой ясновидѣнія, не будучи совершенно знакомы съ человѣческими страстями...

— Да, вы правы... Я ничего этого не знаю, проговорила Паулита съ ѣдкой ироніей, которую только Лацаро могъ не замѣтить. — Я ничего этого не знаю и не понимаю. Вѣдь я глупая святоша!

Послѣднія слова были произнесены съ такой горечью, что не могли не поразить даже такого разсѣяннаго собесѣдника, какъ молодой арагонецъ. Онъ ничего не отвѣтилъ, не желая продолжать разговора на прежнюю тему. Но наклонившись къ

Паулитъ, которая, опустивъ голову и опершись локтемъ о подоконникъ, смотрѣла въ сторону, Лацаро замѣтилъ, что она плачетъ.

— Что съ вами, сеньора? спросилъ онъ.

— Ничего, ничего, ничего, прошептала Паулита, все болѣе и болѣе понижая голосъ, такъ что послѣднее *ничего* могли слышать развѣ что губы, его произнесшія.

— Вы не успѣли еще оправиться отъ вашего припадка и вышли изъ комнаты въ такую пору. Это не хорошо, сеньора. Вы совсѣмъ больны.

— Ваша правда, сказала она поднимая голову.—Я больна... больна неизлечимо!

— Неизлечимо? Не можетъ быть. Вы просто слишкомъ изнуряете себя молитвою. Нужно подумать немного и о здоровьѣ.

— Единственное, о чемъ я думаю,—это о томъ, чтобы скорѣе успокоиться на вѣкъ, отвѣчала Паулита съ глубокой грустью.

— Какъ хороша смерть! патетически проговорилъ Лацаро. Умереть,—уснуть, забыть всѣ муки и тревоги... Быть можетъ, это лучшее, что жизнь можетъ дать намъ...

— Вы говорите о смерти? воскликнула „святая“, оживляясь и подходя ближе, совсѣмъ близко къ своему собесѣднику.—Нѣтъ, вы не должны думать о смерти. Вамъ слѣдуетъ жить. Кто знаетъ, что готовитъ вамъ судьба въ будущемъ.

— Мнѣ? Что-же она можетъ готовить мнѣ, кромѣ новыхъ ударовъ и разочарованій?

— Нѣтъ, вы будете счастливы. Я это знаю... Быть можетъ, найдется не одно существо, которое будетъ счастливо однимъ сознаниемъ вашего счастья!..

— Сеньора, вы слишкомъ добры. Я не заслуживаю этихъ словъ... Я несчастный, жалкій...

— Не говорите этого, умоляю васъ, перебила его Паулита, складывая руки.

— Простите, сеньора... Я не хотѣлъ огорчить васъ. Я все готовъ сдѣлать, чтобы отблагодарить васъ за ваше участіе... Вы были моей единственной поддержкой въ самую горькую минуту моей жизни.

Лацаро не могъ не замѣтить, что Паулита тяжело опустила руки и подняла глаза къ небу. Ея смуглое лицо, безъ малѣйшей краски на щекахъ, покрылось матовой блѣдностью, выступавшей еще рѣзче рядомъ съ обильными волнами ея роскошныхъ чер-

ныхъ, какъ смоль волосъ, которые, вырвавшись изъ-подъ тѣснаго чепца, рассыпались по плечамъ. Никогда не видывалъ Лацаро такихъ прекрасныхъ волосъ; въ ночной темнотѣ они походили на черную мантилю, закрывавшую ее почти до пояса. Разговаривая, „святая“ откидывала на обѣ стороны толстыя пряди этихъ дивныхъ волосъ, скрываемыхъ до сихъ поръ отъ человѣческаго взгляда ревнивымъ мистицизмомъ и увидавшихъ свѣтъ въ первый разъ въ эту лихорадочную, жгучую ночь.

Она медленно отошла отъ окна и въ изнеможеніи оперлась головою о стѣну. Подойдя къ ней ближе, Лацаро замѣтилъ, что она снова плачетъ. Молодой человѣкъ долго не могъ выговорить ни слова.

— Я васъ разстроилъ своимъ разговоромъ, проговорилъ онъ послѣ довольно продолжительной паузы. Извините... Успокойтесь...

— Не могу, не могу, сказала Паулита разбитымъ голосомъ.

— Что-же съ вами?

— Я задыхалась, мнѣ хотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ.

— Но вы плачете! воскликнулъ онъ съ беспокойствомъ.

Она не отвѣчала.

— Вы больны, и серьезно, продолжалъ Лацаро.

— Да, отвѣчала она чуть слышно.

— И давно уже вы заболѣли?

— Нѣтъ, недавно.

— Сеньора, вамъ слѣдуетъ лечь въ постель. Вы вся въ огнѣ.

Онъ взялъ ее за руку и почувствовалъ, что она горитъ; затѣмъ онъ осмѣлился прикоснуться къ ея лбу и ему показалось, что отъ него пышетъ какъ отъ раскаленной печи, хотя въ то-же время Паулита дрожала всѣмъ тѣломъ, точно въ зимнюю стужу.

— У васъ лихорадка, сказалъ онъ. Вамъ вредно оставаться здѣсь.

Она не пошевельнулась. Закрывъ глаза, она стояла какъ-бы погруженная въ тяжелое забытѣе. Отъ времени до времени, нервная дрожь пробѣгала по ея лицу. Лацаро испугался. Ему хотѣлось позвать кого-нибудь на помощь. Но при одной мысли о появленіи двухъ гарпій языкъ прилипъ у него къ гортани.

— Сеньора, прошепталъ онъ,—не прикажете-ли сходить за докторомъ?

— Нѣтъ, отвѣчала она, бросая на него испуганный взглядъ.— Зачѣмъ доктора?

— Ваше здоровье слишкомъ драгоцѣнно, чтобы такъ пренебрегать имъ. Для меня было-бы величайшимъ несчастіемъ, если-бы оказалось, что вамъ грозитъ что нибудь серьезное. Я не уйду, не удостовѣрившись, что вы окончательно оправились.

— Вы собираетесь уходить? порывисто вскричала Паулита, широко раскрывъ глаза, сверкнувшіе какимъ-то особеннымъ блескомъ.

Смутное подозрѣніе въ первый разъ мелькнуло въ головѣ Лацаро.

— Да, собираюсь, отвѣчалъ онъ, немного смутившись.

При этихъ словахъ Паулита, точно повинуваясь какой-то непреодолимой силѣ, сдѣлала шагъ по направленію къ молодому человѣку и, крѣпко схвативъ его за руку, проговорила:

— Нѣтъ; вы не уйдете!

Въ ту-же минуту щелкнулъ ключъ въ наружной двери и почти тотчасъ-же она безъ шума отворилась. То былъ Эліасъ, возвращавшійся съ своихъ ночныхъ эскурій. Уже слышенъ былъ шумъ его шаговъ. Его сторбленная фигура освѣщалась слабымъ отблескомъ маленькаго ручного фонаря. Онъ смотрѣлъ въ землю и, по обыкновенію, самъ съ собой разговаривалъ.

— Уходите! съ живостью шепнула ему на ухо Паулита.

— Но какъ-же вы?..

— Уходите къ себѣ въ комнату. Ложитесь въ постель; прикройте спящимъ.

— Но что онъ подумаетъ, заставши васъ здѣсь...

— Уходите! настойчиво повторила она, почти толкая его въ комнату.

Лацаро быстро затворилъ за собою дверь и наскоро, сбросивъ съ себя верхнее платье, спрятался подъ одѣяло, отвернувшись къ стѣнѣ. Черезъ минуту въ комнату вошелъ Эліасъ, бормоча что-то себѣ подъ носъ. Онъ видимо усталъ, и потому не сѣлъ за свой письменный столъ, какъ дѣлалъ это обыкновенно, и тотчасъ-же сталъ раздѣваться. Не прошло и десяти минутъ послѣ того, какъ онъ потушилъ огонь, и уже тихое и ровное дыханіе его, сопровождаемое отъ времени до времени легкимъ всхрапываніемъ, дало знать Лацаро, что дядя его уснулъ. Онъ тихонько всталъ съ постели и подошелъ къ окну, расположенному подъ угломъ къ корридору. Бѣлая фигура съ распушенными по

плечамъ волосами и пристальнымъ взглядомъ, устремленнымъ въ ночную темноту, все еще стояла на прежнемъ мѣстѣ. Лацаро снова легъ, но въ головѣ его тѣснилось столько разнообразныхъ и мучительныхъ мыслей, что сонъ бѣжалъ отъ его глазъ. Черезъ четверть часа онъ снова выглянулъ и опять увидѣлъ ту-же окаменѣлую фигуру съ глубокими черными глазами, неподвижно устремленными въ пространство. Онъ выглядывалъ еще нѣсколько разъ и всегда видѣлъ ту-же бѣлую фигуру, все на томъ-же мѣстѣ, все съ тѣмъ-же зловѣщимъ, неподвижнымъ взглядомъ. Наконецъ, онъ пересталъ выглядывать, потому что ему становилось жутко.

ГЛАВА XXIX.

Таинственное собраніе.

На слѣдующій день вечеромъ Лацаро вышелъ изъ дому. Все утро онъ провелъ въ розыскахъ адреса Боцмедіано. За обѣдомъ онъ услышалъ, что донья Паулита серьезно больна и Клара тоже не совсѣмъ здорова. Но ничего болѣе обстоятельнаго узнать ему не удалось, потому что старухи были съ нимъ суровѣе, чѣмъ когда-нибудь. Саломѣ была особенно язвительна и нѣсколько разъ напоминала ему, что вчера онъ ушелъ, не попрощавшись съ дономъ Энтрамбазагуасъ. Донья Марія-Миръ-во-Іисусъ напрягала всѣ силы, чтобы найти какой-нибудь предлогъ для выговора, что, благодаря ея блестящимъ инвизиторскимъ способностямъ, не разъ ей удавалось.

Уже вечерѣло, когда Лацаро, закутавшись въ свою капу, проникъ въ уединенный кварталъ Флоръ Баха, гдѣ находился домъ Боцмедіановъ.

Войдя въ широкія ворота, онъ былъ встрѣченъ портье, смѣрившимъ его однимъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые выпадаютъ только на долю бѣдняковъ. На вопросъ молодого человѣка, дома ли донъ Клавдіо, швейцаръ самымъ непривѣтливымъ тономъ отвѣтилъ, что онъ ушелъ.

Лацаро остолбенѣлъ и нѣсколько минутъ стоялъ, выпуча глаза, точно извѣстіе, сообщенное ему этимъ распитымъ позу-ментами толстякомъ, было чѣмъ-то совершенно невѣроятнымъ. Швейцаръ, думая, что онъ его не слышалъ, повторилъ громче: „Нѣтъ дома!“

Но молодому человѣку очень хотѣлось увидѣть Боцмедіано какъ можно скорѣй и потому, не удовлетворившись даже такимъ категорическимъ отвѣтомъ, онъ спросилъ:

— А когда вернется?

Этотъ вопросъ показался швейцару верхомъ неприличія въ устахъ молодого человѣка, не принадлежавшаго, по всѣмъ признакамъ, ни къ высшему дворянству, ни къ богатой буржуазіи, не носившаго ни военного мундира, ни сапоговъ съ раструбами. Онъ презрительно улыбнулся и, засунувъ руки въ карманъ, отвѣчалъ:

— Почему же мнѣ знать когда онъ вернется?.. Вернется когда вернется.

— Но мнѣ необходимо видѣть его сегодня-же, сказалъ Лацаро. Въ которомъ часу онъ обыкновенно возвращается?

— Какъ когда вздумается, отвѣчалъ швейцаръ, поворачиваясь къ нему спиною и направляясь къ своей коморкѣ.

У дверей, однако, обернулся:

— Можетъ быть, вы имѣете что нибудь передать ему?..

— Нѣтъ, отвѣчалъ Лацаро, мнѣ нужно поговорить съ нимъ лично.

— Такъ завтра утромъ пораньше, сказалъ толстякъ такимъ тономъ, который легко было перевести „убирайтесь“! И затворилъ за собою дверь.

Лацаро понялъ, что здѣсь ему ничего не добиться и рѣшился уйти. Однако, ему хотѣлось во что-бы то ни стало повидаться съ Клавдіо въ тотъ-же вечеръ. Ему казалось, что каждый лишній часъ, прошедшій послѣ роковой минуты, когда онъ увидѣлъ своего соперника въ дверной амбразурѣ, увеличиваетъ горечь обиды. Весь этотъ день у него гвоздемъ засѣла въ головѣ мысль непременно повидаться съ Боцмедіано; ему казалось, что при этой встрѣчѣ капитанъ смутится, какъ преступникъ, и сознается во всемъ. Теперь Клавдіо казался уже ему самымъ низкимъ и жалкимъ изъ людей, способнымъ только обмануть несчастную дѣвушку, довѣрившуюся ему. Но нѣтъ, онъ этого не допуститъ. Онъ потребуеъ у него отчета въ его недостойномъ поведеніи. По временамъ имъ овладѣвало такое бѣшенство, что если-бы въ эту минуту Боцмедіано попался ему, онъ не могъ-бы поручиться, что не убилъ-бы его. Съ такими чувствами молодой арагонецъ рѣшился остаться на улицѣ и не отходить отъ дома, чтобы дожидаться прихода Клавдіо, если швей-

царь сказалъ ему правду, или подкараулить его привыходѣ, если онѣ дома. Перейдя на противоположный тротуаръ, чтобы какъ-нибудь убить время, онѣ сталъ прохаживаться взадъ и впередъ, не теряя, однако, изъ вида роскошнаго подѣзда. Лацаро совершенно забылъ о томъ, что могутъ подумать объ его отсутствіи у Поренъсоъ и рѣшилъ ждать здѣсь хотя-бы до утра.

Пробило десять, когда Лацаро замѣтилъ трехъ человѣкъ, выходившихъ изъ воротъ. Осторожно подойдя поближе, онѣ увидѣлъ, что одинъ изъ нихъ самъ Клавдіо. Рядомъ съ нимъ, опираясь на его руку, медленно шелъ старикъ — вѣроятно, его отецъ. Третій спутникъ былъ какой-то военный пожилыхъ лѣтъ. Всѣ они о чемъ-то горячо разговаривали, такъ что совершенно не замѣтили Лацаро, слѣдившаго за ними на нѣкоторомъ разстояніи. Онѣ понималъ, что заговорить теперь съ Клавдіо о Кларѣ было-бы не совсѣмъ кстати; но онѣ рѣшилъ не терять его изъ виду, въ смутной надеждѣ, что быть можетъ, они разойдутся и его соперникъ останется одинъ. Послѣ довольно продолжительнаго путешествія, всѣ трое остановились на площади Афлигидосъ, у тяжелыхъ воротъ стариннаго дома съ массивнымъ фасадомъ. Молодой Боцмедіано постучался, и вскорѣ маленькая калитка отворилась чьей-то невидимой рукой и путники проворно нырнули туда. Военный вошелъ послѣднимъ. Прежде чѣмъ переступить порогъ, онѣ обернулся и внимательно осмотрѣлся по сторонамъ. Лацаро наблюдалъ за нимъ, прикрытый тѣнью фонарнаго столба. Вскорѣ въ одномъ изъ оконъ дома появился свѣтъ; но въ ту-же минуту кто-то поспѣшно затворилъ ставни и все снова погрузилось во мракъ.

Лацаро почему-то показалось все это немного подозрительнымъ. Онѣ подошелъ къ дому и замѣтилъ его номеръ. Но лишь только онѣ направился къ Санъ-Сальвадору, рѣшившись вернуться домой, ему повстрѣчались два другихъ человѣка, закутанные до самыхъ глазъ въ плащи. Онѣ прошелъ мимо нихъ съ дѣловымъ видомъ человѣка, торопящагося вернуться во свояси, и повернувъ за ближайшій уголъ, могъ замѣтить, что незнакомцы вошли въ ту-же самую калитку. „Можетъ быть, это простая случайность“, подумалъ про себя арагонецъ „но все-таки странно, что пять человѣкъ въ одинъ и тотъ-же часъ сходятся въ этотъ домъ“.

Не прошло и десяти минутъ, какъ изъ портика Санъ-Бернардино показались еще три человѣка, тоже закутанные въ

плащи. Они остановились у воротъ, осмотрѣлись по сторонамъ и тоже нырнули въ калитку, оставленную, повидимому, открытою. Наконецъ, изъ Осунской улицы показалась еще одна фигура мужчины, повидимому, очень торопившагося. Онъ пересѣкъ площадь по діагонали и прямо вошелъ въ калитку дома, очевидно, хорошо ему знакомаго.

— Тутъ что-то есть, это ясно, проговорилъ Лацаро. — Тайное собраніе, клубъ, заговоръ.

Въ одиннадцать часовъ онъ ушелъ, убѣдившись, что больше никто не приходитъ и не имѣя возможности, не компрометируя себя окончательно передъ старухами Пореньосъ и дядей, ждать окончанія собранія. Но онъ твердо рѣшился на слѣдующую ночь вернуться на ту-же площадку, чтобы удостовѣриться, повторится-ли или нѣтъ то, что онъ видѣлъ сегодня. Очевидно, тутъ сходились люди съ хорошимъ общественнымъ положеніемъ, конечно, съ какой-нибудь политической цѣлью. Онъ смертельно ненавидѣлъ Клавдіо и потому не сомнѣвался ни минуты, что здѣсь должно затѣваться что-нибудь гнусное.

Онъ вернулся на улицу Белень, задумчивый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, раздраженный; его мучила мысль, что ему такъ и не удалось добиться объясненія со своимъ врагомъ, которое онъ рисовалъ себѣ такими яркими красками.

Невозможно описать негодованія, съ какимъ на него накинулась донья Марія. Чтобы дать понятіе о гнѣвѣ почтенной дамы, которую еще въ молодости сравнивали съ Юноною, достаточно сказать, что она прямо заявила ему, что потеряла всякую надежду на его исправленіе, потому что для нея очевидно, что ни одинъ лучъ свѣта не можетъ проникнуть въ его окончательно извращенную душу. Она прибавила, что онъ сильно ошибается, считая этотъ домъ своимъ собственнымъ, и что, если онъ намѣренъ проводить вечера въ кабакахъ и клубахъ Мадрида, то ему не мѣшаетъ поискать себѣ иного помѣщенія. Не преминула она упомянуть и о черной неблагодарности и звѣрскомъ безчувствіи, которымъ онъ платитъ за то ангельское снисхожденіе, съ какимъ, послѣ своихъ ужасныхъ поступковъ, онъ былъ принятъ подъ эту святую кровлю.

Долго продолжала разгнѣванная дама все въ томъ-же тонѣ свою діатрибу, прежде чѣмъ молодому человѣку удалось вставить:

— Сензора, я былъ задержанъ однимъ дѣломъ и ни въ какой клубъ не ходилъ...

Но она не дала ему докончить. Лишь только онъ открылъ ротъ, она раскричалась громче.

— Кто вамъ позволилъ возвышать голосъ въ моемъ домѣ? Не извольте кричать! Моя племянница въ постели и въ своимъ крикомъ хотите совсѣмъ уморить ее?

— Сензора Паулита больна? спросилъ Лацаро чуть слышно.

— Да, больна и въ своимъ крикомъ не даете ей уснуть.

— Сензора, я...

— Замолчите, сензоръ донъ-Лацаро, замолчите и не выводите меня изъ себя!..

На этотъ споръ явилась донья Саломѣ въ ночномъ negligé, которое еще болѣе увеличивало грацію ея стройной фигуры.

— Ради Бога, Марія, что у васъ тутъ за шумъ. Паулита задремала, было, а вы ее разбудили.

— Но какъ-же было утерпѣть? Смотри: онъ вернулся въ двѣнадцать часовъ. Навѣрное ораторствовалъ въ какомъ-нибудь богомерзкомъ клубѣ. Славнаго гостя пригласили мы къ себѣ въ домъ, нечего сказать! И вы еще говорите, сензоръ, что были задержаны какимъ-то дѣломъ!..

— Да, сензора, говорилъ и повторяю, сказалъ Лацаро, начиная терять терпѣнiе.

— О, я не сомнѣваюсь въ справедливости вашихъ словъ, язвительно замѣтила Саломѣ,—но только каковы были эти дѣла, вотъ вопросъ! Но объ этомъ въ другой разъ... А пока, я-бы покорнѣйше просила васъ понизить голосъ. Моя племянница не можетъ выносить вашего крика. Лишь только вы вошли, она въ ту-же минуту проснулась; вы, вѣроятно, хлопнули дверью. Потомъ, не знаю какъ, она узнала васъ по шагамъ, услышала вашъ голосъ и заметалась на постели. Очевидно, вы ее ужасно раздражаете. Такъ потрудитесь, пожалуйста, замолчать. Да постарайтесь не стучать вашими сапожищами. Можете идти къ себѣ.

— Спокойной ночи, сензоры!

Но не успѣлъ онъ выйти изъ комнаты, какъ въ дверяхъ показалась Клара, сильно взволнованная.

— Сензоры, сензоры, идите скорѣй. Я не могу съ ней справиться одна. Она услышала разговоръ, вскочила и стала одѣваться; говорить, что идетъ сюда.

— Пойдемъ, пойдемъ! торопливо воскликнула донья Марія.

— Начинается бредъ, сказала донья Саломé, уходя во внутреннiе покои и увводя за собою Клару.

Лацаро тихонько поднялся на верхъ, раздумывая о новой странности святой дѣвы.

ГЛАВА XXX.

ФОНТАНЧИКЪ.

Дяди на верху не оказалось. Весь этотъ день онъ пропадалъ гдѣ-то въ городѣ. Если-же намъ захочется повидать нашего стараго знакома, то придется отправиться въ *Фонтанчикъ*, только-что зародившійся демократическiй клубъ, гдѣ добрый роляистъ ведетъ горячiй споръ съ Лекаренкомъ и другимъ молодымъ человекомъ, нѣвнiмъ Альдамою, о которомъ мы уже упоминали въ одной изъ предыдущихъ главъ. Тутъ-же находился неизмѣнный Караскова, хотя, не смотря на весь интересъ къ разговору, онъ выбѣгалъ отъ времени до времени, чтобы „присмотрѣть“, какъ онъ выражался, за доньей Леонсiей.

Изложимъ прежде всего измѣненiя, происшедшiя въ домѣ въ теченiи этого промежутка времени. Поэтъ улетѣлъ. Аббатъ жестоко приревновалъ его къ своей возлюбленной, руководствуясь какими-то темными слухами, дошедшими, неизвѣстно какимъ образомъ, и до него. Послѣ долгихъ бесплодныхъ старанiй ему удалось, наконецъ, вытѣснить своего соперника, вмѣстѣ со всѣмъ его поэтическимъ багажомъ: Гракхами, музами и нимфами. Рѣшительное дѣйствiе оказало на чувствительную душу доньи Леонсiи извѣстiе о толпахъ, поднявшихъ на ея счетъ въ околосѣ, такъ какъ выше всего ставила почтенная дама свою „незапятнанную репутацiю“. Есть, однако, основанiя утверждать, что, въ самый день отъѣзда поэта, донья Леонсiя имѣла съ нимъ весьма чувствительное объясненiе, окончившееся, повидимому, въ полномъ обоюдномъ удовольствiи.

Лишь только по исчезновенiи поэта опросталось мѣстечко на Парнасѣ, донъ Хиль послѣшилъ занять его, перетаскивъ съ улицы Урозасъ свой старый чемоданъ, содержавшiй три его казакина, парикъ временъ Эскивлаче, четыре рубашки съ брызжками, капу и заржавѣвшую шпажонку, которую онъ завелъ, сбросивъ съ себя клобукъ. На мѣсто эстамповъ изъ временъ револю-

ціи, онъ прибилъ картинки, изображавшія мытарства грѣшниковъ въ аду. Особенной рельефностью и размѣрами поражала картинка, изображавшая наказанія, ожидающія согрѣшившихъ противъ супружеской вѣрности, что, вѣроятно, имѣло цѣлью подѣйствовать благотворнымъ образомъ на душу его будущей подруги жизни и вытѣснить изъ ея сердца послѣдніе слѣды ея легкомысленной привязанности къ безбородому автору Гракховъ.

Говорятъ, что со дня своего переселенія, Караскоза не могъ больше жаловаться на свою судьбу, хотя бывали, разумѣется, и въ его жизни легкія облачка, туманившія его счастье. Такъ, въ первый-же день его переселенія, донья Леонсія, противъ обыкновенія, исчезла вечеромъ изъ дому и вернулась очень поздно. Увидавши у себя въ комнатѣ доня Хиля, бискайянка жестоко на него разсердилась и прогнала, отказавшись отъ какихъ-бы то ни было объясненій. Но на утро они помирились и о неприятномъ сюрпризѣ не было уже и рѣчи. Считаемо нужнымъ предупредить читателя, что постоянство доня Караскозы дѣлало честь не только его сердцу, но и предусмотрительности. Еще во времена своего прозябанія, будучи писцомъ въ Оньяте, гдѣ жила одна родственница почтенной бискайки, онъ случайно познакомился съ кое-какими документами, свидѣтельствовавшими о ея правахъ на нѣкоторыя фермы и земли въ этой благодатной странѣ. Сама донья Леонсія даже не подозрѣвала объ этомъ, но Караскоза основательно рассчиталъ, что онъ, во всякомъ случаѣ, останется въ барышахъ: пріобрѣтя-ли вмѣстѣ съ рукою бискайки право на эти земли, или-же выступивъ по праву дружбы въ качествѣ ея адвоката, въ случаѣ процесса. Предоставимъ-же дальновидному аббату продолжать трудное дѣло завоеванія неприступной красавицы и перейдемъ въ комнату, гдѣ происходитъ засѣданіе *Фонтанчика*.

Лекаренковъ говорилъ Загорючкѣ:

— Боюсь, что штука не выгоритъ. Положимъ, у меня народъ рѣшительный. Но дѣло слишкомъ ужасно, дружище донъ Эліасъ, и я боюсь, какъ-бы противъ насъ не возмутилось общественное мнѣніе.

— Но вѣдь общественное мнѣніе уже высказалось за васъ! съ горячностью вскричалъ Эліасъ—и уже завлеймило *изъ* презрѣніемъ. Вы точно съ луны свалились! Развѣ вы не знаете, какъ обстоитъ дѣло въ *Фонтанѣ*, *Лоренсинѣ*, *Мальтійскомъ Крестѣ*? Повсюду красные топчуть въ грязь модерантистовъ, другими

словами, тѣхъ, кто поддерживаетъ теперешнее правительство, и партію такъ называемыхъ „благоразумныхъ“, имѣющую въ настоящее время большинство въ кортесахъ. И такъ, народъ возненавидѣлъ этихъ модерантистовъ и вы прекрасно знаете, до какой степени они заслужили это; народъ требуетъ ихъ истребленія, потому что убѣжденъ, что они единственная помѣха въ осуществленіи золотого вѣка. Намъ остается исполнить волю народа.

Невозможно передать сарказма, съ какимъ ужасный старикъ произнесъ эти слова. Хотя лицо его, которымъ онъ прекрасно умѣлъ владѣть, хранило обычное выраженіе, но глаза свѣтились такимъ злорадствомъ, въ которомъ отражалась вся его душа. Онъ шелъ вѣрными шагами къ своей цѣли: терпѣніе, настойчивость, осторожность при обдумываніи и рѣшительность въ исполненіи—все пустилъ онъ въ ходъ, чтобы осуществить проекты въ родѣ тѣхъ, которые мы сейчасъ увидимъ.

— Пусть такъ, возразилъ Лекаренокъ, —я согласенъ съ вами. Нужно исполнить задуманное вами и дать мадридской черни возможность удовлетворить своей кровожадности. Народъ не понимаетъ, чего онъ хочетъ и почему онъ хочетъ того или другого. Но намъ до этого нѣтъ дѣла; разъ въ немъ возбуждены тѣми, или иными путями, извѣстныя стремленія, нужно, чтобы онъ довелъ ихъ до конца. Однако, мнѣ все-таки кажется, что для осуществленія вами задуманнаго не наступило время, сеньоръ донъ Эліась. Люди, предназначенные пасть жертвами, пользуются еще большой популярностью въ народѣ. Хотя, благодаря нашимъ стараніямъ, народъ не пойдетъ за ними, но они пользуются безграничнымъ авторитетомъ въ среднихъ классахъ и въ части аристократіи. Вотъ почему я думаю, что нашъ часъ еще не насталъ, сеньоръ донъ Эліась, и я думаю, что намъ-бы слѣдовало повременить.

— Какой-же вы еще ребенокъ отвѣтилъ, роялисть.— Велика бѣда, что эти господа пользуются, какъ вы говорите, популярностью въ народѣ! А поддержка высокой особы, о которой я вамъ говорилъ, по вашему, не имѣетъ никакого значенія?

— Поддержка короля, что-ли? Говорите ужъ прямо.

— Ну да, короля. Онъ горячо желаетъ покончить съ этой сволочью. А если онъ этого желаетъ, то что вамъ за дѣло до популярности или непопулярности десятеа крикуновъ?

— Такъ-то, такъ, но все-таки лучше-бы подождать еще немного.

— Зачѣмъ? Образъ мыслей короля вамъ извѣстенъ: передъ публикой и передъ Европой эти люди его друзья; нѣкоторые изъ нихъ его министры, другіе—совѣтники, третьи—депутаты, поддерживающіе его декреты въ кортесахъ. Наружно король ихъ любитъ, но въ глубинѣ души онъ ихъ ненавидитъ и только и думаетъ, какъ-бы отъ нихъ отдѣлаться. А между тѣмъ, ими держится конституція; они придаютъ силу либеральной партіи. Чтобы покончить съ нею, нужно прежде всего покончить съ этими людьми.

Эліась на минуту замолчалъ и устремилъ на своего собесѣдника пытливый и многозначительный взглядъ, точно желая дать ему время собраться съ силами, чтобы выслушать остальное. Послѣ нѣкоторой паузы старикъ продолжалъ:

— Нечего и говорить, что весь ужасъ этого дѣла падетъ на красныхъ, которые его выполнять. Ударъ поразитъ либераловъ въ самое сердце. Всѣ увидятъ, что демократы пожираютъ другъ друга, что крайніе истребляютъ умѣренныхъ, чтобы въ свою очередь быть истребленными еще болѣе крайними. Что-же останется сдѣлать націи въ виду такой ужасной перспективы? Отречься отъ либерализма и стать на сторону порядка, другими словами, помочь королю въ святомъ дѣлѣ возстановленія стараго порядка. Ударъ рассчитанъ очень вѣрно и подготовленъ какъ нельзя лучше; одна половина либераловъ горитъ желаніемъ уничтожить другую. Самоубійство либерализма неотвратимо. Но мы должны помогать этому, подталкивать на это, торопить дѣло; не то будетъ, пожалуй, поздно. Если мы станемъ медлить, почему знать, не произойдетъ-ли примиренія и тогда...

— Примиренія? Нѣтъ, это невозможно, отвѣчалъ Лекаренко въ убѣжденномъ тономъ.—Красные *Фонтана* и прочіихъ клубовъ до такой степени распалились ненавистью противъ своихъ старыхъ собратьевъ, что никакой миръ невозможенъ. Народъ тоже раздраженъ до послѣдней степени, благодаря разнымъ слухамъ, искусно пущеннымъ подъ руку... Остановить его теперь уже невозможно и потому намъ нечего бояться. Если-же мы черезчуръ поторопимся и наша попытка не удастся, то примиреніе произойдетъ непременно; самые крайніе изъ красныхъ будутъ уничтожены, остальные примкнутъ къ умѣреннымъ и ужь долго не поддадутся ни на какую удочку.

— Эти вещи нужно дѣлать быстро и рѣшительно или вовсе за нихъ не братья, отвѣчалъ Эліась. Вижу, что вы не рож-

дены для политики, любезный другъ. Ну, да все равно; по моимъ расчетамъ, дѣло должно произойти на этой недѣлѣ и откладывать его мы не станемъ изъ-за того, что вы откажетесь помогать намъ. Но только предупреждаю васъ, что...

Лекаренко не даль ему докончить.

— О, помилуйте! восхлинулъ онъ. Развѣ я въ тому вельрѣчь? Я не думаю отказываться отъ участія въ этомъ дѣлѣ. Хотя мы и расходимся въ нѣкоторыхъ пунктахъ, я всегда готовъ помогать вамъ. Распоряжаться ваше дѣло; я помню нашъ уговоръ... Но только и вы должны помнить свое обещаніе и, въ случаѣ неудачи, не оставлять меня.

— На этотъ счетъ будьте покойны; что сказано то свято. Король великодушенъ и никогда не забываетъ оказанныхъ ему услугъ.

Хотя на этотъ счетъ было позволительно сомнѣваться даже человѣку, менѣе искушенному опытомъ, чѣмъ Лекаренко, однако онъ поспѣшилъ выразить свое удовлетвореніе, чтобы загладить непріятное впечатлѣніе, произведенное его оппозиціей.

— Хорошо, хорошо, сказалъ онъ, пожимая руку старика; — жду только вашихъ привязаній.

— Несомнѣнно, проговорилъ Эліасъ, мѣняя тонъ, — они рѣшили идти рука объ руку, принеся въ жертву мелкія разногласія, раздѣлявшія ихъ до сихъ поръ. Мартинецъ дела Роза и Торено помирились съ министромъ Феліу и, вѣжета, съ самимъ Аргюэльсомъ.

— Ну?

— Я думаю, что это намъ на руку.

— Народъ ненавидитъ ихъ всѣхъ, за исключеніемъ Аргюэльса, а красные ненавидятъ всѣми силами души министра Феліу. Вы думаете, что и народъ и красные возненавидятъ за компанію Аргюэльса и всѣхъ прочихъ, когда узнаютъ объ ихъ союзѣ?

— Нѣтъ, не то. Я убѣжденъ, что всѣ мною названные и кромѣ того: Вальдесъ, Алава, Гарсія Геррерасъ, поэтъ Квинтана, государственный совѣтникъ Боцмедіано и другіе собираются гдѣ-то — не знаю днемъ или ночью — на тайныя совѣщанія со всѣми министрами и нѣкоторыми генералами. Очевидно, они что-то замышляютъ, можетъ быть, противъ короля.

— А не знаете-ли, гдѣ происходятъ эти собранія?

— Не знаю и мечусь, какъ угорѣлый, чтобы открыть это. Ихъ-то бы намъ и нужно накрыть... Послушайте, какъ мы узнали, что эти господа зашевелились. Дня три тому назадъ, министръ Феліу былъ на докладѣ въ кабинетѣ короля. Совѣта въ это утро не было, и графъ Торре рассказывалъ разные смѣшныя анекдоты про либераловъ. Король очень смѣялся и министръ, чтобы не показаться непочтительнымъ, смѣялся тоже. Потомъ его величество изъявилъ желаніе взглянуть на декретъ о благотворительныхъ учрежденіяхъ, который Феліу долженъ былъ представить на дняхъ къ подписи, потому что тутъ-же присутствовалъ архіепископъ Леонскій и король хотѣлъ дать ему прочесть проектъ. Феліу вынулъ изъ бокового кармана проектъ; но при этомъ онъ уронилъ на полъ крошечный билетикъ, сложенный квадратикомъ. Король, у котораго глазъ быстрое, чѣмъ у сокола, тотчасъ-же наступилъ на него ногою. Министръ видѣлъ все это, но притворился, будто ничего не замѣтилъ... Онъ прочелъ какъ ни въ чемъ не бывало свой проектъ; архіепископу онъ не понравился; король заявилъ, что онъ отъ него въ восторгѣ. Ему очень хотѣлось узнать поскорѣй, что это за билетикъ и потому онъ послѣшилъ окончаніемъ аудіенціи. Оставшись одинъ, онъ позвалъ меня и мы вмѣстѣ прочли записочку, въ которой значилось слѣдующее: *„Сегодня въ десять часовъ будите Аргюэльсъ и Калатрава. Не опоздайте“*. Это, разумѣется, еще больше разожгло наше любопытство. Къ десяти часамъ мы поставили у дома министра вѣрнаго человѣка, чтобы прослѣдить, куда онъ пойдетъ. Но Феліу остался дома; Аргюэльсъ и Калатрава тоже. Проклятый замѣтилъ, что король наступилъ на его записочку и, чтобы сбить насъ съ толку, нарочно не пошелъ на собраніе, предупредивъ во время двухъ другихъ.

— Ну, а потомъ неужели вамъ такъ-таки ничего не удалось узнать?

— Какъ вамъ сказать?.. Кое-что мы узнали, но пока до сущности не добрались. На другой день одинъ изъ нашихъ пошелъ вечеромъ къ Феліу, но не засталъ его дома. Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по улицѣ, но министръ не вернулся во всю ночь. Я заподозрилъ, что Торено, Мартинецъ, Вальдесъ, Алава и Боцмедіано должны быть замѣшаны въ дѣло, если только тутъ что-нибудь замышляется. Поэтому, къ нимъ ко всѣмъ я разослалъ людей, которые подъ разными предлогами желали, будто-бы, по-

говорить съ ними. Ни кого изъ нихъ не оказалось дома. Мнѣ удалось узнать, что Квинтана вышелъ изъ дому раньше десяти и что генераль маркизь Амарильясъ зашелъ въ половинѣ десятаго къ старику Боцмедіано и затѣмъ втроемъ: онъ, старикъ и его сынъ—ушли куда-то. То-же самое повторялось затѣмъ нѣсколько дней подъ рядъ.

— Вы, конечно, приказали ихъ прослѣдить?

— Разумѣется. Но они всегда идутъ сперва въ кому-нибудь изъ знакомыхъ и уже не показываются больше. Очевидно, они выходятъ задними дверями и такимъ образомъ заматаютъ свой слѣдъ. Ни разу не удалось открыть дома, гдѣ-бы они собирались больше, чѣмъ по три, такъ что мѣсто ихъ собраній до сихъ поръ остается для насъ тайною. Но мы его откроемъ... Будь увѣренъ, что откроемъ и, притомъ, не сегодня-завтра...

— Но если эти собранія существуютъ—въ чемъ невозможно сомнѣваться,—то тутъ дѣло пахнетъ заговоромъ. Какой прекрасный случай!

— Да; нужно только сумѣть имъ воспользоваться. Слѣдуетъ выставить этихъ людей передъ публикою заговорщиками, замышляющими государственныя переворотъ съ цѣлью ниспроверженія конституціи. Народъ всему повѣритъ.

— О, если-бъ дѣло было только за этимъ! съ улыбкой замѣтилъ Лекаренокъ.

— Ну, такъ не ломайтесь-же больше и отбросьте всѣ ваши сомнѣнія. Такого случая не скоро дождешься. А теперь скажите-ка мнѣ, какъ идутъ у васъ дѣла?—спросилъ Эліасъ. Говорили-ли вы съ жожавами *Лоренсани*?

— Какъ-же, какъ-же. Мы пришли къ полному соглашенію.

— А *Мальтійскій крестъ*—какъ?

— Вы вѣдь слышали, что говорилъ въ прошлый разъ представитель тамошнихъ красныхъ. За ними дѣло не станетъ.

— Отлично... А какъ на Хлѣбной площади?

— Тамъ стоитъ только кликнуть вличь... Толпу голодныхъ, особливо если поставить во главѣ ея кучку пьяныхъ, можно повести на что угодно. Народъ только и ждетъ случая размять руки, а на комъ—до этого ему дѣла мало.

— Благословенна страна, проговорилъ Эліасъ елейнымъ тономъ,—благословенна страна, гдѣ народъ такъ впечатлителенъ и послушенъ. Если онъ и можетъ заблуждаться и сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ шарлатановъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ въ

себѣ самомъ заключаетъ залогъ къ обращенію на путь истинный. Ну, а потомъ система благоразумныхъ репрессалій помѣшаетъ ему подвергаться какимъ-бы то ни было вліяніямъ...

Не успѣлъ Эліасъ окончить свой глубокомысленный афоризмъ, какъ на лѣстницѣ послышался шумъ. Это были нѣсколько молодыхъ людей, членовъ новаго клуба.

— Спрячьтесь, сказалъ Левареновъ, указывая Эліасу на альковъ. Они не должны васъ видѣть.

Роялисть скрылся за тонкую дверь алькова, откуда могъ слышать все, что говорилось въ комнатѣ такъ-же хорошо, какъ если-бы самъ сидѣлъ въ ней. Вошли Хаверъ, Кабанильясъ и еще одинъ молодой человѣкъ, намъ неизвѣстный Хуанъ Пинилья— одинъ изъ наиболее видныхъ ораторовъ *Мальтійскаго креста*.

— Ну что, ты, надѣюсь, согласенъ со мной? сказалъ Хаверъ, обращаясь къ Кабанильясу. Откладывать дѣло дальше—было-бы просто безуміемъ. Завтра, быть можетъ, будетъ поздно. Я имѣлъ случай убѣдиться, до какой степени умы подготовлены къ осуществленію нашего плана. Министры и депутаты модерантистской фракціи утратили всякій кредитъ. Грозная буря собирается надъ ихъ головами. Нужно сдѣлать, чтобы она разразилась. На картѣ стоитъ дѣло свободы. Спасемъ-ли мы ее или нѣтъ? Вотъ вопросъ!

— Спасемъ! воскликнулъ Левареновъ. Въ нашихъ рядахъ большинство испанскаго народа. Намъ-ли падать духомъ?

— То-же самое говорю и я! выкрикнулъ Альдама, который въ присутствіи Эліаса никогда не дерзалъ раскрывать рта; теперь же онъ возвратилъ себѣ даръ слова и спѣшилъ заявить объ этомъ своей обычной присказкой.

— А что-же Лацаро? спросилъ Левареновъ, обращаясь къ Хаверу.

— Я не засталъ его дома. Можетъ быть, онъ придетъ позже.

— Сегодня къ намъ обѣщали придти Жоржъ Беніеръ, знаменитый французскій республиканецъ, провозгласилъ Хуанъ Пинилья.

Пинилья былъ человѣкъ высокаго роста, почти столь-же тучный, какъ и Кальеха, хотя не до такой степени заплывшій, какъ почтенный цирюльникъ. Онъ былъ адвокатомъ безъ дѣлъ, не по неспособности, впрочемъ, а по распущенности. Онъ принадлежалъ къ фракціи крайнихъ, бредилъ Робеспьеромъ и мечталъ о томъ, что при революціонномъ правительствѣ онъ будетъ ис-

панскимъ Фуке Тенвилемъ и приговорить къ гильотинѣ добрую треть своихъ согражданъ, начиная съ Фердинанда. Нѣсколько времени спустя послѣ прихода этого бѣшенаго патріота, послышались снова шаги на лѣстницѣ.

— Кто-бы это былъ? проговорилъ Лекареновъ, прислушиваясь.

— Держу пари, что это Хуліанъ Лобо собственной особой.

Вошелъ высокій, худой человекъ лѣтъ тридцати пяти, одѣтый весь въ черное. Это былъ донъ Хуліанъ Лобо, знаменитый республиканецъ, который впоследствии сдѣлался однимъ изъ самыхъ кровавыхъ шакаловъ абсолютизма. Трудно сказать, чѣмъ онъ былъ въ эпоху, когда мы его представляемъ читателю: рьянымъ-ли демагогомъ или тайнымъ клеветомъ абсолютизма. Несомнѣнно, что онъ былъ изъ самыхъ красныхъ и его рѣчи въ *Лоренсини* отличались фанатизмомъ и несомнѣннымъ краснорѣчіемъ. Онъ участвовалъ во всѣхъ заговорахъ республиканцевъ противъ министерства Феліу, а потомъ противъ Мартина де-ла-Роза. Нѣкоторые утверждаютъ, что онъ былъ въ числѣ инициаторовъ злополучной попытки Мизаса и Трапензе, кончившейся такъ трагически. Это не помѣшало ему, однако, по прошествіи трехъ конституціонныхъ лѣтъ, вдругъ явиться вождемъ отряда гверильясовъ, наполнившихъ ужасомъ своихъ кровавыхъ подвиговъ весь Монкаю. За такія услуги королю и отечеству Лобо получилъ мѣсто дежана въ Сіудадъ-Родриго, второе и занималъ въ теченіе многихъ лѣтъ.

— Сеньоры, торжественно провозгласилъ онъ, — поздравляю! *Фонтанъ* — нашъ.

— Какъ? Что? раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Модерантисты оставили поле сраженія. Послѣдніе изъ нихъ вышли сегодня изъ клуба, убѣдившись, что имъ нѣтъ возможности бороться съ нами. Сегодня мы ихъ таки потрепали порядкомъ. Они ушли торжественно, всей гурьбой, и хозяинъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что если мы желаемъ продолжать наши засѣданія...

— Конечно, конечно! Съ сегодняшняго-же дня! съ энтузіазмомъ воскликнулъ Хаверъ.

— Да здравствуетъ *Фонтанъ*, нашъ *Золотой Фонтанъ*! вскричалъ Лекареновъ.

— То же самое произошло и въ *Лоренсини*. И тамъ модерантисты должны были убраться, поджавши хвостъ.

— Идемте всѣ въ *Фонтанъ*!

— Въ *Фонтанъ*, въ *Фонтанъ*!

Въ предварительномъ засѣданіи *Фонтанчика* не произошло ничего замѣчательнаго. Главные вожаки крайней фракціи назначили собраться въ девять часовъ въ одной изъ боковыхъ залъ *Золотою Фонтана*, чтобы приготовиться къ засѣданію клуба, открывавшемуся по новому уставу лишь въ десять часовъ. Затѣмъ всѣ стали расходиться и вскорѣ въ комнатѣ остались только *Альдама* и *Лекаренко*. Когда смолкли шаги товарищей, послѣдній подошелъ къ алькову и выпустилъ оттуда *Эліаса*. Старикъ вышелъ изъ своей засады. Лицо его сіяло восторгомъ, что дѣлало его еще отвратительнѣе, чѣмъ когда-нибудь.

— Ну что? спросилъ *Лекаренко*.

— Отлично, отлично! повторялъ *Эліасъ*, кивая головою.

— Выпьемте на радостяхъ, сказалъ молодой человѣкъ, вырывая изъ рукъ *Альдамы* бутылку, которую тотъ успѣлъ уже розыскать неизвѣстно откуда, собираясь обратить ее въ свое исключительное пользованіе.

— Я не пью, сказалъ *Эліасъ*, принимая бутылку и разливая вино по стаканамъ своихъ единомышленниковъ.—Я не пью никогда.

— А въ *Фонтанъ* вы пойдете сегодня?

— Пойду-ли! Отчего-же? проговорилъ старикъ съ ироніей.— Чѣмъ я не либераль?

(Продолженіе слѣдуетъ).

НА ЗАКАТЪ.

День за днемъ безпутно жизнь несется,
День за днемъ бесплодно гибнуть силы...
Поздно!.. мнѣ весна не улыбнется,
Счастье не вернется,—
Ужъ близка холодная могила...

* * *

.
Мнѣ сплели вѣнецъ терновый люди, —
И проснулись на закатѣ жизни
Въ сердцѣ укорины
Да проклятыя въ наболѣвшей груди...

М. Соѣмоновъ.

ИЗЪ КАЛИФОРНІЙСКОЙ ЖИЗНИ.

Джона Габбертона.

I

ЗОЛОТО.

Въ станъ золотоискателей прибылъ новичекъ, обтрепанный, одичалый малый, съ длинными волосами и короткой, густой бородой. Все населеніе стана было приглашено въ кабакъ для коллективной выпивки. Дѣйствительно, всѣ приняли приглашеніе и низкая комната блогауза вскорѣ наполнилась курящими и пьющими мужчинами съ загорѣлыми лицами, длинными бородами, въ широкихъ шляпахъ, въ матросскихъ рубашкахъ и высокихъ сапогахъ, составлявшихъ обычный костюмъ мѣстнаго горнаго населенія. Только одинъ изъ нихъ не пилъ и держался въ сторонѣ отъ другихъ.

— Это что за дрянъ такая? обратился новичекъ къ окружающимъ его золотоискателямъ.

— Стой, малый! Этого не тронь! воскликнулъ „полковникъ Два“, прозванный такъ за то, что имѣлъ два глаза, между тѣмъ, какъ у другого „полковника“ былъ только одинъ.— Счастливъ твой Богъ, что ты еще новичекъ въ нашемъ станѣ, а то кто нибудь изъ нашихъ молодцовъ какъ разъ угостилъ-бы тебя пулей, услышавъ, что ты ругаешь нашего любимца,—бьюсь объ закладъ! Фрэнкъ Золото,—мы прозвали его такъ за то, что онъ больше всѣхъ добываетъ этого металла, а объ настоящемъ имени и о прѣшлой жизни здѣсь, по весьма уважительнымъ причинамъ, спрашиваютъ рѣдко,—Фрэнкъ Золото, говорю я, никог-

да не носить при себѣ оружія, тѣмъ не менѣе, никто не посмѣеть обидѣть его, и всякій, насколько можетъ, радъ услужить ему. Клянусь адомъ, я самъ готовъ дать зарокъ не пить, если-бы зналъ, что это доставитъ ему удовольствіе. Да вотъ недавно еще онъ съумѣлъ урезонить стараго Гуано-Била, когда тотъ напился до бѣшенства и собирался угостить пулями мясника Джона; никто другой не посмѣлъ-бы къ нему подступиться.

Новичекъ попросилъ извиненія за свои необдуманные слова и съ той поры усердно старался пріобрѣсти дружбу Фрэнка, который, въ свою очередь, относился къ нему съ обычной своей сердечностью. Онъ предложилъ новичку поселиться въ его блокгаузѣ, и Торпедо, — такъ прозвали новаго товарища съ тѣхъ поръ, какъ онъ „выпалилъ“ вышеупомянутое скоростѣлое сужденіе, — вбилъ свой колъ возлѣ ямы, гдѣ работалъ Фрэнкъ.

Однажды ночью, когда оба сидѣли и болтали въ блокгаузѣ, передъ очагомъ, они услышали, какъ кто-то спрашивалъ у сосѣда:

— Нѣтъ-ли въ поселеніи кого нибудь, похожаго на этотъ портретъ?

Торпедо вскочилъ.

— Курьезный вопросъ, сказалъ онъ; — пойти посмотрѣть, это это и чего ему надо!

Съ этими словами онъ вышелъ. Фрэнкъ не много подождалъ, а когда услышалъ, что у сосѣда все еще продолжаютъ вполгоса разговаривать, тоже пошелъ взглянуть, въ чемъ дѣло.

Торпедо исчезъ, но у сосѣда оказались какіе-то два незнакомца съ Востока, два невзрачныхъ человѣчка съ пронзительными глазами. Они показывали фотографическій портретъ, изображавшій изящно одѣтаго, безбородого молодого человѣка.

— Не имѣю о немъ понятія, сэръ! сказалъ полковникъ Два, въ ту минуту, какъ къ нему входилъ Фрэнкъ. — Впрочемъ, онъ, по всей вѣроятности, отпустилъ себѣ волосы и бороду, если отправился сюда, и въ такомъ случаѣ, полагаю, даже родная мать не отличила-бы его отъ Моисея или Авраама. — Братъ вашъ?

— Н-нѣтъ, отвѣтилъ незнакомецъ; — онъ... однимъ словомъ, мы дадимъ тысячу долларовъ тому, кто его найдетъ.

— Полиція!? воскликнулъ полковникъ и полѣзъ подъ свое шерстяное одѣяло.

— Въ родѣ того, улыбаясь сказалъ незнакомецъ.

— Вонь! заревѣлъ полковникъ, вскочивъ съ постели и хватаясь за револьверъ; — вонь!

Сыщики послѣшно удалились, а Фрэнкъ возвратился въ свой блокгаузъ. Онъ тщетно ждалъ возвращенія товарища и, наконецъ, заснулъ.

Настало утро, а Торпедо все не являлся. Подошелъ полдень, и Фрэнкъ пообѣдалъ наединѣ. Ему было не по себѣ; онъ привыкъ къ новому своему товарищу и полюбилъ его.

Насталъ вечеръ, а Торпедо нѣтъ какъ нѣтъ.

Фрэнку не сидѣлось въ шумномъ кабакѣ. Онъ пошелъ домой и зажегъ свѣчу, намѣреваясь читать. Торпедо получалъ много газетъ. Фрэнкъ сталъ ихъ исвать и, когда вытащилъ изъ подъ постели свертокъ, изъ него вывалился небольшой ящичекъ. Упавъ на землю, онъ раскрылся. Фрэнкъ собирался закрыть его, но нечаянно взглянулъ на содержимое вздрогнулъ и прошепталъ:

— Эленъ Дугласъ!

Онъ поднесъ портретъ къ свѣчѣ и сталъ его разсматривать. Да, это было то самое милое лицо, которое, годъ тому назадъ, на дальнемъ Востоцѣ, составляло счастье и надежду его жизни, пока одно слово, одинъ отрицательный отвѣтъ не разрушилъ навсегда его золотыхъ грезъ и не прогналъ его изъ родины къ далекой границѣ цивилизаціи, гдѣ онъ старался скрыть отъ людей себя и свое горе.

Но въ ящичкѣ лежалъ еще другой портретъ и — странная случайность!—это былъ таковой-же портретъ, который онъ вчера вечеромъ видѣлъ въ рукахъ сыщиковъ.

— Такъ вотъ онъ, мой неизвѣстный соперникъ, ради котораго она мнѣ отказала! Хотѣлось-бы мнѣ знать, изъ за чего они его розыскиваютъ, сказалъ Фрэнкъ.—Красивый малый!.. Но какимъ образомъ эти портреты попали сюда, въ...

Вдругъ его озарило, точно молніей. Онъ закрылъ пальцемъ нижнюю часть лица на портретѣ и нѣсколько мгновений смотрѣлъ на него. Наконецъ онъ воскликнулъ:

— Торпедо! Клянусь Богомъ!

— Оба пропали! крикнулъ полковникъ. Два, вбѣгая около полудня въ кабакъ.

— Оба?

— Да, и что всего курьезнѣе,—оставили здѣсь всѣ свои по-

житки, рѣшительно всѣ! Никогда еще не случалось видѣть подобнаго бѣгства! И никто не знаетъ, — куда и почему?

— Ну да, рассказывай! съ усмѣшкой замѣтилъ Хорекъ, худощавый человѣчекъ, отличавшійся трезвостью и все еще потягивавшій водку маленькими глотками изъ своего стакана, между тѣмъ, какъ остальные давно уже осушили свои и съ нетерпѣніемъ ждали слѣдующей круговой выпивки. — Почему знать... Я говорилъ съ полицейскими.

— За какимъ чортомъ ты говорилъ? Что это имѣетъ общаго съ Золотомъ и съ Торпедо?! нетерпѣливо спросилъ полковникъ.

— Потерпи, узнаешь, отвѣчалъ Хорекъ. — Фрэнкъ отправился вслѣдъ за ними...

— Что?! крикнулъ полковникъ.

— И сказалъ имъ, что онъ знаетъ этого человѣка и доставить его. Они предложили ему тысячу долларовъ.

— Боже мой! простоналъ полковникъ. — На кого-же послѣ этого можно положиться въ этомъ мірѣ? Чтобы Золото выдалъ бѣднягу изъ-за какой нибудь тысячи долларовъ?!.. Да онъ-бы не сдѣлалъ этого даже за миллионъ! Но почему скрылся Торпедо? Этого никто не знаетъ!

— Ошибаешься! замѣтилъ Хорекъ съ лукавой усмѣшкой, но вслѣдъ затѣмъ плотно сжалъ губы и умолялъ.

— Да что изъ тебя слова-то паровымъ штопоромъ нужно вытаскивать, что-ли? Говори-же, наконецъ, сухопарая собака!

— Вотъ видишь-ли, послѣ того, какъ ты надоумилъ ихъ насчетъ бороды, одинъ изъ нихъ вырѣзалъ въ картѣ дыру, наложилъ ее на портретъ такъ, чтобы не видно было волосъ и подбородка, ну и вышло, что на портретѣ-то Торпедо, точно живой. Фальшивые веселя на нью-іорскій банкъ, стоимостью въ двадцать пять тысячъ долларовъ... Пять тысячъ долларовъ награды сыщивамъ.

— Ха, ха, ха! Рассказывай сказки! захохоталъ полковникъ. — Торпедо самъ приходилъ смотрѣть на портретъ! Что будете пить, ребята? Наливай, Джонъ! Ура! Въ честь Золота; онъ знаетъ, что его другъ невиненъ!

Полковникъ былъ въ необыкновенномъ возбужденіи; онъ предвидѣлъ множество случаевъ, по поводу которыхъ можно будетъ держать пари.

Вдругъ снаружи послышался крикъ:

— Женщина!

Въ одно мгновеніе засученные рукава и брюки были спущены, воротнички застегнуты, пыль со шляпъ стерта, и всё бросились къ двери.

По дорогѣ, которая тянулась вдоль берега ручья, подъѣзжали верхомъ какой-то пожилой господинъ и молодая дама.

Одежда и манеры господина ясно доказывали, что онъ ни золотоискатель, ни торговецъ, ни маркитантъ; не менѣе ясно было и то, что дѣвушка не была ни прачка, ни кухарка и вообще не имѣла ничего общаго съ тѣми немногими профессіями, которыя въ то время были доступны женщинамъ на берегу Тихаго океана.

Каждый изъ золотоискателей понялъ это съ перваго взгляда, но этими заключеніями и истощилась вся ихъ проникательность; они ограничились тѣмъ, что уставились на незнакомцевъ и стали выжидать, что будетъ дальше.

Всадники остановились передъ кабакомъ, и господинъ вынулъ изъ кармана маленькій черный ящичекъ.

— Господа, сказалъ онъ,—мы ищемъ одного хорошаго знакомаго и прослѣдили его до этого мѣста. Называть его по имени было-бы, вѣроятно, бесполезно, но вотъ его портретъ. Можетъ быть, кто нибудь изъ васъ его знаетъ?

Взоры всѣхъ обратились къ полковнику, который считался въ станѣ самымъ краснорѣчивымъ ораторомъ. Онъ взялъ въ руки портретъ, а Хоревъ помѣстился за его спиной и старался заглянуть черезъ плечо.

Полковникъ бросилъ быстрый взглядъ на портретъ, поспѣшно возвратилъ его, посмотрѣлъ на молодую дѣвушку и затѣмъ уставился въ пространство. Ему, очевидно, было не по себѣ.

— Былъ здѣсь... теперъ нѣтъ! сказалъ онъ наконецъ.

— Не знаете-ли, куда онъ отправился? спросилъ пріѣзжій господинъ.

— Никому неизвѣстно... пропалъ со вчерашняго дня, возразилъ полковникъ.—Самъ онъ былъ честнѣйшій человекъ и, будучи убѣжденъ въ справедливости своего взгляда на намѣренія Фрэнка, съ увѣренностью прибавилъ:

— Скоро вернется... оставилъ здѣсь все имущество.

Вдругъ послышался тоненькій голосокъ Хорька:

— Поли...

Но сообщеніе это было прервано на полусловѣ крѣпкою рукою полковника, который поспѣшно продолжалъ:

— За нимъ отправился одинъ человѣкъ, который навѣрное найдетъ и вернетъ его.

— Кто... кто этотъ человѣкъ? Какъ его зовутъ? нерѣшительно спросила дѣвушка.

— Видите-ли, барышня, вашъ батюшка, — полагаю, что это отецъ вашъ, — справедливо замѣтилъ, что имена не имѣютъ у насъ никакого значенія. Мы зовемъ его Золотомъ, — Фрэнкъ Золото, и я думаю, что Фрэнкъ настоящее его имя.

Элленъ Дугласъ вскрикнула и безъ чувствъ упала съ лошади прямо въ объятія полковника.

— Братся за это дѣло или нѣтъ? спрашивалъ себя Хорекъ, въ раздумьи рассказывая взадъ и впередъ передъ кабакомъ. — Старикъ предлагаетъ двѣ тысячи, если я спасу отъ сыщивовъ Торпедо и приведу его къ нему. Но вѣдь если тѣ его поймутъ, они вернутся сюда и, — почему знать, — можетъ быть, пожелаютъ заполучить и старика съ дочкой. Впрочемъ, синица въ рукахъ... полагаю, что ужъ лучше услужить имъ. А, да вотъ и они!

Мистеръ Дугласъ съ дочерью подошли, въ сопровожденіи полковника Два, который говорилъ, обращаясь къ нимъ:

— Вотъ здѣсь самое лучшее мѣсто. Отсюда дорога видна на разстояніе полумили, а ручей—еще дальше. Для молодой лэди я сейчатъ велю устроить навѣсъ, чтобы защитить ее отъ лучей солнца. Не унывайте и положитесь на Фрэнка; ему все удастся!

Когда онъ произнесъ это имя, Элленъ задрожала, а полковникъ, который не зналъ о причинѣ ея волненія, принялся восхвалять Фрэнка, полагая, что тревога ея касается исключительно возвращенія Торпедо.

Вдругъ онъ вздрогнулъ и сдвинулся блѣденъ, какъ мертвецъ, но, подавивъ свое волненіе, тотчасъ отошелъ въ сторону съ деликатностью настоящаго джентльмена, когда увидѣлъ, что Элленъ и ея отецъ также смотрятъ въ ту сторону, гдѣ глазамъ его представилась неожиданная картина.

Это былъ Торпедо, шедшій между двумя сыщивами; руки у него были связаны, одежда изодрана, волосы на головѣ и бородѣ коротко острижены, на лицѣ замѣтны были слѣды вулчаной би-

твы. За арестантомъ, склонивъ голову, заложивъ руки за спину, шель Фрэнкъ Золото.

Кто-то сообщилъ объ этой новости посѣтителемъ кабака, и всѣ они высыпали за дверь; но полковникъ лѣвымъ указательнымъ пальцемъ выразительно обратилъ ихъ вниманіе на прѣзжихъ, печально стоявшихъ въ сторонѣ, а правымъ, который былъ крѣпко прижатъ къ собачкѣ револьвера, не менѣе выразительно указалъ на кабака.

Эленъ кинулась на встрѣчу къ своему возлюбленному и обвила его руками. Фрэнкъ поднялъ голову, вздрогнулъ и побавровѣлъ.

— Крайне сожалѣю о вашемъ горѣ, мистеръ Дугласъ, свазалъ одинъ изъ сыщиковъ, кланяясь, — но все-таки радъ, что прибылъ сюда однимъ днемъ раньше васъ.

— Сколько денегъ потребуется, чтобы выкупить арестанта? спросилъ несчастный отецъ.

— Извините, сэръ, мнѣ очень жаль, но вы сами знаете, что это было-бы съ нашей стороны измѣною, возразилъ сыщикъ, глядя съ выраженіемъ искренняго состраданія на плачущую дѣвушку.

— Не бойтесь! Мы уберемъ этихъ мододцовъ и освободимъ его! Всякій, кто приходитъ сюда, заварилъ на родинѣ какую нибудь кашу, — будь я проклятъ! — шепнулъ полковникъ старику и послѣ этихъ успокоительныхъ словъ снова отретировался.

— Я готовъ дать вамъ ту-же сумму, которую предлагаетъ банкъ, — пять тысячъ долларовъ! продолжалъ старикъ.

— Невозможно, сэръ, возразилъ полицейскій. — Впрочемъ, вотъ вамъ другое предложеніе, продолжалъ онъ: — банкъ желаетъ только вернуть свои деньги; личною преступника онъ не дорожитъ. Двадцать пять тысячъ для банка да наши пять тысячъ — это составило-бы въ сложности тридцать тысячъ долларовъ. Такая процедура, положимъ, не вполне законна, но, какъ частные сыщики, мы-бы на нее рѣшились.

Дугласъ вздохнулъ и покачалъ головою.

— Въ такомъ случаѣ, покоритесь судьбѣ, продолжалъ сыщикъ; — мы готовы оказать вамъ всякую, зависящую отъ насъ, услугу, если вы захотите возвратиться вмѣстѣ съ нами, на томъ-же пароходѣ. На палубѣ онъ будетъ совершенно свободенъ, какъ скоро мы потеряемъ изъ вида берегъ. Мы обязаны, конечно, слѣдить, чтобы онъ не убѣжалъ, но будемъ дѣлать это такъ, что

вы и не замѣтите. Вѣдь у насъ тоже сердце не каменное, не смотря на наше ремесло. Надѣюсь, что вамъ удастся уладить это дѣло съ банкомъ, когда мы вернемся.

— О, Господи! Я слишкомъ много уже истратилъ на поиски; я не въ состоянїи его выкупить! Эленъ, бѣдное дитя мое, я не могу этого сдѣлать.

— Въ такомъ случаѣ — я могу, сказалъ кто-то твердымъ, громкимъ голосомъ.

Эленъ вздрогнула и посмотрѣла на говорящаго. Только теперь узнала она Фрэнка. Самыя противоположныя чувства — изумленіе, благодарность, страхъ — боролись въ ней и отражались на ея лицѣ. Фрэнкъ также смотрѣлъ на нее — твердо, честно, открыто.

Сыщики стояли, разинувъ рты и высоко поднявъ брови.

— Здѣсь находится агентъ банка изъ Санъ-Франциско; не потрудитесь ли позвать его сюда, полковникъ? сказалъ Фрэнкъ.

Полковникъ пустился бѣгомъ и вскорѣ возвратился въ сопровожденїи господина, вся внѣшность котораго указывала на его принадлежность къ финансовому міру.

— Мистеръ Гринъ, скажите, пожалуйста, сколько у меня золота въ вашемъ банкѣ?

Агентъ вынулъ изъ кармана маленькую книжку, справился и отвѣтилъ дѣловымъ тономъ:

— Слишкомъ двѣ тысячи унцій.

— Прошу васъ выдайте этимъ господамъ какой имъ угодно вексель въ тридцать тысячъ долларовъ. Я подпишу его.

Агентъ отправился съ однимъ изъ сыщиковъ въ ближайшую хижину, Фрэнкъ послѣдовалъ за ними и вскорѣ вернулся обратно въ сопровожденїи сыщика.

— Все улажено, товарищъ, сказалъ послѣдній; — отпусти его на всѣ четыре стороны!

Наручники сняли, Торпедо былъ свободенъ. Прежде всего онъ кинулся къ Фрэнку и схватилъ его руку.

— Золото, скажи мнѣ, зачѣмъ ты помогъ полицейскимъ?

— Изъ мести! съ усиленіемъ выговорилъ Фрэнкъ.

— За что? спросилъ Торпедо, блѣднѣя.

— За то, что миссъ Дугласъ пренебрегла мною ради тебя, возразилъ Фрэнкъ.

Торпедо взглянулъ на дѣвушку и прочиталъ въ ея глазахъ подтвержденіе этихъ словъ.

— Но почему-же, продолжалъ онъ съ изумленіемъ; — почему-же въ такомъ случаѣ ты освободилъ меня?

— Потому что она тебя любитъ, глупый ты человѣкъ! отвѣтилъ Фрэнкъ и пошелъ своей дорогой.

Около года спустя, въ комнатѣ стараго Уопера, котораго ферма находится по близости отъ Плэнфильда, родного городка Фрэнка и Элленъ, въ Массачузетѣ, сидѣли и разговаривали три человѣка, — самъ хозяинъ, его „старуха“ и тетушка Спенсеръ, старая дѣва, которая поставила задачею своей жизни — замѣнить недостающую мѣстную газету.

— Пусть я не удостоюсь царствія небеснаго, горячилась послѣдняя, — если этотъ простакъ Фрэнкъ не поступилъ такъ, какъ я говорю. Но возлюбленнаго-то, котораго прозвали Торпе-до, на обратномъ пути снесло съ палубы волной.

— А я ставлю свою альдернейскую корову, сказалъ старый фермеръ, — и держу пари, что поступокъ Фрэнка принесетъ больше пользы, чѣмъ любая проповѣдь, которая когда либо произносилась въ Калифорніи, или даже здѣсь!

Миссъ Спенсеръ кинула на него ядовитый взглядъ и затѣмъ продолжала:

— А старикъ Дугласъ рассказываетъ, что всѣ поселенцы, узнавши объ этомъ поступкѣ, какъ бѣшеные принялись кричать: „Ура! Да здравствуетъ Фрэнкъ Золото!“ Впрочемъ, это и не удивительно со стороны такихъ безумцевъ, которые не умѣютъ обращаться съ деньгами.

— Хорошо, если-бы никто не обращался съ деньгами хуже, прервалъ ее старый фермеръ. — А жениха мнѣ все-таки жаль. Говорятъ, онъ былъ не дурной человѣкъ, только безхарактерный и вѣтряный. Его завлекли другіе, и онъ-бы навѣрно исправился. Если-бы Элленъ не надѣялась на это, она не могла-бы и любить его.

Тетушка Спенсеръ не удостоила это возраженіе отвѣтомъ, тѣмъ болѣе, что еще не кончила своего доклада.

— Кромѣ того, ея отецъ рассказывалъ, что какой-то полковникъ Два стрѣлялся съ другимъ, котораго звали Хорькомъ, изъ за чести прежде всѣхъ угостить Фрэнка, и что потомъ этотъ полковникъ, какъ бѣшенный, бѣгалъ по всѣмъ поселеніямъ, всюду рассказывалъ про эту исторію и швырялъ деньгами, требуя, чтобы всѣ пили за здоровье Фрэнка. Ужасный народъ! Но

это еще не все: Фрэнкъ, который съ тѣхъ поръ ушелъ отъ нихъ, теперь опять вернулся сюда.

— Не можетъ быть! воскликнула мистрисъ Уоверъ.

— Да благословить и сохранить его Господь, серьезно сказала ей мужъ.

— Кажется, онъ и до сихъ поръ не оставленъ божіимъ милосердіемъ, возразила рассказчица съ оттѣнкомъ негодованія;— когда эти забуддыги услышали, въ чемъ дѣло, они сложились и собрали для него больше тысячи унцій золота, и онъ теперь та-кой-же зажиточный человѣкъ, какимъ былъ въ то время, когда Элленъ ему отказала. А вотъ и еще новость: у нихъ скоро свадьба!

— Въ самомъ дѣлѣ? радостно воскликнула мистрисъ Уоверъ.

— Да; говорятъ, Элленъ послала за нимъ на другой берегъ перешейка, и только тогда онъ рѣшился вернуться. А по моему, грѣшно-бы ей выходить за него; вѣдь нѣтъ еще года, какъ другой-то покоится въ землѣ!

— Въ водѣ, тетушка Спенсеръ, въ водѣ! улыбаясь, поправилъ фермеръ.

— Это все равно... Да еще послать за нимъ...

— Элленъ прекрасно поступила, прервала ее фермерша;— я сама-бы сдѣлала то-же самое!

Фермеръ наградилъ свою „старуху“ звонкимъ поцѣлуемъ, который до того скандализировалъ старую дѣву, что она поспѣшила проститься и удалилась.

ДОРОЖНЫЕ АГЕНТЫ.

Никто во всей Калифорніи не зналъ, какого рода „дѣлами“ занимается „Полковникъ“, да въ сущности никто и не старался разгадать эту тайну. Онъ всегда расплачивался наличными деньгами и никогда не ворчалъ на дороговизну, а большаго отъ человѣка и требовать невозможно.

Полковникъ отличался веселымъ, сообщительнымъ характеромъ, но, подобно всѣмъ остальнымъ смертнымъ, по временамъ поддавался и грустному настроенію. Такая невеселая полоса нашла на него и за послѣднее время, послѣ того, какъ онъ на нѣсколькихъ скачкахъ проигралъ все состояніе, поручившись крупными суммами за успѣхъ свой карей кобылы Типси.

Все населеніе выражало ему живѣйшую симпатію, и когда онъ въ одинъ прекрасный день снова появился въ кабакѣ, всѣ наперерывъ стали добиваться чести выпить съ Полковникомъ. Но онъ рѣзко отвлонилъ эти проявленія дружескаго чувства, внезапно вышелъ изъ комнаты, вскочилъ на свою лошадь и ускакалъ бѣшенымъ галопомъ.

Верховая ѣзда, какъ извѣстно, считается полезнымъ для здоровья упражненіемъ, а быстрая ѣзда, говорятъ, крайне благотворно дѣйствуетъ на разстроенныя чувства; но если человѣкъ предастся этому полезному упражненію до такой степени, что даже никогда не остановится поговорить съ знакомымъ, то люди, разумѣется, начинаютъ удивляться.

Полковника хорошо знали во всѣхъ поселеніяхъ, черезъ которыя онъ проѣзжалъ, а такъ какъ никто не видѣлъ, чтобы передъ нимъ по той-же дорогѣ проѣзжалъ другой всадникъ, то мѣстные спортсмены немедленно держали пари, что онъ отъ кого нибудь улепетывается.

Въ сущности, они были неправы, но, тѣмъ не менѣе, выиграли свои пари, потому-что не успѣло пройти и получаса, какъ по той-же дорогѣ проѣхалъ человѣкъ съ озабоченной официальной миной, который осаживалъ свою лошадь передъ самымъ большимъ кабакомъ каждаго поселенія и спрашивалъ, не проѣзжалъ-ли здѣсь Полковникъ.

Если-бы храбрый Полковникъ подозрѣвалъ, что за нимъ гонятся, и въ особенности если-бы онъ зналъ, кто взялъ на себя эту обязанность, то жизнь дерзкаго преслѣдователя подверглась-бы серьезной опасности. Ибо это былъ никто иной, какъ констэбль того округа, въ которомъ поселился Полковникъ, а противъ констэблей и всякаго рода полицейскихъ чиновниковъ онъ питалъ невыразимую злобу.

Полковникъ продолжалъ скакать по почтовой дорогѣ. Но вотъ онъ онъ внезапно свернулъ въ сторону и сталъ пробираться сквозь густой кустарникъ, между тѣмъ какъ констэбль поскакалъ дальше.

Вдругъ изъ чащи послышался голосъ:

— Въ чемъ дѣло?

— Есть работа, отвѣчалъ Полковникъ.

— Давно пора, продолжалъ тотъ-же голосъ, и изъ кустовъ вынырнулъ длинный, бородатый малый.—Со вчерашняго вечера у насъ нѣтъ ни глотка водки, а въ хижинѣ не отыщешь ни

сухаря, ни порошинки муки.—Что подвела васъ старая вляча? прибавилъ онъ, поглаживая морду Типси съ фамиллярностью стараго знакомаго.

— Да, сказалъ Полковникъ грустнымъ тономъ;—проигралъ на всѣхъ свачкахъ. Всѣ-ли въ сборѣ?

— Конечно. Идите со мною.

Долговязый паренъ пошелъ впередъ въ сопровожденіи Полковника и Типси. Вскорѣ они достигли маленькаго блокгауза, передъ которымъ сидѣли три подозрительныя фигуры, уставившіяся на Полковника съ видомъ напряженнаго ожиданія.

— Мэкъ объяснить вамъ, въ чемъ дѣло, пока я привяжу лошадь, сказалъ Полковникъ.

Когда онъ черезъ нѣсколько минутъ вернулся въ хижинѣ, всѣ четверо успѣли вооружиться ножами и пистолетами, а Мэкъ вручалъ каждому по маскѣ, выкроенной изъ довольно грязнаго мучнаго мѣшка.

— Развѣ ужъ пора? спросилъ Полковникъ.

— Лучше подождать часокъ, чѣмъ прозѣвать все дѣло, возразилъ одинъ изъ четверыхъ.—Я испытывалъ такую жажду, какъ сегодня, только одинъ разъ въ жизни, когда мы огибали мысъ Горнъ и на кораблѣ вышелъ весь запасъ воды. Если въ этой старой колымагѣ не окажется воды,—имъ плохо придется, не будь я Первинсъ.

— Смотри, не обсчитайся, замѣтилъ другой, укрѣпляя подъ шляпою край своей маски.—А если ихъ будетъ столько, что намъ съ ними не справиться? Что тогда сважешь?..

— Молчи, Крэнксъ! прервалъ его Полковникъ.—Кто напередъ труситъ, тотъ ничего путнаго не сдѣлаетъ. Однако не забывайте, что сегодня на возлахъ сидитъ старый Блэкъ, который всегда приѣзжаетъ во время, а потому я полагаю, не мѣшало-бы тронуться въ путь.

Захлопнувъ дверь блокгауза, вся компанія, вытянувшись гуськомъ, побрела къ большой дорогѣ и затѣмъ продолжала нуть въ параллельномъ съ нею направленіи. Послѣ получасоваго марша, Первинсъ, шедшій впереди всѣхъ, скомандовалъ „стой!“ и, утирая вспотѣвшій лобъ рукавомъ рубашки, сказалъ:

— Теперь, я полагаю, мы достаточно удалились отъ хижины; не правда-ли, Полковникъ?

— Я думаю—да, согласился Полковникъ.—Мы будемъ дѣйствовать, какъ всегда: я остановлю лошадей, Логроллеръ возъ-

метъ на себя кучера, Крэнкъсъ будетъ отбирать добычу, а Мэкъ съ Перкинсомъ помѣстятся по обѣ стороны кареты. Кромѣ того... Мнѣ это крайне непріятно, но, въ виду отвратительнаго положенія, въ которомъ находятся въ данную минуту наши дѣла, я полагаю, что придется обложить податью и дамъ, если таковыя окажутся въ каретѣ. Что вы на это скажете?

— Мнѣ кажется, что это будетъ вполне резонно, заявилъ Логроллеръ, заливаясь такимъ смѣхомъ, который, казалось, даже на его черной маскѣ отразился въ видѣ какихъ-то гримасъ. — Какая имъ польза отъ ихъ женскихъ правъ, если онѣ не имѣютъ возможности примѣнить ихъ на дѣлѣ? Опорожнимъ ихъ кошельки и представимъ имъ всю эту доктрину въ новомъ свѣтѣ.

— Женщины коварны, прибавилъ Крэнкъсъ;—онѣ способны пырнуть васъ ножомъ, пока вы станете извиняться передъ ними.

— Если ты боишься бабъ, сказалъ Перкинсъ,—такъ возвращайся домой и подметаай полъ въ нашей комнатѣ.

— Эти слова напоминаютъ мнѣ одно библейское изрѣченіе, началъ Логроллеръ, прозванный „Набожнымъ“, но Полковникъ поспѣшно перебилъ его.

— Идемъ, идемъ! крикнулъ онъ,—и, пожалуйста, не мѣшайте религію съ дѣломъ; они такъ-же мало подходятъ другъ къ другу, какъ... Стой! Слышите, старый Блэкъ ужъ похлопываетъ своимъ кнутомъ. Скорѣй, за кусты! Когда я свистну, высказывайте всѣ разомъ.

Всѣ попрятались у самага края дороги. Почтовая карета быстро приближалась, пассажиры весело болтали и смѣялись, но въ то мгновеніе, какъ старый Блэкъ внушительно хлестнулъ кнутомъ пристяжную, Полковникъ пронзительно свистнулъ, и всѣ пятеро выскочили на дорогу.

Лошади моментально остановились, какъ будто подобныя приключенія случались съ ними чуть ни каждый день, а старый Блэкъ опустилъ возжи, положилъ ногу на ногу и съ равнодушнымъ выраженіемъ уставился въ небо. Пассажиры высунули головы изъ оконъ, но съ такою-же поспѣшностью отдернули ихъ назадъ, когда увидѣли маски и револьверы „дорожныхъ агентовъ“ *).

— Кажется, что-то случилось съ каретой, милостивые государи и государыни, вѣжливо сказалъ Полковникъ, отворяя

*) Мѣстное названіе разбойниковъ, грабщихъ по большимъ дорогамъ.

дверцы. — Не угодно-ли вамъ будетъ выйти? У васъ навѣрное есть носовой платокъ? обратился онъ къ первому вышедшему изъ кареты пассажиру. — Да? Ну, вотъ и прекрасно! Будьте такъ добры, заложите руки за спину, вотъ такъ... отлично.

Въ одно мгновеніе руки были связаны.

— Ради Бога, не вздумайте братья за оружіе, продолжалъ Полковникъ, снова обращаясь къ оставшимся въ каретѣ; — вы видите, у одного изъ моихъ друзей куроѣ уже взведенъ, а рука у него можетъ дрогнуть отъ всякихъ пустяковъ.

Такъ-же вѣжливо обошлись и съ другими пассажирами, а затѣмъ Полковникъ и его друзья изслѣдовали карманы плѣнниковъ. На стараго Блэка не обратили никакого вниманія, ибо слыханное-ли дѣло, чтобы у почтоваго кучера водились когда-нибудь деньги?

— Ребята, сказалъ Полковникъ, отозвавъ въ сторону товарищей и осмотрѣвъ добычу; — пожива на этотъ разъ не велика, но въ каретѣ всего только одна женщина, которая, повидимому, такъ стара, что могла-бы быть моей бабушкой. Я думаю, мы не станемъ ее тревожить; какъ вы полагаете?

— Отъ нея, пожалуй, поживишься еще больше, чѣмъ отъ всѣхъ остальныхъ, вмѣстѣ взятыхъ, проворчалъ Крэнъсъ, внимательно изслѣдуя толщину крыши у золотыхъ часовъ. — Есть такіе безсовѣстные мошенники, которые нарочно нанимаютъ старухъ и поручаютъ имъ перевозку драгоценностей, надѣясь, что, благодаря этому, имущество ихъ подвергается меньшей опасности.

Полковникъ нехотя подошелъ къ каретѣ.

— Тысячу разъ прошу извиненія, сударыня, началъ онъ, одной рукою вѣжливо снимая шляпу, а другою снова отворяя дверцу; — мы только что устроили маленький сборъ съ чрезвычайно благотворительною цѣлью. Васъ мы, собственно говоря, не хотѣли беспокоить, но такъ какъ остальные господа не имѣли при себѣ достаточнаго количества денегъ, то у насъ не остается другого исхода.

Старуха, дрожа отъ страха, откинула вуаль и стала доставать кошелекъ. Взглянувъ ей въ лицо, Полковникъ вдругъ хлопнулъ дверцу, усѣлся на ступицу колеса и съ растеряннымъ видомъ уставился въ пространство.

— Ничего нѣтъ? освѣдомился Перкинсъ вполголоса и съ выраженіемъ искренняго участія.

— Нѣтъ... да... пробормоталъ Полковникъ, какъ будто сквозь сонъ. — Я хотѣлъ сказать: развяжите ихъ и пускай они ѣдутъ своей дорогой, прибавилъ онъ, вскакивая; — а я побѣгу скорѣе въ блокгаузъ.

Съ этими словами онъ скрылся въ кустахъ, прежде чѣмъ помощники его успѣли прійти въ себя отъ изумленія. Обезоруженныхъ пассажировъ развязали и позволили имъ снова занять свои мѣста въ каретѣ; старый Блэкъ подобралъ возжи такъ спокойно, какъ будто дѣло происходило на станціи послѣ перемѣны лошадей, щелкнулъ внутромъ и карета тронулась.

Велико было удивленіе „дорожныхъ агентовъ“, когда они вошли въ свою хижину; тамъ стоялъ Полковникъ въ чистой бѣлой рубашкѣ и въ нарядѣ, составленномъ изъ разнообразныхъ элементовъ коллективнаго параднаго гардероба всей шайки.

Крэнксъ прежде всѣхъ оправился отъ изумленія, выложилъ на столъ часы, пару пистолетовъ, портмонэ и увѣсистый кошелекъ съ деньгами и сказалъ:

— Полковникъ, прежде покончимъ съ дѣломъ, а потомъ подумаемъ объ удовольствіи; раздѣлимъ добычу и разойдемся, пока насъ не выслѣдили, а то...

— Дѣлите *сы!* рѣзко и рѣшительно сказалъ Полковникъ. — Я не возьму себѣ ничего. Я уйду отсюда и оставляю это ремесло... навсегда.

— Намѣрены по полицейской части пуститься? Такъ, что-ли? спросилъ Крэнксъ, хватаясь за пистолеть.

— Я тебя всего начиню свинцомъ, если ты не возьмешь назадъ этихъ словъ! заревѣлъ Полковникъ, видаясь на Крэнкса, что побудило его выронить изъ рукъ пистолеть, отретироваться и попросить прощенія.

— Кто дастъ мнѣ займы пятьдесятъ долларовъ? продолжалъ Полковникъ.

Перкинсъ вручилъ ему требуемую сумму, а двѣ минуты спустя Полковникъ уже сидѣлъ на лошади и поскакалъ потому направленію, которому слѣдовала почтовая карета.

Онъ догналъ и обогналъ ее, но все продолжалъ сказать впередъ съ прежнею быстротою. Жители ближайшаго поселенія уже настолько знали Полковника, что никогда и ничему не удивлялись въ немъ. Но когда они увидѣли, что онъ отыскиваетъ по всѣмъ кабакамъ повупщика для своей Типси, о которой еще такъ недавно говорилъ, что не продастъ ее за все зо-

лото въ мірѣ, когда онъ, наконецъ, дѣйствительно продалъ ее за безцѣнокъ,—такое невѣроятное событіе произвело всеобщую сенсацію. Когда-же онъ, въ заключеніе, отправился въ цирюльню и, пробывъ тамъ цѣлыхъ полчаса, вышелъ гладко выбритый, завитой и причесанный, каждый поспѣшилъ въ свой любимый кабакъ, чтобы держать пари относительно мотивовъ, руководившихъ Полковникомъ.

А онъ тѣмъ временемъ предпринялъ путешествіе по всѣмъ магазинамъ и приобрѣлъ полную новую пару, тщательно избѣгая при ея выборѣ употребительныхъ здѣсь яркихъ цвѣтовъ. Затѣмъ онъ купилъ себѣ новую шляпу, пару новыхъ сапогъ, остригъ себѣ ногти и, что было всего удивительнѣе, вѣжливо, но твердо отелонялъ всѣ приглашенія на выпивку.

Въ то время, какъ Полковникъ стоялъ у дверей того кабака, передъ которымъ обыкновенно останавливалась почтовая карета, констэблъ подошелъ къ нему и слегка прикоснулся къ его плечу. Всѣ тѣ, которые держали пари, что Полковникъ отъ кого-то удиралъ, тотчасъ потребовали уплаты назначенной ставки; но стоявшіе по близости слышали, какъ констэблъ сказалъ:

— Полковникъ, я все беру назадъ и откровенно покажусь передъ вами. Когда я увидѣлъ, какъ вы ускакали, у меня внезапно явилась мысль, что вы, быть можетъ, принадлежите къ числу „дорожныхъ агентовъ“, и я отправился вслѣдъ за вами; это была моя обязанность. Теперь-же я вижу, что попалъ на фальшивый слѣдъ.

— Не велика бѣда, улыбаясь отвѣчалъ Полковникъ.—Будьте такъ добры, отдайте эти пятьдесятъ долларовъ Джо Перкинсу, когда встрѣтите его. Я покидаю штатъ.

Въ эту минуту почтовая карета подъѣхала къ двери, кучеръ осадилъ лошадей и пассажиры съ пустыми карманами, но исполненные негодованія по поводу недавняго приключенія, устремились въ кабакъ.

Разсказы о грабежѣ на большой дорогѣ возбудили всеобщій интересъ, и Полковникъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, незамѣтно вышелъ на улицу. Онъ открылъ дверцу кареты. Старая дама вздрогнула и воскликнула:—Джорджъ!

А Полковникъ вскочилъ въ карету, нѣжно обвилъ руками дрожащую отъ волненія старуху и, склонившись къ ней, промолвилъ:—*Матушка!*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДѢЛОВИТОСТЬ.

(„Изъ деревни“ 11 писемъ (1872—1882) А. Н. Энгельгардта. Спб. 1882).

I.

Ни для кого не составляетъ тайны, что нашъ мужикъ не уважаетъ—хуже и болѣе того—просто-на-просто презираетъ насъ, русскую интеллигенцію. Онъ называетъ насъ „господишками“; онъ считаетъ насъ паразитами и бѣлоручками, смотритъ на насъ сверху внизъ и всегда готовъ сказать про насъ, какъ сказалъ тургеневскій крестьянинъ про Базарова: „болтаетъ, извѣстно, баринъ: развѣ онъ можетъ понимать што?“ Все это очень естественно, конечно, хотя нѣтъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы выразить, какъ все это, въ тоже время, печально, а для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ пагубно. Но мужикъ разсуждаетъ логично. Не имѣя возможности пользоваться другими признаками, кромѣ чисто формальныхъ и виѣшнихъ, онъ причислялъ къ „господишкамъ“ всѣхъ, кто носитъ нѣмецкое платье, не пахнетъ земли, не коситъ сѣна и т. д. Въ результатѣ—невозможный сумбуръ разумѣется. Базаровъ и Фишеръ, Гл. Успенскій и урядникъ, чиновникъ и литераторъ—это все совершенно одинаковые, однохарактерные и равнозначительные представители того чуждаго и враждебнаго міра, который лежитъ за предѣлами крестьянства и питается его соками. Разница между господами можетъ состоять только въ томъ, что одни изъ нихъ позволяютъ мужику обирать себя—это „глухие“; другіе сами обираютъ его—это ловкіе, „умные“. Но, какъ къ первымъ, такъ и ко вторымъ, отношенія мужика, въ общемъ, одни и тѣ-же, т. е. воинственные: съ „глупыми“ онъ ведетъ войну наступательную, съ „умными“—оборонительную. Онъ насъ или презираетъ („глупыхъ“), или ненавидитъ („умныхъ“). Таково положеніе.

Мужикъ, повторяю я, логиченъ. Видѣлъ-ли онъ когда нибудь около себя людей изъ „общества“, которые-бы пришли къ нему не съ цѣлью прижать и обобрать, а съ намѣреніемъ безкорыстно, по-братски помочь ему, которые-бы смотрѣли на него, какъ на обездоленного *человѣка*, а не какъ на выносливое, вьючное животное или какъ на бездонный мѣшокъ, изъ котораго только лѣнивый не черпаетъ? Да, конечно, бывали въ нашей исторіи моменты, когда все, что было живого и честнаго въ обществѣ, стремилось отдать свои силы на служеніе народу, а въ нашей жизни никогда не переводились люди, готовые къ такому служенію. Въ эпоху освобожденія крестьянъ, напр., наша интеллигенція создала и съ величайшимъ усердіемъ поддерживала воскресныя школы, огромной пользы которыхъ для народа не станетъ никто отрицать. Но этотъ моментъ, какъ всѣ помнятъ, былъ именно только моментомъ, мгновеніемъ, не оставившимъ послѣ себя никакаго плодотворнаго *практическаго* результата. Теоретическое или историческое его значеніе очевидно и безспорно. Какъ молнія, хотя на секунду, но все-таки освѣщаетъ собою мѣстность и даетъ возможность оглядѣться въ непроглядной тьмѣ, такъ и этотъ моментъ наглядно доказалъ, что, во-первыхъ, въ части нашего общества живо и сильно сознание своего долга передъ народомъ, и приглашать эту часть къ сближенію съ народомъ, значить стучаться въ отворенную дверь; во-вторыхъ, что это сближеніе, не беря въ расчетъ побочныхъ обстоятельствъ и говоря вообще, не только возможно, но, въ сущности, нисколько и не затруднительно и именно на почвѣ науки и ея популяризаціи. Только бѣда-то вся въ томъ, что плодотворно работать можно не при блескѣ молній, а при солнечномъ освѣщеніи, и нѣтъ ничего мудренаго, что, побившись, побившись честный интеллигентъ уходитъ назадъ, опять въ свою опротивѣвшую среду, на жертву знакомыхъ сомнѣній и угрозъ, а мужикъ оставался хуже, чѣмъ съ пустыми руками—съ горькимъ чувствомъ разочарованія и, пожалуй, презрѣнія. Пришли господишки, накричали, нахвастали, затормошили и себя, и мужика и ушли, какъ ни въ чемъ не бывало, ничего путнаго не сдѣлавши. Мы-то хорошо понимаемъ, въ чемъ дѣло и намъ не составило-бы особеннаго труда оправдать себя и свои вѣчные фіаско, но мужику до этихъ оправданій пока дѣла нѣтъ и этого языка нашего онъ не пойметъ. Оттого, при всей своей несправедливости къ намъ, онъ дѣйствуетъ и разсуждаетъ логично, на основаніи фактовъ, которые проходили у него передъ глазами и вѣднѣйшій смыслъ которыхъ не подлежить никакому сомнѣнію. Литература наша довольно подробно уже характеризовала намъ злосчастнаго интеллигентнаго русскаго *человѣка*, сгорающаго безсильнымъ желаніемъ служить народу—важный признакъ, что этотъ типъ получалъ сильное распространеніе

ніе въ практической дѣйствительности. „Съ вами не сольешься, а только сопьешься“, говорить одинъ изъ такихъ людей у Гл. Успенскаго мужикамъ, а мужики въ свою очередь замѣчаютъ о немъ: „баринъ тоже, только что сумнительность въ немъ есть... то есть, безъ твердости безо всякой... Господинъ не господинъ... а Богъ его знаетъ... Онъ и доберь, и все... а чтобы настоящаго...“ Характеристика съ обѣихъ сторонъ очень замѣчательная, а еще замѣчательнѣе эти напряженныя и натянутыя отношенія, когда, повидимому, есть всѣ данныя къ тому, чтобы жить мирно, любовно, „по сосѣдски“.

Въ чемъ-же заключается то таинственное „настоящее“, которыми долженъ обладать интеллигентный человѣкъ, чтобы приобрести себѣ и расположеніе, и уваженіе мужика? „Доберь“, но глупъ, уменъ, но „шельма“—долженъ-же быть выходъ изъ этой дилеммы и не можетъ-же такое положеніе вещей оставаться вѣчно. Въ своихъ замѣчательныхъ „письмахъ“ г. Энгельгардтъ даетъ на этотъ вопросъ обстоятельный, хорошо мотивированный отвѣтъ, и отвѣтъ, на первый взглядъ, чрезвычайно утѣшительный. Г. Энгельгардтъ рѣшилъ задачу: мужикъ не скажетъ о немъ, что онъ „безъ твердости безо всякой“, что въ немъ нѣтъ „настоящаго“, напротивъ, мужикъ говорить ему: „Подладилса ты, Александра“, и г. Энгельгардтъ по праву „былъ на верху блаженства, когда услышалъ подобныя выраженія, потому что они служатъ несомнѣннымъ выраженіемъ уваженія къ данному хозяйству“ (176). Но г. Энгельгардтъ „подладилса“ отнюдь не по рутинному рецепту нашихъ „ловчихъ“ сельскихъ хозяевъ; онъ не только не жметъ мужика разными кусочками, отрѣзками, выгончиками, контрактами и неустойками,—онъ помогаетъ мужику, учится у него и учитъ его, а „подладилса“ тѣмъ, что обнаружилъ бездну хозяйственной дѣловитости, направленной на эксплуатацію не личности батрака и мужика, а на эксплуатацію земли. Здѣсь уже можно замѣтить, что „отвѣтъ“ г. Энгельгардта общаго значенія имѣть не можетъ и его искусное „подлаживание“—его личная удача, въ которой мудрено найдти какую-нибудь норму. Г. Энгельгардтъ—хозяинъ исключительный. Онъ любить землю не хуже какого угодно „хозяйственнаго“ мужика и, по его собственному признанію, „влагаетъ душу“ въ хозяйство. „Мои цвѣты, мои овощи, мой ленъ, мой клеверъ, мой хлѣбъ, говорить г. Энгельгардтъ,—дороги мнѣ до такой степени, что еслибы мнѣ предложили за мою капусту вдвое противъ того, что она стоитъ, лишьбы я позволилъ свиньямъ свободно рыться въ моемъ огородѣ, я не согласился-бы на такую сдѣлку“ (54). Это уже, если такъ можно выразиться, поэзія хозяйства, въ которой г. Энгельгардтъ далеко превосходить даже самыхъ коренныхъ земледѣльцевъ, большинство

которыхъ, по всей вѣроятности, очень охотно согласимось-бы на „такую сдѣлку“.

Въ вопросахъ о матеріальныхъ потребностяхъ и нуждахъ нашего мужика едва-ли есть человѣкъ компетентнѣе г. Энгельгардта. Никто лучше его не знаетъ: сытъ или голоденъ нашъ мужикъ, дешево или дорого его трудъ, мало или много у него земли, хорошій или дурной онъ работникъ. Равнымъ образомъ, никто лучше его не оцѣнить достоинство разныхъ мѣропріятій, сочиняемыхъ городомъ для деревни, мѣропріятій, которыя изъ прекраснаго далека кажутся иногда цѣлесообразными даже не однимъ только чиновникамъ и оказываются никуда не годными на мѣстѣ. Такъ было, какъ помнитъ читатель, съ пресловутымъ артельнымъ сыровареніемъ, такъ было съ поздними посѣвами проф. Линдемана, такъ было и въ вопросѣ о малоземельи нашего мужика. Этотъ споръ о малоземельи, объ „интенсивной культурѣ“ и пр. разрѣшился, можно сказать, только тогда, когда въ него вмѣшался г. Энгельгардтъ. Онъ высказался съ такимъ авторитетомъ, съ такимъ полнымъ и практическимъ знаніемъ всѣхъ подробностей дѣла, что гг. Аксаковымъ и Самаринимъ ничего не оставалось, какъ скромно промолчать и спрятать до лучшихъ временъ свою извѣстную теорію о многоземельи нашего мужика. Въ силу этой совершенной компетентности г. Энгельгардта относительно вопросовъ о нуждахъ нашего мужика, нуждахъ, которыя составляютъ нынѣ самую модную злобу дня, каждая партія желала-бы видѣть его на своей сторонѣ и даже сама „Русь“ успокоительно завѣряла своихъ читателей, что г. Энгельгардтъ—„либераль“, а „Новое Время“ почтительно и льстиво назвало его „Письма“—„золотой книгой“. Но, въ сущности, г. Энгельгардтъ не принадлежитъ вполнѣ ни къ одной изъ нашихъ общественныхъ и литературныхъ партій. Онъ человѣкъ жизни, практики, а не теоріи, и въ этомъ его слабость, потому что въ этомъ его изолированность, но въ этомъ-же и его главная сила, его независимость. Г. Энгельгардту рѣшительно все равно, что говорить или что скажетъ какая-бы то ни было княгиня Марья Алексѣевна. Онъ совѣтуется только съ практикой, съ фактами, съ опытомъ, и ему нѣтъ дѣла до нашихъ „программъ“, „знаменъ“, до нашихъ парціальныхъ тенденцій. Каждую такую тенденцію, съ какой-бы стороны она ни шла, онъ рассматриваетъ съ хладнокровіемъ настоящаго мудреца или, вѣрнѣе, хотя и вульгарнѣе говоря, съ видомъ стараго воробья, котораго не проведешь ни на либеральной, ни на консервативной мѣвинѣ. Не помню, кто сравнилъ г. Энгельгардта съ Антеемъ, почерпающимъ силы отъ привосновенія къ матери-землѣ. Антей не Антей, но, дѣйствительно, каждый повстрѣчавшійся ему вопросъ г. Энгельгардтъ, первымъ дѣломъ, стаскиваетъ на землю, совлекаетъ съ

него и красныя, и бѣлыя, и катковско-желтыя оболочки и такимъ образомъ разсматриваетъ его совершенно *au naturel* и непремѣнно въ сообществѣ и въ сотрудничествѣ съ какимъ-нибудь хозяйственнымъ Панасомъ. Единственный авторитетъ, который признается г. Энгельгардтомъ,—авторитетъ мужика, да и самъ г. Энгельгардтъ живѣйшимъ образомъ напоминаетъ собою Тургеневскаго Хоря („Хорь и Калинычъ“), который, при разказахъ о чужихъ земляхъ, замѣчалъ: „Вотъ это ладно, это порядки“ или: „Нѣтъ, это у насъ не пошло-бы“. Только этотъ Хорь вооруженъ всѣми средствами науки, о „чужихъ земляхъ“ самъ вамъ можетъ поразсказать и въ сферѣ идей чувствуетъ себя очень свободно, не хуже насъ, людей исключительно идейныхъ.

Но какъ, по французской пословицѣ, самая прекрасная дѣвушка не можетъ дать болѣе того, что сама имѣетъ, такъ и къ г. Энгельгардту вы напрасно обратились-бы за какими-нибудь свѣдѣніями о мужикѣ, выходящими изъ предѣловъ матеріальныхъ потребностей. Вѣрный своему строго и даже узко-практическому направленію, г. Энгельгардтъ о „душѣ“ крестьянина не говоритъ ничего: чужая душа—потемки, а г. Энгельгардтъ любитъ, чтобы все было ясно. Онъ разскажетъ вамъ, и разскажетъ не только обстоятельно, но и художественно, о томъ, какъ мужикъ ѣсть, пьетъ, работаетъ, даже о томъ, какъ онъ „спитъ“ съ бабой, разскажетъ даже (и все преподробнѣйшимъ образомъ) о своей дворовой, „умнѣйшей собацѣ“ Лыскѣ и о другой своей собацѣ—Цуркѣ, и о третьей—Лайкѣ, и о четвертой—Полканѣ, наконецъ, о „замѣчательномъ псѣ“—Пегасѣ; упомянетъ даже о томъ, какъ „въ мартѣ сучка сыграла свадьбу и, *нужно отдать ей справедливость*, не измѣнила старому другу“ (т. е., геніальному Лыскѣ), но о нравственныхъ стремленіяхъ мужика, которыя, надо думать, все-таки имѣются, его спрашивать бесполезно. Впрочемъ, съ полною рѣшительностью этого о г. Энгельгардтѣ сказать нельзя. Нужно замѣтить, что г. Энгельгардтъ страстный патриотъ. Ъхалъ онъ однажды съ какой-то французенкой по желѣзной дорогѣ. „Дѣло, разсказываетъ г. Энгельгардтъ, было осенью, погода стояла ненастная, по сторонамъ мелькали наши извѣстные желѣзнодорожные осенніе виды. Французенка все время смотрѣла въ окно вагона и все время тоскливо повторяла: „*Ah! quel pays! pas de culture!*“ И самъ вижу, что *pas de culture*, а все-таки, наконецъ, зло взяло.—Ну, да, ну *pas de culture*. Ну, такъ что-жь, что *pas de culture*, а вотъ твой Наполеонъ, да еще какой, настоящій, по этимъ самымъ мѣстамъ бѣжалъ безъ оглядки, а вы съ *culture* города сдавали прусскому улану! А ну-ка, пусть попробуютъ три улана взять наше Батищево. Шишь возьмутъ“ (122).

Такой горячій патриотизмъ помогъ г. Энгельгардту открыть и

въ мужикѣ ту-же нравственную черту. У г. Энгельгардта мужики во время русско-турецкой войны толкуютъ: „неужто-же наша сила не возьметъ? Какъ денегъ нѣтъ? Зачѣмъ деньги? Не хватить денегъ, царь велитъ еще надѣлать. Случись у нашего царя неустойка,—наборъ сдѣлается, а то всѣ пойдемъ, коли прикажетъ“. Но эта черта,—т. е. пламенный патриотизмъ—единственная, кажется, нравственная черта мужика, о которой сообщаетъ г. Энгельгардтъ. Она является какимъ-то оазисомъ среди однообразной пустыни вѣчныхъ „пудиковъ мучки“, телятъ, коровъ, кобылъ, навоза, полуштофа и рубля. Если-бы мы не имѣли свидѣтельствъ другихъ изслѣдователей нашего народа и судили исключительно по г. Энгельгардту, мы необходимо должны были-бы заключить, что известное изрѣченіе „не о хлѣбѣ единомъ живетъ человѣкъ“, не про мужика сказано и не для мужика писано. Мужигу г. Энгельгардта всего приличнѣе сказать о себѣ: скотъ есть и ничто скотское не считаю чуждымъ себѣ. А патриотизма и у Лыски было много.

Г. Энгельгардтъ любитъ мужика и уважаетъ его,—болѣе того, онъ самъ сталъ мужикомъ не только по привычкамъ, по образу жизни, но и по воззрѣніямъ. „Онъ до смерти работаетъ, до полусмерти пьетъ“—„шпарко“ гуляетъ съ крестьянами по праздникамъ и учитъ ихъ хозяйству въ рабочіе дни. Но любовь г. Энгельгардта, любовь неполная и односторонняя, а свое уваженіе онъ пристроиваетъ не всегда къ мѣсту. Онъ любитъ и уважаетъ только „хозяйственнаго“ мужика, практичныхъ и дѣловитыхъ Хорей, а надъ мужикомъ „душевному“, надъ мужикомъ-Калинычемъ готовъ лукаво посмѣяться и позубоскальствовать, совершенно какъ Тургеневскій Хорь. Даже болѣе и хуже того. Настоящій Хорь все-таки, по своему, понималъ поэта-Калиныча, потому что вообще понималъ ужѣстность и законность въ человѣкѣ нравственныхъ потребностей, а г. Энгельгардтъ, какъ это ни странно покажется, понять этого рѣшительно не можетъ. Приведемъ одинъ примѣръ, очень характерный для г. Энгельгардта. „У насъ, рассказываетъ онъ,—въ деревнѣ есть мужикъ, Ефѣръ, молодой, большого роста, силы непомерной, когда напьется, всѣхъ разобьетъ, отлично можетъ исполнять всякую работу, добрѣйшей души человѣкъ, такой человѣкъ, что нельзя его не любить, и вся деревня его любить, хотя и подсмѣиваются надъ нимъ всѣ. У Ефѣра страсть ко всѣмъ животнымъ: голубямъ, курамъ, лошадямъ, собакамъ; все, что касается животныхъ, онъ знаетъ отлично, все у него водится отлично, всѣ животныя его любить. Ефѣръ самъ хозяинъ; жена его, которую онъ очень любитъ, въ такомъ-же родѣ, какъ онъ; дѣтей цѣлая гуча и здоровенныя. Ефѣръ самый бѣднѣйшій изъ крестьянъ деревни. Бѣдность во дворѣ страшнѣйшая, избушка покачнулася, дворъ безъ крыши: ни теляги,

ни возжей, ни опряться самому. А между тѣмъ, дворъ полонъ голубей, самыхъ разнообразныхъ породъ; куры всякихъ сортовъ; собака, которая цѣлый день рыщетъ, отыскивая себѣ пропитанья, а на ночь возвращается караулить дворъ, въ которомъ и караулить-то нечего. У Ефѣра нѣтъ никакого интереса къ хозяйству, никакого собственного разсчета“. (314). Куда-бы, спрашивается теперь, пристроить этого Ефѣра? Онъ, очевидно, не на мѣстѣ. Его страсть къ животнымъ любопытна не сама по себѣ, а какъ признакъ извѣстнаго нравственнаго настроенія оригинальной, нѣжной, нравственной организации. Изъ него могъ-бы выйти поэтъ, который дышалъ-бы съ природою одною жизнью и ручья разумѣлъ лепетанье; могъ-бы выйдти педагогъ и воспитатель, который съ такою-же любовью и чуткостью относился-бы къ дѣтямъ, какъ относится теперь Ефѣръ къ голубямъ и курамъ; могъ-бы выйти, наконецъ, какой-нибудь проповѣдникъ братства между людьми, какой-нибудь Оуэнъ, устроившій нѣчто болѣе широкое и болѣе разумное, нежели образцовые курятники и голубятники. Не самая, повторяю, страсть Ефѣра къ курамъ и голубямъ замѣчательна, замѣчательнъ этотъ избытокъ дѣятельной любви, это желаніе покровительствовать слабѣйшимъ существамъ, забывая о своихъ личныхъ, ближайшихъ интересахъ. Г. Энгельгардтъ тоже находитъ, что Ефѣръ, въ положеніи земледѣльца-хозяина, рѣшительно не на мѣстѣ и мечтаетъ о томъ, какъ было-бы хорошо, если-бы Ефѣра сдѣлать... *скотникомъ* или *птичникомъ* при земледѣльской артели. „Сколько такихъ Ефѣровъ! вослицаетъ г. Энгельгардтъ. И какое-бы значеніе имѣли эти Ефѣры, перебивающіеся теперь все-какъ, въ хозяйственныхъ земледѣльческихъ артеляхъ, гдѣ каждому нашлось-бы дѣло, къ которому лежитъ его душа! Потому что, вѣдь Ефѣровъ интересуютъ не *ихъ* голуби, не *ихъ* жеребки, а *всѣ* голуби, *всѣ* жеребки“. Это очень характерно *) для г. Энгельгардта, эта черта опредѣляетъ всю его умственную и литературную фізіономію. У него одинъ критерій и для людей, и для вещей: ихъ большая или меньшая степень пригодности для хозяй-

*) Любопытно припомнить здѣсь отношеніе къ этому предмету другого замѣчательнаго писателя о народѣ,—Гл. Успенскаго. Въ его очеркѣ „Старикъ“ староста стариннаго, крѣпостнаго закала рассказываетъ, какъ онъ бился надъ тѣмъ, чтобы „опредѣлить“ одного крестьянскаго мальчика къ какому-нибудь хозяйственному занятію. Мальчикъ не былъ годенъ ни на что, ни даже на то, чтобы пасти гусей, но умный староста, увидя однажды лонко намализованнаго углемъ черта и узнавши, что это работа незадачливаго мальчика, отправилъ его въ ученіе къ маляру. Изъ мальчика вышелъ сначала отличный иконописецъ, а затѣмъ, и настоящій художникъ. Староста поступилъ и умно, и гуманно, но г. Энгельгардтъ врядъ-ли-бы его похвалилъ, потому что, дѣйствительно, какой прокъ для хозяйства хотя-бы то отъ самого Вржлова или Иванова?

ства, для земли, для скотнаго двора. Онъ и къ интеллигенціи относится совершенно какъ къ Ефѣру, цѣнить ее какъ разъ настолько, насколько она можетъ пригодиться для земли, и всѣ наши идеалы, наши задачи, разсматриваетъ исключительно съ агрономической точки зрѣнія. Человѣческій умъ, по его искреннѣйшему мнѣнію, долженъ заниматься, главнѣйшимъ образомъ, туками да удобреніями, а человѣческая душа годится только на то, чтобы „влагать“ ее въ хозяйство. „Чего метаться! съ искреннимъ недоумѣніемъ говоритъ намъ г. Энгельгардтъ. Идите на землю, къ мужику! Мужику нуженъ интеллигентъ. Мужику нуженъ земледѣлецъ-агрономъ, нуженъ земледѣлецъ-врачъ, на мѣсто земледѣльца-знахаря, земледѣлецъ-учитель, земледѣлецъ-акушеръ. Мужику нуженъ интеллигентъ-земледѣлецъ, самолично работающій землею. Россіи нужны деревни изъ интеллигентныхъ людей. Русскій интеллигентъ долженъ внести свѣтъ въ русское земледѣліе, а внести свѣтъ онъ можетъ только тогда, когда будетъ самъ работать на землѣ“ (422 и слѣд.). „Такъ-съ“, скажемъ мы на это любимымъ ироническимъ словечкомъ самого г. Энгельгардта. Ну, а что дѣлать интеллигенту-Ефѣру? И что вообще дѣлать съ тѣми человѣческими потребностями, которыхъ г. Энгельгардтъ не хочетъ знать, но которыя, тѣмъ не менѣе, существуютъ и съ которыми должны-же мы считаться? Человѣкъ не только ѣсть, болѣеть, рождаетъ—онъ мыслить и чувствуетъ, а г. Энгельгардтъ для этой широкой сферы жизни человѣческаго духа зоветъ только одного интеллигента—учителя. Гоголевская Коробочка привела въ изумленіе Чичикова, выразивши мнѣніе, что мертвыя-то души, можетъ быть, и пригодятся въ хозяйствѣ. Г. Энгельгардтъ—не Коробочка, но изумлять читателя онъ тоже мастеръ. Онъ хорошо знаетъ, что можетъ и что не можетъ пригодиться въ хозяйствѣ, поучить въ этомъ отношеніи кого угодно; не знаетъ только того, что самое это хозяйствованіе-то не всякому нужно, не всякому пригодно, не для каждаго принесетъ счастье.

Я не полемизирую—съ чѣмъ тутъ полемизировать? я только характеризую. Утилитаризмъ г. Энгельгардта такъ-же грубъ и одностороненъ, какъ и идеализмъ Достоевскаго. Достоевскій говорилъ о мужикѣ, что онъ все знаетъ, потому что знаетъ гимнъ „Господи съ нами буди“, и что ему ничего, кромѣ ремесла, не нужно. Г. Энгельгардтъ говоритъ, что мужикъ нашъ знаетъ хозяйство, т. е., съ его точки зрѣнія, опять-таки „все“ и что ему никого не нужно, кромѣ агрономовъ, врачей, акушеровъ и начальныхъ учителей. Достоевскій шелъ къ народу съ псалтыремъ, гимнами и надеждой на вознагражденіе въ будущемъ; г. Энгельгардтъ идетъ съ букваремъ, толковыми хозяйственными совѣтами и увѣреніемъ, что „хлѣбушка“ будетъ всегда вволю. А интеллигенціи они оба говорятъ: „чего метаться!“

Г. Энгельгардтъ даже прямо начинаетъ свою книгу такимъ рѣшительнымъ заявленіемъ: „Предупреждаю, что рѣшительно ни о чемъ другомъ ни думать, ни говорить, ни писать не могу, какъ о хозяйствѣ. Всѣ мои интересы, всѣ интересы лицъ, съ которыми я ежедневно встрѣчаюсь, сосредоточены на дровахъ, хлѣбѣ, скотѣ, навозѣ... Намъ ни до чего другого дѣла нѣтъ“. Вотъ что называется радикально рѣшить задачу сліянія съ народомъ! Но не ясно-ли послѣ этого, что г. Энгельгардту суждено одиноко почивать на своихъ дровахъ и интеллигентные люди совѣтавъ его не послѣдуютъ, даже при искренномъ желаніи? Читатель видитъ, что о г. Энгельгардтѣ мало сказать, что онъ стоитъ внѣ всякихъ партій—о немъ должно сказать, что онъ стоитъ внѣ интеллигенціи, внѣ ея задачъ и стремленій, лежащихъ въ самомъ ея существѣ, въ ея коренныхъ свойствахъ и признакахъ. Интеллигенція не можетъ не „метаться“, потому что не можетъ, даже умышленно закрывая глаза, сосредоточивать свои интересы на дровахъ, хлѣбѣ и скотѣ. Она не можетъ этого, во-первыхъ, въ силу своей развитости, въ силу своей привычки и потребности жить умственными интересами, во-вторыхъ—и это главное—въ силу требованій самой жизни, у которой есть задачи помимо дровяныхъ и навозныхъ вопросовъ. Какія это задачи? Поясню дѣло на примѣрѣ самого г. Энгельгардта. Почтенный авторъ рассказываетъ намъ объ одномъ эпизодѣ своей деревенской жизни, о своемъ столкновеніи съ „нимъ“, ближайшимъ деревенскимъ начальникомъ“. Въ этомъ столкновеніи ученый профессоръ и высоко-талантливый писатель могъ, какъ оказывается, защищать свое спокойствіе только однимъ, правда, популярнымъ нашимъ оружіемъ: онъ „сталъ сильно пить, безъ перемежки, заболѣлъ, ходить не могъ, страшная одышка, грудь давить, сердцебіеніе, руки трясутся“ (367) Эпизодъ рассказанъ съ обычнымъ у г. Энгельгардта юморомъ, спокойно, просто, безъ какихъ-бы то ни было негодующихъ возгласовъ, но производитъ самое гнетущее впечатлѣніе. Дѣло кончилось *благополучно*: „онъ“ снисходительно потрепалъ по плечу „г. Энгельгардта и даже похвалилъ: „Молодецъ“, говоритъ, вы, А. Н. молодецъ! Наполеонъ! настоящій Наполеонъ!“ (367).

„Вотъ какъ бываетъ“—добродушно заканчиваетъ свой ужасный рассказъ г. Энгельгардтъ. Да, дѣйствительно бываетъ... И оттого, что такъ бываетъ, интеллигенція, если только она не окончательно выдохлась и сознаетъ свою обязанность передъ странюю, не можетъ не „метаться“. Въ этомъ ея назначеніе. Деревни, наполненныя интеллигентными землевладѣльцами, которые отъ сохи переходятъ въ журналъ, имѣютъ свои школы и даже, пожалуй, университеты, разумно и здраво чередуютъ физическій трудъ съ умственнымъ и пр.—это прекрасная картина, заманчивый идеалъ, который и осуще-

ствится когда нибудь. Но хороша садовая земля, да не расти на ней морошкиѣ. Исторія большой оппортьюности и о нашей интеллигенціи именно тогда и можно было-бы по праву сказать, что она безцѣльно и бессмысленно „мечется“ если-бы, утративши надлежащее представленіе о своемъ дѣйствительномъ положеніи, она стала предаваться мечтаніямъ о деревенской идилліи. „Что идиллія, далеко идиллія!“ можетъ сказать она пародируя Гоголевскаго почтмейстера. Это, какъ сейчасъ увидимъ, въ сущности и г. Энгельгардтъ говорить.

II.

Величайшая задача нашего вѣка, практически пока еще не разрѣшенная, но теоретически достаточно уже выясненная, состоитъ, разумѣется, въ урегулированіи отношеній труда и капитала, т. е., говоря проще и понятнѣе, въ уничтоженіи всякаго кулачества, всякой эксплуатаціи лица лицомъ, всякаго замаскированного и незамаскированного дармоѣдства. Прогрессъ народовъ и странъ опредѣляется именно тѣмъ, насколько организація политическихъ учреждений и экономическихъ условий и отношеній благоприятны для возможно полнаго рѣшенія этой задачи; степень развитія отдѣльныхъ лицъ равнымъ образомъ опредѣляется тѣмъ, на сколько ясно и глубоко понимаютъ они всѣ свойства этой задачи, во всей ея удивительной многосложности. Наше отечество, какъ это уже не разъ и не два выяснялось нашей „либеральной“ (извѣстно, что нашъ либерализмъ находится теперь въ кавычкахъ) журналистикой, отличается въ экономическомъ отношеніи такими особенностями, которыя въ высшей степени благоприятствуютъ и быстрому и вѣрному разрѣшенію этой задачи. Но извѣстно такъ-же и то, что мы дѣлаемъ все для уничтоженія и ничего для поддержанія этихъ благоприятныхъ условий. Нашъ экономическій строй, по типу, выше экономического строя Запада, но уровень у насъ идей, какъ въ обществѣ, такъ и въ народѣ, несравненно ниже западнаго уровня. Мы являемъ собою того глупаго сына, которому не въ помощь отцовское богатство. Возьмемъ прежде всего наше, такъ называемое, общество. Переспросите каждаго изъ его членовъ въ отдѣльности, и вы увидите, что, по крайнѣй мѣрѣ, девять десятыхъ изъ нихъ выскажутся самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ всякаго кулачества и всякой эксплуатаціи. Деруновъ — бранное имя между нами. Но потрудитесь выбрать между этими безчисленными теоретическими противниками кулачества такихъ, которые-бы не только не гнушались своего положенія батрака и поденщика, а уважали его, которые-бы

не стремились стать въ положеніе „хозяина“ и сознательно, принципиально отказались и отъ львиной доли, и отъ щучьей роли. Много-ли наберется такихъ людей и не представляютъ-ли они собою исключеніе, которое только подтверждаетъ правило? Если-бы это происходило только отъ личныхъ недостатковъ, отъ непослѣдовательности или просто отъ ненасытной жадности—это было-бы еще полбѣды. Но посмотрите на дѣло поближе и вы увидите, что это стремленіе стать непременно въ хозяйское положеніе происходитъ зачастую изъ нравственныхъ, иногда даже очень чистыхъ побужденій. Положеніе хозяина, распорядителя, командира, даетъ собою общественное уваженіе, а что-же можно сказать противъ желанія человѣка заслужить это уваженіе? Оно не только естественно, но и почетно. Оно означаетъ, что этотъ человѣкъ живетъ не брюхомъ только, но и душою, что въ немъ развиты „мірскіе“, общинные инстинкты; добиваясь общественнаго уваженія, онъ доказываетъ этимъ свое уваженіе къ обществу, къ людямъ, а это прекрасно. И вотъ, это прекрасное свойство приводитъ къ тому, что человѣкъ выбивается изъ силъ, чтобы занять положеніе болѣе или менѣе облагороженнаго, приличнаго, но все-таки Дерунова! Ясно, что въ общественныхъ идеалахъ есть что-то неладное. Если уваженіе общества, а зачастую и своихъ товарищей можно приобрести только, осѣдлавши ихъ шею, это значитъ, что мы или лицемеримъ, возставая противъ теоретическаго, отвлеченнаго Дерунова или просто поголовно всѣ путаемся въ плохо продуманныхъ идеяхъ, за формою не видимъ содержанія. Еще двадцать лѣтъ тому назадъ, умница-Помяловскій сдѣлалъ прощительное и остроумное замѣчаніе, что у насъ, на Руси, человѣкъ, дающій работу, всегда считаетъ себя благодѣтелемъ того, кому онъ даетъ работу. Но это еще пусть-бы себѣ: вдвое оригинальнѣе и печальнѣе то, что самъ-то наемникъ и батракъ зачастую преискренно считаетъ себя благодѣтельствованнымъ. И если не возвышаться надъ фактомъ, если обсуждать только конкретную дѣйствительность, а не принципъ, — батракъ вполне резоненъ въ своихъ благодарственныхъ чувствахъ: вѣдь Деруновы *фактически* правы, когда говорятъ, что „вашего брата много“. Точно, что много, и какъ-же мнѣ не чувствовать къ своему Дерунову благодарности, когда изъ пятыхъ, десятыхъ кандидатовъ, явившихся къ нему на службу, онъ выбралъ именно меня. Онъ меня, можетъ быть, отъ голодной смерти спасъ; онъ мой благодѣтель и милостивецъ. Но позвольте, однако-же, господа. Если дѣло идетъ не о чувствахъ, а о разсужденіяхъ, объ общеніяхъ, объ общественныхъ типахъ, мы обязаны имѣть въ виду не индивидуумовъ, а отвлеченія, не батрака Ивана, а батрака отвлеченнаго, не Дерунова, а кулака вообще. Деруновъ безъ батрака Ивана обойдется очень легко, тогда какъ батракъ Иванъ безъ Де-

рунова голодать долженъ; но кулакъ безъ батрака дыхнуть не можетъ, а батракъ безъ кулака можетъ устроиться превосходно. Тамъ кто-же изъ нихъ болѣе достоинъ общественнаго уваженія? Кто кого обязываетъ и кто кого поддерживаетъ? Батракъ даетъ больше того, что получаетъ, кулакъ беретъ больше, нежели даетъ: на чьей сторонѣ справедливость? Кто изъ нихъ не доѣдаетъ свой хлѣбъ и кто заѣдаетъ чужой? Отвѣтъ на эти вопросы не труденъ, а между тѣмъ, повторяю, много-ли у насъ людей, которые сознательно, ради чистоты принципа, рѣшились-бы осудить себя на вѣчное батрачество и отказались-бы отъ надежды стать во главѣ какого-нибудь „предпріятія“, чтобы пріобрѣсти себѣ положеніе, пріобрѣсти подручныхъ и подначальныхъ, съ труда которыхъ они могли-бы брать себѣ болѣе или менѣе изрядный процентъ? *Органически* неспособны на это многіе—всѣ истинно добрые, сострадательные, гуманные, или, какъ говорятъ про нихъ господа хозяева, „глупые“ люди. Но отсюда еще далеко до сознательности. Между „не могу“ и между „не хочу“ — цѣлая пропасть, которую можетъ заполнить только умственное развитіе, выработанные посредствомъ его отчетливые принципы и идеалы.

Что-же касается до народа, то въ немъ, по свидѣтельству г. Энгельгардта, много Ефѣровъ, которые „не могутъ“, но нѣтъ такихъ, которые „не хотятъ“. Оно и естественно. Ужъ если интеллигенція, которая, казалось-бы, на то и интеллигенція, чтобы судить о вещахъ по ихъ содержанію, а не по ихъ формѣ, если интеллигенція, говорю я, можетъ, за рѣдкими исключеніями, порицая принципъ кулачества въ теоріи, преклоняться передъ нимъ на практикѣ (лишь-бы дѣло не было поставлено слишкомъ обнаженно, лишь-бы аппараты были соблюдены), такъ ужъ мужику-то, разумѣется, и Богъ велѣлъ такъ думать. Насъ поэтому нисколько не удивляетъ, хотя и печаливаетъ, разумѣется, слѣдующее мрачное наблюденіе, сообщаемое г. Энгельгардтомъ.

„Извѣстной дозой кулачества обладаетъ каждый крестьянинъ, за исключеніемъ недоумковъ да особенно добродушныхъ людей и вообще „карасей“. Каждый мужикъ, въ извѣстной степени, кулакъ, шука, которая на то и въ морѣ, чтобы карась не дремалъ. Зависть, недоувѣріе другъ къ другу, подкашываніе одного подъ другого, униженіе слабого передъ сильнымъ, высокоуміе свлягаго, поклоненіе богатству— все это сильно развито въ крестьянской средѣ. Кулаческіе идеалы царятъ въ ней; каждый крестьянинъ, если обстоятельства тому полагоприятствуютъ, будетъ самымъ отличнѣйшимъ образомъ эксплуатировать всякаго другого, все равно крестьянина или барина, будетъ выжимать изъ него сокъ, эксплуатировать его нужду. Все это, однако, не мѣшаетъ крестьянину быть чрезвычайно добрымъ, терпимымъ, по своему, необыкновенно гуманнымъ, своеобразно, истинно гуманнымъ, какъ рѣдко бываетъ человѣкъ изъ интеллигентнаго класса. Вслѣдствіе этого, интеллигентному и бываетъ такъ трудно сойтись съ мужикомъ. Посмотрите, какъ гуманно относится мужикъ къ ребенку, къ идиоту, къ сумасшедшему, къ иновѣрцу, къ плѣнному, къ

нищему, къ преступнику—отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся—вообще ко всякому несчастному человѣку. Но, при всемъ томъ, нажать кого при случаѣ—нажметъ. Если скотъ изъ сосѣдней деревни, съ которой нѣтъ общности въ выгонахъ, будетъ взятъ крестьянами въ потравѣ, то они его не отдадутъ даромъ; если крестьяне поймаютъ въ своемъ лѣсу порубщика, то вздуютъ его такъ, что онъ и дѣтямъ своимъ закажетъ ходить въ этотъ лѣсъ—потому-то въ крестьянскомъ лѣсу и не бываетъ порубокъ, хотя тамъ нѣтъ сторожей и подѣсовщиковъ. Какъ бьютъ воровъ и конокрадовъ—всѣмъ извѣстно. Помѣщикъ скорѣе, чѣмъ крестьянинъ, проститъ потраву, порубъ, воровство, такъ себѣ проститъ; помѣщику это ничего не стоитъ: онъ добро ле своимъ хребтомъ наживалъ“ (431).

Картина тяжелая, и усилія г. Энгельгардта, смягчить сколько нибудь ея мрачныя краски, цѣли совсѣмъ не достигаютъ. Что изъ того, что мужикъ, завидуя своему сосѣду и подкапываясь подъ него, въ тоже время гуманно относится къ сумасшедшимъ, идиоту, плѣнному и т. п.? Онъ, выходитъ, гуманенъ съ тѣмъ, съ которыхъ взять нечего, а также нечего и опасаться ихъ. Не къ „несчастному“, а къ „слабому“, т. е., къ безопасному относится мужикъ гуманно. Чѣмъ же несчастливъ „ребенокъ“? И развѣ не истинно несчастный тотъ воръ, который, разумѣется, не съ жиру, залѣзъ въ амбаръ хозяйственного мужика и котораго послѣдній бьетъ не на животь, а на смерть? Очевидно, выхваляемая г. Энгельгардтомъ „гуманность“ происходитъ не отъ безкорыстнаго и теплаго чувства къ брату-человѣку, а носитъ на себѣ отпечатокъ все той-же хозяйственной расчетливости. Приласкать ребенка, подать преступнику грошикъ, а нищему ломтикъ хлѣба—это значитъ по сходной цѣнѣ побаловать свою душу, свое человѣческое чувство. Такой „гуманности“ многое множество въ какомъ угодно человѣческомъ, не озвѣрившемся обществѣ, и я недоумѣваю, почему г. Энгельгардтъ находитъ, что эта, воистину, лядящая гуманность до того недоступна интеллигентному человѣку, что ему даже „вслѣдствіе этого бываетъ такъ трудно сойтись съ мужикомъ“. Но оставимъ эти пустяки. Гораздо важнѣе то обстоятельство, что указавши съ свойственнымъ ему безпристрастіемъ на кулачество и хищничество своего любимца—хозяйственного мужика, г. Энгельгардтъ на слѣдующей уже страницѣ обрисовываетъ „настоящаго кулака“, который оказывается нисколько не похожъ на мужика-хозяина. Судите сами.

„Кулакъ этотъ, сознательно или безсознательно, незнаю, старается отвлечь крестьянъ отъ земли, отъ хозяйства, проповѣдуя, что „работа дураковъ любить“, указывая на трудность земельного труда, на легкость отхожихъ промысловъ, на выгодность заработковъ въ Москвѣ. Онъ видимо хотѣлъ-бы, чтобы крестьяне не занимались землей, хозяйствомъ—съ зажиточнаго земельного мужика кулаку взять нечего—чтобы они, забросивъ землю, пользуясь хозяйствомъ только какъ подспорьемъ, основали свою жизнь на легкихъ городскихъ заработкахъ. Онъ видимо желалъ-бы, чтобы крестьяне получали много денегъ, но жили-бы съ дня на день, безпечною жизнью, „съ базара“, какъ говорится. Такой бытъ крестьянъ былъ-бы

ему на руку, потому что они часто нуждались-бы въ перехватѣ денегъ и не имѣли-бы той устойчивости, какъ земельные мужики: молодые ребята уходили-бы на заработки въ Москву, привыкали-бы тамъ къ безпечной жизни, къ легкимъ заработкамъ, къ легкому отношенію къ деньгамъ—что ихъ беречь! зарабатываемы!—въ кумачнымъ рубашкамъ, гармоникамъ, чаемъ, отвыкли-бы отъ тяжелого земледѣльческаго труда, отъ земли, отъ хозяйства, отъ солиднаго земледѣльческаго быта, отъ сельскихъ интересовъ, отъ всего, что мило селянину, что дѣлаетъ возможнымъ его тяжелый трудъ“ (432—433).

Въ сравненіи съ *этимъ* хищничествомъ, кулачество мужика-хозяина представляется довольно невиннымъ, даже почтеннымъ дѣломъ, гарантирующимъ „солидность, устойчивость земледѣльческаго быта“. Можно только пожалѣть, что г. Энгельгардтъ не сравнилъ кулака-мужика прямо съ разбойникомъ съ большой дороги: контрастъ въ пользу мужика вышелъ-бы еще ярче, а защита его авторомъ—еще убѣдительнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, о комъ говорить г. Энгельгардтъ? Онъ говоритъ о деревенскомъ ростовщикѣ, занимающемся отдачей денегъ подъ проценты. Мужикъ-хозяинъ *этимъ* дѣйствительно не занимается, но кулакомъ онъ все-таки остается, потому что хотя и не эксплуатируетъ чужой бѣды, чужого несчастія, то все таки эксплуатируетъ чужой трудъ, въ чемъ собственно и состоитъ сущность кулачества. Гдѣ есть хозяинъ-наниматель и батраки-наемники, тамъ и гнѣздится кулачество и эксплуатация. „Хозяинъ“ можетъ работать ту-же черную работу, что и послѣдній изъ его батраковъ—положеніе дѣла отъ этого не измѣняется ни на волосъ: онъ только потому и покупаетъ трудъ батраковъ, что надѣется получить съ него барышъ, — барышъ безнравственный и несправедливый, потому что полученъ въ видѣ добавки къ стоимости личнаго хозяйскаго труда.

Но все это не мѣшаетъ хозяину (хозяину-мужику, хозяину-предпринимателю), которому-бы пришлось пропастъ безъ батрака или, по крайней мѣрѣ ограничиться гораздо менѣе жирными кусками, отъ всей души презирать того-же самаго батрака, т. е., своего поильца и кормильца. „Батракъ“, говоритъ г. Энгельгардтъ,—это такое бранное слово, хуже котораго нѣтъ“, по мнѣнію хозяина-мужика. Въ качествѣ не простого, а примѣрнаго, образцоваго хозяина, г. Энгельгардтъ обзываетъ съ своей стороны батрака „мерсикающимъ ножкой лакеемъ“. Онъ говоритъ: „Посмотрите на настоящаго мужика-земледѣльца. Какое открытое, честное, полное сознанія собственнаго достоинства лицо! Сравните его съ мерсикающимъ ножкой лакеемъ! Мужикъ, если онъ „ни царю, ни пану не виноватъ“, ничего не боится. Мужикъ, будь онъ даже бѣденъ, но если только держится земли—удивительная въ ней, матушкѣ-кормилицѣ, сила—совершенно презирать и попавшаго на линію, и разбогатѣвшаго на службѣ у барина. „А хорошее жалованье получаютъ эти курятники—250 рублей, да

еще рветь—съ кого билетикъ, съ кого троякъ!“ говорилъ мнѣ одинъ мужикъ, истинный, страстный земледѣецъ, непомятой силы, непомятого здоровья, ума и хозяйственной смысленности.

— А ты-бы развѣ пошолъ на эту должность?

— Я-то?

— Ну, да, ты.

— Избави меня Господи! Я? въ батраки!

Пріѣхали ко мнѣ какъ-то мужики покупать рожь на хлѣбъ.

— Что-же вы не покупаете у своего барина? спросилъ я.

— Какой у нашего барина хлѣбъ, нашъ баринъ самъ въ батракахъ служить! И сколько презрѣнія было въ этихъ словахъ! (303)

Позволю себѣ еще разъ замолвить слово за батрака, за „карася“, въ надеждѣ, что и у читателя не слишкомъ-то спокойно на сердцѣ при видѣ торжествующей „щуки“ (употребляю выраженія самого г. Энгельгардта), которая, не довольствуясь своимъ кускомъ, хлопочетъ—должно быть, знаетъ, чье мясо съѣла!—еще о нравственной санкціи. Прежде всего мы можемъ замѣтить многоуважаемому профессору, что онъ спутываетъ два различныхъ понятія, искусственно суживая одно и искусственно расширяя другое. „Курятникъ“ и „мерсикающій лакей“, дѣйствительно—батраки, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что всякій батракъ непременно курятникъ и лакей. „Курятникъ“ и „лакей“—батраки труда непроеводительнаго, но это не значитъ, что всякій батрацкій трудъ—непроеводительный трудъ. Кажется, это ясно. Между тѣмъ, лишь рѣчь зашла о батракахъ—у г. Энгельгардта непременно является на сцену какой-нибудь крупный или мелкій лакей, надъ которымъ нашъ образцовый хозяинъ и иронизируетъ на полномъ просторѣ. Это, можетъ быть, удобный, но несовсѣмъ... точный приѣмъ. Вѣдь земля блестящаго хозяйства г. Энгельгардта обрабатывается не самоличнымъ трудомъ хозяина, а руками батраковъ, которые, надо думать, не все-же „мерсикали“, а и трудились сколько-нибудь. Или возьмемъ самого г. Энгельгардта. Прежде чѣмъ сдѣлаться земледѣльцомъ-хозяиномъ, онъ, какъ извѣстно, былъ профессоромъ, т. е. интеллигентнымъ батракомъ: неужели между нимъ, распространителемъ полезныхъ знаній, и какимъ-нибудь дремлющимъ у косяка лакеемъ такъ-таки и не было тогда никакой разницы? Или, если-бы г. Энгельгардту пришлось быть не диллетантомъ-литераторомъ, каковъ онъ теперь, а литераторомъ-влячей, литераторомъ-батракомъ—неужели прекрасное чувство самоуваженія такъ и осталось-бы для него навсегда недоступнымъ? Да почему-же, да за что-же? „Счастливы тотъ, говорить съ наслажденіемъ г. Энгельгардтъ въ другомъ мѣстѣ, кто спокойно ѣстъ свой хлѣбъ, зная, что онъ заработалъ его собственнымъ трудомъ. Можетъ ли человѣкъ быть спокоенъ, счастливъ, если у него является созна-

ніе, что онъ ѣсть не свой хлѣбъ. Счастливы-ли нашъ интеллигентъ...? Кто счастливъ? Откликнись! (422). На этотъ опросъ мы можемъ отвѣтить съ увѣренностью, правомъ и полнымъ достоинствомъ. Если счастье зависитъ отъ сознанія, что ты ѣшь свой, заработанный, ни изъ чьего рта не вырванный хлѣбъ—то мы совершенно счастливы. Болѣе того: только мы, батраки, единственно и счастливы. Столъ, на которомъ мы пишемъ, стулъ, на которомъ мы сидимъ, лампа, которая намъ свѣтитъ, жалѣйшая вещь нашего кабинета и нашей квартиры приобрѣтены цѣною мускульныхъ и нервныхъ усилій, цѣною собственнаго нелегкаго труда, и мы всегда готовы дать точный отчетъ въ этомъ отношеніи. Мы получаемъ за свой трудъ его рыночную стоимость и ни одной копѣйкой больше. Никакихъ процентовъ мы не беремъ, ни съ кого шкуръ не деремъ, ничьими руками жара не загребаемъ. Мы, батраки и пролетаріи, спокійны; къ намъ никто не предъявить нравственнаго иска; нашъ трудъ, и только нашъ трудъ есть *дѣйствительно* „собственный“ трудъ, чего никакъ не могутъ сказать о себѣ никакіе ни сельскіе, ни деревенскіе, ни городскіе, ни пригородные гг. хозяева „и хозяева“. Въ нашемъ кабинетѣ—дѣйствительно все наше; въ вашемъ кабинетѣ есть частица нашего. Можете смотрѣть на насъ, какъ на „карасей“, какъ на непрактичныхъ-„глупцовъ“—мы понимаемъ васъ въ этомъ случаѣ, но о нравствен, номъ достоинствѣ лучше оставимъ разговоръ.

Въ самомъ дѣлѣ, обыкновенный читатель, читатель — „карась“ передъ нѣкоторыми сообщеніями г. Энгельгардта изъ исторіи его хозяйства остановится въ недоумѣніи и только руками разведетъ. Онъ, по своему карасиному разуму и, главное, по карасиному сердцу, не пойметъ, какъ можно даже говорить о такихъ вещахъ, не только что дѣлать ихъ.

— Пришелъ Иванъ (староста имѣнія г. Энгельгардта).

— Что?

— Надумался за Днѣпръ сегодня съѣздить. Сѣна не удастся-ли дешево купить. Говорятъ, съ выкупными сильно нажимаютъ. Становой въ волости былъ. Теперь, по нуждѣ, сѣно, можетъ, кто продасть, а то какъ заплатятъ недоимки—не купишь, потому нынче и у крестьянъ вездѣ корму умаленіе.

— Ну, поѣзжай, покупай сѣно. Да въ волость не заѣдешь-ли? Что-же наши оброки?“ (6).

Самый обыкновенный хозяйственный діалогъ, разумѣется, и самыя обыкновенныя хозяйственныя распоряженія. Но я именно о томъ и говорю, что въ дѣлѣ хозяйства представляется обыкновеннымъ и даже разумнымъ то, что въ теоріи давнымъ давно уже заклеяно и опозорено. У крестьянъ выбиваютъ недоимки; денегъ у нихъ нѣтъ, но есть сѣно, котораго нѣтъ или мало у помѣщика, а

за то есть деньги. Сѣно нужно крестьянамъ, но деньги еще нужнѣе—становой за спиной—и вотъ помѣщикъ, въ лицѣ своего старости, дѣйствующаго съ полнаго его одобренія, ужъ тутъ какъ тутъ и соблазняетъ крестьянъ „наличными“. Передъ мужиками дилемма: или сѣно барину продай, или спину становому подай. А недоимщиками обыкновенно являются безхозяйственные Ефѣры и Калинычи, у которыхъ одна коровенка, одна лошаденка и куча ребятъ. Что все это такое? Что тутъ творится? Торжество „ума“ надъ „глупостью“, побѣда „хозяйственной дѣловитости“ надъ безхозяйственностью, дарвиновская борьба за существованіе? Не знаю. Но твердо, однако-же, знаю, что никогда не осмѣлился-бы приобрѣтенное такимъ путемъ сѣно назвать „своимъ“, „заработаннымъ“ сѣномъ, и пользоваться имъ „спокойно“ былъ-бы не въ состояніи.

Неурожайный годъ. Хлѣбъ у мужиковъ давно вышелъ—у г. Энгельгардта его вволю и мужики бредутъ къ нему—кто купить, кто взять подъ работу. Продаетъ г. Энгельгардтъ не безъ легкаго торга, конечно — кому угодно, но взаимы даетъ съ большимъ разборомъ. Панасу изъ Бардина—далъ, мужикъ обстоятельный, а мужику изъ Дядина сказалъ: „нельзя“. Не сдѣлаешь. Ленъ, самъ знаешь, много работы ко время требуетъ. Да и живешь далеко—за семь версть. Ищи тебя тогда. Нельзя, не сподручно“. И мужикъ, не смотря на судороги въ желудкѣ, соглашается съ этими доводами, до того они основательны, до того г. Энгельгардтъ „приспособился“. „Оно, точно, не сподручно. Трудно со льномъ одиночкѣ. Точно — не сдѣлаешь. Дѣло-то плохо. Хлѣба нѣтъ, а въ кусочки идти не хочется. А тутъ скоть продать грозятся за недоимки. Что ты будешь дѣлать“ (23). Практичность, дѣловитость, хозяйственность опять таки такъ и сіяютъ во всемъ своемъ ослѣпительномъ блескѣ. Но каково вы себя, карась-читатель, при этомъ чувствуете? Бредеть къ вамъ за семь версть пожилой, семейный мужикъ. Всю дорогу — не много нужно воображенія, чтобы представить себѣ это — его гнететь мысль объ оставленной дома голодной женѣ и дочери и о томъ: „дать или не дать?“ Пришелъ и низко кланяется вамъ, стоитъ, быть можетъ, безъ шапки, сконфуженно переминается. Въ вашей власти ободрить и обрадовать этого несчастнаго, приниженнаго человѣка однимъ своимъ словомъ и вы, изъ-за какихъ-то тамъ хозяйственныхъ соображеній, чортъ бы ихъ всѣхъ побралъ, отказываете себѣ въ этомъ чистѣйшемъ и человѣчнѣйшемъ изъ наслажденій, васъ удручаетъ забота о томъ, вернется или не вернется ваша осьмина хлѣба, одна изъ сотенъ имѣющихся у васъ осьминъ, въ то время, какъ глаза другаго, такого-же какъ вы, человѣка то съ тоскою, то съ надеждою слѣдятъ за малѣйшимъ измѣненіемъ вашей фізіономіи, стараясь прочесть на ней отвѣтъ на роковой вопросъ: „дать или не дать“?

Да это не „хозяйство“, это некрасовскій „Парадный подъезд“ и вамъ хочется оторвать г. Энгельгардта отъ его бирока и крикнуть ему:

Вороти ихъ! Въ тебѣ ихъ спасеніе!

Разумѣется, сколько-бы вы ни кричали, г. Энгельгардтъ и ухомъ не поведетъ и спокойно отвѣтитъ вамъ, что иначе хозяйство вести нельзя, раздавать зря клѣбъ невозможно, что съ мужикомъ сантиментальничать и филантропствовать не къ чему и что именно, именно этимъ путемъ, т. е., путемъ хозяйственной дѣловитости, какъ она ни жества и ни жестока съ гуманной точки зрѣнія, единственно и пріобрѣтается уваженіе и довѣріе мужика. Вы, съ своей стороны, отвѣтите на это г. Энгельгардту, что если нельзя иначе вести хозяйство, то его и не стоитъ вести, что лучше и достойнѣе быть хорошимъ человѣкомъ, нежели хорошимъ хозяиномъ, что вообще порядки, при которыхъ приходится подчинять свои человѣческія чувства интересамъ купли-продажи — порядки ненормальные и т. д. и т. д. Съ *этимъ*, т. е., съ указаніемъ вашимъ на ненормальность порядковъ, г. Энгельгардтъ, къ его величайшей чести, согласится вполне. Онъ увлеченъ своимъ хозяйничаньемъ, рассказываетъ о всѣхъ его подробностяхъ, приглашаетъ подражать себѣ, но, въ то-же время, понимаетъ, что онъ одинъ въ полѣ воинъ: „если-бы всѣ такое хозяйство развели, какъ мое, такъ откуда-бы батраковъ взять“ (455), говоритъ онъ въ разговорѣ съ однимъ мужикомъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается еще опредѣленнѣе: „я достигъ, говоритъ онъ, въ своемъ хозяйствѣ, можно сказать, блестящихъ результатовъ, но будущее не принадлежитъ такимъ хозяйствамъ, какъ мое. Будущее принадлежитъ хозяйствамъ тѣхъ людей, которые будутъ *сами обрабатывать* свою землю и вести хозяйство не единично, каждый самъ по себѣ, но *сообща*. Когда люди, обрабатывающіе землю собственнымъ трудомъ, додумаются, что имъ выгоднѣе вести хозяйство сообща, то и земля, и все хозяйство неминуемо перейдетъ въ ихъ руки. И додумаются!“ (307).

Эти превосходныя слова въ значительной степени примиряютъ читателя съ г. Энгельгардтомъ, но за то эти-же слова въ лоскъ владуть, можно сказать, просто херять огромную часть всей книги г. Энгельгардта. Если хозяйство, подобное хозяйству г. Энгельгардта, нельзя разводить „всѣмъ“, за отсутствіемъ батраковъ, то какое-же практическое значеніе могутъ имѣть всѣ указанія г. Энгельгардта относительно того, какъ онъ „приспособился“, и какой смыслъ имѣютъ его жалобы на то, что его примѣръ находятъ слишкомъ мало подражателей? Далѣе, если хозяйство г. Энгельгардта и хозяйства всевозможныхъ обстоятельныхъ Панасовъ и Сидоровъ держатся только благодаря батракамъ, то къ чему-же было расписывать

деревенское хозяйство, какъ какую-то безгрѣшную идиллію, когда все дѣло сводится просто-на-просто къ одной изъ элементарныхъ формъ порабощенія человѣка человѣкомъ? А самое главное, если всѣ эти хозяйственные порядки будущности не имѣютъ, если въ нихъ нѣтъ ни правды, ни справедливости, то зачѣмъ-же такъ настойчиво приглашать интеллигенцію въ деревню, на землю, обѣщая ей, что она найдетъ тамъ „счастье?“ Интеллигенція, очевидно, должна будетъ, подобно г. Энгельгардту, только „приспособляться“ къ этимъ порядкамъ, т. е., поддерживать ихъ, тогда какъ ея прямая обязанность—реформировать ихъ.

М. Протопоповъ.

ПО ПОВОДУ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ АРТЕЛИ.

Наше время, повидимому, можно было-бы назвать временем народоизучения въ литературѣ или, по крайней мѣрѣ, временемъ стремленій къ народоизученію, судя, напримѣръ, по тому обилію программъ для изученія различныхъ сторонъ народной жизни, какое появилось въ послѣднее время при разныхъ журналахъ и въ отдѣльныхъ брошюрахъ. Программы для изученія различныхъ сторонъ народной жизни составляются не только частными лицами и изслѣдователями, болѣе или менѣе специально изучившими предметъ, а нерѣдко и плохо знакомыми съ предметомъ программы, но и учеными обществами, каковы Вольно-Экономическое и Географическое.

Программы эти представляя изъ себя нѣчто въ родѣ путеводителей въ какой нибудь области народной жизни, должны удовлетворять хоть нѣкоторымъ существеннымъ требованіямъ, которыя могутъ быть предъявлены составителю программы со стороны разныхъ интересующихся даннымъ вопросомъ лицъ. Первое требованіе—опредѣленное понятіе о предметѣ изученія или, по крайней мѣрѣ, указаніе на характеристику даннаго предмета съ болѣе или менѣе существенныхъ и типичныхъ сторонъ его. Такъ какъ предметъ программы изучался ранѣе недостаточно полно, то, конечно, болѣе или менѣе точнаго и научнаго опредѣленія его нельзя требовать отъ составителя, но мы имѣемъ право требовать, чтобы онъ указалъ тѣ стороны, которыя мало изучены, чтобы постоянно имѣлъ ихъ въ виду при постановкѣ вопросовъ и сдѣлалъ-бы указаніе, на что изслѣдователю болѣе всего слѣдуетъ обратить вниманіе при изученіи предмета. Отсюда вытекаетъ и второе требованіе—достаточное освѣщеніе вопросовъ примѣрами, извѣстными уже въ литературѣ. Подобная иллюстрація вопросовъ очень важна особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ мало популяризованъ, когда нельзя требовать отъ изслѣдователя большаго знакомства съ пред-

метомъ, а иллюстраціи примѣрами скорѣе всего могутъ навести его на правильный путь изученія, давая ему въ руки готовую мѣрку и готовый образчикъ для сравненія и для отысканія чего-нибудь подобнаго въ какой-нибудь мѣстности. Программа изученія предмета—это своего рода масштабъ того, что извѣстно по данному вопросу до сихъ поръ; она представляетъ какъ-бы экстрактъ современной теоретической постановки вопроса въ наукѣ, а потому, по предъявленной публикѣ программѣ можно судить, насколько самъ составитель программы знакомъ съ изучаемымъ предметомъ, съ его литературой и современной постановкой вопроса въ наукѣ. Въ краткихъ и общихъ чертахъ значеніе изучаемаго вопроса въ жизни, его литературная постановка и разработка въ данное время, его успѣхи или неудачи и т. п. вопросы задѣваются, по обыкновенію, въ предисловіяхъ программѣ.

Намѣтивъ, въ общихъ чертахъ, требованія, которыя слѣдуетъ предъявлять къ программамъ для изученія различныхъ сторонъ народной жизни, мы сдѣлаемъ попытку примѣненія ихъ къ «Программѣ для собиранія свѣдѣній о русской народной артели», составленной г. Сазоновымъ и къ докторской диссертациіи Андрея Исаева—«Артели въ Россіи»; Ярославль, 1881 г.. Сопоставленіе взглядовъ на артель обоихъ писателей важно еще и потому, что г. Сазоновъ, не дождавшись выхода книги г. Исаева, и основываясь только на первой главѣ ея, исключительно посвященной опредѣленію понятія артели и классификаціи артелей («Русская Мысль», 1881 г., I), нападаетъ на него съ пепоятымъ для читателя задоромъ и раздраженіемъ, не высказавшись еще самъ.

Трудъ г. Исаева представляетъ болѣе или менѣе полную и научную попытку къ разработкѣ вопроса о русскихъ артеляхъ, основанную на довольно полномъ сводѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣются въ литературѣ, хотя нельзя сказать, чтобы вся литература вопроса была имъ исчерпана. Не смотря на нѣкоторые пропуски, книга Исаева составляетъ цѣнный вкладъ въ науку хотя-бы уже потому, что до сихъ поръ мы не имѣли достаточно полнаго свода тѣхъ многочисленныхъ матеріаловъ объ артели, которые разбросаны по многимъ книгамъ, трудно доступнымъ для обыкновеннаго читателя, а также по многочисленнымъ провинціальнымъ изданіямъ. До сихъ поръ извѣстенъ въ литературѣ только трудъ Калачова, представлявшій научную попытку разработки русскихъ артелей. Этотъ трудъ составленъ уже давно. Съ тѣхъ поръ (1864 г.) успѣло уже накопиться много матеріаловъ новыхъ, требующихъ обработки. Поэтому книга Исаева является какъ нельзя болѣе кстати, какъ попытка соединить многочисленный неразработанный матеріалъ, хотя и не обнимающій всѣхъ артелей, но, тѣмъ не менѣе разрабатывающій группу самую обшир-

ную и наиболее практикуемую — группу промышленных артелей. Пользуясь этим сводом, нам будет легче проследить иллюзии и фантазии, которыми так богаты статьи г. Сазонова. Не будь у нас под руками книги г. Исаева, мы оставили-бы всякое намерение полемизировать с г. Сазоновым, так как трудно отыскать в его статьях то, что имеют обыкновение называть стройными мыслями, поддержанными доказательствами.

Прочитай обоих авторов, недоумѣваешь, за что г. Сазонов так ожесточается против г. Исаева, когда существенных различий во взглядах обоих едва можно отыскать? Оба писателя принадлежат к разряду оптимистов, и тот и другой сулят артели великую будущность, при чем г. Исаев оговаривается на тот случай, что если, мол, не будем «смотреть на артель безстрастным взором», а г. Сазонов, без всяких околнностей, тоном вдохновенного пророка восклицает, что «это так—это будет так!» Г. Сазонов говорит, что артель свойственна только русскому народу и не встречается ни у какого другого народа, а г. Исаев выражается гораздо скромнее: он говорит, что нашим артелям старинного типа нет аналогий в западной Европѣ, но совсем не развивает той мысли, что аналогия найдется в другом мѣстѣ, среди других народов, кромѣ Германіи, Франціи и Англии, да и там, если порыться хорошенько в матеріалах, нашлось-бы кой-что почти тождественное с нашими артелями старинного даже типа. Значит, оба автора примыкают к самобытникам или славянофильствующей братіи, один—безусловно, без оговорок, а другой — чуть-чуть только, с оговорочками; одному как будто мѣшают факты высказаться прямо, а другой не хочет знать никаких фактов.

До чего сбивчивы и безапелляционны взгляды и мнѣнія г. Сазонова, мы видим на таком даже простомъ случаѣ, какъ отнесение артели к числу „литературныхъ словъ“, а когда нужно было укорить и отдѣлать Исаева за слово «товарищество», тогда артель оказывается словомъ понятнымъ всему народу—«слово это необыкновенно распространенное, имѣющее глубокое историческое происхождение, къ чему это слово зимнѣть инымъ, имѣющимъ къ тому-же такое общее неопредѣленное понятіе, какъ товарищество?» (Народ. стр. 319), восклицает г. Сазоновъ, а между тѣмъ, самъ-же онъ въ своей программѣ пишетъ: «Артель—слово болѣе литературное, въ жизни, въ дѣйствительности встрѣчаются нерѣдко однозначущія слова: ватага, дружина, стая, котляна... (284. Программа). Насколько уясняютъ предметъ подобныя разсужденія г. Сазонова на счетъ даже слова «артель», предоставляю читателю судить по выпискамъ, только-что приведеннымъ, а чтобы выйти изъ

этой путаницы, воспользуюсь въ данномъ случаѣ выпиской изъ книги Исаева о томъ-же словѣ «артель», яко-бы, по Сазонову, имѣющемъ глубокое историческое происхождение, и постараюсь отнестись критически и къ тому, и къ другому. Слово „артель“ воспринято литературой изъ народной рѣчи. И въ послѣдней терминъ этотъ не древняго происхожденія: мы встрѣчаемъ его въ нашихъ историческихъ памятникахъ не ранѣе XVII столѣтія. До того времени изслѣдуемая нами форма общенія называлась *кладчиной, ватагой, дружиной*. Эти названія сохранились отчасти и до нынѣ, но имѣютъ, на ряду съ терминами: *общая, ромша, стая* узкое мѣстное значеніе. Слово-же «артель» получило широкое употребленіе во всѣхъ концахъ нашего отечества («Артели Россіи» Исаева. 9) Всякій, кто хоть разъ видалъ на дѣлѣ народъ, вѣроятно, слышалъ это слово во всѣхъ концахъ Россіи, а потому оно настолько-же литературное насколько заимствовано изъ народной рѣчи, или г. Сазонову, быть можетъ, пригрезилось, что артель имѣетъ такое-же отношеніе къ народной рѣчи, какъ слово *община*, слово дѣйствительно литературное, не встрѣчающееся въ народной рѣчи, а замѣняющееся словами *миръ, громада, общество* и т. д. Мнѣніе Исаева въ данныхъ случаяхъ вполне вѣрно. Дѣйствительно, слово «артель» недавняго происхожденія, встрѣчается въ историческихъ памятникахъ не ранѣе XVII стол. Слово это не русское, монголо-турецкое, перешло перекверканнымъ въ народную рѣчь послѣ ига монгольскаго или отъ сожителства съ кочевыми монголо-татарскими племенами. Насколько помнится, Исаевъ, въ статьѣ «О промышленныхъ артеляхъ въ Россіи» (Р. М. 81. I.), слово артель назвалъ происшедшимъ отъ турецкаго слова *орта*, пользуясь въ этомъ случаѣ опредѣленіемъ артели Свѣзевымъ изъ Энциклопедическаго словаря Плюшара 1835 г. III. То-же опредѣленіе находится и въ Энциклопедическомъ словарѣ Краія. 1847. Насколько это опредѣленіе артели г. Свѣзевымъ въ 30-хъ годахъ нужно считать первымъ въ литературѣ, опровергается слѣдующимъ мѣстомъ изъ Словотолкователя Яновскаго, изданнаго по Высочайшему повелѣнію Академіей наукъ, въ 1803—806 г. 3 кн.: «Артель отъ турецкаго слова орта—община, общество нѣсколькихъ людей низкаго состоянія, которые упражняются въ промыслѣ и ремеслѣ одинаковомъ и, по большей части, имѣютъ у себя общій столъ». (С. с. т. I. 215). Тамъ-же находимъ и опредѣленіе ватаги, и это слово оказывается татарскимъ. Опредѣленіе артели Свѣзевымъ (въ Словарѣ Плюшара) таково: «Онъ признаетъ артелью общество нѣсколькихъ человѣкъ низкаго состоянія, соединившихся для производства одинаковаго промысла, работы или ремесла». (У Исаева С. с. 2). Сопоставляя эти опредѣленія, не трудно придти къ мысли, что

первою попыткою оказывается опредѣленіе артели не Свйазева, а Яновскаго, а что опредѣленіе послѣдняго переписывалось и переносилось въ другіе словари съ незначительными варіаціями, касающимися болѣе перестановки словъ, чѣмъ самой сущности опредѣленія; самое же слово артель или ортель мы находимъ въ одной изъ записей 1654 г., гдѣ подробно описана артель изъ 3 человекъ, взявшихъ на откупъ сборъ таможенныхъ пошлинъ въ Арзамасѣ и селахъ Согексовѣ, Ичаловѣ, Гремячѣмъ (А. отн. до юр. быта. древн. Россіи. т. I. N III).

Библиографическимъ открытіемъ словаря Яновскаго и приведеніемъ оттуда опредѣленія артели я совсѣмъ не имѣю въ виду упрекать Исаева въ незнанія этого источника. Бѣда не велика оттого, что почти одно и тоже опредѣленіе артели встрѣчается и въ самомъ началѣ этого столѣтія, но для меня имѣетъ цѣну словопроизводство артели отъ турецкаго слово орта, приведенное и у Исаева въ его статьѣ (Русск. М. 81. 1), составляющей первую главу книги Исаева, тогда какъ въ самой книгѣ этого словопроизводства уже нѣтъ и оно почему-то опущено. Для меня важно также и не то, что это слово не русское, а турецкое или монгольское,—мало-ли въ каждомъ языкѣ находимъ заимствованныхъ словъ изъ другого языка, но это словопроизводство можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ не только на характеръ первоначальной или первобытной артели, но можетъ отчасти указать и на источникъ происхожденія артелей въ древнѣйшее время, а это, въ свою очередь, прольетъ нѣкоторый свѣтъ и на тѣ странные обычаи, которые иногда наблюдаются въ жизни современныхъ артелей и, необъяснимые простыми экономическими или житейскими расчетами, служатъ какъ-бы переживаніемъ другаго строя жизни артельной,

А. Ефименко находитъ слово ортель у киргизовъ и, притомъ, почти съ тѣмъ-же значеніемъ, которое придается ему у насъ. Отъ корня орта или орда произошли и нѣкоторыя другія слова, встрѣчающіяся въ русскомъ и другихъ языкахъ, каковы юрта (Красовскій. Область Сибир. Киргиз. ч. III. 28) или киргизская палатка. Въ Войскѣ Донскомъ юртомъ или юртовыми землями называются общинныя земли извѣстной станицы или извѣстнаго количества юртъ — палатокъ принадлежащихъ въ древности какому-нибудь роду; то-же, только рѣзче выражено въ бурятской общинѣ (по А. Шапову), гдѣ въ каждой загороди находится нѣсколько родовыхъ юртъ. Это какъ-бы своего рода большое семейство, живущее въ одной общей загороди, но по разнымъ юртамъ: въ одной живетъ старикъ со старухой, въ другихъ сыновья и другіе родственники. У всего этого единокровнаго семейно-родоваго круга пашни, покосы, утуги, скоть,—все общее. Всѣ члены загороди работаютъ сообща.

Иногда даже и обѣдаютъ вмѣстѣ. Далѣе рядомъ вблизи въ другой подобной загороди живутъ ближайшіе родственники главы первой группы юртъ и т. д. У тѣхъ-же бурятъ, по разсказу одного крестьянина А. Щапову, все артельно, не по нашему, не по русски, но объ этомъ ниже. Нужно замѣтить, что тутъ идетъ рѣчь уже объ осѣдлой бурятской общинѣ. Отсюда-же, должно быть, произошли и малорусскія слова, равнозначущія артели—гуртъ, гуртова. Не малое подкрѣпленіе подобному словопроизводству артели отъ слова орта мы нашли, года два тому назадъ, въ отрывкѣ одного аренднаго условія двухъ болгаръ съ какимъ-то эфенди или беемъ землевладѣльцомъ (въ Ямбольскомъ округѣ въ Восточной Румелии или Забалканской Болгаріи), гдѣ, между прочимъ, написано, что оба болгарина берутъ столько-то земли на одинъ годъ или болѣе, не помню,—у такого-то эфенди *на ортакъ (задружно)*. Я, вѣроятно, не обратилъ-бы тогда вниманія на это выраженіе, если-бы оно не сопровождалось поясненіемъ или переводомъ слова на болгарскій языкъ. Самая сущность дѣла или условія, не оставляла ни какого сомнѣнія въ томъ, что тутъ слово ортакъ или задружно равнозначительно нашему—арендовали землю артельно изъ двоихъ человѣкъ; кромѣ того, намъ извѣстно по описаніямъ, что южнославянская задруга есть семейная община или нѣчто довольно сходное съ тѣмъ, что мы видѣли уже изъ описанія семейно-родовой осѣдлой бурятской общины, покрайней мѣрѣ, по типу своего строенія. Такимъ образомъ, для насъ становится почти несомнѣннымъ, что слово артель произошло отъ монголо-турецкаго слова орта или орда съ его многочисленными производными, перешедшими въ великорусскій языкъ подъ именемъ ортели или артели, въ малороссійскій—ортели, гурта, гуртовы, въ болгарскій подъ именемъ ортакъ (не есть-ли видоизмѣненіе этого слова и тѣ градинарски узаці (ортаці?) или болгарскія артели огородниковъ, о которыхъ рѣчь ниже), юртъ бурятскихъ и киргизскихъ, юртовъ или юртовыхъ земель въ землѣ Войска Донскаго и т. д.

Эти филологическія quasi-разсужденія и словопроизводства наводятъ на мысль сравнить наши древнія названія артелей—*дружини*, съ ихъ монголо-турецкими первообразами, замѣнившими наше русское слово и вытѣснившими его изъ народной рѣчи, такъ что теперь его уже рѣдко гдѣ можно встрѣтить. Намъ представляется, что наши древнѣйшія дружины мало отличались отъ какихъ-нибудь ортъ или монгольскихъ ордъ, что орды, какъ выраженіе перво-бытно-родовой, общественной организаціи кочевыхъ монголо-турецкихъ племенъ, такъ и дружины славянскія въ доисторическое время были одинаковыми организаціями кочевыхъ родовыхъ группъ. Даже въ историческое время мы находимъ еще дружины,

образованныя по типу кочевыхъ племенъ и названныя г. Исаевымъ артелями для набѣговъ, хотя тутъ нужно оговориться, что въ этихъ артеляхъ для набѣговъ изъ позднѣйшаго времени исчезаетъ родовою характеръ и замѣняется или обычнымъ, или договорнымъ. Однимъ словомъ, артель наша должна быть признана, какъ обломокъ первобытныхъ ордъ кочевниковъ съ тѣмъ только ограниченіемъ, что какъ орды монголо-турецкихъ родовъ, такъ и дружины доисторическихкихъ славянъ были союзы, основанныя на родовомъ принципѣ, и обнимали собою всю жизнь кочевника, тогда какъ наши позднѣйшія дружины историческія имѣютъ уже болѣе узкія цѣли — для войны, грабежа и для набѣговъ на непріятели, которымъ считался всякій инородецъ и только впоследствии изъ «храброй дружинишки» нашихъ былинъ образовались дружины съ хозяйственными и промышленными цѣлями.

Какимъ образомъ въ историческомъ процессѣ союзы, основанныя на родовомъ началѣ, переходили въ союзы межродовые, договорные—вопросъ до сихъ поръ мало разработанный, хотя и интересный во всѣхъ отношеніяхъ, какъ общее начало, изъ котораго произошли разныя общежительныя формы новыхъ временъ. Нашъ народъ сохраняетъ до сихъ поръ слова, выражавшія прежде широкое или всеобъемлющее понятіе, съ теченіемъ времени сѣзвившееся, а подъ часть ужъ имѣющее очень отдаленное родство съ первоначальнымъ смысломъ. Однимъ словомъ, въ языкѣ мы видимъ тоже переживание, что и въ другихъ сферахъ жизни; только одни какіе-нибудь остатки, сохранившіеся гдѣ-нибудь въ глуши подъ древнимъ именемъ, позволяютъ намъ воспроизводить давнопрошедшій смыслъ какого-нибудь слова.

Быть можетъ, какъ переживание, и теперешняя артель, происшедшая отъ родовыхъ группъ, въ народѣ означаетъ собою очень растяжимое и широкое понятіе: то означаетъ простую кучу рабочихъ неорганизованныхъ, съ подрядчикомъ во главѣ, идущихъ на какой-нибудь промыселъ; то извозчики и чумаки, отправляясь совмѣстно въ путь, величаютъ себя артелью, то рабочіе, нанимающіе квартиру общую, или имѣющіе общій столъ—тоже артель. Охотники лѣсистыхъ мѣстностей Россіи и Сибири, рыболовы побережій Чернаго, Бѣлаго и Каспійскаго морей и внутреннихъ озеръ образуютъ не только артели, но и союзы артелей, сложныя артели (котляны, бурсы, абы и т. д.), однимъ словомъ, артель обнимаетъ собою группу понятій, начиная съ простой кучи или толпы народа, галдящей о чемъ-нибудь, до очень сложныхъ и организованныхъ группъ для хозяйственныхъ цѣлей имѣющихъ юридическое значеніе.

Прекраснымъ примѣромъ древнихъ дружинъ можетъ служить примѣръ изъ жизни прежнихъ Донскихъ казаковъ, которые обра-

зовывали встарину сумы или общежительныя братства; въ составъ ихъ входило человекъ 10 и болѣе, все населеніе станицы (Казанской въ данномъ примѣрѣ) было разбито на такія сумы. Члены сумъ владѣли только деньгами на правѣ частной собственности; все остальное было общимъ достояніемъ. Сумы занимались набѣгами, охотой, рыбной ловлей. Набѣгами занималось сообща все населеніе станицы, но сумы и въ этомъ случаѣ не утрачивали значенія самостоятельныхъ группъ. По окончаніи набѣга, добыча вблизи станицы дѣлилась между участниками поровну и каждый вносилъ свою долю въ имущество сумы. Всякій членъ вступалъ въ суму такъ-же свободно, какъ и выходилъ изъ нея. Всѣ сумы имѣли во главѣ атамана, избиравшагося населеніемъ станицы на одинъ годъ. Всѣ обязаны были безпрекословно повиноваться атаману и другимъ представителямъ исполнительной власти. Порядокъ этотъ существовалъ до конца XVIII стол. (У Исаева в. с. 34). Чѣмъ-же отличается подобная сума отъ кочеваго рода, живущаго набѣгами и грабежомъ? Очень немногимъ: здѣсь переходъ изъ сумы въ суму свободный, родоваго типа мало замѣтно, но свободный или договорный союзъ построенъ по тому-же плану.

Не будемъ рыться въ книгахъ, чтобы привести еще примѣры подобныхъ союзовъ или, такъ называемыхъ, искусственныхъ родовъ. Тѣмъ-же характеромъ проникнуто было и знаменитое Товариство Запорожцевъ со своими кошами и куренями, занимавшееся, кромѣ набѣговъ на турецкія и ляшскія владѣнія, и рыбною ловлею и т. п. Гдѣ болѣе или менѣе сохранился первобытно-родовой характеръ общества, но уже въ осѣдломъ состояніи, тамъ скорѣй всего мы отыщемъ и много артелей или союзовъ для преслѣдованія сообща какихъ нибудь хозяйственныхъ цѣлей, разъ оно вышло изъ кочеваго или разбойничьяго состоянія. Слово дружина, такъ часто упоминаемое въ русскихъ былинахъ и въ началѣ русской исторіи, въ образѣ дружинъ ушкуйниковъ и другихъ добрыхъ молодцовъ, мы встрѣчаемъ и донинѣ; въ XIV и XV вѣкахъ мы находимъ дружины ремесленниковъ въ городахъ Новгородѣ и Псковѣ, дружины иконописцовъ, плотниковъ и др. со старѣйшинами или мастерами во главѣ. Послѣдніе не рѣдко были изъ иностранцевъ, напр., грековъ, нѣмцевъ; разъ даже послѣдніе отказали въ просьбѣ дать русскимъ мастера для какой-то работы, и лѣтописецъ говорить, что «поганіи нѣмци мастера не даша». Нынѣ слово это встрѣчается въ рыболовномъ промыслѣ въ Архангельской губерніи и на Псковскомъ озерѣ (по П. Якушкину). Другое древнее слово, равнозначущее артели — ватага (слово татарское), опредѣляется въ словотолкователѣ Яновскаго такимъ образомъ: «нѣсколько людей, вмѣстѣ живущихъ и вкупѣ собранныхъ по какому нибудь

случаю, также называются по Волгѣ, начиная отъ Царицына до устья и по Каспійскому морю рыбацкія артели и самыя тѣ мѣста, гдѣ онѣ рыбу ловятъ». Въ XIII и XIV столѣт. встрѣчаются ватаги на Бѣломъ морѣ, въ XV—на Бѣлоозерѣ и на р. Клязьмѣ (А. Ист. I № 96. 1485 г.), а теперь это слово употребляется въ народной рѣчи немногимъ рѣже артели; на югѣ рыболовныя ватаги общеизвѣстны, о ватагахъ южныхъ писалъ еще Лепехинъ.

Какъ у г. Исаева, такъ и у г. Сазонова не находимъ такого древнѣйшаго вида артелей, какъ сябра или себра, названіе, присвоивавшееся компаніямъ или артелямъ, владѣющимъ землею, рыболовными угодьями, соляными варницами, бортными ухожьями. Строй сябры, положимъ, мало изученъ и куда ее отнести—къ общинѣ или артели—нигдѣ объ этомъ не говорится, но, во всякомъ случаѣ сябра, имѣетъ столько общаго съ тѣми артелями, которыя у г. Исаева описаны и приведены подъ именемъ *общихъ* на нашемъ Сѣверѣ, что трудно не признать ихъ тождественными во многихъ отношеніяхъ. Въмѣсто того, чтобы разобрать хорошенько эту еще мало выясненную форму общенія, сохранившуюся въ древнихъ памятникахъ юридическихъ, каковы псковская и новгородская судныя записи, мы имѣемъ описаніе древнихъ сябрь и въ сохранившихся памятникахъ, приведенныхъ въ разныхъ изданныхъ актахъ. Тамъ-бы мы нашли примѣры покупки земли артелями, какъ это видимъ въ отпечатанныхъ купчихъ грамотахъ новгородскихъ (Акты юрид. № 71) XIV и XV вѣковъ.

Слово сябрь или шабрь до сихъ поръ сохранилось въ народной рѣчи; оно имѣетъ реальное значеніе въ сѣверныхъ губерніяхъ, въ Олонецкой—въ земледѣліи. Въдъ г. Исаевъ приводитъ-же себру по владѣнію гумномъ, гдѣ бѣднѣйшіе крестьяне устроиваютъ риги на общій счетъ и это называется на мѣстномъ нарѣчій «имѣть себру» (I. с. 94). Въ Архангельской губ. словомъ сябры называются участники по владѣнію семужьими тонями; древнія ненокотскія соляныя варницы принадлежали сябрамъ. Обчія, пишетъ г. Исаевъ, или земледѣльческія артели въ Вологодской губ. распространены повсемѣстно, а въ Архангельской губ. вопцихи (по А. Ефименко); названіе обчія для сѣверныхъ губерній невѣрно. Какъ въ древности въ разныхъ юридическихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ термины *вопче*, *вопца*, *вопцихи*, такъ и теперь термины *вопчины*, *вопцихи* общеупотребительны въ Вологодской и Архангельской губ., а въ Олонецкой это слово замѣняется древнимъ словомъ сябра. Слово шабрь, шаберъ или сябрь не вымерло и въ остальной Россіи. Сколько разъ приходится читать это слово не только въ корреспонденціяхъ, но даже въ рассказахъ и повѣстяхъ изъ народнаго быта. Распространено оно преимущественно въ поволжскихъ гу-

берніяхъ и означаетъ понятіе сосѣда по мѣстожительству или по владѣнію.

Вмѣсто разработки сябры, у г. Исаева находимъ примѣры такихъ артелей, какъ складныя, артели таможенныхъ откупщиковъ въ Арзамасѣ и др. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ разрабатываетъ биржевыя и лоцманскія артели, даже ихъ исторію привелъ. Положимъ, что все это разработано ранѣе и доставляетъ готовый и подробный матеріалъ, но тогда не мѣшало-бы г. Исаеву привести и болѣе древнѣйшія формы общенія, поважнѣе какой нибудь складной для торговли въ сибирскихъ городахъ, хоть-бы взять знаменитое братство купеческое при церквѣ Ивана на Пурятинѣ дворницѣ. Вѣдь тутъ тоже вкладывались въ «пошлое купечество», а ранѣе того вкладывались въ «дикую виру». Всѣ эти формы общенія носятъ несомнѣнно характеръ складной или складчины для преслѣдованія общихъ цѣлей.

Считаю нужнымъ покончить, въ данномъ случаѣ, съ разборомъ древнихъ словъ, замѣнявшихъ въ прежнее время артель, которая только въ недавнее время, съ конца XVII столѣтія, вытѣснила изъ народной рѣчи и дружину, и ватагу, и сябру, но далеко еще не вытѣснила всѣхъ этихъ старинныхъ терминовъ, характеризующихъ древнѣйшія формы общенія, подходящія къ новѣйшей артели. Значеніе сябры или шабры настолько не выяснено въ литературѣ, что мы рѣшились даже посвятить ей особый очеркъ, а здѣсь только мелькомъ коснулись ея, чтобы въ особомъ очеркѣ полнѣе выяснить ее, какъ форму, похожую и на земельную общину, и на артель. Выясняя древнія названія русскихъ артелей, намъ пришлось, конечно, натолкнуться и на недостаточную разработку этого вопроса въ книгѣ г. Исаева, хотя онъ самъ и оговаривается въ предисловіи къ своей книгѣ, что «онъ старался извлечь изъ нашихъ историческихъ памятниковъ тѣ данныя объ артеляхъ, которыя не вошли въ книгу Калачова». Но, насколько помнится, и Калачовъ не даетъ мѣста въ своей книгѣ нашей древнѣйшей сябрѣ. За то, всѣ пишущіе объ артеляхъ, непременно загромождаютъ книгу свою подробностями о петербургскихъ и московскихъ биржевыхъ артеляхъ. Чего-бы, кажется, объ нихъ много распространяться г. Исаеву, когда еще очень недавно Пахманъ, съ своимъ «Обычнымъ правѣ», цѣлую главу объ артеляхъ посвящаетъ чуть не единственно однимъ биржевымъ артелямъ и имъ подобнымъ, благо подъ руками находится книга Немирова о томъ-же предметѣ, специально посвященная петербургскимъ биржевымъ артелямъ. Значить, предметъ уже описанъ и комментированъ нѣсколько разъ въ ученой литературѣ, тогда какъ масса свѣдѣній въ разныхъ провинціальныхъ изданіяхъ еще ждетъ свода и обработки. Лучше-бы потрудиться надъ разработ-

кою этого матеріала, а не перерывать въ сотый разъ биржевыя артели, которыя уже въ отдѣльныхъ случаяхъ начинаютъ терять обличіе артелей и превращаться въ союзы капиталистовъ, нанимающихъ для физической работы рабочихъ и препятствуютъ высокими вкупамъ входу въ артели постороннимъ лицамъ и новикамъ.

Еще страннѣе отношеніе г. Исаева къ тѣмъ союзамъ, которые, какъ онъ заявляетъ, «строго не могутъ быть отнесены къ артелямъ, но приближаются къ нимъ по своему характеру. Таковъ союзъ ящичниковъ 5-ти деревень, лежащихъ въ десяти верстахъ отъ города Ярославля. Подрядъ на ящики берется отъ ярославскихъ купцовъ всѣми производителями 5-ти деревень. На общемъ сходѣ устанавливается цѣна ящикамъ; все количество товара, взятое на подрядъ, распредѣляется между отдѣльными деревнями такъ, чтобы всѣ производители получили равныя заработки» (cit. Аксаковъ. «О ремесленномъ союзѣ въ Ярославской губерніи». «Русская Бесѣда» 1858 г., II. 210—12). Этотъ союзъ не можетъ быть причисленъ къ артелямъ потому, что элементъ договора отсутствуетъ въ немъ и рѣзко выдѣляется въ немъ начало происхожденія. Сельское общество этихъ 5-ти деревень разверстываетъ между членами-ящичниками подрядъ такъ-же, какъ дѣлитъ землю между всѣми общинниками (Исаевъ I. о. 100). Кромѣ упрека Исаеву въ томъ, что подобный ремесленный союзъ онъ цитируетъ по Аксакову, открывшему его чуть-ли не 30 лѣтъ тому назадъ и никѣмъ не подтвержденный до настоящаго времени, вѣдь не стоило-бы большого труда г. Исаеву самому удостовѣриться въ томъ, существуетъ-ли *теперь* этотъ ремесленный союзъ въ 10 верстахъ отъ Ярославля, гдѣ живетъ и профессорствуетъ г. Исаевъ. Какъ видно по многочисленнымъ ссылкамъ въ его книгѣ и другихъ статьяхъ, вышедшихъ ранѣе, ему не разъ уже приходилось отправляться для изслѣдованія различныхъ промысловъ въ Ярославской губерніи и уѣздѣ; а этотъ ремесленный союзъ по своей организаціи довольно интересенъ и, быть можетъ, поважнѣе тѣхъ шульце-деличевскихъ товариществъ, которыя такъ усердно рекомендуетъ русскимъ кустарямъ г. Исаевъ, между прочимъ, и въ настоящей книгѣ своей, говоря о приложеніи артелей къ кустарямъ и въ главѣ о промышленныхъ артеляхъ въ Россіи и промышленныхъ товариществахъ на Западѣ.

Подобный ремесленный союзъ интересенъ еще и потому, что онъ не одиноченъ, какъ какія-нибудь артельныя свѣтелки у кустарей. По этому типу построены и многія рыболовныя артели, на-примѣръ, артели для ловли семги въ Архангельской губерніи, гдѣ мѣръ, какъ владѣлецъ рыбныхъ угодій, устанавливаетъ такое или ое пользованіе рыбными ловлями; такимъ-же характеромъ отли-

чаются и артели ямщиковъ на сѣверныхъ почтовыхъ трактахъ, когда подрядъ на почтовую гоньбу берется или обществомъ, или деревней, а затѣмъ уже этотъ союзъ распредѣляетъ между собою подробности ямской гоньбы, а также и барыши отъ общаго дѣла. Съ такимъ-же характеромъ существуютъ и артели-общины, берущія на подрядъ перевозки черезъ большія рѣки на почтовыхъ трактахъ. Мнѣ, напримѣръ, извѣстны подобные примѣры на рѣкѣ Сухонѣ, въ Вологодской губерніи. Во всякомъ случаѣ, подобные общинно-артельные союзы гораздо интереснѣе и ближе къ промышленной артели, чѣмъ, напримѣръ, артели торговцевъ Архангельской губ. для покупки у крестьянъ ржи, овса и другихъ произведеній сельскаго хозяйства (I. с. 99).

Слѣдовало-бы г. Исаеву пересмотрѣть тѣ общинно-артельныя аренды земель, сѣнокосенія, гдѣ элементъ договора существуетъ, напримѣръ, въ отношеніи этого союза къ земледателю, къ казнѣ въ почтовой гоньбѣ и т. д.; подобные союзы устраиваются, несомнѣнно, съ хозяйственною цѣлю. Общинно-артельная осушка болотъ—довольно извѣстное явленіе въ сѣверной Россіи. Вообще, примѣровъ подобнаго рода я могъ-бы привести очень много, чтобы хоть немного поохладить пылъ уваженія къ Шульце-Деличу г. Исаева. Ненужно было-бы тратить столько труда на возвеличеніе Шульце-Делича и его успѣховъ въ Германіи, еслибы г. Исаевъ внимательнѣе отнесся къ тѣмъ общинно-артельнымъ русскимъ союзамъ, которые онъ упустилъ изъ виду и побольше-бы изучалъ тѣ товарищества, которыя существуютъ въ Россіи и построены не по образцу шульце-деличевскихъ товариществъ, на которыхъ онъ съ особеннымъ увлеченіемъ останавливается, какъ, напримѣръ, на сыроварняхъ и тому подобныхъ благодѣтельныхъ экспериментаціяхъ нашего недавняго прошлаго, отошедшихъ въ вѣчность и разложившихся чуть-ли не въ началѣ своего рожденія.

Въ то время, какъ Исаевъ загромождаетъ книгу свою биржевыми и имъ подобными артелями и шульце-деличевскими экспериментаціями на русской народной нивѣ, сравниваетъ по слѣднія съ западно-европейскими товариществами и приходитъ къ мысли, что *наши артели стариннаго типа не имѣютъ почти ничего подобнаго въ западной Европѣ* (I. е. 307),—въ это время г. Сазоновъ старается убѣдить насъ, что не только ничего подобнаго нашей артели нѣтъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ, но что она свойственна только русскому народу: *«Будущее артели особенно блестяще и всеобъемлюще. И это вотъ почему: во 1-хъ, народъ самъ выработалъ широкое понятіе артели, какъ-бы своего рода организацію труда, не существующую ни у какого другого народа, замѣчательную по глубокому пониманію природы чело-вѣка, по*

справедливости, разумности, гуманности... И потому она (артель) всегда будет любя ему и онъ никогда отъ нея не отступитъ, не откажется и т. д. (Программа. 282). Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтесь! Мы обладаемъ организаціею труда своего рода, не существующею ни у какого другого народа! Какъ должно возрадоваться истинно-русское сердце при такомъ открытіи г. Сазонова! У насъ существуетъ община, какъ утверждали прежде—достояніе только славянскаго или, точнѣе, великорусскаго племени; нынѣ открылось еще новое достояніе, новое самобытное русское выраженіе народнаго духа —артель!

Но утверждать это не значить-ли доказывать наше невѣжество не только въ знаніи жизни нашего народа, но и другихъ народовъ — европейскихъ и азіатскихъ? Другое дѣло, если-бы эта фраза высказывалась въ то время, когда формы общенія для хозяйственныхъ цѣлей были-бы изучены въ подробности не только гдѣ-нибудь въ Германіи, Франціи и Англии, но и въ другихъ неевропейскихъ и европейскихъ странахъ, да и въ самой Россіи, если-бы подробно были изучены не однѣ биржевыя и имъ подобныя артели; тогда, и только послѣ тщательнаго сравненія разныхъ организацій труда, мы могли-бы говорить о самобытности или несамобытности нашихъ артелей. Проповѣдывать самобытность артели, когда у насъ повторился такъ недавно смѣшной пассажъ съ самобытностью общины, довольно нелѣпо еще потому, что тамъ, гдѣ сохранилась до сихъ поръ земельная община, наблюдается болѣе склонности и къ артельному общенію. «Вліяніе общины на артель, говоритъ г. Исаевъ,—мы можемъ подмѣтить и въ западной Европѣ: общія сыроварни, хотя не тождественныя съ артелями, но весьма похожія на нихъ, встрѣчаются по Юрѣ и Альпахъ, гдѣ и до сихъ поръ еще сохранились, или въ цѣломъ, или въ остаткахъ, земельно-общинные распорядки» (Г. С. 308).

Въ Россіи мы наблюдаемъ такіе общинно-артельные порядки, которые трудно разграничить между собою и которые составляютъ пѣчто среднее между общиною и артелью; таковъ ремесленный союзъ, описанный Аксаковымъ, въ Ярославской губерніи и многіе другіе, уже указаные нами ранѣе. Подобныя соображенія даютъ намъ право искать артельныхъ союзовъ тамъ, гдѣ сохранилась и земельная община въ томъ или другомъ видѣ, а отсюда будетъ естественнымъ и тотъ выводъ, что если и община, когда-то признававшаяся свойственною только русскому или славянскому племени, наблюдается во многихъ странахъ свѣта и у разнообразныхъ народовъ, то и артель, конечно, не составляетъ какой-то особой организаціи труда, не существующей ни у какого другого народа, и также обычна тѣмъ народамъ, у которыхъ сохранилась и община.

Для доказательства подобнаго положенія нѣтъ надобности уходить далеко и рыться въ путешествіяхъ или иностранныхъ сочиненіяхъ, трактующихъ о бытѣ того или другого народа; мы воспользуемся тѣмъ, что у г. Сазонова было въ рукахъ, значить, такъ или иначе, читалось имъ. По славянофильскимъ преданіямъ, вѣроятно, г. Сазоновъ, въ очеркѣ литературы артели, между книгами бытового и экономическаго характера, въ которыхъ можно найти указанія на артели, на первомъ планѣ ставить Гакстгаузена и характеризуетъ его такъ: *«Этотъ замѣчательный ученый, хотя иностранецъ, очень сознательно, глубоко отнесся къ самымъ существеннымъ вопросамъ нашей народной жизни. Надо удивляться тому огромному уму, замѣчательной наблюдательности и рѣдкой проницательности, съ которой Гакстгаузенъ громко заговорилъ, и не только заговорилъ, но и понялъ, и оцѣнилъ, и далъ много матеріаловъ очень цѣнныхъ, что важнѣе всего, по такимъ кореннымъ вопросамъ, какъ артель, община, расколъ и т. д.»*

Вслѣдъ за такимъ катехизическимъ для славянофиловъ сочиненіемъ, г. Сазоновъ упоминаетъ и о двухъ книгахъ г. Соколовскаго: «Очеркъ исторіи общины на сѣверѣ Россіи» и «Экономическій бытъ» и т. д.—книгахъ, дѣйствительно, замѣчательныхъ по разработкѣ общины, но гдѣ мы можемъ найти и не мало указаній и на артели, и притомъ, на артели среди разныхъ инородцевъ, обитающихъ въ Сибири и европейской Россіи, у которыхъ, кромѣ своеобразныхъ общинно-земельныхъ порядковъ, развита склонность и къ артельнымъ предпріятіямъ. Мы сдѣлаемъ здѣсь только краткія выписки изъ послѣдняго сочиненія г. Соколовскаго, гдѣ общинно-земельные порядки и артели описаны и приведены, начиная съ 85 стран. до 123. Мы находимъ, во-первыхъ, описаніе смѣшанныхъ звѣроловныхъ компаній русскихъ съ вогулами, при чемъ передъ отправленіемъ на охоту, какъ русскіе, такъ и вогулы, приносятъ оленей на особыхъ жертвенныхъ мѣстахъ и даютъ другъ другу клятву въ вѣрности, разрѣзывая медвѣжье рыло, въ знакъ того, что медвѣдь съѣстъ cadaго нарушителя клятвы (85 стран.). Стоитъ отмѣтить, что самоѣды отличаются способностью къ артельности (87). Гольды, въ Уссурийскомъ краѣ, занимающіеся, кромѣ рыбной ловли, и звѣроловствомъ, не только не имѣютъ выдѣленныхъ семейныхъ участковъ въ лѣсахъ, но ведутъ лѣсные промыслы всѣ сообща, артелями (88). Тунгузы отличаются большою склонностію къ артели и способностью организовать общія предпріятія. Сговорясь между собою, они составляютъ артели въ 4 и 5 человекъ, и вся добыча раздѣляется по ровну (117). На значительное развитіе общинныхъ склонностей въ лопаряхъ (Архангельск. губ.) отчасти указываетъ ихъ способность къ исполненію работъ сообща (120). У лопарей и

у русских общества Поной замѣчательнѣе еще общинно-артельный порядокъ пользованія рыбными угодьями и ловлей семги и сельдей (по А. Ефименко). Корпоративный духъ очень распространенъ между корейцами, начиная съ княжескихъ семействъ и кончая послѣдними рабами. Нѣкоторыя изъ этихъ корпорацій, какъ, напр., гробовщиковъ, кровельщиковъ, каменщиковъ, носильщиковъ и т. п. пользуются по закону или по распоряженіямъ властей правомъ монополіи на свои занятія. За это они платятъ обыкновенно въ королевскую казну опредѣленный налогъ. Другія ассоціаціи не имѣютъ права монополіи и единственная цѣль ихъ членовъ—помогать другъ другу и взаимно облегчать средства къ работѣ (Сборн. статист. свѣд. о Сибири; 1875 г.; т. I, в. 2; стр. 88 и 89). У брацкихъ бурятъ, говорилъ одинъ манзурскій крестьянинъ А. Шапову, — не по нашему: все артельно: ломоть хлѣба они раздѣляютъ всѣмъ по равнымъ кусочкамъ, кто-бы ни случился въ улусѣ, мясо дѣлятъ всѣмъ (Соколовскій, I, стр. 92). Хлѣбъ продаютъ братски, артелями: сродичи складываютъ въ одну кучу до 5000 пудовъ и болѣе и продаютъ гуртомъ, сообща, артельно, на паузки или на винокуренный заводъ Голдобина. Артелью они сгоняютъ скотъ въ одинъ общій табунъ и сообща, артельно, гонятъ его въ городъ на продажу мясникамъ.

Но самое замѣчательное выраженіе артельного начала представляеть, такъ называемая, *аба* — большая звѣропромышленная артель разныхъ бурятскихъ родовъ. Одинъ родовой староста кудинскаго вѣдомства, какъ можно было замѣтить, отъ природы весьма умный, даровитый буряты, рассказывалъ А. Шапову объ этой *абѣ* съ особою эпическою воодушевленностію и, въ то-же время, съ яснымъ, нѣсколько даже гордымъ сознаниемъ замѣчательной стройности ея организаціи. Сущность рассказа его слѣдующая: *Аба* — это большая звѣропромышленная артель, бывающая не каждый годъ, а преимущественно въ хорошіе, приплодные и урожайные годы. Послѣдняя *аба* была въ 1870 г. Обыкновенно, съ осени собираются буряты, человекъ по 1000, 1500 и болѣе. Всѣ одѣваются въ лучшую одежду, берутъ съ собой лучшіе луки и стрѣлы. Каждый несетъ съ собой въ общую складчину пудъ своего лучшаго, самаго жирнаго мяса, масла, сметаны и пр., и все складывается въ общій артельный запасъ. Выбираютъ все изъ одного и того-же рода наиболѣе опытнаго, всѣми уважаемаго старика и назначаютъ его общимъ, главнымъ старостой и судьей артели. Старикъ этотъ, главный руководитель артели, принимаетъ отъ каждаго провизію, *вѣситъ ее на руку*, возьметъ передъ всѣми на руку пудъ и трясеть его на руку и пр. По старому обычаю, требуется вѣсить именно на руку. Затѣмъ, вся большая артель разбивается на множество мел-

кихъ артелей, состоящихъ каждая человѣкъ изъ 20. Каждая частная артель выбираетъ своего частнаго артельного старшину. Передъ отправкой на промыселъ, на абу, каждая артель оставляетъ старику — главному, общему артельному старостѣ и судѣ — по одной шапкѣ въ залогъ общей взаимной вѣрности и честности на промыслѣ. Послѣ того, всѣ мелкія артели, образуя одинъ общій, дружный артельный союзъ, отправляются въ хребты на облаву, цѣпью охватывая большое пространство въ лѣсу. Всѣ упромышленные звѣри между всѣми артельщиками дѣлятся по ровну, подъ контролемъ артельного сушана и старосты. Только одекминскія и витимскія артели, составлявшіяся въ прошломъ столѣтіи русскими сѣверно-морскими звѣропромышленниками на соболинѣмъ промыслѣ и подробно описанныя Крашенинниковымъ, приближались къ строю этой бурятской абы и аналогичны съ нею (А. Щаповъ; «Вурятская улусная родовая община. «Сіт у Соколовскаго 101—103). Подобные артельные союзы нерѣдки и среди русскихъ, образуются тоже съ особыми обрядами, извѣстны подъ именемъ котлянь, стай, ромшъ, бурсъ и т. п.. Въ книгѣ г. Исаева, между прочимъ, приводятся соединенія или союзы рыболовныхъ артелей на озерѣ Байкалѣ.

Намъ пришлось такъ долго остановиться на описаніи бурятской абы потому, что въ ней мы находимъ сильное подкрѣпленіе той мысли, что артель есть порожденіе родового быта. Здѣсь мы видимъ общаго артельного старосту и, вмѣстѣ съ тѣмъ, судью для всѣхъ артельщиковъ, тутъ-же мы находимъ развитую и обрядовую сторону при заключеніи артельного союза. Нѣсколько напоминающіе подобные обряды мы находимъ и при составленіи русскихъ артельныхъ союзовъ, что мы найдемъ и въ книгѣ г. Исаева (106—107.). Намъ болѣе будутъ понятны и атаманы нашихъ дружинъ, какъ промышленныхъ такъ и разбойничьихъ, атаманы запорожцевъ и донскихъ древнихъ сумъ, смотря по тому — какого быта держатся народцы — кочеваго или полуосѣдлаго и власть атамана будетъ или деспотическая или патріархальная надъ своею дружиною, что отражается и на дѣлсжѣ добычи; одинъ какой нибудь башлыкъ или атаманъ служить только изъ чести, а другой беретъ лишнюю или львиную долю изъ общей добычи.

Мнѣ думается, что изученіе артели по сравнительному методу даетъ богатѣйшій матеріалъ для изученія народнаго быта въ его древнѣйшихъ стадіяхъ; по крайней мѣрѣ, изученіе общины поземельной съ этой точки зрѣнія оказывается очень плодотворнымъ, и при одномъ примѣненіи этого метода въ дѣлѣ изученія народнаго быта разлетятся всѣ наши самобытности и тому подобныя иллюзіи и фантазіи, крайне задерживающія изученіе съ правильной, научной точки зрѣнія. По Гегемейстеру и Крассовскому, мы нахо-

димъ у сибирскихъ киргизъ общинно-артельныя предприятия въ видѣ орошенія полей; то-же мы находимъ и у бурятъ, не говоря объ общинно-артельномъ орошеніи полей на Кавказѣ и Туркестанѣ, гдѣ подобныя предприятия регулируются законодательною властію. Во время почти двухлѣтней военно-походной жизни въ Болгаріи намъ пришлось натолкнуться не разъ на артели среди болгаръ. Въ промышленно-экономическомъ отношеніи Болгарія имѣетъ много сходства съ Россіей: то-же преобладаніе земледѣльческой культуры надъ промышленностію обрабатывающей, громадное развитіе ремеслъ и мелкой кустарной промышленности, сильное развитіе отхожихъ промысловъ и почти отсутствіе фабрично-заводскаго производства. Изъ отхожихъ промысловъ видное мѣсто занимаетъ огородничество; болгары на всемъ Балканскомъ полуостровѣ слывуть за самыхъ отличныхъ градинарей—огородниковъ. Особенно много уходить въ этотъ промыселъ изъ гористыхъ и населенныхъ округовъ, напр. Тырновскаго, Еленинскаго и др. Огородниковъ здѣсь считаютъ десятками тысячъ; они идутъ въ большіе города Румыніи и въ самой Болгаріи. Кромѣ огородниковъ, не мало, зидарей—не то плотниковъ, не то каменщиковъ—строителей хатъ и разныхъ построекъ; нѣкоторые изъ забалканской Болгаріи идутъ въ Добруджу для варки овечьяго сыра (брынзы). Кромѣ того, развита и мелкая домашняя промышленность, напр., тканье особаго мѣстнаго сукна (шаекъ), ковровъ и т. д. Габрово ничѣмъ не уступитъ нашему селу Павлову по части желѣзной промышленности. Въ нѣкоторыхъ городахъ считаются десятками разные ремесленные и торговые цехи. Огородничество болгаръ, какъ отхожій промыселъ, даетъ поводъ къ образованію товариществъ или артелей соединенными силами арендующихъ огородъ около какого-нибудь города въ Румыніи или въ самой Болгаріи. Такія артели огородниковъ, какъ мнѣ рассказывали въ Еленѣ, называются *градинарски урзаци* (или ортацы?) Арендовавъ какой-нибудь огородъ, подобная урза или орта поселяется въ особомъ домѣ при огородѣ, имѣетъ своего чорбаджія или старосту, онъ-же и главный распорядитель работъ и казначей, имѣетъ чорбаджійку или кухарку, которая занимается хозяйствомъ при урзѣ. Участники распредѣляются по специальностямъ: кто занимается рытьемъ канавъ или бороздъ, кто унавоживаньемъ, кто посадкой разсады и т. д. Смотри по трудности работы, ловкости, каждый участникъ урзы получаетъ соотвѣтственную долю изъ общей выручки осенью, послѣ распродажи всего урожая овощей; къ зимѣ товарищи возвращаются по домамъ. Орошеніе и полвка грядъ производится посредствомъ особыхъ водочерпательныхъ машинъ, приводимыхъ въ движеніе лошадыю. Чистой выручки взрослые товарищи приносятъ домой до 30 желтиць или лиръ (до 180

р. метал.) нѣсколько похожія на описанныя урзы, существуютъ группы брызговиковъ или сыроваровъ, отправляющихся, напр., изъ Ямболи (В. Румелии) въ Добруджу; но здѣсь, кажется, артельного между товарищами очень мало, такъ какъ артель болѣе приближается къ наемной группѣ, чѣмъ къ равноправному товариществу.

При неблагоприятныхъ условіяхъ военнаго времени и походовъ, намъ удалось только въ общихъ чертахъ познакомиться съ подобными явленіями болгарской жизни, и нѣтъ сомнѣнія, что русская экспедиція въ Болгарію, организуемая на средство, кажется, Географическаго общества, пойдетъ очень много интереснаго и поучительнаго въ болгарской народной жизни, если только она имѣетъ цѣлю изслѣдовать жизнь болгарина въ социальномъ-экономическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Болгарская литература по этой части ничего не дастъ; намъ пришлось пересмотрѣть десятки газетъ болгарскихъ за много лѣтъ, нѣсколько полужурналовъ, но о народной жизни мы не нашли буквально ни одной строчки, за исключеніемъ многочисленнаго матеріала по народному образованію. Только въ недавнее время нѣмецъ Канитцъ изслѣдовалъ и народную жизнь болгаръ, точь въ точь какъ во время оно просвѣтилъ насъ по части народоизученія баронъ Гакстгаузенъ.

Въ вышеприведенныхъ строкахъ, какъ мнѣ кажется, можно найти достаточно доказательствъ и примѣровъ для опроверженія положенія г. Сазонова, что наша артель, какъ своего рода организація труда, не существуетъ ни у какого другого народа. Мы приводили примѣры не съ тою цѣлю, чтобы убѣдить именно г. Сазонова и показать ему опасность славянофильской постановки вопроса, а чтобы обратить вниманіе изслѣдователей на тѣ многочисленные артельные союзы, которые находятся не только среди сибирскихъ инородцевъ, но и среди очень многихъ народовъ, стоящихъ на различныхъ стадіяхъ культуры, начиная отъ кочующихъ скотоводовъ, звѣролововъ, полусѣдлыхъ народцевъ и кончая болѣе или менѣе культурными народами. Здѣсь мы обратили вниманіе и на то, что артельные союзы, наблюдаемые среди русскихъ, наблюдаются и среди инородцевъ. При заключеніи подобныхъ союзовъ, какъ здѣсь, такъ и тамъ, существуютъ особые обряды, избирается общій атаманъ, онъ-же и судья и т. д. Однимъ словомъ, не только простая артель изъ какихъ-нибудь 5—10 человекъ наблюдается у другихъ народовъ, но наблюдаются у многихъ не-русскихъ племенъ и сложные союзы.

Г. Исаевъ почему-то совсѣмъ почти пускаетъ инородческія артели; впрочемъ, у него мелькомъ есть указанія на существованіе артелей у бурятъ и якутовъ, что они образуютъ звѣроловныя арте-

ли изъ 3—6 человекъ (37), у зырянъ—и только. А между тѣмъ, кромѣ того, что я выписалъ изъ книги г. Соколовскаго на счетъ инородческихъ артелей прошлаго столѣтія, можно найти много указаній въ книгѣ Крашенникова («Описание земли Камчатки». 2 ч. 1755—86). Не мѣшало-бы коснуться и сочиненій Лавеле, Мэна, Тэйлора и др. европейскихъ ученыхъ, разработывающихъ, такъ называемую, первобытную культуру. Одинъ мой товарищъ цитируетъ даже артели евреевъ времени апостоловъ. И тамъ оказываются намеки на рыболовныя артели, при чемъ товарищи, составлявшіе рыболовную артель, въ Евангеліи называются, *причастниками* (Ев. Луки V 2. 7. 10) (*consortes, socii*).

Въ заключеніе возраженія противъ самобытности русской артели, якобы, не существующей ни у какого другого народа, какъ утверждаетъ г. Сазоновъ, и что наши старинныя артели не имѣютъ себѣ аналогіи въ западной Европѣ, какъ говоритъ г. Исаевъ, я позволю себѣ привести мѣсто изъ историка Погодина (Г. Исаевъ называетъ его однимъ изъ лучшихъ знатоковъ нашей старины, а г. Сазоновъ, обуреваемый страстью сдѣлаться славянофиломъ, въ скобкахъ восклицаетъ, что это не какой-нибудь верхоглядъ, западникъ!), которое цитируется обоими писателями. Мѣсто это слѣдующее: «Во время поѣздки Погодина изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ, нашъ историкъ познакомился съ биржевыми артелями; онъ признается, что раньше не имѣлъ понятія объ артеляхъ, „одномъ превосходномъ *московскомъ* учрежденіи», лучше котораго ничего не придумалъ и самъ Солонъ. (У г. Исаева. Предисловіе. Ш. У г. Сазонова—Предисл. къ программѣ, 280). Хотя оба писателя какъ будто съ ироніею цитируютъ это мѣсто, и для доказательства того, что какъ мало знали артель даже, по ихъ мнѣнію, такіе знатоки исторіи и не верхогляды,—западники, какъ Погодинъ, который, не имѣя понятія объ артеляхъ, случайно узналъ о биржевыхъ артеляхъ и уже позволилъ себѣ окрестить ихъ превосходными *московскими учрежденіями*, лучше которыхъ и самъ Солонъ не могъ-бы ничего придумать.

Къ чему, господа изслѣдователи объ артели, кивать на Петра! Г. Сазонову и подавно не стоило-бы приводить это мѣсто изъ Погодина, такъ какъ оно характеризуетъ только душевную простоту и москвофильство г. Погодина, да, пожалуй, невѣжество его по части исторіи русскихъ артелей. Не тѣли-же качества мы видимъ и въ г. Сазоновѣ, утверждающемъ, что артель не существуетъ ни у какого другого народа; она—превосходное русское учрежденіе, которое знакомо Сазонову исключительно по книжкамъ. А какъ г. Сазоновъ относится къ книжкамъ, гдѣ можно найти матеріалы объ

артеляхъ, довольно характерное указаніе мы уже сдѣлали, выпи- савъ отзывы его о книгахъ Гакстгаузена и г. Соколовскаго.

Насчетъ того, какъ г. Исаевъ, относится къ литературѣ вопро- са объ артеляхъ, мы сдѣлаемъ выдержку изъ коротенькаго отчета о диспутѣ его 10 мая, помѣщеннаго въ газетѣ «Порядокъ» № 129: «Проф. Малышевъ ставилъ въ упрекъ докторанту, что онъ слиш- комъ легко отнесся къ затронутому имъ вопросу и въ своемъ со- чиненіи не касается и, повидимому, даже не знаетъ о существова- нии артелей въ Финляндіи (у норвежскихъ рыболововъ), у насъ на сѣверѣ и другихъ мѣстностяхъ, и что вообще сочиненіе г. Исаева есть весьма блѣдный очеркъ существующаго, ни мало не гово- рящій о томъ, что должно быть. Одинъ изъ возражавшихъ привелъ докторанта къ признанію, что онъ, при составленіи своего сочиненія, не всегда пользовался первыми источниками, а многое заимствовалъ изъ другихъ сочиненій». Однимъ словомъ, и г. Исаевъ въ изученіи и обработкѣ артелей ушелъ не многимъ да- лѣе Пахмана и Калачова, у которыхъ, дѣйствительно, разработаны сносно биржевыя артели. Кромѣ того, послѣднимъ артелямъ посвя- щена очень обстоятельная книга Немирова, откуда г. Исаевъ черпаетъ такъ много, что положительно загромождаетъ свою книгу бирже- выми артелями; отдѣлъ исторіи артелей у г. Исаева составленъ и чуть-ли не списанъ даже съ Калачова, какъ старался доказать одинъ изъ оппонентовъ на диспутѣ. Несмотря на то, г. Исаевъ все- таки, какъ подобаетъ ученому, относится съ должнымъ вниманіемъ и къ академикамъ прошлаго столѣтія, у которыхъ кой-что можно найти и по части описанія артелей, тогда какъ г. Сазоновъ превоз- несъ до небесъ одного почти Гакстгаузена, хотя отдаетъ честь и хвалить и еще нѣкоторыхъ изслѣдователей, а къ академикамъ проша- лаго столѣтія онъ относится слѣдующимъ образомъ: *съ увлеченіемъ* накинулся на Палласа, *съ надеждой* взялъ Гмелина, *съ разочарова- ніемъ* прочелъ И. Лепехина, *перешелъ* къ Рычкову и т. д. А между тѣмъ, о томъ, что слѣдовало-бы привести, г. Сазоновъ краснорѣ- чиво умалчиваетъ. У Палласа, Гмелина, Лепехина, Рычкова, есть указанія на артели, существовавшія въ прошломъ столѣтіи, въ чемъ сознается и г. Сазоновъ, читавшій „Полное Собраніе ученыхъ путе- шествій по Россіи. Изд. Акад. Наукъ 1818 года“, а между тѣмъ, ни однимъ словомъ не проговаривается о Крашенинниковѣ, книга котораго «Описаніе земли Камчатки» входитъ въ то-же полное со- браніе ученыхъ путешествій. Въ ней г. Сазоновъ нашелъ-бы бога- тый матеріалъ объ инородческихъ артеляхъ. Или у г. Сазонова остыло и увлеченіе, съ которымъ онъ брался за Палласа, и потерялась на- дежда съ прочтеніемъ Гмелина и вышло полное разочарованіе послѣ Лепехина, такъ что онъ уже и не брался за дальнѣйшее чте-

ніе ученыхъ путешествій прошлаго столѣтія, а потому и пропустилъ такую важную книгу, какъ книга Крашенинникова! Послѣдняго забылъ и г. Исаевъ, у котораго нѣтъ никакихъ указаній на эту книгу.

У г. Сазонова нѣтъ никакихъ указаній на превосходное для своего времени «Статистическое Обзорѣніе Сибири», написанное по высочайшему повелѣнію д. ст. сов. Ю. Гагемейстеромъ въ 3 ч. 1851—53 г.; между тѣмъ, эта книга, появившаяся на русскомъ языкѣ гораздо ранѣ Гакстгаузена, даетъ очень много цѣнныхъ матеріаловъ для изученія артелей въ Сибири. Г. Исаевъ хотя и пользовался книгою, какъ видно по его цитатамъ, но далеко не выбралъ оттуда всѣхъ артелей и забылъ выписать объ артельной расчисткѣ лѣсовъ. Ни тотъ, ни другой писатели о русскихъ артеляхъ ни однимъ словомъ не упоминаютъ г. Потанина, писавшаго и о сибирскихъ артеляхъ и объ артеляхъ въ Никольскомъ у. (Вологод. губ.); оба забыли А. И. Щапова, изслѣдовавшаго въ 70-хъ годахъ сибирскую общину и описавшаго приведенную выше бурятскую звѣроловную артель, абу. Если г. Сазоновъ имѣлъ цѣлю въ своемъ «Обзорѣ литературы» указать только крупныя работы и изслѣдованія, гдѣ можно найти указанія на артели, или специально посвященныя артели, какъ «Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ», трудъ Калачева, Ф. Щербины и дать о нихъ такой или иной отзывъ, то онъ и въ этомъ отношеніи далеко неслѣдлалъ того, что слѣдовало-бы. Къ чему такъ сильно восхвалять Гакстгаузена, Калачова и только упоминать о г. Соколовскомъ и другихъ? вмѣсто Гакстгаузена не мѣшало-бы дать болѣе подробный и обстоятельный отзывъ объ артеляхъ въ Архангельской губ. А. Ефименко, а если г. Сазонову нравятся и тенденции, и общія разсужденія по поводу артелей, то гораздо вѣрнѣе и полнѣе высказался по кореннымъ вопросамъ народной жизни, какъ общинѣ, артели, расколѣ совсѣмъ не Гакстгаузенъ, а напр., А. И. Щаповъ, хотя писавшій и нѣсколько позднѣе, но, во всякомъ случаѣ, человекъ не только обладавшій громадными историческими познаніями, но и самъ непосредственно изслѣдовавшій русскую народную жизнь.

Къ чему-же, г. Сазоновъ, было огорочь городить, когда «Обзоромъ литературы объ артеляхъ» далеко не исчерпывается литература объ артели; вѣдь для этого существуютъ указатели библиографическіе, напр., Межова въ приложеніи къ «Сборнику матеріаловъ объ артеляхъ». Якушкина въ его «Обычномъ правѣ». Если-же вы хотѣли указать на болѣе важныя изслѣдованія, въ которыхъ можно найти матеріалъ болѣе цѣнный, болѣе обработанный, то вамъ незачѣмъ было превозносить Гакстгаузена, которымъ теперь едва-ли кто, кромѣ славянофиловъ, будетъ пользоваться, когда находятся подъ руками и описанія подробнѣйшія артелей въ специальныхъ книгахъ,

каковъ «Сборн. матер. объ артеляхъ», Ф. Щербини—о южно-русскихъ артеляхъ. Вотъ объ этихъ-то книгахъ и слѣдовало-бы поговорить болѣе, слѣдовало оставить разныя увлеченія надежды и разочарованія, а заняться простымъ отыскиваніемъ матеріаловъ объ артеляхъ, добросовѣстно группировать ихъ и т. д.

Въ концѣ концовъ, г. Сазоновъ приходитъ въ такой азартъ, что тономъ прокурора обращается къ печати или изслѣдователямъ артели: «Такимъ образомъ, печать совершила вопіющее преступленіе: вмѣсто того, чтобы изучить, изслѣдовать вопросъ, поставить его на научную почву, она убила артельный вопросъ». (Введ. 282). Не сильно-ли сказано, г. Сазоновъ? Откуда-же самъ-то г. Сазоновъ почерпнулъ ту мудрость и тѣ познанія объ артели, которыя позволяютъ ему то вѣщать именемъ пророка, то казнить печать, то обращаться съ упрекомъ и даже съ негодованіемъ къ молодымъ ученымъ за ихъ, якобы, равнодушное отношеніе къ артели? Изъ напечатанныхъ статей г. Сазонова нигдѣ не видно, чтобы онъ самъ что-нибудь изучилъ или открылъ-бы какую-нибудь артель. Онъ говоритъ только нѣсколько словъ объ артели посылныхъ въ Петербургѣ, и говоритъ какъ будто по собственнымъ наблюденіямъ. И послѣ этого г. Сазоновъ выступаетъ на литературное поприще съ такими претензіями, что приходится только руками разводиться отъ недоумѣнія. То въ видѣ грознаго прокурора, г. Сазоновъ призываетъ къ суду печать и интеллигенцію, то обличая какихъ-то молодыхъ ученыхъ и, принимая позу влюбленнаго въ дѣвственницу-артель, начинаетъ рисовать ее въ многочисленныхъ прилагательныхъ, что она прекрасная, смиренная, забытая, то съ видомъ художника рисуетъ борьбу артели съ капитализмомъ, какъ борьбу агнца съ львомъ, то вдохновенно, какъ Писа, изрѣкаетъ конецъ борьбы, что артель побѣдитъ, что это такъ, что это будетъ такъ! И все это проводится подъ вывѣской обзора литературы артельного вопроса. Чѣмъ-же отличается г. Сазоновъ отъ публицистовъ, у которыхъ, по его словамъ, пустота, легкомысліе, невѣжество, непониманіе и обезьянчаніе передъ Европой?

Вотъ, еслибы Сазоновъ хоть одно какое-нибудь положеніе или новую мысль насчетъ артелей высказалъ и достаточно убѣдительно доказалъ ее, тогда-бы, конечно, и наше отношеніе къ нему было иное. Но не угодно-ли разобратся въ мнѣніяхъ г. Сазонова относительно упадка артели въ настоящее время и, притомъ, упадка до такой степени, «что въ большей части Россіи правильной артели уже не встрѣтишь, а встрѣчаешь артель искаженную, кулацкую, т. е. артель только по названію». (Прогр., 279). Между тѣмъ, нѣсколько ранѣе: г. Сазоновъ говоритъ, «можно предполагать, что теперь артель, при благоприятныхъ для нея обстоятельствахъ, была-
„Дѣло“, № 9, 1882 г., II.

бы явленіемъ первостепеннымъ, всеобъемлющимъ». Что-же помѣшало сдѣлаться артели всеобъемлющимъ явленіемъ, каковы были тѣ неблагоприятныя обстоятельства, которыя обратили правильную артель въ артель искаженную, артель по названію?

Вопросъ такой сложный и трудный рѣшается г. Сазоновымъ съ плеча, видите-ли: *вопреки народному духу, вопреки народнымъ симпатіямъ, интересамъ, совершилась величайшая историческая несправедливость—крѣпостничество*. Имущество, интересы матеріальныя, духовныя, даже самая жизнь милліонной массы народа, были отданы въ безусловное распоряженіе сотни счастливыхъ, въ большинствѣ чуждыхъ народу даже по крови, по происхожденію... Указанныя обстоятельства имѣли подавляющее, гибельное вліяніе на артель. (Пред. къ прогр. 278). Далѣе идетъ поясненіе въ такомъ родѣ: «только внѣшнія, для артели крайне неблагоприятныя историческія, экономическія и соціальныя условія получили слишкомъ сильное развитіе; они мѣшаютъ ея проявленію. душатъ ея развитіе. Стало быть, разъ ослабнуть или прекратятся эти условія, и артель высоко подниметъ свою голову, получить широкое приложеніе въ сферѣ экономическихъ и соціальныхъ отношеній, разовьется и освободится отъ паразитовъ, сосущихъ ее. Рано-ли, поздно-ли, это должно быть такъ, это будетъ такъ (I. е. 279)». Но, чтобы убѣдить читателя—мало пророчествъ и вдохновенной рѣчи, нужно доказать хоть коротенько то, о чемъ говорится. Крѣпостное право—слишкомъ крупное широкое, явленіе, а потому, приводя, его развращающее вліяніе на народную экономическую жизнь, слѣдовало бы поточнѣе выражаться. Можно въ данномъ случаѣ сдѣлать, напр., такое возраженіе: отчего-же при крѣпостномъ правѣ сохранилась родная сестра артели—община и отыскался даже ученый (Чичеринъ, то-же не изъ числа верхоглядовъ-западниковъ), который доказывалъ, что община образовалась подъ вліяніемъ крѣпостнаго права и мѣрами правительства. Кромѣ того, крѣпостное право, какъ его понимаютъ обыкновенно, не обнимало всего населенія Россіи, всей территоріи русской, напр., Архангельской губ. Сибири, а между тѣмъ, и тамъ наблюдается паденіе артелей. Покрутъ въ архангельскихъ рыболовныхъ артеляхъ извѣстенъ съ очень давнихъ временъ, съ XVI вѣка; еще въ XIII стол. в. кн. Андрей, въ договорѣ съ новгородцами, выговорилъ себѣ исключительное право посылать три ватаги на Терскую сторону. (А. Ефименко. 22. в. II. Сб. м. объ арт.). Однимъ словомъ, если подъ искаженными артелями, кулацкими, понимать несамостоятельныя артели, то онѣ существовали съ давнихъ поръ и существуютъ, конечно, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и не имѣли понятія даже о томъ крѣпостномъ правѣ, на которое такъ блистательно обрушился г.

Сазоновъ. И что-же мѣшаетъ артели приобрѣсти всеобъемлющее значеніе теперь, когда крѣпостнаго права въ извѣстномъ смыслѣ уже нѣтъ 20 лѣтъ?

Замѣчательнѣе всего, что г. Сазоновъ, ограничившись въ одномъ мѣстѣ какими-то внѣшними историческими, экономическими и социальными условіями, мѣшающими развитію артели, въ другомъ открываетъ новаго врага, какъ будто-бы не давно народившагося, грозящаго уничтожить артель; этотъ врагъ—капитализмъ. «Значеніе капитала у насъ все болѣе и болѣе растетъ, голосъ его раздается все громче и громче, требованія становятся все рѣзче и рѣшительнѣе, область его дѣйствій все расширяется. Отъ его алчности не спасается и артель. Какъ это происходитъ—понять не трудно, если припомнить, что въ мірѣ есть царь; этотъ царь безопаденъ, голодъ—прозванье ему. Голодная, до чиста обираемая, забитая, но сильная, почти могучая своимъ существомъ, проникнутая великими принципами общности, равноправности, кроткая, смиренная дѣвственница-артель вступаетъ или скоро должна вступить въ рѣшительный бой съ врагомъ. А врагъ ужасенъ. Будучи самъ по себѣ богатыремъ съ ногъ до головы, закованный въ несокрушимые доспѣхи науки, знанія, прогресса, онъ—любимое дѣтище государства, печати, хитрый, все рассчитывающій, безжалостный, жестокой, нещадящій ни женъ, ни дѣтей, съ безмѣрнымъ аппетитомъ, съ неукротимымъ желудкомъ». (Народн. артели. Р. М. 81. 4. 328). Кажется, чего тутъ предвидѣть борьбу артели съ капитализмомъ, когда самъ-же г. Сазоновъ говорилъ, что крѣпостное право оказало на артель такое подавляющее, гибельное вліяніе, что въ результатъ вышелъ полнѣйшій упадокъ артели, что правильной артели, въ болѣе части Россіи, почти уже не встрѣтишь, такъ неужели еще она устоитъ передъ этимъ чудовищемъ-капитализмомъ. И г. Сазоновъ какъ-будто на минуту тоже задумывается передъ подобной дилеммой, но восторженное состояніе мѣшаетъ ему разсуждать, и онъ, точно въ гипнотическомъ состояніи, начинаетъ прорицать: «какая невиданная борьба, какая необыкновенная трагедія: кроткій агнецъ вступаетъ въ борьбу съ кровожаднымъ львомъ! Да возможна ли борьба? Левъ въ минуту пожретъ овцу—и конецъ (проснулся какъ-будто на секунду, но не надолго). Къ счастью для человечества, не всегда грубая сила одолеваетъ (а къ несчастью читателей, г. Сазоновъ не можетъ долго разсуждать и опять впадаетъ въ сомнамбулическое состояніе). Мнѣ вспоминается библейскій юноша, слабый, кроткій, дѣвственный, бозоружный, но проникнутый великой идеей; онъ выходитъ на борьбу съ могучимъ, искуснымъ богатыремъ, закованнымъ въ желѣзо, вооруженнымъ, самоувѣреннымъ, издѣвающимся надъ врагомъ. Взмахъ пращи юноши,—и богатырь

паль, и его-же мечомъ юноша отрубаетъ богатырскую голову. Предомной одинокій, беспомощный, но сильный духомъ, сознаниемъ, Христосъ несетъ въ міръ могучую идею братства, любви; дикая, грубая сила распинаетъ его, но не распяла идею и т. д. (въ концѣ какъ-бы приходитъ въ сознаніе и заканчиваетъ тираду какъ-бы въ полномъ разумѣ). Настоящій моментъ историческій замѣчательнъ, и онъ, быть можетъ, самый великій именно потому, что наступаетъ рѣшительная борьба смертельныхъ враговъ: общинно-артельности и капитализма, борьба болѣе трудная, хоть и не на мечахъ». (I. е. стр. 328). Еще позволю себѣ сдѣлать маленькую выдержку изъ Сазонова: «артель... это тотъ именно проблемматическій, сказочный нашъ богатырь, который можетъ вступить въ борьбу, борьбу на жизнь и смерть, съ современнымъ чудовищемъ, стоголавою гидрой; мало этого, при благоприятныхъ обстоятельствахъ онъ можетъ одолѣть чудовище, и если одолѣетъ, счастье, благоденствіе, миръ и любовь разольются на землѣ, а страданіямъ, бѣдствіямъ, плачу и скрежу зубовъ настанетъ конецъ и т. д. (I. с. 330).

Возражать Сазонову нѣтъ никакой возможности, и чтобы нѣсколько ориентироваться въ этомъ хаосѣ словоизверженія, приведу нѣсколько мнѣній насчетъ будущности артели изъ авторовъ, лучше г. Сазонова изучавшихъ артель. Ф. Щербина говоритъ: «Въ лучшей обстановкѣ, артели только упорно отстаиваютъ свое существованіе и весьма немногія изъ нихъ заключаютъ сами въ себѣ прогрессивно реформирующія свойства. Ждать поэтому отъ нихъ противодействия противъ быстро разрастающихся съѣтъ капиталистическихъ стремленій, направленныхъ на народную производительность и трудъ, конечно, никакъ нельзя. Капиталъ и капиталистическая тенденція давятъ на нихъ извнѣ и разрушаютъ ихъ извнутри» (I. с. у Исаева, 318). А г. Исаевъ выражается насчетъ будущности артелей, такъ: «не подлежитъ сомнѣнію, что артельная форма, разъ она не будетъ предметомъ внѣшняго воздѣйствія, будетъ получать все болѣе рѣдкое примѣненіе. И рѣдкость примѣненія будетъ слѣдствіемъ давленія на артели капиталистическихъ предпріятій» (I. с. 319).

Наше мнѣніе по этому вопросу такое: прежде чѣмъ сулить артели ту или иную будущность, нужно самымъ тщательнымъ образомъ изслѣдовать ее, выяснитъ причины ея распадѣнія внутреннія или внѣшнія, а безъ подобнаго обслѣдованія, подводить итоги и дѣлать предсказанія на основаніи неполнаго литературнаго матеріала насчетъ дальнѣйшей ея участи—невозможно. Самое главное, что въ нашей литературѣ почти не обращено вниманія на нравственно-воспитательное значеніе артели для рабочаго класса, которое несомнѣнно присуще ей; не обращено вниманія такъ-

же и на то, насколько артель способна къ активной борьбѣ съ капиталомъ; мало изслѣдованы отношенія артелей между собою, насколько, при подобныхъ обстоятельствахъ, силенъ законъ конкуренціи и т. д. По нашему мнѣнію, въ настоящее время необходимѣ всего сдѣлать сводъ существующему матеріалу объ артеляхъ, сводъ самый полный, попытку къ чему и видимъ въ трудѣ г. Исаева, хотя попытку далеко не совершенную. Послѣ подобнаго свода необходимо заняться изученіемъ артелей на мѣстѣ и мѣстными изслѣдователями и обратить самое тщательное вниманіе на экономическую и бытовую сторону артели.

В. Остроумовъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. (1754—1796). Историческое
изслѣдованіе *Дмитрія Кобеко*.

„Понять—значить простить“—глубоко вѣрная мысль, прекрасное, гуманное правило. Но это одна изъ тѣхъ мыслей, съ которыми дѣлать почти нечего, одно изъ тѣхъ правилъ, которыя часто цитируются для красоты слога, но которымъ рѣдко кто руководствуется. Какъ бытъ! Человѣку, а въ особенности современному человѣку, трудно усвоить себѣ это, положимъ, прекрасное, но слишкомъ ужъ отвлеченное, идеальное, такъ сказать—неземное ученіе о всепрощеніи, всепримиреніи, всеобъемлющей любви. Грудь ноетъ отъ надсады, спина болитъ отъ ударовъ, сердце разрывается отъ печали и гнѣва—какая ужъ тутъ «любовь», помилуйте! «То сердце не научится любить, которое устало ненавидѣть»—чуткій, искренній и мыслящій поэтъ нашъ не даромъ-же сказалъ это. Онъ выразилъ этимъ не свое только, но общее чувство, и чувство, не въ обиду будь сказано поклонникамъ историческаго и всякаго другого объективизма, не только вполне понятное, но и почтенное.

Къ числу этихъ поклонниковъ принадлежитъ и г. Кобеко. Для автора это обстоятельство въ настоящемъ случаѣ очень выгодно, потому что не будь онъ до такой степени безстрастенъ, объективенъ, холоденъ и даже вялъ, его трудъ просто на-просто не могъ бы появиться въ свѣтъ. Но г. Кобеко обладаетъ талантомъ говорить невозмутимѣйшимъ тономъ о самыхъ возмутительнѣйшихъ, вещахъ и можетъ поэтому братья за самыя, такъ сказать, колючія темы. Все это, однако-же, не значитъ, что г. Кобеко только лѣтописецъ, рассказчикъ фактовъ и не имѣетъ никакихъ намѣреній, не преслѣдуетъ никакихъ нравственныхъ цѣлей. «Смѣю надѣяться, говоритъ авторъ въ «послѣсловіи» къ своему труду,—что

личность цесаревича Павла Петровича представится безпристрастному читателю не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ изображаютъ ее иностранные историки, а, съ ихъ голоса, и нѣкоторые русскіе писатели. Даровитый, образованный, прямодушный, другъ порядка и законности, цесаревич невольно привлекаетъ къ себѣ сочувствіе. Причины, подъ вліяніемъ которыхъ измѣнился его характеръ и вслѣдствіе которыхъ, по выраженію одного изъ преданныхъ ему людей, князя И. М. Долгорукаго, разсудокъ его былъ потемнень, сердце наполнено желчи и душа гнѣва, я старался, на сколько то было возможно, выяснить».

Таковы цѣли и таковы, вмѣстѣ съ тѣмъ, научно-историческіе приемы г. Кобеко. Оправдать,—такова его цѣль; оправдать посредствомъ выясненія причинъ,—таковъ его основной, главнѣйшій приемъ. Спорить съ г. Кобеко мы, разумѣется, не станемъ, потому что мы говоримъ съ нимъ на различныхъ языкахъ, и намъ другъ друга не понять. Но нельзя все-таки не замѣтить, что его надежда—привлечь «безпристрастнаго читателя» на свою сторону,—надежда напрасная. Фактъ «потемненнаго разсудка» и «сердца наполненнаго желчью», какъ былъ такъ и остался фактомъ въ глазахъ какого угодно «безпристрастнаго читателя». А въ этомъ все дѣло. Исторія есть сумма поступковъ и дѣятельствъ не потенциальныхъ, если такъ можно выразиться, а конкретныхъ личностей и только эти послѣдніе и подлежатъ нашему суду. Анализировать условія, сформировавшія данную личность такимъ, а не этакимъ образомъ,—это гораздо болѣе дѣло психологій, нежели исторій, для которой важенъ результатъ, а не процессъ. Исторія не должна и не можетъ разсуждать на тему «если-бы» да «кабы». Не только историческіе, но и всѣ мы, зауряднѣйшіе люди, безъ сомнѣнія, могли-бы быть лучше, нежели каковы мы есть на самомъ дѣлѣ, но цѣнять насъ не по тому, что мы могли-бы дѣлать, а по тому, что мы дѣлаемъ или сдѣляли. И это справедливо. Другого критерія не можетъ быть уже потому, что намъ никогда-бы не разобраться среди безчисленныхъ претензій, жалобъ на «среду», на обстоятельства, на то да на се,—мало-ли что человѣкъ можетъ придумать себѣ въ оправданіе и въ извиненіе! Идя этимъ путемъ, какъ разъ договоришься до «даровитаго, прямодушнаго» человѣка, «друга порядка и законности»—съ «омраченнымъ умомъ» и «наполненнымъ желчью сердцемъ». Кабы не жена да не дѣти, говорить у одного писателя нѣкій жандармскій полковникъ, такъ я-бы первымъ либераломъ былъ. Кромѣ пожатія плечами, чѣмъ можно отвѣтить на это? Но г. Кобеко думаетъ иначе. Убѣдившись добросовѣстными и подробными изысканіями, что, дѣйствительно, у полковника большая семья, содержать которую стоитъ дорого, онъ

съ убѣжденіемъ скажетъ: этотъ полковникъ,—первый либераль Приятно попасть подъ судъ такого невѣроятно - снисходительнаго судьи.

Такимъ образомъ, въ идейномъ отношеніи трудъ г. Кобеко рѣшительно не удовлетворитъ сколько-нибудь мыслящаго читателя. Но это не мѣшаетъ ему, тѣмъ не менѣе, быть трудомъ очень почтеннымъ и добросовѣстнымъ. Заключенія автора такъ при немъ навсегда и останутся, но богатымъ фактическимъ матерьяломъ, хорошо и толково къ тому-же расположеннымъ, читатель воспользуется. Объясняя личность цесаревича, рассказывая намъ объ условіяхъ его воспитанія, г. Кобеко тѣмъ самымъ характеризуетъ среду, которая, по многимъ причинамъ, не можетъ пока не интересовать насъ. Характеристика получается, дѣйствительно, замѣчательная, — яркая, выразительная и, помимо желанія ультра-объективнаго г. Кобеко, съ очень опредѣленной идеей. Мы, не будемъ приводить фактовъ, касающихся развитія и воспитанія цесаревича, отсылая читателя къ самой книгѣ. Замѣтимъ только, что эти факты таковы, что не нуждаются почти въ подборѣ, въ группировкѣ, и каждый изъ нихъ говоритъ не менѣе вразумительно и ясно, нежели всѣ они во всей своей совокупности. Личность цесаревича, когда читатель знакомится съ условіями его жизни и воспитанія — мы въ этомъ согласны съ г. Кобеко — дѣйствительно «невольно привлекаетъ къ себѣ сочувствіе», то, которое переходитъ въ состраданіе. Не пожалѣть цесаревича нѣтъ возможности но — и это самый существенный пунктъ, — еще болѣе нѣтъ возможности не пожалѣть отечество наше. Этой стороны дѣла г. Кобеко не касается; онъ хлопочетъ исключительно о томъ, чтобы доказать, что цесаревичъ не былъ обдѣленъ природою и въ своихъ недостаткахъ рѣшительно не виноватъ. Боже мой! Конечно, не виноватъ, такъ какъ, съ высшей точки зрѣнія, никто и ни въ чемъ никогда не виноватъ. Но «не виноватъ» не значитъ безгрѣшенъ, а значитъ только—«неволенъ». Христось молился за своихъ мучителей, потому что они «не вѣдали, что творили», но онъ *молился* за нихъ, т. е. признавалъ ихъ грѣхи и передъ собою, и передъ Богомъ и передъ справедливостью.

Эпиграфомъ (а вѣдь эпиграфъ, по обычаю, долженъ резюмировать или основную мысль, или общій характеръ даннаго произведенія) къ своей книгѣ г. Кобеко избралъ слѣдующій отрывокъ изъ письма цесаревича къ Сакену: «Si j'étais dans le cas d'avoir besoin d'un parti, alors j'aurais pu me taire sur des désordres, pour ménager certaines personnes; mais étant ce que je suis, je ne peux avoir ni parti, ni intérêt, que celui de l'Etat, et il est dur de voir, avec mon caractère, que les choses vont de travers et surtout que la né-

gligence et les vues personnelles en sont la cause,—j'aime mieux être haï en faisant bien, qu'aimé en faisant mal».

Прекрасныя, разумѣется, можно сказать, даже возвышенныя слова. Но что они доказываютъ, о чемъ свидѣлствуютъ? Не фактъ доказываютъ, а свидѣлствуютъ лишь о добрыхъ намѣреніяхъ цесаревича. А люди, еще разъ повторяемъ, характеризуются не намѣреніями, а дѣлами.

Жизнь и произведенія Тараса Шевченко. (Сводъ матерьяловъ для его біографіи). Съ портретомъ. Составилъ *М. К. Чалый*. Кіевъ 1882.

Г. Чалый — страстный почитатель поэзіи и личности знаменитаго малороссійскаго поэта. Сказать это — значить предостеречь читателя. Любовь и, въ особенности, страстная, какъ извѣстно, слѣпа и довѣряться ей руководству было-бы верхомъ неосторожности. Кромѣ того, г. Чалый человѣкъ крайне наивный, человѣкъ, можно сказать, не отъ міра сего, живущій среди фантомовъ, а не среди реальныхъ явленій. Мотивируя въ предисловіи необходимость и своевременность своего критико-біографическаго труда, г. Чалый задаетъ, напр., такой вопросъ: «не пора-ли намъ перестать смотрѣть на этотъ классъ людей (на поэтовъ и вообще на писателей), какъ на бесполезныхъ членовъ нашего дѣловаго поколѣнія? Въ мірѣ существуетъ не одна матерьяльная дѣятельность, и чѣмъ рѣже встрѣчается дѣятельность умственная, тѣмъ она должна быть для насъ дороже». Во времена Очакова и покоренія Крыма, даже, пожалуй, во времена болѣе болѣе близкія къ намъ, въ эпоху разгара крѣпостничества, когда, напр. (какъ рассказываетъ тотъ-же г. Чалый), „между прислугою гр. Орлова находились: архитекторъ и живописецъ, нѣсколько поэтовъ, астрономъ и даже богословъ“ (27), вопросъ автора имѣлъ-бы смыслъ. Но можетъ-ли онъ имѣть смыслъ въ наше время? Какой малолѣтній гимназистъ не разсмѣется теперь надъ этимъ комически-торжественнымъ заявленіемъ автора, что „въ мірѣ существуетъ не одна матерьяльная дѣятельность“? И кто-же сомнѣвается теперь въ огромномъ общественномъ значеніи литературы и журналистики? Правда, „мы до сихъ поръ не имѣемъ полной біографіи Пушкина, Лермонтова, Гоголя“, какъ меланхолически замѣчаетъ г. Чалый. Но правда, однако-же, и то, что Пушкину уже поставленъ, а Лермонтову и Гоголю будутъ поставлены памятники, матерьяльныя средства на которые не были «ассигнованы авансомъ» изъ государственнаго казначейства, а собирались и собираются по рублямъ и трехрублев-

камъ. Развѣ это не доказательство общественнаго сочувствія, развѣ это не есть свидѣтельство уваженія къ силѣ слова, ума, художественнаго таланта? Рѣшительно не понимаемъ, чѣмъ разогорченъ г. Чалый. А что касается «полныхъ біографій», которыхъ мы не имѣемъ, то это очень понятно: на нихъ нѣтъ въ обществѣ запроса а нѣтъ запроса не потому, что нѣтъ уваженія, какъ думаетъ г. Чалый, а исключительно потому, что у русскаго общества есть дѣла на рукахъ поважнѣе, нежели всякаго рода гробкопательство. Жизнь и человѣческая личность замѣчательныхъ поэтовъ далеко не всегда бываютъ замѣчательны и, во всякомъ случаѣ, всевозможныя «полныя біографіи» представляютъ собой нѣкоторымъ образомъ литературную роскошь, которую могутъ позволить себѣ такія богатая литературы, какъ англійская, нѣмецкая, французская, но которая пока намъ еще рѣшительно не по карману. Что сказали-бы мы, если-бы русскій писатель съ знаніями и талантомъ, равными знанію и таланту Льюиса, разрѣшился вдругъ полной біографіей Гетѣ? Мы сказали-бы ему: „рабъ лукавый и лѣнивый...“

Въ своей любви къ Шевченко, г. Чалый доходитъ иногда до неподдѣльнаго комизма. Нужно сказать читателю, что Шевченко имѣлъ одну слабость, довольно обычную среди нашихъ даровитыхъ людей, въ особенности предшествовавшихъ поколѣній: онъ много и сильно пилъ. Объяснить и даже оправдать эту слабость нисколько не затруднительно: сначала столь естественное въ русскомъ мыслящемъ человѣкѣ желаніе «забыться и заснуть», а потомъ, когда личныя условія жизни даннаго субъекта измѣнились (какъ это и было у Шевченко) къ лучшему,—привычка, съ которою изъ сотни развѣ только одинъ можетъ справиться—вотъ вамъ и все объясненіе. О чемъ тутъ распространяться много? Тутъ, если угодно, есть надъ чѣмъ погрузиться, есть о чемъ попечалиться,—вѣдь люди себя губятъ, тѣ люди, о которыхъ именно Гамлетъ и сказалъ—«человѣкъ онъ былъ»—но нѣтъ ровно ничего, что нуждалось-бы въ какой-нибудь особенной защитѣ, какъ какой-нибудь проступокъ противъ нравственности. Можно сказать даже болѣе и совершенно серьезно сказать: въ этой слабости есть что-то симпатичное, что-то располагающее къ человѣку. Посмотрите: великосвѣтскіе хлыщи, карьеристы-чиновники, червонные валеты, кабатчики, трактирщики обыкновенно отличаются „прекраснымъ поведеніемъ“ и въ ротъ хмѣльнаго не берутъ, что не мѣшаетъ имъ оставаться прохвостами чистѣйшей пробы. «Подгулявшій» человѣкъ обыкновенно—экспансивный человѣкъ, а экспансивность—качество очень неудобное для тѣхъ людей, у которыхъ душа неопятна.

Но слабость все-таки остается слабостью и идеализировать ее не къ чему. Нѣтъ въ ней безнравственности, но грязнотцы даже очень достаточно, и, во всякомъ случаѣ, она свидѣтельствуешь о томъ, что не человѣкъ жизнь, а жизнь человѣка побѣдила. Теперь посмотрите-же, что дѣлаетъ колѣнопреклоненный г. Чалый. Впер-выхъ, онъ, «какъ тѣнь или вѣрная жена», слѣдуетъ за Шевченко, когда тотъ отправляется съ визитомъ къ Бахусу, и если не считаешь рюмки—счесть ихъ невозможно—то все-таки, по силѣ возможности, ведетъ нѣкоторый реестрикъ загуламъ своего идола, при чемъ—совершенно, какъ «вѣрная жена»—почти каждый разъ охаетъ и ноетъ. Такъ, на стр. 34, онъ тащится за Шевченко на квартиру Брюлова, гдѣ обыкновенно «происходило страшное безобразіе и великое пьянство», и стыдливо ставитъ многоточіе, а на стр. 38 плетется за по-томъ въ нѣкое «общество мочемордія» (мочить морду—пить) и меланхолически замѣчаетъ: «пили до разсвѣта». На стр. 101 сообщается, что Шевченко «здорово убилъ муху и закутилъ на нѣсколько дней», а на стр. 102, что онъ «порядочно напоздравлялся». На стр. 113 рассказывается, какъ Шевченко спрашивалъ обыкновенно въ гостяхъ «водички», а черезъ нѣсколько строкъ—какъ онъ будучи, «въ нѣкоторомъ подпитіи», дѣлалъ предложеніе одной актрисѣ. Актриса отказала Шевченко и онъ, на стр. 115, «запилъ надолго». На стр. 142 поэтъ живетъ, «усердно поклоняясь Бахусу» а на стр. 150 онъ, въ обществѣ пріятелей, пьетъ «до положенія ризъ и зарывшись, по шею въ песокъ, не хочетъ оттуда вылазить». «Безобразники»—ноетъ г. Чалый по этому поводу. Наконецъ, на стр. 157 г. Чалый впадаетъ въ совершенное отчаяніе, не видя никакой возможности уберечь своего идола отъ «безобразниковъ»-пріятелей. «Ужь если, безнадежно восклицаетъ онъ,—такой человѣкъ, какъ Н. И. Костомаровъ, ожидая гостя, припасалъ бутылку рому къ чаю, которую Тарасъ Григорьевичъ опоражнивалъ въ одинъ присѣсть, то-что сказать о другихъ заправскихъ хлѣбосолахъ, которые и сами не прочь выпить и закусить, коли случится хорошій человѣкъ». Бѣдная „вѣрная жена“!

«Вѣрной женѣ», конечно, было-бы простительно все это нытье, все это исчисленіе рюмокъ, стакановъ, бутылокъ, запоевъ. Но вѣдь г. Чалый—біографъ. Вѣдь его первая и даже единственная обязанность состоитъ въ томъ, чтобы сообщать намъ факты, характеризующіе личность человѣка, о которомъ онъ рассказываетъ. Что Шевченко пилъ—это фактъ характеристичный, о которомъ умолчать нельзя. Но что Шевченко пилъ у Костомарова ромъ а у другихъ «водичку»—это сообщеніе не стоитъ мѣднаго гроша. Объ этомъ можетъ подробно рассказывать именно жена своей кумѣ, которая въ свою очередь объяснить, что «мой» рома не любитъ, а

пѣть коньякъ. Между тѣмъ, какъ и читатель могъ убѣдиться, подобными «женниными», бабьими сообщеніями разсказъ г. Чалаго преизобилуетъ, да такъ преизобилуетъ, что на обстоятельный разсказъ о фактахъ другой категоріи (напр., хоть-бы о томъ какъ генераль-адъютантъ Перовскій билъ Шевченко по лицу) остается мало мѣста, да и нѣтъ у г. Чалаго на то охоты. Объ этомъ, впрочемъ, ниже. Разсказавши, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, о пьянственныхъ похожденияхъ Шевченко, г. Чалый начинаеть защищать его. Ему, истинно по бабьи, слабость Шевченко, о которой достаточно было упомянуть, кажется такимъ грѣхомъ, такимъ порокомъ, что не постараться какъ-нибудь облѣить его—рѣшительно невозможно. И вотъ, г. Чалый ссылается на Костомарова, который свидѣлствуетъ, что видѣлъ Шевченко «одинъ только разъ пьянымъ» («гм—гм!») скажетъ читатель, вспомнивши о пресловутой бутылкѣ рома), на Писарева, который говоритъ, что «человѣкъ съ умомъ и душою не предложитъ наглаго вопроса: зачѣмъ пьютъ, зачѣмъ кутать наши даровитые люди»? и, наконецъ, на Пушкина, который сказалъ: «толпа жадно читаетъ и слушаетъ разсказы о слабостяхъ замѣчательныхъ людей». Отъ себя-же собственно г. Чалый подноситъ такой афоризмъ: «у исключительныхъ личностей, у огненныхъ натуръ все громадно, необыкновенно и ихъ нельзя мѣрять на свой аршинъ» (204). Смыслъ афоризма ясенъ. Если вы, человѣкъ заурядный, вышиваете обыкновенную рюмку передъ обѣдомъ, то великому человѣку требуется рюмка—«громадная, необыкновенная»—такъ, штофа въ полтора, примѣрно. Вы не считаете себя пьяницей за свою рюмку, не считайте пьяницей и Шевченко за *его* рюмку. Ничего не можетъ быть проще и остроумнѣе. Разгуливаясь все шире да шире, г. Чалый кончаетъ свою защиту тѣмъ, что возводитъ чуть-ли не въ доблесть частые загулы Шевченко. Онъ приводитъ слова какого-то художника, Л. Жемчужникова, что «не отъ кого скрывать печальныхъ дней Шевченко; но не въ смѣхъ они послужатъ, а составятъ славу и честь человѣка» и прибавляетъ въ видѣ какой-то—не то стишины, не то надгробной надписи:

Заѣдая чарку ячменными зернами, Кобзарь нашъ
Памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный—
monumentum acre perennius.

Это, разумѣется, еще остроумнѣе. Мы полагали, что Шевченко воздвигъ себѣ нерукотворный памятникъ, *не смотря* на чарку; оказывается, что памятникъ воздвигся, *благодаря* чаркѣ, что „печальные дни“ Шевченко, т. е. попросту, дни запоя, составятъ «славу и честь» его. Вотъ, вѣдь, до чего можно договориться, желая во что-бы то ни стало сдѣлать черное бѣлымъ и измѣнить не измѣнимое!

Г. Чалый, не смотря на свой энтузіазмъ къ Шевченкѣ, не понимаетъ его и унижаетъ своей защитой, въ которой симпатичный поэтъ нисколько не нуждается. Лучшая защита Шевченко—вся его жизнь. Прочтите мрачную и скорбную повѣсть этой жизни, представьте себѣ эту нѣжную, чуткую, истинно-поэтическую натуру, которой довелось, почти безъ передышки, пробираться сквозь строй—именно «сквозь строй» жизненныхъ условій, половины тяжести которыхъ было-бы достаточно, чтобы согнуть какія угодно плечи—и подивитесь достоинству и выносливости благородной природы человѣка вообще и Шевченки въ частности. Не то удивительно, что жизнь привила Шевченкѣ нѣкоторыя слабости, удивительно то, что она не уничтожила въ немъ его достоинствъ, не заглушила его способностей, не развратила его душу. «Довольно сказать, говорить г. Чалый, что изъ недолгаго своего 47-лѣтняго существованія только нѣсколько лѣтъ нашъ поэтъ жилъ вполне свободнымъ человѣкомъ гражданиномъ. У иного счастливца въ жизни можно сосчитать дни горя, у него немногіе счастливые дни. Первые 24 года своей жизни (1814—1838) онъ прозябалъ въ крѣпостномъ состояніи: десять лѣтъ (1847—1857) содержался въ крѣпостяхъ, что составитъ 34 года. Стало быть, на его долю осталось только 13 лѣтъ вольной, независимой жизни (8). Дѣйствительно, «довольно сказать» это... Самымъ мрачнымъ періодомъ жизни Шевченки былъ безспорно десятилѣтній періодъ его пребыванія въ глухой, заброшенной крѣпости, куда онъ былъ сосланъ въ качествѣ рядового за то, что «какъ-то разъ вздумалъ прочесть въ веселой компаніи нѣсколько своихъ вольнодумныхъ стихотвореній». Въ крѣпости ему запрещено было и писать и рисовать, и запрещеніе это было до того серьезно, что когда главный начальникъ Шевченки, ген. Обручевъ, «представилъ превосходный альбомъ (исполненный Шевченко) видовъ Аральскаго моря и официально ходатайствовалъ о производствѣ Шевченко въ унтеръ-офицеры» генералу былъ сдѣланъ изъ Петербурга выговоръ за то, что онъ позволяетъ Шевченкѣ рисовать. Вскорѣ наступили другія, еще худшія времена для поэта. «Послѣ смѣны Обручева генераль-адъютантомъ Перовскимъ, на кабинетный столъ послѣдняго положили однажды одинъ изъ наиболѣе удачныхъ степныхъ рисунковъ Шевченко, въ надеждѣ, что Перовскій обратитъ на него вниманіе и спроситъ, кто его дѣлалъ, и такимъ образомъ дать возможность походатайствовать о несчастномъ художникѣ. Но грозный генералъ лишь только увидѣлъ рисунокъ, тотчасъ догадался, чей онъ, бросилъ его на полъ и сказалъ окружающимъ, чтобъ они не смѣли напоминать ему объ этомъ негодяѣ» (76). Нравственное настроеніе Шевченко за это время хорошо обрисовывается отрывками изъ его писемъ

которыя онъ писалъ иногда контрабандою. «Укрѣпленіе, пишетъ Шевченко,—лежитъ на СВ. берегу Каспійскаго моря, въ киргизской пустынѣ. Песокъ да камень; хоть-бы травка, хоть-бы деревцо—ничего нѣтъ! Даже горы порядочной не увидишь; смотришь-смотришь, да такая тебя тоска возьметъ, просто хоть давись, да и удавиться не чѣмъ... Родился я и выросъ въ неволѣ, да и умру, кажется, солдатомъ. Какой-нибудь да былъ-бы конецъ, а то право надоѣло».

Въ другомъ письмѣ, отъ 15 іюля 1853 года, поэтъ возглашаетъ: „Я ницѣй въ полномъ смыслѣ этого слова и не только матеріально, но и душою, и сердцемъ обнищаль. Шестой годъ не пишу, не рисую и не читаю. А якъ-бы ты побачивъ, мижъ якимъ людомъ верчуся я! А я у нихъ въ кулакѣ сижу: давать, безъ всякаго милосердія давать, а я повиненъ ще й кланяться, а то визьме разомъ та й раздавить, якъ ту вошу мижъ ногтями“ (77). Въ слѣдующемъ письмѣ Шевченко пишетъ: „Генераль Фрейманъ представилъ меня въ унтеръ-офпцеры, а передъ Паскою почта привезла приказъ Л—каго, чтобъ взять меня въ руки и къ прїѣзду сдѣлать изъ меня непремѣнно образцоваго фрунтовика, и изъ меня, теперъ 50-ти лѣтняго старика, тянуть жилы по 8 часовъ въ сутки.

Но все это несповѣдимое горе прошло, какъ будто не касаясь меня, малѣйшаго слѣда не оставило по себѣ. Ни одна черта въ моемъ внутреннемъ образѣ не измѣнилась“ (81).

Къ сожалѣнію, г. Чалый крайне скупъ на письма Шевченки, приводитъ изъ нихъ только коротенькіе отрывки, а объ избіеніи поэта гр. Перовскимъ даже не рассказываетъ, а просто ссылается на «Историческій Вѣстникъ» № 4 1882: ищи, дескать, благосклонный читатель самъ, а мнѣ некогда, надо рюмки считать.—Разумѣется, подобная обстановка не могла не повліять на поэта, и съ его стороны было самообольщеніемъ утверждать, что «ни одна черта не измѣнилась въ его внутреннемъ образѣ». Деревомъ или камнемъ, надо быть, чтобы не измѣниться, не ослабѣть духомъ среди такихъ условій и если-бы, повторяемъ, Шевченко вовсе палъ подъ ихъ тяжестью, онъ сохранилъ-бы все-таки всѣ права на нашу симпатію. Вліяніе этихъ условій на нравственную личность Шевченки читатель можетъ прослѣдить безъ труда даже по скуднымъ даннымъ, сообщаемымъ г. Чалымъ, но останавливаться на нихъ мы, разумѣется, не станемъ. Не въ нихъ дѣло. Намъ дорогъ тотъ святой ореолъ мученичества, который окружаетъ память Шевченки не менѣе яркимъ сіяніемъ, чѣмъ его поэтическая слава, и въ его виду было-бы просто недостойною мелочностью копаться въ пустякахъ, не имѣвшихъ значенія даже для современниковъ, и тѣмъ

болѣе безразличныхъ для насъ, «позднихъ потомковъ». Пусть ужъ этимъ дѣломъ занимаются почитатели-біографы.

Князь Нони. Сутки нынѣшняго свѣтскаго человѣка. *Кн. В. П. Мещерскаго.* Спб. 1882.

Князь Мещерскій рѣшительно драгоцѣнный человѣкъ для литературы. Онъ очень недалекъ, этотъ бѣдный князь, но онъ неутомимъ, во-первыхъ, а во-вторыхъ, такъ откровененъ, что извѣстная откровенность «Новаго Времени», въ сравненіи съ откровенностью князя, представляется чистѣйшей талейрановщиной. Князь Мещерскій «что ни думаетъ, все вслухъ», какъ сказалъ о комъ-то Кузьма Прутковъ. А думаетъ онъ обо всемъ, интересуется всѣмъ и шумитъ, шумитъ, какъ Репетиловъ чистѣйшей воды. Дѣятельность его заключается, главнѣйшимъ образомъ, въ томъ, что онъ неутомимо рыскаетъ по ресторанамъ, переднимъ, приемнымъ, швейцарскимъ, лакейскимъ, въ которыхъ у него всегда есть старые знакомые, получающіе или когда-нибудь (въ періодъ подписки, обыкновенно) получавшіе отъ него на чай и потому считающіе своимъ долгомъ сообщить ему самыя свѣжія новости. Какія новости? Что можетъ знать лакей или швейцаръ? Многое, господа читатели. Сегодня NN налился у Бореля, а вчера М. М. папился у Дюссо. Третьяго дня такой-то сошелся съ Амальхенъ, а на прошлой недѣлѣ такой-то разошелся съ Каролинхенъ. «Ну, такъ что-жь? спросите, быть можетъ, вы. Зачѣмъ мнѣ знать обо всей этой чепухѣ, объ этихъ ресторанныхъ и другихъ похожденияхъ?» Святая провинціальная простота! Да въ этомъ-то, преимущественнѣйше, и состоитъ главный нервъ нашей, т. е., петербургской жизни. Не плюйте въ колодезь: пригодится напиться. Не призирайте Амальхенъ: придется поклониться. Амальхенъ—сила, а если сила Амальхенъ, то сила и ея лакей, ея швейцаръ, ея горничная и, значитъ, сила и кн. Мещерскій, который со всѣмъ этимъ людомъ состоитъ на короткой ногѣ, знаетъ всѣ ихъ лакейскія тайны и, *стало быть*, съ полною компетентностью можетъ рѣшить и то, «Чѣмъ намъ быть?» и то, «Куда намъ идти?» Преползнѣйшій писатель, милостивые государи!

Кн. Мещерскій даже симпатиченъ по своему, какъ симпатиченъ былъ по своему и Репетиловъ. Кн. Мещерскій—мученикъ своего дѣла. Не легкая это обязанность—съ утра до вечера рыскать по швейцарскимъ, собирать вѣсти и слухи, простаивать по часамъ въ разныхъ приемныхъ и въ концѣ концовъ добиться только того, что ваше имя стало браннымъ прозвищемъ, вашъ журналъ продается съ аукціона за 50 к. с., а газетныя лиходѣи откапываютъ такіа

интимныя подробности вашей личной жизни, что хоть сквозь землю провались отъ стыда. Посмотрите-же на нашего князя: не смотря ни на что, онъ не падаетъ духомъ и, если такъ можно выразиться, не тускнѣетъ лбомъ. Фельетонисты, какъ зазорные гимназисты, «дразнять» его: «князь Мещерскій! князь Мещерскій!» а онъ находчиво рипостируетъ: «прохвосты! мерзавцы!» (эти словечки повторяются въ «Нони» разъ двадцать, по крайней мѣрѣ) и такимъ образомъ сквитывается съ своими обидчиками. Продали журналъ—ничего не значить; можно выхлопотать обязательное приобрѣтеніе волостными правленіями и свѣтскими и духовными школами своихъ патріотическихъ изданій. Въ отвѣтъ-же на непріятныя напоминанія объ «интимныхъ подробностяхъ», можно разразиться, какъ ни въ чемъ не бывало, какою-нибудь пылкою проповѣдью высоко-нравственнаго содержанія. Въ результатъ—живь, живь курилка и будетъ, по всей вѣроятности, еще очень долго живь.

На этотъ разъ экскурсія кн. Мещерскаго по переднимъ и швейцарскимъ были довольно плодотворны. Именно, онъ успѣлъ прослѣдить цѣлыя «сутки» одного не только «свѣтскаго» но, повидимому, и очень вліятельнаго человѣка. По крайней мѣрѣ, нѣкій литераторъ, князь Лыковскій, «ультра-консерваторъ, извѣстный боецъ за точку» (кто-бы это могъ быть, читатель?), какъ характеризуетъ его кн. Мещерскій, называетъ князя Нони «центромъ довольно вѣской и значущей политической партіи» (59). Правда, этотъ князь Лыковскій, въ безпристрастномъ изображеніи кн. Мещерскаго, является человѣкомъ слабоумнымъ, но вѣдь такіе люди повторяютъ только чужія слова и выражаютъ господствующія въ извѣстной средѣ мнѣнія. Дѣйствительно, кн. Нони имѣетъ всѣ шансы стать серьезнымъ политическимъ дѣятелемъ. Авторъ описываетъ «сутки» своего героя по часамъ, и такимъ образомъ въ «первый часъ» мы узнаемъ отъ только-что возставшаго отъ сна кн. Нони, что „подлость—это великая политическая добродѣтель, это сила, въ особенности въ наше время“. (7). Въ „часъ второй“ „слѣдуетъ приемъ многочисленныхъ просителей и переговоры о газетѣ, которую затѣваетъ князь Нони, такъ какъ по словамъ Нони, «намъ нуженъ органъ порядочныхъ людей» (23). Въ «часъ третій» Нони завтракаетъ у Дюссо съ пріятелями и коротко и ясно формулируетъ для остальныхъ свою политическую программу: «энергія противъ су—ныхъ дѣтей и либерализмъ для остальныхъ», „на что получаетъ въ отвѣтъ замѣчаніе отъ одного изъ собесѣдниковъ, что, по его мнѣнію, «всѣ су—ны дѣти отъ А до Z» (31). Нони противъ этого не споритъ. «Часъ четвертый»—визитъ къ какому-то князю и толки опять-таки о предполагаемой газетѣ, при чемъ

читатель довольно неожиданно узнаеть, что „полиція—вещь нужная“ (41). „Чась пятый“—въ лавкѣ у Одинцова, при чемъ читатель наслаждается такимъ діалогомъ:

— „Мы хотимъ основать газету, и намъ нужны люди съд еньгами.

— Не хочешь-ли кукишь съ масломъ. Во-первыхъ, у меня денегъ нѣтъ, а во-вторыхъ, кабы и были, я-бы ихъ не далъ; газеты годны на одно только употребленіе, ты думаешь на что?

— Да полно-же ты все смѣяться: съ тобою говорить серьезно.

— Нѣтъ, я серьезно говорю: ты думаешь на что? На извѣстное употребленіе? Нѣтъ, какое; онѣ ужасно жестки, а на завертываніе всѣхъ старыхъ галошъ, что? Не правда развѣ? (51) Надо полагать, что Нони и его собесѣдникъ были очень хорошими консомматорами у Одинцова, потому что ихъ изъ лавки не вывели, какъ того, вѣроятно, ожидалъ читатель. «Чась шестой»—Нони принимаетъ горемычнаго «бойца за точку» кн. Лыковскаго, который пріѣхалъ вляничить у него денегъ на *свою* газету и ничего не получилъ, къ искреннему огорченію читателя. „Чась седьмой“ и „чась восьмой“ Нони агитируетъ въ клубѣ въ пользу своей идеи (объ изданіи газеты), собираетъ деньги на газету и когда подписка между клубистами дала, вмѣсто требуемыхъ 150,000 р. всего 14,900 р., говоритъ: «эхъ, господа, если намъ всѣмъ сорвутъ головы,—подѣломъ будетъ» (91). «Чась девятый»—Нони ѣдетъ домой одѣваться къ обѣду и выражаетъ желаніе «всю полицію себѣ забрать» а затѣмъ надежду «справиться» (102) «Чась десятый» и «чась одиннадцатый»—Нони обѣдаетъ у «государственнаго чело-вѣка», графа Кедрова, бесѣдуетъ со «свѣдущими людьми», которыхъ цѣлыхъ три штуки было приглашено на обѣдъ, и на вопросъ одного изъ нихъ: «справитесь-ли вы съ *негодьями* и *мерзавцами*» отвѣчаетъ: Какой вопросъ! Разумѣется, справимся» (118). «Чась двѣнадцатый» и „чась тринадцатый“,—Нони ѣдетъ къ знакомой кокошкѣ, которая должна доставить ему, для какихъ-то неизвѣстныхъ цѣлей, подходящаго чело-вѣка и которая на вопросъ Нони: «какого онъ (т. е. искомый и уже найденный чело-вѣкъ) поведенія?» отвѣчаетъ: «онъ? онъ развратнѣе тебя; онъ *все* любить, *c'est tout dire*...» Кн. Нони, разумѣется, сходится съ «чело-вѣкомъ» и заключаетъ съ нимъ договоръ. «Чась четырнадцатый»—«князь Нони посвятилъ своему удовольствію, отъ котораго ничего полезнаго или важнаго для своего государства не произошло» (145).

Отказываемся слѣдовать дальше какъ за кн. Мещерскимъ, такъ и за кн. Нони, потому что куда-же мы, наконецъ, читателя заведемъ и что еще заставимъ его выслушать? Правда, послѣдніе «часы» своихъ замѣчательныхъ «сутокъ» кн. Нони проводитъ у себя на квартирѣ, гдѣ онъ даетъ избранному обществу вечеръ съ „Дѣло“, № 9, 1882 г., I.

Казеневымъ. Но если читатель подумаетъ, что его чувство приличія не будетъ оскорблено хоть въ этомъ великосвѣтскомъ салонѣ, то онъ очень ошибается. На вечерѣ кн. Нони присутствуютъ дамы и барышни и читатель долженъ будетъ выслушать такой, напр. разговорецъ между ними:

— «Вотъ какъ, сказала графиня Милькина. Барышни теперь ѣздить по холостымъ молодымъ людямъ на вечеръ.

— На вечеръ, прервала барышня;—вы очень добры, на ночь...

— Ого, какъ мы циничны, сказала графиня». (161).

Дѣйствительно, сказать «ого!» да развѣ еще плюнуть отъ отвращенія—больше ничего не остается читателю новаго произведенія кн. Мещерскаго.

Н. Гиббенетъ. Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона, ч. I, СПб. 1882 г.

Если кому-нибудь прилично названіе «рыцаря печальнаго образа», то, конечно, г. Гиббенету прежде всѣхъ, непосредственно послѣ славнаго ламанческаго прототипа. Сидѣлъ почтенный человѣкъ смиренхонько въ своемъ архивѣ, разбиралъ заплеснѣвшіе и загнившіе документы и былъ, вѣроятно, очень доволенъ своею судьбой. И вдругъ, укусила почтеннаго труженика какая-то муха, и онъ полѣзъ на стѣну, возмнивъ, что нужно «спасать луну». Произошло это прискорбное обстоятельство слѣдующимъ образомъ: въ мирный покой г. Гиббенета, лѣтъ 20 тому, назадъ вторгнулся... вы не подумайте, читатель—какой-нибудь очень свѣжій человѣкъ или, сохрани Господи, нигилистъ,—нѣтъ, вторгнулся тоже очень почтенный человѣкъ, покойный историкъ С. М. Соловьевъ. Розыскалъ онъ въ архивѣ подлинное дѣло патріарха Никона, прочиталъ его и написалъ по этому нѣсколько страницъ о Никонѣ (Ист. Россіи т. XI). Прочиталъ г. Гиббенетъ эти злополучныя страницы и ужаснулся небрежности отношенія историка къ его любезнымъ «свиткамъ». Оказалось, что «многое пропущено, многое недосказано, а иное не такъ передано; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—гдѣ историка интересуютъ письма Никона,—онъ выбираетъ то, что могло служить для него къ обличенію (?) Никона въ суровости выраженій (!), въ заявленіи патріаршей власти и т. д.; а гдѣ высказывалось совершенное смиреніе, (которое у Никона «паче гордости»), прошеніе о мирѣ и умиротвореніи церкви, эти мѣста въ исторіи выпущены». Положимъ, къ оправданію историка могло служить то соображеніе, что никакая историческая правда не требовала отъ него полной перепечатки Никонова дѣла, разныхъ неважныхъ кус-

ковъ, ничего не прибавляющихъ къ характеристикѣ нравственной личности Никона, но это г. Гиббенету и въ голову не пришло. Онъ, до нѣкоторой степени, оправдалъ Соловьева только тѣмъ, что когда историкъ пользовался дѣломъ Никона, оно находилось въ видѣ, почти совсѣмъ негодномъ къ употребленію: перебитое, спутанное, сшитое въ самомъ безобразномъ порядкѣ. Какъ только эти бумаги попали въ руки г. Гиббенета, онъ, какъ и слѣдуетъ исправному архивному чиновнику, пересмотрѣлъ ихъ разложивъ въ правильномъ порядкѣ, перенумеровалъ и пр. Это онъ серьезно считаетъ „ученымъ трудомъ“ и очень имъ гордится (стр. II—III). А затѣмъ, показавъ историку, указавши ему погрѣшности, допущенныя въ „Исторію“, благодаря прежней беспорядочности. Историкъ любезно согласился съ замѣчаніями г. Гиббенета, но замѣтилъ: „чтобы исправлять, надо воротаться двѣсти верстъ назадъ,—не стоитъ!“ Такъ, значитъ «важны» были погрѣшности! Вотъ тутъ-то г. Гиббенета и «укусила муха». Помилуйте! Разборка столбцовъ „требовала, кромѣ навыка къ бѣглому чтенію, терпѣнія, времени, долгихъ и усидчивыхъ занятій“ (стр. III), и вдругъ—«пустяки!...» Не правда-ли, это ужасно?..

Г. Гиббенеть рѣшилъ обѣлить патріарха Никона отъ навѣтовъ историка Соловьева, «воскресить въ лучшей памяти знаменитаго іерарха» (стр. IV). И вотъ, сѣдлается тощій Россинантъ, г. Гиббенеть облачается во всеоружіе изгнанныхъ архивныхъ документовъ и ѣдетъ; «ѣдетъ, не свищетъ, а наѣдетъ—не спустить»... Наѣзжаетъ нашъ рыцарь изъ архива, напимѣрь, на мельницу слѣдующаго рода. У Соловьева разсказывается: „10 іюля, 1658 г., Никонъ отказался всенародно отъ патріаршества. Кончивши рѣчь въ этомъ смыслѣ, онъ сталъ разоблачаться... Принесли для него мѣшокъ съ простымъ монашескимъ платьемъ; но тутъ толпа двинулась и отняла мѣшокъ» (т. XI, перв. изд. 1861 г., стр. 295—296). Г. Гиббенеть исправляетъ: «по «сказкамъ» (показаніямъ свидѣтелей-очевидцевъ) мы видимъ, что мѣшокъ съ монашескимъ платьемъ принесли Никону въ ризницу. Здѣсь народъ не бываетъ, но въ это время тутъ были митрополиты и другія власти; они и отняли мѣшокъ» (стр. 32). Или вотъ, напимѣрь, встрѣчается цѣлое стадо овецъ. Г. Гиббенеть надвигаетъ покрѣпче шлемъ Мамбрина и, съ опущеннымъ копьемъ, скачетъ на встрѣчу заколдованному врагу: „въ «Исторію» Соловьева сказано: царь отправилъ къ Никону дьяка Дементія Башмакова объявить, что духовенству не было никакого запрета ѣздить къ нему въ Воскресенскій монастырь, и, затѣмъ, весь разговоръ Никона съ Башмаковымъ выпущенъ; но Башмаковъ самъ объявилъ Никону, зачѣмъ онъ былъ посланъ и о чемъ ему велѣно было говорить“. (А говорить ему

велѣно было, замѣтимъ отъ себя, именно то, что сказано у Соловьева) (стр. 41). Въ чемъ-же дѣло? Въ чемъ-же ошибка историка? недоумѣваетъ читатель. Ахъ, читатель, читатель, разумѣется, вы, вмѣстѣ съ Санхо Панчо, видите только стадо овецъ. Но, вѣдь рыцарь находитъ, что это цѣлая заколдованная армія... И это чуть не на каждой страницѣ!..

Итакъ, вотъ что значить «воскресить въ лучшей памяти знаменитаго патріарха». Впрочемъ, одними поправками къ Соловьеву нашъ рыцарь не ограничивается. Спасать луну, такъ спасать; воскрешать знаменитаго патріарха, такъ воскрешать, вѣроятно, соображалъ г. Гиббенетъ. И вотъ какъ онъ «обѣяетъ» Никона. Лѣтомъ, 1659 года, патріарху вздумалось изъ Воскресенскаго монастыря, мѣста своей добровольной ссылки, пріѣхать въ Москву. Когда, по порученію царя, его спросили, зачѣмъ явился, Никонъ отвѣчалъ, что спасается отъ татаръ, которые, говорятъ, уже близъ Москвы. (Въ это время была война съ ними). «Были-ли основанія для Никона повѣрить этому слуху», спрашиваетъ авторъ и разъясняетъ вопросъ такъ: «Незадолго предъ тѣмъ, а именно 17-го мая, Никонъ имѣлъ разговоръ съ Дементьемъ Башмаковымъ, который сообщилъ ему, что бояринъ князь А. Н. Трубецкой съ разными людьми стоитъ подъ Конотопомъ и, дѣйствуя противъ осаждаемаго непріятеля, готовится къ приступу; что нѣкоторые черкасскіе города (нашими войсками) взяты, а другіе сдаются; что татаръ немного и надъ тѣми былъ поискъ, поэтому (?) Никонъ могъ повѣрить (неправда-ли?) слухамъ о близости татаръ, и это обстоятельство дало ему случай внезапно явиться въ Москву». (Стр. 44). Такова въ этомъ «историческомъ изслѣдованіи» «историческая критика». Образчики ея въ томъ-же родѣ, любители курьезовъ найдутъ въ книгѣ на каждой страницѣ. Кромѣ этихъ прелестей, въ книгѣ г. Гиббенета есть и тенденція. Вѣдь это прогрессъ, какъ хотите, что даже архивный чиновникъ не старается написать книгу «безъ тенденціи». Конечно тенденція архивнаго чиновника не отличается особенною свѣжестью и немножко смахиваетъ на фантазію Поприщина спасти луну, а все-жъ таки—это тенденція. Въ эпиграфѣ книги она выражена такъ: «аще имъ есть нужный и потребенъ, снисходити, *наки призвати его на престоль его есть возможно*». Это изреченіе взято изъ мнѣнія греческихъ архіереевъ по дѣлу Никона. Извольте видѣть, Никонъ зачѣмъ-то очень понадобился г. Гиббенету и онъ хочет не только «воскресить» его, но и снова призвать на патріаршій престоль. Эта тенденція сквозитъ и въ «изслѣдованіи» (стр. 81—89). Помогите вамъ Господи, достопочтеннѣйшій рыцарь!...

Вообще, изслѣдованіе г. Гиббенета очень оригинально и по мнѣ-

сли, и по приемамъ критики, и по изложенію. Книга имѣетъ собственно два текста. Въ одномъ изложеніе (почти дословное) «столбцовъ» Никонова дѣла, пересыпанное полемикою съ Соловьевымъ; въ другомъ, эти самые столбцы, напечатанные сполна и дѣлающіе рѣшительно ненужнымъ первый текстъ. Приложеній 113 стр. Если-бы напечатаны были только одни приложенія, — два-три почтителя архивныхъ матеріаловъ сказали-бы, можетъ быть, почтенному гробкопателю спасибо. Но на чье спасибо рассчитывалъ авторъ, «сочиняя» свой текстъ; какую услугу думалъ онъ оказать исторіи, это уму непостижимо! Вышла только 1-я часть. Стало-быть, «его воскрещаго» еще будетъ впереди довольно... Что, если-бы какой нибудь добрый человѣкъ уговорилъ архивнаго рыцаря не сѣдлатъ вновь своего Россинанта (очень ужъ онъ плохъ) и ограничиться только изданіемъ оставшихся документовъ, авось что нибудь и въ самомъ дѣлѣ важное встрѣтится?... А то какой-же расчетъ платить еще 2 р. за „спасеніе луны“ или «воскрешеніе въ лучшей памяти знаменитаго іерарха»!...

Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. *Ф. Мартенса.* т. I. Спб. 1882 г.

Въ настоящее время возникновенія разныхъ «самобытныхъ» теорій, распространеніе здравыхъ понятій, какъ-бы просты они ни были, о способахъ и необходимости международныхъ сношеній можно считать очень не лишнимъ. Поэтому нельзя не обратить вниманія и на книгу профессора Мартенса. Написана она весьма старательно и ясно, а фактическая сторона предмета изложена съ надлежащею обстоятельностью. Что-же касается главныхъ выводовъ и идей, къ которымъ приходитъ авторъ, то, по существу, и противъ нихъ ничего нельзя сказать, хотя въ нихъ нѣтъ ничего ни новаго, ни особенно оригинальнаго. Читатель, слѣдившій за политическими обозрѣніями нашихъ газетъ въ родѣ, напр., «Голоса», давно могъ усвоить ихъ себѣ и изъ этого источника.

«Въ основаніе всего труда» легла, по словамъ г. Мартенса, слѣд. «мысль»: степень развитія социальныхъ интересовъ и внутреннего строя государства опредѣляетъ мѣру его участія въ международной жизни. Далѣе, г. Мартенсъ учитъ, что если внутри государства человѣческая личность, какъ таковая, признается источникомъ гражданскихъ и политическихъ правъ, то и международная жизнь представляетъ высокую степень развитія, порядка и права. А вмѣстѣ съ тѣмъ, «самобытность народа, въ смыслѣ культурной индивидуальности, можетъ развиваться и окрѣпнуть только въ об-

ласти междунар. отношеній, подѣ условіемъ взаимнаго уваженія и при дружномъ стремленіи народовъ къ достиженію общихъ культурныхъ идеаловъ». Такъ-ли это?

Международное право въ ряду юридическихъ наукъ далеко не пользуется общимъ признаніемъ. Извѣстный германскій юристъ Игерингъ (Shering), опровергая теорію Савинья-Пухты, по которой происхожденіе *права* уподобляется образованію языка при помощи расширяющагося сознанія, путемъ убѣжденія,—говоритъ, что право есть дитя борьбы, въ которой беретъ перевѣсъ «не убѣжденіе, но отношеніе силъ взаимно борющихся сторонъ, а получается нерѣдко тотъ-же результатъ, какой въ параллелограммѣ силъ: уклоненіе отъ первоначальной линіи по діагонали». Всѣ великіе пріобрѣтенія права пришли такимъ кровавымъ путемъ борьбы, продолжавшейся нерѣдко цѣлыя столѣтія. Обновленіе права происходитъ только путемъ уничтоженія права прошедшаго. Поэтому, говоря словами Игеринга, «право—Сатурнъ, пожирающій собственныхъ дѣтей». (Борьба за право).

Очевидно, такимъ образомъ, что сила есть необходимый элементъ права, что право не только для своего осуществленія въ жизни, но и для поддержанія своего существованія предполагаетъ силу, его охраняющую и защищающую. Тамъ, гдѣ такая сила отсутствуетъ, тамъ можетъ быть рѣчь о нравственныхъ обязательствахъ и моральныхъ отношеніяхъ, но не объ юридическихъ нормахъ и правовыхъ положеніяхъ. Отсюда ясна и невозможность международнаго права.

Понятіе права необходимо предполагаетъ, какъ доказываетъ Игерингъ въ другомъ своемъ извѣстномъ сочиненіи (*Geist des römischen Rechts*), ясно выраженную волю формально организованной общественной группы, обеспеченное осуществленіе признаваемыхъ этою волею законныхъ интересовъ, гарантію ненаружимаго ими пользованія. Понятіе это строго отличается отъ соприкасающихся иногда съ нимъ требованій справедливости и нравственности, отъ налагаемыхъ на себя добровольныхъ обязательствъ, не подлежащихъ принудительной охранѣ. Въ международной жизни, въ этомъ смыслѣ, нельзя видѣть ни юридическаго строя, ни разъ навсегда установленныхъ нормъ, истолковываемыхъ и охраняемыхъ призванной къ этому безпристрастной инстанціей. Обычай и договоры, которыми обыкновенно руководствуются въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ государства, обязательны лишь въ той мѣрѣ, въ какой каждое государство само желаетъ ими руководствоваться; требованія и интересы, на нихъ основанные, фактически могутъ быть поддержаны только вооруженною рукою.

Но г. Мартенсъ желаетъ непремѣнно настоять на признаніи

международнаго права, какъ права. Онъ ссылается на «обычныя начала и права», которыхъ сила основана не на *трактатахъ законахъ*, и единственно на «ихъ разумности и практической пользѣ!» Онъ говоритъ, что между „современными образованными народами установился правильный и непрерывный обмѣнъ ихъ промышленной, экономической и хозяйственной дѣятельности» и что они находятъ необходимымъ установить «извѣстный порядокъ» даже «въ области духовныхъ своихъ интересовъ». Но вѣдь существованіе фактическихъ отношеній нѣчто совершенно отличное отъ дѣйствительнаго существованія *права*. Смѣшивать ихъ такъ-же непозволительно, какъ непозволительно не приводить различія между обычаями, договорными соглашениями, законамъ и правомъ. Все это понятія строго опредѣленныя.

Еще менѣе состоятельна полемика, направленная г. Мартенсомъ специально противъ Игеринга (котораго почтенный профессоръ называетъ почему-то Герингомъ). Онъ видитъ противорѣчіе въ мнѣніяхъ Игеринга, признающаго, что сильнѣйшій, часто изъ уваженія къ собственнымъ интересамъ, ограничиваетъ свою силу и входитъ въ компромиссъ съ слабѣйшимъ. Разъ право основано на соглашеніи, то аналогію съ этимъ, утверждаетъ г. Мартенсъ, представляютъ и международныя отношенія. Но едвали г. Мартенсъ опровергнулъ этимъ Игеринга. Компромиссъ, устанавливающій мирный порядокъ въ области государственной жизни, создаетъ всегда нейтральную инстанцію для сужденія каждаго частнаго спора о правѣ на основаніи разъ опредѣленныхъ нормъ, и рѣшеніе этой инстанціи имѣетъ для всѣхъ непоколебимый авторитетъ, опирающійся на всю государственную силу; въ области международной жизни каждая правоспособная единица можетъ рассчитывать только на собственную силу. Насколько устойчиво международное право и проченъ взаимный миръ европейскихъ народовъ, можно судить по правилу, не потерявшему и до нашихъ дней своего значенія въ политикѣ: *si vis pacem, para bellum*.

Г. Мартенсъ находитъ далѣе, что и самое исходное положеніе теоріи Игеринга невѣрно. «Ученіе, восклицаетъ онъ,—согласно которому физическая сила и принужденіе составляютъ существенную принадлежность права, смѣшиваетъ двѣ различныя вещи: самое право и принудительный порядокъ его существованія». Между тѣмъ, «сила есть болѣе элементъ неправды, чѣмъ права, которое въ нормальномъ его существованіи никогда не вызываетъ насильственнаго осуществленія». При болѣе внимательномъ чтеніи Игеринга г. Мартенсъ могъ-бы замѣтить, что его возраженіе предумотрѣно Игерингомъ уже на первыхъ страницахъ „Борьбы за право“. Оно «было-бы справедливо, говоритъ Игерингъ, еслибы

дѣло шло о борьбѣ неправды противъ права, но дѣло идетъ о борьбѣ права противъ неправды. Безъ этой борьбы, т. е. безъ сопротивленія, противоположаемаго неправдѣ, право отрицало-бы само себя. До тѣхъ поръ, пока право будетъ подвергаться нападеніямъ со стороны неправды, а это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока стоитъ свѣтъ,—не прекратится борьба со стороны права. Слѣдовательно, борьба не есть нѣчто постороннее праву, но она неразрывно соединена съ самымъ существомъ его, она есть одинъ изъ моментовъ этого понятія». Въ самомъ дѣлѣ, правосудіе во всякой формѣ, въ какой оно ни совершается, есть именно вѣчная, непрерывная борьба права противъ неправды.

Дальнѣйшая аргументація г. Мартенса также мало убѣдительна, и если мы на полемикѣ съ Игерингомъ остановились нѣсколько долѣе, чѣмъ это, можетъ быть, слѣдовало въ журнальной рецензій, то сдѣлали это потому, что на этомъ вопросѣ легче было высказать невыгоды запутаннаго пониманія существа права.

Будучи такимъ горячимъ сторонникомъ существованія международнаго права, г. Мартенсъ считаетъ его, однако, достоинствомъ только цивилизованныхъ народовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ является еще нѣсколько запоздалымъ адептомъ *естественнаго права*. Своеобразныя условія, въ которыхъ „живутъ народы мусульманскаго исповѣданія, а также языческія и дикія племена, не даютъ, говоритъ онъ, никакой возможности примѣнять международное право въ сношеніяхъ съ этими необразованными или полуобразованными народами“. Сношенія эти «должны подчиняться предписаніямъ *естественнаго права*, т. е. совокупности извѣстныхъ началъ, вытекающихъ изъ нравственной природы и разума человѣка».

Система, въ которой г. Мартенсъ излагаетъ свой курсъ, значительно разнится отъ общепринятой. Она напоминаетъ систему другого писателя по международному праву (конца XVIII и начала XIX в.), однофамильца автора,—проф. Геттингенскаго университета, Георга-Фридриха фонъ-Мартенса. Въ лицѣ г. Мартенса соединяется ученый и дипломатъ вмѣстѣ, и послѣдній часто переселяетъ перваго; этимъ объясняется вполнѣ излишняя склонность автора защищать русскую дипломатію, — путь для ученаго весьма скользкій. Было-бы почетнѣе для г. Мартенса, выступая въ роли дипломата, напр., по вопросу о выдачѣ преступниковъ, тверже помнить о своемъ ученомъ званіи.

Финансовое право. Лекціи доцента С.-Петербургскаго Университета *В. А. Лебедева*. Выпускъ первый СПб. 1882.

Появленіе курса международнаго права г. Мартенса еще можно объяснить отсутствіемъ систематическихъ руководствъ по этому предмету, но для курса финансоваго права г. Лебедева, эта причина наврядъ-ли можетъ служить смягчающимъ обстоятельствомъ, и едва-ли можно, вмѣстѣ съ авторомъ, надѣяться, что книга его «пополнить пробѣлъ, существующій въ нашей финансовой литературѣ».

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что финансовое право, въ ряду наукъ юридическихъ, занимаетъ иное положеніе, нежели такъ-называемое международное право. Развитие государственной жизни, вызывая все большее расширеніе государственныхъ потребностей, укрѣпляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознание необходимости, ради лучшаго удовлетворенія этихъ потребностей, строго уважать права народа и щадить его интересы и силы. Поэтому, здравая финансовая политика и твердая организація финансовой системы, возможная только при точномъ распредѣленіи правъ и обязанностей въ области финансоваго управленія, пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе для каждаго государства; а отсюда ясно и особенное значеніе науки о финансахъ.

Вмѣстѣ съ этимъ, наука о финансахъ, при всей своей неразработанности имѣетъ, однако, существенныя опоры, съ одной стороны, въ политической экономіи, съ другой—въ началахъ государственнаго права, по крайней мѣрѣ, насколько послѣдняя наука выработала теорію правового государства (*Rechtsstaat*). Такимъ образомъ, мы получаемъ основанія, которыя и должны-бы служить исходными пунктами для финансовой науки, и для слѣдующей ей разумной финансовой политики. Задача учебника финансоваго права прежде всего и сводится къ установленію такихъ общихъ началъ. Руководящія принципы должны быть строго-логически обоснованы и доказаны, ясно формулированы, и изъ нихъ уже должна быть послѣдовательно выведена соответствующая финансовая система и надлежащая критика дѣйствующихъ положеній финансоваго управленія. Только такое (указанное нами въ самихъ общихъ чертахъ) преподаваніе и изложеніе предмета и сохраняетъ за нимъ весь его интересъ, все его значеніе и можетъ удовлетворить сколько-нибудь развитымъ требованіямъ.

Между тѣмъ, первый выпускъ лекцій г. Лебедева во всѣхъ отношеніяхъ оказывается неудовлетворительнымъ. Общаго изложенія принциповъ финансоваго права вы въ немъ не встрѣчаете. Нельзя

же серьезно считать теоретическими началами финансовой науки тѣ несложныя указанія, которыя весьма недалеко ушли отъ примитивныхъ правилъ, высказанныхъ, напр., еще въ XVI ст. Боденомъ, что надо «честнымъ образомъ» собирать доходы государства и что поборами не слѣдуетъ раззорять народъ, или прекраснаго положенія нашего Посошкова, что «худой тотъ сборъ, аще кто казну царю собираетъ, а людей раззоряетъ» Правда, г. Лебедевъ скромнень и не задается обширными цѣлями. Онъ отрекается отъ «соціально-политическихъ» стремленій и не думаетъ, подобно хотъ Вагнеру, при помощи соотвѣтствующей финансовой политики устранить «экономическое и соціальное зло» или содѣйствовать „иному распредѣленію народнаго дохода, чѣмъ то, которое дѣлается подѣ влияніемъ свободной конкуренціи“. Онъ ограничиваетъ задачу финансовой науки тѣмъ, что „она должна дать государству правильную систему доходовъ и вообще финансоваго хозяйства“.

Какъ-же справляется г. Лебедевъ и съ этой «задачей»? Начинаетъ онъ съ изложенія государственныхъ потребностей и организациі ихъ удовлетворенія и включаетъ въ этотъ первый выпускъ отдѣлы, касающіеся доходовъ съ государственныхъ имуществъ, регалій и пошлинъ. И вотъ, мы узнаемъ, напр., что «существенная черта каждой государственной потребности заключается въ томъ что она должна быть необходима» и что „потребность, не вызываемая теченіемъ государственной жизни, не должна существовать, такъ какъ это фальшивая потребность“. Подобныя «драгоцѣныя» правила разбросаны у г. Лебедева по разнымъ отдѣламъ книги.

Вотъ, наприм., какъ онъ опредѣляетъ теоретическіе (!) размѣры жалованья: «разумѣется, жалованье должно быть тѣмъ больше, чѣмъ служба труднѣе; но въ дѣйствительности, низшія должности оплачиваются менѣе, хотя служба въ нихъ нерѣдко оказывается труднѣе». Послѣднему обстоятельству, г. Лебедевъ находитъ, впрочемъ, объясненіе въ томъ, что «высшая служба» требуетъ «большихъ способностей» и «лучшей обстановки».

Объ отдѣльныхъ государственныхъ потребностяхъ и ихъ сравнительномъ значеніи мы узнаемъ, что расходы по военному вѣдомству «велики, но политическія обстоятельства такъ слагаются, что ихъ трудно сократить». Относительно распространенія просвѣщенія, г. Лебедевъ сообщаетъ, что оно «составляетъ также существенную потребность государства», что значительныя пособія оказываетъ и земская дѣятельность, но что, «во всякомъ случаѣ, эта обязанность лежитъ и на государственной казнѣ»; относительно обезпеченія личности и собственности, г. Лебедевъ говоритъ, что оно «лежитъ на министрѣ внутреннихъ дѣлъ» и что «въ новѣйшее время потребность эта весьма сильно развита» и т. д.

Неправда-ли, читатель, необыкновенно интересныя истины возбъщаются иногда съ университетской кафедръ? Не удивительно, что голосъ съ этого почетнаго мѣста раздается не рѣдко въ пустомъ пространствѣ!

Не менѣе замѣчательна и манера изложенія г. Лебедева. Вы нигдѣ не добьетесь простыхъ, ясныхъ опредѣленій и сколько-нибудь твердо формулированныхъ обобщеній (за исключеніемъ равъ тѣхъ «общихъ правилъ», съ которыми мы познакомили читателей). Вмѣсто этого, г. Лебедеву нравится притянуть, кстати или не кстати, съ десятокъ писателей разныхъ временъ и націй и пересчитывать ихъ взгляды. Не трудно разсудить, насколько это выходитъ занимательно и поучительно!

Весь выпускъ загроможденъ скучнѣйшимъ фактическимъ матеріаломъ, который на протяженіи десятковъ страницъ томить читателя, какъ безводная степь заблудившагося путника. Такъ, отдѣлъ, озаглавленный — «Историческій очеркъ развитія понятій о финансахъ и финансовой наукѣ и ея литературы» представляетъ собою почти голый списокъ названій, именъ и годовъ, занимающій ровно 73 страницы. Если дѣйствительно вся литература, указанная здѣсь почтеннымъ авторомъ, знакома ему, то слѣдуетъ только удивляться, какъ мало онъ извлекъ интереснаго изъ столь обширнаго матеріала.

Или, на стр. 317—344 авторъ знакомитъ съ гербовыми, актовыми и судебными пошлинами. Вмѣсто общихъ началъ, оказывается только подробнѣйшее изложеніе уставовъ и скучнѣйшее перечисленіе разныхъ правилъ и размѣровъ пошлины. Само собою, что запомнить сразу всѣ эти справочныя свѣдѣнія нѣтъ ни охоты, ни надобности. Каждый, кто не знакомъ съ подобными подробностями изъ практики, можетъ во всякое время получить нужную ему справку въ календарѣ или прямо въ «Уставѣ о гербовомъ сборѣ». А между тѣмъ, книга г. Лебедева даже и въ этомъ отношеніи не можетъ служить читателю, потому что недавно, какъ извѣстно, въ нашъ Уставъ о гербовомъ сборѣ внесено много измѣненій. Такимъ образомъ, свѣдѣнія, помѣщенныя у г. Лебедева, оказываются устарѣвшими и только вводятъ въ заблужденіе.

Рекомендуемъ господамъ, такъ охотно обвиняющимъ университетскую молодежь въ нежеланіи учиться, поближе ознакомиться съ подобными „курсами“. Можетъ быть, для нихъ станетъ ясно, почему студенты часто уклоняются отъ посѣщенія лекцій и почему именно наиболѣе занимающаяся часть ихъ не находитъ удовлетворенія въ университетской премудрости.

Новыя основы физиологіи чловѣка въ связи съ сравнительной и общей физиологіей. *H. Beaunis*, профессора физиологіи въ Нанси. Переводъ со второго исправленнаго французскаго изданія 1881 г. (съ 513 рис. въ текстѣ) д-ра Н. Цыбульскаго съ предисловіемъ проф. И. Тарханова. Часть I. Введеніе. Часть II. Физиологическая химія. Спб. 1781 г.

Физиологія чловѣка въ связи съ сравнительной и общей физиологіей. *H. Beaunis*. Часть III. Физиологія индивида. Спб. 1882 г. Изданіе журнала «Медицинская Библиотека».

До послѣдняго времени мы исключительно пробавлялись, по части физиологіи, нѣмецкими сочиненіями Дондерса, Германа, Ранке-Функе, Брюкке и изъ англійской и французской литературы, кромѣ физиологіи Дрепера, элементарнаго учебника Гексли и «*Leçons*» Клодь-Бернара, ничего въ обращеніи у публики не было. Это тѣмъ болѣе непріятно, что ученые нѣмцы ухитряются изъ всякой живой области знанія сдѣлать или школьный катехизисъ à la Германнъ, или нѣчто въ родѣ *Jahresberichte à la Funke*, который, добавляясь и измѣняясь, остается сборомъ параграфовъ крупнаго и мелкаго шрифта, еле подогнанныхъ другъ къ другу, „сообразно требованіямъ современной науки“. Основы физиологіи *H. Beaunis* представляютъ, помимо всего сказаннаго, интересъ первой переработки дѣлой области науки не только въ смыслѣ единства силъ, что съ 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія дѣлается всѣми авторами, а съ точки зрѣнія единства жизни, что въ первый разъ выполнено въ видѣ плана Клодь-Бернаромъ въ его „*Leçons sur les phénomènes de la vie communs aux animaux et aux végétaux*“. По несчастію легко сказка сказывается, да не легко дѣло дѣлается, и книга Бони на столько-же можетъ назваться «Новыми основами физиологіи чловѣка въ связи съ сравнительной и общей физиологіей», насколько и всякій другой современный учебникъ физиологіи, наур., учебникъ Фостера. Въ смыслѣ физиологіи, общей животнымъ и растеніямъ, сочиненіе Бони можетъ удовлетворить только господъ медиковъ, знакомыхъ поверхностно съ физиологіей растений а въ смыслѣ сравнительной физиологіи не удовлетворитъ никого, по самой уже курьезности пониманія авторомъ термина; сравнительный. „Законъ эволюціи живыхъ существъ ведетъ къ слѣдующему основному положенію: чловѣкъ не можетъ быть изолированъ отъ остальныхъ живыхъ существъ, жизненные акты чловѣческаго организма идентичны такимъ-же (такowymъ-же?) животнымъ. Это указываетъ намъ приемы, которымъ нужно слѣдовать при

изученіи *физиологии*. Задача эта практически выражается въ слѣдующемъ: желая изучить извѣстное *жизненное явление*, нужно для этого избрать такой организмъ, который-бы, со стороны изслѣдуемаго явления, ближе всего подходилъ къ человѣку“. Если-бъ кто сказалъ, что „задача сравнительной анатоміи по отношенію къ анатоміи человѣка состоитъ въ слѣдующемъ: желая изучить группу органовъ, нужно для этого избрать организмъ, наиболѣе къ человѣку близкій“, разумѣется, всякій поднIAL-бы на смѣхъ такое положеніе. Сводитъ физиологію къ физиологіи человѣка, возможно только въ утилитарномъ смыслѣ, въ смыслѣ конкретно-техническаго примѣненія физиологіи. Физиологія животныхъ такъ-же мало должна имѣть дѣло спеціально съ человѣкомъ, какъ астрофизика, химія и механика съ нашей солнечной системой. Задача сравнительной физиологіи, по самому смыслу закона эволюціи, сводится къ выясненію общихъ законовъ явленій животной жизни, подобно тому, какъ задача сравнительной анатоміи сводится къ выясненію общихъ законовъ животной организаціи. Связь сравнительной анатоміи и физиологіи съ физиологіей человѣка есть связь общаго съ частнымъ, и цѣль современнаго научнаго движенія именно и состоитъ въ созданіи общей анатоміи и физиологіи животныхъ, въ которой физиологія и анатомія человѣка должны составлять только главы. Въ настоящее время, даже самое назданіе «физиологія человѣка» не употребляется для физиологическихъ трактатовъ и замѣняется заглавіями, болѣе отвѣчающими требованіямъ эволюціоннаго направленія—«физиологія животныхъ» или просто, «физиологія».

На самомъ дѣлѣ, «Новыя основы физиологіи» Бони ничто иное, какъ шивовъ краткой компіляціи по ученію о свойствахъ протоплазмы, о явленіяхъ органическаго созиданія и разрушенія (броженіе, гніеніе и пластическіе процессы), съ обыкновеннымъ курсомъ физиологіи позвоночныхъ животныхъ, мѣстами иллюстрируемымъ отдѣльными фактами изъ жизни животныхъ низшихъ. Оно и понятно. Физиологія не только низшихъ животныхъ, но и большинства позвоночныхъ только начинаетъ разрабатываться, и теперь еще не время вводить въ циклъ основъ знанія множество отдѣльныхъ фактовъ изъ области явленій локомоціи и дыханія, извѣстныхъ изъ работъ Мартини, Маррея, Поль Бера и учениковъ школы музея естественной исторіи въ Парижѣ. Въ вышедшихъ выпускахъ книги Бони, кромѣ введенія, трактующаго о силѣ и матеріи, объ общихъ свойствахъ растений и животныхъ и условіяхъ жизни, содержится еще физиологическая химія, физиологія клѣтки, крови, лимфы, млечнаго сока и мышечной ткани. И во всѣхъ главахъ, даже въ главѣ о физиологіи клѣтки, которая, какъ извѣстно, разработана и въ смыслѣ общей, и въ смыслѣ сравнительной физиологіи въ настоящее

время весьма подробно, — постоянно рѣжутъ глазъ живыя нитки общеній чисто формальныхъ, которыми шиты факты, далеко не въ большомъ числѣ собранные и зачастую выбранные безъ всякой серьезной критики. Особенно бросается въ глаза ничтожность и безсвязность свѣдѣній изъ физиологій растеній.

Поэтому приходится, оставивъ въ покоѣ всякія связи съ общей и сравнительной физиологіей, взглянуть на книгу Бони, какъ на обычный современный курсъ физиологій.

Съ этой точки зрѣнія книга Бони не только не лишнее, но весьма цѣнное приобрѣтеніе для русской научной литературы. Правда, ни оригинальностью плана, ни живостью изложенія она не отличается. и многія главы носятъ характеръ скорѣе компилятивный и просто описательный, чѣмъ строго научный.

Но, не смотря на такія скромныя достоинства, книги Бони, какъ сказано выше, приобрѣтеніе для русской научной литературы цѣнное потому, что не только крупныя отдѣлы, а даже главы и параграфы снабжены подробной библиографіей трактующаго въ нихъ предмета. Очевидно, Бони не принадлежитъ къ типу гг. профессоровъ, которые для изученія физиологій рекомендуютъ, во 1-хъ, слушать *ихъ* лекціи, во 2-хъ, читать *ихъ* записки, а въ 3-хъ, повторять *ихъ* записки и опять слушать *ихъ* лекціи. Очевидно, что книга Бони для людей, любящихъ изучать «по источникамъ и въ корнѣ», — манна небесная, а для слушателей нашихъ патентованныхъ ученыхъ въ ней цѣлое отравленіе. Предъ незнакомой съ литературой и даже зачастую ревниво отъ нея оберегаемой университетской молодежью, иной ловкій компиляторъ, какъ трудолюбивая пчела, носясь по цвѣтамъ европейскаго знанія, истекаетъ такимъ медомъ гениальностей, что слушатели въ простотѣ душевной считаютъ своего учителя за мировое свѣтило.

За то переводъ д-ра Цыбульскаго заслуживаетъ вниманія не публики, а вниманія гг. редактора и издателя фирмы — журнала, ибо появленіе въ русской литературѣ «печени, правдоподобно принимающей участіе въ образованіи красныхъ шариковъ» (ст. 298). «количество кислорода въ видѣ растворенія» (ст. 228) и «обездвиженныхъ мышцъ» (ст. 465) — не желательно.

Не мѣшаетъ также бросить и курьезную манеру издавать выпусками одну и ту же книгу подъ разными заглавіями. Если «Новыя основы физиологій» ко второму выпуску состарились до простой «Физиологій», то къ третьему, чего добраго, одряхлѣють до «Старыхъ основъ».

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ

И. И. БИЛИБИНА.

Поль Беръ. Лекціи по анатоміи и физиологіи. Введеніе въ зоологію. Переводъ съ французскаго д-ра Л. Н. Симонова. 458 стр. съ 402 рисунками въ текстѣ. Цѣна 2 р. 50 к. Одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ *руководство* для реальныхъ училищъ.

Цѣна для училищъ 2 р. Съ пересылкой по почтѣ 2 р. 50 к. При требованіи многихъ экземпляровъ пересылка по почтѣ за 2 ф. съ экземпляра по разстоянію.

При пересылкѣ черезъ транспортныя конторы по расчету конторъ.

Фостеръ. Учебникъ физиологіи; переводъ съ англійскаго и дополненія проф. И. Р. Тарханова. 2 тома. Цѣна для училищъ за 2 тома 5 р. 50 к. Съ пересылкой по почтѣ 6 руб.

Выписывающіе изъ складовъ книги обозначенныя * за пересылку не платятъ.

*Эд. Б. Тайлоръ. Антропология. Введеніе къ изученію чело-
вѣка и цивилизаціи. Съ рисунками съ англійскихъ клише.
Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

*Спенсеръ. Основанія психологіи. 4 тома. Ц. 7 р., вѣсо-
выхъ за 4 ф.

*Спенсеръ. Основанія соціологіи. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 4 ф.

*Спенсеръ. Основанія нравственности. Ц. 2 р. 50 к.,
вѣс. 2 ф.

*Млодь Бернаръ. Жизненныя явленія общія животнымъ и
растеніямъ. (Курсъ общей физиологіи). Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

*Тэнъ. Происхожденіе общественнаго строя совре-
менной Франціи. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

*Кребсъ. Превращенія энергіи. (Обзоръ теорій современ-
ной физики). Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

*Карпентеръ. Спиритизмъ съ исторической и науч-
ной точекъ зрѣнія. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Жозефъ Бертранъ. Курсъ теоретической арифметики.

Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

*Робертъ Оуэнъ. Образование человѣческаго характера. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

П Е Ч А Т А Ю Т С Я:

Дж. Тиндаль. Вещества, находящаяся въ воздухѣ и отношенія ихъ къ гниенію и заразѣ.

Зандеръ. Руководство къ общественной гигиенѣ. Переводъ подъ редакціей проф. Доброславина.

Сильванусъ Томпсонъ. Электричество и магнетизмъ. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей доктора физики. И. И. Боргмана.

Всѣ изданія находятся въ книжныхъ складахъ Н. П. Барбасникова (Спб. Литейная, д. 48; Москва, Моховая, д. Бюха) и М. М. Стасюлевича. (Спб., Вас. Островъ, 2 линія, д. 7).

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Служилая роль литературы и науки.—Борьба высшей и низшей интеллигенціи.—
Печальныя общественныя послѣдствія верховенства низшей интеллигенціи.

I.

Нужно думать, что всѣ наши внутреннія неурядицы происходятъ только оттого, что «изъ-за деревьевъ мы не видимъ лѣса». Возьмите, на примѣръ, хотя вопросъ о «мужикѣ». Мужикъ есть вездѣ—во Франціи, въ Англіи, въ Германіи. Въ нѣкоторыхъ департаментахъ Франціи, въ Италіи и Испаніи „мужикъ“ гораздо необразованнѣе нашего крестьянина; но кому-же изъ французовъ, итальянцевъ или испанцевъ придетъ въ голову въ интересахъ этого мужика понизить уровень образованія интеллигенціи или ослабить средства умственнаго развитія страны? Езропеецъ знаетъ отлично цѣну знанія, свободы слова, свободы изслѣдованія; онъ знаетъ очень хорошо, что всѣми успѣхами въ гражданской, общественной и экономической жизни онъ обязанъ трудамъ своихъ гениальныхъ изобрѣтателей, ученыхъ, писателей, мыслителей. Мы-же со временъ Рюрика и великаго Новгорода, когда стали «въ позоръ своимъ сосѣдямъ», не придавали никакого значенія знанію и умственному развитію, относились къ нимъ съ вѣчной подозрительностью, называли ихъ «высокоумничаньемъ» и принимали самыя рѣшительныя мѣры, чтобы знанія и идея не приходили къ намъ ни откуда; что же касается «высокоумцевъ», если-бы они у насъ какъ-нибудь контрабандно проявились, то для нихъ всегда имѣлось въ запасѣ укромное мѣстечко. Это фактъ историческій, противъ котораго возражать нечѣмъ, и, конечно, Фонвизинъ былъ болѣе чѣмъ правъ, когда сказалъ, что «бѣдная жизнь, тяжкая работа, ранняя смерть,—вотъ чѣмъ русскій писатель отъ прочей твари отличается»; этимъ же отъ прочей твари отличается и всякій русскій не заурядно умственный человѣкъ.

Въ прошедшемъ столѣтїи наука имѣла у насъ служебный характеръ и литераторы, и ученые были чиновниками. Петръ Великій, устанавливавшій устои новой государственной жизни, явился инициаторомъ и въ этомъ дѣлѣ: для службы государству онъ выписывалъ ученыхъ изъ-за границы, посылалъ за границу русскихъ молодыхъ людей и, затѣмъ, приписывалъ ихъ къ литературному или къ ученому дѣлу. Петръ и самъ занимался литературой, но очъ занимался ею такъ-же, какъ занимался кораблестроеніемъ и устройствомъ фабрикъ, т. е., для практическихъ надобностей государства. Петръ самъ выбиралъ иностранныя книги, которыя считалъ нужными распространить къ общему свѣдѣнію, отдавалъ ихъ переводчикамъ, редактировалъ переводы, а иногда правилъ самъ и корректуру. Что Петръ обладалъ литературными способностями, въ этомъ не трудно убѣдиться изъ его указовъ; нѣкоторые изъ нихъ написаны очень образно и художественно, иногда съ публицистскимъ приѣмомъ, а подчасъ, напоминаютъ и памфлеты. Каково было положеніе литератора, работавшаго у подобнаго редактора— можно судить по просьбѣ одного переводчика, писанной къ Макарову: «такое долгое время не получаючи жалованья, я не могу иначе быть какъ нищимъ, чего вы не разсуждаете и оставляете (насъ за границей) какъ-бы скотину!» Держать писателей впроголодь было у Петра системой: онъ обыкновенно задерживалъ у нихъ жалованье, чтобы они не лѣнились.

Послѣ Петра служебная роль литераторовъ и ученыхъ утрачиваетъ частію свой крѣпостной характеръ, и правительство даетъ нѣкоторый просторъ свободному вдохновенію. Если это свободное вдохновеніе нравилось людямъ власти, за него давались награды, но бывали и такіе случаи, о которыхъ рассказываетъ Тредьяковский: «Прочитавъ на колѣняхъ оду императрицѣ Аннѣ, я удостоился получить всемилостивѣйшую оплеушину». Правительство, вообще, ревниво смотрѣло за тѣмъ, чтобы «творчество» не мѣшало его цѣлямъ и не представляло-бы дѣятельности властныхъ людей въ нежелательномъ свѣтѣ. Вольнодумцевъ, какъ Радищевъ, Новиковъ постигала непремѣнно кара. Кромѣ официальной цензуры, которая стояла на стражѣ благонамѣренности, имѣлись всегда добровольные радѣтели, которые безкорыстно слѣдили за русскими писателями. Образчикомъ виртуозности этого рода можетъ служить доносъ, сдѣланный Булгаринымъ на князя Вяземскаго, «который писалъ по найму у купца 2-й гильдіи Полевого».

Служебный характеръ науки сохраняется еще и до сихъ поръ, и это вполне понятно. Наше государственное устройство, какъ и при Петрѣ, идетъ еще вчернѣ: вездѣ лѣса, мусоръ, по чистому еще работа не началась; традиція та-же, средства и приемы не измѣ-

нились; поэтому отъ литератора и науки требуютъ, чтобы они служили тѣмъ цѣлямъ, которыя имѣются въ виду. Этими ближайшими цѣлями опредѣлялся всегда характеръ нашей умственной жизни, ея цвѣтъ, подъемъ, содержаніе. Когда для Петровской цѣли требовалась критика нравовъ, нужно было устыдить русскихъ за ихъ дикость и отсталость и показать, насколько европейскіе нравы выше нашихъ, однимъ словомъ, когда Петръ желалъ въ прорубленное въ Европу окно впустить европейскій свѣтъ, онъ собралъ соотвѣтственный штатъ ученыхъ, и писателей, а на себя взялъ обязанность хозяина-издателя и держалъ умственныхъ рабочихъ въ ежовой рукавицѣ, какъ держатъ рабочихъ на фабрикахъ. Задумавъ учредить Академію Наукъ, Петръ «приказалъ домъ академическій домашними потребами удостачить и академиковъ не въ зачетъ кушаньемъ довольствоваться, а потомъ подрядить за настоящую цѣну, нанявъ отъ Академіи эконома, кормить въ томъ-же домѣ, дабы входя въ трактиры и другіе мелкіе дома, съ непотребными обращаючися, не обучились ихъ непотребныхъ обычаевъ и въ другихъ забавахъ времени не теряли бездѣльно; понеже суть образцы такіе: которые въ отечествѣ своемъ добронравны, бывши съ роскошниками и пьяницы въ бездѣльничествѣ пропали, и государственнаго убытка больше, нежели прибыли учинили».

Послѣ Петра отъ науки или литературы требовались иныя услуги, и всю нашу исторію были только два случая, когда критическая мысль, высказавшись въ правительствѣ, вызвала и въ обществѣ критическій подъемъ мысли. Это случилось въ царствованія Александра I и Александра II. Ни въ какія другія царствованія печать и наука не обнаружили у насъ такой жизненности и не разработали такой массы общественныхъ вопросовъ, какую онѣ разработали въ эти два историческихъ момента. Но моменты эти были очень коротки: сейчасъ-же стало обнаруживаться, что широкія задачи критики и слишкомъ энергическая работа мысли идутъ дальше предположенной цѣли и больше не требуются.

Ну, а общество? Общество, при кажущейся пассивности, играло всегда очень видную роль въ успѣхахъ и неуспѣхахъ нашего умственнаго развитія. Только въ обществѣ т. е. въ его уровнѣ умственныхъ силъ и потребностей скрывался ключъ къ пониманію того, почему иногда внезапно являлась у насъ усиленная умственная жизнь, то постигало ее затишье. Это зависѣло оттого, какая часть общества устанавливала уровень общественныхъ требованій.

Наша интеллигенція не составляетъ однороднаго цѣлаго; она состоитъ изъ двухъ слоевъ: верхній слой или сливки интеллигенціи образуется изъ людей, наиболѣе способныхъ работать въ выс-

шихъ слояхъ мысли; нижній слой—это подонки сливокъ, простое синее молоко, «сбирательная посредственность». Между этими двумя слоями идетъ вѣчная борьба, и въ борьбѣ этой проходитъ вся наша умственная жизнь, жизнь подъячасъ совершенно безплодная, уносящая силы на доказательство давно доказаннаго, на объясненіе давно извѣстнаго, на отстаиваніе того, что уже разъ было отстояно. Случается иногда, что въ трудныя моменты, когда «сбирательная посредственность» вполне убѣждается въ своемъ безсиліи, напримѣръ, послѣ крымской войны, — случается, говорю я, что низшая интеллигенція приглашаетъ на помощь высшую интеллигенцію и когда та поправитъ дѣло настолько, что «сбирательная посредственность» сама уже можетъ продолжать его, тогда низшая интеллигенція устраняетъ высшую и беретъ дѣло на свой рискъ, пока снова его не испортитъ; тогда опять призывается на короткое время высшая интеллигенція и затѣмъ, опять устраняется. Въ этихъ приливахъ и отливахъ, въ этой вѣчной борьбѣ высшей интеллигенціи съ низшей и проходитъ вся наша жизнь, жизнь, въ которой высшая интеллигенція старается упрочить за собою право на авторитетъ и умственное руководство.

Еще не давно «Новое Время» провозгласило устраненіе высшей интеллигенціи, будто-бы, въ интересахъ народа, для котораго до сихъ поръ ничего не дѣлалось благодаря тому, что интеллигенція, загребая жаръ чужими руками, все прибрала къ себѣ. Конечно, это былъ только приемъ борьбы, ибо народные политики, эти люди средней интеллигенціи, хорошо знали, что они говорятъ неправду. Въ сущности они вели атаку не противъ сбирательной посредственности, и ея нужды, а напротивъ, только ей и служили: они поощряли наживу, помогали дѣльцамъ, капиталистамъ, капиталистическому производству, крупной фабричной и заводской промышленности, богатымъ коммерсантамъ и банкирамъ и вообще тому слою населенія, который ведетъ дѣла, устраиваетъ выставки, проводитъ вечера въ ресторанахъ, въ оперѣ, а высшія общественныя стремленія и широкія общественныя задачи не считаетъ цѣлесообразными, ибо поощрять ихъ значитъ—подрубать сукъ, на которомъ сидишь. Всѣ заряды въ борьбѣ «Новаго Времени» и народной политики противъ интеллигенціи были направлены только противъ высшей интеллигенціи и направлены вполне сознательно, потому что вездѣ—въ наукѣ, въ искусствѣ, литературѣ, въ практической жизни высшая интеллигенція является протестующей силой противъ наживы, мѣщанства, кулачества, капитализма, однимъ словомъ, противъ всего того, что именно и мѣшаетъ развитію народной жизни, развитію, для средней интеллигенціи вовсе не желательному.

Теперь «Новое Время» какъ-бы внезапно повернуло фронтъ и стало говорить, что народная политика, которую она защищала, никогда не была направлена противъ интеллигенціи (конечно, высшей), а напротивъ, держалась основного принципа, представляющаго прописную истину: «каждому свое, ибо народъ представляетъ не одну интеллигенцію, а все населеніе въ его совокупности». «Новое Время» даже увѣряетъ, что политика графа Игнатьева явилась протестомъ противъ практики предшествовавшего времени, когда лозунгомъ было: «все для интеллигенціи, все противъ народа». Но вѣдь и въ то «предшествовавшее время», о которомъ говоритъ газета, также ничего не дѣлалось для высшей интеллигенціи и вообще не существовало открытыхъ путей для свободнаго развитія знаній, мысли и слова, какъ и при графѣ Игнатьевѣ. Въ сущности ни принципъ, ни система при гр. Игнатьевѣ не измѣнились, да едва-ли перемѣна ихъ и зависѣла отъ графа, такъ что «Новому Времени», не дѣлая передержки, не приходится утверждать, будто-бы между тѣмъ, что было раньше и тѣмъ, что сдѣлалъ графъ Игнатьевъ, есть будто-бы разница въ пользу послѣдняго. Мы еще разъ повторяемъ, что народная политика именно тѣмъ и отличалась, что она не желала дать простора для критической мысли, какъ это бывало въ моменты оживленія общества, напр., послѣ крымской войны или въ началѣ царствованія Александра I-го. Никакихъ новыхъ путей открыто не было, средствъ для вышшаго образованія и новыхъ источниковъ для умственнаго развитія создано тоже не было; вмѣстѣ съ тѣмъ и для народной жизни ничѣмъ практическимъ не обнаружилось вліяніе народной политики: ни въ увеличеніи числа школъ, ни въ тѣхъ просвѣтительныхъ мѣрахъ, которыя даютъ народу возможность для дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія и борьбы противъ общественныхъ и экономическихъ трудностей, которыми народъ окруженъ. Однимъ словомъ, народная политика не только по ея фактическимъ результатамъ, но и по той программѣ, которую ей приписываетъ «Новое Время», не предъявила того, что ей приписываетъ газета г. Суворина. Онъ увѣряетъ даже, что народная политика не была вовсе враждебна высшей интеллигенціи и не представляетъ въ доказательство ни одного факта, тогда какъ изъ одного отношенія этой политики къ печати можно уже усумниться въ дружелюбіи ея къ успѣхамъ русской мысли.

Полемизируя съ «Новымъ Временемъ», «Голосъ» упрекаетъ газету въ томъ, что она «народную политику» стала называть теперь «русскою». По словамъ «Голоса», наша политика была всегда русскою, подобно тому, какъ политика французовъ была всегда французскою, нѣмцевъ — нѣмецкою, а англичанъ — англійскою. Едва-

ли, однако, справедливо устанавливать такую классификацію, тѣмъ болѣе, что въ ней сказывается извѣстное порицаніе. Развѣ кто нибудь хвалить Англію за ея англійскую политику или Турцію за ея турецкую политику! Политика можетъ быть только справедливой или несправедливой, предусмотрительной или непредусмотрительной, короче, умной или неумной. Политика, основанная не на высшихъ идейныхъ требованіяхъ, а подчиняющаяся давленію собирательной посредственности, никогда не будетъ политикой общаго блага и прогресса, не будетъ политикой справедливой.

Все это я говорю, конечно, не для того, чтобы обвинить народную политику; я только устанавливаю извѣстный критерій и хочу показать, что если политика не имѣетъ въ виду интересовъ идеи и если камертономъ ея служить средній уровень понятій и частныхъ некультурныхъ интересовъ, т. е. если уровень ея опредѣляется средними умственными способностями, среднимъ знаніемъ и среднимъ развитіемъ, то прямымъ слѣдствіемъ этого будетъ упадокъ общественной нравственности, экономического благосостоянія народа и вообще продуктивности страны, какъ умственной, такъ и матеріальной.

II.

Стремленіе русской женщины къ высшему образованію было, съ одной стороны—неизбѣжнымъ результатомъ освобожденія крестьянъ и новыхъ экономическихъ комбинацій, которыя были вызваны этимъ освобожденіемъ, а съ другой такимъ-же неизбѣжнымъ слѣдствіемъ требованій, предъявленныхъ самимъ-же обществомъ женщинѣ. Уничтоженіе крѣпостного права не было однимъ освобожденіемъ крестьянъ; оно было освобожденіемъ и всѣхъ другихъ сословій отъ служилыхъ отношеній и опеки правительства. При императорѣ Николаѣ, согласно служилой триадиці Петра Великаго, все было казеннымъ. Для дворянскаго сословія, стянутаго въ тѣсныя границы, существовала казенная служба, казенное содержаніе и казенное обезпеченіе, которое вмѣстѣ съ доходомъ отъ крѣпостныхъ, ставило дворянство въ вполнѣ обезпеченное положеніе. Тогда родителямъ не приходилось много заботиться о своихъ дѣтяхъ; обыкновенно въ извѣстномъ возрастѣ записывали мальчиковъ въ мужскія заведенія, дѣвочекъ—въ институты, отвозили дѣтей, когда приходило время, и затѣмъ дѣти становились казенной собственностью—ихъ кормили, одѣвали, учили на государственный счетъ. При выпускѣ изъ заведенія мальчикамъ шилась казенная форма, давались деньги на подъемъ и готовое казенное мѣсто съ казеннымъ жалованьемъ. Если

дѣвочекъ и не ожидало подобное благополучіе, за то онѣ всегда выходили замужъ. Однимъ словомъ, порядокъ существовалъ такой, что дѣти дворянъ воспитывались и обезпечивались вполне государствомъ.

Съ освобожденіемъ крестьянъ порядокъ этотъ совершенно измѣнился. Правительство отстранило отъ себя заботы о даровомъ воспитаніи и казенномъ обезпеченіи дѣтей дворянъ и чиновниковъ. Образование перестало быть даровымъ и, взаимѣнъ прежняго записыванія въ кандидаты, явилась экзаменная конкуренція. Устройство желѣзныхъ дорогъ, развитіе заводской и фабричной промышленности, земскія учрежденія вызвали массу новыхъ силъ, которыя требовались уже не для казенной службы, а для нуждъ общества. Съ освобожденіемъ отъ казенной опеки стало жить неизмѣримо труднѣе: кусокъ хлѣба не давался такъ легко, какъ прежде, и приходилось подчасъ вырывать его изъ чужого рта. Когда государство обезпечивало въ лицѣ родителя все его семейство, лишніе рты не особенно считались и женскій трудъ не требовался ни обществомъ, ни государствомъ; теперь-же дѣвушкамъ, чтобы не оставаться бременемъ семьи, пришлось тоже сдѣлаться работницами и предъявить свои права на работу. Это обращеніе женщинъ къ труду, кромѣ непосредственнаго давленія самой жизнью, вызывалось еще протестомъ общества противъ женскаго бездѣлья. Такимъ образомъ женскій вопросъ явился у насъ, какъ экономическое явленіе, созданное общей нуждой, невозможностью уже жить на счетъ крестьянскаго труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и подѣ давленіемъ моральныхъ причинъ, по которымъ женщина не хотѣла оставаться вѣчнымъ беспомощнымъ ребенкомъ, жившимъ на счетъ отца или мужа. Кромѣ того сильно поколебались и расчеты на замужество: съ одной стороны, трудность добывать средства для существованія, явившаяся для мужчинъ, сдѣлала ихъ много осторожнѣе при заключеніи браковъ; съ другой—на уменьшеніе браковъ вліяли и правительственныя мѣры, ибо, напр., военнымъ право на женитьбу давалось подѣ извѣстнымъ обезпеченіемъ или разрѣшалось извѣстнымъ чиномъ.

Какъ явленіе, созданное соціально-экономическими причинами, стремленіе женщинъ къ высшему образованію будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока существуютъ вызвавшія его причины, а такъ какъ причины эти вполне прогрессивныя, то слѣдовательно и стремленіе женщинъ къ образованію можетъ исчезнуть лишь съ пониженіемъ культурнаго и прогрессивнаго умственнаго состоянія общества. Конечно, искусственными средствами можно задержать это стремленіе. Но предположите, что путемъ искусственныхъ средствъ высшее женское образованіе у насъ совсѣмъ исчезаетъ, а остаются

только низшія школы, шестиклассныя женскія гимназіи, равняющіяся 4-хъ класснымъ мужскимъ прогимназіямъ, да консерваторіи и институты. Что выиграетъ общество и семья, если Россія будетъ имѣть по прежнему женщину, только поющую романсы и играющую на фортепіано, на половину грамотную, чуждую литературнаго образованія, незнакомую съ общественными науками, однимъ словомъ, будетъ имѣть женщину-младенца. Предположите, что вновь нашими женами и матерями станутъ институтки и кисейныя барышни. Какъ-бы мужчина ни былъ образованъ, ему не дотянуть до себя женщину полуобразованную, но за то вполне несомнѣнно, что она оттянетъ его книзу. Пониженіе уровня женскаго образованія уничтожитъ умственное равенство между мужчиной и женщиной и отразится очень печально на семьѣ и на общественныхъ правахъ. До сихъ поръ насъ губило во всемъ то, что мы были націей заурядностей. Заурядность была причиной нашего внутренняго безсилія, заурядность была причиной, что Европа не считаетъ насъ европейской страной и мы не имѣемъ союзниковъ. Теперь предположите, что наша заурядность усилилась еще необразованной женщиной, отъ которой, было, мы начали спасаться.

Когда весною пошли слухи о закрытіи Бестужевскихъ курсовъ, М. К. Цебрикова обратилась съ воззваніемъ о поддержкѣ курсовъ и просила высылать деньги, между прочимъ, въ «Дѣло». Изъ отчета редакціи, напечатаннаго въ предыдущей книжкѣ, читатель можетъ убѣдиться, какое энергическое содѣйствіе оказало общество курсамъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ получилось всего 150 рублей, да и то съ Кавказа; коренная-же Россія не прислала ни копѣйки, хотя она доставляетъ главный контингентъ курсистокъ. Должно быть, спящую русскую Фодору не разбудить муссирующими воззваніями, а нужно что нибудь посильнѣе словъ, какими наша печать хотѣла ее разбудить. Напримѣръ, въ «Русскомъ Курьерѣ» было сдѣлано очень пышное, стилистическое обращеніе къ публикѣ, настолько характерное, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи повторить его. Это воззваніе или прокламація кидаетъ рѣзкій упрекъ Петербургу и затѣмъ выражаетъ увѣренность, что русское общество не допуститъ курсы до гибели. «Курсы не могутъ, не должны пасть, говорятъ воззваніе, русское общество не допуститъ, чтобы его дочери и жены снова ринулись въ разные Цюрихи. Не хватаетъ ли денегъ или энергическихъ людей—русское общество сдумѣетъ найти и дать средства, сдумѣетъ выдвинуть энергическихъ дѣателей. Мужья и братья! Россія обязана женщинамъ внесеніемъ свѣта христіанства, женщины мы обязаны лучшей долей славы въ мипувшую войну, женщины мы обязаны лучшими благами жизни. Не посрамимъ земли родной! Женщины грозить опасность! Хотя

разъ въ жизни послѣдимъ-же на выручку нашей сестры изъ грозящей ей бѣды, докажемъ ей, что мы любимъ въ ней ея честныя, гуманныя и высоконравственныя стремленія и лишь тогда мы явимся достойными себя. Не допустимъ, чтобы она отвернулась отъ насъ съ негодованіемъ и проклятіемъ. Въ лицѣ женщины-врача спасемте наше преимущество даже передъ Европой и дружными энергическими усиліями предохранимъ ее отъ паденія въ неравной борьбѣ».

Какая неумѣлость и какое классическое не знаніе русскаго общества вообще и въ частности русской средней интеллигенціи, стоящей у дѣла. Та часть интеллигенціи, которая хотѣла-бы что-нибудь сдѣлать, сдѣлать ничего не можетъ, а которая можетъ— дѣлать не хочетъ, потому что для ея цѣлей высшее образованіе не нужно не только женщинамъ, но и мужчинамъ. И развѣ эту не желающую часть общества можно убѣдить одними словами или истинами въ родѣ той, что „Россія обязана женщинѣ внесеніемъ свѣта христіанства и лучшими благами жизни“. Положимъ, что относительно свѣта христіанства Россія обязана женщинѣ, ну, а относительно лучшихъ благъ жизни можно еще съ авторомъ поспорить. И вотъ, упираясь на историческое свидѣтельство, что христіанство введено въ Россію св. Ольгой, авторъ убѣждаетъ не не закрывать женскихъ медицинскихъ курсовъ! Нечего сказать сильный аргументъ.

Нѣтъ, практическія дѣла, особенно такого рода, какъ развитіе средствъ образованія, не создаются подобными газетными обращеніями къ кому-то. Если-бы «Русскій Курьеръ» пригласилъ въ Москву всѣхъ Демосфеновъ поваго и стараго свѣта, то даже и изъ этого ничего-бы не вышло. Когда почтенный нѣмецкій Михель, засыпалъ очень крѣпко, его, по словамъ Бёрне, не могли уже будить ни мухи, ни комары, и нѣмецкіе патриоты обращали свои взоры къ Перуну-громовержцу, прося его поколебать землю. Наша Федора спитъ тоже не хуже Михеля, да и почему ей не спать, когда все такъ хорошо устроено для сна. Придетъ время, проснется и сама, а время придетъ тогда, когда подъ Федору подтечетъ вода или какая-нибудь мерзость.

III.

Уже много лѣтъ насъ окружаетъ умственная атмосфера, въ которой не видится просвѣта. Упадокъ знаній ниже средняго уровня и общее пониженіе умственной жизни давно уже обнаружило свое разрушительное вліяніе и даетъ себя чувствовать въ общественныхъ отношеніяхъ, въ упадкѣ чувства справедливости и об-

щественной совѣсти, въ общественномъ безстыдствѣ и нахальствѣ. Въ настоящее время больше, чѣмъ когда-либо, беззащѣтность начинается щеголять цинизмомъ, и люди, даже повидимому, незаурядные, утратили совѣсть и стыдъ.

Едва только газеты окончили описаніе подвиговъ г. Свѣтницкаго, какъ въ Москвѣ народился новый герой и на этотъ разъ настоящій литераторъ. Литераторъ этотъ—сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей» или, какъ его называетъ въ «Новостяхъ» г. Лукинъ, «Шекспиръ съ Сивцева Вражка». Чтобы событіе это не утратило въ моемъ изложеніи своей пикантности, я сдѣлаю выписку изъ повѣствующаго о немъ фельетона г. Лукина: «Явяся съ пріятелемъ въ «Мавританію» и выпивъ нѣсколько рюмокъ коньяку и ликеру, г. Аверкіевъ при расплатѣ нашель, что его обсчитали. Въ видахъ «провѣрки счета», г. Аверкіевъ сложилъ руку въ кулакъ и началъ бить распорядителя... О кулачныхъ упражненіяхъ г. Аверкіева составленъ полицейскій актъ. Достоинно замѣчанія, что, когда эта исторія огласилась и попала въ газеты г. Аверкіевъ выступилъ передъ публикою съ печатнымъ объясненіемъ. Не отрицая факта произведенной имъ кулачной расправы, г. Аверкіевъ силится доказать, что онъ въ данномъ случаѣ, кромѣ кулака, «не зналъ иного выхода (?!)». А между тѣмъ, изъ того-же письма явствуетъ, что г. Аверкіева никто не обсчитывалъ и все «недоразумѣніе», произошло оттого, что г. Аверкіевъ, подъ вліяніемъ выпитаго коньяка и ликера, потерялъ способность соображать. Оказывается, какъ заявляетъ самъ г. Аверкіевъ, что «буфетъ считалъ итогъ (т. е. количество рюмокъ, выпитыхъ г. Аверкіевымъ въ компаніи съ пріятелями), а я—сколько приходится на брата».

Читателя можетъ удивить, что героемъ этого событія явился литераторъ, но у cadaго слоя общества есть своя литература и свои литераторы: есть литература и литераторы для писарей, есть литература и литераторы для кисейныхъ барышень, институтокъ и молодыхъ Марсовъ, есть литература и литераторы для средней интеллигенціи, есть, наконецъ, литература и литераторы для интеллигенціи высшей. О томъ, какіе литераторы составляютъ контингентъ литературы Страстнаго Бульвара, читатель можетъ узнать изъ дальнѣйшаго изложенія г. Лукина. «Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» сотрудничаетъ прославившійся въ послѣднее время Евгеній Львовъ, подъ каковымъ псевдонимомъ скрывается, какъ оказалось, Евгеній Львовичъ Кочетовъ. Этотъ писатель, «злобно преслѣдующій внутреннихъ враговъ нашего отечества и зловредную печать либеральнаго направленія», самъ подпалъ подъ обвиненіе: редакція „Газеты“ г. Гатцука навела справку, что, подъ псевдонимомъ Евгенія Львова, въ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» скрывается никто иной,

какъ „разжалованный портупей-ѣнкеръ Евгенія Львовъ Кочетовъ, выдержанный въ Вильнѣ около года въ арестантскихъ ротахъ за какой-то, вѣроятно, очень патріотическій подвигъ“. Предположите, что это свѣдѣніе нѣсколько преусилено, но вѣдь дыму безъ огня не бываетъ, и чтобы сказать только половину того, что сказала о Львовѣ „Газета“ Гатцука, нужно сказать очень много. Дальше предположите, что тонъ общественному мнѣнію даютъ люди, высидѣвшіе, хотя-бы даже и очень короткіе сроки, въ арестантскихъ ротахъ, что въ рукахъ подобныхъ людей находится управленіе правами и понятіями общества и они-же воспитываютъ въ обществѣ патріотическія чувства! Казарменность, грубость, невѣжество и депотизмъ, какъ физическій такъ и умственный, явятся слѣдствіемъ уроковъ такихъ воспитателей, и общество непременно пойдетъ—и очень быстро—по той наклонной плоскости, по которой его спускаютъ «Московскія Вѣдомости» и'разныя другіе, вторящіе имъ органы печати.

Да, въ наше время, когда... можно снова повторить замѣчаніе новгородскаго лѣтописца, что мы стали „въ посрамленіе сосѣдямъ нашимъ“. Вотъ, на примѣръ, пикантный фактъ, случившійся недавно, и о которомъ сообщаетъ «Голосу» корреспондентъ изъ Батума: «Недавно, близъ Новороссійска, матросы гребной флотилии Черноморскаго округа, плававшіе въ небольшой лодкѣ, были застигнуты бурей и унесены въ открытое море. Страшный вѣтеръ долго таскалъ несчастную фелюгу по открытому морю и, наконецъ, прибилъ къ берегу, оказавшемуся владѣніемъ Порты, не далеко отъ Синопа. Трудно было представить себѣ положеніе несчастныхъ, вполнѣ предоставленныхъ на произволь стихіямъ. Высадившись на берегъ, наши матросы встрѣтили самый радушный приемъ со стороны мѣстнаго населенія и властей. А затѣмъ, вотъ нашъ отвѣтъ туркамъ за ихъ гостепрѣимство. Въ концѣ іюля, въ новороссійскую бухту вошла одномачтовая кочерма и бросила якорь не далеко отъ берега. Кочерму эту занесла къ намъ буря, которая порвала паруса и снасти у злополучнаго судна и носила его по морскимъ пучинамъ, подвергая весь экипажъ ежеминутной гибели. Но отважнымъ морякамъ не суждено было погибнуть, и они пристали къ русскому берегу близъ Батума. Судно дало значительную течь и дальнѣйшее плаваніе его безъ ремонта и исправленія было невозможно, потому что снасти всѣ были порваны, а вода залила трюмъ. Поэтому шкиперъ хотѣлъ вытянуть судно на берегъ и, исправивъ его, пуститься въ обратный путь. Какъ поступили-бы въ подобномъ случаѣ англичане, нѣмцы, французы, шведы, т. е. народы, называющіеся европейскими, совершенно ясно; даже ясно, какъ поступили-бы въ подобномъ случаѣ турки, по мы, хранители

преданій отцовъ и московскихъ порядковъ, поступили такъ: на судно явилось начальство и потребовало видъ и паспорта. Видъ на судно и экипажъ оказались, конечно, не визированными нигдѣ, и погибающимъ морякамъ было объявлено, что, «по таможенному закону», они не могутъ выйти на берегъ и чинить судно, а должны отправляться въ море и тамъ утонуть. Къ судну былъ поставленъ караулъ, чтобы не дозволить туретчинѣ выйти на берегъ. Что оставалось дѣлать? Конечно, уйти въ море, — такъ и поступилъ шкиперъ, но, пройдя версть 10, онъ замѣтилъ, что судно быстро наполняется водой и снова присталъ къ берегу. Но и на новомъ мѣстѣ турецкое судно встрѣтило то-же русское гостепріимство: кордонная стража задержала весь экипажъ и только благодаря мѣстнымъ властямъ шкиперу-турку дозволено было произвести исправленіе судна.

Какая это традиціонная и нескончаемая система выемки, обыска и сыска, о которыхъ еще говоритъ Крыжаничъ: «Да кто вы, да зачѣмъ, да почему?» съ непремѣннымъ заподозриваніемъ Богъ знаетъ въ чемъ. Полюбуйтесь на статейку «Моск. Вѣд.» противъ «Русскаго Курьера», за которую даже «Новое Время» назвало Каткова клоуномъ. «Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, говорятъ «Моск. Вѣд.», какъ Россія находится подъ тяжелымъ кошмаромъ, нагнаннымъ на нее противорусскою революціонною крамолою. Государственная жизнь остановилась и правительство, озираясь кругомъ и прислушиваясь къ крику, говору и шелоту «прессы», не знаетъ, гдѣ враги его и гдѣ друзья. Ничтожная шайка крамольниковъ держитъ подъ страхомъ цѣлое многочисленное государство, благодаря тому, что забрала въ свои руки большое число газетъ, выдавая печатаемую въ нихъ ложь и гадость за «общественное мнѣніе». Происходитъ невыразимый сумбуръ, и мы никакъ не можемъ выйти изъ заколдованнаго круга. Пора-же, наконецъ, страхнуть съ себя этотъ кошмаръ!»...

Дѣйствительно, пора, а то у нашихъ береговъ будутъ тонуть наши сосѣди, жавущіе съ нами въ мирѣ, и мы не только не бросимъ имъ спасательной веревки, но заподозривъ въ шпіонствѣ, оттолкнемъ въ море; мы закроемъ свои границы отъ иностранцевъ и будемъ обшаривать карманы každато путешественника. Подозрительность, трусость и, главное, невѣжество, едва-ли помогаютъ намъ въ нашихъ сношеніяхъ съ иностранцами и украшаютъ нашу внутреннюю жизнь. Дѣйствительно, пора-бы все это бросить. «Заря» рассказываетъ, что одинъ французъ пріѣхалъ въ Кіевскую губернію, чтобы завязать сношенія съ какой-то торговой фирмой. Не смотря на паспортъ, становой арестовалъ его, потому что паспортъ былъ французскій. Подобный-же случай былъ недавно въ

Перми. Приѣхаль въ Пермь членъ одного англійскаго общества распространенія священнаго писанія, чтобы черезъ Сибирь добраться до Америки. Миссіонеръ былъ снабженъ всевозможными документами и рекомендаціею ко всѣмъ губернаторамъ. Пробывъ въ Перми не долго, миссіонеръ по желѣзной дорогѣ отправился въ Екатеринбургъ и раздавалъ на станціяхъ Евангеліе и, сверхъ того, бросалъ экземпляры на платформу. Одному станціонному жандарму такое поведеніе показалось подозрительнымъ, и онъ далъ шифрованную телеграмму на слѣдующія станціи, что въ поѣздѣ ѣдетъ Кобозевъ и Гартманъ (съ миссіонеромъ былъ переводчикъ), которыхъ слѣдуетъ арестовать. Бдительные стражи Чусовской станціи такъ и поступили, принявъ документы миссіонера за подложные. Мнимаго Кобозева и Гартмана арестовали и отправили въ Пермь въ сопровожденіи восьми жандармовъ съ обнаженными саблями. Въ Перми, конечно, все разъяснилось, и мѣстный прокуроръ, встрѣтивъ миссіонера на станціи, извинился передъ нимъ и возвратилъ ему свободу. Корреспондентъ прибавляетъ, что освобожденный преступникъ, прощаясь съ жандармами, роздалъ имъ по экземпляру своихъ революціонныхъ прокламацій-Евангелій, чѣмъ жандармы были несказанно удивлены.

Положимъ, что это было сдѣлано жандармами, т. е., простыми солдатами, но не сумѣлъ отличить „Впередъ“ Лаврова отъ романа „Впередъ“ Шпильгагена не простой солдатъ, а становой. Что въ полицейскіе чиновники идутъ почти неграмотные люди, никогда ничего не читавшіе, не образованные ни литературно, ни всякимъ другимъ образомъ, а проникнутые только „усердіемъ“—отъ этого едва-ли обществу живется спокойнѣе. Но гдѣ-же взять образованныхъ людей въ урядники, становые, когда и на болѣе высокихъ должностяхъ не блеститъ особенное образованіе и знаніе. Подъ Петербургомъ, въ Царскосельскомъ и Петергофскомъ уѣздахъ, не достаетъ положеннаго по штату числа урядниковъ, потому что ихъ взять негдѣ. Это фактъ весьма серьезный: если ужъ для Петергофскаго и Царскосельскаго уѣздовъ негдѣ взять урядниковъ, то гдѣ-же ихъ взять въ захолустьяхъ! Что-же, поэтому, удивительнаго, что по разсказу корреспондента «Недѣли», одинъ урядникъ въ Барѣ, заложивъ въ бричку двухъ крестьянъ, проѣхалъ на нихъ семь верстъ. Фактъ невообразимый, а между тѣмъ, несомнѣнный, ибо онъ удостовѣренъ становымъ, представившимъ этого изумительнаго урядника къ увольненію отъ должности.

Пора-бы, кажется, отставить тенденціозныя увѣренія, что у насъ есть «люди». Они, дѣйствительно есть, да не тамъ, гдѣ-бы они нужны. Они нашлись-бы, пожалуй, и для того, чтобы давать

тонъ жизни, но ихъ въ этому не призываютъ, а въ томъ источникѣ, въ которомъ ищутъ людей, ихъ дѣйствительно нѣтъ.

Вся та посредственность, которая такъ цѣнится нынче, и которая даетъ себя чувствовать въ неумѣннн отличить «Впередъ» Лаврова отъ «Впередъ» Шпильгагена, а Евангеліе смѣшиваетъ съ прокламаціями, вся эта заурядность на столько расплодилась повсюду и заслонила собою все остальное, что изъ-за нея дѣйствительно совсѣмъ не видно людей. Даже подъ Петербургомъ является практика такихъ вѣяній, точно Петербургъ пересталъ быть интеллектуальнымъ центромъ и сталъ трущобой.

Есть въ 15 верстахъ отъ Петербурга колонія для малолѣтнихъ преступниковъ. Колонія эта была основана подъ вліяніемъ гуманныхъ идей, которыя господствовали въ шестидесятыхъ годахъ. Колонія вначалѣ находилась подъ управленіемъ А. Я. Герда и Резенера. Заведеніе отличалось именно царившимъ въ немъ духомъ гуманности и христіанской любви, и чтобы очертить высокій подвигъ людей, которые посвятили себя этому дѣлу, довольно указать на Резенера, жившаго какъ дядька съ преступниками въ одной комнатѣ. Колонія въ то время была обширной семьей, въ которой не только не существовало тѣлеснаго наказанія, но все дѣлалось съ такой любящей мягкостью, съ такой добротой и лаской, которыя встрѣчаются только въ семьѣ. Въ помощники и воспитатели выбирались тоже особенные люди, способные на подвигъ, и ихъ находилось не мало. Все это было лѣтъ 10 тому назадъ, а теперь объ этомъ заведеніи мы читаемъ вотъ что: приводимая ниже выписка прислана, однимъ изъ помощниковъ воспитателя, въ «Голосъ»). «Въ колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, назначенной собственно для исправленія, воспитывается нынче болѣе 100 дѣтей. Между тѣмъ, все вниманіе въ колоніи, въ послѣднее время, было обращено на устройство плотины на рѣкѣ, чтобы поднять уровень воды выше трубъ, проведенныхъ въ прачешную и баню. Что-же касается сельскаго хозяйства и воспитанія дѣтей, объ этомъ совсѣмъ не заботятся. Скотный дворъ и сарай для сѣна разрушаются, такъ что во время дождя въ нихъ по колѣно воды. Сѣно, котораго въ нынѣшнемъ году собрано болѣе 2.000 пудовъ, начинаетъ гнить. Пахать землю и исправлять другія полевныя работы не на чемъ, не смотря на то, что въ колоніи имѣется десять лошадей.

«Воспитательная часть тоже находится въ весьма неудовлетворительномъ состояніи. Воспитатели и ихъ помощники придерживаются различныхъ системъ воспитанія, а нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ не имѣютъ никакой системы. Каждый воспитатель дѣйствуетъ такъ, какъ Богъ на душу положитъ. Розга и зуботычина

считаются единственными рациональными средствами, съ помощью которыхъ можно достигнуть блестящихъ результатовъ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей-преступниковъ. Какъ далеко зашла вѣра въ благотворное вліяніе розги, видно изъ слѣдующаго:

«Въ колоніи живетъ воспитанникъ Т., мальчикъ лѣтъ 18-ти, идіотъ. 2-го августа, этотъ 18-ти-лѣтній парень былъ высѣченъ на глазахъ всѣхъ дѣтей; это—первый печальный фактъ, омрачившій жизнь обитателей ея за 11-ти-лѣтнее существованіе. Вообще, тѣлесное наказаніе въ колоніи теперь въ ходу; воспитатели и ихъ помощники пускаютъ въ ходъ кулаки и палки.

«Какія-же послѣдствія порядковъ, царящихъ въ колоніи? Послѣдствія очень печальныя. Воспитанники бѣгутъ изъ колоніи цѣлыми партіями, воровство съ каждымъ днемъ все усиливается. Въ концѣ іюля, на примѣръ, въ два дня убѣжали восемь человекъ, но только одному изъ нихъ удалось скрыться, остальныхъ-же снова воротили въ колонію. Одѣяла, сапоги и многое другое почти каждый день сносятся въ сосѣднюю деревню Ковалево. 11-го августа, изъ погреба директора, ночью, украли мясо, варенье и вино».

Колонія, доведенная до такого состоянія, уже перестала существовать, и комитету, ею завѣдывающему, остается только одно: закрыть заведеніе, ибо теперь, вмѣсто школы исправленія, колонія стала школой порчи.

Приведенный фактъ, очень важный фактъ, потому что онъ не единичный, потому что онъ указываетъ на перемѣну педагогическаго міровоззрѣнія и воспитательной системы. Основаніе колоніи принадлежитъ къ тому времени, когда, подъ вліяніемъ гуманныхъ идей, совершилась въ Россіи отмѣна тѣлеснаго наказанія и, вообще, надъ обществомъ царилъ идеалъ, дававшій всему строю жизни и взаимнымъ отношеніямъ болѣе мягкій характеръ. Затѣмъ, тонъ начинаетъ постепенно опускаться, и теперь мы дошли до такого положенія, когда, съ упадкомъ нравственныхъ понятій, начала царить снова грубость отношеній, отъ которой только-что была сдѣлана попытка избавиться. Что перемѣна это не составляетъ отдѣльнаго случая, можно подтвердить массой фактовъ, которые читатель найдетъ въ судебномъ отдѣлѣ любой газеты. Гласный судъ, отъ котораго ожидали такъ много воспитательныхъ послѣдствій. не въ состояніи бороться съ упадкомъ нравственныхъ понятій ужъ по одной той причинѣ, что судъ имѣетъ только дѣло съ послѣдствіями, а не съ причинами.

Штабсъ-капитанъ Ивановскій, котораго судили за то, что онъ приказалъ отодрать солдата хорошенько, «чтобы слѣды остались», отъ предсѣдателя суда выслушалъ замѣчаніе, что, «явившись ревнителемъ закона, онъ сознательно творилъ беззаконія», а прокуроръ

не стѣснился сказать, что „такіе офицеры порочать свое званіе, а потому и не могутъ быть терпимы». Но насколько все это удержать другихъ г. Ивановскихъ, когда каждый изъ нихъ считаетъ себя „хранителемъ закона“, когда каждый изъ нихъ, являясь представителемъ дисциплины, понимаетъ подъ нею самоуправство и насиліе. А вотъ фактъ, какъ иногда у насъ понимается и толкуется дисциплина.

Обвинялся 22-хъ лѣтній рядовой изъ казанскихъ татаръ Миндула Миндубаевъ, въ умышенной порчѣ казеннаго патрона. Порчу эту онъ учинилъ слѣдующимъ образомъ: стоя на часахъ, Миндубаевъ вынулъ пулю изъ своего патрона, чтобы ознакомиться съ его устройствомъ, а потомъ сталъ бить гильзой о мушку ружья. Послѣдовалъ выстрѣлъ: гильзу разорвало и ранило въ кровь лѣвую руку Миндубаева. Въ такомъ видѣ засталъ его ефрейторъ, прибѣжавшій на выстрѣлъ. Стоимость патрона, который фигурировалъ на судѣ, какъ вещественное доказательство, не выше 5 копѣекъ. Помощникъ прокурора Повалишинъ настаивалъ на обвиненіи, видя въ поврежденіи патрона Миндубаевымъ умывленную порчу, а не простую неосторожность; кромѣ того, преступленіе Миндубаева квалифицируется тѣмъ, что оно совершено при отягчающихъ вину обстоятельствахъ: въ то время, когда онъ стоялъ на часахъ. Поэтому помощникъ прокурора требовалъ отдачи Миндубаева въ исправительныя роты отъ 1 до 3 лѣтъ. Конечно, судъ призналъ Миндубаева невиновнымъ.

Какъ ни страшень былъ, повидимому, прокуроръ въ своемъ обвиненіи, но онъ былъ несомнѣнно послѣдователенъ. Ошибка его заключалась только въ томъ, что центръ тяжести обвиненія онъ перенесъ не туда. Дисциплина не заключается только въ одномъ чинопочитаніи, но и въ выполненіи своихъ обязанностей всѣми чинами, какъ высшими, такъ и низшими.

Миндубаевъ несомнѣнно квалифицировалъ свою вину тѣмъ, что занимался изслѣдованіемъ патрона на часахъ. Онъ не исполнилъ своей обязанности, но еще больше не исполнили свои обязанности инструкторъ, фельдфебель, взодный офицеръ, наконецъ, ротный командиръ, которые не объяснили Миндубасву, что такое патронъ и какъ съ нимъ обращаться. Солдатъ неоспоримо нарушилъ дисциплину, ну, а тѣ, которые обязаны были дать солдату знанія—развѣ не нарушили ее еще болѣе? Судъ этого вопроса не ставилъ, да по его компетентности ему, можетъ быть, и не слѣдовало ставить. Но если всѣ подобныя дѣла, оканчиваясь только механическимъ исполненіемъ судомъ своихъ обязанностей, не будутъ получать высшаго общественнаго направленія, то наша общественная справедливость окажется скоро построеной по старинному пра-

вилу: «съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тягайся». И теперь уже почти на каждомъ шагу приходится видѣть въ лицахъ басню о волкѣ и ягненкѣ, и если все это будетъ идти такъ-же, то мы очень скоро воротимся ко временамъ московскихъ князей. Въ «Недѣлѣ», на примѣръ, разсказывается такой фактъ: «Учитель села Гусинаго жалуется въ люблинское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, что помѣщикъ отобралъ часть училищной земли, не отпускаетъ для училища дровъ и, вообще, отказывается во всѣхъ опредѣленныхъ для училища сервитутахъ. Холмскому комиссару поручается разобрать дѣло на мѣстѣ. Комиссаръ, въ присутствіи крестьянъ, прежде всего спросилъ учителя, знаетъ-ли онъ басню Крылова «Волкъ и Ягненокъ», а потомъ прибавилъ, что за такія жалобы на помѣщика учителя слѣдовало-бы посадить на двѣ недѣли подъ арестъ. Когда крестьяне стали подтверждать заявленіе учителя, что помѣщикъ отобралъ училищную землю, то комиссаръ приказалъ имъ «молчать». Для пущаго уразумѣнія темной толпы, комиссаръ съ паэосомъ заявилъ, что въ Любартовскомъ уѣздѣ онъ, за сопротивленіе его власти, засадилъ въ тюрьму трехъ крестьянъ, изъ которыхъ одинъ повѣсился. Послѣ такого авторитетнаго внушенія у крестьянъ «приле языкъ къ гортани», и дѣло рѣшилось въ пользу помѣщика и во вредъ училищу».

Совершенно подобная-же басня о волкѣ и ягненкѣ повторяется и въ другихъ мѣстахъ, на примѣръ: въ Новосельскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, по словамъ корреспондента „Голоса“, предводитель дворянства, г. Шатиловъ, «смѣняетъ становаго пристава, если тотъ оказывается ему почему либо неудобнымъ, высылаетъ изъ уѣзда административнымъ порядкомъ адвоката крестьянъ и, вмѣстѣ съ содѣйствующимъ ему непремѣннымъ членомъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, г. Писаревымъ, обуздываетъ всѣхъ, кто имъ почему-либо неудобенъ. „И все это происходитъ на глазахъ у всего общества и даже при участіи нѣкоторыхъ общественныхъ учреждений“, прибавляетъ корреспондентъ «Голоса». Обвиненіе странное, потому что оно несправедливое. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, мѣстное общество, если оно безгласно и не пользуется никаки правами! Почему-же съ этимъ обществомъ, обезличеннымъ, и не поступать такъ, какъ поступаетъ, на примѣръ, г. Шатиловъ или приведенный выше холмскій помѣщикъ? Вотъ, на примѣръ, какой случай разсматривался въ Петербургѣ у мирового судьи 12-го участка. Обвинялся каретный мастеръ Антоновъ въ обремененіи ношею ученика своего Евдокимова. Дѣло это началось такъ. Въ началѣ іюля, нѣкто Правитовъ, проходя въ полдень по Надеждинской улицѣ, увидѣлъ, что на тротуарѣ лежатъ мальчикъ, а около него лужа крови. У фонаря, рядомъ съ мальчикомъ, лежала ме-

„Дѣло“, № 9, 1882 г. II.

таллическая трубка. На вопросъ: «что съ тобою», мальчикъ отвѣчалъ, что хозяинъ приказалъ ему отнести трубку, но она ему не по силамъ, и у него отъ натуги пошла изъ носу кровь. Трубка оказалась настолько тяжелой, что Правилонъ и другой свидѣтель Петерсонъ едва ее подняли. Тогда привели околочнаго, который и составилъ протоколъ. На судѣ каретный мастеръ отрицалъ показаніе свидѣтелей и доказывалъ, что ноша была соразмѣрна силамъ 12-ти-лѣтняго мальчика, а кровь у него потекла отъ сильной жары. Мировой судья нашелъ, что полиція не имѣла права возбуждать дѣло по заявленію частныхъ лицъ и, что оно могло быть начато или самимъ потерпѣвшимъ или по его заявленію, и потому Антонова онъ оправдываетъ.

Очень можетъ быть, что кровь у мальчика потекла отъ сильной жары, но если общество имѣетъ право «вчинать иски» за жестокое обращеніе съ животными, то почему-же оно не имѣетъ этого права въ случаѣ несправедливости или жестокаго обращенія съ людьми. Почему, напримѣръ, общество должно быть безгласнымъ въ такихъ, напримѣръ, случаяхъ, когда помѣщикъ отбираетъ землю у училища, когда онъ притѣсняетъ темную толпу или когда, подобно г. Шатилову, онъ ссылаетъ адвокатовъ крестьянъ,—почему общество во всѣхъ подобныхъ случаяхъ должно считаться безгласнымъ и некомпетентнымъ и можетъ-ли оно имѣть какой-нибудь голосъ и значеніе, когда какой-нибудь холмскій комиссаръ приказываетъ обществу молчать и внушаетъ ему, что всякій справедливый протестъ противъ самоуправства есть сопротивленіе власти, а г. Шатиловъ и его подручный Писаревъ не медленно высылаютъ административнымъ порядкомъ тѣхъ, кто протестуетъ противъ ихъ несправедливости?

Подобныя практическіе уроки, повторяясь тамъ и здѣсь, ужь, конечно, воспитаютъ общество въ такомъ скромномъ молчаніи, что люди будутъ проходить молча, пожалуй, даже мимо смертоубійствъ на улицахъ, на томъ основаніи, что говорить о смертоубійствѣ не дѣло общества и не его право. Вообще, теорія взаимныхъ отношеній, при возможности существованія подобныхъ воспитывающихъ фактовъ, уведетъ насъ, наконецъ, въ такія непроходимыя дебри, что общество поневолѣ одичаетъ и станемъ мы настоящими волками.

IV.

Изъ всѣхъ приведенныхъ выше фактовъ можно сдѣлать только тотъ выводъ, что интеллигенція, создающая ихъ, не стоитъ на высотѣ задачи и что возстановленіе болѣе правильныхъ обществен-

ныхъ отношеній должно зависѣть отъ лицъ иного развитія и иного пониманія общественныхъ обязанностей.

Мы переживаемъ теперь время буржуазное, съ рѣзко намѣченными буржуазными стремленіями и тенденціями. Дѣльцы уже давно начали давать тонъ жизни и забираютъ ее въ свои руки. Теперь-же мы лишь присутствуемъ при результатахъ. Вездѣ оглашаются банковые крахи и своекорыстная система управленія общественными дѣлами, попавшими въ руки усиляющейся русской буржуазіи. Повсюду городское и банковое управленіе и управленіе общественными дѣлами находится въ рукахъ воротилъ, дѣльцовъ и малообразованнаго купечества. Есть города, въ которыхъ дѣлами завѣдуетъ, хотя и профессора, но эти профессора, по складу понятій и по лавочнымъ стремленіямъ, образуютъ какъ разъ именно ту низменную буржуазную интеллигенцію, которая менѣ всего способна изображать представительство общественныхъ интересовъ. Собственная буржуазная интеллигенція очень цѣнится кулаками-заправилами, потому что она поддерживаетъ ихъ интересы, и въ рукахъ такихъ людей всякое общественное дѣло превращается въ частное личное дѣло небольшой кучки дѣльцовъ. Порядокъ такого управленія заключается въ томъ, что купцы раздѣляютъ между собой деньги изъ банковъ, ведутъ на эти деньги торговлю или, вѣрнѣе, производятъ перепродажу, съ громаднымъ барышомъ, хлѣба и другихъ крестьянскихъ продуктовъ, наживаются, веселятся и, въ то-же время, надавливаютъ бѣдное мелкое мѣщанство и держатъ въ рукахъ крестьянъ и мелкихъ землевладѣльцевъ. Есть города, да и не только города, даже и цѣлыя земства, гдѣ дружно спѣвшаяся кучка кулаковъ держитъ все управленіе въ рукахъ, выбираетъ другъ друга на разныя выгодныя должности и творитъ всякую неправду и обиду, и никто объ этомъ не смѣетъ сказать ни слова.

Внѣ городскихъ дѣлъ и городского хозяйства дѣла идутъ не лучше, потому что наша кулачская буржуазія повсюду и вездѣ умѣетъ удержать за собою львиную часть. Недавно, по поводу московской выставки, выступилъ довольно ярко вопросъ о русскомъ кустарѣ. Нашъ кустарь есть голодный работникъ, которому уже давно не подъ силу бороться, какъ съ сельско-хозяйственными нуждами, такъ и съ капиталистами-фабрикантами. Въ настоящее время его перестали кормить и земля, и его кустарный промыселъ. Необходимость правительственнаго, общественнаго содѣйствія кустарнымъ промысламъ уже настолько сознается всѣми, что лѣтомъ нынѣшняго года устроился съѣздъ Общества для содѣйствія русской промышленности и торговли, а недавно открылся съѣздъ русскаго техническаго Общества, XI отдѣленіе котораго имѣетъ зада-

чей выяснить положеніе нынѣшней кустарной промышленности и ея нужды.

Любопытно, что съѣздъ общества для содѣйствія русской промышленности очень любовно отнесся къ положенію русскаго кустаря. Въроятно, не съ мевъшими симпатіями отнесется къ нему и съѣздъ русскаго технического Общества. Въ самомъ дѣлѣ, фактъ отрядный. Но если поближе приглядѣться къ симпатическимъ чувствамъ русскаго заводчика къ русскимъ кустарямъ, то, можетъ быть, окажется, что это любовное отношеніе оттого только и явилось, что кустарю болше не жить. Конечно, есть обрабатывающія промышленности, для которыхъ безразлично—существуетъ или не существуетъ кустарь, но есть и такія промышленности, для которыхъ кустарь является соперникомъ. Если-бы кустарь явился дѣйствительно соперникомъ, то трудно повѣрить, чтобы фабрикантъ захотѣлъ оказать ему свое покровительство; но отчего не сказать слово участія тому, кого ужъ и добивать-то нечего. Что наша фабричная промышленность сильно развилась, этому мы видѣли доказательства на московской выставкѣ. Что наши фабрики организуются все лучше, капиталистичнѣе—также не можетъ уже быть никакихъ сомнѣній. Понятно, что, при лучшей организаціи производства, явились издѣлія такого качества, съ которыми не подь силу бороться кустарю. Кустарь и теперь уже можетъ считать себя вытѣсненнымъ вездѣ, гдѣ соперникомъ его является фабрикантъ, и для его дѣятельности остаются только тѣ поприща или такія производства, за которыя фабрикантъ братья не станетъ. Понятно, что подобному вытѣсненному и загнанному кустарю, положеніе котораго во многихъ случаяхъ неизмѣримо хуже положенія послѣдняго фабричнаго рабочаго, почему-бы и не оказать сочувствія. Фабриканты очень хорошо знаютъ, что для помощи кустарному производству никто не попроситъ ихъ уменьшить свое производство или понизитъ цѣну своихъ фабрикатовъ, или увеличить плату рабочимъ. и что кустарное производство само по себѣ, а фабричное производство—само по себѣ.

Не совсѣмъ, однако, ясно, почему кустарный вопросъ долженъ служить предметомъ обсуждения Общества для содѣйствія русской промышленности или технического Общества, въ числѣ членовъ которыхъ, какъ извѣстно, нѣтъ ни одного кустаря. Вопросъ этотъ по существу есть чисто правительственный, и если только правительство желаетъ отнестись къ нему съ такимъ безпристрастіемъ, чтобы интересы земледѣльческаго населенія и деревенскихъ кустарей поставить вровень съ интересами капиталистической буржуазіи, то разрѣшеніе его нельзя предоставлять купцамъ, воротиламъ, кулакамъ и крупнымъ заводчикамъ. Уже, конечно, они съѣдутся

не для того, чтобы беречь интересы кустара, а для того, чтобы уберечь свои собственные интересы отъ посползновеніе всякихъ другихъ производителей.

Положеніе земледѣльца, очутившагося въ крѣпкой рукѣ кулака и Разуваева или Дерунова, есть положеніе такого рода, что для улучшенія его нельзя призывать этихъ-же Деруновыхъ и кулаковъ, у которыхъ, какъ извѣстно, хватка мертвая. Извѣстно и даже переизвѣстно, что упадку нашего крестьянскаго хозяйства столько-же способствовали неурожая, сколько и хищническія руки кулаковъ и Разуваевыхъ, захватывавшихъ въ свои руки крестьянское имущество, и эта система тянется не годъ, не два; она тянется съ тѣхъ поръ, когда, благодаря нашей боязни людей образованныхъ, мы отдались въ руки людей полуобразованныхъ и сознательно, систематически направляли свое хозяйство въ интересахъ промышленной буржуазіи, но буржуазіи русской, невѣжественной, грубой, лишенной общественныхъ инстинктовъ и чуждой всякаго политическаго и общественнаго воспитанія.

Въ этомъ сумбурѣ мѣръ, явно противодѣйствующихъ общегосударственному и народному интересу, нельзя не отмѣтить одно очень любопытное противорѣчіе. Въ то время, какъ всѣ наши мѣры клонились, повидимому, къ развитію фабричнаго и заводскаго производства въ интересахъ буржуазіи, высшее техническое образованіе, казалось-бы очень необходимое, не только не поощрялось, но, напротивъ, какъ-бы придавливалось. Специальныя техническія заведенія не только не открывались въ промышленныхъ мѣстностяхъ, но и тамъ, гдѣ они существовали, пріемъ въ нихъ былъ настолько ограниченъ, что едва только десятая часть желающихъ могла рассчитывать на поступленіе. Каждый годъ, не исключая и нынѣшняго, въ Технологическомъ институтѣ на 700—800 претендентовъ падаетъ 100—120 мѣстъ, и, въ то-же время, мы постоянно жалуемся, что у насъ нѣтъ техниковъ! Въ Горномъ институтѣ, на 50 вакансій, явилось 200 охотниковъ, и опять мы жалуемся, что у насъ нѣтъ горныхъ инженеровъ. Въ Лѣсномъ институтѣ на 80 вакансій подано 180 прошеній. Въ Морскомъ, на 12 вакансій въ высшее отдѣленіе—70 прошеній. И подобное несоотвѣтствіе повторяется повсюду. Одно изъ двухъ, или мы нуждаемся въ развитіи промышленности, торговли и искусствъ и намъ нужны собственные знающіе люди, а не иностранцы, и въ такомъ случаѣ необходимо удовлетворить потребности общества и создать рядъ заведеній; или же намъ незачѣмъ говорить о развитіи промышленности и торговли и откровенно покончить съ такъ называемыми мѣрами для ихъ развитія.

То-же самое нужно сказать и относительно хищеній и всякихъ

безобразій, которыя чѣмъ дальше, тѣмъ чаще повторяются. Люди средняго образованія и срединной нравственности, будутъ всегда плохими исполнителями закона и защитниками народнаго интереса. Поэтому, пока не поднимется наше высшее образованіе и пока высшая интеллигенція не получитъ права голоса, пока въ обществѣ не поднимется тонъ жизни, пока не явится возможность для развитія свободной критической мысли — всѣ попытки искоренить хищенія и неправду окажутся настолько-же безплодными, насколько и газетныя обличенія мелкихъ неправдъ и общественныхъ, и частныхъ безобразій. У насъ чуть-ли не сто газетъ; въ каждой газетѣ каждый день вы прочтете десятки изоближеній; въ годъ ихъ наберется, можетъ, сотня тысячъ; въ десять лѣтъ ихъ было сдѣлано миллионъ, а улучшилось-ли наше общественное положеніе въ эти десять лѣтъ хотя на миллионную долю?

Н. Ш—въ.

О ТОМЪ, КАКЪ ВАРАНЪ СДѢЛАЛСЯ ЛЬВОМЪ.

(Политическая и социальная хроника).

I.

Египетъ характеризуется двумя вещами: феллахомъ и его осломъ. Откуда взялся первый? Отвѣтить на это не легко. Одни признають въ немъ потомка Фараоновъ, другіе увѣряють, что онъ продуктъ араба, скрещеннаго съ древнимъ земледѣльческимъ народомъ. Во всякомъ случаѣ, это весьма красивая раса. Высокій ростъ, широкая грудь, пропорціональность тѣла, тонкія, правильныя черты лица, живые глаза, опущенные длинными, черными рѣсницами, воинственная поступь, благородство въ движеніяхъ,—таковъ феллахъ, причеиъ цвѣтъ кожи его болѣе или менѣе темнубурый, смотря по тому, живетъ онъ въ Верхнемъ или Нижнемъ Египтѣ. Женщины отличаются красотой и не имѣють ничего вульгарнаго; только слишкомъ любятъ татуировку. Голубой цвѣтъ пользуется особымъ ихъ пристрастіемъ. Онѣ рисуютъ себѣ цвѣтокъ между глазами, другою на подбородкѣ; руки и кисти рукъ покрываютъ странными узорами; ногти и ладонь выкрашиваются въ красный цвѣтъ. Граціозно завернутыя въ лоскутъ голубой кисеи, онѣ напоминають Ревеку у колодезя. Оконечности и прикрѣпленія мускуловъ замѣчательно тонки.

Подобно феллаху, и осель въ Египтѣ имѣеть особенный отпечатокъ. Онъ не имѣеть ничего общаго съ нашимъ европейскимъ осломъ. Посмотрите на него въ Каирѣ или Александріи, когда онъ стоитъ на площади, въ ожиданіи работы. Шерсть его чиста и глянцевиата. Красивая голова съ тонкими очертаніями кокетливо посажена на гибкой, какъ у лошади, шеѣ. Вдоль спины, ляшекъ и ногъ шерсть вырѣзана самыми причудливыми фестонами. На немъ высокое суконное сѣдло, вышитое шелкомъ, и нерѣдко золотомъ

или серебромъ, или-же кожаное и также непременно вышитое. Какъ только животное почувствуетъ сѣдока, оно пускается въ галопъ и можетъ выдержать такую ѣзду цѣлый часъ. Поступь его вѣрна, онъ никогда не спотыкается; случаи паденія рѣдки, почти неизвѣстны. Амюры изящны, и иностранцы останавливаются, чтобы полюбоваться, какъ онъ гарцуетъ и гнетъ голову, не хуже чистокровной лошади.

Оселъ египетскаго феллаха, хотя скромнѣе на видъ и не такъ хорошо кормленъ, какъ городской, но далеко оставляетъ за собой долгоухихъ европейскихъ собратьевъ. Даже ослы Булонскаго лѣса оказались-бы крайне жалкими, въ сравненіи съ египетскимъ крестьянскимъ осломъ. Ихъ не запрягаютъ, такъ какъ телѣга—невѣдомая вещь на берегахъ Нила; тѣмъ не менѣе, они возятъ тяжелые грузы; весьма часто можно видѣть двухъ арабовъ на маленькомъ ослѣ, который, не смотря на такую ношу, весело и бодро труситъ по полямъ.

Египетъ имѣетъ и другихъ полезныхъ животныхъ. Прежде всего—верблюда, затѣмъ буйвола, быка, имѣвшаго честь даже фигурировать въ числѣ древнихъ египетскихъ божествъ. Но оселъ стоитъ во главѣ ихъ всѣхъ. Оселъ и феллахъ—это два настоящіе вьючные скота Египта. Тотъ и другой имѣютъ миссію работать за всѣхъ. Имъ двоимъ приходится обрабатывать эту роскошную землю, которую омываетъ Ниль и извлекать изъ нея безчисленные милліоны, предназначенные для безумныхъ издержекъ государя и его семейства, любимцевъ и министровъ, чиновниковъ и духовныхъ, корыстныхъ османлисовъ и иностранныхъ искателей приключеній, сбѣжавшихся изъ всѣхъ странъ міра, чтобы сосать кровь и золото Египта.

А между тѣмъ, властелинъ-турокъ еще жалуется на своихъ невольниковъ, упрекая ихъ за то, что мало даютъ, и его непасытная алчность еще усиливается неблагодарностью. Европейскаго осла презираютъ и совершенно напрасно. Но нужно имѣть крайне черную душу, чтобы не признавать заслугъ египетскаго осла и его хозяина—феллаха. Нѣтъ въ мірѣ болѣе вроткихъ, терпѣливыхъ и безобидныхъ созданій. Оселъ, изнемогающій подъ бременемъ тяжелой ноши, продолжаетъ сохранять веселый и бодрый видъ. Ту-же веселость во взглядѣ можно замѣтить и у феллаха. Ихъ доброта одинакова. Посмотрите на феллаха въ самый разгаръ ссоры; ему неизвѣстны выстрѣлы изъ револьвера или удары ножомъ. Въ минуты сильнѣйшаго гнѣва онъ ограничивается бранью и самое ужасное, что онъ позволяетъ себѣ относительно врага,—это вцѣпиться ему въ бороду, что, впрочемъ, считается кровной обидой. Если въ такую минуту вмѣшается въ дѣло какой-нибудь прохожій, говоря:

Аллахъ! Аллахъ! то враждующіе немедленно бросаются другъ къ другу въ объятія и миръ бываетъ восстановленъ. Воровство такъ-же незнакомо имъ, какъ и убійство.

Кто-бы этому повѣрилъ? Ихъ неутомимый властитель находитъ даже, что они лѣнны, — они, которые работаютъ, не разгибая спины, и употребляютъ досуги, остающіеся отъ полевой работы, на перевозку камней для постройки правительственныхъ зданій и фабрикъ своего вице-короля. Дороги, каналы, желѣзные пути и обработка полей, — все это дѣло рукъ ихъ. Они сѣютъ, а другіе пожинаютъ. Они строятъ, а жилищемъ для нихъ съ семьей служитъ землянка, едва вмѣщающая нѣсколько метровъ ширины. И такъ всю жизнь. Никогда не бываетъ у нихъ ни свободнаго времени, ни радости, ни возможности скопить что-нибудь. При вице-королѣ Измаилѣ, его сборы пускали въ ходъ *курбанъ* или даже накаленные до красна щипцы, чтобы вырвать у феллаховъ тѣ немногіе пшстры, которые удалось имъ зарыть въ землю. Съ наступленіемъ старости ничто не измѣняется, только удары курбашемъ сыплются градомъ для восполненія силъ, убывающихъ съ годами. Надо умирать за дѣломъ и послѣднее дыханіе должно быть обращено въ деньги, ради выгоды турка или кассы какого-нибудь Ротшильда.

И послѣ всего этого, васъ еще называютъ лѣнными!

Иls s'aiment entre eux, vive les gueux!

говорится въ пѣснѣ. И дѣйствительно, любить другъ друга — это единственное удовольствіе, остающееся на долю *изовъ* всякаго рода. Поэтому феллахъ любитъ своего осла, и я полагаю, что и осель любитъ своего феллаха. Живя всѣ, — мужчины, женщины дѣти и ослы, въ единственной комнатѣ съ земляными стѣнами, они составляютъ какъ-бы одно семейство. Они помогаютъ другъ другу всячески. Феллахъ дѣлитъ пищу со своимъ осломъ. Осель доставляетъ женѣ его топливо для страпни. Замѣтимъ мимоходомъ, что какъ оно ни странно, въ Египтѣ, не смотря на громадный привозъ изъ Англій, чувствуется большой недостатокъ въ углѣ, но эта странность объясняется тѣмъ, что хедивы присвоили себѣ монополію, чтобы перепродавать этотъ уголь съ 50% барыша. Феллаху никогда не приходилось пользоваться англійскимъ углемъ. Для приготовленія домашней пищи, жена его беретъ ослиный помѣтъ, мѣситъ его и дѣлаетъ изъ него лепешки, которыя, высохнувъ на солнцѣ, служатъ ей топливомъ, при помощи котораго варится семейная похлебка.

Дружба, рождающаяся изъ такой близости, возникаетъ рано. Отношенія между осломъ и маленькимъ феллахомъ, поистинѣ трогательны. Это цѣлый рядъ взаимныхъ попеченій и заботъ. Стоитъ

только обратить вниманіе на маленькаго погонщика въ городахъ. Всегда веселый, онъ сопутствуетъ сѣдоку, сидя позади его, на томъ-же ослѣ, и, не боясь никакой ѣзды, грызетъ кусочекъ хлѣба или какіе-нибудь плоды, составляющіе весь его скромный обѣдъ.

По окончаніи дневного труда, ребенокъ разнуздываетъ осла, вытираетъ его, поить, отламываетъ ему кусочекъ отъ собственнаго хлѣба и, въ заключеніе, обнимаетъ и цѣлуетъ его; порою можно видѣть, какъ снявши сѣдло съ своего пріятеля, маленькій феллахъ играетъ съ нимъ, катаясь вмѣстѣ по землѣ, а затѣмъ спитъ на его спинѣ или между лапами.

Существованіе этихъ двухъ горемыкъ могло продолжаться такимъ образомъ до скончанія міра, если-бы здѣсь, какъ и повсюду, не пришлось считаться съ непредвидѣннымъ, а оно часто измѣняетъ самымъ кореннымъ образомъ самыя установившіяся и, повидимому, непоколебимыя положенія.

Прежде всего избавленіе коснулось не феллаха. У его вѣрнаго друга и товарища была своя революція, въ видѣ эпидеміи, которая свирѣпствовала среди конной породы, этой аристократіи въ четвероногомъ мірѣ. Раса завоевателей почти исчезла, уступая мѣсто покореннымъ, и осель возвысился изъ своей смиренной сферы до самыхъ высокихъ должностей. Онъ овладѣлъ большими городами, и его можно видѣть на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Имъ не брезгаютъ сановники и офицеры въ мундирахъ и при сабляхъ. Богатые и бѣдняки трусятъ по каирскимъ улицамъ на столь презираемыхъ у насъ на западѣ животныхъ. Одни европейцы упорствуютъ и ходятъ пѣшкомъ, не смотря на то, что ихъ осаждаютъ юные феллахи, предлагая своихъ ословъ и не забывая прибавлять, по крайней мѣрѣ, въ прежнія времена: «сударь, вотъ осель г-на Лессепса!»

Для спасенія самого феллаха, перстъ Провидѣнія обратился къ другому бичу. Такъ нѣкогда избранный Богомъ народъ обязанъ былъ своимъ избавленіемъ пресловутымъ казнямъ египетскимъ. Этимъ бичемъ, на этотъ разъ, было учрежденіе постоянныхъ армій. Его-то и слѣдуетъ считать источникомъ египетской революціи. Развиваясь, оно, наконецъ, сдѣлало невозможнымъ пользованіе однимъ черкесскимъ элементомъ. Такимъ образомъ, феллахъ мало по малу овладѣлъ военными чинами. Еще годъ тому назадъ, генеральскій чинъ составлялъ преимущество турецкаго элемента, но во главѣ полковъ уже стояли полковники изъ феллаховъ. Къ числу ихъ принадлежалъ Араби и преданные ему: Фэми, Тульба и другіе. Съ этой минуты можно сказать, революція совершилась, хотя и не явно, и ждала только перваго случая, чтобы вспыхнуть.

Куда заведетъ она? Никто не могъ этого предвидѣть. Но, какъ

мы уже имѣли случай видѣть въ одной изъ прежнихъ хроникъ, эмансипація феллаха неминуемо должна лишить Европу неистощимаго источника эксплуатаціи, а потому понятно, что спекуляція отнеслась къ этой эмансипаціи враждебно. Составился обширный заговоръ, настоящій священный союзъ, и со всѣхъ концовъ приплыли эскадры, грозя своими пушками дерзкому народу, осмѣлившемуся приступить къ своему освобожденію.

Бываютъ обстоятельства, при которыхъ баранъ становится львомъ; то-же самое происходитъ и съ самыми мирными народами, когда дуновение революціи всколыхаеъ неподвижныя до тѣхъ поръ массы. Отъ признанія своихъ силъ до дѣйствія—одинъ шагъ. Въ одинъ прекрасный день, привыкшій подставлять спину подъ палку и плеть, способенъ вырвать ихъ изъ рукъ угнетателя и попробовать ихъ на его собственномъ позвонкѣ.

О томъ свидѣтельствуетъ исторія освобожденія всѣхъ народовъ міра. Египетскій народъ послѣдовалъ общей традиціи.

II.

Еще нѣсколько недѣль тому назадъ, Александрія была первымъ, послѣ Марсея, городомъ на берегахъ Средиземнаго моря. Превосходное мѣстоположеніе, прекрасныя и въполнѣ обезпеченныя гавани,—все содѣйствовало тому, чтобы сдѣлать ее центромъ громадной торговли. Чтобы дать о ней понятіе, стоитъ только упомянуть, что одного хлопка вывозилось за послѣднее время на баснословную сумму въ 408 милліоновъ. Александрія поглощала почти все торговое движеніе Египта около 94%, судя по официальнымъ отчетамъ 1879 года. Населеніе города превышало цифру 200,000.

Эти блестящіе результаты достигнуты были не медленнымъ и постояннымъ движеніемъ, а напротивъ, явились слѣдствіемъ толчка, столь-же внезапнаго, какъ и ея нынѣшнее разореніе англійскими пушками. Толчекъ этотъ былъ данъ хлопкомъ.

Исторія этого города представляетъ цѣлый рядъ однородныхъ приключеній, на которыя, повидимому, обрекло его самое свойство его происхожденія. Возникшая по мановенію волшебнаго жезла Македонскаго завоевателя, имя котораго она носитъ, Александрія уже прошла не одну альтернативу величія и паденія съ минуты своего искусственнаго возникновенія и до открытія мыса Доброй Надежды, которое, измѣнивъ впервые путь въ Индію, имѣло пагубныя послѣдствія для города.

Въ прошедшемъ столѣтіи, Александрія насчитывала менѣе

6,000 жителей. Ея возрожденію едва пятьдесятъ лѣтъ. Умное и ловкое управленіе Мехмеда-Али установило прочныя торговыя связи между Александріей и Марселемъ, а культура хлопка, введеннаго въ Египетъ однимъ французомъ, послужила пищей для весьма значительной торговли, центромъ которой сдѣлалась Александрія и которая развилась съ изумительной быстротой.

Внезапныя переменны въ судьбѣ и въ особенности послѣдняя и блестящая эволюція этого большого города. чрезвычайное расширение его торговли, лихорадочная дѣятельность, явившаяся слѣдствіемъ такого расширенія, приливъ и постоянное возобновленіе населенія,—все это, вмѣстѣ съ приморскимъ положеніемъ, создало изъ Александріи совершенно особенный типъ города, вполне отличный отъ прочихъ. Дѣйствительно, это не столько городъ, въ первоначальномъ смыслѣ этого слова, сколько агломерация самыхъ разнородныхъ и разнообразныхъ элементовъ, безъ малѣйшей связи, какой-то сборный пунктъ авантюристовъ, темныхъ людей подозрительнаго происхожденія и нравственности.

Правда, нѣчто близкое къ этому типу существуетъ въ средѣ приморскихъ городовъ европейскаго побережья. Марсель и Одесса принадлежатъ къ той-же семьѣ. Въ нихъ, какъ и въ Александріи, если не считать людей достаточныхъ и съ опредѣленнымъ положеніемъ, имѣется многочисленное подвижное и разноплеменное населеніе, тяготящее къ набережнымъ. Это носильщики, лодочники, куртье, и проч. итальянцы, греки, мальтійцы, восточные люди всякаго сорта, большей частью такіе, которые подверглись на родинѣ судебнымъ преслѣдованіямъ. Во всѣ времена для полиціи крайне труденъ былъ надзоръ за этими подонками востока, не имѣющими ничего общаго съ настоящими египетскими рабочими. Припомнимъ только прошлогоднія происшествія по поводу еврейскихъ дѣтей, разрѣзанныхъ на куски греками, по случаю праздника Пасхи, или панику въ апрѣлѣ и маѣ нынѣшняго года, и станетъ понятно, что самые прискорбные инциденты могутъ всегда совершаться въ этомъ большомъ городѣ, гдѣ вращается всевозможное отребье населенія и гдѣ слились всѣ пороки запада и востока.

Итакъ, 21-го іюня текущаго года,—это было въ воскресенье, около двухъ часовъ пополудни,—въ одномъ изъ кварталовъ, гдѣ имѣеть свое пребываніе только-что указанный людъ, мирно проѣзжалъ на своемъ ослѣ туземецъ. Какой-то мальтїецъ, находившійся на его пути, пришелъ въ ярость по случаю того, что ему пришлось посторониться; привести въ ярость мальтїйца и особенно въ воскресный день—не трудно. Эготъ обидчивый человекъ вообразилъ, что узнаетъ во всадникѣ булочника-араба, который остался ему долженъ на сумму въ 3 піастра (около 12 копѣекъ), нѣсколько дней

тому назадъ. Всадникъ, съ своей стороны, утверждалъ, что мальтїецъ ошибается, а этотъ послѣдній, въ видахъ убѣжденія противника, началъ играть по спинѣ мнимаго должника палкой. Осель также получилъ свою долю ударовъ. Наконецъ, и ѣздокъ, и осель упали на земь. Однако, туземецъ возмутился. Быть битымъ самому—это еще куда ни шло, но видѣть, какъ бьютъ его скотину—это показалось ему нестерпимымъ. Не довольствуясь отказомъ уплатить требуемое мальтїйцемъ, онъ началъ осыпать его бранью и грозить ему, предупреждая, что арабы скоро перерѣжутъ горло всѣмъ его собратамъ, собакамъ - христіанамъ. Мальтїецъ, бѣшенство котораго уже не знало предѣловъ, вынимаетъ ножъ и наноситъ имъ смертельную рану туземцу. На отчаянные крики его сбѣгаются другіе туземцы и бросаются на мальтїйца, котораго стараются высвободить его земляки. Въ одинъ мигъ улица наполняется людьми, вооруженными узловатыми палками (набу), ножками отъ столовъ, желѣзными брусьями, и свалка становится общей.

Паника, между тѣмъ, распространяется. Европейское населеніе въ страхѣ. Лавочники баррикадируются и изъ оконъ стрѣляютъ по толпѣ. Туземцы бросаются на магазины съ крикомъ: «смерть христіанамъ!» который раздается отовсюду.

Двери выламываются, оконныя стекла разбиваются и начинается грабежъ. Вскорѣ на мѣсто происшествія является шайка бедуиновъ, вооруженныхъ кремневыми ружьями и пистолетами; за ними слѣдуетъ толпа женщинъ и подростковъ. Рѣзня и грабежъ идутъ по направленію къ европейскому кварталу, до Консульской площади, на протяженіи вдвое длиннѣе Невскаго проспекта. Ни одинъ изъ магазиновъ, находящихся въ нижнихъ этажахъ, не былъ пощажень: мелочныя лавочки, кондитерскія, винныя погреба, аптеки, суровскія лавки, парикмахерскія—все было разбито, разорено, ограблено.

Губернаторъ Александрій, Луфти-паша, неувѣренный, какъ онъ объяснялъ потомъ, въ настроеніи арміи и боясь, чтобы она не применила къ туземцамъ, послалъ человекъ пятьдесятъ *мустафициновъ* (полицейскихъ) для возстановленія порядка. Но съ полиціей не счастливится съ нѣкоторыхъ поръ, особенно съ той поры, какъ англійскіе констэбли подали дурной примѣръ своею непокорностью, когда сдѣлали стачку, подобно простымъ рудокопамъ. Обреченные на бездѣйствіе своею малочисленностью, мустафицины оставались сперва простыми зрителями, затѣмъ нѣкоторые увлеклись и стали помогать бунтовщикамъ, вламывая вмѣстѣ съ ними двери и витрины ружейными прикладами.

При первомъ извѣстїи о беспорядкахъ, губернаторъ пригласилъ консуловъ въ такъ называемый *каракаль*, то есть, полицейскій

постъ. Всѣ явились на это приглашеніе и ранѣ всѣхъ англійскій консуль Куксонъ. Не обращая вниманія на сопровождавшихъ его кавасовъ (янычаръ), толпа бросилась на него, опрокинула и осмала градомъ ударовъ *набу*. Онъ получилъ нѣсколько опасныхъ ранъ въ голову и другія части тѣла. Однако, его успѣли вытащить изъ свалки. Немного далѣе, итальянскій консуль Макиавелли и вице-консуль Розвадовскій упали, оба ранены не менѣе опасно. Греческій консуль Рангаба отдѣлался отрубленнымъ пальцемъ. Французскій консуль Ключковскій немедленно отправился на мѣсто происшествія, въ улицѣ Сестерь. Толпа была слишкомъ густа, онъ вышелъ изъ экипажа и, въ сопровожденіи одного янычара, направился къ свалкѣ. Его не ранили; но, видя размѣры, принимаемые борьбой, онъ вернулся въ консульство, двери котораго были тотчасъ-же открыты и дали убѣжище болѣе чѣмъ 2,000 человекъ, болѣею частію женщинъ и дѣтей. Когда площадь, на которой стоитъ домъ консульства, сдѣлалась центромъ битвы, онъ сталъ на порогъ и не уходилъ съ этого мѣста. Ему не было причинено ни малѣйшаго вреда.

Въ средѣ туземцевъ было проявлено не мало гуманности и самоотверженія. Одинъ шейхъ, по имени Ибрагимъ, принадлежащій къ числу наиболѣе уважаемыхъ гражданъ, велѣлъ также открыть двери мечети, носящей имя его семейства, въ память одного изъ предковъ, которымъ она была построена. Нѣсколько сотъ человекъ укрылись въ ней отъ мятежниковъ, не осмѣлившихся переступить порогъ священнаго зданія. Другіе бросались въ разъяренную толпу, чтобы вырывать несчастныхъ, которыхъ били безъ милосердія.

Въ пять часовъ, когда борьба сдѣлалась общей во всемъ городѣ, губернаторъ рѣшился, наконецъ, обратиться къ содѣйствію регулярныхъ войскъ.

Съ ихъ появленіемъ ярость мятежниковъ утихла. Нѣсколько батальоновъ, сосредоточенныхъ вначалѣ при входѣ на площадь, разбились затѣмъ на небольшіе отряды и имъ удалось оттѣснить мятежниковъ въ кварталъ таможни, гдѣ борьба длилась еще часа два. Наконецъ, весь городъ былъ занятъ войсками, площадь за площадью, улица за улицей. Солдаты съ заряженными ружьями были разставлены на разстояніи каждаго пяти шаговъ. Позади ихъ сновали туземцы со своими дубинами, продолжая сохранять угрожающій видъ.

Въ восемь часовъ спокойствіе возстановилось окончательно.

Общее число убитыхъ европейцевъ было показано сперва въ 250 человекъ. Множество брошенныхъ въ море труповъ найдено было на слѣдующихъ дняхъ у берега, куда отбросило ихъ волной.

Позднѣе, по провѣркѣ, указанная цифра упала до 60. Что касается туземныхъ жертвъ, то о нихъ забыли упомянуть вовсе.

На другой и на слѣдующіе дни безпорядки возобновлялись, но весь городъ объять былъ мрачнымъ уныніемъ. Повсюду пустота и мертвая тишина. Магазины, почти всѣ принадлежавшіе сирійцамъ, грекамъ и итальянцамъ, закрыты, а такъ какъ обмененные замки показались недостаточными владѣльцамъ, то ставни заколочены гвоздями. Ни одного открытаго окна: каждый заперся и загородился у себя, припася оружіе. Изрѣдка какая-нибудь женщина выскочить изъ полуоткрытой двери, чтобы попросить милости. Нѣсколько жителей, вчера еще богатыхъ, бродили съ пустымъ кошелькомъ, ища себѣ квартиры, въ ожиданіи дарового отплатія. Бѣжать—было единственной заботой иностранцевъ. На нѣкоторыхъ улицахъ, напримѣръ, на Флотской, ведущей къ Консульской площади, чрезъ нѣсколько дней не осталось ни одного обитателя. Сосчитать всѣхъ этихъ эмигрантовъ оказалось невозможнымъ. Всѣ консульства были переполнены желающими сѣсть на пароходы, присланные для спасенія европейцевъ. Пакетботы, шедшіе въ Неаполь, Марсель, Мальту, брались приступомъ. Даже не спрашивали, куда идетъ пароходъ. Бросались на первый попавшійся, хотя-бы пришлось сѣздить сперва въ Смирну, а потомъ уже попасть въ Неаполь или Марсель.

III.

На кого-же должна пасть отвѣтственность за всѣ эти бѣдствія?

Большинство не затрудняется отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Кто-же, какъ не Араби, виновникъ всего зла? Возбудивъ мусульманскій фанатизмъ, онъ и есть первая причина ужасающей трагедіи 11-го іюня. Другіе идутъ далѣе. Они не довольствуются этой ко-свенной отвѣтственностью. Зловѣщій день въ ихъ глазахъ явился результатомъ заранѣе обдуманнаго плана, обсужденнаго на совѣтѣ между Араби и его приспѣшниками, эксъ-полковниками Тульбой, Али-Фами, агитаторомъ Гассанъ-Мусса-эль-Ассабомъ и, наконецъ, начальникомъ полиціи Саидъ-бей-Кандилемъ, мустафицины котораго такъ позорно вели себя предъ лицомъ мятежа.

Видя, что консулы обращаются къ нему, подъ предлогомъ возложенія на него отвѣтственности за общественное спокойствіе, Араби задумалъ воспользоваться положеніемъ, которое ему такимъ образомъ создавали.

Чтобы оправдать такое довѣріе, что-же можетъ быть лучше, какъ вызвать бунтъ, чтобы, затѣмъ, имѣть случай усмирить его и,

въ заключеніе, видѣть себя провозглашеннымъ спасителемъ страны и возстановителемъ общественнаго спокойствія. Тульба, избрѣтательный совѣтникъ Араби, и внушилъ ему этотъ макиавелистическій планъ.

Въ подкрѣпленіе такихъ соображеній, указывали на фанатическія рѣчи въ мечетяхъ, возбуждавшія ненависть къ европейцамъ, и поджигательныя «чтенія» одного журналиста, редактора «Таифа», въ частныхъ собраніяхъ.

Умы были надлежащимъ образомъ настроены, и тогда отданъ былъ приказъ держаться наготовѣ, для патріотической манифестаціи. Мусса Эль-Ассабу поручено было дать сигналъ къ движенію. Вслѣдствіе этого, онъ выѣхалъ изъ Каира, въ воскресенье, 11-го іюня, на восьмичасовомъ поѣздѣ,—какъ видите, свѣдѣнія точны до крайности,—и въ часъ послѣ полудня онъ уже былъ въ Александрію. Три группы, каждая во сто человекъ арабовъ, должны были двинуться съ трехъ разныхъ пунктовъ города, пополняясь по дорогѣ массой фанатиковъ, которыхъ должны были призывать къ «войнѣ». Драка въ улицѣ Сестеръ должна была служить искрой, отъ которой занялся-бы пожаръ. Драка обратилась въ бойню. Траги-комедія, задуманная Араби, превратилась въ кровавую драму.

Успѣхъ превзошелъ его ожиданія.

На другой день, на собраніи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ итальянскаго консульскаго агента Марино, старшаго по возрасту представителя консульской корпораціи, положеніе дѣлъ было объявлено нестерпимымъ. Прежде обсужденія политическихъ вопросовъ, необходимо было обезпечить порядокъ и безопасность. Но можно-ли было оспаривать, что одинъ Араби обладалъ силою и властью повсюду и онъ одинъ могъ отвѣчать за жизнь и имущество иностранцевъ. Отсюда и возникла мысль министерства Рахедъ-Араби, которое на самомъ дѣлѣ было ничѣмъ инымъ, какъ фактическимъ признаніемъ диктатуры Араби представителями державъ.

Такая, англійскаго происхожденія, версія имѣетъ свои достоинства. Въ общемъ она довольно остроумна и, въ то-же время, провѣрить ее весьма трудно. Для такой провѣрки необходимо было-бы присутствовать на тайныхъ совѣщаніяхъ заговорщиковъ. Къ несчастію, мы не раздѣляемъ этого преимущества съ авторомъ этихъ сообщеній, который, очевидно, былъ туда допущенъ. Иначе, какимъ образомъ объяснить крайнюю точность его извѣстій?

Вѣроятно, на такомъ-же тайномъ засѣданіи, происходившемъ въ присутствіи того-же лица, продавался съ аукціоннаго торга между Измаиломъ и Халимомъ египетскій хедиватъ. Измаилъ съ

негодованіемъ отказался, но, болѣе догадливый и поддерживаемый совѣтами Франціи, Халимъ согласился. «Я видѣлъ», пишетъ этотъ, дѣйствительно изумительный корреспондентъ, «я видѣлъ на 30,000 фунтовъ векселей, выданныхъ Халимомъ и находившихся въ рукахъ Мусса-Эль-Аккада. Они даны на Лондонъ однимъ константинопольскимъ англійскимъ банкомъ и на имя Мусса-эль-Аккада, Османа-паши, Зеюбъ-Хассима и т. д.» Оять-таки, точнѣе нельзя быть. Въ этомъ случаѣ, однако-же, можно предположить, что надъ репортеромъ подшутили какіе нибудь веселые мистификаторы, выдавшіе себя за Араби, Тульбу и имъ подобныхъ, такъ какъ вышеприведенныя сообщенія оказались простой уткой, и достовѣрно извѣстно, что пресловутыхъ векселей вовсе не существовало. Быть можетъ также, что смѣялся надъ нами самъ репортеръ. И это бывало.

Не подлежитъ сомнѣнію одно, а именно, что безпорядки 11-го іюня не нуждаются въ такомъ мудреномъ объясненіи. Что мальтіецъ убилъ туземца, это само по себѣ, конечно, не важно и во всякое другое время осталось-бы безъ послѣдствій. Но присутствіе эскадръ, прибытіе турецкихъ комиссаровъ, угрозы со стороны Европы, противодѣйствіе національнымъ стремленіямъ,—все это создало анархическое и тревожное настроеніе, отвѣтственность за которое никакъ не можетъ быть взведена на вождя египетскаго движенія. Прибавимъ, что европейцы выказали, по меньшей мѣрѣ, отсутствіе кладнокрівія, когда стрѣляли на угадъ по толпѣ, не говоря уже о томъ, что въ числѣ грабителей замѣчены были и христіане.

Что 11-е іюня имѣло свои *блѣны блузы*, своихъ agents provocateurs'овъ, это весьма возможно. Но трудность заключается въ томъ, чтобъ опредѣлить, съ какой они были стороны. *Is fecit cui prodest*, говоритъ пословица. (Винюченъ тотъ, кто извлекъ выгоду изъ преступленія). Но если положить на вѣсы заинтересованность каждой стороны въ волненіяхъ этого дня, то не потянутъ-ли они скорѣе въ сторону тѣхъ, которые, желая во что-бы то ни стало вооруженнаго вмѣшательства, искали только предлога, могущаго оправдать его?

Мнѣ отвѣтять на это, что такое вмѣшательство достаточно оправдывалось необходимостью оградить безопасность своихъ подданныхъ. На это я отвѣчу одно. Развѣ спрашивали этихъ подданныхъ? Если-бы это было сдѣлано, то они единогласно отвѣчали-бы, что лучшее покровительство есть отсутствіе всякаго покровительства, всякаго иноземнаго вмѣшательства, что лучшей гарантіей было-бы доброе расположеніе египетскаго народа, который кротокъ по природѣ и гостепріименъ, и съ которымъ такъ нетрудно было-бы

жить въ мирѣ, если-бъ не существовало тупоумныхъ прокламацій, противъ него направленныхъ и доведшихъ его до раздраженія.

Именно потому, что безопасность европейцевъ не подвергалась никакой опасности и требовалось доказать, что эта опасность существуетъ; а для этого необходимо было довести до крайности мирное населеніе и, вызвавъ его на беспорядки, оправдать такимъ способомъ желаемое и заранѣе задуманное вмѣшательство.

Это подтверждается тѣмъ, что провокаціи, вмѣсто того, чтобы стихнуть послѣ трагическихъ событій 11-го іюня, продолжались съ новой силой.

Ежедневно продажная печать распространяла по всему міру извѣстія о новыхъ беспорядкахъ, о новыхъ жестокостяхъ. Между тѣмъ, какъ Араби употребляли всѣ зависѣвшія отъ него средства для восстановленія порядка и успокоенія населенія, усиливая гарнизоны вездѣ, гдѣ могла грозить какая нибудь опасность, выказывая повсюду твердость, дѣйствуя въ духѣ примиренія, арестуя виновниковъ беспорядка и назначая слѣдствія,—о немъ печатали, что, по его внушенію, александрійскіе беспорядки повторены были въ Каирѣ, въ Таутахѣ, Даміэтѣ, Суэцѣ, Портъ-Саидѣ, однимъ словомъ, во всѣхъ египетскихъ городахъ. Пока успѣли опровергнуть эти извѣстія, паника распространилась повсемѣстно. Въ Каирѣ гдѣ, однако, не произошло ровно ничего, она достигла неслыханныхъ размѣровъ, вслѣдствіе безащитности однихъ и недоброжелательства другихъ. Письмо французскаго консула Сенкевича, въ которомъ онъ совѣтовалъ европейцамъ «временное отсутствіе», подверглось толкованіямъ и, принимая все болѣе и болѣе чудовищные размѣры, довело, наконецъ, до всеобщей тревоги. Она еще возросла послѣ отъѣзда консула, управляющихъ имѣніями иностранныхъ должностныхъ лицъ; объявленіе австрійскаго консула, извѣщавшее австрійскихъ подданныхъ, что германскія транспортныя суда, прибывшія, чтобы взять ихъ, должны отплыть черезъ сорокъ восемь часовъ, довело панику до апогея. Насчитываютъ до четырнадцати тысячъ европейцевъ, которые сѣли на суда въ теченіи послѣдующихъ за объявленіемъ четырехъ дней. Въ день отходило по двѣнадцати поѣздовъ. Недостовало локомотивовъ и машинистовъ. Пассажиры лѣпились на ступеняхъ вагоновъ и даже на тампонахъ. Можно судить объ опустѣніи города, вслѣдствіе этого бѣгства по тому обстоятельству, что хлѣбъ, стоившій 100 піастровъ въ Верхнемъ Египтѣ, не находилъ покупателей и за 30 піастровъ за ардебъ. Цыплятъ продавали по четыре су. Въ то-же время мясныя лавки и булочныя исчезли.

Такое положеніе вещей становилось еще серьезнѣе вслѣдствіе того, что цѣлое населеніе внезапно выброшено было на мостовую.

Варварійцы, поставлявшіе весь контингентъ домашней прислуги, остались безъ мѣстъ; чернорабочіе изъ мавровъ—безъ занятій; всѣ работы были прекращены и они напрасно умоляли предприимателей открыть запертыя мастерскія.

Между тѣмъ, Араби, находившійся въ Каирѣ съ полу-полкомъ, вмѣсто гарнизона, дѣлалъ все возможное и невозможное, чтобы справиться съ трудностями. Онъ проводилъ ночи верхомъ и самъ справлялъ патрульную службу. Каждого бродягу забирали, каждого оставшагося безъ мѣста варварійца отправляли на родипу. Днем Араби ходилъ пѣшкомъ изъ магазина въ магазинъ, уговаривая, стараясь внушить довѣріе, предлагая часовыхъ тѣмъ, кто всего болѣе трусилъ. Надо быть возмутительно-несправедливымъ, чтобы не признавать усилій, имъ сдѣланныхъ въ видахъ возстановленія порядка и успокоенія публики.

Здѣсь кстати упомянуть объ Омарѣ-Луфти, генераль-губернаторѣ Александріи. Его образъ дѣйствій подвергся заслуженному порицанію. Дѣйствительно, если только можно взводить на когонибудь отвѣтственность за беспорядки 11-го іюня, то именно на этого сановника, ждавшаго три часа, прежде чѣмъ обратиться къ помощи войскъ. Получивъ строгій выговоръ отъ Араби, онъ былъ отставленъ отъ должности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, встрѣтилъ самый радушный пріемъ въ англійскихъ рядахъ, и затѣмъ можно было прочесть его имя въ числѣ членовъ кабинета Шерифа паши, составленнаго хедивомъ въ Александріи, нѣсколько дней тому назадъ, подъ позорнымъ иностраннымъ покровительствомъ.

Наконецъ, укажемъ и на слѣдующую, знаменательную подробность: когда назначенъ былъ судъ для виновныхъ бунта 11-го іюня, англійскій консулъ, не смотря на настоянія правительства хедива, отказался быть на немъ представленнымъ.

Подобные факты говорятъ намъ несравненно болѣе, чѣмъ всѣ инсинуаціи англійской печати, не имѣющія иного основанія, кромѣ систематическаго недоброжелательства и требованій неправого дѣла.

IV.

Не прошло мѣсяца со времени беспорядковъ въ Александріи, какъ уже, благодаря великодушнымъ усиліямъ Араби, удалось остановить бѣду. Порядокъ возстановился, паника разсѣбалась и эмиграція пріостановилась.

Вотъ именно въ эту-то минуту адмиралъ Сеймуръ принялъ угрожающее положеніе. Онъ началъ съ жалобы на намѣреніе египетскихъ военныхъ властей преградить свободный доступъ въ алек-

сандрійскій портъ. Президентъ поваго кабинета, Рагебъ-паша, спрошенный постоту французскими и англійскими консулами, отвѣчалъ, что слухи о такомъ намѣреніи египетскаго правительства лишены всякаго основанія и увѣрялъ ихъ, что не будетъ предпринято ничего такого, что могло-бы повредить безопасности европейскихъ судовъ въ гавани и европейскому населенію въ самомъ городѣ. Однако, немедленно вслѣдъ за тѣмъ адмиралъ Сеймуръ обратился съ непосредственными жалобами по тому-же поводу къ египетскому военному начальству.

Младшій статсъ-секретарь морскаго министерства немедленно отправился на адмиралскіе французскія и англійскія суда и возобновилъ увѣренія, уже сдѣланныя ранѣе первымъ министромъ.

Французскій адмиралъ принялъ египетскаго офицера съ изысканною вѣжливостью. Онъ доброжелательно выслушалъ его и объявилъ себя удовлетвореннымъ объясненіями. Напротивъ того, англійскій адмиралъ встрѣтилъ его крайне сухо. Онъ ограничился заявленіемъ, что при малѣйшемъ дѣйствіи, указывающемъ на намѣреніе египетскаго правительства преградить свободный доступъ въ гавань, онъ въ ту-же минуту «прибѣгнетъ къ мѣрамъ, требуемымъ обстоятельствами». Черезъ день—новое письмо лорда Сеймура къ командиру войсками въ Александрію, Тульбѣ: «До свѣдѣнія моего дошло, что поставлено двѣ новыя пушки и что возводятся укрѣпленія на сѣверной сторонѣ порта, направленныя противъ англійской эскадры. Считаю своею обязанностью извѣстить коменданта, что, въ случаѣ непрекращенія означенныхъ работъ, я увижу себя вынужденнымъ открыть огонь для ихъ истребленія».

Сеймуръ, очевидно читалъ Лафонтена. Если не ты, то твой братъ, говорилъ волкъ ягненку, собираясь покушать его мяса. Если не проходи въ гавань, то пушки, сказалъ адмиралъ тщедушному народу, который онъ рѣшилъ проглотить.

Съ наивностью ягненка Тульба отвѣчалъ еще разъ, что лордъ Сеймуръ ошибается, что новыя пушки существуютъ только въ его воображеніи, что работы, о которыхъ говоритъ на этотъ разъ адмиралъ, такъ-же мало существуютъ, какъ тѣ, которыя, какъ онъ полагалъ, имѣли цѣлью загражденіе проходовъ и на которыя онъ жаловался ранѣе. Онъ могъ-бы прибавить, что не египтяне, а англичане, завѣдомо для всѣхъ, дѣлали военныя приготовленія, не только у себя, но даже и на палубахъ своихъ судовъ. Что до угрозы бомбардировкой, то онъ отвѣчалъ на нее, обращаясь къ великодушію обоихъ адмираловъ.

Между тѣмъ, консулы различныхъ державъ заволновались. Они велѣли спросить у лорда Сеймура, находятъ-ли онъ отвѣтъ Тульбы представляющимъ достаточныя гарантіи относительно миролюбив-

вѣхъ намѣреній военныхъ властей. Этотъ шагъ остался безъ послѣдствій. Адмиралъ ничего не отвѣтилъ. Рѣшено было созвать новое собраніе всѣхъ консуловъ. Одинъ только представитель Foreign office'a не явился на него. Сперва предложено было просить у египетскаго правительства болѣе удовлетворительныхъ объясненій. Но такъ какъ не придумали, какихъ именно, то рѣшили просить англійскаго адмирала формулировать свои желанія. „Если лордъ Сеймуръ“, говорилось въ письмѣ, обращенномъ къ нему, «находить отвѣтъ полковника Тульбы недостаточнымъ, то мы обязуемся получить другой, соответствующій желаніямъ англійскаго адмирала». На что адмиралъ отвѣчалъ, что не нуждается въ иныхъ обезпеченіяхъ, кромѣ собственнаго надзора, и что эта гарантія вполнѣ удовлетворяетъ его.

Не теряя времени, лордъ Сеймуръ велѣлъ поставить электрическіе аппараты, и каждый могъ любоваться великолѣпными волнами яблочковскаго свѣта, по приказанію адмирала, непрерывно освѣщавшими работы въ Александріи, надъ которыми наблюдалъ онъ самъ, стоя на шканцахъ своего корабля. Видя все это, Тульба написалъ ему еще разъ, замѣчая, что онъ напрасно стѣсняется; что если онъ желаетъ лучше видѣть, то можетъ безъ боязни явиться на мѣсто и осмотрѣть состояніе укрѣпленій.

Эти укрѣпленія находились въ такомъ жалкомъ видѣ, что, въ самомъ дѣлѣ, не могли-бы внушить страха и самымъ робкимъ. Построенныя при Мехметъ-Али, они ни разу не испугались. Большая часть изъ нихъ вооружена была старыми короткобойными пушками; правда, имѣлось у египетскаго правительства не мало армстронговскихъ орудій 9 и 10 дюймаго калибра, но болѣшая часть изъ нихъ валялись на землѣ, боевые снаряды ихъ хранились въ арсеналѣ, а тѣ немногія, которыя были поставлены, нуждались въ артиллеристахъ, такъ какъ они были распущены въ видахъ сокращенія бюджета.

Вотъ что увидѣлъ-бы непосредственно лордъ Сеймуръ, еслибы, не прибѣгая къ электрическому освѣщенію, принялъ приглашеніе экзъ-полковника. Онъ имѣлъ-бы также возможность констатировать, что многочисленныя рабочіе, на присутствіе которыхъ онъ сѣтовалъ, были жалкіе каторжники, скованные по двое и доставлявшіе весьма малое количество работы.

Но адмиралъ, тѣмъ менѣе, расположенъ былъ принять приглашеніе Тульбы, что все, только что-изложенное, было ему вполнѣ извѣстно, такъ какъ Тевфикъ и его приближенные съ удовольствіемъ сообщали ему о всемъ, что происходило. И переговоры и примѣненіе яблочковскаго свѣта,—все это была чистѣйшая комедія.

Любопытно было, однако, знать, что отвѣтитъ лордъ Сеймуръ

эксъ-полковнику. Обыкновенные люди, когда получаютъ приглашеніе, на которое не желаютъ явиться, присылаютъ вѣжливое письмо, въ которомъ отказъ замаскировывается какимъ-нибудь предлогомъ: нездоровьемъ, дурной погодой или ранѣ полученнымъ приглашеніемъ. Въ мирѣ, гдѣ враждуетъ адмиралъ, вещи дѣлаются иначе. Отвѣтъ знаменитаго лорда былъ ультиматумомъ, требовавшимъ, чтобы форты были разоружены и, притомъ, въ теченіи двадцати четырехъ часовъ.

Такой неожиданный способъ дѣйствія изумилъ самаго хедива, который попробовалъ убѣдить его автора въ чрезмѣрности такихъ требованій.

Тогда, безъ всякихъ дальнѣйшихъ переговоровъ, адмиралъ, радуясь усилію своей военной хитрости, открылъ огонь. Онъ не захотѣлъ даже дожидаться истеченія имъ самимъ назначеннаго срока, рѣшивши покончить ранѣ часа lunch'a. „Менѣе чѣмъ въ полтора часа“, повторялъ онъ каждому, „я вычищу работу этихъ *нигросовъ*“.

Египетскимъ батареямъ отданъ былъ приказъ отвѣчать на огонь только послѣ десятаго выстрѣла съ англійскихъ кораблей. Затѣмъ, форты отвѣчали уже на каждый. Какъ мы уже сказали, египетскіе форты были снабжены слабыми по калибру и по дальнобойности орудіями. Но защитники проявили изумительную энергію. Каждая пушка, при которой стояло по два только солдата, находила множество желающихъ смѣнить ихъ изъ молодыхъ туземцевъ, привлеченныхъ въ форты любовью къ родицѣ и ненавистью къ иностранцамъ. Эти молодые люди исполняли свои обязанности съ мужествомъ и усердіемъ, въ которыхъ не уступали старымъ солдатамъ. Вскорѣ форты исчезли и остались однѣ пушки. Ни одна не дрогнула и онѣ продолжали отвѣчать на непріятельскіе выстрѣлы съ быстротой и ловкостью, дѣйствительно изумительными въ такихъ неопытныхъ людяхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы египтяне были менѣе добросовѣстны и привели въ исполненіе нѣкоторыя необходимыя работы, а также поставили всѣ имѣвшіяся у нихъ пушки, то отпоръ былъ-бы несравненно продолжительнѣе, и англійская эскадра не отдѣлалась-бы такъ легко. Но что могли сдѣлать люди, дравшіеся на открытои мѣстѣ и съ такими недостаточными средствами противъ громадной артиллеріи, защищаемой стѣнами неуязвимыхъ броненосцевъ? Тѣмъ не менѣе, и этимъ послѣднимъ причиненъ былъ не малый вредъ. Одинъ англійскій корветъ долженъ былъ выбыть изъ строя. Потери въ людяхъ была также значительна со стороны англичанъ, такъ какъ море выбросило большое число труповъ офицеровъ и матросовъ, убитыхъ во время боя.

Въ сущности, англійскій адмиралъ, приступая къ бомбардировкѣ, зналъ напередъ, что будетъ стрѣлять почти по трупу. Но это полуживое тѣло, вопреки всѣмъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ, все-таки сумѣло спасти честь египетскаго оружія.

V.

Огонь продолжался отъ 7 часовъ утра до 5 вечера. На слѣдующій день онъ былъ возобновленъ со стороны англичанъ. Египетскіе артиллеристы были большею частью убиты у своихъ орудій. Форты уже перестали отвѣчать. Чего-же ждалъ съ этой минуты англійскій флотъ и почему не приступалъ въ высадкѣ? Безъ сомнѣнія, онъ ждалъ условнаго знака. Возбравшись на террасы, нѣсколько европейцевъ, дѣйствительно, пытались знаками объяснить положеніе города эскадрѣ, броненосцы которой почти касались берега. Англичане не замѣтили этихъ знаковъ, но ихъ замѣтили египтяне. Тогда, всѣ дома, на которыхъ развѣвался какой-бы то ни было флагъ, были немедленно заняты. Прежде всего, раздраженная толпа бросилась на домъ іезуитовъ. Двухъ монаховъ и четырехъ слугъ отвели въ полицію. Подобная-же сцена имѣла мѣсто и въ домѣ францисканцевъ. Въ нѣмецкомъ госпиталѣ солдаты ограничились заявленіемъ, что пришли отъ имени «великаго паши» съ приказомъ немедленно снять всѣ флаги, такъ какъ они служатъ сигналами для англичанъ.

Между тѣмъ, войскамъ отданъ былъ приказъ очистить городъ. Англичане, однако-же, все-таки не высаживались, и гранаты продолжали сыпаться дождемъ и не только на давно умолкшіе форты, но и на самый городъ. Въ европейскій госпиталь, гдѣ, вмѣстѣ съ сестрами милосердія, находилось 60 больныхъ и 83 человекъ дѣтей, упала граната, пролетѣвшая чрезъ дортуаръ сестеръ, по счастью бывшій въ ту минуту пустымъ, и остановилась, не лопнувъ, въ нижнемъ этажѣ. На зданіи, между тѣмъ, развѣвался флагъ краснаго креста и полумѣсяца. Нѣмецкій госпиталь до такой степени изрытъ бомбами, что его придется очистить. Англійская церковь также получала свою долю гранатъ. По словамъ директора англо-египетскаго банка, оставшагося тамъ, чтобы охранять кассу, «ядра свистѣли у насъ надъ головами безъ перерыва». Можно предположить, что эти снаряды попадали въ европейскій кварталъ нечаянно. Что касается арабскаго квартала, то его бомбардировали по всѣмъ правиламъ. Вначалѣ, даже англійскія газеты сообщали, что нѣсколько тысячъ человекъ, женщинъ и дѣтей было убито бомбами, которыя естественнымъ образомъ и зажигали этотъ не-

счастный кварталъ. Солдаты пытались тушить пожаръ, но это оказалось невозможнымъ, и городъ предоставленъ былъ своей несчастной судьбѣ.

Еще одна, не лишенная значенія, подробность.

Мы уже упоминали ранѣе, что англичане отказались прислать представителей въ учрежденный надъ мятежниками 11-го юня судъ. Они сдѣлали болѣе. Во время бомбардировки, англійскій адмиралъ велѣлъ стрѣлять по кораблю, гдѣ содержались эти мятежники, и нѣсколько человекъ было убито, между тѣмъ, какъ другіе разбѣжались. Трудно повѣрить, что снаряды адмиральскаго корабля были направлены такимъ образомъ, съ простою цѣлью даровать свободу этимъ плѣнникамъ; не слѣдуетъ-ли скорѣе предположить, что англичане имѣли при этомъ другую, болѣе макіавелистическую цѣль, на примѣръ: доставленіе поддержки контингенту мятежнической арміи. Во всякомъ случаѣ, подъ этимъ скрывается тайна, которую поспѣшило-бы разсвѣять каждое правительство, дорожащее уваженіемъ къ себѣ и сознающее свою безупречность.

Какъ и слѣдовало ожидать, сцены предъидущаго мѣсяца возобновились съ большимъ еще ужасомъ. Въ то время, какъ горѣлъ арабскій кварталъ, зажженный англійскими гранатами, арабы отравились поджигать европейскій кварталъ одновременно на нѣсколькихъ пунктахъ. Мы отказываемся описывать послѣдовавшія затѣмы сцены.

Иностранцы, съ своей стороны, подготовились на этотъ разъ къ отпору. Но ихъ оставалась ничтожная горсть. Нѣкоторые организовали патрули, съ цѣлью остановить дѣйствіе пламени и въ надеждѣ увидѣть, наконецъ, англійскій десантъ. Однако, войска не показывались, а пожаръ быстро распространялся отъ дома къ дому, изъ улицы въ улицу. Нѣсколько семействъ укрылись въ англо-египетскомъ банкѣ, въ томъ числѣ пятнадцать женщинъ и шесть дѣтей. Опасность росла и мужчины рѣшили, во чтобы-то ни стало искать убѣжища на морѣ. 13-го числа, рано утромъ, поставивъ въ середину женщинъ и дѣтей, они въ боевомъ порядкѣ направились къ гавани по выжженнымъ улицамъ и трупамъ, рѣшившись какъ можно дороже продать свою жизнь и жизнь оберегаемыхъ ими женщинъ и дѣтей. Они прибыли, однако, къ мѣсту назначенія безъ препятствій и даже имѣли возможность подобрать по дорогѣ нѣсколько другихъ семействъ, оставшихся до тѣхъ поръ въ своихъ жилищахъ. Въ гавани они нашли лодки, на которыхъ и отплыли къ флоту. Одинъ изъ этихъ людей, французскій журналистъ Рансонъ, велѣлъ доложить о себѣ англійскому адмиралу. Лордъ Сеймуръ казался крайне изумленнымъ, узнавъ, что въ Александріи не осталось ни одного солдата и что высадка какой-нибудь сотни че-

ловѣкъ оказалась-бы достаточной, чтобы спасти городъ еще накануне отъ ужасающей катастрофы, причиненной бомбардированіемъ. Англійскій контролеръ Кольвенъ утверждалъ на это, что его собственныя свѣдѣнія не совпадаютъ съ этими и что еще 6,000 солдатъ занимаютъ нѣкоторые форты и баррикады построены на нѣкоторыхъ пунктахъ. «Мы не располагаемъ достаточными силами, чтобы рѣшиться на высадку», заключилъ онъ.

Адмиралъ размышлялъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, затѣмъ позвалъ одного изъ офицеровъ и велѣлъ ему предложить волонтерамъ отправиться на берегъ для проверки сообщеній Рансона. Явилось двѣсти пятьдесятъ человекъ и въ 9 часовъ утра высадились на двухъ различныхъ пунктахъ. Англійскимъ морякамъ пришлось обмѣняться хотъ немногими выстрѣлами съ бродившими кое-гдѣ солдатами. Эта высадка, которую въ разсказахъ, исходившихъ изъ англійскихъ источниковъ, называли «отважнымъ предпріятіемъ», стоила двухъ раненыхъ морякамъ эскадры. Небольшой десантный отрядъ остался на первоначально занятыхъ позиціяхъ и не вошелъ въ городъ.

Видя все это, французскій журналистъ предложилъ поручику, командовавшему отрядомъ, что онъ войдетъ одинъ въ городъ, на свой собственный страхъ. Полчаса спустя, Рансонъ вернулся здоровъ и невредимъ, держа за воротъ какого-то человѣка, нагруженнаго награбленными вещами. Это былъ одинъ изъ каторжниковъ, которымъ англійскія гранаты возвратили свободу. «Вотъ негодяи, которымъ принадлежитъ въ настоящую минуту Александрія», сказалъ онъ. «Неужели вы оставите ихъ еще долго грабить, рѣзать и жечь?» Доказательство было слишкомъ категорично для того, чтобы англичане могли продолжать свои благоразумныя колебанія. Моряки вошли въ городскія ворота, выстроившись въ два ряда и сопровождаемые митральезой, которая открывала огонь по всему, что представлялось на пути.

На другой день, въ пятницу, оккупация Александрии совершилась. Повсюду горѣло; вся европейская часть города исчезла въ пламени. Зрѣлище было ужасно, говоритъ очевидецъ; «вокругъ насъ виднѣлись только догоравшіе дома, которые обрушивались, такъ что часто приходилось дѣлать большіе обходы, чтобы имѣть возможность пробраться; повсюду гниющіе трупы; изрѣдка попадался живой человѣкъ, кромѣ матросовъ, стоявшихъ на часахъ, да стаи собакъ, нерѣдко занятыхъ пожираніемъ труповъ. Не думаю, чтобы, со времени взятія Магдебурга Тилліемъ, повторялось что-нибудь подобное этимъ сценамъ ужаса».

VI.

Одновременно со вступленіемъ въ Александрію англичанъ, и «законный государь» покинулъ Рамлэ, чтобы посѣтить свой добрый городъ. На пути, не разъ раздавались у него въ ушахъ крики: «да здравствуетъ Араби!» «долой Тевфика!» «Иди смотришь на дѣло англичанъ», говорили мужчины, не поднимаясь съ цыновокъ. «Ты ихъ призывалъ, ты долженъ быть доволенъ». «Зачѣмъ не задушили его!» восклицали женщины, лежавшія на дорогѣ, безъ малѣйшаго лоскута одежды. Дѣйствительно, Араби было предложено задушить хедива въ день очищенія Александріи египетскими войсками. Это было весьма нетрудно въ ту минуту, когда Тевфикъ находился въ Рамлэ и былъ совершенно у него въ рукахъ. «Нѣтъ», отвѣчалъ Араби: «предоставимъ его своей судьбѣ. Мы египтяне, крестьяне или воины, а не убійцы».

VII.

Овладевъ городомъ, къ англичанамъ вернулась вся энергія, оставившая ихъ, когда приходилось покинуть броненосцы и ступить на берегъ, гдѣ стояли беззащитные форты съ исчезнувшимъ гарнизономъ. Первой заботой ихъ было учредить военный судъ, который долженъ былъ судить огульно поджигателей, мародеровъ, а такъ-же и шпионовъ. Подъ этимъ именемъ подразумѣвались всѣ тѣ, кто подозрѣвался въ добромъ расположеніи къ Араби. Чтобы настроить умы въ пользу хедива, туземцевъ арестовывали и заставляли кричать: «да здравствуетъ Тевфикъ!» Кто отказывался, того разстрѣливали. Для менѣ важныхъ преступленій назначались каторжныя работы, сопровождаемыя извѣстнымъ количествомъ ударовъ веревкой. Вотъ какимъ образомъ практиковалось это послѣднее наказаніе. Приговореннаго клали на землю, продвѣвая ноги въ деревянные тиски, которые держали за оба конца двое сторожей, между тѣмъ, какъ двое другихъ держали за руки.

Вначалѣ находили весьма изобрѣтательнымъ заставлять наказывать самихъ туземцевъ. Но затѣмъ были замѣчены нѣкоторыя неудобства. Одинъ корреспондентъ передаетъ подробности экзекуціи, на которой имѣлъ случай присутствовать. Били по подошвамъ. При первомъ ударѣ, наказываемый, у котораго, по увѣренію корреспондента, подошвы были такъ-же тверды, какъ лошадиныя копыта, жалобно завопилъ. При пятнадцатомъ ударѣ, онъ уже ничего не говорилъ. Послѣ двадцать четвертаго, его отвязали и онъ

спокойно усѣлся въ уголь, проклиная своихъ палачей и христіанъ вообще. Минуту спустя, солдатъ, производившій экзекуцію, прошелъ около него и сдѣлалъ знакъ, казалось, говорившій: «А это стоитъ рюмочки!» На что тотъ отвѣчалъ другимъ, утвердительно-нымъ знакомъ: «Да, ты ее заслужилъ».

Въ настоящее время англичане взяли сами за экзекуціи. Съ нами уже не будутъ плутовать, какъ съ полицейскими. Они не щадятъ ни одной части тѣла и бьютъ крѣпко. Тотъ-же корреспондентъ присутствовалъ на сѣченіи, производившемся на новыхъ основаніяхъ. При третьемъ ударѣ, плечи и поясница несчастнаго представляли сплошную и залитую кровью язву, а самъ онъ лишился чувствъ. Ему предстояло получить двѣнадцать ударовъ и онъ ихъ всѣ получилъ.

Между тѣмъ, жить въ Александріи съ каждымъ днемъ становилось труднѣе. Каналъ Махмудіэ былъ отрѣзанъ Араби и англичанамъ грозила смерть отъ жажды. Чтобы избѣжать ея, стояло только схватить этого разбойника. Но и на это нужна была рѣшимость.

Едва успѣли нѣсколько успокоиться въ Александріи, какъ уже приходилось изъ нея уходить, притомъ и не слишкомъ теряя время, подъ страхомъ очутиться въ одно прекрасное утро запертыми въ мышеловкѣ.

Наконецъ, рѣшеніе было принято. Къ несчастію, успѣхъ не отвѣчалъ добрымъ намѣреніямъ. Сколько попытокъ, столько было и неудачъ для англичанъ, между тѣмъ, какъ египтяне все болѣе и болѣе укрѣплялись и растягивали свою льнію защиты.

Въ виду такого положенія и постоянно возростающей дерзости Араби, Англія рѣшилась на отчаянное усиліе. Собравъ всѣ свои военныя силы отъ береговъ Инда до Темзы, ей удалось составить контингентъ, равнявшійся, какъ увѣряли, 18,000 человѣкамъ. Для командованія этою арміею она выбрала, само собою разумѣется, цвѣтъ своихъ генераловъ.

Сэръ Гервету Уольсли не было двадцати лѣтъ, какъ онъ уже взялъ приступомъ какой-то сарай, который въ донесеніи торжественно названъ былъ редутомъ. Далѣе, онъ отправился въ Индію, гдѣ истреблялъ бунтовщиковъ, затѣмъ въ Канаду, откуда вывезъ престлестную туземку, сдѣлавшуюся его женой. Позднѣе мы встрѣчаемъ его на Золотомъ берегу. Какъ видите, это превосходный пѣшеходъ, такъ, что ашантіи не называли его иначе, какъ „человѣкомъ, который не останавливается“. Говоря о немъ, одна газета выражалась слѣдующимъ образомъ: „Нельзя сказать, что фортуна спустилась къ нему во снѣ, потому что онъ ни разу не спалъ, съ тѣхъ поръ, какъ поступилъ въ военную службу“. Понятна послѣ этого

изумительная быстрота, которую придалъ военнымъ дѣйствіямъ прїѣздъ этого необыкновеннаго человѣка въ Египетъ. Каждое утро, въ теченіи восьми дней, развертывая газеты, я встрѣчалъ, повидимому, непачущія, но на самомъ дѣлѣ многозначительныя строки: „Войска генерала Уольсли вступили въ періодъ военныхъ дѣйствій“. Съ той минуты, какъ эти слова впервые явились въ печати, я предоставляю читателю судить о пройденномъ затѣмъ пути; самъ-же отказываюсь и вотъ почему:

Сэръ Гэрнетъ Уольсли, подобно Веллингтону, ученикомъ котораго себя считаетъ, стремясь, однако-же, его превзойти, питаетъ къ печати далеко не дружелюбныя чувства. «Величайшій бичъ для войска во время похода», сказалъ онъ, это — репортеры. Онъ охотно упразднилъ-бы ихъ, но журналисты, котораго выпроваживаютъ за дверь, кричатъ громче цѣлаго индѣйскаго племени, подвергаемаго рѣзнѣ. Итакъ, не имѣя возможности отъ нихъ избавиться, онъ задумалъ утилизировать ихъ. «Корреспонденты», думалось ему, «служать только для распространенія ложныхъ извѣстій; почему-бы не извлечь выгоды изъ этого зловреднаго учрежденія?»

Еще во время войны съ ашантиями, онъ съ успѣхомъ примѣнялъ такой остроумный маневръ. Такъ какъ въ началѣ экспедиціи лондонскія газеты сильно нуждались въ извѣстіяхъ, то всѣ главные редакторы единогласно стали требовать, чтобы немедленно отправили генералу необходимые полки и... собственныхъ корреспондентовъ.

Я не знаю были-ли посланы полки, но газеты вскорѣ завалены были такою массою извѣстій, которыхъ не доставилъ-бы и десятокъ сраженій въ родѣ Ватерлоо. Эти извѣстія присылались самимъ генераломъ. Всѣ были довольны,—и карманы журналистовъ, наполнившіеся золотомъ, и шовинизмъ Джонъ Булля, убѣдившагося, что Англія снова завоевала себѣ прежній престижъ. Не пришлось тужить и самому сэру Гернету. Онъ однимъ взмахомъ очутился на самой верхней ступени военной славы. Достаточно было для него дать сраженіе беспорядочной толпѣ ашантиевъ, вооруженныхъ плохими и старыми ружьями, чтобы возвыситься до уровня репутаціи величайшихъ полководцевъ. Всѣ увѣровали въ его звѣзду и убѣдились, что если ему удалось сжечь Томазли, то такъ-же легко можетъ онъ, если захочетъ, испепелить Берлинъ или Петербургъ.

Не успѣлъ высадиться генералъ, какъ уже приступилъ къ примѣненію, въ усовершенствованномъ видѣ, той самой системы, которая такъ удалась ему въ первый разъ. Онъ издалъ постановленіе, въ силу котораго корреспонденты и корреспонденціи были поставлены подъ надзоръ и цензуру офицера, назначаемаго ад

нос. Этотъ офицеръ имѣетъ право *измѣнять* въ письмахъ и телеграммахъ, отправляемыхъ въ газеты все, что найдетъ неудобнымъ для англійскихъ интересовъ. Это правило считается обязательнымъ для каждаго корреспондента. Таково воинское оружіе, на которое рассчитываетъ прежде всего сэръ Гэрнетъ, чтобы раздавить солдатъ Араби. Дѣйствительно, способъ этотъ непогрѣшимъ для одержанія побѣдъ... на бумагѣ.

Списокъ побѣдъ открытъ, и за двѣ недѣли, истекшія по прибытіи знаменитаго полководца въ Александрію, онъ значительно пополнился. Первый опытъ его былъ мастерскимъ дѣломъ. Египтяне, завлеченные англичанами изъ своихъ ретраншементовъ, были опрокинуты у Рамлэ вмѣстѣ съ бедуинской кавалеріей и крупновскими пушками.

Проходятъ сутки и дано новое сраженіе, одержана новая побѣда. Два дня сряду, 24-го и 25-го, англійскія войска дрались съ остервенѣніемъ и успѣхомъ. Свидѣтелями блестящаго подвига были селенія: Эль-Магфоръ и Энъ-Магонта, напротивъ Рамзеса. Съ первыми лучами солнца генераль двинулся въ походъ; съ нимъ было не болѣе тысячи человекъ пѣхоты, незначительное количество кавалеріи и 2 пушки. Непрiятель былъ въ десять разъ многочисленнѣе и имѣлъ не менѣе 12-ти пушекъ. Онъ укрывался за чудовищными ретраншементами, въ шесть метровъ высоты и 10 ширины. Въ теченіи пѣлаго дня гранаты не переставали сыпаться на англійскія войска.

Стрѣльба, впрочемъ, была превосходна. Прибавьте къ этому многочисленную кавалерію, между тѣмъ, какъ англійскія лошади, только-что высаженные на берегъ, находились въ плохихъ условіяхъ для атаки. Но, какъ извѣстно,

„A vaincre sans péril, on triomphe sans gloire“.

Этотъ корнелевскій стихъ какъ нельзя болѣе умѣстенъ въ данномъ случаѣ.

Не смотря на столь неравные условія, англійскій генераль не колебался вступить въ рукопашный бой. Онъ боролся въ теченіи 12-ти часовъ, не отступая ни на шагъ; затѣмъ на другой день, при помощи искусно рассчитаннаго фланговаго движенія, ему удалось обойти непрiятеля и безъ церемоніи опрокинуть его въ каналъ Измаилѣфъ. Наконецъ, въ ту минуту, какъ арабисты совершали этотъ опасный скачекъ, англійская кавалерія напала на нихъ съ тыла и довершила торжество генерала Уольсли. Но что дѣйствительно заслуживаетъ удивленія, это то, что не смотря на двухдневный огонь, поддерживаемый десятью тысячами пѣхотинцевъ, не смотря на то, что гранаты сыпались дождемъ и были пре-

восходно направлены, счастливый генераль потерялъ только пять человекъ убитыми, по собственнымъ его словамъ.

Этотъ рядъ счастливыхъ сраженій былъ ничто, однакоже, въ сравненіи съ новыми сюрпризами, приготовленными для публики сэромъ Гэрпетомъ. 26-го августа телеграфъ съ большими подробностями извѣщалъ о взятіи Тэль эль-Кэбирскаго лагеря. На слѣдующій день, англійскій авангардъ вступалъ въ Каиръ, а чрезъ сутки Араби прислалъ парламентаревъ съ предложеніемъ мира.

Никогда и не одна кампанія не была ведена съ такимъ изумительнымъ одушевленіемъ. Ореоль перваго Бонапарта блѣднѣлъ предъ ореоломъ англійскаго генерала. Но какъ объяснить, что, не смотря на всѣ принятыя предосторожности, до насъ дошли нѣкоторыя нескромныя разоблаченія? И при ихъ дуновеніи, пирамида лавровыхъ вѣнковъ, воздвигнутая въ свою честь генераломъ, рухнула и рассыпалась.

Оказывалось, что въ Рамлэ атака англичавъ была просто на просто отражена египтянами и, притомъ, съ большой энергіей. Египетскія пушки дѣйствовали такъ хорошо, что даже блиндированный поѣздъ, о которомъ рассказывали такія чудеса, принужденъ былъ отступить на пятьсотъ шаговъ. Египтяне воспользовались этой минутой, чтобы направить пѣхоту и кавалерію на англійскія войска, разстроенныя артиллеріей. Короче говоря, генераль Вольфъ, командовавшій этими войсками, принужденъ былъ отступить съ ними и остановиться лишь подъ защитой рамлейскихъ батарей.

Уличенный въ явпой «петочности», англійскій генеральный штабъ увидѣлъ себя вынужденнымъ объявить, что атака Рамлэ была лишь отводомъ глазъ, съ цѣлью обмануть Араби и увѣрить его, что его фронтъ подвергнется нападенію по всей линіи, отъ Абукира до Мекса. Столкновеніе оказалось, впрочемъ, полезнымъ въ томъ отношеніи, что позволило убѣдиться въ силѣ египетскихъ войскъ, точности ихъ стрѣльбы и, въ особенности, важности занимаемыхъ ими съ этой стороны позицій. Араби такъ хорошо утвердился въ Кафрѣ-Дуарѣ, что сдѣлалъ изъ своего лагеря настоящую Плевну; убѣдились, что было-бы исполнѣ невозможно атаковать его ливн съ надличными средствами и что необходимо ждать прибытія осаднаго артиллерійскаго парка.

Что касается блестящаго нападенія по направленію къ Рамзесу, которое имѣло въ виду замаскировать сраженіе при Рамлэ и которое имѣло-бы слѣдствіемъ взятіе Эль-Кэбира, то все это низвелось на простую утку. Англійскій генеральный штабъ соблаговолилъ извѣстить насъ теперь, что «слухъ о взятіи Тель-эль-Кэбира должно считать преждевременнымъ». Это до такой степени было преждевременно, что генераль Грагамъ принужденъ былъ отсту-

нить, оставивъ и на этотъ разъ на полѣ сраженія значительное количество убитыхъ и раненыхъ. Рекогносцировка адъютанта генерала Уольсли, тѣмъ не менѣе, оказалась вполне удачной, такъ какъ и здѣсь генераль узналъ, что не можетъ двинуться далѣе, не получивъ подкрѣпленій, и что лагерь Тель-Эль-Кэбиръ такъ-же мало поддается взятію, какъ и Кафръ-Дуарскій. Такимъ образомъ, англичане имѣли предъ собою уже не одну, а двѣ Плевны. Рѣшительно, лучше было-бы «зайти имъ въ тылъ», какъ выражался Гамбетта и отправиться въ Каиръ черезъ пустыню.

Дѣйствительно, чего-же лучше? Однако, неизвѣстно, какимъ образомъ это могло-бы быть приведено въ исполненіе въ такое короткое время. Развѣ по телеграфу... Несбыточность была столь очевидна для всякаго, владѣющаго хотя какими-бы то ни было географическими свѣдѣніями, что всё возопіяли и еще разъ пришлось опровергать то, что сообщалось наканунѣ съ преждевременной поспѣшностью.

А вотъ и другой перлъ: это сраженіе при Гиссасинѣ.

Генералу Грагаму удалось утвердиться въ этомъ мѣстѣ, находящемся по дорогѣ отъ Измаиліи въ Загацигъ, недалеко отъ Тель-Эль-Кэбирскаго лагеря. Утромъ, 28-го августа, египтяне, которые считались окончательно деморализованными, вышли изъ лагеря и напали на англичанъ, не ожидавшихъ такой дерзости. Прежде чѣмъ они успѣли прійдти въ себя отъ удивленія, непріятельская пѣхота развернулась по всей линіи англійскихъ позицій, а батареи открылись и справа, и слѣва. Столкновение было ужасно и сраженіе продолжалось до вечера. Генераль Грагамъ находился въ самомъ критическомъ положеніи, когда англійская кавалерія появилась на флангѣ, скача во весь карьеръ, и выручила генерала. «Въ нѣсколько минутъ», говоритъ депеша главнокомандующаго, «пораженіе было полное и разсѣянный непріятель бѣжалъ со всѣхъ сторонъ, по направленію къ пустынѣ, куда помѣшала преслѣдовать его наступившая темнота». «Войска преслѣдовали бѣжавшихъ съ такимъ пыломъ», сообщаетъ въ телеграммѣ, «что кавалерія перескочила черезъ непріятельскія батареи». Къ несчастію, «когда англійскіе полки вернулись, то въ темнотѣ... не могли отыскать пушекъ».

Такая близорукость, распространившаяся на цѣлый корпусъ, показала совершенно необычнымъ явленіемъ, не смотря на темноту и стали ждать разъясненія. На другой день, дѣйствительно все разъяснилось.

Египтяне не были разсѣяны такъ, что не могли-бы вновь собраться. Выстроивъ свои ряды, они, въ свою очередь, напали на англійскую кавалерію и заставили ее проскочить черезъ батареи еще быстрѣе, чѣмъ то сдѣлано было въ первый разъ. Была минута, когда неурядица въ англійскихъ рядахъ дошла до того, что

бедуины добрались до походнаго госпиталя и убили главнаго доктора. Въ заключеніе, генераль Грагамъ, послѣ новаго боя, продолжавшагося цѣлую ночь, долженъ былъ очистить позицію.

Не смотря на обиліе и точность подробностей, англичане забыли, однако-же, сообщить нѣкоторые, не лишеныя, однако-же, интереса, факты. Мы укажемъ, на примѣръ, хотя-бы на конфискацію и отміну транзита на Суэцкомъ каналѣ, что нельзя не назвать безпримѣрнымъ, чисто-пиратскимъ поступкомъ. О немъ узнали мы только изъ протеста Лессепса. По крайней мѣрѣ, они могли заплатить за свой проѣздъ, что также забыли сдѣлать.

Жиза.

НЕКРОЛОГЪ С. С. ШАШКОВА.

Въ среду, 18 августа, было получено письмо изъ Новгорода отъ А. С. С., съ просьбой отъ Шашкова „навести справки— не возвратился-ли д-ръ Бѣлоголовый и если возвратился, то просить его немедленно пріѣхать въ Новгородъ“.

И раньше отъ Шашкова бывали подобныя просьбы, — онъ болѣлъ уже лѣтъ семь, — такъ что начало письма не давало повода къ опасеніямъ; но тревожный конецъ его заставлялъ думать, что на этотъ разъ положеніе больного серьезнѣе, чѣмъ обыкновенно. „Ради Бога, писалъ С., сдѣлайте что нибудь для этого человѣка. Пускай, умирая, увидить, покрайней мѣрѣ, что жена его и дѣти остались въ средѣ людей, которые сдѣлали все, чтобы принести пользу умирающему и готовы сдѣлать все, отъ нихъ зависящее, для пользы остающихся несчастныхъ сиротъ“.

Справки были сдѣланы сей-часъ-же, послаланы телеграммы о высылкѣ денегъ и письмо съ просьбой успокоить больного, какъ относительно его будущаго, такъ и судьбы его семейства.

Въ Петербургѣ люди близкіе къ Шашкову все еще сомнѣвались въ серьезной опасности, и даже послѣ новаго письма изъ Новгорода не вѣрили, что смерть уже стоитъ надъ больнымъ. „Надежды на улучшеніе его здоровья, писалъ г. С., по мнѣнію нашихъ докторовъ, никакой. Смерть его неминуемая: это пока только вопросъ времени“.

Но вотъ, 28 августа въ 10 ч. вечера, приходитъ телеграмма: „Серафимъ Шашковъ скончался сегодня вечеромъ въ 7 часовъ“ ...

Вотъ уже болѣе десяти лѣтъ, какъ Россія хоронитъ писателей изъ той „славной стаи“, о которой скоро сохранится только преданіе.

Время это не было простымъ увлеченіемъ; нѣтъ, то было время серьезной и трудной умственной работы, серьезнаго исканія выхода изъ гнетущаго, убивающаго, мертвящаго сна, отъ котораго насъ разбудила Севастопольская катастрофа. Всѣ чувствовали, что по старому жить нельзя, что нужно обновить все содержаніе внутренней жизни и измѣнить ея внѣшнія формы. Въ этомъ порывѣ, полномъ энтузіазма и вѣры, было меньше всего легкомыслія, какъ это потомъ стало казаться.

Передъ Россіей стояли практическія задачи такого широкаго общественнаго обновленія, что выходить на путь реформъ нужно было во всеоружіи знанія и съ всестороннимъ общественнымъ развитіемъ, а не съ прежнимъ пустымъ умственнымъ арсеналомъ.

Въ такой моментъ общей готовности учиться и думать писатель-публицистъ долженъ былъ занять первенствующее общественное положеніе — и онъ его дѣйствительно занялъ, окруженный ореоломъ учителя, проповѣдника и пророка.

Это идейное служеніе высшимъ интересамъ жизни и руководящая общественная роль создали надъ писателемъ-публицистомъ ореолъ нравственной чистоты и извѣстной святости. Теперь большинства этихъ писателей уже нѣтъ въ живыхъ и даже живые не живы; но тѣмъ чище ихъ идейный образъ и тѣмъ святѣе ихъ память.

Служеніе идеѣ и убѣжденіе въ чистоту и общественное благо этого служенія придавало писателю особую силу и поднимало его въ собственныхъ глазахъ, дѣлало его нравственнѣе, строже къ самому себѣ, чище въ мысляхъ, благороднѣе въ чувствахъ.

Нравственный обликъ такихъ людей, возведенныхъ въ идею, помимо обаянія, которое они производили, служилъ еще путеводящей силой, увлекавшей за собой всѣхъ, кто чувствовалъ въ себѣ готовность служить тому-же общему благу и идти слѣдомъ за своими учителями.

Теперь, когда исчезли въ обществѣ прежнія задачи, когда сдузились общественныя стремленія, когда поэтому долженъ былъ упасть и упалъ умственный уровень общества, роль людей изъ „славной стаи“ оказывается отыгранной...

Шашковъ, по времени и по стремленіямъ, принадлежалъ къ той-же „стаѣ“; онъ былъ проникнутъ идеей о своей обществен-

ной миссіи и надъ нимъ тоже носился ореоль нравственной чистоты, который окружалъ лучшихъ писателей его времени.

Сознаніе святости своего служенія проникало все нравственное существо Шашкова. Это былъ глубоко правдивый и честный человѣкъ, твердый и послѣдовательный въ своихъ убѣжденіяхъ. Съ полнымъ правомъ онъ говоритъ о себѣ въ одномъ посмертномъ письмѣ: „все время я служилъ дѣлу правды и свободы“.

Мы получили коротенькую авто-біографію Шашкова, но не помѣщаемъ ее теперь потому, что хотѣли пополнить ее другими свѣдѣніями, которыя-бы дали читателю болѣе полный, законченный образъ Шашкова, какъ писателя и человѣка.

Для друзей Шашкова, принимающихъ участіе въ судьбѣ его семейства, прибавимъ, что Комитетъ Литературнаго фонда, назначилъ вдовѣ покойнаго пенсію.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ КНИЖКИ.

- Мирныя времена. Романъ въ 3-хъ частяхъ. (Конецъ 1-й части). . . *А. И. Пальма.*
- Съ низовьевъ Дона. (Путевыя замѣтки). (Продолженіе). *Кольцова.*
- Послѣдніе гуманисты. Историческій романъ. (Главы X—XV). *Адольфа Штерна.*
- Джузеппе Гарибальди. Біографическій очеркъ. *С. Горскаго.*
- Изъ Джакометти. (Съ итальянскаго). Стихотвореніе. *С. Надсона.*
- Послѣднія времена. Изъ записокъ степняка). *А. Эртеля.*
- Торквемада. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ съ прологомъ. Виктора Гюго. Въ стихахъ. Переводъ . . . *Д. Минаева.*
- Золотой фонтанъ. Романъ. (Главы XXV—XXX) *Бенито Переса Гальдоса.*
- На закатѣ. Стихотвореніе. *М. Соймонова.*
- Изъ калифорнійской жизни. 1) Золото. 2) Дорожные агенты. . . . *Джона Габбертона.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Хозяйственная дѣловитость. *М. Протопопова.*
- По поводу изученія русской артели. *Ө. Остроумова.*
- Новыя книги.
- Внутреннее обозрѣніе *Н. Ш—а.*
- О томъ, какъ баранъ сдѣлался львомъ. (Политическая и общественная хроника) *Жика.*
- Некрологъ С. С. Шашкова.
-

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“.

Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова. Съ портретомъ, біографіей автора и предисловіемъ Н. В. Шелгунова. Изданіе Е. А. Благосвѣтловой. Цѣна 3 руб. 50 коп., съ пересылкою 4 руб.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. *Карла Реклама*. Перев. съ нѣмецк. Изданіе пятое. 1883 г., съ приложеніемъ „Военной гигиены“ д-ра Веймана. Съ рисунками. Цѣна 2 руб., съ пересылкой 2 р. 30 к.

Спартакъ. Историческій романъ *Рафаэля Джіованіоли*. Переводъ съ итальянскаго. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 р. 30 к.

Избранныя рѣчи *Джона Брайта*. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ *Фр. Шлимагена*. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Девяносто-третій годъ. Романъ *В. Гюю*, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

Современныя политическія дѣятели. (Біографіи и характеристики). *Э. Реклю* (М. Триго). Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старика. Политическій романъ *Ипполита Ньвео*. Перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. *Дж. Ст. Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Іог. Шерра: „Историческіе женскіе типы“. Изданіе второе. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к.

Автобіографія *Джона Стюарта Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 руб. 20 коп., съ перес. 1 р. 50 к.

Витъ общественныхъ интересовъ. Романъ *П. Лятнева*, изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р., 50 к., съ перес. 2 р.

Американка. Романъ *Луизы Алякотъ*. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. *В. М. Флоринскаго*. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Сочиненія *Ф. М. Толстого*. (Повѣсти и рассказы), съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома. Цѣна 1. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. *Н. Потьмина*. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военного. Беллетристические очерки, рассказы и картины из военной быта. *Д. Гирса*. Цѣна 1 р. 60 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. *Ж. Верна*. Переводъ съ французскаго. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ *Антони Троллопа*. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Идиотизмъ и тупоуміе. Соч. д-ра *И. П. Айрленда*, съ предисловіемъ проф. Мержеевского. Переводъ съ англійскаго д-ра Томашевскаго, съ рисунками и генеалогическими таблицами. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 руб.

Происхожденіе чловѣка и половой подборъ. *Чарльса Дарвина*. Перев. съ англ., подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна трехъ выпускамъ 5 р., съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки *Альфреда Росселя Валласа*. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Вопросы общественной гигиены. *В. О. Португалова*. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра *Жюль Сира*. Перев. съ французскаго, подъ редакціею А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологіи. *Т. Гексли*. Перев. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. *Гот. Шерра*. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмецк. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра *В. Циммермана*, составл. по гѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Перев. съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна трехъ выпускамъ 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала «ДѢЛО» уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки).

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. И. МАМОНТОВА

(Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Фирсанова, бывший А. И. Глазунова. С.-Петербургъ, Большая Садовая, противъ Гостиного Двора, № 12)

за послѣднее время поступили въ продажу слѣдующія новыя книги:

1. БОЯРСКАЯ ДУМА ДРЕВНЕЙ РУСИ. В. Ключевскаго. М. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.
2. СОБСТВЕННОСТЬ И ГОСУДАРСТВО. Б. Чичерина. Часть I. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.
3. ВСЕОБЩАЯ ИСТОР. ЛИТЕРАТУРЫ. Составл. при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ подъ редакц. В. Корша. Вып. XV. Сиб. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
4. СКОБЕЛЕВЪ, личныя воспоминанія и впечатлѣнія. В. И. Невмировича-Данченко. Ц. 2 р., съ перес. 2¹/₂ р. 50 к.
5. ОЧЕРКЪ КУСТАРНЫХЪ ПРОМЫСЛОВЪ сѣвернаго Кавказа съ описаніемъ техники производства. Составилъ по матеріаламъ, собраннымъ А. В. Золотаревымъ и др., О. В. Маргграфъ. М. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
6. ОСНОВЫ РЕФОРМЪ мѣстнаго и центрального управленія. Сост. О. К. Нотовичъ. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
7. НОТАРІАЛЬНОЕ РУКОВОДСТВО. Систематическій сборникъ узаконеній, относящихся до нотаріальной части, съ разъясняющими ихъ рѣшеніями Государственнаго совѣта и Сената стараго и новаго устройства. Съ приложеніемъ программы вопросовъ для изученія нотаріальной части, постатейнаго указателя и различныхъ формъ и образцовъ. Сост. нотаріусъ Ив. Дмитревскій. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 75 к.
8. КРАТКІЙ КАТЕХИЗИСЪ ДЛЯ МАТЕРЕЙ И КОРМИЛИЦЪ. Сост. докт. мед. Фейгинъ по руководству къ «Дѣтской Гигіенѣ» клиническаго профессора въ Нью-Йоркѣ докт. А. Якоби, Спб. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.
9. КРАСНЫЙ КРЕСТЪ въ тылу дѣйствующей арміи. Отчетъ главноуполномоченнаго Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ Н. Абаза. Т. II. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
10. 25 ЛѢТЬ РУССКАГО ИСКУССТВА (1855—1850). Иллюстрированный каталогъ художественнаго отдѣла Всероссийск. выставки въ Москвѣ 1882 года, содержащій болѣе 250 снимковъ, изъ которыхъ около 150 оригинальныхъ рисунковъ художниковъ. Сост. Н. П. Сопко. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

11. ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ или русскіе въ 1812 году. Историческій романъ въ 3-хъ част. М. Н. Загоскина. Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
12. „КУДЕЯРЪ“. Историческая хроника. Н. И. Костомарова. Спб. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.
13. КНЯЖНА ВЛАДИМІРСКАЯ (Тараканова). Историческій романъ въ 4-хъ частяхъ. А. Шадрина. Спб. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.
14. СОЛОВЬЕВА В. Царь-дѣвица. Романъ-хроника XVII вѣка въ трехъ частяхъ. Спб. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.
15. ДОСТОЕВСКАГО Ѳ. М. «Бѣсы», романъ въ 3 частяхъ. Спб. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.
16. СБОРНИКЪ пословицъ, поговорокъ, примѣтъ и проч. (Русско-народная философія). Составилъ отшельникъ Мери-Хови. Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
17. ДУМЫ и ПѢСНИ. Стихотворенія Н. В. Майскаго. Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
18. МАВРЪ ЮКАЙ. «Золотой человѣкъ», романъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.
19. ГУСТАВЪ ФЛОБЕРЪ. Саламбо. Историческій романт. Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.
20. ПАЛЬШАУ А. Элементарная теорія сопротивленія матеріаловъ и расчетъ деталей машинъ, съ 7 таблицами чертежей для реальныхъ училищъ. Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
21. ЕВСѢНКО С. «Ветеринарная Медицина и Ветеринарные врачи». Спб. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
22. ЗОЛОТАЯ РЫБКА. Сказочная быль въ стихахъ (изъ жизни крестьянскаго мальчишка). Изданіе 2. М. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.
23. КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА. А. С. Пушкина. Для перевода на нѣмецкій языкъ снабдилъ примѣчаніями и словаремъ Х. Ауссемъ. М. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.
24. УЧЕБНИКЪ АРИѲМЕТИКИ (въ объемѣ курса младшихъ классовъ гимназій). Сост. В. Латышевъ. Спб. Ц. 35 к., съ перес. 50 к.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются немедленно и аккуратно. Кромѣ упомянутыхъ книгъ, магазинъ высылаетъ всѣ, какъ прежде вышедшія, такъ и вновь выходящія, по цѣнамъ, гдѣ-бы и гдѣ-бы то ни было опубликованнымъ.

Корженевскій
 Книжный магазинъ
 Херсонъ

50237

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція просить гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было-бы адресовать прямо книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что Газетная Экспедиція петербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненій изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильного почтового приѣма и отвѣтственного почтового учреждения.

2) Когда книга журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходитъ по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ.

3) При перемѣнахъ адреса необходимо сообщать старый печатный адресъ бандероли или-же нумеръ билета. При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса редакція проситъ прилагать три почтовыхъ семи-копѣечныя марки за напечатаніе новаго адреса.

4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ-же иногороднаго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресовъ адресуются исключительно въ контору редакціи журнала „Дѣло“.

6) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получать отвѣты.

7) Рукописи, признанныя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ „Дѣло“, а равно и рукописи напечатанныхъ статей, хранятся въ конторѣ редакціи не болѣе года и затѣмъ, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція не входитъ ни въ какія письменныя объясненія, хотя-бы и были приложены для этого почтовые марки.

8) Высылка рукописей иногороднымъ возможна только въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы будутъ представлены въ редакцію деньги соразмѣрно стоимости пересылки.

9) Для личныхъ объясненій съ редакціей просятъ обращаться въ главную контору журнала „Дѣло“ по субботамъ отъ 2—5 часовъ, по Надеждинской ул., № 39.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ДЪЛО“

въ 1882 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи
журнала „Дѣло“ (по Надеждинской улицѣ, д. № 39).

Редакція считаетъ себя отвѣтственной за правильную и своевременную
высылку журнала только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, ко-
торые подпишутся по указанному выше адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „Дѣло“.

Безъ пересылки и доставки	15 р. 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	16 „ —
Съ пересылкою иногороднымъ	17 „ —
„ за границу, во всѣ госу- дарства, не исключая Сербіи, Румыніи и Болгаріи	19 „ —

Издатели: насл. Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА, Редакторъ Н. ШЕЛГУНОВЪ.

Widener Library

3 2044 079 302 774